

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. А. ГОЛОБУЦКИЙ

ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ 1956

ОТ АВТОРА

Казачество сыграло видную роль в феодальный период истории нашей страны. Зародившись на рубеже XV—XVI вв. в ходе борьбы народных масс против усиливающегося крепостнического гнета, оно прошло сложный путь развития.

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена тому периоду в истории нашей Родины, когда уже отчетливо наметились признаки разложения, а затем и кризиса феодально-крепостнического строя. Применительно к истории запорожского и черноморского казачества этот период охватывает последние десятилетия Запорожской Сечи (упразднена в 1775 г.) и все время существования Черноморского казачьего войска (1787—1860 гг.), образованного из бывших запорожцев. В 1860 г. Черноморское войско было преобразовано в Кубанское казачье войско.

Проблема разложения феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма — последней эксплуататорской формации — одна из важнейших в советской историографии. Она не может быть разрешена без учета особенностей социально-экономической истории отдельных районов России, в частности тех ее окраин, которые были заселены казаками.

Главное внимание в настоящей работе автор уделяет вопросам социально-экономической истории черноморского казачества.

ВВЕДЕНИЕ

История казачества, в том числе запорожского, давно привлекает к себе внимание. Заметный интерес к ней проявляла украинская и русская дворянская историография уже во второй половине XVIII в. Это было обусловлено важными явлениями в социально-экономической жизни украинского и русского общества. В результате развития в нашей стране товарно-денежных отношений наметились отчетливые признаки разложения феодально-крепостнической системы. Стремясь приспособиться к новым условиям, русские и украинские помещики усиливали эксплуатацию и закрепощение крестьянства. Украинская казацкая старшина, превратившая к этому времени значительную часть крестьян и казаков в своих подданных, добивалась от царского правительства уравнивания в правах с русским дворянством. Это требование подсказывалось стремлением обеспечить условия для еще большего закрепощения и угнетения народных масс Украины.

В такой обстановке идеологи казацкой старшины и украинского шляхетства спешили «обосновать» свое право на дворянские привилегии ссылкой на историю. П. И. Симоновский¹, а вслед за ним анонимный автор «Истории Русов или Малой России»² пытались распространить мысль о том, что украинское казачество возникло в глубокой древности в виде военной организации наподобие «ордена «Святого Иоанна»³ и в качестве «рыцарского сословия» пользовалось привилегиями сначала (до воссоединения Украины с Россией) польского шляхетства, а затем русского дворянства. При этом под «рыцарством» Симоновский и автор «Истории Русов» подразумевали лишь верхушку реестрового казачества —

¹ П. И. Симоновский, Краткое описание о козацком малороссийском народе, М., 1847. Это произведение П. И. Симоновский закончил в 1765 г.

² История Русов или Малой России, М., 1846.

³ П. И. Симоновский, Указ. соч., стр. 3—4.

старшину. Что же касается вопроса, как и при каких условиях возникло и какую роль играло запорожское казачество, не принадлежавшее к привилегированной старшине, идеологи украинского шляхетства предпочитали либо умалчивать, либо подчеркивать, что запорожские казаки не имеют никакого отношения к казацкому «рыцарству».

Наступление крепостников на крестьянство и казачество вызвало ряд бурных восстаний народных масс. Самым крупным из них была крестьянская война под руководством Е. Пугачева (1773—1775 гг.). Хотя восстание и было подавлено, оно нанесло сильный удар по феодально-крепостнической системе. Чтобы укрепить господство крепостников, царское правительство усилило репрессии по отношению к народным массам. Одним из правительственных мероприятий в этот период было наступление на трудовое казачество. Последнее подверглось притеснениям и преследованиям. В 1775 г. правительство уничтожило Запорожскую Сечь, в которой русские и украинские крепостники усматривали особенно опасной для себя очаг антифеодального протеста.

В этот период появляется ряд сочинений¹, целью которых было оправдание крепостнической политики правительства в отношении народных низов, в том числе запорожского казачества. Среди авторов этих сочинений едва ли не первое место принадлежит А. Ригельману². Ригельман сделал попытку подвергнуть пересмотру все высказанные до него взгляды на историю запорожского казачества и заявил, что оно возникло как организация беглых крепостных и поэтому не имеет права на существование в дворянском государстве. Ригельман с наибольшей отчетливостью выразил отношение крепостников к казачеству.

Таким образом, украинская и русская дворянская историография XVIII в. в своих попытках поставить и решить проблему истории запорожского казачества исходила из своих узкокорыстных, сословных интересов. Методологическая несостоятельность ее, классовая ограниченность дворянских историков исключали возможность правильного разрешения проблемы происхождения и исторической роли запорожского казачества.

Не меньшую беспомощность обнаружила дворянская историография и в XIX в. Один из эпигонов ее А. Скальковский³ продолжал уже в других исторических условиях (30—90-е годы XIX в.) развивать взгляд на казачество как на военное и в то же время монашеское братство. Говоря о запорожском войске, он уподоблял его организацию рыцарским монашеским орденам западноевропейского средневековья. При этом главной исторической миссией

¹ С. Мышецкий, История о казаках запорожских, М., 1847; Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г. Ф. Миллера, М., 1846.

² Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. Собрал и составил А. Ригельман, М., 1847 (далее Летописное повествование).

³ А. А. Скальковский, История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, ч. I, II, III, Одесса, 1885.

казачества по Скальковскому была борьба с неверными за утверждение православия, а вместе с тем и самодержавия на востоке Европы. Из взгляда на казачество как на военно-монашескую аскетическую организацию следовал вывод о том, что все запорожские казаки были членами братства, основой которого являлась общность имущества¹.

Архиреакционные взгляды А. Скальковского на казачество оказали заметное влияние на украинскую буржуазно-националистическую историографию. Причина этого коренилась в том положении, которое заняла буржуазия в эпоху капитализма.

Развитие капитализма в России привело к появлению современного промышленного пролетариата, который был в корне отличен от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной промышленности как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами. В лице русского пролетариата трудящиеся всех национальностей нашей страны впервые в истории обрели надежного друга и руководителя в борьбе за свое освобождение от социального и национального гнета. С развитием промышленности рос и рабочий класс Украины, ставший одним из наиболее крупных боевых отрядов российского пролетариата.

В конце XIX и начале XX в. центр мирового революционного движения переместился в Россию. История поставила перед русским рабочим классом задачу, которая являлась наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны: свержение царизма — оплота не только европейской, но и азиатской реакции.

Рабочий класс России с честью выполнил эту благородную историческую миссию: руководимый своей Коммунистической партией, он решительно поднял знамя борьбы против царизма и капиталистического гнета, выступил как руководитель освободительной борьбы трудящихся масс всех народов нашей страны.

Самим ходом исторического процесса буржуазия была поставлена в положение обреченного класса, со страхом взиравшего на грозное для него будущее.

Для сохранения своего классового господства украинская буржуазия стремилась всячески одурманить трудящиеся массы. В угоду ее классовым интересам создавались различные «теории». Пытаясь отвлечь внимание революционных масс рабочего класса и крестьянства Украины от насущных социальных и политических проблем современности, идеологи украинской националистической буржуазии указывали на вымышленный ими, никогда ранее не существовавший «золотой век», когда, по их утверждению, на Украине господствовал идеальный социальный строй. Этот «золотой век» они относили ко временам Запорожской Сечи.

Именно в этот период — во второй половине XIX и начале XX в. — в изобилии стали появляться различные «схемы» и «теории»

¹ См. А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. I, стр. 76—83 и др.

происхождения и исторической роли украинского казачества, основу которых составлял самый махровый идеализм. В этих своих «теориях» украинские буржуазно-националистические историки выдвигали на первый план идею совершенного равенства, имущественного и правового, которая якобы наиболее отчетливое выражение получила в социальной организации запорожского казачества.

К числу реакционных буржуазных «теоретиков», взгляды которых оказали наибольшее влияние на дальнейшее развитие украинской буржуазно-националистической историографии, следует отнести прежде всего В. Антоновича. По Антоновичу, каждый народ в своей социальной и политической жизни направляется определенной, только ему присущей руководящей идеей. Так, украинский народ, по его словам, руководствуется извечной «идеей широкого демократизма». Осуществляясь в разных социальных и политических формах, идея «широкого демократизма» находит наиболее полное воплощение в истории запорожского казачества.

Из подобных лженаучных, насквозь идеалистических позиций исходили и другие буржуазные авторы, в частности Д. Эварницкий. «Запорожская община, — писал он, — доходила до полного идеала, неведомого ни в древнем, ни в среднем, ни в новом веках; господствовавшее здесь начало равенства проходило везде... при разделе имущества и в частной жизни»¹.

С целью придать известное наукообразие своим вымыслам, буржуазные националисты грубо и беззастенчиво фальсифицировали исторические данные, подменяли подлинный исторический процесс мнимой историей украинского народа.

«Внимание» буржуазно-националистических авторов к истории запорожского казачества объясняется еще и тем обстоятельством, что память о Запорожской Сечи как об очаге освободительного движения украинского народа в эпоху феодализма прочно укрепились в сознании масс, наложив, в частности, неизгладимый отпечаток на прекрасный народный эпос.

Образом казака — поборника свободы, являвшегося олицетворением страстного протеста против феодально-крепостнического и национального угнетения, вдохновлялись такие выдающиеся представители передовой литературы и искусства, как Н. В. Гоголь, великий поэт и революционер-демократ Т. Г. Шевченко, И. Е. Репин и многие другие.

Идеологи украинской националистической буржуазии, заслонившие прошлое народа густой пеленой реакционной романтики, стремились использовать в своих классовых целях народные традиции, связанные с историей казачества.

Ложная идея о «бесклассовости», «безбуржуазности» запорожского казачества получила свое дальнейшее развитие у самого махрового представителя украинской буржуазно-националистической историографии М. Грушевского и его так называемой «шко-

¹ Д. И. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, СПб, 1892, стр. 189—190.

лы». Объявив казачество воплощением особой национальной идеи, руководящей будто бы исторической жизнью украинского народа, буржуазные националисты стремились, с одной стороны, затушевать острые социальные противоречия на Украине и ослабить классовую борьбу трудящихся против буржуазии и помещиков, с другой — противопоставить украинский народ другим народам, прежде всего великому русскому народу. Тем самым украинские буржуазные националисты пытались разрушить тесный союз двух братских народов, направленный на свержение власти помещиков и капиталистов, и отдать Украину в кабалу империалистическим державам.

Нетрудно убедиться, что «теория» «бесклассовости», «безбуржуазности» запорожского казачества, проповедуемая украинскими буржуазными националистами, является не чем иным, как своеобразной модификацией идеи общности имущества и равенства в запорожском «рыцарском ордене», получившей свою интерпретацию применительно к новым историческим условиям и задачам нового эксплуататорского класса — украинской буржуазии.

Польская дворянская и буржуазная националистическая историография, наделяя шляхетскую Польшу провиденциальной ролью носительницы цивилизации в Восточной Европе, с жгучей ненавистью относилась к казачеству. Типичным представителем ее в начале XX в. был Фр. Равита-Гавронский. Называя украинских казаков в противоположность «культурным полякам» варварами, «унаследовавшими худшие инстинкты норманского владычества»¹, он заявлял, что единственной основой существования их являлся грабёж². Равита-Гавронский объявил казаков «врагами всякой культуры, всякой государственности... не взирая на то, жили ли эти казаки над Днепром, Доном или Волгой»³. Зоологическая вражда этого буржуазного шовиниста к казачеству нашла также выражение в лживом утверждении, будто казаки ничего общего не имели с народными массами и поэтому «никогда не отражали их потребностей и стремлений»⁴.

Весьма примечательно, что польский буржуазный националист Равита-Гавронский почти слово в слово повторил о казачестве то, что до него высказывал украинский националист П. Кулиш⁵.

С неправильными, реакционными воззрениями на историю казачества выступил также ряд авторов, работы которых появились уже в советскую эпоху. Так, например, Н. Рожков в своей «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» представлял запорожское казачество в виде примитивной социальной орга-

¹ Fr. Rawita-Gawronski, Bohdan Chmielnicki, Lwów, т. I, 1906, стр. 11.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же.

⁵ П. Кулиш, Отпадение Малороссии от Польши, М., 1888.

низации, соответствующей «эпохе родового и племенного быта»¹. Такое воззрение исключало самую мысль о возможности существования классовых противоречий в среде казачества: «Классового расчленения в Запорожье, — писал Н. Рожков, — не было и быть не могло»². Подходя к казачеству с такой точки зрения, Н. Рожков считал борьбу крепостнического правительства с казачеством делом прогрессивным, направленным на искоренение архаических форм народной жизни. Таким образом, взгляды Н. Рожкова на казачество были, по существу, не чем иным, как повторением реакционных положений дворянских и буржуазных авторов.

В духе украинской буржуазно-националистической историографии написаны также работы по истории запорожского казачества М. Слабченко³. Запорожскую Сечь он считает самостоятельной государственной организацией, господствующим слоем которой было военное братство, состоявшее из неженатых казаков — сечевиков. Сечевики представляли собой своеобразный военный орден, отношения внутри которого регулировались военным правом. Сечевикам М. Слабченко противопоставляет женатых казаков и посполитых. Пытаясь характеризовать социальные отношения на Запорожье, М. Слабченко приходит к весьма неожиданному, чтобы не сказать более, выводу о господстве там «мусульманского феодализма».

Насквозь идеалистическая концепция М. Слабченко является попыткой гальванизировать старые, реакционные взгляды дворянской и буржуазной историографии на казачество как на военное братство. М. Слабченко стремится в то же время оторвать историю запорожского казачества от истории украинского народа. Идеалистическая реакционная сущность «теории» М. Слабченко сочетается с нарочитым эклектизмом ее структуры и фантастичностью выводов.

Только советская историография, вооруженная марксистско-ленинской теорией, сумела правильно поставить и решить многие сложные вопросы, относящиеся к истории запорожского казачества.

После подавления восстания под руководством Пугачева царское правительство, опираясь в первую очередь на старшину и богатых казаков, решительно становится на путь превращения казачества в строго замкнутое военное сословие. Старшина стала возводиться в офицерские чины, приобретая вместе с ними дворянские привилегии. Правительство стремилось резко увеличить удельный вес зажиточных элементов в среде казачества и закрыть доступ в казачье сословие для беглых крепостных крестьян.

¹ Н. А. Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, 1928, стр. 35.

² Там же.

³ М. Слабченко, Соціально-правова організація Січі Запорізької, Праці Комісії для вивчення західно-руського та українського права, Українська Академія Наук, № 12, вип. III, К., 1927; Е го же, Паланкова організація Запорозьких Вольностей, там же, вип. VI, К., 1929.

Всеми этими и подобными им мерами царское правительство стремилось создать из казаков опору для своей колониальной политики на окраинах империи. С течением времени значительная часть казачества превратилась, как указывал В. И. Ленин, в «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин)»¹, широко эксплуатировавших на самых кабальных условиях труд казачьей бедноты и «иногогородних».

В период развития капитализма самодержавие стало опираться на этот слой богатого и зажиточного казачества в борьбе с растущим революционным движением внутри страны.

Уже через 12 лет после разрушения Запорожской Сечи царское правительство под влиянием потребности в увеличении военных сил учредило (1787 г.) Черноморское казачье войско. Новое войско², составленное в значительной части из бывших запорожских казаков, было в 1792 г. переселено с Украины на Кубань. Тут ему поручалась охрана так называемой Черноморской кордонной линии.

Черноморское казачество, как и другие казачьи войска, никогда не было единым в социальном отношении. Внутри его шла ожесточенная классовая борьба между трудовыми слоями и эксплуататорскими верхами.

Истории Черноморского казачества также посвящен ряд работ. Мы, однако, остановимся на важнейших из них.

В 1852 г. вышло в свет сочинение И. Попки «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту». Автор этого сочинения, в отдельных случаях, удачно зарисовал бытовые особенности казачества, дал схематическую характеристику мелкого и крупного землевладения, военно-служебных повинностей казачества и т. п.

И. Попка не пытался изложить историю казачества в сколько-нибудь последовательном или полном виде. Он ограничился, главным образом, описанием хозяйства и быта черноморцев середины прошлого века.

Казачий офицер, выходец из среды богатого казачества недворянского происхождения, Попка несочувственно относился к захвату станичных земель чиновными богачами. Он с сокрушением смотрел на непрекращавшийся рост крупного привилегированного старшинского землевладения, стеснявшего развитие хозяйства богатого непривилегированного казачества. Защитник интересов этого слоя казачества, Попка приукрашивал социальные отношения, существовавшие в черноморской станице. Он не желал видеть того глубокого процесса социальной дифференциации, который раскалывал казачество на богатеев и станичную бедноту.

Являясь защитником интересов богатого нечиновного казачества, успешно развивавшего свое хозяйство на основе эксплуатации наемного труда, И. Попка выражал недовольство феодальными привилегиями, которыми пользовались чиновные казачьи верхи. В то же время И. Попка отстаивал сословные, феодальные

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 15.

² Вначале оно называлось Войском верных казаков.

привилегии казачества на исключительное пользование войсковой землей и т. д. В его мировоззрении буржуазные тенденции, выражавшиеся в требовании отмены дворянских привилегий казачьего офицерства, тесно переплетались со старыми, феодальными, сословными интересами и предрассудками казачества.

В 1874 г. появилась другая заметная работа о черноморском казачестве — «Черноморцы», написанная кубанским (черноморским) казаком П. П. Короленко¹. В отличие от работы И. Попки это сочинение составлено на основе изучения документальных материалов, почерпнутых из черноморского архива, в котором П. Короленко работал длительное время. Предметом внимания П. Короленко является история Черноморского войска с момента его образования до начала 40-х годов XIX в. Короленко, идеализировавший социальные отношения в среде казачества, описывает, по преимуществу, боевые эпизоды из жизни Черноморского войска и полностью обходит важнейшие вопросы его социальной истории.

Представитель официальной дворянско-монархической идеологии, Короленко изображал черноморских казаков прежде всего защитниками самодержавия и православия на Северном Кавказе. Исходя из этого, Короленко не хотел отличать казачью бедноту и среднее трудовое казачество от казачьей верхушки, чиновной и нечиновной, беспощадно угнетавшей трудовое казачество и являвшейся опорой политики царизма на Кавказе. Помимо «Черноморцев», П. Короленко опубликовал ряд других работ. На всех произведениях Короленко лежит печать глубокого провинциализма, реакционной романтики, идеализации казачества, преклонения перед его сословными, феодальными привилегиями и раболепия перед самодержавием.

Между 1910 и 1913 г. вышли в свет два тома «Истории кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербины. Этому значительному по объему сочинению предшествовал и сопутствовал ряд других небольших работ по истории кубанского (черноморского) казачества. Статистик либерально-народнического направления и публицист, Щербина в своих работах грубо фальсифицировал социально-экономическую историю России.

Антинаучные приемы и методы Щербины подверглись резкой критике со стороны В. И. Ленина. В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин разоблачает попытку Щербины прикрыться научным авторитетом К. Маркса, подвергает уничтожающей критике принципы статистического исследования, применяемые Щербиной в своих работах, и вскрывает его реакционную народническую идеологию. Так, исследуя бюджеты русского крестьянства, Щербина применял метод «средних величин». Складывая разные по своей экономической мощности хозяйства и деля сумму на количество слагаемых, Щербина искусственно достиг способа «уравнивать» крестьянство. «Уравнивая» сельский

¹ Короленко, Черноморцы, СПб, 1874.

пролетариат и крестьянскую буржуазию, Щербина выводил «закон» о господстве «народных основ» в крестьянском хозяйстве¹.

Необходимо отметить, что этот прием «уравнивания» Щербина перенес и в свои работы по истории черноморского и кубанского казачества. Исходя из идеи господства «народных начал» в Запорожской Сечи и в Черноморском войске, он считал черноморскую казачью «общину» воплощением этих «начал». В угоду своей идеалистической теории Щербина затушевывал процесс классовой дифференциации черноморского казачества. В главе «Экономический быт и хозяйство казака», например, определяя особенности экономического развития казачества в начале XIX в., Щербина делит общее количество скота и лошадей в куренном селении на общее количество семей, а общую площадь куренной земли на количество дворов и таким образом приходит ко все тем же «средним величинам», к ложному выводу о неизбежности «трудового» казачьего хозяйства.

Концепция Щербины, изложенная в «Истории кубанского казачьего войска», складывалась в период между началом девятидесятых годов и кануном первой мировой империалистической войны. Это было время, когда верхи казачества, господствовавшие экономически, стремились взять в свои руки и политическую власть в крае. В годы первой русской революции эти стремления вылились в борьбу за созыв краевого представительного органа — кубанской войсковой рады. Испытывая животный страх перед раздвигающимся революционным движением рабочего класса, поднимавшего на борьбу миллионы крестьян, кубанские верхи пытались в одно и то же время вырвать у самодержавия и сохранить с ним союз. Свои классовые интересы и политическую игру они облекали в демократические покровы, добиваясь поддержки со стороны широких слоев казачества. Для этих целей нужно было подвергнуть трудовые массы казачества соответствующему идеологическому воздействию. На первый план выдвигалась идея объединения всего казачества и сплочения его вокруг крупных землевладельцев и промышленников на почве сословных, феодальных привилегий. Но для этого необходимо было «доказать» недоказуемое: обосновать идею исконного единства казачества, окутать его далекое прошлое дымкой реакционной романтики с тем чтобы породить у него стремление к реставрации «прекрасного» прошлого, прежде всего реставрации войсковой рады, которая представлялась в виде панацеи от всех социальных зол. Эта идея, переведенная на язык публицистики и политических лозунгов, означала призыв передать судьбу широких масс трудового казачества в цепкие руки господствовавшей эксплуататорской верхушки.

Такой политический заказ в значительной степени оказался способным выполнить Щербина. Казак по происхождению, известный на Кубани общественный деятель, народник-либерал, не пренебрегавший социалистической фразеологией, человек, подвергав-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 139—140.

шийся в прошлом репрессиям со стороны царских властей, он мог обмануть неискушенные в политической жизни массы своей официальной биографией.

Двухтомная «История кубанского казачьего войска» Щербины была до Октябрьской революции самой распространенной на Кубани книгой по местной истории. При содействии властей она стала неотъемлемой принадлежностью каждой кубанской военной, школьной и клубной библиотеки и едва ли не каждого зажиточного казачьего дома. Относительно широкому распространению этого сочинения содействовали, в частности, две его особенности: доступная форма изложения и стремление автора истолковать явления текущей политической жизни при помощи исторических образов и сравнений. Так, идеализируя войсковую раду в Запорожской Сечи и скорбя об ее утрате, автор помещает фотографию кубанской казачьей рады 1906 г., чем подготавливает читателя к определенному выводу. Нехитрый смысл последнего заключается в том, будто кубанская рада является прямым преемником запорожской сечевой рады и якобы, ввиду этого, способна обеспечить казачеству имущественное и правовое равенство.

Концепция указанного сочинения Щербины, а также других его работ по истории казачества может быть сведена к следующим основным положениям. Падение Запорожской Сечи было утратой воплощенного народного идеала. Образование Черноморского войска явилось восстановлением общественной организации, основанной на «коллективной собственности на землю». Это право «коллективной собственности» было санкционировано жалованными грамотами Екатерины II и ее преемников. Восстанавливая «народные основы», правительство, однако, по мнению Щербины, допустило непоследовательность двойного рода. Во-первых, оно выделило из рядов запорожского казачества старшину, отделив ее от массы казачества дворянскими привилегиями и превратив в замкнутую касту. Во-вторых, упразднило войсковую раду и тем самым ликвидировало выборное начало. Эти меры лишили, по Щербине, черноморское казачество основного условия, обеспечивавшего ему социальное равенство. Старшина поставила своей целью укрепление и расширение частного наследственного поземельного владения, а рядовая масса боролась с ней за сохранение «коллективной собственности на землю», т. е. за казачью общину, являвшуюся будто бы залогом социального равенства. Негодуя по поводу эгоизма землевладельческой старшины и подчеркивая неизбежность «народных устоев» жизни казачества, Щербина апеллирует к закону и требует восстановления начал поземельного владения, выраженных в жалованных грамотах Екатерины II. Не видя социальной дифференциации в среде казачества и раздирающих его классовых противоречий, точнее, не желая их видеть, Щербина пылко отстаивал монополию казачьего сословия на землю, изображая саму мысль о наделении земель иногородних покушением на «священные» права казачества.

Идеалист по своему мировоззрению, Щербина в своих исторических работах следовал пресловутой «руководящей идее» В. Антоновича. Для казачества, по его мнению, руководящими были, с одной стороны, идея «коллективной земельной собственности», понимаемая как монополия казачьего сословия на войсковые земли, и, с другой стороны, идея выборного начала, конкретизованная в войсковой раде. Облеченный в тогу научного беспристрастия, Щербина, фальсифицируя историческую правду, преданно служил врагам трудового казачества.

В 1917 г. рабочий класс России в союзе с трудящимся крестьянством под руководством Коммунистической партии совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, сверг власть буржуазии и помещиков и установил диктатуру пролетариата. Трудящиеся массы впервые стали подлинными хозяевами своей судьбы.

Победа Октябрьской революции в центре России дала могучий толчок развитию пролетарской революции во всей стране. На борьбу за победу революции стало подниматься и трудовое казачество. Смертельно напуганные победой революции, казачьи верхи в союзе с общероссийской контрреволюцией и при поддержке иностранной империалистической буржуазии напрягали все усилия, чтобы совлечь с правильного пути широкие массы трудового казачества, превратить их в свою опору. В этих условиях взгляды, декларируемые Щербиной, получили в глазах кубанской контрреволюции особое важное значение. Теперь, чаще, чем раньше, она вынуждена была спекулировать идеей мнимого исконного единства казачества, опираться на гнилые теоретические подпорки, услужливо сработанные Щербиной.

Несмотря на все старания контрреволюции, трудовые казацкие массы сумели найти правильный выход. Став под знамена диктатуры пролетариата, они вложили свою долю в дело разгрома внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, в борьбу за торжество идей Коммунистической партии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПОРОЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

1. ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ ДО ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Первые упоминания о казаках на Украине относятся к концу XV в. Это был один из наиболее тяжелых периодов в жизни украинского народа. К этому времени его богатые, плодородные земли были захвачены различными феодальными хищниками. Правое Поднепровье, Восточная Волинь и южные украинские степи входили в состав феодальной Литвы. Галицкую землю, Западную Волинь и Подолию захватила панская Польша. Закарпатье находилось под игом венгерских феодалов, а Буковина — под властью Молдавии.

Во второй половине XV в. положение народных масс в Польше и Литве резко ухудшилось. Рост производительных сил обусловил дальнейшее развитие товарно-денежных отношений. Стремление феодалов приспособиться к новым условиям имело своим прямым следствием усиление эксплуатации и еще большее закрепощение крестьян. Феодальные повинности — барщина, натуральные и денежные оброки — росли из года в год, достигая невиданных ранее размеров. Все это, наряду со стремлением феодалов к увеличению барской запашки за счет крестьянских наделов, вело к разорению и обнищанию значительных масс крестьянства.

Положение украинского народа особенно ухудшилось после Люблинской унии (1569 г.), объединившей Литву и Польшу в одно государство. После унии восточноукраинские земли оказались под властью панской Польши. Польские паны установили там режим тяжкого колониального и национально-религиозного гнета. Во многих местностях барщина стала достигать 4—5 дней в неделю. Еще более увеличались оброки и другие всевозможные повинности. Власть феодала над крестьянином стала, по существу, неограничен-

ной. Итальянец Руггieri, объездивший Европу и побывавший в 60-х годах XVI в. в Польше, писал, что он не знает в мире более несчастного существа, чем здешний крестьянин, дохода которого «не хватает даже для удовлетворения самых необходимых нужд»¹. Другой современник так характеризовал положение крестьян в панской Польше: «Хлопов, существ с изможденными лицами, считают не людьми, а скотом... Шляхта немилосердно обходится с подданными, отбирает у них поля... обременяет непосильными налогами, взимает огромные штрафы, подвергает тяжкому заключению, избивает, истязает, подрезывает жилы, клеймит... пьет их пот и кровь»².

Беспощадному угнетению подвергались также широкие слои городского населения — мещанство. Многие города находились в то время на частновладельческих землях. Мещане обязаны были вести не только тяжелую замковую службу (по обороне города), но и множество других повинностей в пользу государства и владельцев. Мещане украинской национальности подвергались различным ограничениям. Во Львове, одном из крупнейших украинских городов, они могли жить и владеть недвижимой собственностью только на одной улице — Русской. Украинские мещане не допускались в некоторые цехи, ограничивались в правах на торговлю и т. д.

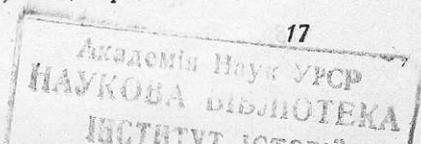
Мерами жесточайшего принуждения польские паны насаждали с помощью Ватикана католицизм, вводили церковную унию. Пытаясь духовно поработить украинский народ и разорвать его вековые связи с великим русским народом, они проводили политику насильственного ополячивания украинского народа, подвергали унижению и поруганию украинскую национальную культуру. Положение украинского народа в Польше усугублялось царившей в стране феодальной анархией.

Народные массы Украины оказывали упорное сопротивление угнетателям. Крестьяне отказывались отбывать повинности, жгли ненавистные им шляхетские усадьбы и замки. Порой крестьянские восстания охватывали значительные территории. Таким, например, было восстание в Галиции под предводительством Мухи в 1490 г.

Одним из видов сопротивления угнетенного сельского и городского люда наступлению феодалов было бегство. Украинские крестьяне и мещане с семьями, иногда целыми селениями, бежали в малозаселенные степи. Оседая на южных и восточных окраинах Подолии, Брацлавщины и Киевщины, беглецы объявляли себя вольными людьми — казаками. На новых местах казаки селились слободами и хуторами, распахивали целинные земли, занимались скотоводством, промыслами. К середине XVI в. казачество составляло уже довольно значительную часть населения Восточной Украины.

¹ Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osib v Polsce od roku 1548 do 1690, т. I, Berlin—Poznań, 1864, стр. 248.

² J. Bardach, W 300—ną rocznicę powstania chłopskiego pod wodzą Kostki Napierskiego, Nowe drogi, № 3, Warszawa, 1951, стр. 98.

Появление казачества — свободного от крепостнической зависимости слоя преимущественно сельского населения на окраинах страны имело прогрессивное значение. Казачья колонизация привела к экономическому освоению громадных степных пространств Украины и России, к развитию на них сельского хозяйства и промыслов. Уже самим фактом своего существования казачество доказывало возможность обходиться без феодалов и тем самым оказывало революционизирующее влияние на угнетенные массы, в первую очередь на закрепощенное крестьянство.

Освоение новых земель происходило в условиях ожесточенной борьбы казачества с польскими и украинскими панями, с одной стороны, с турецкими и татарскими феодалами — с другой. В ходе этой борьбы сложились военная организация и органы самоуправления казачества, основанные на выборности старшины (атаманов, есаулов, судей и т. д.).

Стремление вернуть казаков в прежнее крепостническое ярмо и захватить только что освоенные ими земли с непреодолимой силой влекло магнатов и шляхту на восток — в привольные украинские степи. Для достижения своих целей паны не пренебрегали никакими средствами. Они добивались у правительства жалованных грамот на «пустующие» (в действительности же заселенные казаками) земли, причем границы таких пожалований панам предоставлялось определить «посредством своих сабель».

Отряды панских слуг вторгались в казачьи слободы, предавая их огню и мечу. Казаков пытали, вешали и сажали на кол. Этими жестокими мерами паны стремились добиться «послушества», то есть признания их власти. В казачьих местностях вводились государственные органы управления, во главе которых становились те же паны в качестве воевод, старост, подстарост и т. д. Взяв в свои руки управление новозаселенным краем, феодалы тем самым получили еще большую возможность для захвата казачьих земель.

Казачество мужественно защищало свою свободу от притязаний со стороны панов. Казачьи слободы, население которых непрерывно росло за счет новых беглецов, оказывали феодалам упорное сопротивление. «Сколько не было и ни есть этих бунтовщиков, — писал в 30-х годах XVII в. магнат Н. Потоцкий, — все они имеют свои гнезда в новых слободах»¹.

С течением времени значительная часть казаков была все же закрепощена. Другая часть, отбиваясь от вооруженных шляхетских отрядов, уходила еще дальше в степь, главным образом за днепровские пороги — в Запорожье. Уже в 1527 г. хан Сагиб-Гирей жаловался литовскому правительству на казаков, которые селятся («становятся») вблизи Днепра у самых татарских кочевий. Опись черкасского замка от 1552 г. говорит о казацких промыслах — «уходах» на Томаковке, Базавлуке, Аргачине и даже на Тавани

¹ Государственная публичная библиотека УССР, Польские рукописи, ф. IV, док. 94, л. 497.

(современная Каховка)¹. Одновременно с промыслами на Запорожье появляются первые зимовники (хутора), а позже слободы. Условия существования за порогами, в малообитаемом тогда крае, являвшемся к тому же объектом притязаний со стороны соседних татарских орд и султанской Турции, были исключительно тяжелыми. Французский инженер Боплан, находившийся на службе у польского короля и посетивший Запорожье в первой половине XVII в., отметил, что хотя «рабство и является главной причиной многочисленных побегов», однако на Запорожье спасаются лишь «самые отважные из крестьян»².

Одним из важнейших является вопрос о времени возникновения и месте основания Запорожской Сечи. Украинские буржуазно-националистические историки В. Антонович, Д. Эварницкий, М. Грушевский и другие основание Запорожской Сечи приписывали украинскому магнату князю Дмитрию Вишневецкому, построившему в 1556 г. на острове Хортице (у последнего порога) небольшую крепость. Последняя по их утверждению и была первой Запорожской Сечью, а Д. Вишневецкий «организатором» запорожского казачества, «фундатором» Сечи.

Эта версия, усиленно распространяемая буржуазными исследователями, не имеет ничего общего с исторической действительностью. Отряд, набранный Вишневецким, хотя и назывался «казацким», состоял не из запорожцев, а из старостинских слуг и разной наемной челяди. Хортицкий замок, мысль об основании которого была высказана еще предшественником Вишневецкого — черкасским старостой Дашкевичем (1533 г.), должен был служить не столько сторожею от татар, сколько опорой феодалов в их борьбе против запорожского казачества. Король Сигизмунд-Август писал в 1557 г. крымскому хану о Хортице как о сторожевом укреплении на случай, «кгдаы каковый выступ от лихых людей злодейским обычаем станется». Он подчеркивал, что перед Вишневецким стоит единственная задача: чтобы он «казаков гамовал, а шкодити не допустил»³.

Таким образом, Хортицкий замок, основанный магнатом Вишневецким, хотя и стоял на территории Запорожья, однако вопреки утверждениям буржуазных историков не имел ничего общего с центром борьбы украинского казачества — Запорожской Сечью. Украинские буржуазно-националистические историки, выдавая закладку Хортицкого замка за самый факт основания Запорожской Сечи, относили тем самым возникновение Сечи к 50-м годам XVI в.

Первое упоминание о Запорожской Сечи оставил нам польский хронист XVI в. Мартин Бельский, посвятивший казакам специальный раздел своей известной хроники. Описывая занятия казаков

¹ Архив Южной и Западной России (Архив ЮЗР), ч. VII, т. I, К., 1886, док. 14, стр. 84.

² Боплан, Описание Украины, Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, К., 1896, стр. 304.

³ Книга Посольская. Метрики Великого Княжества Литовского, (1545 — 1572 гг.), т. I, М., 1843, стр. 140.

в низовьях Днепра, Бельский упоминает об острове Томаковке (приблизительно в 60 км южнее Хортицы) как о постоянном местопребывании казаков. При этом Томаковка, по словам Бельского, являлась, по существу, сильнейшей крепостью на Днепре. Тут, «на коше», находилась казацкая «залога», располагавшая лодками и пушками. Пушки были отбиты казаками у турок и татар во время штурма их крепостей¹.

Остров Томаковка (он же Буцкий, то есть остров беглецов, иначе Днепровский, или Городище, вблизи нынешнего с. Городище, Никопольского района, Днепропетровской области) представлял собою прекрасное естественное укрепление. По словам Боплана, он имел около одной трети мили (приблизительно 2 км) в диаметре. Круглый и возвышенный, напоминавший собою полушарие, остров был покрыт густым лесом. С его вершины было видно все течение Днепра от Хортицы до Тавани². По словам другого современника, Томаковка могла вместить до 20 тыс. человек. Приведенные выше, а также и другие данные позволяют заключить, что впервые Сечь была основана запорожскими казаками на Томаковке. Тут находилась войсковая флотилия, артиллерия, тут же собиралась казацкая рада и т. д.

К какому же времени относится основание Сечи на Томаковке? Украинские буржуазно-националистические историки, ссылаясь на то, что раздел «О казаках» помещен в сочинении Бельского вслед за описанием событий 1574 г., утверждали, будто Сечь на Томаковке возникла не раньше 70-х годов XVI в., другими словами, что она была перенесена туда с Хортицы. Такое объяснение, как легко заметить, должно было спасти ложную версию о том, что Запорожская Сечь основана впервые в 1556 г. на Хортице Вишневецким.

Однако стоит лишь внимательно рассмотреть сообщение Бельского и сопоставить его с другими данными, как несостоятельность подобных выводов станет очевидной. Дело в том, что раздел Бельского «О казаках» объединяет события, относящиеся к различным периодам. Так, Бельский утверждает, что в зимнее время значительная часть казаков возвращалась из Запорожья в украинские города. Между тем свободный приход запорожцев в пограничные староства возможен был лишь до 1536 г.

В этом году территория Черкасского и Каневского староств, граничивших с Запорожьем, была охвачена восстанием крестьян, казаков и мещан, направленным против попыток закрепощения их местными феодалами. Администрация староств, получившая подкрепление из Киева, кровавыми мерами подавила восстание народных масс. Вслед за этим на пограничье был установлен еще более жестокий режим. Стремясь разорвать всякие связи Запорожья с местным населением, администрация староств строжайше запретила

¹ Kronika Marcina Bielskiego, т. III, Sanok, 1856, стр. 1691.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, К., 1896, стр. 317—318.

жителям уход за пороги. С другой стороны, запорожским казакам в случае появления их «на волости» (на территории староств) угрожала смертная казнь. С этого времени старосты настойчиво пытаются овладеть опорным пунктом казачества — Запорожской Сечью. Однако запорожцы при поддержке своих братьев — донских казаков отстояли Сечь.

Из сказанного выше вытекает, что свободный выход казаков из Запорожья на Украину, о котором говорит Бельский, мог иметь место только до 1536 г. К этому же времени, значит, относятся и его слова о казацком «коше» на Томаковке. О Сечи как об организации запорожского казачества, сложившейся уже к 40-м годам XVI в., говорит также обращение литовского великого князя к запорожцам от 1540 г. Обращение призывало запорожцев перейти с низовьев Днепра на жительство в староства. За это им обещалась свобода от «заслуженного» наказания¹.

Запорожская Сечь, следовательно, возникла до вторжения феодалов на Запорожье, в борьбе против них. Она была основана не «ясновельможными» магнатами вроде князя Д. Вишневецкого, а безымянными народными героями, выступившими на борьбу против феодально-крепостнического гнета и чужеземного порабощения.

Запорожскому казачеству пришлось вести долгую и настойчивую борьбу не только с польскими и украинскими панами, но также с турецкими и татарскими агрессорами. Во время своих многочисленных набегов орды татарских ханов, вассалов султанской Турции, достигали самых глубинных районов Украины и Польши. В 1474 г. они почти полностью опустошили Воынь, Подолию и Галицию. Уцелели лишь панские дворы и замки, охранявшиеся вооруженной челядью и наемными слугами.

Татарские и турецкие набеги, повторявшиеся по несколько раз в год, являлись страшным бедствием для украинского народа. Один из очевидцев так описал кровавую расправу хищников со своими жертвами: «Мы видели, как их убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены; жестокий враг... бросал их трепещущие сердца в огонь, вырывал их легкие и обнажал внутренности»². Пути, по которым проходила орда, освещались зловещим заревом пожаров и устилалась трупами мирных жителей. Десятки тысяч мужчин и женщин насильники угоняли в неволю. По дороге в Крым пленники массами умирали от жажды, голода и побоев. Часть пленных оставалась в качестве рабов в самом Крыму, другая отправлялась на турецкие и иные невольничьи рынки. Многие из пленников кончали свою жизнь гребцами турецких каторг (большие гребные суда). Украинский народ сложил много дум, в которых отразил тяжкие страдания, причиняемые его стране татарскими и турецкими захватчиками.

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (Акты ЮЗР), т. II, СПб, 1865, док. 119, стр. 141—142.

² Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I, К., 1890, стр. 22.

В ответ на кровавые набеги турок и татар казаки предпринимали смелые походы на татарские и турецкие владения. Искусные запорожские мореходы на своих легких «чайках» громили на море тяжеловесные турецкие корабли. Высаживаясь на побережьях Крыма, Малой Азии, Фракии, они разрушали прибрежные укрепления, нападали на татарских и турецких феодалов, захватывали их имущество, освобождали из неволи пленников.

Особенно грозными для татарских и турецких насильников были те походы, в которых запорожцы выступали совместно с донскими казаками. Между запорожцами и донцами издавна существовали тесные узы боевой братской дружбы. Запорожские казаки часто жили на Дону, а донские казаки — на Запорожье. Запорожцы и донцы были неразлучными союзниками.

Походы запорожских казаков на Крым и Турцию приводили в трепет феодалов. Изображая то смятение, которое вызывали казацкие походы в среде правящих турецких кругов, украинский летописец Грабянка приводит следующие слова султана: «Когда окрестные панства (государства) на мя встают, я на обидви уши сплю, а о Козаках мушу единым ухом слухати»¹.

Героические походы запорожцев на Крым и Турцию производили огромное впечатление на европейские страны. Достаточно сказать, что за каких-нибудь сорок лет (с 60-х годов XVII до начала XVIII в.) в Италии, Германии, Франции и Англии появилось свыше десяти произведений, специально посвященных военному искусству запорожцев, в частности их морским походам. На Запорожье уже в XVI в. стали смотреть как на важный фактор в международных отношениях. Римские папы и австрийские императоры, например, надеялись использовать запорожцев в интересах своей антитурецкой политики.

Борьба запорожского казачества против татарских и турецких феодалов преследовала единственную цель — защитить Украину от вторжений и опустошений. Удары запорожцев по Крыму и Турции могли быть неизмеримо более мощными, если бы не постоянная угроза со стороны панской Польши.

К концу XVI — началу XVII в. польские и украинские феодалы усилили наступление на украинское крестьянство, казачество и мещанство. Национальный и религиозный гнет принял еще более тяжкие формы. Чтобы обеспечить свою власть на Украине, польское правительство решило использовать противоречия, существовавшие в среде казачества.

Казачество никогда не было однородным в социальном отношении. «В казаки» с самого начала бежали разные по своему имущественному положению элементы. На новых местах социальное расслоение казачества получило свое дальнейшее развитие.

В 1578 г. правительство создало, по преимуществу из зажиточных элементов, так называемое казацкое реестровое войско, сначала численностью в 500, а позже — в несколько тысяч человек. За

¹ Летопись Григория Грабянки, К., 1854, стр. 20.

службу в войске реестровые казаки, проживавшие на территории пограничных староств, освобождались от повинностей и получали небольшое жалованье. Реестровая старшина, происходившая обычно из украинской шляхты, наделялась земельными владениями. Во главе реестра стоял гетман, назначавшийся обыкновенно правительством.

На том основании, что часть реестрового войска должна была вести сторожевую службу за днепровскими порогами, его в конце XVI в. стали называть Запорожским войском. Это обстоятельство внесло неясность в представления многих историков. Часто под реестровым казацким войском подразумевали запорожское казачество в собственном смысле этого слова, и наоборот. Между тем эти понятия, разумеется, нужно строго разграничивать.

После учреждения реестрового войска огромное большинство украинского казачества, не попавшего в реестр, очутилось на положении нелегальной, не признаваемой законами массы, которой угрожало неизбежное закрепощение. К концу XVI в. уже не только отдельные слободы, но и целые местности, заселенные казаками, стали добычей магнатов и шляхты.

Ответом на беспощадный гнет панской Польши была героическая борьба народных масс, та волна крестьянско-казацких восстаний, которая прокатилась по Украине в конце XVI — первой половине XVII в. В 1591—1593 гг. восстание под руководством Крыштофа Косинского охватило значительную часть Киевщины и Волыни.

Осенью 1593 г., во время восстания, татары, подстрекаемые польскими панами, напали на Сечь и разрушили ее укрепления. Разрушение Сечи на Томаковке убедило запорожцев в необходимости устройства ее в более безопасном месте. В 1593 г. Сечь была основана на о. Базавлуке, в том месте, где река Чертомлык впадает в Днепр. Базавлук был окружен множеством островов, проходы между которыми, замаскированные густыми зарослями камыша, представляли для любого неприятеля опаснейший лабиринт. Тут врага подстерегали казацкие пушки и чайки. Весь этот комплекс укреплений получил название «Войсковой скарбниці». Здесь «погибло, — замечает Боплан, — немало турецких галер, которые..., запутавшись между островами, не могли отыскать дороги, между тем как казаки... безнаказанно стреляли по ним из тростников»¹.

В 1594—1596 гг. значительная территория Украины — Волынь, Подолия и часть Киевщины — была снова охвачена восстанием. Восставшие крестьяне и мещане расправлялись со своими угнетателями и вводили казацкие порядки — выбирали из своей среды старшин, решали дела на радах и т. д. Панской Польше удалось подавить восстание 1594—1596 гг. под руководством Северина Наливайко. Но украинский народ продолжал бороться за свое освобождение.

Могучим толчком к усилению борьбы украинского народа против иноземного гнета и местных угнетателей было крестьянское

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 318.

восстание в России под руководством Ивана Болотникова (1606—1607 гг.), а также славная победа русского народа в войне против польско-литовских и шведских интервентов в начале XVII в. С этого времени восстания народных масс на Украине принимают все более широкий размах. В 1630—1631 гг. восстание под предводительством Тараса Федоровича (Трясило), в котором запорожское казачество играло видную роль, охватило уже оба берега Днепра. После подавления этого восстания многие участники его ушли со своим предводителем на Запорожье.

Стремясь воспрепятствовать новому подъему народной борьбы, магнаты предприняли ряд предупредительных мер. На Украине было увеличено количество оккупационных войск. Чтобы затруднить бегство на Запорожье и преградить путь запорожцам на Украину, на Днепре, возле Кодацкого порога, в 1635 г. была сооружена крепость Кодак. Посредством сторожевых вышек, расставленных в степи, и конных разездов гарнизон крепости стерег дороги, которые вели на Запорожье. Запорожцы понимали, какую угрозу представляют для них эти действия врага. В августе того же года они во главе с Иваном Сулимой напали на Кодак и уничтожили его гарнизон¹.

Весной 1637 г. в Восточной Украине вспыхнуло новое народное восстание, превосходившее по своим размерам все предыдущие. Восстание началось выступлением запорожских казаков под руководством Павлюка. В короткий срок оно охватило Киевщину и Левобережную Украину. В следующем году казаки под руководством Скидана и Острянина заняли Кременчуг, Хорол, Полтаву и другие города. Панская Польша бросила против повстанцев не только кварцянское войско, но также многочисленные надворные команды магнатов и шляхетские отряды. Потерпев поражение под Лубнами, часть повстанцев во главе с Острининым перешла на территорию России.

В годину тяжелых испытаний народные массы Украины всегда обращали свои взоры к России. С момента своего образования Русское централизованное государство стало опорой для украинского народа в его борьбе против иноземных поработителей за воссоединение с великим русским народом. После подавления восстания магнаты жестоко расправились с мирным населением. Месть их не знала пределов. Белгородский воевода сообщал в Москву, что на Украине паны людей «побивают и жен их и детей, збирая в хоромы, пожигают и пищевальное зелье, насыпая в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали и двory их и всякое строение разоряли и пограбили»².

Залив Украину потоками народной крови, польские паны установили невыносимый режим террора. На Украине были раскварти-

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, стр. 318.

² Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии. Собраны Н. Второвым и К. Александровым-Дольником, кн. I, Воронеж, 1851, стр. 101.

рованы крупные воинские силы. Гарнизон Кодака был увеличен с 200 до 2 тыс. человек. За порогами польское правительство содержало отряды из реестровых казаков и жолнеров. Однако никакие насилия чужеземных поработителей не могли сломить волю украинского народа в борьбе за освобождение и воссоединение с Россией.

Восстания конца XVI — первой половины XVII в. были для украинского народа великой школой вооруженной борьбы. Несмотря на все усилия, панской Польше не удалось сломить также оплот украинского казачества — Запорожскую Сечь, сыгравшую выдающуюся роль во всех народных восстаниях на Украине. Это обстоятельство имело огромное значение для дальнейшего развития освободительной борьбы украинского народа. В исторической литературе еще и до настоящего времени удерживается мнение, будто бы в результате подавления восстания 1637—1638 гг. панская Польша захватила самую Сечь, а запорожцев оттеснили на юг, к границам татарских кочевий. Это мнение ошибочно. Именно благодаря тому, что запорожцы отстаивали свою твердыню — Сечь, Запорожье смогло превратиться в плацдарм, где впоследствии было поднято знамя освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.

В продолжительной борьбе против социального и национального гнета запорожское казачество создало самобытное военное искусство. Запорожцы по праву считались отважными воинами: стойкими пехотинцами, меткими стрелками, лихими наездниками, искусными пушкарями, бесстрашными мореходами. Выдающиеся боевые качества запорожцев, мужество и выносливость стяжали им громкую славу далеко за пределами родины.

Запорожской Сечи, где продолжало сохраняться казацкое самоуправление и куда стекалась основная масса беглого крестьянства, большое значение придавал славный сын украинского народа Богдан Хмельницкий. Преследуемый польско-шляхетскими властями за патриотическую деятельность, Богдан Хмельницкий в сопровождении отряда своих сторонников бежал в конце 1647 г. на Запорожье, где вскоре был избран гетманом.

Под руководством Богдана Хмельницкого в конце января 1648 г. казаки изгнали из пределов Запорожья правительственный гарнизон, несший там сторожевую службу. Это явилось началом освободительной войны украинского народа. Хмельницкий обратился с универсалом к украинскому народу, призывая его к священной борьбе против поработителей. В ответ на это в Сечь отовсюду стали стекаться повстанцы.

Закончив военные приготовления, Богдан Хмельницкий во главе нескольких тысяч запорожских казаков двинулся в апреле 1648 г. на Украину. 6 мая запорожцы наголову разбили при Желтых Водах передовой отряд польского войска под начальством Ст. Потоцкого. 16 мая они одержали новую блестящую победу под Корсунем: основные силы коронного войска, стоявшего на Украине, перестали существовать. Эти первые славные победы, одержанные казаками, сыграли огромную роль в успешном разрывании осво-

бодительной борьбы. Гром пушек при Желтых Водах и под Корсунем разнесся по всей Украине и был сигналом к всенародному восстанию против польско-шляхетского владычества.

Восстания XVI—XVII вв. на Украине неизменно сопровождались массовым показаченьем населения. Восставшие крестьяне и мещане объявляли себя казаками и вводили казацкое самоуправление. Уже во время восстания 1594—1596 гг. под руководством С. Наливайко коронный гетман С. Жолкевский доносил своему правительству: «Трудно справиться (с восстанием. — В. Г.)... вся Украина показачилась»¹.

Характерно, что массовое показаченье — явление, которое наблюдалось не только на Украине. В инструкции шляхты виленскому сейму от 20 декабря 1596 г. отмечалось, что «во многих селениях бушует казацкое своеволие»². Казаками именовали себя нередко также восставшие польские крестьяне. В 1598 г., например, шляхта Мазовецкой земли (Центральная Польша) в связи с имевшими там место крестьянскими выступлениями жаловалась сейму на то, что повстанцы, «которые именуют себя казаками, чинят многие насильства»³.

С большой яркостью показаченье населения проявилось в освободительной войне 1648—1654 гг. Описывая общенародный подъем в ходе войны, летописец Самовидец подчеркивал: «Усе, що живе, поднялося в козацтво»⁴. Русский посол В. Унковский, побывавший на Украине в 1650 г., писал, что все «мещане и уездные люди (крестьяне. — В. Г.) — казаки»⁵. Другой русский дипломат, П. Протасев, посетивший Украину в середине 1654 г., также отметил, что тут «кто и был не казак, и той ныне казак, а все де они ставляться в равенстве казаками (курсив наш. — В. Г.)»⁶.

Показаченье крестьянства и городского населения отмечалось в ходе антифеодальных восстаний не только на Украине, но и в России. Современник народного восстания 1606—1607 гг. под руководством И. Болотникова писал: «Во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось (курсив наш. — В. Г.), и в каждом городе поделали своих атаманов»⁷. Клич «в казаки», нужно сказать, неизменно звучал в обращениях С. Разина⁸, Е. Пугачева и других вождей народных восстаний к угнетенным массам.

¹ Listy Stanisława Żółkiewskiego (1589—1620), Kraków, 1868, стр. 80.

² Жерела до історії України-Руси, т. VIII, Львів, 1908, док. 67, стр. 94—95.

³ Там же, док. 99, стр. 97.

⁴ Летопись Самовидца, К., 1878, стр. 90.

⁵ Акты ЮЗР, т. VIII, СПб, 1875, стр. 33.

⁶ Акты ЮЗР, т. X, СПб, 1878, стр. 694.

⁷ И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, 1606—1607 гг., М., 1951, стр. 124.

⁸ Катерина Стецюк, Вплив повстання Степана Разіна на Україну, К., 1947, стр. 60; Восстание Емельяна Пугачева. Сборник документов, Л., 1935, стр. 45. В своем манифесте от 31 июня 1774 г. Пугачев объявлял всех, кто находился «прежде в крестьянстве и подданстве помещиков», вольными — «вечно козаками».

Массовое показаченье угнетенных слоев народа — явление, с которым мы постоянно встречаемся при изучении антифеодальных восстаний в нашей стране. К сожалению, исследователи обходили, как правило, это столь важное обстоятельство, не пытаясь дать ему социальную характеристику. Между тем показаченье угнетенных масс являлось выражением их стремления утвердиться в положении свободных производителей. Это стремление в условиях даже едва начавшегося разложения феодализма было объективно борьбой не за возврат к давно ушедшим в прошлое, патриархальным временам, а за установление новых, более передовых по сравнению с феодальными, буржуазных отношений.

Освободительная война 1648—1654 гг., в которой запорожскому казачеству принадлежала столь выдающаяся роль, привела к воссоединению Украины с Россией. Воссоединение двух братских народов в едином Российском государстве имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего экономического, политического и культурного развития украинского народа. В лице великого братского русского народа украинский народ, как и другие народы нашей страны, обрел верного друга и надежного союзника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Однако освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией, во главе которой стояли тогда царь и помещики, не привели к уничтожению феодально-крепостнического строя. Казачья старшина и украинская шляхта, поддерживаемые царским правительством, вели политику дальнейшего закрепощения и закабаления народных масс. Спасаясь от крепостнического гнета, многие крестьяне и мещане попрежнему искали спасения на Запорожье. Сюда же бежало население с Правобережной Украины, еще почти полтора столетия остававшейся в составе панской Польши, где царил не только жесточайший крепостнический, но и национальный гнет. В таких условиях Запорожская Сечь продолжала сохранять свое значение в борьбе украинских народных масс против социального и национального гнета.

После воссоединения Украины с Россией запорожское казачество было официально признано русским правительством как войско. Запорожскому войску назначалось определенное денежное и хлебное жалованье из казны. Правительство формально не ограничивало численность Запорожского войска и признавало за ним, хотя и неофициально, право владения занимаемой территорией.

Воссоединение Украины с Россией благотворно сказалось на экономическом развитии Запорожья. В крае, ранее слабо заселенном, появились новые слободы и зимовники (хутора). Как в зимовниках, так и в слободах успешно развивались скотоводство, земледелие и промыслы. Крепли экономические связи Запорожья с другими областями страны. Особенно заметными стали успехи хозяйственного развития Запорожья в период так называемой Новой Сечи.

2. ЗАПОРОЖСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД НОВОЙ СЕЧИ

История Новой Сечи охватывает период в сорок с небольшим лет (1734—1775 гг.). Военным и административным центром Запорожья была, как и в прежнее время, Сечь¹, где находились войсковые учреждения и склады. Сечь являлась постоянным местом пребывания гарнизона и высшей войсковой, или кошевой, старшины — кошевого атамана, войскового писаря, судьи, довыбыша, есаулов и др.

Внутри сечевой крепости, вокруг площади, на которой собиралась рада, стояло 38 куреней². Они представляли собой низкие продолговатые здания (наподобие барачков), крытые камышом. Курени служили жильем казакам, составлявшим сечевой гарнизон, а также только что пришедшим в Сечь беглым. Вместе с тем каждый курень был хозяйственной организацией, располагавшей подсобным хозяйством в виде зимовников, рыночных будок, отдававшихся в наем торговцам и ремесленникам. Наконец, курень являлся военно-административной единицей, представленной определенным личным составом как в мирное, так и в военное время. Совокупность куреней и составляла Запорожское войско.

Всякий, желавший вступить в состав Запорожского войска, должен был предварительно явиться в один из куреней. Куренной атаман вписывал поступающего в куренные списки, и с этого момента тот считался запорожским казаком, или, как говорили в XVIII в., куренным такого-то куреня. Казаки, оставшиеся в куренях, несли службу в сечевом гарнизоне. Проживающие же в запорожских слободах и зимовниках или на Гетманщине составляли резерв, обязанный являться в курени по первому приказанию старшины для отбывания «очередной» службы или для других надобностей.

Над всей массой запорожского казачества возвышалась военная и хозяйственная администрация разных ступеней и наименований, носившая общее название старшины. Формально вся запорожская старшина, начиная от кошевого и кончая куренными атаманами, избиралась казаками на радах, которым она и должна была давать отчет в своих действиях. Так, кошевая старшина избиралась каждый год на войсковой, или сечевой, раде, созывавшейся обычно 1 января.

В действительности выборы были чистой фикцией. К тому же бедное казачество, так называемая серома, занятое добыванием средств к жизни в зимовниках и на промьслах, разбросанных по всему Запорожью, лишено было возможности являться на рады.

¹ Сечь — укрепление, состоявшее из рвов, валов с возвышающимися на них сторожевыми башнями.

² Курени носили следующие названия: Леушковский, Пластуновский, Дядьковский, Брюховецкий, Медведовский, Платнировский, Пашковский, Кушевский, Кисляковский, Ивановский, Конеловский, Сергиевский, Диньской, Крыловский, Каневский, Батурицкий, Поповичевский, Васиуринский, Незамаевский, Щербиновский, Титаревский, Шкуринский, Кореновский, Роговской, Корсунский, Калнболотский, Уманский, Деревянковский, Нижестеблиевский, Вышестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский, Мышастовский, Минский, Тимошевский, Величковский и Иркиевский.

Богатые же казаки, пользуясь этим, а также своим экономическим положением, проводили на радах удобные им кандидатуры. В результате этого рады стали прикрытием самоуправства богатого казачества и старшины.

Обычным стало явление, когда старшины занимали свои должности в течение многих лет бесменно. И. Малашевич, например, 9 раз избирался кошевым атаманом, П. Калнишевский, один из самых крупных запорожских богачей, удерживал за собой пост кошевого атамана в течение десяти лет подряд. За все время существования Новой Сечи, т. е. за 41 год, влиятельная должность войскового писаря принадлежала только четырем лицам. Много лет подряд занимали свои должности войсковой судья П. Головатый, полковники А. Колпак, И. Порохня, полковые старшины А. Головатый, С. Белый, Л. Мощенский и др.

Те из богатых казаков, которые не занимали старшинских должностей, а также смещенные старшины, в отличие от остального казачества именовались «знатными» и «старыми» (старшими) казаками¹.

Старшина, поддерживаемая богатым казачеством, была фактически безответственной перед войсковой радой. Все важнейшие войсковые дела вершила старшинская сходка, в которую входила как старшина, так и «старики», т. е. представители богатого рядового казачества.

В административно-территориальном отношении Запорожье делилось в период Новой Сечи на паланки (округа). В 30—40-х годах XVIII в. таких паланок насчитывалось не более пяти. Позже, по мере роста населения и усложнения функций управления, число паланок увеличилось до восьми. На правом берегу Днепра находились Кодацкая, Бугогардовская и Ингульская паланки, на левом — Протовчанская, Орельская, Самарская, Калмиусская и, наконец, у самого днепровского устья — Прогноинская.

Центром паланки была слобода, где находилась паланковая старшина и располагался небольшой гарнизон. Во главе паланки стоял полковник, которому подчинялась местная, паланковая администрация — писарь, есаулы, а также выборные атаманы слободских (сельских) казачьих и посполитых «громад» (обществ). В своих руках паланковая старшина сосредоточивала не только административную, но и военную, финансовую и судебную власть. Это обеспечивало ей важные преимущества.

При таком положении административный аппарат края, сохраняя некоторые внешние покровы демократизма в виде выборности должностных лиц, был в руках старшин и богатого казачества орудием классового угнетения трудовых слоев Запорожья.

¹ Центральный государственный исторический архив УССР (ЦГИА УССР), фонд Коша Запорожской Сечи (ф. КЭС), д. 8, л. 55—56. Так, аттестаты казакам куреней Кореновского Павлу Гаврилову и Величковского Василию Филиппову были выданы в 1761 г. «по засвидетельствованию атамана и других знатных и старых козаков». В другом случае находим выражение «знатных и старших» казаков (Там же, л. 56).

Запорожская старшина, в отличие от старшины Левобережной Украины, не превратилась в строго замкнутое сословие. Это, однако, не помешало запорожской старшине присвоить себе целый ряд привилегий, резко выделявших ее из общей массы казачества. Старшина обращала в свой доход большую часть поступлений от войскового хозяйства, поборы с привозимых на Запорожье товаров, с промыслов (охоты, рыбной ловли и т. д.), речных перевозов, прошений, подаваемых населением властям, и т. д. Кроме того, по установившемуся обычаю старшина принимала «приношения» от ремесленников и торговцев. Два раза в год (на рождество и пасху), «собравшись каждого роду своим собранием, как то: шинкари особо и мастеровые особо ж», подносили кошевой старшине «ралець» (подарок)¹.

Земля на Запорожье принадлежала номинально не отдельным лицам, а войску в целом. Однако пользоваться землей мог лишь тот, кто владел известным имуществом и был, следовательно, в состоянии завести собственное хозяйство. Лучшие земли, пастбища, места для рыбной и звериной ловли присваивала себе также в первую очередь старшина. Она же забирала себе львиную долю жалованья, которое ежегодно отпускалось правительством Запорожскому войску. В 1763 г., например, жалованье, полученное из казны, было распределено следующим образом: кошевой атаман получил 70, судья 60, писарь 50, есаул 40 руб. и т. д. На долю же каждого куреня пришлось всего по 140 руб.² Но старшина не удовлетворялась одними деньгами. Она забирала себе и большую часть того хлебного жалованья, которое отпускалось казной войску. В результате этого при раздаче хлеба неизменно оказывалось, что на каждого казака (из тех, что жили в сечевых куренях, о других уже и говорить нечего) «и по горсти не стает»³.

В отдельных случаях войсковая старшина пользовалась даже принудительным трудом казаков и посполитых (крестьян — жителей запорожских слобод). В 1768—1774 гг., во время войны, по распоряжению старшины из паланок в ее хозяйства неоднократно отправляли косцов для заготовки сена. Косцы при этом должны были являться на работу со своим собственным инвентарем — косами, граблями, вилами, волами и запасом харчей. В 1772 г. в один зимовник кошевого атамана на р. Протовче было направлено 40 косцов, в другой, на р. Камянке, — 30, войсковому судье в два его зимовника 50 косцов и т. д.⁴ Известны также случаи, когда по приказу кошевого атамана паланковая старшина наряжала казаков и посполитых для постройки старшинам мельниц и плотин.

Запорожское казачество отличалось большой сложностью социального состава. Оно включало в себя разные по своему имущественному положению элементы. Для уяснения этого необходимо, прежде всего, рассмотреть социальный состав запорожского куреня.

¹ Летописное повествование, ч. IV, стр. 79—80.

² ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 124, л. 17.

³ Там же, л. 101.

⁴ Там же, д. 318, л. 2.

Главным резервом, на основе которого комплектовались запорожские курени, т. е. Запорожское войско, были беглецы, разный пришлый на Запорожье люд, а также беднота местного происхождения, искавшая в сечевой службе не столько военных подвигов, сколько хлеба насущного.

Основная масса беглого и пришлого на Запорожье люда происходила с Украины. Среди пришельцев было также немало русских, а также молдаван, поляков и др. О бегстве угнетенного люда на Запорожье говорят многочисленные официальные и частные документы, современники и потомки, авторы, отрицательно относившиеся к Запорожью и положительно. «Российский историограф» Г. Ф. Миллер, например, представивший в 1775 г. Н. И. Панину записку под названием «Рассуждение о запорожцах», писал: «Все их войско совершенно собирается по подговору и обману из малороссиян»¹. В свое войско, говорит далее Миллер, запорожцы принимают «всякого... взброду людей всех языков, всех вер»². «Да и не только малороссиянам,— возмущается он,— но и великороссийским и даже из военнотружущих беглецам дают свободное убежище и укрывательство»³. Некоторые авторы, имея в виду враждебное отношение Миллера к казакам, склонны обвинять его в преувеличении. В таком случае можно привести свидетельство более раннего современника Запорожья, польского посла А. Горского. В 1613 г. Горский заявил турецкому правительству, что на Запорожье, кроме украинцев, живут также представители других народов, причем никто не разбирает, «кто русин, кто москвитянин, кто волошин, а кто и поляк».

Постоянный отход крепостных крестьян на Запорожье больно задевал интересы украинских, великорусских и польских феодалов. Правительственные власти, гетманские органы управления и польская администрация различными способами стремились сдержать этот поток, положить предел бегству крестьян. Еще 5 декабря 1755 г. гетман Разумовский писал из Петербурга кошевому атаману Г. Федорову (Лантуху) о необходимости ввести строгую регистрацию не только самих запорожских казаков, но и всех остальных жителей, выдав им паспорта (билеты). Устанавливая порядок регистрации населения в целях надзора, Разумовский главное внимание обращал на беглецов из великорусских провинций: «А особливо из великороссийских всякого звания сумнительных людей,— предписывал он,— в зимовники и другие жилища не принимать и не держать»⁴.

О постоянном, продолжавшемся столетия движении крепостных крестьян из Украины на Запорожье писал автор XIX в. епископ Феодосий. Основание беглецами целого ряда крупных и мелких

¹ Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г. Ф. Миллера, М., 1846, стр. 54.

² Там же, стр. 39.

³ Там же.

⁴ Киевская старина, 1885, октябрь, стр. 284.

поселений на Запорожье Феодосий подтверждает множеством любопытных, хотя и однообразных данных. «С 1670 г. в спокойное время, ежегодно, раннею весною, — пишет он, — люди малороссийской нации из-под Кременчуга, из-под Кобеляк и Келеберды, со всем семейством, с домовством и хозяйством своим приезжали на урочище Троицкое и, пользуясь всеми богатствами естественных произведений..., занимались скотоводством и земледелием»¹. При этом многие из них оставались здесь навсегда.

Большинство беглых, разумеется, искало на Запорожье спасения от ужасающей крепостнической эксплуатации на Правобережье и усилившегося закрепощения крестьянства и реестрового казачества на Левобережной Украине и в России. Тягу обездоленной крестьянской массы на Запорожье прекрасно отразили народные песни. Уход крепостных на Запорожье в поисках воли, счастья и героических подвигов запечатлел также в своих замечательных произведениях Т. Г. Шевченко.

Запорожская старшина, которую правительство обязывало бороться с укрывательством беглых и способствовать возвращению их «законным владельцам» — украинским и русским помещикам, неоднократно издавала соответствующие распоряжения. 9 августа 1770 г., например, кошевой атаман предписывал атаману Пластунского куреня Третьяку: «О бродягах же и других без паспортов шатающихся сумнительных людях... всемерно стараться перематривать и ловить»².

На деле же старшина сама укрывала беглецов. Это объясняется, конечно, отнюдь не какими-то особыми «традициями вольности», как это стараются изобразить украинские буржуазно-националистические историки, а весьма прозаическими, меркантильными интересами. Владея обширными хозяйствами — зимовниками, рыболовными промыслами, чумацкими обозами и прочим, старшина широко пользовалась почти даровым трудом беглых, искавших облегчения своей участи на Запорожье. Нечего и говорить, что эксплуатация беглых старшиной и богатым казачеством не знала никакого предела.

Укрывательство старшиной и богатым казачеством беглецов из центральных губерний стало со временем обычным явлением. Более того, существовала практика «подговора» — сманивания крепостных из имений украинских и русских помещиков. Сманивали при этом не только взрослых, но и детей.

Мотивы сманивания казаками детей Д. Эварницкий склонен был объяснять психологией неженатого «лыцаря», тоскующего по семье. В действительности же дети, как и взрослые, представляли собой для богатого казачества и старшины дешевую рабочую силу.

¹ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, вып. I, Екатеринослав, 1880, стр. 205, 206.

² Я. П. Новицкий, Материалы для истории запорожских казаков, Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, вып. V, Екатеринослав, 1919, стр. 24.

Факт увоза детей на Запорожье подтверждается многочисленными документами сечевого архива. Приведем некоторые из них. Казак Ивановского куреня Петр Баленко дал 15 октября 1758 г. в войсковой пушкарне следующие показания: уроженец Левобережья, Миргородского полка, Баленко в малолетстве зашел на Запорожье «по подговору» запорожского казака Ивановского куреня Ивана (фамилию его Баленко не мог вспомнить)¹. Допрашиваемый 30 августа того же года казак Титаревского куреня Грицко Куц заявил, что он родился в местечке Кобеляках, Полтавского полка, и в десятилетнем возрасте «завезен казаками на Запорожье»². Подобный увоз детей отмечают и документы архива Черноморского казачьего войска. В докладном регистре гражданской экспедиции черноморского войскового правительства от 20 мая 1798 г. приведен допрос полкового старшины И. Носенко, который показал: родился в Переволоченской сотне, Прилудького полка, в семье казака; после смерти родителей «в малолетстве завезен обратившимся в чумацком промысле малороссиянином Василем Харченком бывшего запорожского войска в Сечь»³. В регистре от 28 апреля того же года изложен допрос казака Деревянковского куреня И. Яблони, 36 лет. Яблоня родился в Киеве «от отца кушнерского цехмистра Тимофея Яблони... при коих (родителях. — В. Г.) воспитавшись до пятилетнего возраста проездившим в г. Киев... Запорожского войска казак Саввою Самодригою взят и завезен к речке Ингульце...»⁴ и т. д.

Экономический смысл «подговора» и увоза документы выясняют с полной отчетливостью. Петр Баленко, например, по приходе в 1754 г. в Сечь, в Ивановский курень, направился в Великий Луг и там жил у казака «годов в найме два», после чего нанялся в работники к другому хозяину и т. д.⁵ Грицко Куц показал, что по прибытии в Сечь, в Титаревский курень, «служив многие года в рыбалок»⁶. О том же вспоминали позднее на Кубани черноморские казаки. Казак Шкуринского куреня Павел Головка на допросе в 90-х годах XVIII в. показывал: родился он в местечке Пятигорском (Правобережье) «от отца зашедшего туда из прежних запорожцев Ивана Головка и матери Наталии, которыми воспитан до 15 лет и в том возрасте приездившим туда для продажи рыбы отцовым родным братом, а его дядею, войска Запорожского казак Степаном Шостаком взят и завезен в Запорожье, при котором он находился два года во услужении, от которого отошедши служил в тамошних разных казаков до разрушения Сечи»⁷. Казак Леушковского куреня Петр Деревянченко, 40 лет, в 1795 г. показывал: родился

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 51, л. 74.

² Там же, л. 44.

³ Краснодарский государственный краевой (исторический) архив (КГКИА), ф. 250, св. 17, д. 60.

⁴ Там же, св. 16, д. 59.

⁵ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 51, л. 74.

⁶ Там же, л. 44.

⁷ КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 21, л. 93.

в слободе Даниловке, Гадяцкого полка, в семье казака и в 15-летнем возрасте увезен запорожцем Дмитрием Скакуном «в бышее войско Запорожское. Находился перее во оног Скакуна в служении»¹. Допрошенный 19 октября 1795 г. Д. Скакун подтвердил, что Петр Деревянченко «во время его Скакуна бытности в службе в бышем войске Запорожском был у него в работниках лет пятнадцать»².

Одни из пришлых или завезенных на Запорожье тотчас же записывались в казаки, другие позже. Черноморец Демьян Зуб, 64 лет, на допросе в 1798 г. объяснял, что он был завезен на Запорожье из Лубенского полка в 11-летнем возрасте и позже, «ревнуя предкам своим», записался «в то войско в курень Джерелиевский»³.

Помещики при содействии правительственных властей стремились разыскать и вернуть беглых крестьян. 1 августа 1770 г. абшитованный войсковой товарищ Миргородского полка Иосиф Зарудный направил в Кош письмо. В нем он сообщал о бегстве из с. Злодеевки, Миргородского полка, крестьян, записанных за ним по ревизии 1764 г. Предварительно Зарудный собрал необходимые сведения о местонахождении бежавших, так как точно указывал, у кого и где они проживают. Крестьяне Демьян Винниченко и Федор Супруненко, по его словам, находились у запорожского казака Нижестеблиевского куреня Юска Черного, а Грицко Уласенков-Зять, он же Запорко, Василь Коливушко, Панас Лисятенков племянник и Герасим Терешков сын — в слободе Новоселице у запорожца Алексея Чепиноги. Помещик подчеркивал при этом, что оставшихся у него крестьян он обязал платить за беглых денежные оклады и отправлять за них разные натуральные повинности⁴. Предусмотрительный помещик вместе с письмом направил к кошевому началству и своих нарочных — сыщиков, которые должны были при содействии запорожских властей разыскать и доставить ему беглецов⁵.

Отлично понимая, что запорожские власти не проявят большой энергии при розыске беглецов, Зарудный в тот же день отправил письмо своему куму, бывшему кошевому атаману Григорию Федорову, влиятельному в Сечи человеку, которого просил подать «руку помощи» — повлиять на запорожское начальство и добиться распоряжения о розыске и выдаче бежавших крестьян. Опытный в житейских делах абшитованный войсковой товарищ к своей покорнейшей и нижайшей просьбе приложил вещественный аргумент. Его нарочные доставили Григорию Федорову, судье Николаю Тимофеевичу, начальнику запорожского духовенства иеромонаху Владимиру и другим влиятельным лицам «подарок». Григорий Федоров получил штоф водки, боченок вишневки и к этому

¹ КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 31, л. 111.

² Там же, л. 35.

³ Там же, св. 18, д. 61.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 272, л. 4.

⁵ Там же.

обильную закуску: две булки, ящик пастилы, яблок, мешок пшеницы и пр. Такие же подарки получили и его коллеги¹.

Одновременно с перепиской по делу крестьян Зарудного началась переписка о крестьянах, бежавших из имений генерального обозного, члена Малороссийской коллегии Кочубея. Из промемории² Екатерининской провинциальной канцелярии от 26 мая 1771 г. в Кош явствует, что в данном случае имело место массовое бегство крестьян от помещика. От Кочубея бежало только мужского пола 267 человек. Часть бежавших направилась в Запорожье. Из приложенного реестра видно, что многие крестьяне бежали со своими семьями — с женами и детьми³. Екатерининская провинциальная канцелярия требовала немедленного розыска и возвращения крестьян.

Крепостники старались всячески предупредить бегство, выследить подозрительных, задержать «зачинщиков» и пр. Поэтому крестьяне нередко обращались за помощью к запорожским казакам, которые вооруженной рукой оказывали сопротивление преследователям. Подобное событие произошло в 1774 г. во время бегства 18 человек из имения украинского помещика Г. Бутовича. В письме к Калнишевскому от 29 июля 1774 г. Бутович рассказал об этих небезинтересных обстоятельствах. По его словам, бежавшие крестьяне были в 1770 г. перевезены им с Правобережья и поселены в балке Лозоватой, около крепости св. Елизаветы, в качестве подданных. Задумав бежать от пана, крестьяне вступили в связь с запорожцами, которые группой в 14 человек «при воинском оружии» прибыли в слободу Бутовича. При такой ситуации помещик оказался бессильным проявить свою власть, и его крестьяне, охраняемые казаками, благополучно ушли на Запорожье. Требуя от Калнишевского розыска и возвращения беглых, Бутович приложил к письму список имен бежавших и их имущества. Всего бежало 5 семейств с 20 волами, 8 коровами и 80 овцами⁴.

Нередко бегство на Запорожье принимало массовый характер: поднимались целые поселения зависимых крестьян. Такой выход сопровождался часто волнениями крестьян помещичьих имений. Весной 1772 г. в Гадяцком полку, в слободке бунчукового товарища Михаила Милорадовича, насчитывавшей более 20 дворов, крестьяне отказались повиноваться помещику и платить казенные подати. Тщетно приказчик понуждал их к повиновению. Когда же он попытался выгнать крестьян на работы в лес, они избили его, затем ворвались в помещичью усадьбу, посадив сначала в погреб войта, захватили 80 рабочих волов, 6 лошадей, 5 коров, 111 голов гулевого скота, 40 овец и стали готовиться к отъезду. Крестьяне жгли свои хаты, вооружались косами, копьями и ружьями и, наконец, 2 апреля вместе с семьями и имуществом целым обозом вышли из слобод-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 272, л. 6.

² Промемория — памятная записка.

³ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 272, лл. 60, 144, 145.

⁴ Там же, д. 343, л. 33.

ки. Сообщая об этих фактах, Гадяцкая канцелярия уведомляла Кош о том, что часть ушедших крестьян направляется на Запорожье — в селения Котовку, Калантаевку и Бабаевку, а часть ушла в Новороссийскую губернию¹. Зная по опыту, что запорожские власти не обнаруживают особой энергии при розыске беглых, Гадяцкая полковая канцелярия настойчиво и многословно подчеркивала, что крестьяне совершили не простой побег, а «разбойный», сопровождавшийся вооруженным насилием и захватом помещичьего имущества. Чтобы сделать свое сообщение и требование о розыске бежавших еще более убедительными, полковые власти ссылались на существующее законодательство, защищающее права украинских помещиков на посполитых, живущих в их имениях.

В 1771 г. было начато дело о розыске девяти семей подданных полтавского обозного Руновского, бежавших на Запорожье из слободы Орчик. Екатерининская провинциальная канцелярия, сообщая об этом в Кош и требуя розыска и высылки беглецов, констатировала тягу помещичьих крестьян из близлежащих местностей на Запорожье. В этом отношении она, бесспорно, выражала опасения не одного Руновского, а всех помещиков, чьи имения граничили с Запорожьем. Если запорожские власти, писала Екатерининская канцелярия, не станут на путь решительного отказа в приеме беглых, то уйдут не только все крестьяне Руновского, но «удержать от побегов и прочих поселян будет невозможно»². Одновременно указывалось и на другие обстоятельства. По словам того же документа, запорожцы «сглашают» беглецов «показывать... якобы под запорожское владение давно зашли»³. В этой фразе содержится открытый намек на потворство беглым со стороны запорожских властей.

Обычным явлением во II половине XVIII в. было бегство на Запорожье левобережного казачества. Об этом можно судить на основании многих данных, в частности биографий запорожских казаков, записанных во время допросов в войсковой пушкарне. Среди массы разоряемого служебными повинностями и разного рода поборами бедного и среднего левобережного казачества, искавшего лучшей доли на Запорожье, мы встречаем в отдельных случаях также зажиточных и богатых казаков.

Левобережные казаки шли на Запорожье под влиянием безотрадной перспективы разорения и закрепощения. В 1771 г. Гадяцкая полковая канцелярия вела переписку с Кошем по поводу бежавшего на территорию Орельской паланки в слободу Котовку выборного казака с. Романовки, Староковалевской сотни, Федора Волощенко, отправившегося на Запорожье с тремя повозками, шестью волами и двумя лошадьми. Повозки были нагружены хлебом и разной домашней рухлядью. Для определения экономического поло-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 304, л. 67.

² Там же, д. 272, л. 37, см. также лл. 2, 31.

³ Там же, л. 37.

жения Волощенко характерно то обстоятельство, что с ним ехали два его работника. Побег был совершен под видом поездки для продажи хлеба¹. По словам гадяцких властей, Волощенко сманили на Запорожье приезжавшие из Котовки в Романовку два запорожских казака. Для богатого казака Волощенко, эксплуатировавшего труд двух наемных работников, Запорожье в смысле экономического преуспеяния представляло большой простор, нежели Левобережье, где на казачество наступали два противника: крепостники и крепостническое государство.

Характерным явлением, однако, было бегство с Левобережья не зажиточного и богатого, еще не потерявшего свободы казачества, а разоренного и разоряемого, на шею которого уже набрасывалась крепостническая петля.

Усиление феодально-крепостнического гнета в Слободской Украине также порождало надежду у местного крестьянства на избавление от неволи в запорожских местах. Бегство из Слободской Украины и с Левобережья имело одни и те же формы. Бежали не только отдельные люди и семьи, но и целые поселения. Из слободы Ивановки, Валковского комиссарства, Харьковского уезда, например, принадлежащей И. С. Гендрикову, бежало в 1769—1770 гг. 78 крестьян, а всего числилось в бегах 153 человека².

Помещики, производя розыск бежавших на Запорожье крестьян, жаловались на то, что беглецы укрываются запорожскими казаками, обычно зимовичанами. Это обвинение в письме в Кош от 4 апреля 1772 г. повторил и слободско-украинский губернатор генерал-майор Щербинин. Письмо было направлено «кошевому атаману со старшиной и товариством» в связи с жалобой чиновника губернской канцелярии Е. Костылева по поводу бегства от него двух крестьян. Бежавшие, по наведенным губернской канцелярией справкам, по прибытии на Запорожье переменили фамилии и жили в слободе Новоселице у одного запорожского казака³.

Запорожские казаки, старавшиеся привлечь в свои хозяйства беглых, отстаивали и оберегали их от посылаемых помещиками на Запорожье агентов-лазутчиков. 29 октября 1757 г. к кошевому атаману обратился с письмом изюмский полковник Краснокутский. Письмо было вызвано тем, что все попытки Краснокутского вернуть бежавшего на Запорожье крепостного Масловского успеха не имели. Не говоря уже о том, что запорожские власти оставили без удовлетворения двукратную просьбу Краснокутского о возвращении беглого, Масловского не могли вернуть и агенты помещика, посланные на Запорожье. Более того, когда, найдя Масловского в слободе Новоселице, они хотели схватить его, несколько запорожских казаков — Синегуб, Черный, Порожний и другие не только защитили Масловского, но и избili нарочных. Несмотря на свое высокое официальное положение, изюмский полковник слезно

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 272, л. 19.

² Там же, лл. 46, 51.

³ Там же, л. 129.

молил кошевое начальство учесть те трудности, которые претерпевают помещики, лишаясь крепостных, и возвратить беглого¹.

Беглых укрывали также местные, слободские (сельские) запорожские власти, которые при этом, разумеется, руководствовались теми же интересами, что и казаки-хозяева, принимавшие и укрывавшие беглецов. В этом отношении весьма показательны следующие документы. В 1771 г. завязалась переписка между Изюмской провинциальной канцелярией и Кошем по поводу жалобы изюмского помещика Норца о бегстве из его хутора крепостных Погуляя и Грица с женами и детьми на Запорожье, в слободу Мечелобовку. Когда Норец, выследивший беглецов, послал в Мечелобовку своего нарочного, чтобы схватить их и вернуть на прежнее место, за беглых крестьян заступился мечелобовский слободской атаман Яков Гончар. Беглецы не были возвращены. Возмущенная поведением запорожских властей, провинциальная канцелярия упрекала Кош в том, что не только запорожские казаки сманивают и укрывают крепостных крестьян, но что в этом виновата даже старшина в лице полковника Барвенковостенковской паланки Гараджи, который, например, прибыв в Изюм на рождественскую ярмарку, подговаривал крестьян помещика Зарудного к побегу на Запорожье. При этом запорожский полковник уверял крестьян, что они, во-первых, будут жить, «где пожелают», во-вторых, в случае розыска помещиком выданы не будут². Действительно, когда Зарудный отправил своих нарочных подпоручика Туленинова с двумя нижними чинами в слободу Мечелобовку, атаман Гончар заявил, что крестьяне ушли в другое место. Тогда Туленинов схватил Гончара и увез его для следствия в Изюм. За Гончара вступился барвенковостенковский полковник и т. д.³ Из всех этих перипетий, связанных с розыском крестьян помещиков Норца и Зарудного, Изюмская провинциальная канцелярия сделала один весьма серьезный вывод: слободской мечелобовский атаман Гончар действовал, укрывая и защищая беглых крестьян, при активной поддержке барвенковостенковского полковника Гараджи⁴.

Значительную часть пришельцев на Запорожье составляли беглецы из великорусских губерний. В 1735 г., например, шла переписка по поводу крепостного Алексея Федорова, бежавшего на Запорожье от подпрапорщика Сибирского полка Якова Спешнева⁵. В том же году русский помещик Горчаков разыскивал на Запорожье своего крепостного Якова Соколова⁶. Тогда же в Кош обратился с просьбой о розыске бежавших двух дворовых крестьян помещик Стрешнев⁷. В 1756 г. секунд-майор Новосеченского ретран-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 73, лл. 22, 23.

² Там же, д. 272, л. 89.

³ Там же, лл. 109—111.

⁴ Там же, л. 111.

⁵ Там же, д. 4, л. 4.

⁶ Там же, л. 3.

⁷ Там же, л. 6, см. также д. 18, л. 120.

шешента Федцов сообщил в Кош о бегстве крепостного Никиты Иванова, принадлежащего поручику Новосеченского ретраншемент-та Аристову¹. 31 августа 1760 г. командование Воронежского полка ландмилиции писало в Кош о бегстве крепостного, принадлежащего капитану этого полка Уткину². 2 сентября 1774 г. Новороссийская губернская канцелярия напоминала кошевому начальству о необходимости разыскать и вернуть две семьи крестьян, принадлежащих отставному прапорщику Черного гусарского полка Г. Банди, бежавших на Запорожье в августе 1773 г.³. Примеров подобного рода можно привести множество.

Среди бежавших на Запорожье великороссов было немало солдат и рекрутов. В 1735 г. на Запорожье бежало пять солдат Ревельского драгунского полка, причем двое из них в полном вооружении и на казенных лошадях⁴. В 1755 г. возникла переписка по поводу бежавшего на Запорожье солдата драгунского полка Дмитрия Сокольников⁵. В 1757 г. подобная же переписка велась по поводу бежавших солдат С.-Петербургского драгунского полка Петра Бочкова⁶, Борисоглебского драгунского полка Григория Густобрагова и Федора Попова⁷, а также в связи с бегством многих других.

Документы рисуют достаточно точную и подробную картину положения беглых солдат на Запорожье. Оно ничем принципиально не отличалось от положения других беглецов. Об этом мы узнаем от самих бежавших, которые были разысканы и возвращены военным властям. Рекрут Анисим Духанин в 1757 г. рассказывал, что, бежав четыре года назад на Запорожье, жил все это время у одного казака «на хуторах его»⁸.

Каковы были взаимоотношения такого беглеца с хозяином-казакком, отчетливо показываются допросы других солдат. Драгун Дмитрий Сокольников заявлял, что, «пришед в запорожские вольности, жил по найму заведома беглого у казака Щербиновского куреня Мирона Гнедого один год»⁹. Хозяина, державшего Сокольников, не интересовало, как видим, правовое положение беглеца. Он нанимал его на работу так же, как и всякого другого. При этом, разумеется, хозяин легко поддавался соблазну поставить нелегального человека, разыскиваемого властями, в более тяжелое экономическое положение по сравнению с легальным наемником. Тем не менее такой «нелегальный» работник, как и всякий другой, свободно (насколько можно говорить о свободе для человека в таком положении) переходил от одного хозяина к другому. Сокольников,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 40, л. 15.

² Там же, д. 18, л. 100.

³ Там же, д. 343, л. 45.

⁴ Там же, д. 4, л. 2.

⁵ Там же, д. 18, л. 47.

⁶ Там же, д. 73, л. 11.

⁷ Там же, д. 18, л. 27.

⁸ Там же, д. 73, л. 6.

⁹ Там же, д. 18, л. 47.

например, «взяв заработанные деньги» у Мирона Гнедого, пошел от него в поисках заработка в другое место¹.

Разные слои запорожских казаков по-разному относились к беглым, в том числе, разумеется, и к солдатам. Если богатые и зажиточные запорожцы смотрели на беглецов как на желанную рабочую силу, которую можно было беспощадно эксплуатировать, то бедное казачество, в особенности серома, относилось к беглым с искренним сочувствием. Драгун Густобрагов сообщил в связи с этим следующие небезинтересные подробности. 8 сентября 1754 г. он вместе с солдатом Тамбовского драгунского полка Родионом Тушевым бежал в Запорожье. По дороге, не доходя р. Суры, Тушев отделился от него, и Густобрагов продолжал путь сам. У р. Суры путника встретили запорожцы, заготавливавшие строительные материалы. Они радушно приняли беглеца, оставили ночевать, подбрили ему голову «по черкасски», дали на дорогу хлеба и посоветовали идти вверх по р. Суре в зимовники, подчеркнув, что «там де [много] вашей братии»². Густобрагов послушался совета и пришел в зимовник казака Батуриного куреня, где и жил «заведома беглова» шесть недель, после чего хозяин посоветовал ему идти в Великий Луг, к р. Московке. Там Густобрагов нанялся к казаку Сергиевского куреня Тимофею Ковалю, у которого жил семь недель, от него пошел в зимовник казака Поповичевского куреня Павла Тарана, где проработал около четырех месяцев, и т. д.³ Солдат Борисоглебского драгунского полка Федор Попов, бежавший в 1755 г. в слободу Новоселицу, работал первоначально у казака Трофима Щербины, а затем перешел к другому казаку, где занимался сапожным ремеслом. Как первый, так и второй хозяин были осведомлены о том, что Попов — беглый⁴.

Еще более интересные подробности о своих скитаниях по Запорожью рассказали в 1757 г. драгуны Игнат Стебунов и Аврам Белозерцов. Стебунов бежал из г. Харькова, где находилась его воинская часть, «по подговору» двух запорожских казаков — Ивана Болдыря и Дмитрия Бороды. Придя на Запорожье, он отстал от них и нанялся к казаку Динского куреня Остапу Стешенко «в работу на год»; «по отжитии» срока у Стешенко Стебунов отправился «для ставки плотов». Проживал он на Запорожье до тех пор, пока не был пойман нарочной командой⁵.

Военные власти в лице генерал-лейтенанта П. Девьера требовали от Коша наложения штрафа на казаков Болдыря и Бороду за подговаривание драгуна Стебунова к побегу, а на казака Стешенко — за передержательство заведомо беглого человека.

Белозерцов, бежавший из своей команды, стоявшей в низовьях Днепра, в Великий Луг, жил первоначально в зимовнике каза-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 18, л. 47.

² Там же, л. 27.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 73, л. 10.

ка Каневского куреня Родиона, откуда перешел в Калмиус к казаку Трофиму Скорою, где находился «при рыбной ловли месяца четыре», после чего ловил рыбу у казака Петра Калмыка, а затем работал «у разных чинов людей понедельно и поденно одну зиму»¹.

В тех случаях, когда военные власти, разыскивавшие дезертиров, проявляли по отношению к Кошу большую настойчивость и приводили точные данные о передержателях-казаках, запорожские власти находили мотивы, которые должны были или смягчить вину, или оправдать казаков-хозяев и, таким образом, освободить их от штрафа.

Беглый солдат попадал на Запорожье в такие же условия, как и всякий неимущий. По примеру себе подобных он шел на заработки, нанимаясь к разным хозяевам на срочную работу, или поддерживал себя поденной работой. Казаки-работодатели в погоне за рабочей силой безразлично относились к правовому положению прибывавшей на Запорожье бедноты.

Большая часть беглецов, при этом безотносительно к их национальности, приписывалась к запорожскому «товариству». Вот показания казака Сергиевского куреня Ивана Садило, допрошенного 20 марта 1773 г. в связи с покушением его на жизнь войскового судьи Николая Тимофеева. Садило прошел тернистый путь от крепостного крестьянина до запорожского серомахи. Он родился в с. Бородино, Московской губернии. Отец Садило Лаврентий Лысый принадлежал отставному капитану, фамилию которого Садило не назвал, отговариваясь незнанием. От первого помещика, капитана, около 1766 г. он, по причинам, которые не были названы, перешел к другому, фамилию которого Садило также отказался назвать. Новый хозяин продал Садило в г. Стародубе третьему помещику, некоему Андрею Иванову. От этого последнего Садило бежал сначала в Киев, а из Киева на Правобережную Украину. Оттуда с чумацким обозом, шедшим за рыбой, он прибыл на Запорожье. Тут беглец служил сначала у казака Кушевского куреня Саввы Белецкого два года, получая по 3 руб. 50 коп. в год, а в начале войны пошел к р. Самаре к казаку того же куреня Трофиму Губе, в зимовнике которого служил два года за 7 руб., и т. д. В 1770 г. Садило был отправлен в поход вместе с другими запорожскими казаками. Совершенно очевидно, таким образом, что он безо всяких формальностей был в свое время приписан к Запорожскому войску. Так как последнее было обычным явлением, то о нем не считалось нужным говорить. По возвращении из похода Садило жил некоторое время в курене, а затем снова пошел на заработки. Когда было выяснено, что Садило — беглый крепостной, он был отправлен в Новороссийскую губернскую канцелярию².

Запорожские казаки-наниматели, в цепкие лапы которых попадала громадная часть бежавших на Запорожье, были, как сказано, заинтересованы в том, чтобы скрыть беглецов от разыскива-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 73, л. 19.

² Там же, д. 266, лл. 48—52.

ющих их властей. Такие же интересы в основном руководили и старшиной, отдававшей распоряжения о розыске и выдаче бежавших только в тех случаях, когда поступить иначе означало потерять репутацию в глазах высшего начальства и навлечь на себя неприятности. Логика экономических интересов, руководивших запорожскими богачами, нуждавшимися в рабочей силе, ограждала массу беглецов от преследователей.

Конечно, эта защита не была вполне надежной, и беглеца часто выдавали, если помещик, разыскавший своего крепостного, являлся влиятельным лицом или умел найти действенные средства для давления на Кош.

Более прочно и уверенно чувствовали себя на Запорожье те беглые, на которых помещик не имел безусловных прав. Последнее было обычным явлением на Левобережной Украине до 1783 г., т. е. до запрещения перехода крестьян от одного владельца к другому. До 1783 г. закрепощение реестрового казачества и постолитых очень часто принимало характер голого насилия, не сопровождавшегося юридическим оформлением самого факта закрепощения. Естественным следствием этого было то, что закрепощенные и закрепощаемые, бежав на Запорожье, т. е. попав под юрисдикцию Сечи, становились тем самым под защиту Коша. Если беглецы подобного рода сумели упрочить на Запорожье свое экономическое положение, они могли чувствовать себя вполне независимо, не опасаясь за свою дальнейшую судьбу. Для характеристики того чувства независимости от помещика, которое было свойственно таким людям, приведем весьма интересный документ — письмо беглого своему бывшему господину. 2 апреля 1775 г. левобережный помещик, один из виднейших украинских землевладельцев, сын гетмана Апостола, бригадир Петр Данилович Апостол обратился с письмом к кошевому атаману. Он сообщал, что многие из его «природных подданных», записанных за ним по ревизии 1764 г. и обложенных рублевым окладом и прочими повинностями, тайно бежали на Запорожье с семьями и имуществом. Перечислив ряд фамилий, помещик остановился на Владе Шульге, который ушел на Запорожье «по промыслу», взяв у Апостола паспорт. Когда срок отпуска истек, помещик отправил в слободу Чаплинку своего посланца, приказав ему вернуть Шульгу. Однако Шульга возвратиться отказался, а местные власти взяли его под свою защиту. Помещика в особенности задел тот факт, что Шульга не ограничился простым неповиновением господской воле, а написал, как заявил взбешенный помещик, «ко мне в гордых и неприличных терминах небездосадительное письмо». Копия письма Шульги была прислана в Сечь с просьбой разыскать беглеца и обидчика и выдать его в распоряжение Апостола¹.

Текст письма Шульги — эту своеобразную «декларацию прав» бывшего крепостного, ставшего запорожским казаком, приводим

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 272, л. 196.

полностью. «Вельможный и высокородный господин бригадир Петр Данилович, милостивый батьку и добродию! Нарочно посланными кровными моими, якобы по указу высокомонаршему, за мною происк делаете, однак, мне здается, напрасный. Был я малым и служил с кривавым потом бригадирию, а когда пришел в совершенство, стал верно служить государю и до последней капли крови моей; был я малым и ведать не мог в тонкость, в чем залежит присяга, а тепер достоверно уверился, кому присяглы, тому должны верою правдою служить; да кому же? — государю, а не бригадирию, присяглы, — государю должны и служить, и запорожская теперича служба не хуже вашей, одно только достоинство исключая. Я человек простий и не знал, в чем большая залежить служба, целому отечеству и империи, и так малолетний мыслил, что служба изрядная в граблях та в вилах, однак точность единственно выводить бригадирию, а нонеча служба верная, к ружжам единственно, государю. Да при том давно уже ваша вельможность в приказной должности состоите, изволите перечислить журналы предков ваших и наших бывших гетманов. коего болше было числа — козачьего или посполитых, а тепер самое нужное воинское время надобно государыне монархине нашей сто крат болше воинства, нежели посольства. Итак я рассудив верность империи наблюдаю и за сим отишел от вас: прикажчика Александра Стрижевского за обиду крайнюю представляю. По его я нахалному налогу откинувся до козацкого порогу.

На подлинном подписался вашей вельможности охотный слуга Влас Шульга, куренный Иркиевский. 1775 г. января 10 дня»¹.

Из этого письма, которое приведено с соблюдением орфографии автора, видно, что запорожский казак, бывший помещичий крестьянин, настолько уверенно чувствовал себя на новом месте, что не считал необходимым приводить конкретные доказательства для оправдания своего бегства. Нельзя предположить, чтобы этот беглый крепостной, читая наставления своему пану, надеялся только на силу своей логики. Он знал тяжесть десницы своего владельца и степень его влияния в административной сфере. Остается единственное предположение: Влас Шульга, как и многие другие, хорошо усвоил ту мысль, что вернуть беглого из Запорожья было делом далеко не простым и не скорым.

Бегство на Запорожье крестьян, солдат и других угнетенных элементов феодально-крепостнического общества давно обращало на себя внимание правительства. Власти, как отмечено выше, старались сдерживать этот поток путем применения специальных полицейских мер. Однако правительственные распоряжения не оказывали, как правило, должного воздействия на малочувствительную и малоподвижную в вопросе борьбы с беглыми запорожскую старшину. 11 июля 1758 г. гетман Разумовский специальным письмом в Кош сделал выговор кошевому атаману, старшинам и всему «тс-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 272, л. 197.

вариству» за нерадивое отношение к розыску беглых. Гетман ставил на вид Запорожскому войску, что оно, несмотря на неоднократные приказы со стороны генералитета и постоянные напоминания, не только не выдало бежавших трех драгун Ливенского полка ландмилиции, но даже не ответило. Старшина должна была выслушать упреки за то, что «немало беглых солдат и других шатающихся без пашпортов людей в войске запорожском сыскивается (разыскивается. — В. Г.)». Такое положение было возможно, как констатировал Разумовский, «от нестроного тамошней запорожскою старшиною в войске подтверждения»¹. Разумовский повелевал немедленно разыскать и выслать из Запорожья всех беглых великороссийского происхождения, а также не принимать впредь и других беспаспортных под страхом ответственности перед законом. Для большей убедительности своего приказа Разумовский ссылался на императорскую грамоту от 8 июля 1758 г., запрещавшую прием беглых. Под впечатлением выговора Кош 14 августа 1758 г. разослал полковникам приказ разыскать беглых, пойманных забивать в колодки и под строгим караулом присылать в Сечь².

Подобного рода гетманские наставления повторялись нередко. 14 января 1762 г. Кош в ордере деревянковскому и леушковскому куренным атаманам ссылался на то, что гетман Разумовский неоднократно приказывал выдворять из пределов Запорожья незаконно пришедших туда «малороссийских людей»³. Выполняя требование высшего начальства, Кош время от времени продолжал обращаться к местным властям с приказами, напоминавшими о необходимости борьбы с беглыми. 9 августа 1770 г. атаману Пластунского куреня Третьяку было приказано бродяг и беспаспортных «всемерно стараться пересматривать и ловить»⁴.

Однако все эти распоряжения оставались только на бумаге. Никакими правительственными указами, гетманскими ордерами и полицейскими мерами невозможно было ни приостановить бегства крепостных крестьян и закрепощаемых казаков от своих угнетателей, ни воспрепятствовать приему этих беглых в казаки. С одной стороны, крепостное крестьянство выталкивалось из своих насиженных мест неумолимо растущей феодально-крепостнической эксплуатацией, а реестровое казачество бежало от увеличивающихся денежных и натуральных повинностей и от надвигающейся перспективы попасть в крепостное ярмо. С другой — невозможно было выловить и вернуть сколько-нибудь значительной части из тех, кто спасался бегством на Запорожье. Это объяснялось теми социально-экономическими явлениями, которые приобрели достаточно отчетливые формы в период Новой Сечи. Сущность их заключалась во все растущей потребности на наемную рабочую силу во всех отраслях хозяйства и прежде всего в зимовниках богатого

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 18, л. 56.

² Там же, л. 57.

³ Там же, д. 111, л. 17.

⁴ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, вып. V, стр. 24.

и зажиточного казачества, на рыболовных промыслах, а также в области отправления военной службы. Развивающиеся товарно-денежные отношения требовали все нового и нового притока рабочих рук.

Казацкая «воля», добыть которую стремились крепостные, бежавшие на Запорожье, для огромного большинства их представляла собой не что иное, как наемное рабство. Рассматриваемое с точки зрения социально-экономической эволюции страны, бегство крепостных крестьян на Запорожье было выражением процесса разложения феодально-крепостнической системы и роста новых, буржуазных отношений.

Социальный состав беглых был очень разнообразен. Значительная часть их представляла собой элемент, располагавший единственным достоянием — руками, способными держать не только пастуший кнут или ручку плуга, но также саблю и копье.

Вопрос о положении беглых на Запорожье по-разному рассматривался историками. Известно, что, прибыв на Запорожье, беглые в огромном своем большинстве поступали в казаки. В этой связи возникает вопрос: каким именно условиям должен был удовлетворить пришелец, чтобы быть принятым в казаки?

Д. И. Эварницкий называет пять таких условий. Первое из них — «быть вольным и неженатым человеком»¹. Одни авторы склоняются к той мысли, что в запорожцы могли попадать только реестровые казаки и их сыновья из Гетманщины, что же касается «мужиков», то им не было места в военной организации Запорожья. Другие, как например М. Слабченко, прием в казаки представляют в виде очень сложной процедуры, при которой вступающему предъявлялись многочисленные требования. По мнению М. Слабченко, всякий пришелец должен был пройти ряд ступеней всеобразного искуса. Последовательно он обязан был некоторое время состоять учеником — «джурой», потом «молодиком», или «малюком», и лишь после этого, выдержав испытание, длившееся несколько лет, мог записаться в казаки². Свою выучку «джура», по мнению М. Слабченко, проходил под началом опытного казака. Определяя положение ученика, М. Слабченко говорит, что «джура — не слуга, но и не пайщик в добыче своего атамана; он не только служит, но и учится»³. У этого автора отношения между джурой и наставником облекаются густой пеленой рыцарской романтики: «Из идеи отеческих отношений вытекала не только общность специальности, военного дела, но и общность духа, взглядов, вкусов, верований. Кто не разделял последнего, того не допускали и к первому. Не сбросив «ветхого человека» в предместьях Сечи,

¹ Д. И. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, стр. 184.

² М. Слабченко, Соціально-правова організація Січі Запорізької. Праці комісії для вивчення західно-руського та українського права, вип. III, К., 1927, стр. 234.

³ Там же, стр. 235.

нельзя было стать казаком, родиться для новой жизни, стать частью единого куренного тела»¹.

Замечу, кстати, что именно предместье Сечи и было средоточием «ветхого человека». Там шла бойкая торговля, там продавал, принимал в залог, шинковал оборотистый и юркий запорожец-торгаш. Характерно, что М. Слабченко при решении этого важного вопроса обращается к источникам совсем неубедительным. Во-первых, он опирается на рассуждения А. Скальковского. Последний же, как известно, истолковывал социальные категории Сечи в духе средневековых, шляхетских, рыцарских представлений. Скальковский в джурах и молодиках видел запорожских пажей². Во-вторых, М. Слабченко приводит в качестве доказательства думу о казаке Федоре Безродном. По поводу этого необходимо заметить, что дума о Федоре Безродном создана в более ранний период и не может служить материалом для иллюстрации социальных институтов Новой Сечи.

Рассмотрим по существу самый акт приема беглецов в казаки, т. е. приписку к сечевому куреню. Документы сечевого архива дают возможность представить это явление с ясностью, не оставляющей места для кривоколков. Вот интересные в этом отношении биографии запорожцев, допрашивавшихся в войсковой пушкарне. 21 декабря 1759 г. казак Величковского куреня Грицко Лисица дал следующие показания: родился он в г. Ромнах, Лубенского полка, приблизительно за шестнадцать лет до ареста, т. е. около 1743 г., пришел на Запорожье «и за приходом в Сечь пошел прямо в курень Величковский за атамана (во время атаманства.— В. Г.) Ивана Черного и тамо жил безотлучно при курене с полтора года. За приездом в курень козаков куренных тимошевских Кузьмы Глухого и Леска Карнауха взяли в зимовник, состоящий в Великом Кучугуре и тамо в службе находился годов з три»³. От Карнауха Лисица отправился в зимовник казака Тимошевского куреня Степана Дензя, «где служил чрез год». Оставив Дензя, Лисица пошел в зимовник казака Минского куреня Кирилла Чернецкого, «где с половины в ловле рыбы найдовался одну весну, а от него, Чернецкого, подошедши до куренного минского Остапа Крапивы в зимовник, состоящий над р. Темною, и тамо был в службе неотходно годов через три...» и т. д.⁴. Таким образом, Лисица до того, как стать наймитом на зимовнике, полтора года жил в курене, т. е. находился в составе сечевого гарнизона.

Естественно, что всякий прибывший на Запорожье беглец стремился прежде всего легализовать свое положение вступлением в войско, что оформлялось припиской к определенному куреню. Тотчас после этого он обычно начинал искать себе работу — шел «в

¹ М. Слабченко, Соц. прав. орг. Січі Запор. Праці комісії для вивч. зах.-руськ. та українськ. права, вип. III, стр. 235.

² А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. I, стр. 93.

³ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 23, л. 47.

⁴ Там же.

наймы», «в услужение» к старшине или богатому казаку. Это и понятно, так как сечевой гарнизон мог вместить лишь очень небольшую часть пришедшей на Запорожье бедноты. К этому следует добавить, что положение казаков, служивших в гарнизоне и живших в сечевых куренях, было исключительно тяжелым. На содержание куреней старшина стремилась израсходовать возможно меньше средств из войсковых доходов. Курень был убогим жилищем. Внутренняя обстановка его состояла из длинного некрашеного стола со скамьями и тянувшихся вдоль стен нар. Кормили в куренях всего один раз в день, причем очень скудно. Обычной пищей, по словам очевидца С. Мышецкого, была тетерея или саламаха. Она «варилась из муки ржанной с водою густо, из муки ж и из пшена жиже, на квасу, или рыбной ухе. Для онаго мука и пшено покупались на куренные деньги». Пищу в куренях варил «кухарь один, при коих бывали в помощниках малолетников два, или три». «Которые ж (из казаков.— В. Г.) хотели при том иметь когда рыбы или мяса, — продолжает Мышецкий, — то покупали для себя на собственные деньги, а прочие довольствовались только саламахою и тетерею. Обыкновенного хлеба никогда не имели. Пища оная поставлялась на столах в ночовках или корытах, называемых ваганках; имели ж к тому ложки, а тарелок, — заключает Мышецкий, — никогда (не имели.— В. Г.) и не для чего»¹.

Казаки в куренях подчинялись куренным атаманам. Мышецкий говорит, что куренные атаманы пользовались большой властью, часто бранили и даже били казаков, «понеже у онаго атамана всех казаков деньги и платье на руках. Ежели куда посылать, не столько казаки послушны будут кошовому и судье, сколько атаману своего куреня». Куренной атаман был не только начальником, но также судьей и управляющим куренным хозяйством, так как он заведовал куренной казною и продовольствием:

Тяжкая нужда и лишения заставляли казаков уходить из куреней на заработки в запорожские паданки. Приписка к куреню, следовательно, отнюдь не обозначала, что поступивший в казаки будет отбывать службу в гарнизоне. Казак Брюховецкого куреня Андрей Балабан, например, на допросе 3 октября 1760 г. показал: уроженец местечка Ирклей, Переяславского полка, он около 1750 г. пришел на Запорожье «прямо в вышепоказанный Брюховецкий курень, в котором у козака Грицка Блохи нанялся и служил неотходно четыре года (здесь нужно понимать, что Балабан служил не в курене у Блохи, а нанялся к Блохе, принадлежавшему к тому же Брюховецкому куреню, но жившему не в сечевом курене, а в своем собственном зимовнике.— В. Г.), а оттоль, отслуживши, в покойного Передерия, нанявшись, был один год во услужении...»². Как видим, едва приписавшись к куреню, Балабан сразу же нанялся на работу к казакам и продолжал оставаться в этом положении, переходя от одного хозяина к другому. Балабан, Лисица и многие

¹ Летописное повествование, ч. IV, стр. 81.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 51.

другие на допросах рассказывали главным образом не о пресловутом «посвящении в рыцари» запорожского «ордена», а о таких прозаических, но жизненно важных явлениях, как «наем», «услужение», «заработки» и прочее.

Для того, чтобы найти себе заработок, неимущему человеку, только что поступившему в казаки, не нужно было далеко ходить: работодатели — хозяева крупных зимовников, рыболовных промыслов, чумацких обозов и так далее, поджидали его тут же, у сечевых ворот, где и рядились с ним. Казак Леушковского куреня Запорожец, родившийся в Миргородском полку в семье казака Василия Запорожца, как видно из его допроса в октябре 1754 г., пришел около 1747 г. «в Запорожье пароконным единым возом и явился в курень Леушковский за атамана Прокопа Сулы, где прожил неделю в две, а с куреня пошел до невода с половины до казака леушковского Кузьмы, где был у невода чрез круглое лето... и от 748 до 752 годов бодался добычею рыбальством, а того ж 752 в осени с куренными полтавскими козаками наймом при возах...» в Крым ходил¹. В этом случае, как; впрочем, и в предыдущем, один «рыцарь» нанимает другого «рыцаря», принадлежащего к тому же куреню. Конечно, это нужно объяснить не «общностью духа» однокуренников-казаков, а, наоборот, полной противоположностью их идеологии, ибо один «рыцарь» выступал в роли нанимателя, работодателя, а другой в роли наемника, неимущего.

Запись в курень была почти необходимой формальностью, после выполнения которой новопринятый шел, как правило, «в наем». Иными словами, запись в казаки, как сказано выше, была формой легализации пришельцев. Часто бывало так, что казак-богач, нуждавшийся в работнике, брал на себя часть работ по записи в казаки пришельца, чтобы затем нанять его на работу в свое хозяйство. Павло Таран, казак Каневского куреня, рассказывая 23 февраля 1771 г. на допросе свою биографию, без обиняков заявил, что он «на Запорожье казаком каневским Тишком Берком завезен, в курень же приведен каневским казаком того ж куреня Андреем Кунашем, в якого он и служил год в зимовнику»². Черноморец Гординский на допросе в 1795 г. показывал: родившись в местечке Царичанке, Алексопольского уезда, в семье казака, он в 18-летнем возрасте «пошел отгеть в войско Запорожское до казака Полтавского куреня Майбороды, при коем (при Майбороде. — В. Г.) будучи, приписан был в числе того войска козаков»³.

Так как после прихода на Запорожье запись в курень была делом само собой разумеющимся, то многие не считали необходимым даже упоминать об этом на допросах. Никон Черный, казак Пластуновского куреня, на допросе 13 февраля 1774 г. такими словами изложил свою типичную для запорожского серомахи биографию. Уроженец Правобережной Украины, рано осиротевший, «слу-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 10.

² Там же, д. 266, л. 29.

³ КГКИА, ф. 249, св. 8, д. 31, лл. 127—132.

жил он по разным людям годов дванадцать, а потом приехавши с родственником своим в Запорожье, жил в Суре, в козака пластуновского Самойла Комлика, даже до сего военного времени, а в сие военное время (русско-турецкая война 1768—1774 гг. — В. Г.) ходил в три похода...»¹. Совершенно очевидно, что хозяин Черного Комлик записал своего наймита в тот же курень, к которому сам принадлежал, как это произошло с упомянутым выше Павлом Тараном.

С таким же характерным однообразием, вытекавшим из общности положения, рассказывали позже свои биографии черноморские казаки, бывшие в Запорожской Сечи. Игнат Белявский, черноморский казак Васюринского куреня, 50 лет от роду, в 1794 г. на допросе в Екатеринодаре показал следующее: родившись в Борзенской сотне, Нежинского полка, в семье дьячка, он после смерти отца, с восьмилетнего возраста, обучался грамоте в Киеве, откуда через пять лет «пошел в бывшее войско Запорожское для продолжения службы, в коем обращался во услужении по разным людям более 40 лет»².

Как видим, «ревность к военной службе» у Белявского практически выразилась в том, что он около 40 лет «обращался во услужении», т. е. работал по найму у разных хозяев. 18-летним юношей зашел с чумаками на Запорожье уроженец Лубенского полка Савва Таран «и, прибыв до Сечи, явился в курень Минской... от времени приходу на Запорожье при разных казаках служил, чумаковал и по р. Богу в рыбной добычи находался»³. Биографий подобного рода можно привести очень много.

Вполне понятно, что поступавшие в запорожское «товариство» пришельцы не отличались словоохотливостью, когда дело касалось их прошлого. Давая показания на допросах, они обычно ссылались на то, что пришли на Запорожье в малолетстве и поэтому не помнят родителей. Известный уже нам Лисица назвал своего отца Никитой, не указав фамилии, а Омелько Кулябка, казак Величковского куреня, назвал своего отца Иваном, также опустив фамилию⁴, и т. д.

Вопреки утверждениям буржуазно-националистических авторов, следует отметить, что все пришельцы, безотносительно к тому, были ли они свободными на родине (например реестровые казаки Левобережья) или крепостными, принимались в казаки без всяких формальностей. В вышеприведенном перечне биографий часть запорожцев принадлежала по происхождению к реестровому казачеству, как, например, леушковский казак Запорожец и черноморец Гординский. С другой стороны, имеется огромное количество примеров поступления в казаки заведомо крепостных людей. Крепостным, происходившим с Правобережной Украины, например, был упомянутый ранее казак Павел Таран. Впоследствии, на Кубани, крепост-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 8, д. 345, л. 5.

² Там же, св. 48, д. 370, л. 501.

³ А. Скальковский, Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII ст., Одесса, 1845, стр. 206.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 46.

ные с Правобережья на допросах уже не скрывали своего происхождения. Бывший запорожец Данило Залесский в своем прошении на имя черноморского войскового правительства от 1795 г. о принятии в черноморцы писал, что «он с польских уроженцев завезен в малолетстве в бывшее войско Запорожское дядею его родным того ж бывшего войска запорожского куреня дядьковского атаманом Афанасием Куцым, в коем находился в военном звании с 763 года до разрушения Сечи»¹. Черноморец Дядьковского куреня Василий Верещака на допросе в 1795 г. показал: «Родился он в бывшей Польской области в Подгорских пределах во владении князя Апостолика в местечке Янковцах от отца тамошнего подданного Степана Шевца... при коих (родителях.—В. Г.) воспитался до 10-летнего возраста, а в том возрасте выведен дядею его родным бывшего войска Запорожского козаком Грицком Носом в бывшую Сечь Запорожскую и за прописанием его тамо в тот же курень взяв его в свой зимовник, состоящий пониже речки Мокрой [слово неразборчиво], где жил лет восемь»². Черноморский казак Батуринского куреня Еремей Евтушенко на допросе в 1795 г. показал: «Родился он Киевского наместничества Хорольского уезда в селе Поповки от отца помещика бригадира Василия Капниста подданного Дмитрия Евтушенка». В «совершенном возрасте» Евтушенко «пошел в бывшее войско Запорожское, приписался в Батуринский курень»³.

Конечно, для свободного человека отсутствовали препятствия при вступлении в казаки, исключая номинальную принадлежность к православию. Необходимость принадлежать к православию подчеркивается официальными документами. В наказе запорожским депутатам Комиссии уложения 1767 г., т. е. в документе сугубо официальном, о приеме в казаки сказано: «В войско Запорожское из разных наций, для прожительства и службы малолетними и уже совершенных лет люди приходят, и по принятии ими закона греко-российского и на верность е. и. в. присяги, записываются в службу и выучившись совсем как следует регулы козацкой, живут некоторые (на Запорожье.—В. Г.), протчие ж по желанию их и по вольности поживши идут в Малую Россию, в Польшу...»⁴.

Как видно из этого документа, от поступающего в казаки, в том случае, если он исповедывал другую веру, требовалось принять православие. Однако это условие было чисто формальным, ибо никаких документов, подтверждающих принятие православия, не требовалось. Вполне достаточно было одного словесного заявления поступающего. В доказательство этого положения можно привести факты вступления в казаки поляков, евреев и т. д. Бывший запорожец Степан Мойсеев сын Заводовский в прошении в Черноморскую войсковую канцелярию 23 февраля 1798 г. писал: «В службу вашего

¹ КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 31, л. 84.

² Там же, л. 38.

³ Там же, св. 12, д. 43, л. 94—95.

⁴ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. III, Приложение, стр. 323.

императорского величества вступил я именованный из евреев в бывшее войско запорожское в курень Ведмедовский козаком прошлого 1763 года»¹. В удостоверение своих слов Заводовский предъявил аттестат, выданный Кошем 24 октября 1769 г. Аттестат в более полном виде представляет биографию Заводовского: «Он, Степан Заводовский, родился в турецком городе Хотине в законе еврейском, в котором он и жительствовавал до 763 года». В том же году абшитованный полковой есаул Василий Рецетовый, командированный секретной экспедицией «к вызову в Россию людей иностранных, его, Заводовского, в Россию вызвал и, привезя в Запорожскую Сечь, где с того еврейского закона в веру кафолическую по желанию его Заводовского выкрещен и в число протчих войска запорожского низового казаков в курень Ведмедовский принят»².

Некоторая часть запорожцев проживала за пределами войсковой территории и являлась в Сечь лишь по вызову Коша для отправления службы или участия в походе. Это были, по преимуществу, богатые казаки. Мышецкий писал: «А которые старые и добрые Козаки имеют довольно богатства... берут себе паспорта ...и из оных (казаков) много... взяв из Сечи все свое богатство, и женятся в Малороссии... и тамо остаются»³. Такие запорожцы, являвшиеся в Сечь лишь для отбывания службы, в 1760—1770 гг. исчислялись сотнями. Об этом свидетельствует, в частности, переписка Запорожского Коша с Малороссийской Коллегией и местными властями Левобережья в период войны 1768—1774 гг. Кош то просил содействия в высылке для участия в походе женатых казаков, живших со своими семьями на Левобережной Украине, то отправлял их с фронта домой на зимние квартиры или на излечение. В архиве сохранились списки таких казаков с некоторыми, хотя и очень скудными, данными об их имущественном положении и месте жительства⁴.

Это явление достаточно отражено и в документах черноморского архива. Черноморский полковой есаул С. Коломиец в прошении от декабря 1794 г. писал, что его отец еще в царствование Анны служил на Запорожье, а потом вернулся к своему отцу в местечко Будище и по соглашению с управляющим экономией графа А. Разумовского нанялся на службу в должность смотрителя «пчелиных заводов», женился и остался там, «однако ж в Запорожском войске был считаем в Полтавском курене». Сын его, проситель С. Коломиец, вступил в 1768 г. в запорожские казаки уже как сын запорожца⁵.

Нередкой была приписка к куреню, т. е. зачисление в казаки, малолетних. Казак Василий Верецака был приписан к куреню в десятилетнем возрасте, И. Зуб в 11 лет, Онисим Лалим находил-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 28, д. 235, л. 1.

² Там же, л. 2.

³ С. Мышецкий, История о казаках запорожских, М. 1847, стр. 9.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 254 и др.

⁵ КГКИА, ф. 250, св. 17, д. 60.

ся в Шкуринском курене «с малых лет» и т. п. Приписка в казаки малолетних широко практиковалась позже и в Черноморском казачьем войске.

Прием в казаки сопровождался обычно переменою фамилии. В этом обычае нужно видеть не что иное, как простое и естественное намерение вступающих в казаки скрыть свое прошлое. Это вполне понятно, если учесть ту обстановку преследований, которым подвергались крепостные, бежавшие на Запорожье. Придавать, как это делают некоторые буржуазные историки, перемене фамилии какой-то особый, ритуальный смысл, наподобие отречения от прежнего имени при вступлении в монахи, нет решительно никаких оснований. Подобный обычай перемены фамилии существовал и в Черноморском войске. Там фамилию менял, как правило, «незаконный» элемент — крепостные, бежавшие от своих владельцев. Нужно заметить, к тому же, что не все, вступая в казаки, меняли свои фамилии. Упомянутый выше Яблоня — сын киевского цехмистра — носил отцовскую фамилию как на Запорожье, так и в Черномории. Точно так же сохранил отцовскую фамилию и в Сечи, и в Черноморском войске казак Арциборзинский — сын шляхтича и т. д.

Таким образом, приписка к куреню, т. е. вступление в казаки, вовсе не означала, что поступающий будет отбывать службу в сечевом гарнизоне, даже в том случае, если он желал этого. Состав гарнизона ограничивался определенным количеством казаков. Разница в социальном положении отдельных групп рядового запорожского казачества шла отнюдь не по линии противопоставления сечевика несечевнику, а определялась экономическими признаками, отношением того и другого к средствам производства.

Подходя к явлениям с этой стороны, нужно решительно освободиться от тех воззрений, которые стремились укрепить некоторые буржуазные историки. М. Слабченко, например, определяя экономическое и правовое положение казака-работника, исходит из гипотезы о том, что отношения между казаками регулировались прежде всего нормами военного права¹. Военное право, по мысли этого автора, затрудняло и даже исключало возможность найма на работу одним казаком другого. Отсюда, в частности, делается ошибочный вывод о том, что большинство неимущих казаков старалось найти себе заработок за пределами Запорожья — на Дону, в Крыму, Турции и т. д.² М. Слабченко решительно заявляет, что сечевик не мог стать на работу к своему «брату-сечевнику», поскольку оба они были равноправны, и это равенство, по его словам, будто бы делало такого сечевика нежелательным работником³. Более того, М. Слабченко склонен в данном случае пренебрегать элементарными фак-

¹ М. Слабченко, Паланкова організація Запорізьких Вольностей. Праці Комісії для вивчення західно-руського та українського права, вип. VI, К., 1929, стр. 233.

² Там же, стр. 232.

³ Там же.

тами, утверждая, что на основании все той же казачьей регулы богач-зимовничанин не мог отказать в приеме сечевика-бедняку¹. Еще в более затруднительное положение, по мнению М. Слабченко, попадал неимущий запорожец в том случае, когда он приходил на зимовник запорожского старшины. Тут уж он оказывался всецело в рамках военной дисциплины и отношения между ним и работодателем отнюдь нельзя считать основывающимися на принципе купли-продажи рабочей силы². Эти отношения М. Слабченко считает необходимым рассматривать с точки зрения феодального права патроната³.

Дорисовывая эту совершенно утопическую картину, М. Слабченко прибавляет, что серомаха-сечевик питал якобы какое-то специфическое презрение к другому казаку лишь на том основании, что последний занимался хозяйством. Запорожский старожил Недоступа в своем рассказе более реалистически изображает взаимоотношения запорожских богачей с серомой: «Статечні козаки по слободах не шанували голоти, іноді й духопелили добре, як сірома зробить яку шкоду»⁴.

Запорожские казаки, отбывая службу, делились на конных и пеших. Д. Эварницкий, распределяя запорожцев по этому признаку, замечает: «Полагают, однако, что в Запорожском войске только бедные люди служили в пехоте, зажиточные же люди, или же люди внезапно одобычшиеся на войне конями, переходили в конницу»⁵. Далее он так определяет назначение пехоты: «Запорожская пехота выполняла тройное назначение у низовых козаков: часть ее составляла гарнизон Сечи, так как мы видим, что во время прибытия Хмельницкого в Сечь там было 300 человек гарнизона; часть занимала посты на Днепре на лодках и составляла собою линейную пехоту; часть или вела, в боевое время, с турками, татарами и ляхами войну, или же в мирное время занималась рыбной и звериной ловлею»⁶. Эти взгляды Эварницкого нуждаются в серьезном пересмотре.

Современный наблюдатель Запорожья XVIII в. пишет о казаках: «Пеших козаков не более быть может, как тысяч четыре, должность которых отправляет с них в пехоте всякий, неимеющий ремесла и пропитания, бродяга, убегая работы, за плату из казны 12 рублей жалованья и провианта»⁷. Далее тот же автор противопоставляет пехоте, которая служит «из пропитания», «имущественных людей, кои от собственного своего капитала исправиться в состоянии». «Имущественные» отбывали службу в коннице⁸.

¹ М. Слабченко, Паланкова організація Запорізьких Вольностей, стр. 232.

² Там же.

³ Там же, стр. 233.

⁴ Киевская старина, 1893, май, стр. 251—252.

⁵ Д. И. Эварницкий, Указ. соч., т. I, стр. 439—440.

⁶ Там же, стр. 439.

⁷ Киевская старина, 1889, декабрь, стр. 630.

⁸ Там же, стр. 60.

Отмечая трудность исчисления казаков, инженер-поручик Мышецкий, живший на Запорожье с 1736 по 1740 г., пишет: «О силе сих козаков, или о числе их, подлинного известия иметь было никогда невозможно, потому что они с начала своего... составлялись от разных пришлых людей, кои, по воле своей, в Козачество их приписывались, и опять, если кто возжелал куда перейти, или переселиться, отбывали»¹. А. Скальковский утверждает, что численность «товарищества», исключая поселян и семейных казаков, доходила к 1734 г. до 10 тыс. чел. Число это к 1770 г. возросло до 22 тыс.² В другом месте он говорит, что в 1762 г., при вступлении Екатерины II на престол, присягало около 18 тыс. сечевиков³.

В нашем распоряжении имеются данные, позволяющие несколько уточнить этот вопрос. Обратимся к двум документам. Это — рапорт Коша от 19 октября 1755 г. на имя гетмана К. Г. Разумовского и ордер того же Коша от 11 июня 1759 г. В первом документе читаем: «Ныне же по исчислению войска Запорожского козаков явилось двадцать семь тысяч человек»⁴. Во втором документе, составленном «с аккуратностью» четыре года спустя, находим на первый взгляд сильно преуменьшенную и трудно объяснимую цифру — 11769 казаков (из них конных «тысяч до пяти» и пеших «тысяч до шести»)⁵. Недоумение, однако, рассеивается объяснением, которое здесь находим: в число 11769 казаков вошли, по словам ордера от 1759 г., лишь те казаки, «якие могут во всякой воинской исправности в поход выступить» и которые «денежное жалованье получают»⁶. Иными словами, во втором случае в документе исчислены лишь казаки-собственники, способные отправлять воинскую службу за свой счет. Однако на Запорожье был широкий слой казачьей бедноты — серомы, лишенной всякого имущества и неспособной, ввиду этого, отправлять за свой счет службу даже в пехоте. Если из 27 тыс. казаков, означенных в рапорте от 1755 г., исключить 12 тыс. казаков-собственников, то казацкая серома должна была составлять 15 тыс. человек. Отсюда ясно, что в число 27 тыс. казаков, упоминаемых в рапорте, вошли все казаки, числящиеся в куренных реестрах, безотносительно к их имущественному положению.

Исходя из этих данных, можно определить и общее количество населения, проживавшего на Запорожье. Если считать семейными лишь казаков-собственников, т. е. 12 тыс. человек, и принять семью в 5 человек, то получим 60 тыс. человек. Если прибавить к ним 15 тыс. человек серомы (бессемейной, как правило) и приблизительно 25 тыс. посполитых с семьями, все население Запорожья можно считать равным 100 тыс. человек.

¹ Летописное повествование, ч. IV, стр. 72.

² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, стр. 220—221.

³ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. I, стр. 52.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 27, л. 48.

⁵ Там же, д. 77, лл. 50, 51.

⁶ Там же.

3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Земледелием и скотоводством на Запорожье занимались в зимовниках и слободах. Запорожский старшина Василий Чернявский писал в 1766 г.: «Запорожские козаки имеют некоторые селения, называемые зимовники, или хутора, при коих содержат рогатый скот, лошадей и овец; имеют пасеки для расплождения пчел и всякую экономию по свойству и качеству земли: заводят сады и огороды, запасаются сеном для прокормления скота и засевают поля разным хлебом, упражняются ловлею... зверей, а в реках рыб»¹.

Понятия «хутор» и «зимовник» — тождественны. С одним и тем же значением эти термины употребляются в различного рода документах сечевого запорожского архива. Например, в официальном донесении в Кош самарского полковника Федора Гнени от 2 июля 1773 г. владения «дикого попа» Кирилла Тарловского и атамана Петра Рябого названы хуторами², а в аналогичном донесении того же Гнени от 17 марта 1774 г. владения тех же лиц названы зимовниками³. К этому нужно добавить, что термины «зимовник» и «хутор» в качестве синонимов употреблялись как в обычной, так и в официальной речи и после ликвидации Сечи. Они встречаются в документах, отражающих явления хозяйственной жизни бывшего Запорожья между 1775 и 1787 гг., т. е. до образования Черноморского казачьего войска. С тем же значением эти термины существовали в период поселения Черноморского войска между Бугом и Днестром, т. е. до 1792 г. Наконец, слово «зимовник» в значении «хутор» употреблялось черноморскими казаками на Кубани еще в 60-е годы XIX в. и даже позднее.

Чернявский насчитывал до четырех тысяч таких зимовников⁴, принадлежавших старшине и рядовым казакам. В действительности число зимовников, приводимое Чернявским, сильно преуменьшено. Он имел в виду вполне благоустроенные зимовники, т. е. такие, которые могли принадлежать старшине, а также богатому и зажиточному казачеству. При этом Чернявский определял число их лишь приблизительно — «на глаз».

Кроме благоустроенных зимовников, на Запорожье было множество мелких и мельчайших хуторов, имевших убогое хозяйство. Часто в таком зимовнике не было даже избы и жильем служила наспех вырытая землянка. Подобного рода зимовники, стоимость которых иногда не превышала 5—8 руб., принадлежали казачьей гольтыбе, пытавшейся сесть на землю.

Над массой средних и мелких хуторов возвышались зимовники запорожских богачей. К последним нужно отнести прежде всего зимовники старшины. Старшинский зимовник представлял собой крупное хозяйство, в котором, наряду с животноводством (скотоводством и коневодством), существовало земледелие, а также подсоб-

¹ С. Мышецкий, Указ. соч., Приложение, стр. 81—82.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 340, л. 2.

³ Там же.

⁴ С. Мышецкий, Указ. соч., Приложение, стр. 81—82.

ные хозяйственные отрасли: пчеловодство, рыболовство, в размерах, не превышавших потребностей самого зимовника, обработка зерна (мельницы и крупорушки) и т. д.

О размере, а отчасти и о характере хозяйства крупного старшинского зимовника можно судить на основе различных данных, в частности сведений об имуществе группы старшин, конфискованном правительством в 1775 г. Речь идет о сохранившихся описях имущества кошевого атамана П. И. Калнишевского, войскового судьи П. Ф. Головатого, войскового писаря И. Я. Глобы, войсковых старшин Пишмича, Кулика, Куция и др. В зимовниках Калнишевского описано: 639 лошадей разного возраста, 9 верблюдов, 3 осла, 1076 голов крупного рогатого скота разного возраста, 14 045 овец и коз, 106 свиней. В зимовниках Глобы значилось 336 лошадей, 889 голов крупного рогатого скота, 12 463 овцы и козы, 86 свиней. В зимовнике Гараджи — 43 лошади, 167 голов крупного рогатого скота, 2700 овец и коз. Общая стоимость указанного имущества Калнишевского, не считая свиней, была официально определена в 38 718 руб., Глобы — 31 267 руб. и Гараджи — 5830 руб.¹. Нужно добавить, что здесь не учтено другое имущество, например водяные мельницы Калнишевского и Глобы, а также их довольно крупные денежные капиталы. Калнишевский, например, был так богат, что незадолго до разрушения Сечи смог выстроить в одной из запорожских слобод церковь. То же можно сказать и о многих других старшинах.

В описях имущества зимовников, принадлежавших кошевой старшине, кроме табунов лошадей и стад крупного и мелкого рогатого скота, находим значительное количество ржи, пшеницы, ячменя, овса и проса, причем как в копнах, так и в зерне. Принимая копну ржи, пшеницы, овса и ячменя за 6 пудов зерна, копну проса — за 10 пудов, а четверть — за 6—7 пудов, можно определить, что у Калнишевского было конфисковано: 1120 пудов ржи, 1055 пудов пшеницы, 1010 пудов ячменя, 476 пудов овса и 1350 пудов проса, а всего 5011 пудов зерна; у Головатого — 1360 пудов ржи, 876 пудов пшеницы, 570 пудов ячменя, 441 пуд овса и 560 пудов проса, а всего 3807 пудов зерна; у Глобы — 573 пуда ржи, 804 пуда пшеницы, 570 пудов ячменя, 588 пудов овса и 994 пуда проса, а всего 3529 пудов зерна. В зимовниках старшины упоминаются также неводы, сети, челны и другие принадлежности рыболовного инвентаря².

Более цельное представление о старшинском зимовнике можно получить из данных о сожженном в 1769 г., во время набега крымских татар, зимовнике орельского полковника Афанасия Колпака на р. Богатой. Зимовник Колпака состоял из трех хат, двух комор (амбаров), погреба, конюшни, а также из загородей для скота

¹ Днепропетровский областной государственный архив (ДОГА), ф. Канцелярии Новороссийского губернатора, св. 112, д. 3130.

² Там же, л. 68.

и т. д. Вблизи зимовника стояла «двополюная» мельница «со всем к ней хлебным и прочим припасом». Кроме хлеба, свезенного на мельницу, в зимовнике было: тринадцать бочек муки, четыре бочки пшена, два больших сусека ржи и на 300 руб. необмолоченного хлеба¹. Из этого зимовника татары угнали 127 лошадей, 300 голов крупного рогатого скота и 1200 овец. Стоимость одних лишь лошадей и скота, не считая строений и хлеба, Колпак оценил в 6230 руб.². Как видим, зимовник Колпака являлся вполне благоустроенным хозяйством, где основную роль играли скотоводство и коневодство, но известное место принадлежало и земледелию.

Приведенные данные могут породить у читателя представление, будто крупный зимовник был исключительной принадлежностью старшины. Может возникнуть также предположение, что только старшинские зимовники имели разветвленное хозяйство и что только там эксплуатировали чужой труд, а во всех казачьих зимовниках велось несложное хозяйство на основе личного труда самих владельцев. Такие представления будут неправильны.

Зимовники богатого казачества, с экономической точки зрения, трудно, а порой и вовсе невозможно отличить от зимовников старшины. Приведем пример. 31 января 1772 г., т. е. во время русско-турецкой войны, казак Онуфрий Лата, жалуясь на разорение, в письме к кошевому атаману Калнишевскому сообщил, что в его зимовнике, кроме другого имущества, пропало «хлеба четвертей до полторы тысячи»³. Если, как это сделано выше, примем условно четверть за 6 пудов, то у Латы пропало около 9 тыс. пудов зерна.

Обычно зимовники нечиновных запорожских богачей были несколько меньше, чем у Латы. В 1769 г., во время набега татар, был сожжен зимовник казака Шкуринского куреня Ивана Шморгуна. Пожар погубил, кроме строений, разного хлеба «коп до пятисот» и двести копен сена, не считая другого имущества. Помимо того было угнано 20 лошадей, 40 голов крупного рогатого скота и 700 овец. Убытки Шморгуна составили, по весьма приблизительным подсчетам запорожских властей, 1840 руб.⁴. У казака Джерелиевского куреня Степана Каплуна в зимовнике сгорело до 400 копен хлеба и до 200 копен сена⁵. У казака Шкуринского куреня Семена Майгуры в зимовнике сгорело 300 копен хлеба и 500 копен сена⁶. У казака Переяславского куреня Ивана Голого в сгоревшем зимовнике было более 300 копен необмолоченного хлеба; помимо того, татары угнали из зимовника 20 лошадей и 14 голов крупного рогатого скота⁷. У казака Титаревского куреня Андрея Придатка в сгоревшем зимовнике погибло около 200 копен необмолоченного хле-

¹ ДОГА, ф. Канцелярии Новороссийского губернатора, св. 112, д. 3130, л. 82.

² ЦГАИ УССР, ф. КЭС, д. 250, л. 48.

³ Там же, д. 278, л. 33.

⁴ Там же, д. 250, л. 58.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 59.

⁷ Там же, л. 57.

ба и 45 копен сена, угнано 70 лошадей, 50 голов крупного рогатого скота и 300 овец¹.

У других пострадавших казаков, имена которых внесены в ведомость об убытках Орельской паланки, представленную полковником А. Колпаком, было сожжено в каждом зимовнике хлеба в количестве от 100 до 300 копен². Иными словами, сбор хлеба в богатом и зажиточном казачьем зимовничанском хозяйстве колебался в пределах от 600 пудов (при 100 копнах, считая копну за 6 пудов) до 3000 пудов. В данной ведомости размер сожженного хлеба в ряде случаев может быть определен лишь приблизительно. В зимовнике казака Ивановского куреня Ивана Сербина было сожжено, например, «чистого хлеба разного ям семь больших» да муки и пшена 12 бочек, не считая тысячи копен сена³. Если принять вес зерна в одной яме в 300 пудов, а вес одной бочки в 10 пудов, то у Сербина было более 2200 пудов зерна.

Так как зимовник долгое время оставался преимущественно хозяйством скотоводческим, то показателем его размера является, естественно, количество рогатого скота и лошадей. В зимовнике казака Кореновского куреня Федора Белого в 1768 г. гайдамаки забрали 11 голов крупного рогатого скота и 21 лошадь, из зимовника казака Иркиевского куреня Гаврила Погорелого в том же году гайдамаки угнали 450 лошадей⁴. В 1769 г. татары угнали из зимовника казака Каневского куреня Федора Горюхи, находившегося в Гороховой Дубраве, шесть лошадей и 2 тыс. овец, а из зимовника казака Поповичевского куреня Федора Рудя (на р. Орели) 6 голов рогатого скота и 5010 овец⁵.

Немалый интерес для ознакомления с хозяйством богатого запорожского казака представляют данные о зимовнике казака Конеловского куреня Самоила Носа, который был описан запорожскими властями в апреле 1773 г. В зимовнике Носа находилось 143 лошади, 140 голов крупного рогатого скота и 900 овец. Но этим, как подчеркивает сам составитель описи довыбыш Я. Соколовский, далеко не исчерпывалось количество скота, находившегося во владении С. Носа. Узнав о предстоящем прибытии сечевого чиновника Нос, который боялся реквизиции (дело было во время войны) скрыл часть своего скота. «А настояще узнать о Самойловом имуществе,— докладывал Кошу Соколовский,— не можно, потому что на две или на три части лошади, овцы и товар рогатый разбиты и по степу находятся в обережности, ибо самойловы молодики объявили, что давно уже из Сечи приезду панов надеялись до их зимовника»⁶. Примеры подобного рода отнюдь не являются исключением

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 250, л. 57.

² Там же, лл. 48—59.

³ Там же, л. 49.

⁴ Там же, д. 234, л. 2.

⁵ Там же, д. 250, л. 14.

⁶ Там же, д. 341, лл. 13—15.

Суммарные данные о хозяйстве отдельных запорожцев находим в ведомости об убытках, причиненных казачьим зимовникам Орельской паланки татарами в 1769 г.¹ (см. табл. 1). Заметим, что в эту ведомость включено отнюдь не все имущество зимовничан, а лишь та часть его, которая была захвачена или уничтожена татарами.

Как видно из приведенных данных, зимовники богатого казачества и по поголовью скота не уступали зимовникам старшины.

Крупные зимовники богатого казачества резко выделялись из числа средних и бедных. В среднем зимовнике, основанном на личном труде хозяев, обычно были одна или две пары рабочих волов, лошадь и несколько голов крупного и мелкого рогатого скота. Как можно видеть из разных документов, в зимовниках всегда имелись посевы хлеба.

Значительное развитие получило земледелие и скотоводство в период Новой Сечи в запорожских слободах, в которых жили обычно женатые казаки, а также посполитые.

Посполитые делились на тяглых и пеших. Первые имели хутора, промыслы, мельницы и прочее, вторые — только дворы и хаты². К посполитым относились также подсусудки. Подсусудки вовсе не имели своих хозяйств, а жили, как правило, во дворах тяглых посполитых и казаков.

Казаки и посполитые, проживавшие в одной слободе, делились на два «общества» (громады), каждое из которых избирало своего атамана.

Все посполитые платили в пользу запорожского войска определенный налог, начислявшийся на всю слободу в целом. Распределением налога занималась сама громада, причем, конечно, более зажиточные посполитые неизменно стремились переложить всю тяжесть на «пеших»³. Кроме денежных налогов, посполитые отбывали в пользу войска разные повинности: чинили дороги, строили плотины, предоставляли квартиры и содержание кошевой и паланковой старшине во время ее служебных поездок и т. д.

Переход из посполитых в казаки и наоборот не был ограничен формально ничем. Желая распространить на себя казачьи права, зажиточные посполитые нередко вступали в казаки. О таких посполитых ордер Коша от февраля 1774 г. говорит, что они должны быть обложены налогами «смотря по имуществам: скоту, хуторам, мельницам, по промыслу и другим состояниям»⁴. Конечно, «крайне неимущие» посполитые, которые не могли нести казачью службу за собственный счет, редко вступали в казаки.

Для полной характеристики зимовничанского хозяйства, прежде всего крупного, очень важно выяснить вопрос о его социальной природе. Буржуазные историки изображали запорожский зимовник

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 250, лл. 48—59.

² Там же, д. 348, лл. 1—2.

³ Там же.

⁴ Там же.

Т а б л и ц а 1

Фамилии и имена казаков, владельцев зимовников	Стоимость сожжен- ных зи- мовников в руб.	Количество угнанного скота		
		овцы	лошади	крупный рогатый скот
Штафуенко Павло, казак куреня Батурина	350	327	1	6
Сербин Иван, казак куреня Ивано- вского	200	—	52	—
Легкий Грицко, казак куреня Бату- рина	500	800	230	150
Губа Ядко, казак куреня Батури- нского	300	—	40	200
Губа Андрей, казак куреня Иркли- евского	300	800	10	50
Кириос Иван, казак куреня Бату- рина	200	800	2	8
Черевко Иван, казак куреня Пол- тавского	200	—	—	40
Спеченко Василь, казак куреня Пол- тавского	200	—	3	40
Проценко Иван, казак куреня Пла- стуновского	300	—	—	40
Пилат Корней, казак куреня Бату- рина	200	80	16	80
Придаток Андрей, казак куреня Ти- таревского	200	300	70	50
Шандра Павло, казак куреня Вед- медовского	400	—	6	20
Гулой Иван, казак куреня Пере- яславского	350	—	20	14
Волошин Кирик, казак куреня Мы- шастовского	150	—	30	20
Шморгун Иван, казак куреня Шку- рина	400	700	20	40
Капун Степан, казак куреня Дже- релиевского	300	—	2	60
Забара Кондрат, казак куреня Ба- турина	200	—	36	68
Крепак Павло, казак куреня Бату- рина	150	—	3	20
Каракай Семен, казак куреня Дже- релиевского	245	—	9	—
Макгура Семен, казак куреня Шку- рина	250	—	60	—

самодовлеющим хозяйством: все, мол, что производилось в нем, потреблялось на месте хозяином и жившими или заезжавшими к нему казаками. Такие буржуазные авторы, как Д. Эварницкий, исходили при этом из того, что запорожский казак «отнодь... не торгаш... заниматься торговлей считал низким делом для себя, оттого слово... торгаш у него было даже бранным словом, обидным для «лыцарской» чести»¹. Большую часть своей продукции хозяин зимовника, по Эварницкому, из присущего ему чувства «товарищества», отправлял якобы «в Сичу на потребу сичевых казаков»². Эта картина, нарисованная Д. Эварницким, нужно сказать, не имеет ничего общего с действительностью. Она, по его мнению, должна была убедить читателя в том, что среди запорожцев господствовал принцип «равенства и братства».

Изучение экономической истории Запорожья убедительно показывает, что зимовник, вопреки утверждениям украинских буржуазно-националистических авторов, отнодь не стоял в стороне от общего процесса развития товарно-денежных отношений в стране. Эти отношения всюду, куда бы они ни проникали, хотя и медленно, но верно подрывали основы натурального хозяйства.

В период Новой Сечи все большая часть продукции крупного зимовника предназначалась для продажи. На рынок сбывались лошади, скот, шерсть, кожа, масло, хлеб, рыба, соль и др. В 1763 г. кошевой атаман П. Калнишевский продал из своего зимовника чигиринскому купцу Новицкому табун лошадей в 100 голов по 9 руб. за голову³.

Лошади и скот заводов Калнишевского сбывались не только на ближние, но и на отдаленные рынки. В 1769 г. Калнишевский заключил договор с двумя орловскими купцами Дмитрием и Евдокимом Немытвыми на продажу табуна лошадей численностью в 250 голов. В связи с этим Немытвы написали ему 7 мая того же года из Царичанки письмо с изложением условий договора⁴. Купцы обязывались внести половину суммы немедленно, вторую же половину в рассрочку в течение года. Если цену взрослой лошади, руководствуясь индексом цен на Запорожье того времени, принять в 15 руб., то эта сделка принесла Калнишевскому 3750 руб. Знакомый Калнишевского с Левобережной Украины Стефан Лукьянович в письме от 11 декабря 1768 г. просил кошевого атамана продать ему коров и волов «вольготною ценою». Лукьянович уполномочил некоего пана Гаврилу произвести закупку. Ему же поручалось закупать на Запорожье и лошадей⁵. Имеются также данные о продаже Калнишевским очаковским купцам 2 тыс. овец в 1774 г.⁶ и 14 тыс. овец в 1775 г. в Крым по два рубля за голову⁷.

¹ Д. И. Эварницкий, Указ. соч., т. I, стр. 295.

² Там же, стр. 300.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 184, л. 53.

⁴ Там же, д. 253, л. 62.

⁵ Там же, д. 184, л. 5.

⁶ Там же, д. 346, л. 14.

⁷ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. III, Одесса, 1885, стр. 177.

Вырученные Калнишевским денежные суммы, как видим, были весьма внушительны. Примеров торговли казачьей старшины лошадьми и скотом можно привести еще множество.

Не менее показательна торговля скотом и продуктами скотоводства рядовых казаков и низшей старшины. 30 июля 1757 г. казак Щербиновского куреня Михайло Кравец получил разрешение (билет на себя и на двух своих работников) на прогон из своего зимовника в крепость св. Елизаветы для продажи табуна лошадей¹. В 1761 г. подобное разрешение на прогон 14 лошадей в Левобережную Украину для продажи получили казак Роговского куреня Корней Шуенко и его работники Дмитрий и Роман². В том же году атаман Корсунского куреня Иван Швьидкий продал перекопским купцам Алакай аге и Джумане 500 овец³. Тогда же казак Шкуринского куреня Левко Губа получил разрешение на проезд вместе со своим работником «в сегобочные любые казачьи полки в Малую Россию для продажи тринадцати лошадей»⁴. В 1764 г. казак куреня Пластуновского Тишко Литвин продал водолажскому жителю Ивану Порохне «собственного своего завода быков трехлетних пять да яловицу одну»⁵. В январе 1767 г. казаки куреня Крыловского Д. Куйчин и М. Высочин продали в г. Жиговце хотинскому купцу Дуду 58 своих лошадей⁶ и т. д.

Породистые запорожские лошади и скот славились далеко за пределами края. Сохранилось письмо Уманского губернатора от 1762 г. на имя Запорожского Коша с приглашением прислать на уманские ярмарки казаков со всяким скотом, «а наипаче с добрыми лошадьми и мастистыми лошатами»⁷. Запорожские лошади, как это явствует из письма ротмистра фон-Линднера атаману Калнишевскому от 17 августа 1773 г., сбывались также в Пруссии⁸.

Имеются многочисленные данные о постоянном пребывании на Запорожье с целью покупки лошадей и скота крымских и других торговцев. В письме Коша от 31 августа 1761 г. на имя Коллегии иностранных дел говорится, что для разных покупок на Запорожье «всегда... бывают заграничные з Крымской области народы»⁹. К этому же году относятся данные о пребывании на Запорожье крымских купцов, разъезжавших «понад Днепром для покупки скота»¹⁰. В августе 1774 г. ингульский полковник сообщил в Кош о пребывании в его паланке семи кинбурнских торговцев «для покупки разных товаров — коней, волов, овец, смушков, масла»¹¹.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 18, л. 159.

² Там же, д. 103, л. 18.

³ Там же, д. 97, л. 107.

⁴ Там же, д. 113, л. 4.

⁵ Там же, д. 125, л. 23.

⁶ Там же, д. 187, л. 112.

⁷ Там же, д. 80, л. 85.

⁸ Там же, д. 324, л. 20.

⁹ Там же, д. 101, л. 12.

¹⁰ Там же, д. 137, лл. 5—6.

¹¹ Там же, д. 323, л. 69 и д. 345, л. 184.

За пределы Запорожья, как уже отмечалось, сбывались также продукты скотоводства. Часто между производителем и потребителем становился скупщик, что, в свою очередь, свидетельствовало о значительном развитии товарности хозяйства. Такими скупщиками бывали запорожские казаки, а также украинские, великорусские, еврейские купцы и др.

Из письма Коша от 20 апреля 1772 г. группе еврейских торговцев из Умани видно, что в данном случае торговлю с Запорожьем вела торговая компания. Она сбывала на Запорожье и закупала там разные товары. В упомянутом письме Кош выражал удовлетворение по поводу правильных торговых сношений с уманской компанией. С целью обезопасить провоз товаров с Правобережья устанавливалась специальная охрана. До Бугогардовской паланки с купеческим обозом должны были следовать два нарочно назначенных для этого запорожских казака, а оттуда до Сечи охрана обоза вверялась бугогардовскому полковнику¹.

Представитель уманской торговой компании Майорка Майоркович сопровождал купеческие обозы на Запорожье, руководил сбытом товаров и скупал местные, запорожские товары. Как видно из письма П. И. Калнишевского войсковому судье Николаю Тимофееву от 6 июля 1772 г., Майорка Майоркович следовал в Сечь с грузом водки и разными другими товарами. При этом водка была закуплена самим кошевым атаманом и писарем Глобой, которые не брезговали, в дополнение к своим огромным доходам от зимовничанского хозяйства, торговать и водкой. Кошевой атаман хлопотал о том, чтобы Майорке Майорковичу было оказано полное содействие в скупке местных товаров и вывозе их на Правобережную Украину².

Из письма Коша уманской торговой компании от 12 марта 1772 г. узнаем, что именно закупалось на Запорожье и вывозилось за его пределы. Гарантируя безопасность провоза товаров в Сечь, Кош писал: «Здесь же вы можете доставать лошади, рогатый скот, рыбу и прочее» и добавлял: «а дабы и из других мест ваши братья могли сюда с товарами приездить, вы объявить имете»³. В число «прочих» товаров, закупавшихся Майоркой Майорковичем, входила, в частности, шерсть. Один из запорожских старшин (вероятно войсковой судья Николай Тимофеев) в письме П. И. Калнишевскому от 1772 г. сообщал, что он отправил из собственного зимовника в зимовник кошевого атамана 319 рун шерсти, предназначавшейся для продажи Майорке Майорковичу⁴.

В начальный период существования Новой Сечи Запорожье само остро нуждалось в привозном хлебе. Кошевой Г. Федоров в письме от 19 октября 1755 г. гетману К. Разумовскому писал, что

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 304, л. 43. См. подробнее в нашей статье «К вопросу о социально-экономических отношениях на Запорожье». — Исторические записки АН СССР, т. 44.

² Там же, д. 314, л. 27.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 29.

из «Малой России хлебных... припасов в Сечь Запорожскую (бывает.— В. Г.) в привозе в один год... четвертей десять тысяч» и что без этого хлеба «в пропитании войска Запорожского... может последовать немалая нужда»¹.

Однако сравнительно скоро, в связи с развитием земледелия в крае, Запорожье стало не только удовлетворять собственные потребности в хлебе, но и вывозить его, наряду с другими сельскохозяйственными продуктами, в другие области. Так, в 1772 г. казак Яков Лошака продал торговцу Мойсею Соломону «собственной своей муки аржаной сто двадцать две четверти, каждая по 6 руб. 20 коп., пшеничной и пшена 38, каждую по 6 руб. 60 коп., всего 160 четвертей (т. е. 1120 пудов.— В. Г.)... да четыре бочки вина, а за все оное я с него... 10 414 руб. 40 коп. получил сполна»².

Богатые зимовничане, или, как их называют документы, «запорожские промышленники», поставляли продовольствие русским войскам. В 1773 г., во время русско-турецкой войны, в зимовниках закупились для действующей армии «вино, сало и протчая провизия»³.

Хлеб из запорожских зимовников вывозился в Крым. Насколько необходимыми являлись для татар экономические связи с Запорожьем, свидетельствует письмо правителя Едисанской орды от 1 декабря 1770 г. на имя Запорожского Коша, в котором, между прочим, говорилось: «Просим оказать дружбу: в нынешних обстоятельствах в съестном и хлебном припасе имеем недостаток и самое желание состоит, чтоб по дружбе как скорее с съестным на сю сторону купцов отпустить Вы изволили»⁴.

К 1755 г. относятся данные о продаже запорожскими казаками В. Романовским и Н. Синенко в Крыму пяти возов масла⁵. В 1756 г. перекопский торговец Кара Магмет закупил у казака Шкуринского куреня Ивана Черного «тютюну (табаку) в борг за цену четыреста сорок рублей монетою российской рублевою»⁶.

Вывоз хлеба из Запорожья в Крым продолжался даже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Особенно значительных размеров торговля хлебом достигла после того, как некоторые орды (едисанцы, едикульцы и ногайцы) в результате успехов русского оружия отложились от Крымского ханства. Генерал-майор Е. А. Щербинин в своем письме Кошу от января 1771 г. упоминал о приезде ногайцев «в наши границы и в запорожские селения для покупки хлеба»⁷ и рекомендовал принять специальные меры для охраны ногайских купцов⁸.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 27, лл. 47—48.

² Там же, д. 328, л. 29.

³ Там же, д. 324, л. 110.

⁴ Там же, д. 251, л. 47.

⁵ Там же, д. 19, л. 74.

⁶ Там же, д. 30, л. 56.

⁷ Там же, д. 281, л. 5.

⁸ Там же.

Из донесения в Кош полкового старшины Тарасовского поста Гаврилова от 5 марта 1771 г. узнаем, что ногайцы приезжали к запорожским казакам для продажи «з рогатого скота шкур и для купли хлеба»¹. Тот же Гаврилов, собирая сведения о том, кто из казаков продает хлеб татарам, говорил атаманам Тарасовского поста: «Вы де побольше здесь при Тарасовском живете и знаете, каковым хто з козаков куренных разных хлебом бадаются»². В апреле 1773 г. казак куреня Тимошевского Нестор Письменный отправил в Крым с казаком этого же куреня Тимофеем для продажи «ржаной муки и пречаной пять четвертей, да пшона чотырнадцать четвертей с половины»³. 10 апреля 1773 г. казак Крыловского куреня Никита Белый сообщил в Кош, что перекопские купцы «армяне Семен и Мартин купили было в него Белого, муки пшеничной тридцать пять четвертей, всякую 6 рублей с полтиной, а затем еще приторговали семьдесят семь четвертей по 5 рублей без 25 копеек»⁴. В мае 1773 г. казак Тимошевского куреня Михайло Балараба отправил в Крым казака Данилу Штанко с «семью воловьими повозками з пятьюдесятью четвертями собственного хлеба»⁵.

Во время войны 1768—1774 гг. Кош издавал специальные ордера с целью наладить торговлю с отпавшими от Крыма ордями. Об этом можно судить, в частности, из рапорта в Кош полкового старшины С. Быховского от 2 февраля 1771 г. В рапорте речь идет о свободном проезде, согласно предписанию Коша, «в Старо-Самарский ретранжемент, как и в другие места войска Запорожского, для покупки себе (ногайцам.—В. Г.) съестных и протчих припасов»⁶.

Кроме хлеба, богатые зимовничане вывозили в Крым вино, табак, кожи и др. В сентябре 1772 г. казак Тимошевского куреня Петро Буддименко ездил в Крым для продажи «горячего пяти бочек вина и восьми тысяч папушного табаку»⁷. В 1773 г. в Перекопе был описан товар, принадлежащий трем запорожским казакам. Тут было 4 бочки водки, 86 выделанных кож и 350 пудов табака⁸.

Теперь, когда мы познакомились с зимовничанским и слободским хозяйством, а также с их связями с рынком, нужно ответить на вопрос: чьим трудом обслуживались хозяйства богатых казаков и помещиков?

В зимовниках и слободах в период Новой Сечи широкое распространение получил труд наемных работников — наймитов, или молодиков. Известное представление о степени внедрения наемного труда в зимовничанское и слободское хозяйство дает ведомость, составленная после разрушения Сечи в 1775 г. В Самарской палаи-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 314, л. 49.

² Там же.

³ Там же, д. 328, л. 18.

⁴ Там же, л. 9.

⁵ Там же, л. 15.

⁶ Там же, л. 16.

⁷ Там же, л. 2.

⁸ Там же, л. 19.

ке по ведомости числится 725 зимовников с 1326 проживавшими в них казаками¹. Число работников не дано отдельно. В шести случаях работники объединены в одну графу с «земледельцами» и в одном случае в тринадцати зимовниках числятся только «земледельцы». Исключив указанные дефектные записи, получим по Самарской паланке на 597 зимовников 1043 работника. Следовательно, в среднем на один зимовник приходилось два работника. Если учесть, что, кроме работников-мужчин, в ведомости значатся семьи работников с женами и детьми, то среднее число работников в зимовнике повысится. Разделив же общее число работников-мужчин на общее число казаков и земледельцев, получим около одного работника на одного казака и земледельца.

По Лычковской «паланке» числится 49 зимовников, а в них 46 казаков и 219 работников. Следовательно, на один зимовник здесь приходится в среднем 4—5 работников-мужчин.

По Протовчанской паланке числятся 52 зимовника, и на каждый из них приходится в среднем менее одного работника. Заметим, что работники, за единичными исключениями, числятся во всех селениях данной местности.

Количество наемных рабочих в зимовниках и слободах колебалось в зависимости от сезона, но, бесспорно, существовало ядро постоянных рабочих. Это подтверждается не только тем, что некоторые рабочие получали «годовую заплату», но также тем, что они жили у работодателей со своими семьями. Думаю, что данные о числе работников, приводимые в вышеприведенной ведомости, не могут считаться характерными. Разрушение Сечи в июне 1775 г. и связанные с этим обстоятельства вызвали значительное возбуждение серомы на Запорожье. Часть «серомах» бежала за пределы Запорожья, часть скрывалась. Вообще в указанную ведомость попал лишь вполне легальный элемент. В действительности количество работников на зимовниках было значительно большим.

Благодаря сохранившимся данным мы можем с большой степенью точности определить процент хозяйств (как казачьих, так и посполитых), применявших наемный труд и в отдельных запорожских слободах. Перед нами ведомость от 2 марта 1773 г. о числе наемных работников у казаков и посполитых Протовчанской паланки² (см. табл. 2).

В приведенной ведомости у некоторых казаков числится два, три, четыре и даже пять работников. В с. Петровке, например, пять казаков имели по два работника, один казак имел трех, один — четырех и один — пятерых работников.

В запорожской слободе можно, не допуская особой погрешности, условно считать в среднем 150 дворов. В с. Лыкове (Орельская паланка), например, по официальной переписи, произведенной запорожскими властями в 1773 г., числилось 77 хат тяглых

¹ Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии, вып. I, Екатеринослав, 1904, стр. 117—134.

² ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 348, лл. 3—6.

казаков и 83 пеших, а всего 160¹ хат. В том же Лычкове в 1773 г. было 19 хозяйств, имевших наемных работников. Из них 17 хозяйств имело по одному работнику, одно — двух и одно — трех работников². Таким образом, в Лычкове около 12% хозяйств применяло наемный труд.

Таблица 2

Название слобод	Число казаков, имеющих наемных работников	Число наемных работников у казаков	Число посполитых, имеющих наемных работников	Число наемных работников у посполитых
Петровка	22	36	6	6
Кириловка	18	24	2	2
Шульговка	21	23	3	4
Половетщина	7	7	—	—
Продановка	17	19	2	2
Цеглинка	23	31	2	2
Могилев	11	13	—	—
Итого	119	153	15	16

Если считать, что в каждой слободе Протовчанской паланки было 150 казачьих дворов, то, следовательно, в Петровке хозяева, применявшие наемный труд, составляли 15%, в Кириловке — 12%, в Шульговке — 14% и т. д.

В действительности в Протовчанской паланке домохозяев, пользовавшихся наемным трудом, равно как и наемных работников, было гораздо больше, так как мы намеренно не учли хозяйства посполитых, применявших наемный труд. Кроме того, нельзя забывать, что в ведомости попадали в большинстве случаев только те работники, которые официально числились казаками и считались вполне «благонадежными» с точки зрения запорожских властей. Между тем общеизвестно, что запорожские богачи применяли труд разного рода «сомнительных» людей, т. е. казаков, укрывавшихся от властей, и беглых крестьян, еще не записанных в казаки.

Если даже в запорожских слободах встречаем хозяйства, имевшие по 3—5 работников, то, естественно, в крупных зимовниках их было значительно больше. Так, например, в одном только из зимовников войскового писаря Глобы, по преуменьшенным данным, было 13 работников³. Наемные работники у запорожских богачей исчислялись десятками. Вот интересный пример. 5 сентября 1765 г. кошевой атаман П. И. Калнишевский, находившийся в это время по делам в Петербурге, направил письмо своему племяннику, кодацкому полковнику Иосифу Калнишевскому. Последнему было поручено наблюдать в отсутствие хозяина за зимовниками. Рачительный хозяин П. И. Калнишевский отдавал из далекой столицы

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 348, л. 7.

² Там же, л. 8.

³ Там же, д. 250, л. 38.

распоряжения по хозяйству. Он более всего заботился о том, чтобы племянник не забыл возобновить с «молодичками» договор о найме на следующий год: «Когда молодики будут, — писал Калнишевский, — которые отслуживаются, — не отпускать, нанимать на другие года»¹. На обороте письма другою рукою, вероятно Иосифа Калнишевского, сделаны хозяйственные подсчеты. Среди них отчетливо выделяются слова: «нанять 44» и рядом цифры: «44×7=308». Так как в документах сечевого архива 2,5—7 руб. фигурируют как годовая заработная плата молодика, то ясно, что в данном случае подсчитывались расходы по найму 44 молодиков.

Нельзя не заметить, что письмо из Петербурга написано осенью, когда полевые работы уже в основном заканчивались. Сколько же нанимал П. И. Калнишевский молодиков в весенний и летний сезоны? Число наемных работников в крупном хозяйстве, производившем тысячи пудов зерна и выращивавшем тысячи голов лошадей, крупного и мелкого скота, было, естественно, значительным.

О распространении найма в зимовничанском хозяйстве говорят многие источники того времени. В «Росписании всему Запорожскому подданству, учиненном по переписи 1763 году» предписывалось «взыскать до scarбу войскового... (со двора) тяглого (посполитого) по осьмидесяти копеек, пешего (посполитого) по тридцати копеек, на каждую подсосудочную семью по полтине, на казака, што без найму и в найму живут в обывателей по семидесяти копеек»². Малороссийский губернатор П. А. Румянцев в порядке на имя Коша от 9 июля 1764 г. писал, что на Запорожье во время мобилизации войска «в зимовниках остаются по большей части одни работники (курсив наш. — В. Г.)»³. Кошевой П. И. Калнишевский в своем письме от 2 сентября 1770 г. отметил, что заработок на Запорожье легко найти «когда не жатвою, то молотбою по тамошним (запорожским. — В. Г.) жителям, а паче по казачьим зимовникам»⁴.

Крупный запорожский зимовник, принадлежавший старшине или казаку, имел вполне определенную организацию. Во главе его — «за хозяина» — стоял управляющий, который, как и все прочие работники, был наемным лицом. Черноморский казак Джерелиевского куреня Зуб на допросе в 1798 г. показал, что в одиннадцатилетнем возрасте он был завезен из г. Ромен на Запорожье своим братом запорожцем Самойлом Зубом, после смерти которого, «записавшись в то Запорожское войско в курень Джерелиевский, по дозволению начальства находился по найму того же ку-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 175, л. 142.

² Там же.

³ Там же, д. 201, л. 63.

⁴ Я. П. Новицкий, Материалы для истории запорожских казаков, стр. 64.

рени казака Николая Паливоды в смотреии его имения 10 лет»¹. Более выразительным является следующий документ. В 1771 г. возникла переписка между Кошем и Глинским ротным правлением Елисаветградского пикинерного полка в связи с жалобой войскового старшины Сидора Белого о захвате у него пикинерами волов. Из переписки явствует, что зимовником Сидора Белого управлял казак Незамаевского куреня Дорош («Найдующийся в оном зимовнике его, г-на Белого, за господаря козак того Незамаевского куреня Дорош») ².

Под началом управляющего состояло несколько рабочих, иногда женатых, живших на хозяйском дворе со своими семьями. Для таких рабочих строились «хаты». Запорожский казак Онуфрий Лата, переселившийся во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. на Левобережную Украину, в 1775 г. подал в Кош прошение. Лата хотел вернуться на Запорожье и ходатайствовал о разрешении основать «фурор»—зимовник и возвести из войскового леса строения. Интересно, что Лата, хлопоча о дереве на постройку, подчеркивал, что ему нужно «тамо (в зимовнике. — В. Г.) служителей женатых при себе держать, для коих и хат несколько построить»³. В тех случаях, когда работники были неженатыми — «сиромахами», такие хаты, надо думать, имели вид примитивных казарм.

Характеристика социальной природы крупного запорожского зимовника будет неполной, если мы не выясним положения на Запорожье «молодика». Этот термин пестрит на страницах сочинений всех авторов, занимавшихся изучением истории запорожских казаков. В то же время в это понятие вкладывается различное содержание, при всем том отнюдь не отражающее действительности. Если А. Скальковский видит в молодике средневекового пажа, служившего своему «рыцарю»—казаку, то М. Слабченко усматривает в нем феодально зависимого слугу. Д. Эварницкий, А. Ефименко и другие также далеки от правильного понимания этого вопроса. Чтобы уяснить природу молодика, нужно решительно отбросить предрассудки дворянской и буржуазной историографии и обратиться к документальным данным, которых, кстати сказать, вполне достаточно для решения этого запутанного вопроса.

Молодиками на Запорожье называли обычных наймитов. Для подтверждения этого приведем типичный случай. Казак Кушевского куреня Кондрат Таран на допросе 11 июля 1762 г., рассказывая свою биографию, отметил, что, придя в 1761 г. на Запорожье из местечка Сорочинцев, Миргородского полка, он тотчас же был нанят казаком Иркиевского куреня Никитою Сватом в зимовник за 2 руб. 50 коп. в год. Живя в зимовнике Свата, Таран, «по подмову (по подговору. — В. Г.)... молодика, жившего наймом в куренного Иркиевского козака Головка», перешел вместе с этим моло-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 18, д. 61.

² ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 289, л. 3.

³ Там же, д. 171, л. 12.

диком, Мартыном Бондаренко, к другому хозяину¹. Таран не называет себя молодыком лишь потому, что это само собой разумеется. Он и Мартын Бондаренко — люди одного социального положения.

Молодиком часто называли на Запорожье работника, нанимавшегося по договору к хозяину — сапожнику, портному или другому казаку-ремесленнику. Казак Брюховецкого куреня Андрей Балабан показал на допросе 3 октября 1760 г., что он, придя на Запорожье с Левобережной Украины, работал по найму у разных казаков. Затем Балабан направился в предместье Сечи «до ирклиевского казака Прокопа Щербины и жил за молодика в сапожном ремесле 3 года», а затем перешел на другую работу². Казак Батуринского куреня Иско Покамист на допросе 4 января 1761 г. рассказал о том, что он занимался вместе с казаком Сергиевского куреня Михайлом Перервою портняжным делом — «зарабыв денги з ремесла кравецкого», «а при них были молодики — кореневский Иван, джерелиевский Данило Таран, незамаевский Андрей Баркар»³. Как видим, у двух компаньонов-портных было трое молодых-казаков, приписанных к трем разным куреням.

Молодиками называли на Запорожье и казаков, служивших приказчиками в лавках⁴. Молодиками назывались и наймиты, работавшие у богатых чумаков. Казак Каневского куреня Трофим Голуб отправил, например, 21 августа 1756 г. «своих молодиков пять человек на семи возах двадцати четырьмя волами в Крым для набратия соли»⁵.

Таким образом, в период Новой Сечи молодиком называли всякого наемного работника безотносительно к профессии, причем не только казака, но и того, кто не вступил в казаки и не числился в куренных реестрах.

Заметим, что молодик — отнюдь не молодой по возрасту или по времени приписки к казачеству человек. Молодик — вовсе не возрастное понятие, а понятие, выражавшее определенное социальное или имущественное положение человека. Молодик на Запорожье всегда выступал в качестве наемного лица. При этом в своей основной массе молодик являлся казаком.

По своему происхождению молодики в огромном большинстве были беглыми из центральных провинций Украины, отчасти из Великодержавии. По прибытии на Запорожье беглец, как сказано выше, обычно являлся в Сечь, записывался в казаки, а потом уже нанимался на разные работы. Вот типичные примеры. Гайдамак Иван Шульга, содержавшийся под арестом в Кодацкой паланке, на допросе в октябре 1768 г. рассказал, что за десять лет до ареста, около 1758 г., он был завезен с Правобережья на Запорожье каза-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 109, л. 93.

² Там же, д. 23, л. 51.

³ Там же, д. 109, л. 144.

⁴ Там же, д. 138, л. 3.

⁵ Там же, д. 30, л. 102.

ком Федором Кучером. Прибыв в Сечь, Шульга (по отцу Швец) сразу же записался в Величковский курень, а потом «ис куреня зараз пошедши находился за наем» сначала у казака Федора Кучера два года, а затем у других хозяев. Так, от Кучера он «пошел и служил у казака уманского Грицка Шияна год, и сего года в него ж Шияна косил и жил до праздника другой пречистой, после чего ходил до Сечи и был немного в курене, а с куреня перед праздником Покровою в Старой Кодак пришедши, проживал работая в жителя старокодацкого Грицка Лесняного» и т. д.¹

Так же рассказывал свою биографию гайдамак Федор Литвин, допрашивавшийся в войсковой пушкарне пятью годами ранее, 20 июня 1763 г. Родился Литвин в с. Ярошевке, Среблянской сотни, Прилуцкого полка. После смерти отца, уже будучи взрослым, осенью 1761 г. он «пошел с чумаками в Сечь... и пришел прямо в курень Крыловский за атамана Гелеха и жил в козаков в найму куренных же крыловских Каленика Зозули да в прозываемого Ступака и, не схотя жить в Ступака, пошел в Луг к вышеописанному Зозуле в зимовник, в котором и был сего году через всю весну на рыбной ловле, и, не схотя, пошел оттоль, чтоб где наняться в козаков»². Скитаясь в поисках работы Литвин зашел в зимовник казака Гаркуши, находившийся в Базавлуке, «и нанялся на год за три рубля»³.

Многие из серомах, жившие «в наймах» у запорожских богатей, и на родине, до прихода на Запорожье, занимали то же социальное положение. С этой стороны типичной может считаться биография гайдамака Трофима Коропа, казака Незамаевского куреня, допрошенного 2 августа 1763 г. Короп родился в местечке Коропе, Нежинского полка. Социальное положение своего отца он не назвал, но не забыл упомянуть, что после смерти родителя «служил в разных тамошних коропских обывателей»⁴. Когда же хозяин Коропа Самохвас послал его на ярмарку в г. Прилуки с грузом водки, работник сбежал оттуда на Запорожье с встретившимися на ярмарке казаками. Прибыв в Сечь, Короп был «приведен в курень Незамаевский, с коего нанявся на год ценою за три рубля» в зимовник к казаку того же куреня Михаилу Тесле⁵. От Тесли, «выслуживши год», Короп отправился к другим хозяевам, работал, в частности, в 1763 г. на рыболовном промысле казака Федора Быка и т. д.

Бывало и так, что пришелец, прибыв на Запорожье, тотчас же нанимался на работу, а в казаки приписывался позже. Казак Минского куреня Никита Обдуленко, уроженец местечка Домонтова, Переяславского полка, ушел от родителей с запорожским казаком Федором Кислым, приезжавшим в Домонтово. Придя на Запо-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 225, л. 43.

² Там же, д. 148, л. 17.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 7.

⁵ Там же.

рожье, Обдуленко «в разных козаков їсти варив за наем годов более трех, а потом с оным же Кислым прошедшего 757 року в Спасовку приехал до Сечи в курень Минский сам пришел, за атаманом Исака Уса, где, поживши в курене недель зо три, пошел до куренного ж Минского Хома Шевченка и в него служил годов зо два»¹. От Шевченка Обдуленко пошел на рыбный промысел казака Беличенко и т. д.

При характеристике социальных отношений на Запорожье нельзя обойти вопрос о том, существовало ли здесь крепостное право. Исследователи по-разному отвечали на это. Мы уже видели, что запорожская старшина в определенных случаях применяла «внеэкономическое» принуждение не только в отношении посполитых, но и казаков. Однако, надо сказать, привилегией на принудительный труд пользовалась не вся старшина, а лишь ее немногочисленная верхушка. Далее, привлекаемые к отбыванию повинностей посполитые и казаки не прикреплялись к определенному хозяйству или к владельцам этих хозяйств.

Спрашивается, можно ли на этом основании считать посполитых крепостными? Конечно, нельзя. Тем не менее, «внеэкономическое» принуждение остается в данном случае бесспорным фактом, хотя и выступает в своеобразной форме. В. И. Ленин писал: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»².

Феодальная зависимость некоторой части запорожского населения выступает вполне в отчетливом виде. Феодално зависимыми можно считать в известной мере уже поддусудков, которые определенное время работали на тех хозяев, в чьих дворах жили. Правда, в общей массе слободского населения поддусудки составляли весьма небольшую часть.

Еще больше приближались к положению феодално зависимых крестьян подданные войскового Самарского Пустынно-Николаевского монастыря. Самарский монастырь, который был одновременно войсковым «шпиталем» (госпиталем), в узко церковных делах подчинялся Киевскому Межигорскому монастырю. Его же права в отношении пользования и владения имуществом и трудом населения регулировались официальными актами запорожского Коша.

2 апреля 1751 г. Кош, восстанавливая силу утраченных монастырем документов, определявших его права и преимущества, издал специальный универсал, устанавливающий, что в ведении монастыря должно быть не более 50 дворов поселян. Население, оседавшее на монастырской территории сверх этого количества, подлежало юрисдикции Самарской паланки. Круг имущественных прав поселян указанных 50 дворов универсал очертил так: «А оселившимся пользоваться как пахатною землею, сенокосы, лесом, водою

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 225, лл. 10—11.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

в вольностях войсковых против прочих подданных довольствоваться...»¹. С другой стороны, устанавливался иммунитет монастыря: «И до оных домов полковники самарские з старшинами никакого дела (кроме что будет до указаго касается) не имели, а имели бы тех людей в своей протекции находящийся при упомянутом св. Николая Самарском монастыре нынешний (и потом будущие) начальник Фотий Гусенский...»².

В другом документе устанавливалась юрисдикция монастыря в отношении крестьян в области суда и расправы. В приказе Коша самарскому полковнику И. Водолаге от 28 января 1756 г. рассмотрены случаи столкновений населения паланки с монастырскими поселянами. В связи с этим приказано, «чтобы монастырских поселян в паланку под ответ не привлекали и над ними никакого суда и расправы не чинили и отсылали бы обидимых к командующему над теми людьми монастырскими начальнику монастырскому для учинения... сатисфакции»³.

Кроме 50 дворов, составлявших слободу Чернечую (с. Чернеча), за монастырем числилось к 1775 г. четыре хутора, четыре мельницы и т. д. Площадь удобной и неудобной земли составляла 18 648 десятин 230 квадратных сажень⁴. Права монастыря на труд крестьян определялись так: «И в надлежащие монастырские работники употреблял бы, только бы обид и озлоблений напрасно не делал»⁵. В универсале от 4 февраля 1755 г. Кош в еще более категорической форме фиксировал права монастыря в отношении крестьян: «Теми обывателями владеть, и до всяких к тому монастырю повинностей притягать»⁶. Монастырские «обыватели» должны были не только исполнить все земледельческие и ремесленные работы, связанные с жизнью войскового монастыря, но были еще обязаны ухаживать за больными и ранеными казаками, поскольку монастырь, как уже указывалось, был также войсковым госпиталем⁷.

Монастырю было предоставлено право в определенных случаях пользоваться трудом и немонастырского населения. В ордере кошевого Г. Федорова от 3 октября 1763 г. самарскому полковнику Логгину Мощенскому предписывалось, в подтверждение прежних распоряжений, предоставлять монастырю, по требованию настоятеля, людей для исполнения разных работ «без малейшего отговору и отлагательства»⁸. В частности, если настоятель монастыря пришлет шерсть «к пряже на сукно к одеянию имеющихся в том

¹ Самарский Екатеринославской епархии Пустынно-Николаевский монастырь, Екатеринослав, 1873, Приложение, стр. 98—99.

² Там же.

³ Там же, стр. 104—105.

⁴ А. Андриевский, Исторические материалы, извлеченные автором из архива Киевского губернского правления, т. IV, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 88—89.

⁶ Самарский монастырь, Приложение, стр. 101.

⁷ Там же, стр. 382—383.

⁸ Там же, стр. 115—116.

монастыре послушников и служителей, то громадский атаман обязан шерсть на десятки раздать, и как спрядена будет, в тот монастырь отослать непременно»¹. Любопытно также то обстоятельство, что охрану монастырских угодий несли не только монастырские крестьяне², но и команды казаков. 24 декабря 1759 г., например, Кош приказал самарскому полковнику Василию Терентьеву назначить десять казаков, живших на территории монастыря, но подведомственных Самарской паланке, в команду для охраны монастырского леса и для исполнения других монастырских поручений. Это мотивировалось тем, что упомянутые казаки «по скудности их» не могут отправлять обычную казачью службу и, таким образом, повинности этих казаков в пользу монастыря рассматриваются как более легкие. Особенность положения этих казаков заключалась в том, что, сохраняя казачьи права, они должны были впредь состоять «в команде начальника самарского»³, т. е. игумена. Самарскому же полковнику строго предписывалось «сих казаков монастырских никуда и ни для чего не занимать, и атаману казачьему новоселицкому к ним ни за чем не вступатца»⁴. Таким образом, в отдельных случаях Кош привлекал к повинностям в пользу монастыря и казаков. Монастырь, как видим, обслуживался отнюдь не одними только своими подданными.

Уступая монастырю право на труд части запорожского населения, Кош, вместе с тем, передавал ему и свое право на получение доходов с шинков, расположенных на монастырской территории. В ордере от 4 февраля 1755 г. Кош распорядился: «Из шинкуючих тамо в селе обывателей и казаков запорожских горелкою и прочим напитком покуховное взимать тамошним монастырским начальникам беспрепятственно»⁵.

Предоставляя монастырю определенные права на пользование угодьями, денежными сборами и на присвоение труда части запорожского населения, Кош в то же время подчеркивал условность прав монастыря как в отношении труда населения, так и владения имуществом и, ревниво блюдя свои сеньориальные права, мелочно вмешивался в действия монастырской администрации.

Наконец, Кош возлагал на монастырь и определенные обязанности. Во-первых, монастырь служил войсковым «шпиталем», куда помещались раненые и больные казаки. В то же время он был и богадельней, давая приют известной части инвалидов. Во-вторых, монастырь исполнял, по требованию Коша, религиозные требы⁶. В-третьих, свои права сеньора Кош проявлял и в финансовой области. Монастырь передавал Кошу часть своих доходов. По словам еп. Феодосия, монастырь был «исправным плательщиком Ко-

¹ Самарский монастырь, Приложение, стр. 115—116.

² Там же, стр. 30—31.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 101.

⁶ Исторические записки о Пустынно-Николаевском Самарском монастыре, Одесса, 1836, стр. 34.

ша Запорожского; на нужды войсковые он аккуратно и своевременно вносил в Кош денежный оклад, в известном, определенном размере за своих крестьян... а за земли и угодья по временным, случайным требованиям Коша... выполнял для него повинность хлебную и подводную»¹. Монастырские крестьяне, таким образом, не освобождались и от таких натуральных и денежных повинностей, которые непосредственно поступали в пользу Запорожского войска. Кошевой Калнишевский 12 февраля 1774 г. писал игумену Иессею, что уже пришел срок взыскать за прошлый год «со всего войскового посполитства положенного на них годового оклада» и предписывал в связи с этим взыскать и внести с монастырских посполитых 32 руб. 60 коп.² Монастырские крестьяне делились, во-первых, на «тяглых» и «пеших», во-вторых, на «подданных» и «подсусудков подданических»³.

Таким образом, в Самарском монастыре отношения между крестьянами и монастырем не отличались от тех, которые господствовали в соседних украинских провинциях. При этом феодальным собственником, переуступавшим монастырю часть своих прав в отношении населения, являлся Кош.

Говоря о феодальных отношениях в запорожском монастырском хозяйстве, нужно, однако, подчеркнуть, что в общей экономике Запорожья монастыри играли ничтожную роль. Феодально зависимых крестьян в Самарском монастыре, в отношении которых мы располагаем документами, было всего 50 дворов с населением, не превышавшим 250—500 человек. Приблизительно столько же крестьян было в Нефорошанском монастыре. Следовательно, монастыри представляли собой феодальные владения, пределы которых были ограничены постановлениями Коша. Увеличение количества крестьян, в данном случае в Самарском монастыре, было вовсе исключено.

Подводя итоги сказанному, нужно заметить, что ни подсусудки, ни монастырские крестьяне крепостными не были. Подсусудки могли переходить в посполитые или казаки. Правом подобного перехода пользовались и монастырские крестьяне. Что касается кошевой старшины, то она, хотя и применяла в отдельных случаях «внеэкономическое» принуждение по отношению к посполитым и казакам, тем не менее не приобрела права собственности ни на землю, ни на крестьян. С этой стороны ее положение заметно отличалось от положения казацкой старшины Левобережной Украины.

Слабость, неразвитость феодально-крепостнических отношений на Запорожье даже в период их наибольшего развития в центре страны объясняется не чем иным, как только особенностями истории этого края. На Запорожье, так же как и во всех других казачьих областях — на Дону, Яике, Тереке и т. д., несмотря на все

¹ Самарский монастырь, стр. 31.

² Исторические записки о Самарском монастыре, стр. 37.

³ Там же.

давление феодального государства и на желание казацкой старшины пользоваться даровым трудом населения, крепостнические отношения никогда не могли достигнуть такого развития, как в центральных районах страны. Запорожье принадлежало к тем окраинам России, о которых В. И. Ленин писал, что крепостное право в них «либо вовсе не было известно, либо было всего слабее»¹.

4. ЗАПОРОЖСКИЕ ПРОМЫСЛЫ. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Социально-экономическое развитие Запорожья периода Новой Сечи может быть должным образом понято лишь при том условии, если мы рассмотрим организацию и других отраслей хозяйства — рыболовства, чумацкого промысла, ремесла и т. д.

Рыболовство наряду со скотоводством и земледелием занимало важное место в экономике Запорожья. Рыба, в разном виде обработанная, по преимуществу сушеная, продавалась как на местных, запорожских рынках, так и за пределами Запорожья. О размерах вывоза рыбы, в частности на Левобережье, можно судить на основании письма кошевого атамана Г. Федорова от 19 октября 1755 г. на имя К. Г. Разумовского. Из письма узнаем, что на Левобережную Украину из Запорожья ежегодно вывозилось разной рыбы «возов четвертных тысячу пятьсот»². В значительном количестве рыба и рыбий жир вывозились в центральные области страны, на Правобережье, а также в Крым.

А. Ефименко, идеализируя социальные отношения в среде казачества, утверждала, что в запорожском рыбном промысле господствовал артельный принцип организации труда и отсутствовала частная собственность³. К такому воззрению склонялся и Д. Эварницкий⁴. С наибольшей полнотой народнические взгляды по этому вопросу сформулированы Ф. Щербиной⁵ и Ф. Кондратовичем. Иная точка зрения высказана А. Скальковским, по мнению которого рыболовные предприятия содержались «козаками-господарями». Такие господа составляли товарищество, члены которого назывались односумами. Односумы нанимали на работу «тафу» — группу рабочих⁶. Д. Багалея, повторяя слова Скальковского об односумах, пишет следующее: «Обыкновенно во время лова сюда приходили по 15—20 человек посторонних лиц, которые оставались тут до зимы; некоторые, впрочем, оставались и на зиму, хотя без работы»⁷.

Наряду с мелким, трудовым рыболовством, на Запорожье в период Новой Сечи существовало рыболовство крупное, предприини-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 552.

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 27, л. 48.

³ А. Ефименко, Южная Русь, т. I, стр. 15.

⁴ Д. И. Эварницкий, История запорожских козаков, т. I, стр. 473.

⁵ Ф. Щербина, Очерки южно-русской артели, Одесса, 1880, стр. 181.

⁶ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. 1, стр. 232.

⁷ Д. Багалея, Колонизация Новороссийского края, стр. 26, Зап. Одесск. об-ва истории и древностей, т. VII, стр. 182—183.

мательское. Богатые рыбой места эксплуатировались собственниками баркасов, рыболовных снастей и «сапетных заводов» (предприятия, где производилась обработка рыбы: сушка, засолка и пр.), т. е. владельцами рыболовных промыслов.

Основными орудиями труда на рыболовном промысле были невод, косяк, мережа и самолов. Невод представлял собой громадную сеть длиной около 200 сажен (400 м). Вместе с веревками, привязанными к обоим концам его, длина невода достигала почти километра. Невод являлся главным орудием труда всякого крупного рыболовного промысла; косяки, мережи и самоловы играли вспомогательную роль. Обязательной принадлежностью промысла были дубы или баркасы и подъездки (небольшие лодки).

Для обслуживания невода требовалось в среднем от 12 до 15 человек. Под непосредственным надзором хозяина или неводничего производились на промысле все работы как по вылову, так и по обработке рыбы.

Организация труда при обработке рыбы представляется в таком виде. Выловленную рыбу прежде всего сортировали, отделяя высшие сорта (осетр, севрюга, белуга) от низших. После этого начиналась обработка в собственном смысле слова. Одна группа рабочих очищала рыбу от чешуи, другая потрошила, третья распластовывала туши, четвертая делала на тушах надрезы, пятая сушила рыбу и т. д. К этому нужно добавить, что ряд производственных операций проходила икра красной рыбы. Это требовало также от рабочих специальных навыков, профессиональной сноровки. Кроме икры, из рыбы добывали жир и клей.

Другими словами, выловленная рыба, прежде чем превратиться в продукт, предназначенный для продажи, должна была пройти ряд производственных процессов. Таким образом, рыболовный промысел, основанный на разделении труда, представлял собой разновидность мануфактуры, хотя бы самой несложной.

Стоимость рыболовного инвентаря была настолько высокой, что, естественно, владеть им могло лишь лицо, обладавшее значительным денежным капиталом. Так, цена невода определялась суммой, колебавшейся в пределах 40—100 руб.¹ Если учесть, что на промысле кроме невода применялись косяки, мережи и самоловы и условно определить цену их в 100 руб., то стоимость всех сетей будет равняться приблизительно 200 руб. Цена дуба или баркаса равнялась 15—20 руб.² Так как на промысле было обычно четыре-пять дубов, то их общая цена приблизительно может быть обозначена суммой в 100 руб.

Еще труднее точно определить стоимость другого рыболовного инвентаря: котлов, кадок, бочек, корзин, ножей, веревок и пр. Учитывая относительно крупные размеры улова (несколько тысяч пудов рыбы в течение сезона), можно предположить, что этот инвентарь стоил не менее 100 руб. Значительную часть денежных

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 48, л. 47.

² Там же.

средств владелец промысла должен был затрачивать на приобретение соли. Есть основание думать, что запасы соли на промысле не могли быть меньше 300—500 пудов. Цена пуда соли, как видно из реестра имущества, отнятого крымскими татарами у группы запорожских чумаков в 1753 г.¹, равнялась 20 коп. Значит, стоимость запаса соли на промысле должна была равняться приблизительно 100 руб. К этому нужно добавить известную сумму, затрачивавшуюся на строительство навеса, жилых и складских помещений, на столы для обработки рыбы и т. д.

Таким образом, весь инвентарь и оборудование рыболовного промысла стоили, по самым скромным подсчетам, не менее 500 руб. Отсюда ясно, что приобретение его было под силу лишь запорожским богачам, распорядившимся значительными денежными капиталами.

Самым важным вопросом при изучении запорожских рыболовных промыслов является, бесспорно, вопрос о социальном характере промысла, о взаимоотношениях между владельцем промысла и работниками. Нужно заметить, что одной из трудностей, возникавших при попытке разрешить этот вопрос, было отсутствие ясности в понимании принципа оплаты рабочей силы. На выяснение этого важного обстоятельства и направим свое внимание.

Оплата работников рыболовных промыслов производилась в двух формах: деньгами и «с половины». Рассмотрим сначала оплату деньгами. Казак Василий Зеленко, он же Алексей Теплицкий, допрашивавшийся 11 июля 1747 г., заявил, что он, в частности, «в рыбалки Ильи Репляшка рыбу ловил за наем больше полгода»². Касьян Чабаненко, рассказывая свою биографию, создал достаточно ясное представление о себе, как о наемном рабочем запорожских рыбных промыслов, получающем денежную заработную плату за срочную работу. Так, у казака Павла Пашко он «нанялся в сапет (рыболовный завод) за пятнадцать рублей» на срок от великого поста до филиппового (т. е. от ранней весны до поздней осени)³. На следующий год Чабаненко «нанялся в куренного Минского Олексия Зайця да Титаревского Остапа, а прозвания не знает, на весну за шесть рублей, и тамо выбувши нанялся ж в корсунского куренного Максима Остудного от Петра до Покровы в сапет за пять рублей». На следующий год Чабаненко снова «нанялся з весны до Петра за шесть рублей» к казаку Иркиевского куреня Грицку Ломаке и т. д.⁴ Казак Леушковского куреня Алексей Штим на допросе 9 января 1775 г. рассказывал, что он два года работал на рыбном промысле казака того же куреня Максима Тягуни и заработал там 20 рублей: «при Леушковском Максиме Тягуне рыбачил два 1771 и 1772 годы и заробив двадцать рублей»⁵.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 17, лл. 4, 74.

² Там же, д. 43, л. 50.

³ Там же, д. 74, л. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 48, л. 50.

Мысль о широком распространении наемного труда в запорожском рыболовстве и об оплате его деньгами подтверждается и данными о рыболовстве черноморских казаков, относящимися к 80—90-м годам XVIII в., когда бывшие запорожские рыболовные заводы были передвинуты, по преимуществу, на бугские и днестровские лиманы¹.

Таким образом, работники, нанимавшиеся на рыбный промысел на известный срок, получали заработную плату в виде определенной денежной суммы.

Впрочем, гораздо чаще оплата на рыболовном промысле производилась «с половины». Казак Деревянковского куреня Василь Бовтюх на допросе в пушкарне 26 апреля 1758 г. показывал, что, придя на Запорожье и записавшись в курень, «тогда ж зараз в своего куренного Федора Щербиненка с половины в ловли рыбы стал»². 3 октября 1760 г. о том же говорил казак Конеловского куреня Александр Сивокобыльский. Придя на Запорожье, он «служил в разных запорожских козаков (а чему уж будет больше 20 год) и на Низу в невода с половины ходил»³. Федор Щербина, казак Величковского куреня, на допросе 24 октября 1760 г. говорил, что по приходе на Запорожье он «вскорости ходил на лясы с половины»⁴. «С половины» работал на рыболовном промысле, принадлежавшем казакам Конеловского куреня Максиму Ногге и Ивану Великому, запорожец Лагода, о чем он рассказывал на допросе в 1772 г.⁵ О том же говорил казак Артем Тупица на допросе 6 ноября 1757 г.⁶ и т. д.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 10, д. 83, лл. 144—153. Перед нами составленная в 1790 г. ведомость о воинских поселенях Херсонского уезда, бывших запорожцах, исключенных из ведения казенной палаты ввиду поступления их в черноморцы. Ведомость представляет собой реестр хозяев и работников. При 18 хозяевах числится 302 работника. Из хозяев только Павел Кравец имеет одного работника, Яков Тимошенко — семь, Нарывай и Вергун — по восемь работников. Остальные хозяева имеют в среднем от 11 до 40 работников. В ведомости дополнительно приписано 170 бурлаков; они, в отличие от работников, записаны общим числом, без указания имен, прозвищ и возраста. Приложение к ведомости разъясняет социальное положение хозяев: это — поселяне из Станиславова, «которые находились при лиманских неводах в Таврической области при соляных озерах». О работниках и бурлаках прямо сказано, что это — «зашедшие из Польши (Правобережной Украины. — В. Г.) и из других мест бурлаки, кои, выжив по договорам их в работниках свой термин, одни возвратились на свои жилища и по неизвестным местам разбрелись, а другие в войско верных козаков черноморских вошли». В другом списке жителей местечка Станиславова числится 49 хозяев с 679 работниками. (КГКИА, ф. 249, св. 10, д. 83, лл. 238—254). Замечу, что из 18 хозяев первого списка два — семейные, из 49 хозяев второго списка семейных семь. В первом списке семьи числятся при двух работниках, во втором — при пяти. Перед нами типичные «господари» — рыбопромышленники, отношения которых к рабочей силе основаны на договорах, заключенных на известный «термин».

² ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 14.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ Там же, д. 109, л. 80.

⁶ Там же, д. 43, л. 7.

Оплата «с половины» означала, что одну половину улова хозяин обращал в свою пользу, а другую он делил между всеми работниками промысла. То, что работники получали при этом плату в натуральной форме, дало повод некоторым историкам, склонным к народническим предрассудкам, видеть тут идиллию «трудового начала». В действительности же оплата натурой свидетельствует о совсем другом — о неразвитости товарно-денежных отношений. Она является ярким доказательством закабаления работника хозяином, свидетельством беспощадной эксплуатации наемных тружеников работодателями.

Хозяева, надо заметить, были заинтересованы оплачивать работников не повременно, а «с половины», так как при этом они всегда оставались в выигрыше. Работа «с половины» была формой сдельной оплаты: в случае неудачного лова соответственно сокращалась и та его доля, которая приходилась на каждого работника. К тому же работники не имели средств, чтобы перевезти полученную «с половины» рыбу для продажи, в особенности на отдаленные рынки. Поэтому они волей-неволей должны были уступить ее хозяину. При этом, разумеется, цену за рыбу хозяин устанавливал по своему усмотрению.

Важную роль в хозяйственной жизни Запорожья, как и всей страны, играл извоз — чумацкий промысел. Чумацкие обозы с хлебом, солью, рыбой, маслом, табаком, шерстью, кожами и другими продуктами отправлялись на отдаленные рынки, откуда на Запорожье доставлялись предметы мануфактурного производства. Во 2-ой половине XVIII в. мы встречаем запорожских чумаков, ходивших в Крым, турецкие провинции, Молдавию, Валахию, Правобережную Украину, Центральную Польшу и т. д.

О значении чумацкого промысла можно судить, в частности, на основе уже упоминавшегося ранее письма кошевого Г. Федорова от 19 октября 1755 г. К. Г. Разумовскому. Федоров писал, что ежегодно на Левобережную Украину из Запорожья только с солью и рыбой выходит около 1500 «четвертных» возов¹.

Что представлял собой чумацкий обоз с социальной точки зрения? Этот вопрос также получил у буржуазных историков неправильную интерпретацию. Д. Эварницкий, например, в чумацкой «валке» усматривал «чисто товарищескую ассоциацию», подчеркивая, что чумаки-запорожцы «платили всю прибыль от своих промыслов в войсковой скарб»².

Действительно, чумацкая «валка» часто казалась группой равноправных членов, так как во главе ее обычно стоял выборный «ватажок» — атаман. Однако ни о каком социальном равенстве лиц, составлявших такую «валку», не может быть и речи.

Наряду с чумаками-тружениками, обладателями одной-двух пар волов с упряжками, в валке принимали участие богачи, владевшие десятками упряжек. Нередко организовывались чумацкие

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 27, л. 48.

² Д. И. Эварницкий, Указ. соч., т. I, стр. 496.

сбозы, где все упряжки принадлежали одному крупному собственнику. В таком случае вся «валка» представлена была наемными работниками, обслуживавшими хозяйские упряжки. Летом 1756 г., например, казак Каневского куреня Трофим Голуб отправил в Крым за ссылю семь собственных возов с 24 волами под присмотром пятерых работников (молодиков)¹. Казак Каневского куреня Василий Романовский ездил в Крым «для продажи разных товаров» на пяти возах с семью работниками². Чумацкий обоз казака Уманского куреня Кузьмы Чумака обслуживался шестью работниками-молодниками³.

Наемный труд получил широкое распространение в чумацком промысле. Об этом свидетельствуют многочисленные документы сечевого архива. Запорожский серомаха, добывавший себе пропитание продажей своей рабочей силы, нанимался к богатому чумаку так же, как и ко всякому другому работодателю. Положение чумака-работника не представляло ни с экономической, ни с юридической стороны ничего отличного по сравнению с положением наемного работника другой профессии. Приведем типичный пример. Казак Уманского куреня Влас Широка, допрошенный в пушкарне 22 января 1762 г., рассказывая свою обычную биографию запорожского наймита, заявил, что, придя на Запорожье с Левобережной Украины около 1756 г., он чумаковал «з куренным уманским Моренцем и з другими чумаками з найму», а затем «служил в козаков з найму» и т. д.⁴.

Запорожский чумака-богач эксплуатировал чумака-наймита так же жестоко, как и всякий другой работодатель. Здесь же добавим, что та форма организации чумацкого промысла, которая существовала на Запорожье, была со всеми своими особенностями перенесена впоследствии на Кубань, в Черноморское войско.

Свое дальнейшее, хотя и относительно слабое развитие получило на Запорожье ремесло. Бойким ремесленным и в то же время торговым местом было, прежде всего, предместье Сечи. «При Сечи, — пишет Мышецкий, — имелись майстеровые, как то, кузнецы, слесари, шевцы, или сапожники, кравцы, или портные и прочие. Все художники (ремесленники. — В. Г.) работу свою производили и дома свои имели в предместьи». Тут же были мастерские по починке и изготовлению оружия и др.⁵.

Кроме мастерских хозяев-одиночек, были мастерские, в которых одновременно работало по десять и более мастеров. Н. Корж, рассказывая об одном из запорожских богачей, казаке Деревянковского куреня Глобе, утверждает, что тот имел «до 15 человек портных»⁶.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 30, л. 102.

² Исторично-географічний збірник, т. II, К., 1928, стр. 123.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 86, л. 140.

⁴ Там же, д. 109, л. 66.

⁵ Летописное повествование, ч. IV, стр. 79, 82.

⁶ Устное повествование бывшего запорожца Н. Л. Коржа, Одесса, 1842, стр. 57.

К предприятиям ремесленного типа можно отнести также водяные мельницы. В 1774 г. на Запорожье по обоим берегам Днепра была 41 «лодейная» (водяная) мельница. Три из них принадлежали только что упомянутому Глобе. Кроме мельниц, Глоба имел также один «фалюшник» (сукновальня)¹. Можно предположить, что сукно, которое вырабатывалось на сукновальне, поступало затем в портняжную мастерскую Глобы, а оттуда в виде гостовой одежды на рынок.

На запорожских базарах — в предместье Сечи и в паланках торговали различными товарами. Достаточно сказать, что в предместьи Сечи десятками исчислялись «торговые будки» (лавки) и шинки. Существовали даже торговые ряды — «крамный», «хлебный»² и др. Обороты отдельных лавок были довольно значительны. Мышецкий, например, говорит, что торгующие на сечевом базаре «мясники, шинкари, крамари» (торговцы красным товаром. — В. Г.)... великие барыши по дорогой продаже своей получали»³. Слова Мышецкого подтверждаются документами: из лавки новокодацких купцов Алексея и Григория Баранчиковых в 1771 г. было похищено 500 руб. серебром⁴. Великорусскому купцу М. Макарову, торговавшему «при Сечи в крамном ряду», разные крымские купцы задолжали в 1757 г. 4122 турецких лева⁵.

На запорожских базарах торговали не только предметами местного производства, но и привозными товарами. Большая часть их доставлялась на Запорожье из центральных областей страны. Данные, характеризующие эту торговлю, отрывочны и, конечно, не могут воссоздать полной картины. Суммарное представление о том, какие именно товары ввозились на Запорожье в период Новой Сечи, можно получить на основании письма кошевого Г. Федорова гетману К. Разумовскому от 1765 г. Г. Федоров писал, что на Запорожье с Левобережной Украины ежегодно привозится приблизительно 4 тыс. воловьих и 60 тыс. овечьих (нужно полагать выделанных) кож, 100 пудов шерсти (по всей вероятности, в виде рукавиц, чулок и т. д.), 20 тыс. овец, 300 тыс. аршин простого сукна, 400 пудов сероха, 500 пудов свинца и 5 тыс. ружей⁶.

Более подробный перечень товаров, которые привозились на Запорожье, находим в делах двух внутренних таможен — Переволоченской и Кременчугской. Так, 10 и 14 августа 1769 г. через Переволоченскую таможенную в Сечь прошло два обоза казака Батуринского куреня Ивана Тарана. Приводим список товаров, которые вез Таран «в Запорожскую Сечь для томошнего собственного запорожским козакам расходу, а не ради продажи за государственную границу»⁷.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 98, л. 105.

² Там же, д. 97, л. 106.

³ Летописное повествование, ч. IV, стр. 82.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 301, л. 1.

⁵ Там же, д. 97, л. 106.

⁶ Там же, д. 27, лл. 47—48.

⁷ Там же, д. 241, лл. 22, 30.

Металлы и металлические изделия:

Железо листовое белое	83 листа
Сталь	1 пуд 20 фунтов
Медь желтая	5 фунтов
Свинец «не в дело»	14 пудов
Свинец	13 пудов 19 фунтов
Олово прутное	3 пуда 32 фунта
Ртуть	9 фунтов
Заступы железные	10 шт.
Формы железные для литья пуль	30 шт.
Крючки железные	84 шт.
Замки малой руки	12 шт.
Подмости железные	40 шт.
Ножи складные	312 шт.
Гвозди железные разных размеров	74 000 шт.
Гвозди железные с медной головкой	1000 шт.
Ножницы большие	10 шт.
Ножницы малые	12 шт.
Иглы железные «шевные» (сапожные)	7500 шт. + 5 пачек
Наперстки медные	65 шт.
Шила сапожные	80 шт.
Проволока железная	6 фунтов
Проволока медная	6 мотков
Проволока свинцовая	1 пуд 20 фунтов
Ложки железные	6 шт.
Сковороды железные	15 шт.

Оружие, снаряжение:

Ружья казацкие	85 шт.
Кремни для ружей	25 000 шт.
Порох ружейный	5 пудов
Дробь свинцовая	4 пуда
Мушкетная галка	1/2 фунта
Ладунки (сумки) простые казацкие	32 шт.
Ремень для подпруг	30 шт.
Подпруги конские шерстяные	36 шт.
Шлейки конские из пеньковой ткани	68 шт.
Оброти и вожжи пеньковые	140 шт.

Ткани, тесьма, нитки:

Сукно сермяжное простое	500 аршин
Сукно лавочное разноцветное	31 аршин
Хряц (толстый, грубый холст)	89 000 аршин
Пестрядь московская простая	3070 аршин
Пестрядь двойная	132 аршина

Крашенина разноцветная	2200 аршин
Крашенина гладкая	1450 аршин
Камлот зеленый	2 1/2 куска
Камлот разноцветный	78 аршин
Штоф голубой	10 аршин
Китайка голубая	10 концов
Креп черный	1 конец
Полотно московское	480 аршин
Парча ordinaria	8 локтей
Рядно	3 шт.
Тесьма нитяная простая	30 аршин + 33 пучка
Шнурок шелковый разноцветный	2900 аршин
Шнурок нитяный простой	1350 аршин
Нитки разноцветные	515 мотков

Суконные и полотняные изделия:

Кафтаны простые белые сермяжно-го сукна	220 шт.
Кафтаны сермяжного сукна	46 шт.
Епанчи шерстяные валеные	9 шт.
Сорочки мужские	850 шт.
Чулки шерстяные простые	80 шт.
Рукавицы черные	120 пар
Платки набочные простые	22 шт.
Платки бумажные	84 шт.
Мешки (для зерна)	94 шт.

Кожевенные изделия:

Юфть черная сапожная	79 шт.
Пойки черные малой руки	10 шт.

Краски, лекарства и прочее:

Блейвас белый (для малярных работ)	9 фунтов
Камень синий	21 фунт
Камень красный	1 фунт
Сера горячая	4 пуда 15 фунтов
Нашатырь	3 1/2 фунта
Скипидар	1 пуд 36 фунтов
Купорос	30 фунтов
Камфора	3 фунта
Галун (квасцы)	1 пуд 33 фунта
Деготь простой	1 бочка
Ладан простой	1 пуд

Ювелирные изделия и украшения:

Золото	6 цевок (катушек)
Сетки золотые (вес 40 золотников)	1 шт.

11 марта 1764 г. через Кременчугскую таможенную шель на Запорожье обоз казака Куцевского куреня Леонтия Павлова «с товарищи». Вот перечень его товаров¹.

Металлы и металлические изделия:

Медь «дошатая»	6 пудов
Свинец	8 пудов
Чугун в котлах	3 пуда
Косы сенокосные	700 шт.
Проволока железная	3 пуда
Сковороды железные	40 штук

Продовольственные товары и табак:

Сахар	2 пуда
Перец	2½ пуда
Инбирь	2 фунта
Табак	6020 папуш

Предметы домашнего обихода, бумага:

Ухваты железные	10 шт.
Мельница для перемалывания перца	1 шт.
Чарки хрустальные	100 шт.
Бумага писчая	23 стопы
Бумага картузная простая	2 стопы
Карты московские простой работы	70 дюжин
Арканы волосные	5 шт.
Веревки тонкие из пеньковой пакли	500 сажень
Мыло простое	13 пудов
Гребни роговые	150 шт.
Щетки малой руки	2 шт.
Зеркала простые ручные малые	43 шт.
Трубки курительные деревянные	24 шт.
Чубуки простые	500 шт.

Оружие:

Ружья павловские	6 шт.
Дробь свинцовая	20 фунтов

Ткани, тесьма, нитки:

Полотно узкое белое русское	10 000 аршин
Пестрядь московская	2000 аршин
Китайка разных цветов	неразборчиво

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 126, л. 11.

Крашенина разная	1000 аршин
Сукно сермяжное суздальское	400 аршин
Сукно разное	50 аршин
Нитки, «кои употребляются на сети рыболовецкия»	600 мотков
Хрящ узкий	1500 аршин

Кожевенные изделия:

Кожи черной юфти 11 шт.

Продовольственные товары:

Сахар «кенарейский» и простой 6 пудов

Подобных описей товаров сохранилось еще несколько. Металлообрабатывающая промышленность Подмосковья, Тулы, Поволжья и других районов страны удовлетворяла потребности запорожского хозяйства прежде всего сельскохозяйственным инвентарем: лемехами, боронами, заступами, косами, топорами, серпами, вилами и др. В большом количестве потребляло Запорожье изделия русской оружейной и суконной промышленности: ружья «павловские», ружейный порох, свинцовую дробь, сукна суздальские, пестрядь московскую, крашенину, китайку, полотно московское, готовое платье: кафтаны, епанчи, рубашки, рукавицы, чулки и др. Из центральных же губерний поступали кожевенные изделия, краски, лекарства, предметы домашнего обихода, наконец, ювелирные и другие изделия.

Небольшое место в привозной торговле занимала торговля с восточными странами. Турецкие, персидские, греческие и другие купцы доставляли на Запорожье шелковые ткани, дорогое оружие, пряности, восточные лакомства, вина и т. д.

5. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕРОМЫ В ПЕРИОД НОВОЙ СЕЧИ

На Запорожье в период Новой Сечи мы ясно наблюдаем картину глубокой социальной дифференциации как в среде казачества, так и посполитых. Богатому казаку — владельцу крупного зимовника, собственнику рыболовного промысла, предпринимателю-чумаку и т. д., безотносительно к тому, являлся ли он рядовым или старшиной, противостоял в основном не феодально зависимый крестьянин, а «класс неимущих поденщиков», масса «сельских наемных рабочих»¹, которые выходили не только из недр разоряющегося трудового запорожского казачества и посполитых, но преимущественно из толщи закрепощенного и закрепощаемого украинского и русского крестьянства, искавшего на Запорожье свободу от крепостнических пут.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1950, стр. 312.

На основе эксплуатации трудового казачества и посполитых запорожская старшина и богатые казаки накапливали огромные состояния. Украинские буржуазные националисты, затушевывая социальные противоречия в среде казачества, утверждали, будто запорожская старшина отличалась исключительной простотой и спартанской скромностью в быту. В действительности, как увидим ниже, это было совсем не так. Старшина и богатые казаки имели собственные дома в Сечи и в паланках (в зимовниках). В зимовнике полковника А. Колпака, например, было три дома. Один из них «з комнатами» предназначался для хозяина, остальные для работников. Во дворе стояло два амбара, погреба, конюшни и т. д. Все это было окружено забором «з доброго резанного дерева». Вблизи зимовника находилась «двопольная» (двухэтажная) мельница.

С внутренней обстановкой старшинского дома можно ознакомиться на основании описи имущества кошевого П. Калнишевского от 1768 г. Тут мы видим дорогую мебель, ковры, золоченую и серебряную, хрустальную и фарфоровую посуду, дорогие ткани, роскошный гардероб, дорогие меха, финифть и жемчуг, русские и французские ружья, английские пистолеты, сабли, украшенные дорогими камнями, томпаковые часы, подзорную трубу, огромные запасы риса, маслин, сахара, фиников, пантефиру, а также вин и т. д.

Ничем не отличался от старшинского и быт богатых казаков.

Кроме запорожских богачей и серомы существовал слой среднего казачества, располагавшего собственными средствами производства, позволявшими ему отправлять за свой счет воинскую службу и другие всевозможные повинности по войску. Часть среднего казачества вела свое хозяйство в степных зимовниках. Эти зимовники, однако, нисколько не напоминали богатых и благоустроенных хозяйств запорожских богачей. Это были убогие «куги», землянки с не менее убогим имуществом. Наиболее значительная часть таких «господарів» составляла основное население запорожских слобод.

Военная служба, многочисленные повинности и поборы ложились тяжелым бременем на плечи трудового казачества и часто вели к его полному хозяйственному разорению. Разоряясь, такие казаки превращались в «убогих», терявших способность отбывать военную службу на собственный счет. Для них оставался единственный выход: ждать перевода в посполитые. 6 сентября 1759 г. кошевой атаман А. Белицкий писал полковнику В. Холязве, что из казаков слободы Новоселицкой, Самарской паланки, «за крайним их убожеством... службы отправлять признаны несостоятельными немалое их число» и поэтому их «из оной казачей службы исключено и в посполитые определено»¹. Если же казак полностью разорялся, то у него была другая дорога: перейти в разряд неимущих серомах и искать себе пропитание продажей своей рабочей силы.

Значительную часть запорожского казачества составляла серома — совершенно неимущий люд, поддерживавший существование

¹ Самарский монастырь, Приложение, стр. 108—109.

свое чаще всего «наймом». Об экономическом положении наемного работника на Запорожье в период Новой Сечи можно судить, прежде всего, по уровню получаемой им заработной платы. Размер годовой заработной платы наймита, или молодика, колебался в пределах от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. В отдельных случаях заработная плата доходила до 6 и даже 7 руб. За 2 руб. 50 коп. в год служил в зимовнике казака Иркиевского куреня Никиты Свата казак Кушевского куреня Кондрат Таран¹. Казак Незамаевского куреня Трохим Короп показывал, что «нанявся на год ценою за три рубля... в зимовнику куреня Незамаевского казака Михайлы Тесли»². Казак Минского куреня Иван Довгий, зашедший на Запорожье с Левобережной Украины, поступил на работу к казаку того же куреня Кириллу Комару за 3 руб. 50 коп. в год или, как говорил сам Довгий, «нанявшись за 3 руб. 50 коп. служил год»³. Казак Садило «служил в тамошнего казака Кушевского Трохима Губы два года ценою за 7 руб.»⁴. 3 руб. 50 коп. в качестве годовой заработной платы запорожского работника выступает и в других источниках⁵.

Если разделить 2 руб. 50 коп. или 3 руб. 50 коп. на 365 дней, то выходит, что выдаваемая на руки заработная плата наемного работника была менее одной копейки в день. Чтобы создать более конкретное представление о том, сколь ничтожной являлась эта сумма, приведем следующий индекс цен на Запорожье во второй половине XVIII в. Лошадь хорошая стоила 10—15 руб., средняя — 7—10 руб., всл — 5—8 руб., четверть пшеницы — 2 руб. 50 коп. — 4 руб. 50 коп., свита синего сукна — 5 руб., свита простая — 3 руб., рубаха простая — 40 коп., шаровары синего сукна — 3 руб., шаровары простые — 1 руб., шапка — 80 коп., сапоги простые — 50 коп. — 1 руб., ружье — 3 руб. 50 коп. — 5 руб., фунт ружейного пороха — 25 коп. и т. д.⁶. Другими словами, чтобы приобрести среднего качества лошадь, наемный работник должен был служить у хозяина не менее двух лет и примерно столько же, чтобы купить корову, а за четверть пшеницы он должен был работать от одного до полутора лет.

Кроме работы «по найму», на Запорожье довольно распространены были такой вид отношений между работниками и работодателями, который выражался формулой «без найму». Насколько прочной, устоявшейся была эта форма, явствует из того, что на допросах казаки всегда точно оговаривали, работали ли они у хозяев «по найму» или «без найму». Казак Грицко Моргун рассказывал на допросе в мае 1775 г. следующее: прибыв на Запорожье, он первоначально «служил в него (казака Решмедило.— В. Г.) в

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 109, л. 93.

² Там же, д. 148, л. 7.

³ Там же, д. 48, л. 33.

⁴ Там же, д. 266.

⁵ См. Источники для истории запорожских казаков, изд. Д. Эварницкий, т. II, Владимир, 1903, стр. 1597.

⁶ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 208, л. 5; д. 328, л. 9; д. 234, лл. 4—9 и др.

Беленькой (урочище.— В. Г.) год, да в Суре год в Чухрая Батуриинского, в Шила три года, да без наему в тех же батуриинцев (т. е. казаков Батуриинского куреня.— В. Г.) жил годов з семь¹. Очевидно, что условия, на которых Моргун работал у своих хозяев в первые годы, отличались от тех, которые он называл словами «без наему». Казак Алексей Штим в зимовнике казака Андрея Гудименко «жил без найму годов с четыре. От Гудименка отойшовши пребывал в умершего (ныне) козака леушковского Якова Щербины без найму годов з три, а за наем два года выслужил у Щербины пять рублей» и т. д.² Казак Петро Таран, придя в свое время с Левобережья на Запорожье, «в козаков куреня Ирклиевского Дмитра Шамаря годов два и Никиты Шевця одну весну без найму жил» и т. д.³

Упомянутая ранее ведомость о казаках Протовчанской паланки, составленная в феврале 1774 г., дает возможность установить количественное соотношение работников «по найму» и работников «без найму». В с. Петровке из 42 работников, служивших у казаков и посполитых, «по найму» работало 39 человек, а «без найму» три человека. Иными словами, работники «без найму» составляли 7% общего числа работников с. Петровки. В с. Кирилловке все значившиеся 26 работников служили «по найму». В с. Шульговке из 27 работников пять человек, т. е. почти 20% общего числа, работали «без найму», остальные 80% «по найму». В с. Половетщине все семь работников служили «по найму». В с. Продановке 19 работников служили «по найму», а два — «без найму». В с. Цеглинке из 33 работников три, т. е. 9%, служили «без найму». В с. Могилеве из 13 работников один числился «без найму»⁴.

Что собой представляла работа «без найму»? Надо полагать, это была одна из наиболее тяжелых форм экономической зависимости, один из самых жестоких способов эксплуатации труда бедноты. В таких случаях работодатель отказывался признать какие бы то ни было условия найма работника, возводя личный произвол в отношении к работнику в основной принцип. Единственным возможным обязательством со стороны хозяина в подобных случаях было предоставление работнику скудной пищи, ветхой одежды, обуви и негостеприимного крова. Работник «без найму» служил у хозяина, как говорится, «за кусок хлеба».

Надо думать, что служить «без найму» означало то же, что и «безденежно». Безденежно работал, например, у хозяина казак Тенетка⁵. Казак Петр Мовчан, повествуя на допросе 26 июля 1770 г. о своей скитальческой жизни серомахи, привел ряд выразительных подробностей. Прибыв в 1757 г. на Запорожье из Слобожанщины и пожив некоторое время в курене, он отправился затем в поисках

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 48, л. 60.

² Там же, л. 50.

³ Там же, д. 228, л. 98.

⁴ Там же, д. 348, лл. 2—6.

⁵ Там же, д. 73, л. 17.

заработка в зимовники. О том, как встретили нищего, бездомного работника запорожские богачи-зимовничане, Мовчан рассказывал так: он «жил в зимовниках при казаках безденежно за самую только харч»¹. Первоначально Мовчан работал в зимовнике казака Полтавского куреня Павла Плохого, а затем перешел к казаку Никите Ковалю, от него к Синиченко Грищку и т. д. Переходя с места на место, он пришел в зимовник казака Никиты Безверного «на косовицю [и] там был недель з четыре (работая.— В. Г.) за косу и сорочку»².

Фигура запорожца Петра Мовчана интересна и в том отношении, что перед нами не только паупер в полном смысле этого слова, готовый в одном случае работать за одно пропитание, а в другом «за косу и сорочку», но и типичный запорожский поденщик, работающий от случая к случаю, становящийся на любую краткосрочную работу.

«Без найму» и «безденежно» поступали в первую очередь на работу, вероятно, люди, попадавшие в исключительно тяжелые условия; еще не успевшие вступить в казаки беглые, несовершеннолетние, престарелые, калеки, те, кто разыскивался властями, и т. д.

Казацья серома эксплуатировалась запорожскими богачами не только в хозяйстве, но и в военном строю. Уже наличие в сечевых куренях постоянного числа казаков, несших там службу за один кров и пропитание, освобождало богачей от частого отбывания своей «очередки». Богатые казаки — владельцы зимовников, промыслов, мельниц, шинков всячески избегали отправлять военную службу не только в военное, но и в мирное время. Вместо себя они отправляли в войско наймитов. При молчаливом согласии кошевой старшины этот «обычай» получил в период Новой Сечи очень широкое распространение. Бывший запорожец Онисим Лалим в своем прошении в 1799 г. о зачислении в черноморцы рассказал: «Находился он в бывшем войске Запорожском с малых лет в курене Шкуринском, а когда пришел в совершенство лет, то по отряду был в крымском походе за казака куреня Шкуринского Григория Хижу»³. Из свидетельства, хранящегося в деле, отношения между Лалимом и Хижей выясняются очень отчетливо: «Свидетельство. Дано сие куреня Шкуринского бывшего Запорожья казаку Онисиму Лалиму в том, что знаем мы з малых его лет, что он был в войске Запорожском и находился во услужении при козаку того же куреня Григорию Хиже, с которым по отряду от того войска был в крымском походе и обращался всегда в честном его поведении. Во уверение чего и подписом утверждаем. Атаман поручик Михайло (фамилия неразборчиво). Старшина полковой есаул Сидор (фамилия неразборчиво). Казаки Василий Квитка, Куликовский...»⁴. Черноморец Василий Дегтярь, 60 лет, в 1799 г. на допросе показал, что он в 16-лет-

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 23, л. 58.

² Там же.

³ КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 43, лл. 94—95.

⁴ Там же, л. 78.

нем возрасте ушел от своих родителей из местечка Варвы, Прилуцкого полка, «в войско Запорожское и нанялся во услужение того войска у козака Якова Яцка и, жительствуя при нем лет с пять, был с ним в походе под Очаковым и в других местах»¹. Черноморец Андрей Дегтярь, 50 лет, допрошенный в то же время, показывал, что, попав на Запорожье, «был во услужении у козака куреня Пластуниевского Федора Третьяка лет с восемь, с коим был в походе под Очаковым и в других местах»².

Во время войны 1768—1774 гг. посылка в войско наемников приобрела такие размеры, что кошевое начальство вынуждено было издать специальное запрещение. 11 марта 1774 г. кошевой Калнишевский, ссылаясь на существующую практику, писал: «конные и пешие козаки многие не сами хозяева, но наймиты в походе были, так потому строжайше предлагаем... казачьим атаманам крепчайше притвердить, чтоб они, когда повелено будет в поход выступать, самих хозяев, а не наймитов конных и пеших выслали, опасаясь им и Вам... жесточайшего штрафа»³. Тут же скажем, что ордер Коша не внес никаких изменений в установившуюся практику поставки наемников.

Право поставки наемников взамен личной службы возникло на основе социального неравенства в среде казачества, при этом не только запорожского, но и яицкого, бугского и т. д. На это, заметим, обратил внимание еще А. С. Пушкин. В своих возражениях Броневскому, критиковавшему его «Историю Пугачева» и считавшему, что изучение социально-экономического быта Яицкого казачьего войска излишне при объяснении причин крестьянского восстания под руководством Пугачева, Пушкин писал: «Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта»⁴. Указывая на широкое применение наемного труда в казачьем быту как в хозяйстве, так и в военном деле, А. С. Пушкин цитирует следующее интересное место из «Исторического и статистического обозрения уральских казаков»: «Обыкновение служить по найму, с одной стороны, повидимому, несправедливое, потому, что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее»⁵.

Отправляя вместо себя на военную службу своих работников, богатые казаки снабжали их крайне скудно: наемникам не давали даже того, что предписывалось установленными правилами. Приведем типичный пример. 5 сентября 1774 г. вышестеблиевский куренной атаман Илья Гардовый доносил в Кош о том, что казаки-хозяева вместо себя выслали в поход своих молодиков, вопреки правилам, одноконных и без продовольственного запаса («а много хозяев молодиков только по одноконно и без харчей выслали») ⁶.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 21, л. 224.

² Там же.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 345, л. 18.

⁴ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 6, М., 1950, стр. 242.

⁵ Там же, стр. 192—193.

⁶ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 345, л. 66.

Хозяева не останавливались даже перед тем, чтобы вместо себя отправить на службу несовершеннолетних, стариков, увечных и т. п.

Часто хозяева, сговариваясь между собой, высылали на службу вместо нескольких лишь одного наемника. В ордере Коша на имя полковников Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской паланок от 22 марта 1774 г. говорится: «Известно в Коше, что ведомства Вашего женатые козаки, убегая от службы, таковой порознь (в отдельности.— В. Г.) отбывать не хотят, но сообщаются (собираются.— В. Г.) в одно по два, по три, по четыре и по больше... посылая наймита...»¹. В рапорте одного из войсковых есаулов в Кош от 18 марта 1774 г. прямо говорится, что подобная «складчина» практикуется теми из казаков, которые «могущественнее», т. е. богаче. Эти казаки, отмечается в том же рапорте, «могли б и всяк от себя выслать безнужно (без всякого труда)» одного наемника².

Часто бывало и так, что богатые казаки, пуская в ход крупные взятки, не только сами не являлись на службу, но не высылали и наемников. В ордере Коша от 20 апреля 1774 г. сообщалось, что войсковой есаул Гелех, «побравши лакомые искупы» от некоторых новокодацких казаков, привлек к военной службе лишь 22 человека вместо 85³.

Право поставки вместо себя наемников было привилегией, родившейся в ходе социально-экономического развития Запорожья, результатом процесса социального расслоения казачества. Богатые казаки, пользуясь этим «правом», переставали отправлять основную повинность, которую они были обязаны нести. Они перекладывали эту повинность на плечи других казаков (юридически равных им), пользуясь их экономической несостоятельностью.

Современники в ярких образах запечатлели безысходную нужду серомы, состоявшей, как мы видели, в огромном своем большинстве из наемных работников. Секунд-майор Никифоров, наблюдавший казачью бедноту, присутствовавшую на войсковой раде в 1749 г., писал, что она состоит «из людей по здешнему называемых серомахи, не имеющие у себя не только лошадей или какого скота, но ниже на плечах платья»⁴. Другой современник, Недоступа, такими словами изобразил бедность серомы: «Купить, було, сорочку, надіне тай носить, поки подере, іноді й пузом світить, звісно — голота. Як не було, — продовжає Недоступа, — ні жінки, ні дітей, ні худоби, то то й голота»⁵. В июне 1775 г., после разрушения Сечи, группа запорожских серомах явилась к генералу Текелию с просьбой выдать ей билеты на право ухода на заработки. Когда Текелий спросил серомах, куда они намерены отправиться, те ответили: «в Тилигул,

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 345, л. 23.

² Там же, л. 21.

³ Там же, л. 45.

⁴ Киевская старина, 1883, май, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 251—252.

добродію, на заробітки... бо в нас проклята мати ма ні сорочки, ні штанів, як бачиш, голая сірома»¹.

Гонимый голодом и нуждой, серомаха был незащищен перед алчностью казацких богачей. Надеясь спастись на Запорожье от крепостничества, он попадал тут в положение, которое было не только не легче, но порой даже тяжелее положения крепостного крестьянина с наделом во внутренних губерниях страны. В таких условиях единственным преимуществом казака-серомахи было то, что он мог «свободно» переходить от одного хозяина к другому, от другого к третьему и т. д. Другими словами, «казацкая воля» для серомахи выражалась практически лишь в возможности менять одного эксплуататора на другого.

Несмотря на всю тяжесть феодально-крепостнической системы, господствовавшей в стране, на феодальные привилегии старшины и на многочисленные средневековые остатки во всем строе жизни казачества, социально-экономическое развитие Запорожья, как и других областей страны, явно шло в сторону развития новых, буржуазных отношений, подрывавших старые, феодальные порядки.

6. УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖСКИХ НИЗОВ В АНТИФЕОДАЛЬНОЙ БОРЬБЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XVIII в. РАЗРУШЕНИЕ СЕЧИ И УПРАЗДНЕНИЕ ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА

Усиление феодально-крепостнического гнета в России, на Украине и в Польше сопровождалось резким ухудшением положения крестьянства. В ответ на невыносимые притеснения русское и украинское крестьянство не раз на протяжении XVIII в. поднималось на борьбу с поработителями. Спасаясь от закрепощения и преследований, крестьяне попрежнему бежали в казацкие области — на Запорожье, Дон, Яик и т. д. Казачество не только укрывало беглецов, но и само принимало активное участие в антифеодальных выступлениях, направленных на свержение крепостнического строя.

В 1707 г. на Дону вспыхнуло восстание под руководством Кондратия Булавина. Восстание охватило вскоре не только Дон и Поволжье, но и соседние с ним уезды и нашло горячий отклик на Украине. После первого же неудачного сражения с войском, набранным донской казацкой старшиной, К. Булавин с группой своих соратников ушел на Запорожье. Запорожская старшина враждебно отнеслась к Булавиному и булавинцам, однако из-за боязни столкновения с серомой не арестовала их.

Собрав значительный отряд запорожских серомах, Булавин возвратился на Дон, где восстание развернулось с новой силой. Запорожцы принимали участие в осаде Азова и под предводительством атамана Семена Драного сражались против царских войск, наступавших на Дон с севера.

Правительству, наспех собравшему значительные воинские силы, удалось разгромить повстанцев и подавить восстание. Десятки дон-

¹ Устное повествование бывшего запорожца Н. Коржа, стр. 51.

ских станиц были сравнены с землей, а население их зверски замучено. Многие донцы совместно с запорожцами, отступая перед карателями, уходили на Запорожье. В августе 1708 г. переволоченский житель рассказывал новобогородицкому коменданту¹, что в урочище Кленники на р. Волчьей появились «черкассы² и русские люди, конница и пехота, тысячи с полторы, у которых было 20 знамен»³. Запорожцы рассказывали, что «были де они у Булавина и у Дранова и идут в Запорожскую Сечь и везут с собою на возах много раненых»⁴. «Да с ними же,—говорили еще они,—идут бахмутские бурлаки⁵, которые ходили с Драным»⁶.

Несмотря на свое поражение, восстание 1707—1708 гг. под руководством Булавина нанесло сильный удар по крепостническому строю. В этом восстании со всей яркостью проявились поистине братский союз низов запорожского и донского казачества.

Весной 1768 г. на Правобережной Украине, продолжавшей оставаться под властью панской Польши, началось крупное крестьянское восстание, получившее название Коливищины. Правобережное крестьянство боролось за уничтожение невыносимого феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета, за воссоединение Правобережья с Россией. В этой борьбе правобережное крестьянство опиралось на братскую помощь запорожского казачества.

Польские паны с нескрываемой ненавистью относились к запорожским казакам, среди которых было немало их беглых крепостных. Запорожцев, появлявшихся на Правобережье, паны хватили и вешали или сажали на кол. Из одной ведомости, хранящейся в сечевом архиве, узнаем, что между 1733 и 1748 годами, т. е. за 13 лет, паны убили 200 человек запорожцев. При этом некоторых из них, как, например, Ивана Бойко, «перве на страстку (пытку. — В. Г.) тягли, а потом на кол посадили». Другим замученным казакам палачи «надругаясь, розняв зубы, покладывали [в рот] пашпорты»⁷.

В борьбе правобережного крестьянства против польских панов запорожской сероме принадлежала выдающаяся роль. Весной 1768 г. у Матронинского монастыря (вблизи Чигирина) появился небольшой отряд запорожских гайдамаков во главе с Максимом Зализняком. На призыв Зализняка к нему в урочище Холодный Яр стали стекаться крестьяне и казаки. К ним продолжали присоединяться все новые и новые отряды запорожских гайдамаков. Они спешили на помощь своим братьям, страдавшим под владычеством польских панов. Приведем интересный документ. Гайдамак Осип Куцый, ка-

¹ Новобогородицкая крепость, охраняемая правительственным гарнизоном, находилась на территории Запорожья.

² Черкассами в XVII—XVIII вв. в России называли украинцев.

³ Булавинское восстание, Сборник документов, М., 1935, док. 119, стр. 395.

⁴ Там же.

⁵ Бахмутские соляные промыслы находились на Дону.

⁶ Булавинское восстание, Сборник документов, М., 1935, док. 119, стр. 395.

⁷ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 5, лл. 3—8.

зак Дядьковского куреня, выходец с Левобережья, работавший в течение 18 лет наймитом на запорожских рыболовных промыслах, на допросе в 1768 г. показал: «Сего (1768. — В. Г.) году, в Петров пост, когда слышал он, что в Польше в Матронинском монастыре собираются запорожские козаки... то он, Куцый, согласясь с козаком Трофимом, а прозванием не знает, [и] Иваном Сукуром, пошли без ведома кошевого атамана и войсковой старшины в Польшу... и как пришли в объявленный монастырь и явились у названного козаками полковником Максима Железняка, у него таковых же козаков собралось до пяти сот человек»¹. Другой участник Коливщины, казак Динского куреня Демьян Андреев, 50 лет от роду, допрошенный 4 ноября 1768 г., так рассказывал о своем вступлении в отряд М. Зализняка. Уроженец с. Хорошого, Лубенского полка, он в двадцатилетнем возрасте прибыл на Запорожье. Тут, поступив в казаки, Андреев находился «во услужении у разных казаков года с три, а потом... на рыболовных станах». Услышав, «что собираются запорожские козаки для защищения от поляков... народа», Андреев сговорился с другими пятью работниками — казаками. Раздобыв ружья, копыя и лошадей, Андреев вместе со своими товарищами отправился в стан Зализняка, где и находился в течение двух недель. Во все это время под знамена Зализняка «ежедневно еще собиралось запорожских и польских (правобережных, из надворных войск. — В. Г.) козаков немалое число»².

Группами и в одиночку, днем и ночью запорожские серомахи собирались в скрытых местах, чтобы отсюда двинуться на помощь «колям», на Правобережье. Прогноинский полковник Федор Великий в рапорте на имя Коша от 3 июля 1768 г. писал: «по той стороне от Прогноев рыбалки (работники рыболовных промыслов. — В. Г.), оставя своих хозяинов (курсив наш. — В. Г.), идут на ту сторону Богу-реку, на Кислякову и Гордееву балки, где збираются немалые чаты (отряды гайдамаков. — В. Г.)»³.

Запорожские власти напрягали все усилия к тому, чтобы приостановить поток серомы, устремлявшейся на Правобережную Украину. Одной из мер, к которой прибегло кошевое начальство, было обращение к эксплуататорскому слою Запорожья — к казакам и пссполитым, хозяйства которых обслуживались трудом работников. Кош призывал их бдительно следить за своими работниками с тем, чтобы помешать им уходить на Правобережье. Из рапорта полковника Афанасия Колпака в Кош от июля 1768 г. мы узнаем, что Кош предписывал «жительствоющим козакам, как и обывателям, чтоб они от себе своих служителей, равно и жительствоющих, кои намереватимуть к збунтовавшимся в польской области... входить, не пускали»⁴.

¹ Государственная публичная библиотека УССР, фонд рукописей, Протоколы допросов запорожских казаков (в связи с событиями 1768 г. на Украине), док. 5873.

² Там же, док. 5876.

³ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 89.

⁴ Там же, л. 123.

Однако все меры, принятые Кошем, были тщетны. В Кош один за другим поступали рапорты и донесения о новых и новых отрядах запорожских гайдамаков, спешивших на Правобережную Украину. Так, уже упоминавшийся выше полковник Головка, как видно из ордера Коша от 1 июня 1768 г., рапортовал, что через территорию Бугогардовской паланки непрерывно проходят в Польшу казачьи отряды «для некоторых бунтов»¹.

Во второй половине марта крестьяне и казаки, руководимые М. Зализняком, захватили Жаботин, а затем Смелу, Черкассы, Корсунь, Богуслав, Канев, Мошны, Лисянку. Повстанцы брали приступом панские замки, сжигали усадьбы, истребляли польскую и украинскую шляхту, ненавистное католическое духовенство, делили между собой отнятое имущество. Всюду, где повстанцы захватывали власть, они устанавливали казачьи порядки. Силы повстанцев быстро росли. Вскоре восстанием была охвачена почти вся Киевщина и Брацлавщина. Крупные крестьянские выступления имели место в Подолии, на Воынии, в Галиции, в Бельском воеводстве.

Восставшие украинские крестьяне обратились с воззванием к братскому польскому крестьянству, призывая его к совместной борьбе против крепостнического гнета.

Охваченная паникой, шляхта бежала в глубь Польши, а также в Россию. Множество шляхты нашло убежище за стенами г. Умани, принадлежавшей магнату Потоцкому. Умань была одним из самых сильных укрепленных пунктов на Правобережье. Для защиты Умани был организован крупный отряд надворных казаков, над которым начальствовал сотник Иван Гонта. Выходец из крестьян с. Росошок (Уманщина), Гонта не желал бороться против своего народа. Когда отряд М. Зализняка (около тысячи человек) показался под Уманью, надворные казаки во главе с Гонтой перешли на его сторону. 9—10 июня 1768 г. отряды повстанцев под руководством Зализняка и Гонты овладели Уманью. После взятия Умани восстание правобережного крестьянства развернулось с еще большей силой.

В то время, как Зализняк и Гонта оставались под Уманью, в разных местах Правобережья действовали отдельные крестьянские отряды, во главе которых зачастую стояли запорожские серомахи. Наибольшую известность среди них приобрели запорожцы Семен Неживый, Никита Швачка, Саражин и др.

Размах крестьянского восстания на Правобережье внушал тревогу правительству русских крепостников. Царские власти опасались, что восстание распространится и на территорию империи. Эта тревога усиливалась еще в связи с тем, что в распоряжение русских правительственных властей поступали сведения об участии в восстании на Правобережье не только запорожских казаков и украинских

---

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 227, л. 225.

Но много известно, его ради и велико
Судя. Ваши я владоманье и невлад. и в
степи поле Ваши отоме и вломиши
полюе собратия или нете, Елике геве
Вести то вграб великоство Ваши
то толю таде Ате, и много из
тащинов мое отид. Вломиши уоу
крити таде сомперущное Вели
боуе Влад иате, що областо невоз
ноаб шо гадавши нападе и посто
ки нашд рдигице геве владула: осли
Великоство Ваши Величаше Прошд и
обиче владоманье неоставите ни в
обидеку послате. Протеме. Вреднойши
моице рдигицаи оставе.

1766 Году
и вля 3 дня

Ваши Великоства
Всехраштини сдвд Дедор
Великий, 2

Прогнохид

Рапорт прогнойского полковника Ф. Великого кошевому атаману
от 3 июля 1768 г. (окончание).

крестьян Левобережья, но также русских крестьян, горожан и даже солдат¹.

Как ни силлся Кош убедить правительство в непричастности запорожцев к Колиивщине, царские чиновники имели достаточно точные данные. Киевский губернатор Федор Воейков 15 августа 1768 г. в своем письме на имя Коша с укоризной писал: «Из допросов самих тех запорожцев, кои вчера только из Польши сюда присланы, явствует, что человек до двухсот из самой Сечи 29 прошлого июня, разделяясь на разные части, в Польшу... отправились»².

После того, как польские магнаты при поддержке царского правительства подавили крестьянское движение на Правобережье, целые отряды гайдамаков³ перешли на Запорожье. Вся территория Запорожья в конце лета и осенью 1768 г. покрылась густой сетью гайдамацких отрядов. Бугогардовский полковник Головки в своем рапорте от 28 августа 1768 г. сообщал в Кош о пребывании на территории подведомственной ему паланки, в урочище Густой Байрак, «гайдамацких шаек более двухсот [человек] под предводительством принцепалов... Саражина, да платнировского куренного [казака] Алексея Дейнеки и неякъсь Минского [куренья казака] Савки»⁴.

Старшина, начальствовавший над одним из карательных отрядов, высланных для борьбы с гайдамаками, докладывал в Кош 28 сентября 1768 г. о том, что «многие воровские сборища на низу реки Буг даже до Великого лимана в разных речках скрывалища свои имеют». Тут же старшина с полной определенностью объяснял, что указанные «сборища» состоят из «здесьних подчиненных... отголь (из Польши.— В. Г.) з недоброучинства (после поражения.— В. Г.) [к] нам в здесьние войсковые области убегающих»⁵. Не требует объяснения то обстоятельство, что запорожские власти в своей классовой ненависти к гайдамакам называли их «ворами», а гайдамацкие отряды — «воровскими». В официальных документах обычны выражения: «в воровской гайдамацкой партии» и прочие⁶.

Колиивщина оживила и усилила классовую борьбу на Запорожье. В ордере Коша от 30 июня 1768 г. говорится о том, что гайдамаки, «сообщаясь с подобными себе, покушаются... на многие злодейства и грабительства»⁷.

Участились случаи нападения гайдамаков и сочувствующего им

¹ ЦГИА УССР, ф. Киевской губернской канцелярии, д. 4884, лл. 133—134. См. указ Киевской губернской канцелярии от 7 октября 1768 г. об отправке в Сибирь за участие в Колиивщине крестьянина Максима Познякова, он же Собачкин, крепостного Ивана Петровского, брянского посадского человека Ивана Тимошина, солдата Ивана Сурмина, рекрута Ильи Чистякова, барабанщика Григория Данилова, отставного вахмистра Михайла Петровича и др.

² Там же, д. 228, л. 189.

³ Гайдамаками называли на Украине в XVIII в. участников повстанческих отрядов, крестьян и казаков, боровшихся против феодально-крепостнического и национального гнета.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 227, л. 207.

⁵ Там же, д. 228, л. 41.

⁶ Там же, д. 76, л. 23-а.

⁷ Там же, д. 227, лл. 11—12.

населения на паланковую администрацию, на тюрьмы с целью освобождения заключенных. Прогноинский полковник Федор Великий 1 сентября 1768 г. доносил в Кош о нападении казаков на его паланку. Казаки, названные Великим гайдамаками, «гвалтом набежали на паланку с ножами и дручем», разбили двери тюрьмы и выпустили заключенных, в числе которых был известный гайдамак, казак Леушковского куреня Никита Головатый. Ночью того же числа, окружив паланковое правление, гайдамаки несколько раз подвергли его обстрелу. Они «разов до пяти ночным временем, пришед против паланки и оседав в очерете, ружья зарядивши пулями, повз паланку пальбу через всю ночь провождают». Сам Великий, по собственному признанию, «в силу спасся» от мести гайдамаков¹.

Характеризуя положение, создавшееся в подведомственной ему паланке, полковник Великий писал, что своими нападениями гайдамаки вызвали сильную тревогу среди состоятельных казаков — владельцев зимовников. Гайдамаки, писал он, «козакам в Высшем Прогносе состоящим, тривоги подают»². В своих донесениях в Кош Великий подчеркивал также, что он не может подавить движение в пределах Прогноинской паланки собственными силами. Казаки «ослушными себе показали и показывают, — рапортовал Великий в Кош 1 сентября 1768 г., — от яких их злоумышленных и самовольных здесь поступков и продерзостей крайне спинить (сдержать. — В. Г.) не могу»³. Великий опасался за собственную жизнь и жизнь подчиненных ему старшин. В заключение своего рапорта он писал: «И еще опасным себе в тому нахожу, чтоб в случае не последовало мне и старшине моей от них смертного убийства»⁴.

В Кош с разных мест поступали донесения о нападениях гайдамаков на зимовники. Так, 21 сентября 1768 г. бугогардовский полковник Головка сообщал о неоднократных нападениях гайдамацкого отряда под предводительством казака Макара на владельцев местных зимовников⁵.

В своем стремлении подавить движение низов и помешать переходу повстанческих отрядов с Правобережья на Запорожье Кош разработал и ввел в действие целую систему предохранительных мер. Важнейшей из них была борьба с «сумнительными» и «беспашпортными». Зная, что гайдамацкое движение черпало свою силу в самом угнетенном слое запорожского населения, Кош приказывал вылавливать «сумнительных» лиц в зимовниках, т. е. там, где серома находила себе заработок. В ордере от 30 июня 1768 г. на имя атамана Дядьковского куреня Ивана Кулика и ингульского полковника Тараса Черного повелевалось строго следить за тем, не

¹ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 227, л. 219.

² Там же.

³ Там же, л. 220.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 228, л. 6. Около того же времени подвергся разгрому зимовник известного запорожского богача войскового есаула С. Белого. А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. II, стр. 326.

покажутся ли где «по казачьих зимовниках сумнительные и беспашпортные бродяги»¹.

Основное внимание в борьбе с гайдамаками Кош уделял, как и всегда, организации карательных команд. Во главе их ставились обычно наиболее известные и опытные старшины. Осенью 1768 г.: как видно из ордера Коша от 13 октября, руководство подобной экспедицией было возложено на войсковых старшин Макара Ногая и Алексея Черного. Кош приказывал: «По определенных вам местах, чиня частые разъезды, стоять до воспоследования от Коша резолюций, а без того команды вашей не распускать»². Другая карательная команда под начальством войскового старшины Андрея Порохни действовала в ноябре 1768 г. в районе, граничившем с Крымом³.

Между карательными командами и повстанцами происходили кровопролитные столкновения. В конце сентября 1768 г. один из старшин, командовавший карательным отрядом, доносил в Кош, что в устье Елацкой он встретил гайдамацкий отряд численностью в 17 человек. «Когда, — сообщал далее старшина, — мы стали к ним (гайдамакам. — В. Г.) приближаться и словесно стали их, дабы они добровольно склонялись (сдавались. — В. Г.), увещевать, то они на наше прошение увещевательством не смотря [и], устремясь на нас бесчеловечным свирепством, начали по нас с ружей и пистолетов бить». Завязался жаркий бой. Силы карателей намного превосходили малочисленный гайдамацкий отряд. Несмотря на это, гайдамаки сопротивлялись с большим упорством и самоотверженностью. Они оказали «весьма опасное сопротивление». Лишь после того, как гайдамаки сочли «себя в том сопротивляться больше не могущими», они отступили на другой берег р. Елацкой, переправившись вплавь. Карателям удалось захватить в плен всего трех гайдамаков, причем один из них был тяжело раненым⁴.

Подобного рода ожесточенные схватки лучше всего характеризуют остроту классовую борьбу на Запорожье, ненависть эксплуатируемых низов к своим угнетателям.

Учитывая угрожающее положение, создавшееся для состоятельного казачества в период Колиивщины, войсковая администрация стремилась заручиться безусловным повиновением сечевого гарнизона. С этой целью она потребовала от сечевиков своеобразной присяги, обязывающей каждого из них бороться с гайдамаками, где и когда бы последние не появились. Текст такой присяги в июне 1768 г. (крестиками из-за неграмотности) подписали казаки всех куреней⁵. Но именно в Сечи развернулись события, которые по

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 227, л. 11.

² Там же, д. 228, л. 49.

³ Там же, л. 82. Ордер Коша Самарскому полковнику Дмитру от 19 ноября 1768 г.

⁴ Там же, д. 228, л. 82.

⁵ Там же, д. 227, л. 75, Рапорт полковника Г. Черного от 2 июня 1768 г.

своей силе и размаху были самым значительным эпизодом классовой борьбы на Запорожье в период Колиивщины.

Восстание в Сечи, как видно из обращения малороссийского генерал-губернатора П. А. Румянцева к Запорожскому войску от 4 января 1769 г., вспыхнуло 26 декабря 1768 г.¹ В этот день в Сечи произошли, по словам Румянцева, «дерзости необыкновенные»: казаки выступили против «старшины с наглостью возмущения»². Они захватили пушкарню и освободили находившихся там в заключении гайдамаков. «Из тюрьмы, — писал Румянцев, — выпущены все преступники, заключенные в оной по суждениям. Имена старшин разграблены и самые квартиры их поразломаны». Кошевой атаман Калнишевский, уточняя ход событий, в рапорте на имя генерала А. С. Исакова подчеркнул, что разгрому со стороны повстанцев подверглись не только старшинские, но «и казачие дома»³, т. е. дома богатого казачества.

Эта общая картина восстания несколько подробнее дорисовывается другими данными. Офицер Новосеченского ретраншемента капитан К. Маркович, очевидец и участник событий, в рапорте от 2 января 1769 г. генерал-майору А. С. Исакову, командиру Желтого гусарского полка, так описывал восстание в Сечи. В ночь на 26 декабря 1768 г. казаки, захватив «сильною рукою» войсковые литавры, «начали тревогу бить и всю чернь войск запорожских забрали (собрали.— В. Г.) и з великим криком и стрелбою збонтовались»⁴.

Восставшие бросились к домам старшины и богатого казачества и разгромили их. При этом некоторых из них «вовся и прибили»⁵. Ненависть повстанцев к запорожской старшине и «достойным» казакам была столь жгучей, что при нападении на их дома они, «невзирая на святые образа и мощи, били и кололи и обдирали серебро и золото с образов и со всем их имуществом старшин разорили»⁶. По словам Калнишевского, у него самого серомахи «скверными их ногами так топтали (иконы.— В. Г.)...», что по усмирении сих сумасбройцев с тех святых мощей ни одной частицы сыскать не могли»⁷. Сам кошевой атаман Калнишевский, застигнутый в своем доме, по свидетельству капитана Марковича, едва спасся «через верх потолешный». Переодевшись в монашескую рясу, он бежал в Новосеченский ретраншемент⁸ под защиту армейского гарнизона⁹.

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 233, л. 2.

² Там же.

³ Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук (УАН), кн. XI, К., 1927, Документи, стр. 226.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 224.

⁷ Киевская старина, 1893, июнь, стр. 139—140.

⁸ Новосеченский ретраншемент, в котором стоял армейский гарнизон, находился на расстоянии 2—3 км. от Сечи.

⁹ А. А. Скальковский, История Новой Сечи, Одесса, 1846, стр. 364.

Подобным же образом бежали из Сечи в Новосеченский ретраншемент судья, писарь, есаул и другие старшины¹.

Характеризуя впоследствии цели восставших, Калнишевский заявил, что «сиромахи начали бунт для того, чтобы кошевого и старшину войсковую нынешнюю и прежде бывшую, а потом и достойных казаков всех побить до смерти»² (курсив наш. — В. Г.).

Повстанцы недолго владели Сечью³. Калнишевский вызвал к себе в ретраншемент атаманов «с надежными казаками»⁴. Одновременно с этим в Сечь был направлен капитан Константин Маркович, который должен был помочь кошевому атаману ликвидировать восстание.

Прибыв в Сечь, Маркович принял, прежде всего, меры к тому, чтобы внести раскол в ряды повстанцев. Он обратился к сероме с увещаниями, уговаривая ее прекратить борьбу. Широко пользуясь демагогическими приемами, Маркович говорил: «Вы себе выберите кошевым каво хотите, вам в том запретить никто не будет»⁵. Демагогия Марковича имела известный успех. В среде повстанцев, лишенных твердого руководства и организации, произошло замешательство. Часть их согласилась с доводами Марковича и избрала кошевым атаманом запорожского богача Филиппа Федорова. Конечно, избрание Филиппа Федорова было чисто фиктивным и преследовало единственную цель: подготовить почву для окончательного подавления восстания в Сечи и возвращения Калнишевского.

Вся комедия выборов Федорова, следует подчеркнуть, произошла по указке самого Калнишевского. Федоров, занимавший ранее пост кошевого, был для Калнишевского и всей старшины своим человеком. В роли новоизбранного кошевого Федоров оказался их представителем в лагере восставших.

Как только Федоров был избран, он приказал повстанцам «разойтись по куреням». Вероятно, часть серомы подчинилась этому распоряжению, т. к. Маркович в цитированном выше рапорте Исакову с чувством удовлетворения сообщал, что «все бунтовщики спокойны»⁶. Впрочем, тут же Маркович поспешил оговориться, что часть восставших не поддавалась на его уговоры и не подчинилась Федорову⁷. Количество их Маркович определил в 300 человек. Уверая свое начальство в том, что ему легко удалось покончить с восстанием, Маркович хотел, бесспорно, подчеркнуть в глазах начальства свою «дипломатическую» ловкость.

В действительности положение в Сечи было гораздо сложнее.

¹ Записки історико-філологічного відділу УАН, кн. XI, стр. 226.

² Там же. стр. 224—226.

³ Там же. Начавшись вечером 26 декабря, «бунт... происходил, — по словам коменданта Новосеченского ретраншемента секунд-майора Микульшина, заимствовавшего сведения от самого Калнишевского, — на другой день даже до полудни».

⁴ Там же.

⁵ Там же. стр. 225.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Маркович явно преуменьшал число казаков, отказавшихся повиноваться. Сам он, сидя в доме нового кошевого, отправил в Новосеченский ретраншемент бывшего с ним капрала Василия Чернецкого. Сообщая через Чернецкого о том, что наступил наиболее благоприятный момент для подавления восстания, Маркович предлагал немедленно двинуть против восставших отряд казаков из числа тех, которые по вызову Калнишевского прибыли в ретраншемент вместе со старшинами, или, как выражался Маркович, «которые в согласии бунтовщиков не были», придав ему пушку с армейской прислугой¹. Таким образом, сам же Маркович, вопреки своим реляциям о «спокойствии» в Сечи, считал, что подавить восстание невозможно без применения артиллерии.

Вслед за этим, 27 декабря, комендант Микульшин и Калнишевский двинули против восставших отряд казаков под начальством двух старшин при одной пушке. Началась упорная борьба. Застигнутые врасплох серомахи героически сопротивлялись: вытесненные из предместья, они отступили в крепость, в Сечь². Каратели наступали «пешо и конно»³. Повстанцы мужественно оборонялись. Однако, несмотря на это, карателям удалось ворваться в крепость. Маркович приказал канонирам открыть стрельбу из пушки: «Палить по всем ульцам и по сторонам»⁴. Под губительным орудийным огнем повстанцы вынуждены были покинуть крепость и отступить, перейдя через реку Подпольную, в плавни.

Восстание запорожской серомы было зверски подавлено. Как рапортовал Микульшин генералу Исакову 4 января 1769 г., повстанцев «побито досмерти немалое число»⁵.

После подавления восстания в Сечь немедленно возвратился Калнишевский. Старшина приступила к розыску и аресту участников восстания. Казаков хватали и бросали в тюрьму. Их судьба была отдана в руки тех, против кого они восстали. Участь повстанцев решала специально созданная следственная комиссия, в состав которой вошли запорожские старшины Василий Пишмич, Яков Качалов, Андрей Вербицкий, Алексей Вербинка и новосеченский комендант секунд-майор Лаврентий Микульшин.

Характерно, что комиссия не решилась заседать в Сечи. Она проводила свои заседания в Новосеченском ретраншементе под защитой армейского гарнизона.

Следственная комиссия спешила расправиться с арестованными. Это, как объяснял Микульшин, было вызвано тем, что в Сечи все еще оставалось немало участников восстания и сочувствующих им. При этом казаки, по полученным Микульшиным сведениям, намеревались силой освободить из тюрьмы своих арестованных товарищей. Серомахи, как писал Микульшин, «имеют пофалки...

¹ Записки історико-філологічного відділу УАН, кн. XI, стр. 225.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 225.

⁵ Там же, стр. 224.

оних бунтовщиков из тюрьмы нагостью выпустить»¹. Кроме того, была предпринята новая попытка убить Калнишевского, но казака, который намеревался «кошевого публично из пистолета застрелить», удалось арестовать².

Стремясь предотвратить возможность новых выступлений, Миккульшин предлагал генералу Исакову держать на Запорожье гарнизон из регулярных войск в составе не менее двух полков. Таково, по его словам, было и желание Калнишевского³.

Еще более тревожным было положение вне Сечи, в запорожских паланках, куда после подавления восстания стал перемещаться центр борьбы. Для иллюстрации этого можно привести рапорт кодацкого полковника Иосифа Калнишевского в Кош от 10 февраля 1769 г. Иосиф Калнишевский доносил о массовых случаях захвата серомой имущества богатых казаков, о поджогах и т. д. Серомахи нападали на богатые зимовники, захватывали скот, хлеб, сено и т. д. Они, сообщал Калнишевский, «отчиняют загороды и загоняют (угоняют. — В. Г.) скоты... насильно, что смотрят в хате, берут»⁴. Определяя размер опасности, Калнишевский отметил, что «пеших и безоружных» серомах было «много силно» и что они избивали богачей «безпощады». В заключение Калнишевский подчеркивал, что местное начальство было бессильно справиться с движением, так как серомахам «нельзя и малейшего слова... сказать [ибо], гуртом собравшись, на ответ идут»⁵. Почти в таких же выражениях изображал положение на Запорожье в рапорте кременчугскому обер-коменданту генералу Черткову 30 марта 1769 г. и секунд-майор Миккульшин. «Уведомился я, — сообщал он, — что войска запорожского низового козаки сиромахи... ходют по своим волностям, слободам и зимовникам, лошадей у козаков отнимают и прочее имущество грабют и зарытой в землю хлеб отрывают»⁶.

Восстание в Сечи в декабре 1768 г. ничем, по существу, не отличалось от других стихийных выступлений эксплуатируемого населения Запорожья против своих угнетателей — старшины и богатого казачества. Стихийность, неорганизованность, локальный характер и неосознанность целей восстания привели его к быстрому поражению. Вместе с тем заслуживает внимания именно то обстоятельство, что основной силой восстания 1768 г. была запорожская серома, т. е. та немущая масса запорожского населения, которая добывала средства к жизни продажей своей рабочей силы.

Мысль о том, что главной силой восстания была именно серома, пронизывает все вышеприведенные документы, освещающие декабрьские события 1768 г. в Сечи. Такой же взгляд на классовую принадлежность восставших высказал в своем обращении к запо-

¹ Записки історико-філологічного відділу УАН, кн. XI, стр. 232.

² Там же.

³ Там же, стр. 224.

⁴ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 52, л. 36.

⁵ Там же.

⁶ Записки історико-філологічного відділу УАН, кн. XI, стр. 234.

не стерпя того гонения, всю землю к нам итти желают»¹. Услышав это, старец Питирим, сочувственно относившийся к борьбе народных масс, сказал: «Помогай им боже, они люди добрые и с московскими господами, чаю, то же учинят, что и с польскими было». Дударенко, со своей стороны, рассказал, как расправилось правительство с участниками восстания 1768 г. «Немало де брата нашего, запорожца, — сказал он, — за то российское начальство на кобылу клало». В ответ на это Заброта заметил: «Всех российских людей да и казаков донских, також и яицких, буде одною мыслью бунт учинят, на кобылу не положишь!»².

Запорожской Сечи, как одному из виднейших центров антифеодальной борьбы, Е. Пугачев придавал большое значение. 25 августа 1774 г. царские войска нанесли поражение восставшим у Черного Яра. О своих дальнейших намерениях Пугачев так говорил сопровождавшим его казакам: «Я де думаю итти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться морем к запорожским козакам»³. Однако осуществить этот замысел Пугачеву, как известно, не пришлось.

После поражения войска Пугачева отдельные повстанческие отряды еще продолжали действовать. Многие из них, отступая перед царскими войсками, искали спасения у запорожских казаков. Так, в сентябре 1774 г. небольшой отряд повстанцев на четырех повозках проезжал через слободу Криничную, Изюмской провинции. Это были крестьяне-пугачевцы, «говорившие на великороссийском наречии, в зипунах и шапках русских крестьянских»⁴. Из с. Криничной отряд выехал к Украинской линии. 25 сентября он появился у крепости Петровской, а потом исчез в направлении Запорожья⁵.

О бегстве участников восстания 1773—1775 гг. на Запорожье говорит и епископ Феодосий. «Весной 1774 г., — пишет он, — в соседстве к проживающим здесь (в слободе Славянке. — В. Г.) запорожцам присоединились несколько бурлаков из пораженной пугачевщины»⁶. Он же отмечает, что еще раньше, в январе 1774 г., на Запорожье появились полковники Пугачева Емельянов и Стодола⁷.

Восстание 1773—1775 гг. под руководством Пугачева оживило классовую борьбу запорожской серомы. В первых числах 1774 г. вспыхнуло восстание в запорожской команде, находившейся на турецком фронте, на Дунае. 11 марта этого года писарь первой запорожской команды Г. Чернявский сообщал в Кощ, что в начале января в его команде произошли «большие бунты, которым непри-

¹ Д. Мордовцев, Гайдаматчина, СПб, 1870, стр. 477—478.

² Там же, стр. 475. Впоследствии запорожец Дударенко был ревностным сторонником Пугачева и обвинялся властями «в подговоре» к восстанию жителей Покровской слободы.

³ Пугачевщина, Сб. док., т. 2, стр. 155.

⁴ ЦГИА УССР в Харькове, ф. 399, д. 904-а, л. 139.

⁵ Там же, л. 130.

⁶ Материалы для ист.-стат. опис. Екатер. еп., стр. 527.

⁷ Там же, стр. 401.

лично быть»¹. Запорожцы, предводительствуемые казаком Динского куреня Гридкою Фиялкою², схватив своих старшин и привязав к пушке, стали производить «разсмотр» их злоупотреблений. При этом, как писал Чернявский, казаки «господина полковника Гука в шию таскали»³.

Восстание русских крестьян и казаков возродило надежды запорожских низов на избавление от власти своих жестоких угнетателей. Весьма характерен в этом отношении следующий эпизод.

Еще в 1772 г., вслед за известным восстанием на Яике, работник по имени Никон (фамилия неизвестна) в разговоре с другим работником — глубоким стариком Швецом сказал, что скоро «панив выбывать будут» (курсив наш. — В. Г.) и для этого необходимо запастись оружием⁴. 21 ноября 1772 г. Швец с двумя другими молодиками, работниками казака Пластуновского куреня Самойла, зашел в Кодак к перевозчику. Во время беседы Швец сказал присутствующим: «будет де еще в Сечи недобре: стариков (казачью знать, членов старшинских сходок. — В. Г.) и панов выбывать мем» (курсив наш. — В. Г.)⁵. Этот разговор подслушал атаман Щербиновского куреня Лукьян Козинец, также находившийся в доме перевозчика. Козинец поспешил в Сечь и доложил об услышанном кошевому атаману, который распорядился немедленно схватить Швеца и его двух товарищей. Вскоре после этого Швец и его товарищи были арестованы и посажены в «яму» (тюрьму). В течение трех месяцев Швец содержался в заключении. Немилосердно истязаемый, битый «батожем», он три раза подвергался «пристрастному» допросу, «от которых трех пристрастных допросов, — читаем в официальном документе, — он Швец дней через чотыре и умре»⁶. Во время допросов Швец держал себя мужественно, не проронив ни одного слова.

В 1774 г. на Запорожье вновь оживилось гайдамацкое движение. Гайдамаки напали на отряды правительственных войск, особенно на те, которые отзывались с турецкого фронта для подавления восстания под руководством Пугачева, и уничтожали их. Современник генерал-майор А. Ригельман отмечает, что запорожцы «форпосты, команды и заставы, для проходу за границы и в возвратном своем пути разбивали и до смерти многих побили»⁷. Оживление антифеодальной борьбы запорожского казачества в этот период отмечалось и в правительственном манифесте от 3 августа

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 262.

² Там же. Г. Фиялка был одним из активных участников восстания казаков запорожской команды 5 декабря 1771 г. под Браиловым. Восстание было подавлено лишь с помощью регулярных частей. После этого Фиялка вместе с другими казаками был арестован.

³ Там же.

⁴ А. А. Скальковский, История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, Одесса, 1885, стр. 168—169.

⁵ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 364, л. 72.

⁶ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. I, стр. 169.

⁷ Летописное повествование, ч. IV, стр. 30.

1775 г. Тут, в частности, говорилось о том, что запорожцы начали «и в самое новейшее время гораздо далеко простирать свою дерзость»¹. Манифест обвинял казаков также в том, что они, «не смотря на частыя им от правительств Наших запрещения, не одних уже прямо в Козаки вступающих беглецов, но и людей женатых и семейных» скрывают². Даже такой реакционный автор как А. Скальковский вынужден под давлением документальных данных признать, что в 1774 г. на Запорожье «подобное 1768 году возмущение опять готовилось»³.

Епископ Феодосий так описывает положение на Запорожье во время и после крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева: «В 1774—1775 годах во многих местах появлялись тайные враги общего спокойствия». Называя их мятежниками «из пораженной партии Пугачева», Феодосий отмечает, что они «своими поисками волновали и беспокоили народ». Особенно сильное возбуждение наблюдалось в Старой Самаре, где появился некий «мятежный» полковник Василий Злой, он же Журба. «Самара, — пишет Феодосий, — была оцеплена и окружена карантинном: никому не было свободного ни входа в город, ни выхода, в городе начались допросы и розыски, от которых народ не скоро мог успокоиться и притти в себя» (курсив наш. — В. Г.)⁴.

После подавления восстания 1773—1775 гг. царское правительство вступило на путь кровавой расправы с народными массами. Было арестовано около 20 тыс. участников восстания, тысячи крестьян и казаков были казнены без суда, другие сосланы на каторгу. Чтобы утратить народ, правительство крепостников распорядилось соорудить во всех селах и деревнях, где происходило восстание, «глаголи» и «колеса». Тела казненных подолгу оставляли на виселицах, воздвигнутых вдоль дорог, и на возвышенных местах. Вниз по течению Камы и Волги неслись пловучие виселицы с казненными пугачевцами. У значительной части участников восстания, в том числе у башкир и калмыков, правительство отбирало имущество, а их самих вместе с семьями отдавало в крепостную неволю⁵.

Усилилась диктатура крепостников. Проведением губернской реформы 1775 г. правительство значительно увеличило административно-полицейский аппарат на местах, еще туже затянуло крепостническую петлю на шею трудового народа.

Казацьи области в течение столетий притягивавшие к себе массы беглых крестьян, являлись очагами протеста против феодально-крепостнического строя. Казачество дало русскому и украинскому крестьянству отважные и опытные в военном деле кадры, таких неустранимых и талантливых предводителей самых крупных в

¹ Летописное повествование, ч. IV, стр. 32.

² Там же, стр. 33.

³ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. I, стр. 169.

⁴ Материалы для ист.-стат. опис. Екатер. еп., стр. 302—303.

⁵ М. В. Жижка, Емельян Пугачев, изд. 2, М., 1950, стр. 196—199.

истории нашей Родины антифеодальных восстаний, как И. Болотников, С. Разин, К. Булавин, М. Зализняк, Е. Пугачев и др.

Правительство жестоко расправилось с казачеством. Яицкое казачье войско было резко ограничено в своих правах и окончательно подчинено военной коллегии. Правительство стремилось истребить само название яицкого войска: оно переименовало реку Яик в Урал, а яицкое казачество — в уральское. Волжские казаки были переселены на Кавказ. На Дону учреждалось «гражданское правительство», полностью упразднившее казачье самоуправление. Станица Зимовейская, где родился Пугачев, была переименована в Потемкинскую и перенесена на противоположный берег Дона.

Репрессий со стороны правительства не могла избежать и Запорожская Сечь, которая после Кючук-Кайнарджийского мира¹ (1774 г.) и выхода России к Черному морю, потеряв роль пограничного форпоста в борьбе с Крымом и Турцией, продолжала оставаться очагом антифеодальной борьбы. Ненависть крепостников к запорожскому казачеству князь Мышецкий, выполнивший на Запорожье поручение правительства, выразил так: «Не иное уже Запорожье было, как свободное и безопасное место разбойников»².

Еще в мае 1775 г., т. е. вскоре после казни Е. Пугачева и подавления крестьянского восстания, так называемый Совет при высочайшем дворе постановил «истребить кошевых казаков, как гнездо их своевольства». В то время, как часть правительственных войск, возвращавшихся с турецкого фронта, беспощадно расправлялась с пугачевцами на Волге, Яике и на Дону, другая — под начальством генерала П. Текелия вступила в пределы Запорожья, заняла все паланки и 4 июня 1775 г. окружила Сечь.

Весть о предстоящем разрушении Сечи и упразднении запорожского казачества была встречена серомой с негодованием. Серома, хранившая лучшие традиции казачества и защищавшая свое право на свободу от крепостнической неволи, выражала готовность дать отпор царским карателям.

Иную позицию заняли запорожские богачи: они не сомневались в том, что покорность воле правительства и содействие его войскам будут должным образом оценены, и поэтому предлагали сдать Сечь без всяких условий. Современник, запорожец Н. Корж, принадлежавший к богатому казачеству, рассказывал впоследствии, что сторонниками решительного сопротивления «были все серомы, бурлаки и не женаты, а притом и оседлостей никаких не имели, потому и бунтовались». Другая же часть, по словам Н. Коржа, состоявшая как из атаманов, так и из богатых казаков, «имея у себя... достаточные обзаведения по зимовникам... не согласны были на мнение бунтовщиков отважных»³.

5 июня 1775 г. Запорожская Сечь была уничтожена. Вскоре

¹ Е. И. Дружинина, Кючук-Кайнарджийский мир, М., 1955.

² Летописное повествование, ч. IV, стр. 71.

³ Устное повествование бывшего запорожца Н. Коржа, стр. 46.

после этого часть запорожских казаков оказалась закрепощенной помещиками, которым царское правительство щедрой рукой раздавало запорожские земли. Другая часть, спасаясь от закрепощения и преследований, покинула пределы Запорожья и переселилась на Дунай.

3 августа 1775 г. Екатерина II издала манифест, которым официально оповещала об упразднении запорожского казачества. Манифест гласил: «Сечь Запорожская в конце уже разрушена со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских Козаков... за оскорбление Нашего Императорского Величества чрез поступки и дерзновение, оказанное от сих Козаков в неповиновении Нашим Высочайшим повелениям»¹. Разрушение Сечи было одним из мероприятий царского правительства, проводившего на Украине политику феодально-крепостнического и колониального угнетения.

Запорожская Сечь перестала существовать. Но память о ней, как об очаге борьбы украинского казачества против социального и национального гнета навсегда осталась в народе.

---

¹ Летописное повествование, ч. IV, стр. 31.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

1. ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА ПОСЛЕ РАЗРУШЕНИЯ СЕЧИ

Участь различных слоев запорожского казачества после разрушения Сечи была далеко не одинаковой. В результате дифференцированной политики, проводимой правительством по отношению к бывшим запорожцам, часть старшины получила земли, чины и связанные с ними дворянские привилегии¹. Это сливало ее в экономическом и правовом отношении с господствующим в империи классом — помещиками.

18 июня 1775 г., т. е. тотчас после разрушения Сечи, новороссийский генерал-губернатор Потемкин в письме на имя генерал-поручика П. А. Текелия требовал «о заслуженных же из них (старшин. — В. Г.) и достойных уважения людях прислать ведомость»². Спустя четыре месяца, 11 октября 1775 г., Потемкин напомнил Текелию о необходимости представить именные списки на всех старшин и казаков, «кои в преступлениях Кошевого и его единомышленников нисколько не участвовали» и отличились усердием в минувшей войне. За такими старшинами и казаками сохранялись жалованье и провиант по нормам военного времени³.

Потеряв в результате ликвидации Сечи положение правящей в крае верхушки, старшины толпой ринулись к начальству за царскими «милостями». Они выставляли перед ним свои действительные и мнимые заслуги, чтобы получить чины и земельные пожалования. От старшины не отставало и богатое казачество. Поток просьб и ходатайств о выдаче аттестатов, удостоверявших благона-

¹ В 1779 г., например, правительственные власти произвели в офицеры 69 человек бывших запорожских старшин. — Д. И. Эварницкий, Сборник материалов для истории запорожских козаков, СПб, 1888, стр. 208—209.

² Бумаги Потемкина (1774—1778), СПб, 1893, стр. 37.

³ ЦГИА УССР, ф. КЭС, д. 365, л. 13.

дежность и заслуги, был обращен прежде всего к непосредственному начальнику — подполковнику Норову, назначенному правительством комендантом бывшей Сечи. Получив прошения, комендант выдавал аттестаты и писал рекомендательные рапорты по начальству. Большое количество рекомендаций обратило на себя внимание Текелия. Чтобы ограничить число просителей, был установлен бюрократический фильтр. 2 декабря 1776 г., т. е. через полтора года после разрушения Сечи, Текелий приказывал Норову соблюдать строгость и осторожность при представлении рапортов и выдаче аттестатов: бывшие запорожцы, в частности, должны были к своим прошениям прилагать положительные отзывы от генералов и офицеров¹.

Раздавая запорожские просторы русским, украинским и польским помещикам, крупным, средним и мелким, князьям, графам и простым дворянам, генералам и подпрапорщикам, правительство щедро оделяло и запорожскую старшину. Полковой старшина Лазарь Глоба просил новороссийского губернатора Языкова закрепить за ним в вечное пользование разведенные им в Половице сады. Аттестат, выданный Глобе 25 сентября 1775 г. генерал-майором Дебалиным и приложенный к прошению, гласил, что «никаких развратных поступков против нынешнего положения сего края за ним не предусмотрено, а напротив того старался [он] всячески непокоривых и развратных товарищей приводить в повиновение высочайшей монаршей власти»².

Согласно ведомости, составленной Азовской губернской канцелярией в 1776 г., из 92 человек, получивших поместья в Екатеринославском уезде, одиннадцать были запорожскими старшинами³. При этом некоторые из них получили по два участка: полковой старшина Рудь, например, получил 3 тыс. дес. удобной и 300 дес. неудобной земли в верховье р. Беокировки и 9 тыс. дес. удобной и 300 дес. неудобной в верховье р. Нижней Терси, всего, таким образом, 12 тыс. дес. удобной земли⁴.

Конечно, при пожаловании правительство отодвигало бывшую старшину на нижнюю ступень, предоставляя первенствующее место титулованным помещикам. Князья Вяземский и Прозоровский, например, получили по 100 тыс. дес. земли каждый.

Однако так или иначе, а часть бывшей запорожской старшины была введена в ряды феодальных землевладельцев. Одновременно с землей старшина получала и крестьян в лице бывших запорожских казаков и «посполитых», не говоря уже о том нелегальном и полунелегальном элементе Запорожья, который она всякими правдами и неправдами закрепостила позднее. В черноморском архиве сохранилась любопытная ведомость, составленная 9 февраля 1793 г. о бывших запорожцах и поселянах, попавших в крепостную

¹ ЦГИА УССР, ф. КЗС, д. 365, л. 37.

² Летопись Екат. уч. арх. ком., вып. X, Екатеринослав, 1915, стр. 242.

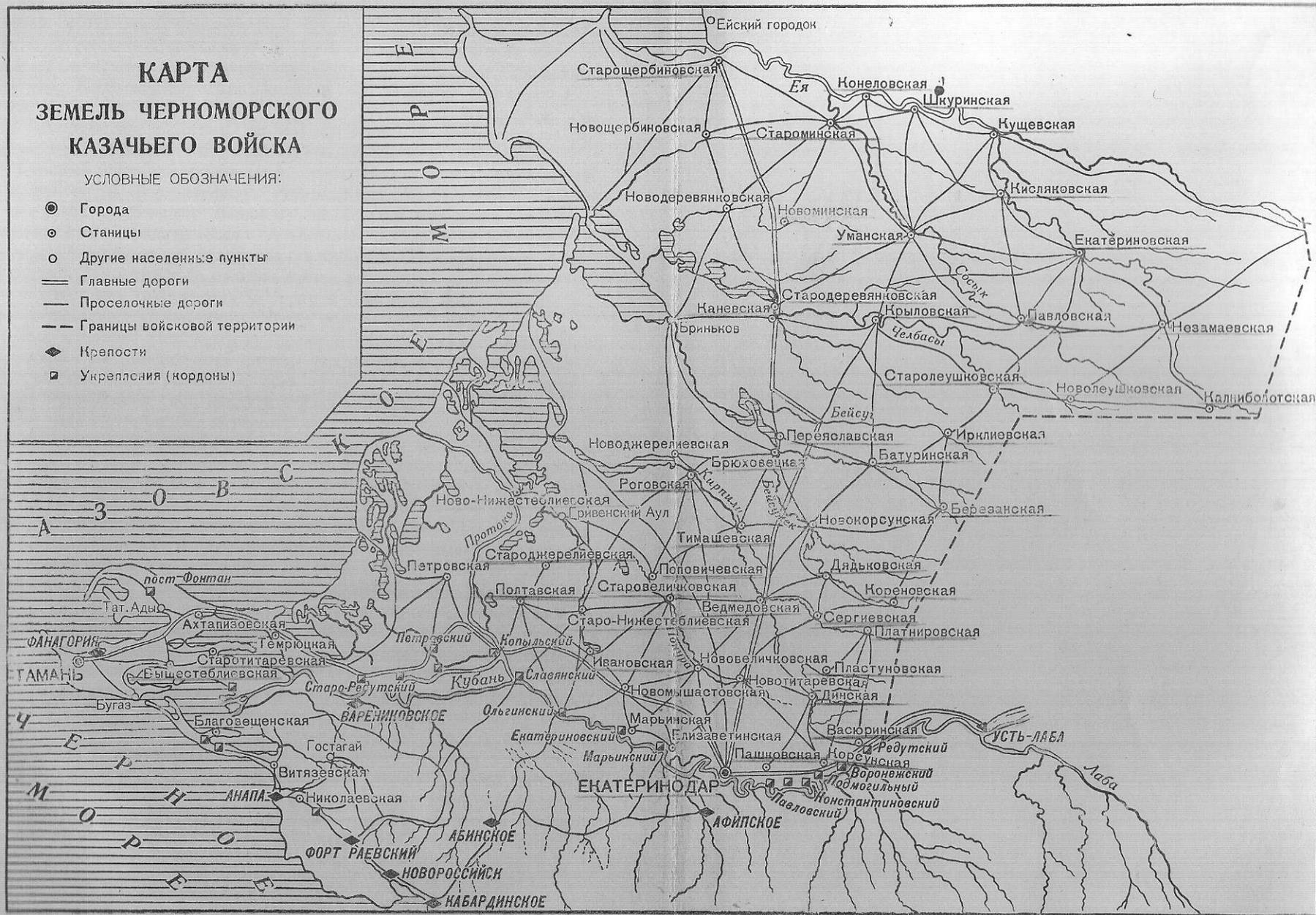
³ Киевская старина, 1885, апрель, стр. 783—790.

⁴ Там же.

КАРТА ЗЕМЕЛЬ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Города
- Станицы
- Другие населенные пункты
- == Главные дороги
- Проселочные дороги
- - - Границы войсковой территории
- ◆ Крепости
- Укрепления (кордоны)

зависимость к помещикам Екатеринославского уезда. Из ведомости видно, что за полковым старшиной (фамилия неразборчиво) в слободе Михайловке закреплено: казаков — 19 человек мужского пола и 19 женского, поселян — 50 мужского и 40 женского пола, а всего 69 мужского и 59 женского пола; за капитаном Головатым по хутору Веселому записано: казаков — 4 человека мужского и 5 женского пола и т. д.¹ Таким образом, свой брат запорожец, получив дворянство, затыгивал на казачьей шее крепостническую петлю не хуже русского или украинского столбового дворянина.

Бывший азовский губернатор, исполнявший затем обязанности харьковского и воронежского губернатора, В. Чертков, выдавая 24 мая 1782 г. аттестат бывшему полковому старшине Онуфрию Целенко, так характеризовал поведение последнего: «Целенко с прочими таковыми не участвовал в буйстве бывшего коша Запорожского и напротив того отличавшимся ревностно в походах службою и храбрыми подвигами»². Чертков просил о награждении Целенко обер-офицерским чином. Через десять лет, 7 октября 1792 г., Целенко, ставший уже к этому времени черноморским старшиной, в прошении на царское имя писал, что он после разрушения Сечи «употребляем был в разные по земству дела» губернатором Чертковым, и подчеркивал свои заслуги перед властями³.

Та часть старшины, которая оказалась обойденной вниманием властей, продолжала энергично напоминать о себе и забрасывать начальство своими просьбами. Тот, кто не надеялся на особое внимание, спешил сохранить свое наличное имущество — зимовники, табуны, стада и добивался освобождения от разных поборов, реквизиций, повинностей. В аттестате полковому есаулу Иереми Малому Текелий писал о неприкосновенности зимовника Малого за р. Самарой и двора в г. Самаре, а также о защите его от «обид и озлоблений»⁴. В таком же порядке за старшиной Яковом Качаловым был сохранен зимовник, а за старшиной С. Раменским — владение в Барвенковостенковском уезде⁵.

Старшине подражали и некоторые рядовые казаки, богатые и проницательные, скоро сумевшие протоптать тропинку к влиятельным лицам и заслужить их официальное благоволение. Запорожский казак Белецкий, например, быстро выслужился, получил чин, землю и крестьян. В 1790 г. возникло целое дело по поводу истязаний и притеснений Белецким (ставшим уже к этому времени капитаном) своих подданных, бывших запорожских казаков, зачисленных в черноморцы. Бывший запорожец Калина жаловался черноморскому кошевому атаману Чепеге на издевательства Белецкого и присвоение им имущества. Чепега, характеризуя Белецкого, доносил:

¹ КГКИА, ф. 249, св. 1, д. 1.

² Там же, св. 22, д. 197, л. 12.

³ Там же, св. 1, д. I, л. 10.

⁴ Лстп. Екат. уч. арх. ком., вып. IV, Екатеринослав, 1908, стр. 343.

⁵ Там же, вып. X, стр. 244; Д. И. Эварницкий, Вольности запорожских казаков, СПб, 1890, стр. 345.

«И сам (Белецкий. — В. Г.) с таковых же запорожцев, а только в Запорожьи как старшиною, так и честным казаком не был... В производство же вышел не через рекомендацию запорожских старшин, а через помершего г. губернатора Синельникова за население ему, Синельникову, в Ненасытце деревни»¹.

Ту часть старшины, которая внушала определенные опасения относительно своей лояльности, правительство брало под надзор. Отношение к ней Потемкин сформулировал так: «Закоренелых в грубости старшин... стараться всеми возможными образами удалить не только от всякого между ними большого сообщества, но и в такое место, где бы они в неослабном над ними надсматривании быть могли»².

Неблагонадежные старшины подверглись общей участи рядовых запорожских казаков. Не встречая защиты и поддержки со стороны государственных властей, они в отдельных случаях не могли избежать даже крепостнических пут. Бывший запорожский полковой хорунжий Л. Коломийченко, впоследствии черноморский старшина, в своем прошении черноморскому Кошу от 16 июля 1789 г. писал: «По разрушении Сечи имел жительство Новомосковского уезда во владении кн. Прозоровского в слободе Дереберщине в волности, а в минувшую ревизию кн. Прозоровский неведомо как поместил меня в число подданных»³. Коломийченко был далеко не единственным. Это и понятно, так как только офицерский чин мог выделить бывшего старшину из массы казачества.

Непривилегированным элементам из бывшей запорожской старшины не всегда удавалось сохранить независимое положение в экономическом и правовом отношениях. В особенности это относится к тем богатым и зажиточным зимовничанам, которые хотели избежать хозяйственных потрясений и отказывались от переселения в слободы. Угодья таких хозяев, попадая в результате размежевания в границы помещичьих владений, делались жертвой барских вожделений, а сами хозяева становились крепостными. Запорожский полковой есаул Игнат Каплун жаловался в 1786 г. правителю Екатеринославского наместничества Синельникову на притеснения со стороны коллежского секретаря П. Панчинского, который вторгся в зимовник Каплуна, купленный им у старшины Я. Качалова, и забрал пару лучших волов стоимостью в 30 руб. Позже, несмотря на жалобу пострадавшего, Панчинский разрушил хутор Каплуна: разорил загоны (загороди), выгнав оттуда в ненастную погоду стадо овец, разбил двери амбара и потравил свиньями хлеб, забрал разное имущество и т. д. Каплун добавлял, что Панчинский во время этого наезда избил его работников. Конечно, попытки Каплуна найти защиту были безуспешны. В своем объяснении от 22 апреля 1786 г., представленном и. о. исправника поручику Пугачевскому, Панчинский резонно возражал, что хутор Каплуна по раз-

¹ Летоп. Екат. уч. арх. ком., вып. I, стр. 34.

² Бумаги Потемкина (1774—1788), стр. 37.

³ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 49, л. 5.

межеванию вошел в его дачу и Каплуну следовало «землю очистить» и переселиться на общем основании в слободу. Более того, Панчинский заявлял, что Каплун, упорно не желая выселиться, тем причинял ему убытки¹. При такой юридической постановке вопроса бесчинства Панчинского на зимовнике отодвигались на задний план. Жалоба Каплуна была признана неосновательной.

Таким образом, запорожская старшина после разрушения Сечи попала в разные разряды населения. Если часть ее, получив дворянство и землю, образовала ядро местного степного украинского дворянства, то непривилегированные элементы из ее среды стали в своем большинстве поселянами казенных и воинских слобод, купцами и мещанами, войдя в разряд податного населения империи. Отдельные же лица, как например Коломийченко, попали в крепостную зависимость. Часть бывших старшин выселилась на Левобережную Украину и там, под охраной своих аттестатов, осталась на положении свободного населения.

Непривилегированная старшина, оставшаяся на территории Запорожья и превратившаяся в казенных поселян, представляла собой большую часть всей бывшей запорожской старшины. В ее экономическом положении, исключая те случаи, когда она разорялась помещиками, не произошло никаких коренных изменений. Ее хозяйство продолжало существовать на прежних социальных началах: эксплуатация вольнонаемного труда как основа хозяйственного процветания сохранялась в полной силе, несмотря на ряд возникших неблагоприятных условий.

Наемный труд продолжала применять в своем хозяйстве и та часть старшины, которая получила офицерские чины. Об этом говорят следующие данные. Бывшая запорожская старшина, вступая позднее в Черноморское войско, передвигала за Буг, а затем на Кубань свое хозяйство в той социальной оболочке, которая сложилась на Запорожье и удержалась после разрушения Сечи. Вот несколько наиболее характерных примеров.

В ведомости от 1794 г. о прибывших на Кубань мы находим такие данные: у полковника армии секунд-майора Ивана Шама числится эконом Гаврила Шакун, 28 лет, и десять работников: Петр Козуб, 40 лет, Трофим Швец, 45 лет, Петр Нечуй-Ветер, 18 лет, Иван Миколаенко, 23 лет, Василь Письменный, 46 лет, Федор Сопелняк, 50 лет, Мирон Невмивака, 30 лет, Лукьян Товстый, 20 лет, Василь Короткий, 25 лет и Каленик Семилетко, 12 лет². К старшине поручику Майбороде с обозом прибыли работники: Петр Бадайма, 27 лет, Иван Швидкий, 26 лет, Корней Плохий, 25 лет³. Младший войсковой есаул армии секунд-майор Константин Кордовский и полковой старшина армии капитан Трофим Рахмановский в прошении Кошу от 7 июня 1794 г. писали: «Для перехода

¹ Летопись Екаты. уч. арх. ком., вып. X, стр. 250—251, 254—256.

² КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 12, лл. 282—290.

³ Там же.

на всемилостивейше пожалованную войску Черноморскому землю с Катеринославского наместничества, Херсонского уезда, с города Берислава со всем нашим имуществом и работниками сего войска козаками яко то приказником Михайлом Вишнею, Матвеем Корхом, Михайлом Белым, Михайлом Бойко, Антоном Черным, Левком Гопитом, Юрком Шлепаком, Матвеем Барвенским... (всего поименовано, кроме приказчика, 14 работников. — В. Г.) покорнейше просим выдать паспорт»¹.

Во всех приведенных примерах мы видим наемных работников и, что примечательно, не находим крепостных.

В неодинаковом положении очутилось после разрушения Сечи и нечиновное, рядовое казачество. Отдельные элементы его, как видно из дела о Белецком, проникали в тесный круг привилегированной старшины. Более медлительные, не обнаружившие такой житейской прыти, отыскивают узкую дорожку к властям пререждающим, запасаются аттестатами и рекомендациями и мирно сидят зимовниками на старых местах. Бывший запорожский казак Евсей Ардиборзинский, в свое время женившийся на дочери запорожского старшины Павла Дикого, позже черноморец, на допросе 3 апреля 1798 г. показывал: «По разрушении ж войска Запорожского, получа от бывшего тамо начальника генерала Текелия за продолженную им в том войске службу отставку, жил при речке Базавлуке и окрестных оному местах со всем семейством своим лет с пятнадцать...»².

Чтобы получить вполне конкретное представление об имущественном положении и характере хозяйства бывших запорожцев после ликвидации Сечи, достаточно познакомиться с жалобами, которые подавались ими в 80—90-х годах XVIII в. на помещиков. Жалобы были вызваны тем, что помещики стремились удержать бывших запорожцев от поступления в Черноморское казачье войско и захватывали их имущество. Вот реестр имущества бывшего запорожца Данила Карпенко, которое было захвачено помещиком подполковником Милорадовичем. Реестр составлен 10 февраля 1793 г. и приложен к копии рапорта черноморского Коша Екатеринославской наместнической канцелярии от 23 марта 1793 г. Карпенко потерял четыре пары волов, причем три пары с возами и упряжью, 11 коров (шесть из них были с телятами), 16 быков и телушек разного возраста, 18 овец (с ягнятами), 67 гусей, 40 кур, четыре улья с пчелами и 80 порожних, два плуга, из которых один «с железом», две сохи, трое воловьих саней и одни конские, бредень, три вентеря, пять четвертей муки, две четверти пшена, 40 мешков проса, разного хлеба на гумне на 268 руб., четыре пуда свиного сала, четыре пуда коровьего масла, свыше 300 арш. полотна и множество домашних вещей, дающих прекрасное представление о быте богатого запорожца. Убытки Карпенко составили внушительную сумму в 2202 руб. 67 коп.³.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 12, л. 439.

² Там же, св. 16, д. 59.

³ КГКИА, ф. 249, св. 29, д. 238, лл. 2—4.

При этом нужно иметь в виду, что в указанную сумму не вошла стоимость дома, хозяйственных служб и другого имущества, принадлежавшего Карпенко. Не менее интересен следующий пример. Помещик слободы Водополье, Новомосковского уезда, Леванидов захватил имущество у бывшего запорожца Демьяна Лейки, типичного «лыцаря», старого холостяка. Хозяйство Лейки выглядело следующим образом: 10 пар волов ценою 350 руб., 15 коров с телятами — 210 руб., шесть пар быков — 156 руб., 31 яловая корова — 310 руб., итого крупного взрослого рогатого скота 78 голов; 145 лошадей (из них 60 кобыл с жеребятами) и 30 годовалых жеребят, а всего 175 голов лошадей, не считая 60 жеребят, ценой 3021 руб. 50 коп.¹ Кроме того, Лейка потерял 22 пня пчел в 55 руб. и невод с дубом и всеми принадлежностями к нему в 136 руб. Все захваченное Леванидовым имущество Лейки оценивалось в 3858 руб. 50 коп. Как и в первом случае, в реестре не указано многое другое, чем владел Лейка, например сельскохозяйственный инвентарь, хлеб, постройки и пр.

У трех бывших запорожцев, имевших общее хозяйство, Дениса Бомбита, его дяди Трофима Бристея и «товарища» Артема Черного помещик слободы Голенки, Екатеринославского уезда, Фадеев захватил имущество на сумму 3622 руб. 50 коп.² Хозяйство Бомбита, указанное в реестре, представлено в основном табуном лошадей и стадом крупного рогатого скота. Все три упомянутых хозяйства имели, однако, и посеы под пшеницей, рожью и т. д. У двух бывших запорожских «лыцарей», «товарищей», черноморцев Антона Забияки и Демьяна Костыры помещик Леванидов захватил табун лошадей и стадо рогатого скота ценой в 1956 руб.³ У двух других «товарищей» черноморцев Ивана Моцного и Петра Ляда помещик Новомиргородского уезда, Екатеринославского наместничества, Нелюбов захватил на р. Ингуле, в Медведовой даче, лошадей и скота на сумму 1338 руб.⁴

Бывший запорожский казак Батурина куреня Никифор Щепотник, попавший в подданство к князю Вяземскому в слободу Покровку, Екатеринославского уезда, потерял следующее имущество, захваченное у него помещиком: «Два двора, две избы с пристройками (100 руб.), две мельницы (одна плотинная и одна ветряная — 296 руб.), волов рабочих 20 шт. ценою 300 руб., коров с телятами 50 шт. — 500 руб., быков третьяков и яловиц 50 шт. — 450 руб., кобыл с жеребятами 150 шт. — 3 тыс. руб. и свиней с кабанями старых 40 шт. — 80 руб.». Все имущество, потерянное Щепотником, оценивалось в 4726 руб.⁵

«Батурина куреня прежней службы атаман походной Иван Щепотник», повидимому брат Никифора, также оказался жертвой

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 274.

² Там же, л. 262.

³ Там же, л. 249.

⁴ Там же, л. 285.

⁵ Там же, л. 200.

того же Вяземского, который отнял у него: «дом со всей постройкою и с заведенным садом разного овощу» стоимостью 200 руб., 8 рабочих волов — 120 руб., 6 быков четвертаков — 60 руб., 17 коров с телятами — 204 руб., 20 быков третьяков и телок — 120 руб., 10 кобыл с жеребятами и яловых — 2 тыс. руб., 70 ульев с пчелами — 140 руб., 60 овец — 120 руб., 15 свиней — 45 руб. Свои убытки И. Щепотник оценил в 3 тыс. руб.¹

Представить среднее хозяйство бывшего запорожца позволяет следующий пример. 14 июня 1789 г. три черноморских казака, бывшие запорожцы, подали войсковому судье Головатому прошение по поводу ограбления их помещиком капитаном Г. Губенко, тоже бывшим запорожцем. Излагая свое дело, казаки писали: «Находились мы прежде в бывшем запорожском войске даже до отакования оногo, имели жительство зимовниками в урочище Щуровке, а по отаковании и размещении бывшей запорожской земли остались за г. капитаном Герасимом Малым», а позднее, когда Малый продал свою дачу Губенко, они стали подданными последнего. При вступлении означенных просителей в черноморцы Губенко захватил у них имущество, реестр которого и приложен потерпевшими к прошению. У казака Ивановского куреня Логвина Бондаря было захвачено две пары волов, три коровы с телятами и одну яловую, одну лошадь, пятнадцать мешков разного хлеба; у казака Якова Бондаря — две пары волов, одну корову с телятами, одну яловую, два назимка, одну телку, десять мешков разного хлеба и десять рублей наличными деньгами. Перечисленное имущество было захвачено в зимовниках. Кроме того, Губенко со своей челядью настиг этих казаков по дороге на Черноморье, куда они пытались уйти, и отнял еще пару волов с возом, лошадь в упряжке, а также платье, обувь, хлеб и деньги².

Бывший запорожец Михаил Шеобяк, имевший жену, двух детей и взрослого брата, жил в слободе Грушевке, Екатеринославского уезда, у князя Вяземского. В представленном им реестре разграбленного помещиком хозяйства числится: хата с пристройкой ценой 30 руб., две пары рабочих волов — 60 руб., восемь голов быков-третьяков — 100 руб., две телки по третьему году — 16 руб., 15 коров с телятами — 150 руб., две кобылы и лошак-третьяк — 50 руб., 27 ульев — 67 руб. 50 коп., 14 свиней — 28 руб., плуг со всей упряжью — 8 руб., 15 порожних бочек — 7 руб. 50 коп., 16 четвертей ржи — 64 руб., 1,5 четверти проса — 5 руб., а также невод с дубом и со всем припасом — 100 руб. Все потерянное Шеобяком имущество оценивалось в 686 руб.³

Примеров подобного рода можно привести много.

Бывшие запорожцы старались сохранить независимое положение. Для этого они входили в разного рода сделки с наседавшими со всех сторон помещиками. Запорожец Харитон, как видно из его

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 225.

² Там же, л. 100

³ Там же, л. 175.

дела от 1799 г., после разрушения Сечи жил в казенном селении Романовском, Екатеринославского уезда, «а для скотоводства нанимал землю Таврической области, Днепровского уезда, в княгини Вяземской»¹. Запорожец Федор Шпендицкий в 1785 г. заключил с экономом князя Вяземского Розенфлянцером контракт на право ловли рыбы в угодьях Вяземского. По условию Шпендицкий обязывался заплатить за право ловли 100 руб. и дать 5 хороших осетров или 50 стерлядей. У того же князя Вяземского по договору арендовали в 1787 г. рыбные угодья казаки Иван Соха, Ерема Васильев, Яков Лысый и др.². Богатый запорожец Федор Демеш, проживая в своем зимовнике в урочище Пругнике, у р. Самары, платил помещику генералу Карыбину 12 руб. в год за выпас скота³. Казак Иван Белоус проживал «на вольной нанятой для хлебопашества земле Херсонского уезда в слободе помещика прапорщика Байдаченка»⁴ и т. д.

Удержаться, однако, на таких слишком непрочных договорных отношениях было невозможно, так как размежевание бывших запорожских просторов неумолимо включало казачьи зимовники в помещичьи дачи. Крепостная кабала в этом случае была неизбежна. Привожу характерный пример такого межеумочного положения, изложенного бывшим запорожцем Ефимом Дуденко в прошении от 18 июня 1789 г. в черноморский Кош. «Прежде сего находились мы,—писал Дуденко,—в бывшей Сечи с братом своим родным Кондратом Чабаном до разрушения. А по разрушении Сечи остались мы жить у Великом Логу и жили мы до того времени, покудова стали землемеровать Екатеринославского наместничества, тогда мы сошли со оной земле на Таврическую область и сидели мы зимовником проты господина подполковника Алексея Ивановича Писменского и нанимали мы землю для скота, сенокосу и хлебопашества, и неизвестны мы, как оной господин Писменский себе нас у подданство записал, потому ж мы были записаны Новомосковского уезда Александровского посада в мещанском окладе»⁵.

Куда бы не пытался перенести свое хозяйство казак, всюду его преследовал помещик. Иногда на земле, прилегавшей к зимовнику, появлялись межевые знаки нескольких помещиков. Тогда имущество казака и сам он становились жертвой нескольких крепостников. Так произошло с богатым запорожцем Одношевым. После разрушения Сечи он продолжал сидеть со своим огромным хозяйством в урочище Одношевном у Ингула. Трагедия для него началась с момента приезда соседа-помещика генерала Гендубака, преджившего Одношевному стать крепостным. Впрочем, Гендубак этим и ограничился. Появившаяся вслед за ним вдова майора Гариха попросту присвоила 50 голов скота из стада Одношевного.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 32

² КГКИА, ф. 249, св. 6, д. 87, л. 81.

³ Там же, св. 3, д. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Третьему же лицу, княгине Волошской, отошли все угодья зимовника. Новая помещица поручила надзор за своим поместьем полковнику Грекову, а последний — своему управителю поручику Желунскому. Управитель потравил хлеб Одношвного и своими притеснениями принудил бывшего запорожца оставить насиженное место. Разыскивая выход из создавшегося положения, Одношвный вошел в соглашение с осадчим генерала Соймина и накопил для своего скота сто копен сена в угодьях Соймина. Но приказчик этого помещика Потанин забрал сено и т. д. Перечисляя убытки в приложенном к жалобе реестре, Одношвный назвал немалую сумму — 1730 руб.¹ Каково же было положение основной массы запорожцев после разрушения Сечи? Часть казаков, а также запорожских посполитых, закрепощалась, другая записывалась поселянами казенных и воинских слобод. Небольшая группа приписывалась в купцы и мещане. Часть бывших запорожцев из числа реестровых казаков ушла на Левобережье, другая — покинула пределы империи и составила основу возникшей несколько позднее Задунайской Сечи².

Большая часть бывших запорожцев очутилась в крепостной зависимости у русских и украинских помещиков. Только в одном Екатеринославском уезде, по ведомости от 9 февраля 1793 г., за помещиками числилось бывших запорожских казаков 2534 человека мужского и 1831 женского пола, а также запорожских поселян 1594 мужского пола и 1203 женского³. В Александровском уезде было закрепощено запорожских казаков 1201 человек мужского пола и 394 женского, поселян 482 мужского и 371 женского пола, а всего по двум уездам казаков 3735 мужского пола и 245 женского, поселян 2076 мужского и 1574 женского пола⁴.

Официальные документы часто подчеркивали, что превращение бывших запорожцев в крепостных было добровольным делом. 2 марта 1786 г. правитель Екатеринославского наместничества Синельников сообщал в канцелярию Потемкина: «О запорожцах знаю что сказать, ибо о них был манифест, чтоб шли по разрушению Сечи, куда пожелают, из коих некоторые пожелавшие и записались за помещиками, по их желаниям»⁵. Выше мы видели, сколь страстным было «желание» у богачей-зимовничан стать крепостными, вручив свое огромное хозяйство «человеколюбивому» попечению титулованных господ и их управителей.

Помещики в большинстве случаев автоматически включали население бывшего Запорожья в ревизские сказки (перепись населения). Группа бывших запорожских казаков Екатеринославского уезда в своем прошении от 8 июня 1789 г., излагая обстоятельства закрепощения их помещиком майором П. Халчевским, писала, как об

¹ КГКИА, ф. 249, св. 6, д. 41, л. 214.

² См. нашу работу «О социальных отношениях в Задунайской Сечи», Исторические записки АН СССР, т. 30, 1949, стр. 211—231.

³ Там же, св. I, д. 1.

⁴ Кубанский сборник, т. VIII, Екатеринодар, 1901—1902, стор. 7.

⁵ Записки Одесского общества истории, т. IX, Одесса, 1875, стр. 274.

обычном происшествии, о том, что Халчевский, получив дачу, где они жили, записал их в подданство¹. Подобных документов можно привести множество. Злоупотребления помещиков в таких случаях не было предела, так как они находились под покровительством и низшей, и высшей администрации, которая сама не упускала возможности приобрести себе бесплатно крепостных. Весьма деятельно, например, записывал запорожцев в крепость за собой азовский губернатор Чертков, по поводу чего в черноморском архиве сохранилось множество жалоб казаков². Потемкин закрепил за собой лишь в слободы Грачевой, Екатеринославского уезда, казаков 247 мужского и 83 женского пола, поселян 279 мужского пола и 322 женского, а всего 931 человека³.

Часть казаков бежала, как отмечалось, на Левобережье. Однако и там избежать крепостничества было почти невозможно. Запорожец Роман Малый рассказывал, как он, уйдя в Лубенский уезд, волей-неволей стал подданным помещика Значко⁴.

Многие запорожцы бежали в другие, более отдаленные места империи. Запорожец Иван Баран, происходивший, по его словам, из малороссийских казаков и вступивший в Сечь в 1764 г., по разрушении Сечи «жил по разным местам» и, наконец, «Саратовского наместничества, Камышанского уезда, в казенной слободы Николаевке»⁵.

Еще больше оснований не возвращаться на родину имели бывшие крепостные. Они попадали снова в разряд крепостных крестьян тут, на Запорожье. Иногда такие бывшие запорожцы пробовали бежать: 25 казаков, например, после разрушения Сечи бежало в местечко Балту, в имение Любомирского. Последний принудил их записаться в подданство. Однако и там им долго не довелось жить: управляющий имением шляхтич Коленда довел своими притеснениями бывших казаков до того, что они не выдержали и, забрав жен и детей, бежали на Очаковскую сторону⁶.

Окруженные со всех сторон помещиками, бывшие запорожцы становились крепостными. Запорожцы Гаденко, Мирошник и другие в своем прошении от 14 июня 1789 г. так рассказывали об этом: «По разрушении Запорожья каждый с нас, не имея средств к прожитию себя, женились, а затем по желанию нашему записались в число подданных Александровского уезда у разных господ»⁷.

Легко представить себе, с каким вождением помещики стремились записать себе в подданные бывших запорожцев, в особенности зажиточных и богатых, хозяев отлично устроенных зимовников, коневодов, скотоводов, владельцев рыболовных промыслов, чумацких обозов и т. д. Такие подданные действительно были ку-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18.

² Там же.

³ Там же, св. 1, д. 1.

⁴ Там же, св. 3, д. 219.

⁵ Там же, д. 6, лл. 158—159.

⁶ Там же, д. 18, л. 153.

⁷ Там же.

рами, несущими золотые яйца. Вот несколько примеров. Бывший запорожец Семен Губенко, вступивший в Черноморское войско, жаловался на своего помещика кн. Вяземского, отобравшего у него имущество. В лице Губенко перед нами выступает внушительная фигура запорожского нечиновного богача-зимовничанина. Это — скотовод и коневод, занимавшийся к тому же и земледелием. Помещик отнял у Губенко следующее имущество: шесть голов рабочих волов, 21 корову с телятами, четыре быка, восемь годовалых телят, 14 лошадей, 130 овец, 15 свиней, плуг с упряжью, посевы и т. д., всего на сумму 1109 руб.¹ У бывшего запорожца Конона Кононенко, имевшего жену, двух братьев и племянника, помещик Новомиргородского уезда бригадир Нелюбов отнял на даче Ведмедовской табун лошадей в 47 голов, не считая жеребят, пару волов и значительные посевы. Стоимость лошадей и скота Кононенко определил в 1038 руб. Кроме того, прежний помещик Седнев, от которого Кононенко перешел к Нелюбову, присвоил его усадьбу. Стоимость ее потерпевший определял в 158 руб.²

Прошение в черноморский Кош от 26 июня 1787 г. трех бывших запорожцев дает некоторое представление о переходных формах зависимости, которые устанавливались между бывшими запорожцами — богачами и их господами. Матвей Губа, Герасим Пикатый и Савва Тараща жаловались на помещика слободы Седневки, который, как видно из прошения, задолжал им деньги: Пикатому — 30 руб., Губе — 40 руб. и, кроме того, отнял хлеб и скот. Бывшие запорожцы считали деньги временной ссудой, данной помещику, и просили содействия в ее возврате, а также о возмещении других убытков³. Я. П. Новицкий, занимавшийся историей степной Украины, сообщает, что часть запорожских казаков, перешедших после разрушения Сечи сначала на ранговую дачу Потемкина, а от него к графине Скавронской, была закрепощена ревизской сказкой 1782 г. Первоначально новые крепостные не отпращивали барщины, а платили владельцам по 10 руб. ассигнациями (2 руб. 85 коп. серебром с ревизской души); лишь в 1824 г. их перевели на барщину⁴.

Бывшие запорожские слободы и зимовники становились опорными пунктами колонизации Новороссии⁵. Однако прошло известное время, пока эти слободы стабилизировались. Запорожцы-зимовничане долго сопротивлялись политике правительства, стремившегося разрушить старые обычаи землевладения и землепользования, покоившиеся, в основном, на вольной заимке, и перевести бывших казаков из зимовников в слободы под надзор властей.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 153.

² Там же, л. 168.

³ Там же, св. 6, д. 11, л. 82.

⁴ Я. П. Новицкий, История г. Александровска, 1905, Екатеринослав, стр. 30—31.

⁵ Магерида для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, вып. I—II, Екатеринослав, 1880. А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I, Одесса, 1850; ч. II, Одесса, 1853; ч. III. Журнал министерства внутренних дел, 1850—1851.

Первым шагом правительственных властей после разрушения Сечи было стремление учесть земельные фонды и население бывшего Запорожья. 18 июня 1775 г. Потемкин предписал Текелию распорядиться «снять верную карту Сечи Запорожской и их бывшего владения»¹. Одновременно Текелий составил списки зимовников и слобод, учитывая в административных и фискальных целях количество населения. Результаты проведенных подсчетов и описаний, сохранившиеся, к сожалению, лишь в фрагментах, были мало удовлетворительными с правительственной точки зрения. Огромные земельные пространства, вошедшие в состав двух губерний — старой Новороссийской, границы которой теперь были исправлены, и вновь образованной Азовской, — оказались занятыми преимущественно зимовниками, исчислявшимися тысячами. При таком положении проект размежевания земель, намеченный правительством, встречал значительные препятствия.

Проведение размежевания с выделением владений, принадлежащих зимовникам, было затруднено крайней условностью и неопределенностью их размеров. Если по внешним признакам можно было определить границы земледельческого хозяйства, то совершенно невозможным оказывалось установить пределы землепользования скотоводческих и коневодческих хозяйств, тем более, что экстенсивный характер запорожского животноводства побуждал зимовничан стремиться к занятию огромных пространств. Так же обстояло дело и с рыболовными угодьями.

Уничтожение зимовников и сосредоточение бывших казаков в слободах неизбежно привело бы к разрушению и упадку их хозяйства, к недовольству населения и бегству за пределы Запорожья. При таких обстоятельствах проекты быстрого хозяйственного оживления края, роста его населения и, разумеется, фискальные цели были бы неосуществимы. Вот почему действия главного руководителя края Потемкина часто отличались непоследовательностью. Как видно из его ордера Черткову от 24 сентября 1775 г., вначале он принял предложение Текелия о немедленном переводе зимовников и сосредоточении их в виде деревень вблизи проезжих дорог². В таком духе и были даны указания местным властям. Можно легко представить, как на это реагировали зимовничане, бывшие казаки и старшины. Бесспорно, такие распоряжения были сильнейшим ударом для хозяйства, вызывавшим и растерянность, и недовольство.

Кроме потрясения и ломки хозяйства зимовника, сам факт перевода на новые места болезненно затрагивал жизненный нерв хозяйства — рабочую силу. Мы знаем, что процветание зимовников покоилось на эксплуатации труда казачьей серомы, а также разного нелегального и полунелегального люда. Значительная часть работников не могла пойти вслед за своими хозяевами в слободы и деревни, так как неизбежно попала бы в проскрипционные списки, тем более, что немедленно после разрушения Сечи, 31 августа 1775 г., Потем-

¹ Летоп. Екат. уч. арх. ком., вып. IX, Екатеринослав, 1913, стр. 172.

² Там же, вып. I, стр. 21—22.

кин направил генералу Муромцеву ордер о розыске в пределах Запорожья беглых помещичьих крестьян и возврате их господам¹. К тому же многие помещики, не дожидаясь содействия властей, самостоятельно разыскивали своих крестьян, направляя на территорию бывшей Сечи сыщиков и уполномоченных. Часть серомы вынуждена была бежать за пределы Запорожья.

Сознавая опасность ухода населения, Потемкин в упомянутом ордере Черткову предписывает уговаривать жителей оставаться на Запорожье и вообще употреблять «всевозможные к удержанию их меры»².

Менее чем через год, 22 марта 1776 г., было издано «повеление» об оставлении за запорожскими старшинами и казаками прежних зимовников до нового генерального размежевания и об отказе новым просителям занимать зимовники³. Это была, впрочем, лишь временная отсрочка в проведении намеченных планов. Как только началось размежевание, местные власти неослабно стали нажимать на зимовничан, побуждая к переселению в слободы.

Трудная и сложная операция переселения вызвала ряд дополнительных мероприятий. В этой связи интересен рапорт Славянской провинциальной канцелярии новороссийскому губернатору Языкову от 11 апреля 1779 г. о средствах, коими следует поощрять переселение бывших запорожцев в города и слободы. Рапорт излагает содержание распоряжений Языкова по сему предмету. Констатируется, что распоряжение о переходе в слободы не исполняется старшинами и казаками, «а остается прежняя дикость и своенравие, когда рассыпавшись живут в зимовниках»⁴. Главный вред такого положения усматривается в том, что запорожцы, «уклоняясь от обще жительствова, женитьбы, обзаведения хозяйства и пристойного домостроительства, дают вид прежних грубостей и не обнадеживают быть надежными гражданами и полезными себе и обществу поселянами»⁵.

Для поощрения переселения губернские власти объявили о ряде льгот. Прежде всего, переселенцам разрешалось «для содержания их скота иметь вместо зимовников в тех самых округах хутора», но с условием, чтобы каждый переселяющийся построил в городе или слободе по приложенному плану дом. Кроме того, переселенцам было обещано право свободной торговли и право пользования рыболовными и другими угодьями в границах слободских и городских владений. В дополнение к этому они освобождались от разных повинностей и от податей сроком на два года и т. д.⁶. Одновременно с этим оглашались репрессии для ослушников; последние «под-

¹ Бумаги Потемкина (1774—1788), стр. 54.

² Летоп. Екат. уч. арх. ком., вып. I, стр. 21—22.

³ Д. И. Эварницкий, Вольности запорожских козаков, стр. 343.

⁴ В. А. Беднов, Материалы к истории колонизации бывших запорожских владений, Екатеринослав, 1914, стр. 38.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вержены будут к содержанию почты, всем податным нарядам и исправлением к нынешнему платежу от зимовников без всякого умяления»¹. Повелевалось на местах составить списки зимовничан, в которые должны быть включены «именно хозяева и их работники»². В качестве поощрения переселяющимся объявлялось о разрешении покупать на постройки казенные строения по твердым ценам с рассрочкой на два года.

Переселение в первую очередь должно было коснуться старшин, «яко имеющих против протчих лутчий капитал»³, а тем более тех, на кого было распространено благоволение правительства. Старшинам объявлялось, что «каждый взявший на свободу землю числитца будет помещиком»⁴.

Составитель этого документа превосходно понимал причины нежелания казаков переходить в слободы. Переселение подрывало животноводство зимовничан и поэтому не могло быть осуществлено сразу, без временных, переходного типа мер. Поэтому тем хозяевам, у которых на новом месте оказывались неудобства (например, не было построено соответствующих загонов и приспособлений для скота), разрешалось «дать свободу до времени иметь зимовник и когда совсем в слободе выстроица и близ оной хутор себе построит, тогда исподволь может перебраться»⁵.

Предусмотрительное начальство, декларируя материальные выгоды «обще жительствова», женитьбы, свободы от повинностей и т. д., исходило также и из того «высшего соображения», что законный в «дикости и своенравии», тяжелый на подъем казак-зимовничанин имеет другую, «имматериальную субстанцию» — «бессмертную душу». Предполагалось, что соответственное воздействие на этот нежный и чувствительный инструмент «грубой» казачьей природы вызовет у зимовничанина чувство скорби и страстное стремление к духовному усовершенствованию. В упомянутом документе говорится о том, что, во-первых, в зимовниках нет церквей и, следовательно, бывшие казаки не во-время принимают таинство крещения, покаяния, причащения и т. д.; во-вторых, религиозные требы на зимовниках часто совершают бродячие монахи, не имеющие священнического сана. Таким образом, по заверению начальства, пребывание на зимовниках ставило под угрозу основную цель всей жизни христианина — спасение души, между тем как эта цель легко достигалась в слободах, располагающих церквями, безупречным, с канонической точки зрения, духовенством и т. д. Однако справедливость требует отметить, что начальство не переоценивало мистических устремлений «гніздюка» и «гречкосія» в «горние обители», ибо, покончив с назиданиями религиозного характера, переходило к запуги-

¹ В. А. Беднов, Материалы к истории колонизации бывших запорожских владений, стр. 38.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 43—44.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 42.

ваниям другого порядка. Выдвигалась мысль о беспомощности и беззащитности зимовничанина от постоев проходящих воинских команд, от притеснений, связанных с удаленностью зимовника от бдительных и попечительных властей, и др.

Но скорлупа меркантильных интересов зимовничан оказывалась мало проницаемой для ордеров и инструкций. Заботы о коровах, лошадях, посевах брали верх над мыслями о спасении души и выгодами «общего жительствова». В 1779 г. в шести уездах Новороссийской губернии оставалось 1226 (1178?) зимовников¹. В следующем, 1780 г., Синельников в рапорте Языкову от 26 марта сообщал, что хотя, по данным Славянской провинциальной канцелярии, изъявило желание переселиться из зимовников 865 хозяев, «но однако ж оные и поныне живут в своих местах, а перешло в селения самое малое и почти неприметное количество»².

Тем не менее запорожский зимовник был обречен на гибель, так как помещичьи дачи постепенно и непрерывно вбирали его в себя. Протест в таких случаях был бесполезен, ибо казацки зимовники захватывались также и представителями администрации. Статский советник Ларин Алексей, губернаторский товарищ и автор «Наставления» Славянской провинциальной канцелярии об отношении к населению Запорожья, прибирал к своим рукам зимовники опекаемых им казаков с неменьшей энергией, чем любой из помещиков. 7 июня 1789 г. группа бывших запорожцев жаловалась, что Л. Алексеев взял дачу на р. Очеретоватой, где жили казаки, «и записал нас в число подданных своих»³.

Стояния зимовничан в слободы, правительство стремилось, главным образом, приостановить этой мерой процесс неограниченного захвата земель под зимовники. Отныне владения под хутор отводились в границах слободских угодий, строго фиксированных в официальном порядке. Подрывался тот принцип, который обуславливал экстенсивный характер запорожского животноводческого и земледельческого хозяйства. Примечательно также, что и в новых условиях социальная основа богатого хозяйства — вольнонаемный труд — продолжала сохраняться.

Развитие буржуазных отношений на территории бывшего Запорожья, происходившее в органической связи с развитием экономики всей страны, не могло быть приостановлено мероприятиями правительственных властей.

Д. И. Багалея, наблюдая колонизационный процесс в степной Украине, сделал интересное и важное заключение. Он говорит о двух типах колонизации — вольной (народной) и помещичьей. Первая началась еще в период существования Запорожья, последняя же — после разрушения Сечи и состояла, по преимуществу, в переселении на новые места крестьян самими помещиками. В последнем

¹ В. А. Беднов, Материалы к истории колонизации бывших запорожских владений, стр. 14—15.

² Там же, стр. 45.

³ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18.

случае в новом крае утверждалось крепостничество¹. Оценивая итоги помещичьей колонизации, автор утверждает, что, несмотря на правительственные меры поощрения, опыт помещичьей колонизации дал отрицательные результаты².

Само крепостническое правительство, осуществляя проекты колонизации обширного края, принуждено было понять, что заселение подневольным людом и в принудительном порядке не может дать скорых и удовлетворительных результатов. Всемерно поощряя помещичью колонизацию, оно одновременно пытается насадить и вольный земледельческий и ремесленный элемент. Последние меры подсаживались необходимостью производить крупные строительные работы, задуманные Потемкиным. Сохранился интересный проект Потемкина о постройках в Николаеве. Этот проект, в частности, предполагал ярославских каменщиков, купленных у князя Мещерского, «приохочивать» к поселению в Николаеве, а также, «чтобы не было недостатка в мастеровых», обучать женатых рекрутов разным ремеслам, необходимым для адмиралтейства, и поселить 3 тыс. из них на казенных участках и на землях, которые для этой цели нужно было купить у частных лиц, например у Безбородко и генерала Соймонова³. Одновременно задумано было поселить там всех заштатных церковников, а в Воскресенске и Покровске — беспаспортных выходцев из Польши и бродяг. Служащим адмиралтейства намечалось отводить землю под хутора в окрестностях Николаева, а рабочим адмиралтейства давать жалованье⁴. Проекты других лиц шли несколько далее. Правитель Екатеринославского наместничества Синельников предлагал купить у харьковских и воронежских помещиков крепостных и поселить их на правах казенных крестьян в Новороссии⁵. Власти содействовали также бегству в Новороссию населения из польских областей. Сам Синельников утверждал, что он возбудил в украинском населении польских провинций стремление к переселению в Новороссийский край⁶.

Из великорусских губерний в Новороссию правительственные власти вызывали казенных крестьян, солдат, матросов, отставных дьячков и т. д.⁷. Значительная часть государственных слобод в Екатеринославской губернии была заселена однодворцами⁸. По Указу 1781 г. велено было переселить в Новороссию до 20 тыс. экономи-

¹ Д. И. Багалея, Колонизация Новороссийского края, Киевская старина, 1889, июль, стр. 137.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 68.

⁶ Там же, стр. 265.

⁷ Зап. Одесск. об-ва истории, т. III, стр. 775.

⁸ Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, вып. I, стр. 486.

ческих крестьян¹. Потемкин стремился переселить в Новороссию также раскольников, предоставляя им различные льготы². Правительство при заселении юга не пренебрегало даже преступным, с его точки зрения, элементом. В 1792 г. велено было переселить в Очаковскую область жителей с. Турбаев, Полтавской губернии, участники известного восстания³. Манифесты Екатерины II от мая 1779 г. и апреля 1780 г. призывали беглых из-за границы, обещая им свободу.

Все эти мероприятия, рассматриваемые с социально-экономической точки зрения, должны были с неизбежностью приводить к укреплению и расширению элементов буржуазного хозяйства в степной Украине, умножать предпосылки для более быстрого экономического развития края.

Для более точного и полного выяснения характера социальных отношений, сохранявшихся в зимовниках и казенных слободах, заселенных бывшими запорожцами, необходимо рассмотреть вопрос о судьбе запорожской серомы после разрушения Сечи. Не касаясь той части ее, которая бежала за пределы края, отметим положение тех серомых, которые предпочли остаться на месте.

Вот документы, превосходно дорисовывающие картину социальных отношений. Бывший запорожец Петр Логвиненко в своем прошении в черноморский Кош от 18 октября 1793 г. так повествовал о себе: «До разрушения бывшей Сечи Запорожской продолжал я службу в числе прочих куреня Дядьковского казаков, а по разрушении оной Сечи жил в козака куреня Пластуновского, Гаврила Войтенка лет з семь за работника»⁴. Работа по найму — участь запорожских неимущих казаков. П. Бутков, почти современник Сечи, враждебно относящийся к запорожцам, писал: «Что касается до оставшихся в России (запорожцев. — В. Г.), то они доказали собой истину, что нет ничего труднее, как переменить нравы бродяг. Запорожцы скитались долгое время около древнего своего жилища... Они жили сотнями (курениями) по берегам рек, перевоза через оные, служили работниками поселянам, из пропитания, другие пасли стада и нередко число пастухов почти равнялось числу скота»⁵. Как ни путаны сведения этого автора о запорожцах, однако он отлично усвоил ходячее мнение о том, что запорожцы «служили работниками». Факт найма части запорожцев на работу был, повидимому, широко известен в конце XVIII и в начале XIX в. Это общераспространенное представление о запорожцах и передает Бутков.

Мысль о применении наемного труда серомы богатыми запорожцами

¹ Д. И. Багалей, Колонизация Новороссийского края, Киевская старина, 1889, июль, стр. 66.

² Зап. Одесск. об-ва истории, т. IX, стр. 270.

³ И. Гуржий, Повстання селян в Турбах (1789—1793), АН УССР, 1953.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 29, д. 238, л. 154.

⁵ П. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. II, СПб. 1869, стр. 250.

рожцами отражена и в предании, записанном Я. П. Новицким. На р. Московке после разрушения Сечи жили три старика-запорожца: дед, сын и внук. Деду было 130 лет, сыну 110, а внуку 90. Запорожцы — «Люди були заможенькі: багато було скоту, коней, бджоли. Жила у їх сіромашня»¹.

Беднота, бежавшая из бывшей Гетманщины в степную Украину уже после разрушения Сечи, нередко попадала в батраки к бывшим запорожским богачам. Черноморец Иосиф Козинченко, уроженец с. Басани, Остерского уезда, Киевской губернии, рассказывал на допросе в 1799 г., что 17 лет назад, т. е. около 1782 г., он ушел на заработки в Хорол, а оттуда через два года перешел в Мариуполь, где у бывшего запорожца Велегуры «находился во услужении семь, а по отходе от него в греческом селении в заработках три года»². Черноморец Иосиф Черный, как видно из его допроса, около 1788 г. ушел из дому, из с. Лащевки, Кременчугского уезда, в казенное селение Петриковку, Новомосковского уезда, т. е. в слободу, заселенную бывшими запорожцами, и нанялся там к чумаку³.

Неимущий элемент, содержащий себя в период существования Сечи продажей своей рабочей силы, размещался на тех же началах в зимовниках, слободах и после разрушения Сечи. Некто Алексей Татарищев на допросе в 1798 г. объяснил, что «служил он у разных казаков до разрушения Сечи, а после разрушения также был в услужении на Самоткани у разных казаков пять лет да при бывших плавнях в Лузе около селения Петровского и на лимане семь лет»⁴. Часть бедного бывшего запорожского казачества по примеру прежних лет пыталась обзавестись собственным небольшим хозяйством. Скальковский указывает на существование еще до разрушения Сечи на огромной территории — от впадения Калмиуса в Дон до Кременчуга — тысяч хат, пастек, землянок, которые назывались по местному «кугами», а также хуторов, зимовников⁵. Такие «куги» и землянки основывались и после ликвидации Сечи.

Если часть наемников, старых и новых, работала в сельскохозяйственных и скотоводческих хозяйствах бывших запорожцев, то другая часть шла в рыболовные ватаги. Черноморский старшина капитан Велегура, командированный на побережье Азовского моря для вербовки бывших запорожцев в Черноморское войско, сообщал в рапорте от 16 мая 1788 г., что запорожцы изъявили согласие вступить в новое войско, но попросили отсрочки до троицына дня следующего года ввиду того, что «они находятся в некотором бездомовии и живут в зарабатывании по приморским косам в рыбных ловлях»⁶.

¹ Я. П. Новицкий, Народная память о Запорожье, Екатеринослав, 1911, стр. 107.

² КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

³ Там же, св. 23, д. 71.

⁴ Там же, св. 16, д. 59.

⁵ А. Скальковский, Опыт статист. опис. Новоросс. края, ч. II, стр. 9—10.

⁶ И. Дмитренко, Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска, т. III, СПб, 1896, док. 31.

Необходимость отсрочки мотивировалась желанием получить заработанные деньги. Иными словами, немедленное вступление в войско нарушало контракт, заключенный рабочими, бывшими запорожцами, с владельцами рыболовных промыслов.

На рыболовные косы попадали и те серомахи, которые возвращались на территорию бывшего Запорожья уже после ликвидации Сечи. Вот как об этом рассказывал на допросе в 1798 г. бывший запорожский наймит Андрей Кириленко, черноморский казак. Уроженец польской провинции, Кириленко в 19 лет прибыл с чумаками на Запорожье и «находился у казака куреня Иркилевского Федора Ключака три года; тогда ж возвратился опять к отцу в помянутую слободу, где перезимовавши когда намериваясь было опять следовать в войско запорожское, но послыхал, что уже оно разрушено, то пошел в войско донское, был на Кривой косе в рыбном заводе один год в заброде, откель отошедши и обращался по разным российским городам в чумацком промысле семь лет»¹.

Бегство на Запорожье продолжалось, таким образом, и после разрушения Сечи. Д. И. Багалея справедливо указывает на то, что беглецы «находили себе приют и в казенных селениях»². При этом «правительство, можно сказать, санкционировало здесь право убежища (*droit d'asile*)»³. Граф П. Зубов в секретном письме екатеринославскому наместнику Хорвату писал, что к «беглым нужно иметь снисхождение по человечеству и дабы строгостью законами повелеваемой не доводить их до отчаяния»⁴. Разъясняя, как следует поступать с ними, он рекомендовал, «если окажутся бродяги, то стараться их приписывать к городским и сельским обществам, смотря по состоянию, чтобы они могли таким путем снискать себе пропитание»⁵. Приписывать бродяг, по понятным соображениям, нужно было «скромным образом, под рукою и без огласки». Потемкин 30 июня 1789 г. писал Екатеринославскому наместническому правлению: «Хотя и было от меня предписано об отсылке всех беспаспортных в Екатеринославской губернии ловимых к ближайшим командам для определения в военную службу», но так как бегство продолжалось, то рекомендовалось селить их по р. Ингулу»⁶.

Несмотря на некоторые послабления в отношении беглецов, допускаемые правительством в целях облегчения колонизации Новороссии, разрушение Запорожской Сечи намного сузило применение наемного труда. Однако он, как мы видели, продолжал существовать.

Немедленно после разрушения Сечи правительство приступило к административному устройению Запорожья, чтобы «отвратить развратности их (запорожцев.— В. Г.) заражающие и укротить своим

¹ КГКИА, ф. 250, св. 16, д. 59.

² Д. И. Багалея, Колонизация Новороссийского края, Киевская старина, 1889, июль, стр. 68.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бумаги Потемкина (1788—1789), стр. 170—171.

⁶ Там же.

невежеством и буйством порабощенных», — как было сказано в распоряжении генерала Муромцева подполковнику Норову от 22 июня 1776 г.¹ Интересно в этом отношении «Наставление» губернаторского товарища Алексеева для Славянской провинциальной канцелярии от 22 июня 1776 г. Прежде всего запрещалось употребление слов «Запорожье» и «запорожский казак», хотя в то же время разрешалось пользоваться словами «казак» и «старшина»².

Первичные агенты власти — смотрители селений назначались «из старшин здешних». В этих случаях бывшая запорожская старшина сохраняла свой административный престиж, выступая в качестве представителей государственной власти.

Однако не вся старшина внушала полное доверие, во всяком случае известную часть ее считали неспособной вводить новый порядок, поэтому предлагалось «для лучшего поселения в жизни утверждения поместить без излишества (в слободах. — В. Г.) из великороссийских отставных офицеров» лиц по прилагаемому списку³.

«Наставление» удерживало некоторые остатки старой запорожской административной системы. Так, для несения караулов и исполнения разных административных поручений при провинциальных канцеляриях предписывалось иметь команды конных и пеших казаков численностью в 30 человек «при старшинах»⁴.

Устанавливая точный порядок соподчинения органов власти, фискальные и трудовые повинности населения, «Наставление» обнаруживает тревогу автора по поводу бегства казаков. Вследствие этого предусматривались специальные ограничения при выдаче паспортов казакам, отлучающимся на сторону. Желающие отлучиться могли получить документ лишь в том случае, если домовитые хозяева поручатся, во-первых, за то, что уходящие явятся в указанный срок, и, во-вторых, что последние — «люди, от шалости воздержаны»⁵.

Все приведенные факты позволяют прийти к следующим выводам.

Разрушение Запорожской Сечи и раздача ее земель крепостникам должны были несколько ослабить отчетливо наметившиеся в экономике Запорожья элементы буржуазного развития. Вместе с тем крупные победы, достигнутые Россией во второй половине XVIII в. над султанской Турцией, в результате которых были освобождены Крым и южные украинские земли, сыграли большую положительную роль в развитии производительных сил всей страны. На побережье Черного моря выросли крупные торговые и культурные центры, такие как Херсон, Николаев, Одесса и др.

Все это подрывало феодально-крепостническую систему в импе-

¹ В. А. Беднов, Материалы к ист. колониз. бывш. запорож. владений, стр. 21.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 27—28.

рии и неумолимо влекло страну вперед, прокладывая путь для новых, буржуазных отношений.

Разрушение Сечи внесло крупные изменения в положение большей части запорожской старшины и, конечно, всей без исключения массы казачества. Непривилегированная старшина, как и казачество, испытывала все стеснения, связанные с насаждением помещичьего землевладения и практикой ликвидации зимовников. Она лишена была того высокого положения, которое занимала в запорожской администрации, и связанных с этим материальных выгод. Став в положение казенных поселян, без чинов и дворянства, она оказалась перед мало привлекательной перспективой слияния с массой сельских или городских «обывателей». В отдельных случаях она даже была лишена возможности охранить себя от крепостной неволи. Нужно иметь в виду также, что многие из старшин, получивших офицерские чины, не были пожалованы земельными угодьями. Они не могли быть довольны, так как лишились реальных выгод, связанных со своим влиятельным положением в Сечи.

В еще более тяжелом положении оказалась казачья масса. Часть ее была обращена в крепостных крестьян, часть тщетно охраняла свои зимовники и перешла на положение казенных поселян. Тяжелее всего была судьба неимущего слоя казачества. Одна часть его попала в крепостное ярмо, другая спасалась бегством, третья, отыскивая себе заработок, продавала свою рабочую силу в зимовниках, в слободах, на рыболовных промыслах и т. д.

Бывшее рядовое запорожское казачество и часть старшины стремились к тому, чтобы вернуть себе положение свободных земледельцев и скотоводов, а также право купли-продажи рабочей силы. Из этих стремлений и нужно исходить при решении вопроса о тех кадрах, на основе которых сложилось Черноморское казачье войско.

Создавшееся в бывшем Запорожье положение разрешилось компромиссом. Казачье войско было восстановлено, однако на началах, подсказанных государственными соображениями и интересами влиятельных групп имущего казачества.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСКА ВЕРНЫХ КАЗАКОВ

Последний период в жизни Новой Сечи, как мы видели, характеризовался ростом эксплуатации и угнетения казацких низов старшиной и богатым казачеством. Это усиливало классовый протест со стороны трудового казачества, что часто приводило к волнениям и восстаниям. В период подавления крестьянского восстания 1773—1775 гг. правительство наметило меры для ликвидации Сечи и запорожского казачества, принимавшего столь видное участие во всех антифеодальных выступлениях народных низов. В это время у части запорожской старшины возникает проект, который должен был предотвратить упразднение войска путем реорганизации его на новых началах.

В своих воспоминаниях Г. Ф. Квитка так рассказывает об этом. Видный член запорожской депутации, командированной в столицу в 1774—1775 гг., полковой старшина Антон Головатый «составил новый план для управления Сечи и новую форму службы и управления ей. Он предлагал все буйные, непреклонные к порядку головы как из чиновников (старшин.— В. Г.), так и казаков, под разными предложениями удалить или вывести из войска, если не можно навсегда, то хоть на долгое время; тогда объявить в войске новое устройство и порядок, сходные с тем, что в Донском войске: позволить жениться, иметь и приобретать собственность; части войска отбывать службу по назначению правительства, вне Сечи; остальным заниматься хозяйством при исправлении домашней службы на всякий непредвиденный случай. Переписать всех казаков, вошедших в новый состав войска, и из-за того не принимать ни одного человека, какой бы он нации не был, под строжайшей ответственностью всего войска и в особенности лица, уличенного в сем преступлении»¹.

Итак, по мысли Головатого, реорганизацию войска необходимо было провести следующим образом: устранить из войска и изгнать за пределы Запорожья всех тех, кто внушал опасение властям, составить строжайший реестр казаков, отбросив старый принцип приема в казаки и т. д. Все это должно было облегчить старшине расправу с низами казачества и посполитыми, помочь ей обратить непринятых в казаки и исключенных из войска в своих крепостных и сохранить за собой положение правящего в крае слоя.

Головатый, будучи в Петербурге, представил этот проект с приложением списка всех лиц, подлежащих удалению из Сечи, Потемкину, уверяя, что он вполне отвечает желанию большинства старшин и казаков. Потемкин, отражавший недовольство правительства неспособностью запорожской старшины справиться со «своевольством» серомы, с раздражением швырнул, как рассказывают, бумагу и произнес: «Не можно вам оставаться. Вы крепко расшалились и ни в каком виде не можете уже приносить пользы»². Нечего и говорить, что Потемкин, как и другие помещики, уже давно стремился приобрести земельные владения за счет раздела «Запорожских Вольностей».

Отказ правительства, однако, не разрушил у Головатого и других старшин надежды на осуществление их проекта. Причисленный вскоре после разрушения Сечи к штату Потемкина, Головатый стал энергично прокладывать дорогу для возобновления своего плана. «Не будет уже это Сечь, — писал Головатый, — но особенное войско из прежних запорожцев, они будут иметь свою оседлость и порядок службы, приличный времени и обстоятельствам»³.

Правительство, направившее летом 1775 г. на Запорожье отряд Текелия, не предвидело тогда отрицательных последствий разруше-

¹ Отечественные записки, 1839, т. VI, отд. II, стр. 8.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 11.

ния Сечи. Первым таким последствием было бегство части казачества за пределы империи и образование Задунайской Сечи. Второе сказалось тотчас, как только осложнились отношения с Турцией. В 1783 г. под влиянием происков турецкого правительства в Крыму вспыхнул мятеж татарских феодалов. Чтобы подавить мятеж, правительство обратилось к бывшим запорожцам. 1 июля 1783 г. была издана прокламация за подписью Потемкина о том, что А. Головатому поручается набирать охотников из бывших запорожцев в количестве 1 тыс. человек (500 конных и 500 во флотилию). Одновременно группе старшин, обойденных милостями непосредственно после разрушения Сечи, — бывшему кошевому Ф. Федорову, а также С. Белому, Л. Мощенскому, Легкоступу, З. Чепеге и другим были даны армейские чины и жалованье. С. Белому при этом были пожалованы земли¹.

В донесении правительству от 6 апреля 1784 г. Потемкин писал, что специальные лица для вербовки бывших запорожцев направлены не только в Екатеринославское наместничество, но и в Очаковскую область, т. е. в пределы Турции. Сборным пунктом был назначен Херсон. Имеющие своих лошадей подлежали зачислению в конницу, а пехице — во флотилию. С чувством удовлетворения Потемкин объявлял, что 200 человек беглецов переправились из Очаковской области на левый берег Буга и, по его распоряжению, зачислены в комплектуемые команды². Одновременно решен был вопрос и об организационных принципах нового войска. Потемкин испрашивал у императрицы повеления о том, «чтобы как сим, так и впредь приходящим быть на основании Донского войска»³. Таким образом, проект Головатого через девять лет после разрушения Сечи оказывался вполне отвечающим интересам правительства и по мере приближения новой войны с Турцией получал все больший вес и значение.

Антон Головатый, Сидор Белый и другие сторонники восстановления казачьего войска на новых началах решили при поддержке Потемкина обратиться непосредственно к императрице с предложением своих услуг. Во время путешествия Екатерины II по Новороссии в 1787 г., т. е. в момент, когда война с Турцией уже была неизбежной, депутация бывших запорожских старшин представилась императрице в Кременчуге. В поднесенном адресе старшины от имени бывшего запорожского казачества ходатайствовали о разрешении учредить новое казачье войско. После этого вопрос об организации войска из бывших запорожцев был принципиально решен и поставлен на официальную почву.

Война с Турцией началась в том же 1787 г. Для ведения войны необходимыми были значительные воинские силы. Насколько остро стоял вопрос об увеличении действующих против Турции войск,

¹ А. А. Скальковский, Указ. соч., ч. III, стр. 200—204.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. I, СПб. 1896, док. 20.

³ Там же.

видно хотя бы из того, что правительство спешно приняло решение об образовании казачьего войска в Новороссии из раскольников, мещан и выходцев из Польши, проживавших в Екатеринославской губернии. Указом от 14 января 1788 г. на имя Потемкина Екатерина повелевала учредить из упомянутых элементов войско «по примеру донских казаков»¹. Потемкин в ордере от 22 марта 1790 г. генерал-майору Каховскому сообщал повеление императрицы об обращении всех мещан Екатеринославской губернии в казаков, с причислением их к Екатеринославскому казачьему войску².

Нужда в дешевых военных кадрах еще более увеличилась в связи с выступлением Швеции против России. Потемкин в записке от 8 июня 1788 г., поданной Екатерине II, предлагал составить «сильный корпус» из всех мещан и ямщиков. Признавая вместе с тем, что это мероприятие потребует времени, он настаивал на немедленном учреждении казачьего войска из мещан и ямщиков, живущих в местности, лежащей вдоль дороги от Петербурга до Москвы. В случае недостатка таковых причислить к ним мещан и ямщиков из ближних губерний. Это войско предполагалось «вооружить... совсем по-донскому, и старшин, кроме полковников, избрать из них самих»³. Естественно, что при создавшихся обстоятельствах наиболее целесообразной представлялась организация войска из таких элементов, боевые качества которых были общеизвестны.

Уже осенью 1787 г. широко развернулась вербовка бывших запорожцев. Вербовщикам, разъезжавшим с открытыми листами, повелевалось «стараться сколько сил приглашать таковых (казак. — В. Г.)»⁴. В копии указа от 22 января 1788 г., разосланного администрации бывших запорожских владений, сообщалось об организации Войска верных казаков и о назначении подполковника Сидора Белого атаманом этого войска. Белому было повелено «строить Кош» на Збуревской стороне. Пешие казаки, согласно указу, должны были записываться у С. Белого, а конные у З. Чепеги. Рядовым казакам назначалось жалованье по 12 руб. в год, куренным атаманам по 30 руб. Помимо этого, была обещана выдача провианта, а на зимние месяцы и фуража для лошадей⁵.

Восстанавливая запорожское войско на новых началах, правительство одновременно афишировало свое уважение к военным реликвиям и традициям Запорожской Сечи. Генерал-аншефу А. В. Суворову повелевалось передать новому Кошу запорожские знамена и регалии, конфискованные при разрушении Сечи. Реликвии были переданы войску в торжественной обстановке⁶.

В новом войске восстанавливалась старая номенклатура должностей, деление на курени, традиционная одежда и т. д. Войско ста-

¹ Полное собрание законов, (ПСЗ), т. XXII, док. 16605, 1830.

² Бумаги Потемкина (1790—1793), стр. 26.

³ Бумаги Потемкина (1774—1788), стр. 307.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 3.

⁵ Там же, док. 11.

⁶ Там же, док. 19.

ло официально именоваться Войском верных казаков. Восстановление некоторых традиционных форм Запорожской Сечи было рассчитано не только на казаков, оставшихся в России, но также на беглецов, обосновавшихся за ее пределами. Одновременно с этим идет массовое производство запорожской старшины в офицерские чины и освобождение от «тягостей», т. е. повинностей, связанных с положением ее в качестве городских и сельских «обывателей». Из списков, приложенных к рапорту С. Белого и А. Головатого от 7 июня 1787 г. на имя правителя Екатеринославского наместничества генерал-майора Синельникова, видно, что к производству представлено было в одном случае 91 человек, в другом — 74 человека и т. д.¹

Войско верных казаков принимало под начальством А. В. Суворова участие в военных действиях на побережье и в водах Черного моря. За проявленное в боях мужество и самоотверженность оно было в 1788 г. переименовано в Черноморское казачье войско.

3. ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ НОВОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Правительство спешило укомплектовать новое казачье войско. Вербовка казаков была поручена бывшим запорожским старшинам. Власть всячески поощряла вербовщиков, награждая их чинами в первую очередь. При этом на вербовщиков возлагались материальные затраты, связанные с их обязанностями. Так, старшина И. Курлянский в письме Сидору Белому от 26 января 1789 г., препровождая списки завербованных, докладывал, что он собрал их «своим собственным трудом и коштом»². Полковой хорунжий К. Куций в прошении в Кош от 19 июля 1789 г., ходатайствуя об отставке с чином, ставил себе в особую заслугу то, что он на вербовал 300 человек казаков³. Группа старшин в рапорте кошевому атаману от 7 апреля 1788 г., ходатайствуя о производстве в чины, прямо ссылается на ордер Потемкина, согласно которому чины могли получать только те лица, которые «являлись бы с проводниками по несколько и товарищей на службу Войска верных казаков приводили»⁴. Действительно, Потемкин в ордере С. Белому от 15 марта 1788 г. писал, что просьбы о производстве в чины он готов удовлетворить, «но с тем, однако, чтобы сим просители явились наперед... к секунд-майору Чепеге конные, приведя с собой и по несколько товарищей на службу»⁵.

Правительственные и казачьи власти, определяя правила службы в Черноморском войске, продолжили и развили практику найма казаков на службу, существовавшую в Запорожской Сечи. В одном

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 2; КГКИА, ф. 249, св. 1, д. 1.

² Там же, док. 14.

³ Там же, док. 172.

⁴ Там же, док. 125.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, СПб. 1896, док. 9.

случае старшины или казаки состояли на службе вместе со своими наемниками, в другом — личная служба нанимателей была лишь юридической фикцией, так как наемники полностью заменяли их при прохождении службы. И в первом, и во втором случае поставка наемников вознаграждалась чинами и другими поощрениями. Вот характерные документы. Полковой старшина армии капитан Клим Перепеленко в прошении на царское имя об увольнении в отставку, поданном в 1789 г., мотивировал свою просьбу, в частности, тем, что он оставил на своем месте и на собственном коште трех казаков¹. В приложенном к прошению черновике отзыва от начальства свидетельствуется, что «означенный Перепелицын с самого начала собрания верного войска находился безотлучно на службе» и «содержал в сем войске... трех козаков на собственном своем коште»². Старшина армии подпоручик Михаил (фамилия неразборчиво), в прошении в Кош от 2 ноября 1789 г. заявлял, что он после разрушения Сечи поселился в Таврической области, а в 1788 г. вступил в Черноморское войско «с пятью на моем коште козаками»³.

Разумеется, ставить наемников могли лишь состоятельные люди. Они, следовательно, и получали все преимущества, вытекавшие из установленных в войске порядков. Кошевой Чепега в рапорте Потемкину от 1788 г. подчеркивал, что он, в строгом соответствии с ответом последнего от 15 марта, будет представлять к наградам только тех из старшин, кто имеет большие «достатки и имения и более служителей на собственном его коште и лошадях в сию команду»⁴. Это право он распространял и на тех старшин, которые по состоянию здоровья не могли нести личную службу, но выставляли в конницу по несколько казаков за собственный счет⁵.

Такое правило отбывания службы распространялось и на казаков, однако с тем различием, что в первое время за старшиной признавалось преимущественное право на получение наград за поставку нескольких наемников. Полковник Порохня в рапорте Головатому от 31 октября 1789 г. просил отпустить в помещичью слободу казаков Ивановского куреня Свистуна и Кожушко, так как «на месте ж их остаются на смене два казака»⁶. В дальнейшем мы еще вернемся к этому положению.

Возможность причисления к Черноморскому войску без обязанностей личной службы была, разумеется, заманчива не только для имеющего слоя запорожского казачества. Этой возможностью не пренебрегали и элементы, которым по тем или другим соображениям, главным образом экономическим, выгодно было состоять под протекцией казачьего войска. Приказчик генерала В. С. Попова поручик Вольский, как видно из письма Головатого Чепеге от нояб-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 18, л. 60.

² Там же.

³ Там же, д. 49, л. 15.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 86.

⁵ Там же.

⁶ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 48, л. 28.

ря 1790 г., просил Попова отвести ему землю в Таврической области. Но так как просимый участок входил в границы территории, предназначавшейся Черноморскому войску, то Вольский «решился... быть на службе в сем войске или на месте своем поставить двух конных человек для отбывания наравне с прочими службы»¹. Вольский вошел в сделку с Головатым по сему предмету, и последний просил кошевого Чепегу написать от себя Попову, «пояснив во оном (Вольского. — В. Г.)... полковым старшиною»². Вольский предполагал развернуть на войсковой земле обширное хозяйство, строить и заселять хутора и т. д. Одновременно он добивался получения полномочий на вербовку запорожцев. Головатый откровенно писал Чепеге, что за все просимое Вольский «доставит вам с лучших черкесского коня», и добавлял, что в этом человеке он нашел «искру добродетели»³.

Людей, в сердце которых не только тлела искра, а горело целое пламя подобной «добродетели», было немало. Некто Станислав Гадлевский, видимо состоявший с Головатым в приятельских отношениях, писал к нему 4 августа 1793 г. в шутивно-грубоватом тоне, излагая целый проект. Основной смысл просьбы сводился к тому, что Гадлевский, крупный помещик, скотовод, коневод и рыбопромышленник, владения которого примыкали к территории Черноморского войска, хотел приписать своих рабочих, по его выражению, польских выходцев, в казаки. Конечно, речь шла лишь о формальной приписке: «Не можешь ли, батько, их записать, но тоже с тем, чтобы в Кош оных не требовали»⁴. Так же он просил поступить и с поселянами его имения, несомненно беглыми. За услуги Гадлевский предлагал Головатому быть с ним «в овцах половищиком»⁵. В следующем письме от 5 августа Гадлевский просил и его самого записать в казаки: «Однако ж все таки причисли меня в казаки»⁶.

Иногда в Черноморское войско вступали мелкопоместные и беспоместные украинские дворяне. При этом нередко такое вступление было чистой фикцией. Новоприписанный казак или старшина жил преспокойно дома, вне территории войска, получив документы о бессрочном отпуске. Были случаи, когда принимаемый в войско не утруждал себя даже такой формальностью, как личная явка к начальству, а получал казачьи документы дома. Федор Квитка, о котором упоминалось ранее, исполнял обязанности агента по вербовке дворян в черноморцы. Головатый в письме ему от апреля 1795 г. сообщал, что он посылает на дом отпускной паспорт впрямь до востребования некоему Андрею Артюхову, харьковскому жителю, о приеме которого в войско ходатайствовал Квитка⁷. В другом

¹ КГКИА, ф. 249, св. 9, д. 73, л. 72.

² Там же, л. 73.

³ Там же.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 908.

⁵ Там же.

⁶ Там же, док. 911.

⁷ КГКИА, ф. 308, св. 17, л. 22.

случае аттестат о прохождении службы в войске был послан приятелю Квитки Михаилу Юрьевичу Лисевичскому. Квитка, рекомендуя Лисевичского Головатому, писал: «И в самом деле, батьку, сей добрый человек готов из женою и з детьми пересехать в Фанагорию»¹.

Причины такого запоздалого «казакофильства» Лисевичского и, следовательно, подобных ему Квитка в письме Головатому от 28 октября 1792 г. разъяснил с полной откровенностью: «Но бедный несчастлив, треба ему, батьку, помогты, як бы у вас ему земелька да де було рыбку ловить, щоб парши трохи откидаты»². О некоем И. С. Заславском Квитка писал 19 июня 1789 г.: «Доброго человека и честного... не оставьте, батьку, зделайте сотником»³. Подобного происхождения «сотник», получив землю на войсковой территории, при благоприятных обстоятельствах заполнял свой формуляр фантастическими сведениями о пребывании в Запорожской Сечи, чтобы затем ходатайствовать перед высшим начальством о милостях. О Заславском Квитка в том же письме Головатому просил: «Да не можно ли означить, что он и прежде был в Кошу»⁴.

В черноморцы шли и дворяне, промышлявшие на Украине мелкой торговлей и намеревавшиеся под эгидой казачьего войска упрочить свое материальное благосостояние. Черноморский полковой хорунжий дворянин Демьян Письменный в своем прошении в Кош писал, что в г. Лубнах у него семья и следующее имущество: дом ценной в 200 р., лавка с красным товаром на сумму 200 руб. и «комора шинковная» ценной в 50 руб.⁵. Письменный просил начальство исходатайствовать для него, как черноморца, свободу от платежей и повинностей, связанных с его положением городского торговца.

В Черноморское войско тянулось мелкотравчатое украинское дворянство, стремившееся получить землю. Состоятельные дворяне, поступившие в черноморцы во время войны и получившие чины, вовсе не прельщались перспективой переселения на Кубань и обязанностями, налагаемыми войсковой регулой. Старшина Черноморского войска капитан Хмельницкий, ранее служивший в Бугском казачьем полку, ходатайствовал об исключении его из списков Черноморского войска. Свое нежелание переселиться на Кубань объяснял тем, что вступил в черноморцы «для одного только продолжения службы, а не для всегдашнего жительства»⁶. Хмельницкий добавлял, что он имеет в Херсонском уезде 3 тыс. дес. земли, и столько же его жена, «и на оной земле разные заведения, стоящие немалой цены»⁷. Хорунжий Черноморского войска Роман Гмыря

¹ КГКИА, ф. 126, св. 8, л. 433.

² Там же.

³ КГКИА, ф. 308, св. 17, л. 134.

⁴ Там же.

⁵ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 315.

⁶ КГКИА, ф. 250, св. 3, д. 6, лл. 137—140. Отношение Екатеринославского наместнического правления таврическому губернатору Жегулину от 1795 г.

⁷ Там же, л. 140.

также ходатайствовал в 1794 г. об исключении из войска. В представленных документах он доказывал, что в прошлом был малороссийским старшиной и происходит из дворян, в Запорожской Сечи никогда не был, а в черноморцы попал в 1788 г. под Очаковым; дома, в местечке Сенче, у него есть имущество и т. д. Он категорически заявлял: «К высылке на новопожалованную землю вовсе я не подлежу и желания на то не имею»¹.

В Черноморское войско тянулись бывшие реестровые казаки с Левобережья. Припиской к черноморцам они пытались избавиться от крепостнических цепей. Конечно, осуществить это зачастую было очень нелегко, в особенности, когда казак уже попал в описи крепостных. Казак Деревянковского куреня Карнаушенко в своем прошении в Кош от 1789 г. писал, что он уроженец местечка Камышной, Миргородского уезда, «древнего казачьего по Малороссии звания»². В декабре 1788 г. Карнаушенко прибыл в Херсон и вступил в черноморцы. Мотивы, руководившие им, объяснены очень ясно и подробно. Помещик Камышной Никита Супруненко «без всякой причины отца моего Потапа Карнаушенко со всем его семейством забрал к себе во двор, — писал проситель, — и все движимое имущество заgrabил, привлекает в подданство...». Карнаушенко просил дозволения его отцу со всем семейством и имуществом переселиться в казенное селение Станиславов, вошедшее потом в состав войсковой территории. Иными словами, Карнаушенко припиской к черноморскому казачеству хотел вернуть своей семье свободу.

Порядок службы в Черноморском войске, допускавший поставку наемников, соблазнял нередко состоятельных людей из торгового слоя. Грек Андрей Синопуро, переселившийся в Россию из Македонии в 1783 г. и вступивший в «боспорское греческое купечество» по 3-й гильдии, подал в 1796 г. прошение о причислении его в Черноморское войско и о производстве в чин. Синопуро объяснял: «Состоя в боспорском греческом купечестве, имея на принадлежащей сему войску земле торг, отряжал на службу за себя наемного казака в поход»³.

Для подобных элементов приписка к казачеству была сопряжена с большими выгодами: освобождением от податей и повинностей при ничтожных затратах на содержание наемников.

Попадали в Черноморское войско и однодворцы. Казак Николай Гамов на допросе в 1798 г. показал, что он по происхождению однодворец из с. Ольховец, Елецкого уезда, Орловской губернии. Воспользовавшись указом Екатерины II, приглашавшим желающих однодворцев для службы на кавказской линии, он пошел на Кавказ и после ряда перипетий в 1794 г. попал на Кубань, где и поступил в Шкуринский курень. При этом Гамов добавил, что «тогда

¹ КГКИА, ф. 250, св. 3, д. 6, л. 154.

² КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, лл. без нумерации.

³ КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 30.

же был от его поставлен казак на Константиновский кордон на службу на собственном его иждивении»¹.

Документы отмечают вступление в казаки разночинцев — выходцев из среды духовенства, отставных офицеров и солдат, мещан и др. Так, сыновья священника Василий и Петр Миргороды в начале русско-турецкой войны «отрядили на собственном своем коште брата своего Алексея»² в войско. Этим Миргороды приобрели казачье звание и были исключены из духовного сословия.

Во время русско-турецкой войны, по приказанию адмирала де-Рибаса, в черноморскую казачью флотилию был причислен отставной прапорщик Тамбовского пехотного полка Иван Алексеевич Шарафатов³. В то же время в войско вступил отставной ротмистр Молдавского гусарского полка Иван Волошин⁴ и т. д.

Поселение Черноморского войска между Бугом и Днестром, естественно, привлекло в казачьи ряды значительную часть местного молдаванского населения. В черноморцы поступало и молдаванское население, жившее на правом берегу Днестра. Об этом говорится в ордере де-Рибаса от 13 ноября 1790 г.⁵

Главную массу молдаван, вступивших в казаки, составляло местное трудовое крестьянство. В 1796 г., например, в Екатеринодар был прислан некто Степан Урсалов, арестованный в Воронежском наместничестве из-за отсутствия документов. На допросе он показал, что родился в молдаванской семье в г. Сергееве и, достигнув совершеннолетия, направился оттуда на заработки в Могилев. Позже пошел в Очаков, где нанялся к турку пастухом. Во время русско-турецкой войны он отогнал хозяйский скот в Измаил и стал жить, нанимаясь в работники. «Пожелав продолжать службу в войске черноморском, — объяснял Урсалов, — прошлого 795 г. в августе месяце пошел во оное без письменного вида и дошедши Воронежского наместничества Калитвенского уезда слободы Россоши взят за неимением письменного вида под караул»⁶. Черноморское начальство охотно приняло Урсалова в войско, предложив ему прислаться к любому куреню по желанию.

В отдельных случаях в казаки вступали болгары, сербы, арнауты (албанцы), выходцы из Польши и др. В 90-х годах, например, в Черноморское войско был принят прапорщик российской службы серб Кристо Юрич⁷. В связи с ордером генерала М. И. Кутузова от 19 июля 1789 г. Кош причислил к войску пятнадцать арнаутов из украинской армии⁸.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 18, д. 61, лл. без нумерации.

² КГКИА, ф. 249, св. 25, д. 243, лл. 56—57.

³ Там же, св. 18, д. 142, л. 48.

⁴ Там же, л. 264.

⁵ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 328.

⁶ КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 43, лл. без нумерации.

⁷ КГКИА, ф. 249, св. 18, д. 142, л. 86.

⁸ Там же, св. 6, д. 41, л. 134.

В массе крестьянской бедноты, вступавшей в Черноморское войско, мы встречаем и беглых из Великороссии. На допросе в 1795 г. казак Григорий Темный, 60 лет, показывал, что он родился в слободе Зушево, Новосильского уезда, Тульской губернии, в семье крепостного, принадлежавшего помещику В. Кречетову, жил дома до 30 лет, женился, а в 1789 г. бежал и приписался в Батуринский курень черноморской флотилии¹. Василий Теняненко на допросе в 1789 г. заявил, что родился он в слободе Шаховой, Козловского уезда, Тамбовской губернии, принадлежавшей графу Воронцову, и в 20 лет отправился с дядей в извоз. Приехав к Азовскому морю за рыбой, он бежал на Кубань и нанялся к казаку Тимофею Чмелю и т. д.². Подобного рода примеров можно привести множество.

Таким образом, Черноморское казачье войско складывалось из разных элементов, однако основная масса его была представлена бывшим запорожским казачеством.

4. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАЗАЧЕСТВА

Свои представления о социальной природе черноморского казачества Ф. А. Щербина основывал на реакционной народнической «теории прогресса». Он писал: «Центр тяжести этого исторического движения (которое привело к образованию казачества. — В. Г.) крылся в творчестве народа, как выражалось оно в его руководящих идеях»³. Эта идея привела к образованию запорожского казачества, социальный строй которого точно соответствовал народным идеалам. Характеризуя Запорожье, Щербина пишет: «У запорожцев не было никаких классовых делений по роду деятельности, не существовало ни цехов, ни подразделений в правах на занятия, кто чем хотел, тем и занимался»⁴.

Применяя эти реакционные воззрения при изучении Черноморского войска, Щербина неизбежно пришел к следующему выводу: «В Черномории, с самого начала ее существования, не было ни господствовавшего товариства, ни зависимого подданства, а было лишь однообразное... семейное казачество, в состав которого входили и бессемейные казаки, «серома», как часть отличного по своему личному составу от запорожской общины целого»⁵. Элементы классового деления среди черноморцев возникли, по его мнению, значительно позднее. Причиной их появления он считает возвысившуюся роль старшины, которая стала захватывать земли, применять чужой труд и разлагать казачью поземельную общину, обеспечивавшую якобы имущественное и гражданское равенство казачества.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 32.

² Там же, св. 17, д. 60.

³ Ф. А. Щербина, История Кубанского казачьего войска, т. I, Екатеринодар, 1910, стр. 426.

⁴ Там же, стр. 453.

⁵ Ф. А. Щербина, Земельная община кубанских казаков, Кубанский сборник, т. II, Екатеринодар, 1891, стр. 19.

Историческая действительность, однако, не имеет ничего общего с картиной, нарисованной Щербиной. Под знамена Черноморского войска устремились в первую очередь те социальные элементы, которые тяготились порядками, сложившимися на Запорожье после разрушения Сечи.

Имущее казачество живо откликнулось на призыв Сидора Белого, Антона Головатого и Захария Чепеги. Та часть бывшей запорожской старшины, которая не была удостоена монарших милостей, с разрушением Сечи потеряла и экономические, и служебные перспективы. Не получив чинов и дворянства, она должна была удовлетвориться, в ущерб своему честолюбию и властолюбию, весьма скромным положением «обывателей» казенных слобод. Ее экономическое положение, как указывалось ранее, было не более радостным. Сгоняемая со своих зимовников в слободы, ограничиваемая, следовательно, в претензиях на землю, она утрачивала важнейший нерв своего экономического благосостояния — запорожскую серому.

Конечно, эксплуатация наемного труда продолжалась и в новых условиях, однако тот режим преследования беглых, который был естественным следствием разрушения Сечи, предельно сократил отход работников на территорию бывшего Запорожья. Потери были и те кадры наемников, которые или стали крепостными, или бежали за Дунай. Восстановление Запорожского войска в реформированном виде, приемлемом для правительственных целей, открыло бы старшине блестящие перспективы служебной выслуги и земельных захватов. Последнее позволило бы в неограниченных размерах, по примеру Запорожья, эксплуатировать наемный труд. Богатое и зажиточное казачество, в особенности ту его часть, которая превратилась или превращалась в крепостных крестьян, манила перспектива восстановления положения свободных собственников. Это опять-таки, по обстоятельствам времени, было возможно лишь в рамках казачьей организации. Таким образом, для этого слоя казачества вопрос о восстановлении войска был жизненно важным делом. Тяга в черноморцы усиливалась и тем, что принцип поставки наемников на службу освобождал богачей и от риска жизнью, связанного с военным делом.

В черноморцы устремились также бывшие запорожцы, которые вели трудовое хозяйство в казачьих слободах, а после разрушения Сечи стали крепостными появившихся помещиков или вернулись на Украину к старым господам. Идеалом этого казачества было избавление от крепостнических пут с целью восстановления свободной от барской опеки мелкой или мельчайшей собственности. Этот идеал, впрочем, значительно омрачался той тяжелой повинностью личного отправления казачьей службы, которая во многих случаях приводила к полному хозяйственному разорению.

В иное положение ставила себя в рядах нового войска казачья беднота, в особенности неимущая ее часть — серома. Но речь об этом будет далее.

Учреждение Черноморского войска больно задевало интересы

той группы помещиков, которая стала владельцем недавнего «лыцарства». Внося казачью душу в ревизские сказки, эти паны рассматривали правительственные распоряжения о праве беспрепятственного вступления в Черноморское войско бывших запорожцев как сильное хозяйственное потрясение. Удар, нанесенный этим помещикам, был тем более чувствителен, что ресурсы населения в крепостнической империи, необходимые для колонизации степной Украины, были очень малы.

Не желая терять даровую рабочую силу, помещики игнорировали распоряжения высших властей, отказываясь отпускать бывших запорожцев в войско. В тон им действовала местная администрация, представленная теми же помещиками. Тщетно черноморские войсковые власти зывали к авторитету правительственных органов и самого «великолепного князя Тавриды», своего шефа. Произвол помещиков и администрации не прекращался в течение всего организационного периода войска. Чтобы принудить своих подданных отказаться от вступления в черноморцы, помещики прибегали к самым жестоким формам морального и физического насилия, к издевательствам, побоям, пыткам, грабежу. Когда же казак, уже приписанный к войску, являлся домой на побывку, или затем, чтобы взять свою семью и имущество на новое место, ярость владельца удваивалась. Легко можно представить себе силу «справедливого» негодования тех помещиков, подданные которых, поставив за себя казаков и получив казачий билет, возвращались домой и тотчас же заявляли претензию на полную хозяйственную самостоятельность и на исключение из вотчинной юрисдикции. Многочисленные тяжбы, возникшие в связи с этим, заполняют добрую часть архива первых лет существования Черноморского войска. Они же дают интересный экономический материал, позволяющий судить о социальном положении отдельных групп казачества.

Вот самые обычные жалобы казаков на произвол и месть помещиков. Казаки Полежченко и Мищенко 11 апреля 1793 г. подали в Кош жалобу на помещика с. Бузовки, Алексопольского уезда, Шахматова. Когда казаки явились с паспортами от Коша домой, чтобы забрать свои семьи и имущество и переправить в Слободзено, помещик подверг их насилию: на две недели посадил «в железы», отнял у Полежченко паспорт, а у Мищенко имущество на сумму 265 руб. и в течение двух последующих лет угнетал их семьи непосильными работами. Однажды эти казаки были отправлены, по распоряжению помещика, в подставу на почту в г. Дубоссары. Там они попали под начальство заседателя поручика Середы и стали объектом новых истязаний. Глумясь над черноморцами, Середа отрезал у Полежченко казацкую чуприну, а затем привязал его в холодную погоду в одной рубахе к колесу и безжалостно избивал плетью¹.

Группа казаков Поповичевского куреня в своем прошении изло-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 29, д. 239, л. 7.

жила следующий случай. Вернувшись из похода домой, в слободу помещика Константиноградского уезда П. Г. Янковского, они добились через Екатеринославское наместническое правление исключения своих семей из ревизской сказки. Затем, считая себя вольными, арендовали у соседнего помещика Левченко землю. Янковский решил насильно вернуть их к себе и с группой наемников совершил наезд. Но за арендаторов вступился Левченко, и Янковский вынужден был вернуться ни с чем. Улучив момент, когда казаки поехали на ярмарку, Янковский настиг их уже в сопровождении местного заседателя и под конвоем привел к себе в слободу. Здесь он приступил к настоящим пыткам. Пойманных привязали к столбам и, глумясь над ними, вырывали усы и чуприны¹.

На попытки представителей Коша, вербовщиков, обеспечить бывшим запорожцам право вступать в черноморцы, помещики и администрация отвечали бойкотом. Старшина Яновский жаловался Головатому в рапорте от 26 апреля 1789 г. на то, что он был задержан с группой на вербованных черноморцев заседателем Новомосковского нижнего земского суда прапорщиком Линевым. Заседатель стобрал у Яновского саблю, посадил в повозку и приказал под караулом отправить в Кодак, а к казакам обратился с такими словами: «Видите, что над Яновским сделано, то будет самое и вам, если войдете в черноморцы»².

С огромным трудом бывшие запорожцы осуществляли свое право подлежать исключительно юрисдикции казачьих властей. Единственным выходом из создавшегося положения было переселение на казачью территорию (между Бугом и Днестром). Вот почему еще в ходе войны часть казаков переходит на освобожденную землю — в Очаковскую область, за Буг.

Общий имущественный ценз богатых и зажиточных запорожцев частично показан нами раньше. Если, весьма условно, конечно, ценность хозяйства зажиточного запорожца определить суммой около тысячи рублей, а богатого свыше тысячи, то типичными будут такие примеры. Казак Чапля в своем прошении на имя Коша от 30 марта 1792 г. писал: «До сего я находился в воинской службе в прежнем войске запорожском до разрушения Сечи казаком, а после оставался на жительстве Новомиргородского уезда в государственной слободе Малой Выски, коя ныне отойшла во владение надворному советнику Кудашеву»³. Здесь Чапля в 1790 г. вступил в черноморцы. Когда он вернулся домой, все его имущество, которое он оценивал в 1625 руб., уже было присвоено помещиком. У казака О. Савинского помещик Неймиев отнял в слободе Сулицко-Лиманской, возле р. Чертомлык, имущество на сумму 1362 руб.⁴. У Павла Будия помещик князь Барятинский отнял хозяйство, оце-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 21, д. 181, л. 12.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 134.

³ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 173, л. 29.

⁴ Там же, св. 3, д. 18, л. 284.

ненное пострадавшим в 1526 руб.¹. В 1793 г. бывший запорожец Данило Чупруненко двинулся со своим имуществом из слободы Средние Пологи, Переяславского уезда, Киевского наместничества, в Черноморию, на Кубань. По дороге он остановился зимовать в одной из помещичьих слобод Новодонецкого уезда, Екатеринославского наместничества, и был ограблен там приказчиком местного помещика, принуждавшим его записаться в крепостные. В описи, представленной ограбленным, значится три пары волов с возами в 119 руб., одежды (запорожская свита из синего тонкого сукна «з золотым бузументом», кафтан из красного тонкого сукна, женские байковые красные юбки, женская заячья шуба, покрытая красным камлотом, шелковые платки и т. д.) на 110 руб., зерна на 10 руб., наличных денег 200 руб. ассигнациями и 400 руб. серебром и червонцами, а всего на сумму 839 руб.². У трех бывших запорожцев — «товарищей» Трофима Тарана, Ивана (фамилия неразборчиво) и Ивана Ильенко, проживавших в слободе князя Вяземского в Екатеринославском наместничестве, помещик отобрал: дом с пристройками ценой 30 руб., 10 рабочих волов — 150 руб., 40 коров с телятами — 400 руб., 10 быков-четвертаков — 80 руб., подростков (назيمков) несколько штук — 100 руб., кобылу с жеребенком — 15 руб., 30 ульев с пчелами — 60 руб., 10 свиней — 80 руб., плуг со всей упряжью — восемь руб., всего на сумму 923 руб. Кроме того, осталась неоцененной одна пара волов, «взятых управителем в общество»³. У бывшего запорожца Павла Малого помещик отнял две хаты ценою 30 руб., две будки — 50 руб., поветь для загона скота — 40 руб., пять кобыл — 50 руб., 26 волов — 390 руб., 34 коровы — 340 руб., 60 быков и телок — 600 руб., 300 овец — 450 руб., 15 свиней, цена которым не указана, и другое, всего на сумму 1970 руб.⁴.

Разумеется, такое представление о социальном составе черноморского казачества ничего общего не имеет с сентиментальной характеристикой казачества, которую дал А. Скальковский. По его словам, в этот период казаки не имели «другого крова... кроме достославной сени знамен российских»⁵.

Если размер имущества среднего казака мы условно определим суммой от 50 до нескольких сот рублей, то типичными можно считать следующие примеры. У бывшего запорожца Антона Белуги приказчик князя Вяземского И. Вологин в слободе Рыбальчей отнял две пары волов ценою 46 руб., две коровы с теленком — 17 руб., 18 коз — 18 руб., 59 копен сена — 11 руб., плуг — 5 руб., курительного табаку на 25 руб., всего на сумму 122 руб.⁶. У бывшего запорожца И. Панасенко помещик генерал-майор Синельников

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 263.

² КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 30.

³ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 161.

⁴ Там же, л. 162.

⁵ А. А. Скальковский, История Новой Сечи, ч. III, 1855.

⁶ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18.

отнял в слободе, «состоящей при порогах», пару волов с возом ценою 50 руб., корову с двумя телятами — 24 руб., телку — шесть руб., домашний скarb — 12 руб. и посев в две четверти ржи — 14 руб., а всего на сумму 106 руб.¹ У бывшего запорожца Ивана Примака, жившего в слободе Криничеватой, Елизаветградского уезда, помещик Харитонов отнял пару волов ценою 35 руб., четыре коровы с телятами — 40 руб. и быка — 10 руб., всего на сумму 85 руб. Кроме того, был отнят посев ржи на два дня, пшеницы на два дня, ячменя на один день, овса на один день и проса на два дня².

Помещик слободы Климовской, Екатеринославского уезда, войсковой товарищ Климовский отнял у бывшего запорожца Антона Запеки две коровы с телятами ценою 24 руб., три телки по четвертому году — 30 руб., яловую корову — 13 руб., пару волов — 27 руб., пару бычков — 15 руб. и 30 овец — 45 руб., в общем на сумму 154 руб. Кроме того, был отнят посев озимой ржи на два дня, яровой ржи на один день, пшеницы на два дня, ячменя на один день и проса на один день³. У казака С. Терещенко помещик слободы Мигий, Новомосковского уезда, генерал-аншеф Текелий отнял имущество на сумму 140 руб.⁴ и т. д. и т. п.

В списке 31 семьи бывших запорожцев, живших в Алексопольском уезде и затем вступивших в Черноморское войско, перечислено имущество, не отнятое помещиками, а находящееся во владении казаков. Так, И. Черный готовился двинуться за Буг на одной пароволовой повозке и одной конной, имея 10 голов крупного рогатого скота и 70 овец. Казак Федор Стрoц записал четыре пароволовых повозки, одну пароконную, 41 голову крупного рогатого скота и 60 овец. Федор Браславец имел пять пароволовых повозок, одну четвероволовую, одну пароконную, семь голов крупного рогатого скота, 123 овцы и т. д.⁵

Бывшие запорожцы Иван Вшивый и Гордей Виноград, жившие не в помещицкой слободе, а в г. Новом Кодаке, после разрушения Сечи вступили в черноморцы. Вшивый имел две пары волов стоимостью 60 руб., пять коров с телятами — 60 руб., кобылу — восемь руб. и посев на 95 руб. (ржи на три дня, что составляет 20 копен, а в зерне 20 четвертей, считая стоимость четверти четыре рубля, рожь оценена в 80 руб.; и проса на один день, что составляет пять копен, или пять четвертей в зерне, считая четверть по три рубля, просо оценено в 15 руб.), а всего на сумму 233 руб.⁶ Виноград имел пять пар волов стоимостью 125 руб., семь коров с телятами — 70 руб., два быка по третьему году — 13 руб., 10 телок — 80 руб. и посев в 453 руб., всего на сумму 536 руб.⁷

Бывший запорожец Кондрат Таран из слободы Грушевки, при-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 184.

² Там же, л. 190.

³ Там же, л. 189.

⁴ Там же, л. 318.

⁵ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 12, лл. 69—73.

⁶ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 203.

⁷ Там же.

надлежащей князю Вяземскому, просил вернуть ему имущество, полностью отобранное помещиком. Этот пример также дает наглядное представление о размере запорожского зимовника среднего типа. Таран, по его словам, имел «зимовник с строением [в] пятьдесят рублей», а также три пары волов с возом ценою 135 руб., шесть волов с телятами — 60 руб., три быка — 20 руб., две телки — 10 руб., рыболовный невод с принадлежностями — 40 руб. и восемь пней пчел — 20 руб., всего на сумму 335 руб.¹ К сожалению, в хозяйстве Тарана не помечен посев, который, можно не сомневаться, был не меньше, чем у других средних по имущественному положению казаков.

В черноморцы стремилась бывшая запорожская беднота, владевшая крохотным хозяйством. Так, в списке бывших запорожцев, живших в Алексопольском уезде, числится казак Петр Кошляченко. Он имел девять человек семьи, а все его имущество состояло из одной пароволовой повозки с домашним, надо полагать, скарбом². Многие из семейных казаков вовсе не имели хозяйства. В этом списке сделан ряд весьма выразительных записей. Против семьи казака Никиты Телички, состоящей из четырех человек, помечено: «Остались на прежнем жилище (в местечке Маячки.— В. Г.) по крайнему своему убожеству»³. Против имени Ивана Говтвы значится: «За умертвием прописанного Ивана и по крайнему убожеству жены его Ефросиньи... остались на прежнем жилище (в местечке Гупаловке.— В. Г.)»⁴. У бывшего запорожца Якова Заставы из слободы Коротюки, Елизаветградского уезда, помещик Перелелека отнял три коровы с телятами ценою 36 руб., четыре головы молодого рогатого скота — 16 руб., а также посев в 5¹/₂ четвертей зерна⁵. Бывший запорожец С. Найда, живший в слободе Камышеватке, Екатеринославского уезда, у помещика Пишмича, был ограблен своим помещиком на сумму 56 руб. 90 коп. Пишмич забрал у Найды хату, повозку и домашний скарб⁶. Достоверность данных о захваченном имуществе, вносившемся в жалобы, не подлежит сомнению. Казачье начальство строго предупреждало о необходимости давать правильные сведения. В распоряжении Коша от 13 августа 1788 г. объявлялось: «Если у кого явится излишество претензий, таковой лишается и собственного иску»⁷.

Четвертой группой, и притом довольно многочисленной, вступившей в войско, была запорожская серома. Она тянулась со всех сторон: из пределов бывшего Запорожья, с рыболовных промыслов Азовского побережья, с Волги, с Правобережной и Левобережной Украины, с Дуная. Здесь мы встречаем как несемейных, так и се-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 204.

² КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 12, л. 69.

³ Там же, л. 13.

⁴ Там же, л. 22.

⁵ КГКИА, ф. 249, св. 3, д. 18, л. 204.

⁶ Там же, л. 282.

⁷ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 82.

мейных казаков. Правовое положение их было различно. Тут мы находим запорожцев, попавших в число крепостных и спешивших избавиться от власти помещиков, бездомный люд, продолжавший работу по найму в казенных и даже помещичьих слободах, бурлаков, работавших, по преимуществу, на рыболовных промыслах, и старавшихся избежать записи в ревизские сказки. За казаками тянулись, разумеется, и их семьи.

Возможность осуществить право вступления в черноморцы для запорожской серомы была далеко не легкой. Неимущий люд, связанный необходимостью поденно и на срок продавать свою рабочую силу, не мог по своему желанию прекратить работу и отправиться в войско. Выше уже приведен отзыв вербовщика капитана Велегуры от 16 мая 1783 г. о запорожской сероме, работавшей по договору на рыболовных промыслах Приазовья и обещавшей явиться в войско лишь после истечения срока найма.

Военная необходимость побуждала правительство всячески ускорить формирование войска. В отношении серомы Кош становится даже на путь принуждения. Тот же Велегура предлагал снести с Мариупольским нижним земским судом и заставить его прекратить выдачу бывшим запорожцам билетов для отхода на заработки, чтобы тем самым принудить их немедленно вступить в войско¹.

Среди бурлаков, бывших запорожцев и их детей, было, разумеется, большое количество беглых из разных местностей России. Правительственные власти под влиянием той же военной необходимости стремились и эту массу привлечь в войско. Черноморец Ефим Степаненко на допросе в 1796 г. показывал, что он — крепостной помещика Славянского уезда, Екатеринославского наместничества, Таранова. Уйдя на заработки, Степаненко служил в г. Черкасске у разных людей, а потом работал на азовских рыболовных промыслах. Оттуда он в 1792 г. ушел в черноморцы и был зачислен в Деревянковский курень. Войсковое правительство в связи с этим делом сослалось на распоряжение Потемкина от 27 мая 1790 г. Последний поручил полковнику Тизенгаузену вербовать в войско бурлаков таманских и еникальских рыбных промыслов: «Как там много на ловлях работников из Малой России и Польши, то и предпишите стараться приглашать их в войско»².

Забываясь об увеличении войска, власти неизбежно впадали в противоречие. Они то поощряли прием беглых, то настаивали на записи в черноморцы только бывших запорожцев, разных свободных людей и беглых из Польши. Потемкин приказом от 4 сентября 1789 г. распорядился строго наблюдать за тем, чтобы вступающие в войско не были «беглые и принадлежащие армии»³.

Беднота, тянувшаяся в войско, стремилась легализовать свое положение. В огромном количестве случаев речь шла не об отпав-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 31.

² КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 30.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. I, док. 48.

лении военной службы за собственный счет, а о юридическом причислении к войску, что давало неимущему люду возможность продавать свою рабочую силу богатым и зажиточным черноморцам. Громадная часть таких новопринятых казаков работала по найму в хозяйстве богачей. Как и на Запорожье в свое время, такой казак легко менял самопал и саблю на плуг и пастуший кнут. В первом и во втором случае он выступал в роли продавца рабочей силы, ибо только таким способом мог поддерживать свое существование. Другими словами, вступал ли серомаха в строевую часть, получая жалованье и провиант от войска, поступал ли он в ту же часть в качестве наемника частного лица или работал по найму у него в хозяйстве — во всех случаях перед нами выступает одна и та же социальная категория: неимущий, который продает свою рабочую силу.

Как видим, черноморское казачество с самого начала своего существования состояло из разных, противоположных по своим интересам, социальных групп. Благополучие его верхов основывалось на эксплуатации и угнетении низов.

5. ПОРЯДОК ОТБЫВАНИЯ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ в 80-х годах XVIII — 30-х годах XIX в.

Социальные отношения в Черноморском войске могут изучаться также при рассмотрении порядка отбывания военной службы на протяжении ряда десятилетий. Переходя к этому вопросу следует прежде всего отметить основные особенности отбывания военной службы в Черноморском войске по сравнению с Запорожьем.

На Запорожье неженатое казачество, т. е. серома, в основной своей массе в мирное время несло службу в составе сечевого гарнизона или выделяемых им команд. Для серомахи это часто служило средством для существования, так как он получал вознаграждение в виде жалованья, а иногда и снаряжение из куренных запасов.

На Кубани не существовало гарнизона, подобного сечевому запорожскому. Таким образом, здесь несостоятельный или малосостоятельный казак, так же как и богач, должен был служить за свой счет. Поэтому в период между отбытой и наступающей «очередью» черноморский серомаха вынужден был добывать не только прожиточный минимум, но и тот резерв средств, который мог бы обеспечить исправное несение очередной службы. Эта перемена была серьезной причиной еще большей (по сравнению с Запорожьем) экономической зависимости и бесправия черноморской бедноты.

Черноморец, обладавший известным состоянием, продолжал, как и на Запорожье, нести службу за счет своего хозяйства, однако с тем различием, что, разоряясь, он уже не мог перейти в разряд свободных от военной службы посполитых. На Кубани посполитых не было. Для всего казачества в целом после переселения на Кубань увеличились военные тяготы. Это объяснялось тем, что Черноморское казачье войско, заняв Черноморскую кордонную линию,

должно было держать под ружьем в полной боевой готовности высокий контингент казаков, меняя его поочередно, а также принимать участие в бесчисленных экспедициях.

Хотя, как видим, сечевые запорожские порядки были отменены, однако внешне главная резиденция черноморского Коша — Екатеринодар — была подобием Сечи. Она представляла собой крепость с соответствующими сооружениями, артиллерией и прочее. Крепость, так же как и Сечь, имела площадь, посреди которой возвышался Троицкий собор, исполненный в традиционном украинском архитектурном стиле. У площади были расположены дома и землянки войсковой администрации, арсенал, склады и т. п. Вокруг площади, как в свое время в Сечи, стояло сорок низеньких длинных куреней — казарм. В современном документе, в так называемом «Порядке общей пользы», выработанном в январе 1794 г. старшиной, читаем: «По войсковой дисциплине, ради собрания войска, устройства довлеемого порядка и прибежища бездомовных казаков (курсив наш. — В. Г.)... выстроить сорок куреней»¹. (Эти курени имели названия, одноименные с куренными селениями).

Таким образом, курени имели двоякое назначение. Они служили казармами для являвшихся на очередную службу казаков, для отдельных команд различного, по преимуществу караульного, назначения, и в то же время были квартирами, ночлежными домами для бесприютной, бессемейной серомы. Бездомный казак, проживавший в екатеринодарском курене вне очередного исполнения службы, не имел прямого отношения к расположенной в том же курене команде, находившейся на формировании или исполнявшей караульную службу.

Черноморский курень сближали с сечевым запорожским только некоторые внешние, административные детали. Во главе черноморского куреня также стоял выборный куренной атаман. Он избирался только присутствовавшими в курене казаками². Следовательно, на его избрание не могла оказать влияние беднота, бродившая по территории Черноморья в поисках заработка, работавшая по найму в хуторах, на рыболовных промыслах и т. д. Куренной атаман, в отличие от сельского куренного атамана, т. е. старосты сельского казачьего общества, должен был иметь «безотлучное пребывание» в екатеринодарском курене. Обязанности куренного атамана так определялись «Порядком общей пользы» (п. 5). Атаман должен был, во-первых, «по нарядам начальства на службу казаков чинить немедленное выставление» и, во-вторых, «случающиеся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, с доставлением обидимой стороне справедливого удовольствия, а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству». Таким образом, в первом случае куренной атаман исполнял мобилизационные и дру-

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение, стр. 33.

² См. пп. 4—5 «Порядка общей пользы».

гие военно-административные распоряжения высшей войсковой администрации, являясь посредником между войсковым правительством и куренным сельским обществом. Во втором случае он отпирал обязанности судьи, с ограниченной компетенцией, и исполнителя судебных решений по отношению ко всем казакам, жившим в данный момент в екатеринодарском курене. Это превращало екатеринодарский курень в определенный судебный и вместе с тем полицейский участок. Следовательно, бездомный казак, проживавший в курене, подлежал юрисдикции куренного атамана лишь в отношении суда и расправы, т. е. в обычных, так сказать, общегражданских отношениях.

Стремясь повысить авторитет куренного атамана, «Порядок общей пользы» (п. 6) постановлял: «Все обретающиеся у войска старшины без должности, какого бы ранга ни были, и казаки, состоя под управлением своего куреня, да повинуются атаману и товариществу». Впрочем, это положение имело весьма ограниченное практическое значение для членов куреня, не состоявших на очередной службе, так как в одних случаях они подлежали юрисдикции сельского куренного общества и его исполнительных и судебных органов, а в других — юрисдикции войскового правительства.

Екатеринодарский курень как средоточие безработных серомах представлял собой своеобразный рынок рабочей силы. Одновременно он давал приют безработным и старым, а также увечным серомах, обеспечивая им лишь неуютный кров в ненастье, но отнюдь не пропитание. По заявлениям казаков, участвовавших в волнениях 1797 г., сырые и полутемные курени заросли летом бурьяном и покрывались мхом.

В большинстве случаев бездомный казак находился в курене только при очередном наряде и до приискания работы. Бывший запорожский портной-подмастерье Г. Кравец на допросе в 1798 г. показывал, что после прихода в 1793 г. на Кубань он «сбрасался по войсковой земле в заработках прошлого 797 года до Троицына дни, тогда же определен опять в курень, в коем на службе находясь прошлого марта 27 числа наряжен в караул» и т. д. Отбыв очередь, Кравец снова отправился на заработки¹. Черноморец К. Завальный, бывший крепостной князя Любомирского, выходец из Польши, показывал в 1798 г. на допросе, что после переселения войска на Кубань он жил в Полтавском куренном селении и ходил на заработки на Ачуевскую косу; в начале сентября 1798 г. прибыл в Екатеринодар и жил там в Полтавском курене, а 20 сентября с своим товарищем И. Ганиченко перешел к казаку Гаркуше «для квартирования»². То же слово в слово повторил и Ганиченко.

Казак Переславского куреня И. Чабанец, допрашивавшийся в 1795 г., так изложил историю своего посвящения в черноморские «рыцари». Крепостной польского магната Браницкого, он еще в детстве бежал с чумаками со двора помещика. Скитаясь по разным

¹ КГКИА, ф. 250. св. 18, д. 61.

² Там же, св. 17, д. 60.

местам, Чабанец нанимался «в услужение». Попад в 1794 г. в Екатеринодар «и приписавшись в Переяславский курень, [он] нанялся для продолжения службы за козака того же куреня Андрея Мовчана на кордон Курки»¹.

Поставка наемников на военную службу в Черноморском войске — явление, резко бросающееся в глаза. И в этом нет ничего необычного. Биографические данные позволяют видеть одних и тех же лиц и на Запорожье, и на Кубани в роли нанимателей или наемников. Запорожец Павел Нестеренко, посылавший вместо себя на войну в 1768—1774 гг. казака, так же поступил и после того, как записался в черноморцы. Переселившись на Кубань, он «нанял на свое место казака, который и поныне беспеременно состоит»².

Бывшие запорожцы, вступая в Черноморское войско, как правило, стремились записаться в прежний курень. В черноморских куренях собиралось старое запорожское «товариство». Тут запорожец-наниматель встречался со своим «товарищем» — батраком и, стало быть, восстанавливалась та «идиллия» казачьего «братства и равенства», о которой так настойчиво твердит Ф. Щербина и другие буржуазные авторы. Запорожец Мышастовского куреня Павел Легкий (см. выше), находившийся в «годовом услужении» у куренного атамана Ивана Смешного, вступил при образовании Черноморского войска в тот же Мышастовский курень. Не получая жалованья, он поступил «в годовое услужение» на хутор к бывшему запорожцу, а затем черноморцу Марку Чумаченко³. У Легкого, таким образом, менялись только лица и фамилии хозяев, социальное же положение его оставалось неизменным.

Черноморская воинская часть по своему социальному составу представляла не менее сложное явление, чем запорожский курень или команда. Относительное обилие документальных данных позволяет отразить это явление в строгих цифрах. Обратимся к ведомости от 15 июля 1790 г., составленной в период, когда войско находилось между Бугом и Днестром. Она содержит опись жителей одиннадцати черноморских казачьих селений (Герновки, Белявки, Калаглей, Коротной, Кучургана, Яски, Сугаклей, Карагач, Слободзей, Чеборчи, Глинной). В описи строго различаются казаки, отправляющие службу лично и нанимающие вместо себя других. В последнем случае указывается имя и фамилия наемника и название воинской части, т. е. куреня. Приведем типичные образцы. У семейного казака Трофима Чернобая «наймит на службе в коннице в курене Каневском Прохор Сениленко»⁴. У казака Николы Лаштобеды «нанятой на службе козак Василий Кузьменко в курене Сергиевском»⁵. Один из работников казака Якова Дундука — Се-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 32.

² Там же.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 721.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 55, л. 114.

⁵ Там же, л. 120.

мен Шестопап — состоял на службе в Васюринском курене. У казака Левка Кумпанейца, кроме работника Андрея Живолупа, «был еще на службе нанятой козак Панас Минченко в конной команде в курене Корсунском»¹. У казака Михаила Гаркуши, имевшего двух работников, «на службе нанятой козак Василь Черный [в] конной команде в курене Полтавском»² и т. д. В ряде случаев, количество которых, впрочем, весьма невелико, в семье значится «товарищ» хозяина. Иногда эти «товарищи» состоят от данной семьи на службе. Так, в упомянутой ведомости против имени семейного казака Василия Тарана значится: «Товарищ его на службе в пехоте в курене Куцевском»³. У другого семейного казака Давида Самбродченко «на службе товарищ его прописанный Сиволап [в] пешей команде в курене Васюринском». Есть основание думать, что «товарищ» — это зачастую не что иное, как замаскированный наймит. Однако в данном случае мы относим «товарищей» к графе хозяев, отправляющих службу лично. Всех же, отправляющих службу по найму, за других, безотносительно к терминологии («служитель», «наймит», «нанятой козак»), вносим в графу наемников. Результат анализа ведомости выражается следующей таблицей⁴:

Т а б л и ц а 3

Общее количество семей в 11 селениях	Количество семей, выставивших казаков на службу	Количество наемников	Количество наемников к числу семей, выставивших казаков на службу, в %
837	244	51	около 20

В деловых бумагах более раннего происхождения номенклатура экономически зависимых элементов сложнее. Вот любопытный документ от 1789 г. под названием: «Журнал для вписывания Войска верных казаков черноморских конной команды, коих старшина или коих козак сам хозяин или на чьих лошадях и с которого числа на службе состоит»⁵. В этом журнале, очень попорченном временем, значатся, в частности, служащими на лошадях других: козак Яким Федоренко — за Василя Супереку, Иван Великий — за Дмитра Основу, Ерко Дехтеренко — за Давида Перехриста и т. д.⁶. Некоторые казаки записаны служащими на повозке других. Например: Илько Рябый — на повозке Ивана Радича, Назар Снигирь — на повозке Ивана Тягуна и т. д.⁷. В аналогичном документе встреча-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 55, л. 133.

² Там же, л. 134.

³ Там же, л. 112.

⁴ Там же, д. 55.

⁵ Там же, д. 58, л. 1.

⁶ Там же, лл. 1—2.

⁷ Там же, л. 2. «Служить на повозке» — быть погонщиком.

ются записи и в другой редакции: некоторые казаки служат на лошадях других старшин и казаков, а некоторые на своих лошадях, но за других. Кроме того, за некоторых служат просто «работники». Иногда на лошадях одного хозяина-казака служило несколько казаков, или «работников». Так, за войскового есаула Сутыку служило на его лошадях три казака¹. Полковой есаул Трофим Рахмановский выставил на своих лошадях пять работников, а полковой есаул И. Копейка — двух².

Анализируя указанные факты, совершенно бесспорно можно установить частые случаи службы казаков и просто работников на хозяйских лошадях. Так как невозможно предположить наличие аренды лошади для отбывания военной службы безлошадным казаком, ибо безлошадный, как правило, служил в пехоте, в гребной казачьей флотилии или в качестве орудийной прислуги в артиллерии, то, следовательно, лицо, служившее на лошадях или на повозке хозяина, в основном тождественно простому наемнику, отбывающему службу в коннице. Социальный состав казаков усложняется лишь в том смысле, что некоторые из наемников, имея семьи и известное хозяйство, считали свою службу за других лишь временным подспорьем. Для бессемейной же и бездомной казачьей гольтыбы служба за другого была часто пожизненной профессией.

На основании ведомости, приложенной к журналу за 1789 г., составляем таблицу³ (см. стр. 156).

В данном случае наемники по отношению к общему числу состоящих на службе составляли 23,6%.

Процент наемников в разных документах одного и того же типа то повышается, то понижается, при этом весьма резко. Рассмотрим, для примера, табл. 5. В ней все военные наемники, отбывавшие службу за других, объединены в одну графу⁴.

По данным первого журнала наемника имел только один из старшин, остальные наемники принадлежали казакам. Общее количество наемников по отношению к общему количеству служащих за себя старшин и казаков приближается к 9%. В общей же массе находящихся на службе наемники составляют около 8%. По другому журналу количество наемников у старшин к общему количеству старшин, состоящих на службе, составляет более 40%, а общее количество наемников у казаков к числу служащих за себя казаков равняется приблизительно 16,5%. Общее количество наемников к общему количеству служащих за себя (казаков и старшин) составляет около 18%.

По ведомости о числе служащих казаков Поднестрянской паланки за июль 1790 г.⁵ устанавливаем иное соотношение (см. табл. 6).

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 53, лл. 42—79.

² Там же, лл. 49—50.

³ Там же, св. 10, д. 83, лл. 43—69. Ведомость начинается с 42 листа.

⁴ Там же, св. 7, д. 53, лл. 1—41, 42—79.

⁵ Там же, д. 55, лл. 13—82.

Таблица 4

Название курений	Состоит на службе						
	стар- шин	работни- ков у старшин на хозяй- ских лошадях	каза- ков, слу- жа- щих за себя	каза- ков, слу- жа- щих за других	работни- ков у казаков на хозяй- ских лошадях	всего старшин и каза- ков, слу- жащих за себя	всего наемных казаков и работ- ников
Кисляковский . . .	10	2	103	13	—	113	15
Кущевский . . .	2	1	76	7	20	78	28
Конеловский . . .	3	2	7	—	2	10	2
Ивановский . . .	4	1	21	4	1	25	6
Динской	—	—	15	1	1	15	2
Сергиевский . . .	1	—	10	2	—	11	2
Крыловский . . .	6	4	45	16	2	51	22
Каневский	6	12	135	15	1	141	28
Батурицкий . . .	3	—	43	4	4	46	8
Поповичевский	2	—	44	8	—	46	8
Васюринский . . .	1	—	54	4	4	55	8
Незамаевский . . .	—	—	59	13	6	59	19
Иркалевский . . .	1	—	66	3	2	67	5
Щербиновский	4	2	48	14	5	52	21
Тимошевский . . .	2	—	21	5	1	23	6
Шкурицкий	8	3	44	10	7	52	20
Кореновский . . .	—	—	41	2	—	41	2
Роговской	6	3	29	6	4	35	13
Корсунский	5	3	74	8	2	79	13
Калибодотский	2	2	32	3	6	34	11
Уманский	4	4	20	2	—	24	6
Деревянковский	2	3	11	—	1	13	4
Нижестеблиевский	—	—	13	—	2	13	2
Вышестеблиевский	1	1	22	7	2	23	10
Джерелиевский	6	1	29	10	1	35	12
Переяславский	2	—	21	1	—	23	1
Полтавский	4	4	19	2	—	23	6
Всего	85	48	1102	160	74	1187	280

Ведомость от 1 сентября 1790 г., составленная точно так же по территориальному признаку, содержит данные несколько отличные от предыдущей таблицы¹ (см. табл. 7).

Данные табл. 7 показывают, что наемники составляли около 50% к числу служащих за себя казаков. В общей же массе служащих они составляли около одной трети. Эти колебания нужно объяснить тем, что во время войны (1787—1791 гг.) в зависимости от хода военных действий начальство прибегало к массовой мобилизации всего военнеспособного казачьего населения. В таких случаях богатый и зажиточный казак не мог воспользоваться своей обычной привилегией ставить казака за себя или был стеснен в этой возможности.

После Ясского мира и переселения Черноморского войска на

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 55, лл. 84—96.

Кубань (1792—1793 гг.) характер воинской повинности казачества несколько изменился. От боевых операций на суше и на море войско перешло к несению пограничной, кордонной службы. По правому берегу Кубани от ее низовьев до устья Лабы длинной линией вытянулись сторожевые посты. По данным анонимного автора, в 90-х годах XVIII в. таких постов-кордонов насчитывалось 22¹. На каждый кордон выставлялось несколько десятков казаков².

Общее количество казаков и старшин, переселившихся на Кубань в 1792—1793 гг., по официальным данным, составляло 12 645 человек (в это количество вошли, кроме военноспособных, престарелые, инвалиды и малолетки)³. Через десятилетие, в 1802 г., на Кубани уже насчитывалось 23 579 казаков⁴. Какой тяжестью ложилась на плечи казачества военная повинность, можно иллюстрировать табл. 8, 9, 10, составленными на основе официальных данных⁵, взятых, например, из рапорта Черноморского войскового правительства от 1 июля 1794 г.

Таким образом, в 1794 г. на каждом кордоне стояло до 50 казаков. При этом служащие казаки составляли половину всего годного к военной службе населения (см. табл. 8).

В 1797 г. картина несколько меняется, что видно из табл. 9⁶, составленной по данным рапорта войскового правительства от февраля 1797 г.

В этом году число казаков на кордонах удваивается, на 40% повышается и состав гребной флотилии. Тысяча казаков участвует в походе против Персии. Без малого две трети всего военноспособного казачества несет службу.

К 1802 г. положение резко изменяется, что можно иллюстрировать данными табл. 10⁷, составленной на основании ведомости того же года.

В противоположность 1794 и 1797 гг., когда казаки участвовали сначала в польском, а затем в персидском походах, 1 тыс. строевых была распущена по домам. Кроме того, на 1 тыс. сократилась флотилия; были распущены также команды, выставляемые на непредвиденный случай. Это последнее объясняется тем, что до середины первого десятилетия XIX в. закубанские горцы не проявляли активности и войсковая администрация могла всецело полагаться на кордонную стражу. Количество кордонной стражи в 1797 и в 1802 гг. удваивается по сравнению с 1794 г., но остается стабильным за пятилетие 1797—1802 гг. Все это в связи с удвоением общего количества казаков снижает количество служащих в массе

¹ Куб. сб., т. XIII, Екатеринодар, 1894, стр. 10.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 869, 880.

³ Куб. сб., т. VIII, стр. 193—203.

⁴ Статистические сведения о бывшем Черномории, Материалы для изучения Кубанской области. Составил Е. Д. Фелицын, стр. 7.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 1023.

⁶ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. I, док. 62.

⁷ Статистические сведения о бывшей Черномории, Материалы для изучения Кубанской области, стр. 7.

Названия куреней	Состоит на службе											
	По журналу конной команды от 6.VIII 1789 г.						По журналу конной команды от 1789 г.					
	старшин	наемников у старшин	казаков	наемников у казаков	всего старшин и казаков	всего наемников	старшин	наемников у старшин	казаков	наемников у казаков	всего старшин и казаков	всего наемников
Кущевский	7	—	112	18	119	18	2	—	103	7	105	7
Кисляковский	7	—	148	3	155	3	9	6	115	7	124	13
Ивановский	4	—	30	4	34	4	4	—	25	5	29	5
Конеловский	1	—	15	1	16	1	3	—	11	4	14	4
Сергиевский	—	—	30	2	30	2	1	—	13	2	14	2
Динской	—	—	19	2	19	2	—	—	17	2	17	2
Крыловский	5	1	86	4	91	5	6	10	67	12	73	22
Капевский	6	—	129	15	135	15	6	14	112	14	118	28
Батуринский	4	—	77	6	81	6	3	—	50	11	53	11
Поповичевский	1	—	58	7	59	7	2	—	53	8	55	8
Васюринский	3	—	77	3	80	3	2	—	61	8	63	8
Незамасвский	—	—	82	12	82	12	—	—	78	16	78	16
Ирклиевский	1	—	83	4	84	4	1	—	71	5	72	5

Щербиновский	3	—	91	11	94	11	4	—	69	18	73	18
Титаревский	2	—	29	6	31	6	1	—	28	7	29	7
Шкуринский	9	—	86	11	95	11	7	—	65	20	72	20
Кореновский	1	—	50	2	51	2	1	—	43	2	44	2
Джерелиевский	6	—	56	7	62	7	6	—	46	10	52	10
Переяславский	2	—	22	—	24	—	2	—	22	2	24	2
Подтавский	3	—	35	3	38	3	4	—	25	6	29	6
Мышастовский	3	—	64	5	67	5	—	—	—	—	—	—
Минский	2	—	26	1	28	1	—	—	—	—	—	—
Нижестеблиевский	—	—	24	—	24	—	—	—	15	2	15	2
Вышестеблиевский	1	—	34	6	35	6	1	—	32	10	33	10
Корсунский	6	—	104	8	110	8	5	—	87	14	92	14
Калвиболотский	5	—	43	4	48	4	2	—	43	9	45	9
Деревянковский	5	—	34	1	39	1	2	—	15	4	17	4
Роговской	—	—	—	—	—	—	6	—	34	11	40	11
Уманский	—	—	—	—	—	—	4	4	28	2	32	6
Всего	87	1	1641	146	1731	147	84	34	1328	219	1412	252

На второй ведомости помечен только год ее составления.

годных к службе казаков почти до одной пятой. Четыре пятых годового к службе казачества обращается к хозяйственной деятельности. Прирост казачьего населения был очень важен для экономики края. Стабильность кордонных контингентов в этот период приводила к тому, что весь приток населения вливался в хозяйственное русло.

Таблица 6

Название селений	Состоит на службе		
	хозяев, служащих за себя	хозяев, нанимающих за себя	хозяев, нанимающих за себя, по отношению к хозяевам, служащим за себя, в %
Терновка	15	1	7
Сугаклея	5	4	80
Карагач	12	3	25
Слободзея	29	2	7
Чеборча	24	8	33
Глинная	51	8	16
Коротное	20	6	30
Кучурган	11	4	38
Яска	15	10	66
Калаглея	—	1	100
Адждер	2	—	—
Всего	184	47	25

Таблица 7

Название селений	Общее количество семей-дворов	Общее количество служащих казаков	Количество казаков, служащих за себя, от семьи	Количество наемников, служащих за других
Терновка	8	4	3	1
Сугаклея	3	—	—	—
Карагач	1	1	—	1
Слободзея	1	—	—	—
Чеборча	47	7	1	6
Глинная	12	13	9	4
Коротное	4	2	2	—
Кучурган	2	—	—	—
Яска	5	5	5	—
Беляевка	25	3	3	—
Всего	108	35	23	12

Таким образом, перемена характера службы после переселения на Кубань заключалась в переходе к кордонной службе. Однако принципы отправления воинской повинности продолжали оставаться прежними. Кубанский кордон, рассматриваемый с точки зрения социальных отношений, господствовавших у черноморских казаков,

представляет собой интереснейшее явление. У кордона царит ажиотаж купли-продажи военных услуг. Это признал даже войсковой атаман Т. Котляревский в своем обращении к войску 20 июня 1798 г. ¹.

Т а б л и ц а 8

Общее количество казаков	Состоит на службе						В домах		Количество служащих в общей массе военноспособных, в %
	на пограничье		в польском походе 1794—1795 гг. конными	в гробной флотилии и у Еникаевского гирла пехота	в г. Екатеринодаре на караул	всего	взрослых и здоровых	негодных, старых, инвалидов, малолетних	
	в коннице	в пехоте							
12544	500	500	1001	1000	1049	4050	3817	4677	51,4

Т а б л и ц а 9

Общее количество казаков	Состоит на службе							В домах		Количество служащих в общей массе военноспособных, в %
	на кордонах		во флотилии у Гаджибея и Еникае	отправлено в передний поход в пехоте	в г. Екатеринодаре	для непредвиденного случая	всего	взрослых и здоровых	негодных	
	в коннице	в пехоте								
14416	1100	1100	1400	1001	1054	501	6156	3348	4912	65

Т а б л и ц а 10

Общее количество казаков	Состоит на службе					В домах		Количество служащих в общей массе военноспособных, в %
	на кордонах		во флотилии	по внутреннему управлению войска	всего	годных	негодных	
	в коннице	в пехоте						
23579	1217	995	409	815	3436	12251	7892	22

Приведем некоторые факты. Богатый и зажиточный черноморец широко пользовался правом выставлять наемников. Договоренное на кордон лицо официально вносилось в войсковые реестры. Полковник Радич рапортовал 22 апреля 1797 г. войсковому есаулу М. Гулику: «По ордеру от вашего высокоблагородия казак Щербиновского куреня Емельян Майбороденко на службу в Подмогильный кордон за казака Кореневского Леонтия Бутенка принят» ². Казак Мышастовского куреня Алексей Белый на допросе в 1798 г. показал себя жителем казенного селения Александровского уезда,

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение, стр. 56.

² КГКИА, ф. 249, св. 49, д. 372, л. 44.

Новороссийской губернии. Уйдя от родителей в с. Чечелевку, он поступил там «в услужение»; затем перешел в слободу Петровку и, наконец, в 1789 г. стал черноморцем. Перейдя с войском в 1793 г. на Кубань, Белый был отпущен на заработки и весной 1794 г. уже служил «по найму за казака Ивановского куреня Кузьму Павлоградского — पहले в Елисаветинском, а потом в Марьинском кордоне»¹. Вот пример того, какое употребление черноморский «рыцарь» давал своему «пажу». Антон Логвиненко, крепостной из Александровского уезда, бежал вместе с другим крепостным в Херсон, где служил два года у одного мещанина, а в 1789 г. перешел за Буг к черноморскому казаку Батуриного куреня Ивану Белоплеху, «в коего быв во услужении, записался в войско Черноморское в той же Батуриноский курень»². По вступлении в этот «орден» Логвиненко в 1793 г. со своим патроном, «со оным Белоплехом прибыл на пожалованную сему войску землю, а затем поставлен за его, Белоплеха, на Великомарьинском кордоне, где и поныне находится»³.

Такой «паж», отслужив за хозяина, принимался потом служить «за себя», или наоборот. Если за хозяина он мог служить в коннице, то, разумеется, за себя служил или в пехоте, или в гребной флотилии. Семен Харченко на допросе в 1794 г. так рассказал свою ординарную биографию: сын реестрового казака из Пирятинского уезда, он рано осиротел и с 10 лет проживал «в разных того селения козаков в наймах»⁴. Позднее, выхлопав документ, он отправился на Днепр, за пороги, и нанялся к бывшему запорожскому казаку Дмитру Половому, а в 1789 г. пошел в черноморцы и записался «в службу в сие войско в конную команду, где служил в Роговском курене за казака Ивана Кирпу один год, а по прошествии того термина, за отдачею прописанному хозяину лошадей, пошел в пехоту»⁵. После войны Харченко был назначен во флотилию, с которой и пришел на Тамань. Уволенный «на собственное пропитание», он «нанялся у куренного казака Ивана Бочки конно служить на Марьинский кордон»⁶. Это, как видим, профессиональный воин-наемник, в конном строю сражающийся за хозяина, а в пешем и во флотилии — «за себя». Коллега Харченко по профессии и по происхождению, допрошенный одновременно с ним, Василий Лисаченко — наймит черноморца Семена Сюсюкало, также был «послан от него (Сюсюкало. — В. Г.) конно служить в Новокатериновский кордон»⁷.

Посылаемый на кордон наемник получал от хозяина, по установившемуся правилу, вооружение, лошадь со всем снаряжением, (если наемник нес конную службу), одежду продовольствие и денеж-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 7, д. 60.

² Там же, св. 9, д. 32.

³ Там же.

⁴ Там же, св. 8, д. 30.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ное вознаграждение. Так как наем производился с ведома куренного атамана, то последний, в частности, обязан был следить за выполнением хозяевами некоторых условий договора. Из рапорта полковника Радича Котляревскому от 28 мая 1797 г. узнаем, что куренной атаман следил за регулярной доставкой нанIMATEЛЕМ провианта¹. Эта мера со стороны начальства была совершенной необходимостью ввиду массового нарушения хозяевами своих обязательств.

Конечно, решимость наймита подставлять за хозяина на кордоне свою грудь под пулю, кинжал или шашку была результатом безысходной нужды. Заключив договор, т. е. попав на известный срок в кабалу, он лишен был средств побудить хозяина выполнить договор. Признавая наем правомерным явлением, начальство одновременно относилось к нему, как к частной сделке. Следя обычно лишь за доставкой провианта, оно было совершенно равнодушно к другим условиям договора. Сам наемник, связанный военной дисциплиной, лишенный возможности прекратить несение службы до окончания срока, оказывался бессильным потребовать от хозяина аккуратного выполнения договора.

Как ничтожны были затраты на содержание наемника для зажиточного хозяина, видно из того, что наемнику выдавалось самое худое и рваное одеяние (определенной формы одежды в этот период не существовало, из верхней одежды фигурируют обычно в документах свита, тулуп, грубой шерсти бурка и т. д.), что же касается денежной платы, то она колебалась в пределах от шести до семнадцати рублей в год. При этом пехотинец получал меньше конника. Казак Иван Чабанец, например, служил на кордоне за шесть рублей в год². Казак Федор Верещенко за семнадцать рублей³ и т. д. При найме в конницу хозяин должен был доставлять и фураж — сено. В войсковом архиве мы находим массу документов, отражающих попытки начальства бороться с неисправностью хозяев в отношении доставки продовольствия и фуража. В таких случаях оно иногда прибегало к закупке фуража и продовольствия за войсковой счет с последующим взысканием с хозяев соответственных издержек. Подобные распоряжения мы находим в одном из предписаний Котляревского от февраля 1797 г.⁴

Иногда принимались меры с целью побудить хозяев выполнять и такое условие договора, как предоставление одежды. Старшина Радич в рапорте Котляревскому от 16 января 1796 г., т. е. в зимнее время, доносил, что казак Катериновского кордона Кирилл Бондаренко, наймит казака Никиты Миргорода, не получает от хозяина «на прокормление фуражу и одеяния» и, ввиду этого, не может нести службу⁵.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 49, д. 372, л. 51.

² КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 32.

³ Там же, св. 17, д. 60.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 49, д. 372, л. 26.

⁵ Там же, л. 13.

Иногда начальство, бессильное самостоятельно добиться чего-либо от хозяина, человека обычно более чем уравновешенного и абсолютно равнодушного к нуждам другого, отправляло к нему самого наймита, которому предоставлялось собственными средствами вызвать соответствующую реакцию у своего нанимателя. 29 марта 1799 г., например, казак Деревянковского куреня Ефим Воскресенский, служивший на Староредутском кордоне за казака Корнея Сову, был отпущен на пять дней в с. Гривенское для получения «от реченного хозяина для себя провианту и одежи». Трудно предположить, чтобы «господарь» Сова, увидев своего черноморского «джуру» Воскресенского у собственного порога в необычное время, гроявил пылкое желание выполнить контракт. На радужную встречу не рассчитывал и наймит. Он попросту сбежал, благо сидел на хозяйской лошади. Попытки его начальника капитана Белого разыскать беглеца ни к чему не привели.

Возникает вопрос: куда мог бежать Воскресенский? Исчерпывающий ответ на него дает пример казака Незамаевского куреня Фомы Гончаренко, привлеченного в ноябре 1799 г. к допросу за побег с Каракубанского кордона в хозяйском тулупе и с хозяйским ружьем. Сын бедного бывшего реестрового казака, он вместе с отцом пришел в 1793 г. на Кубань с Украины и приписался сначала в Брюховецкий, потом, после смерти отца, в Незамаевский курень. Призванный в очередь, Гончаренко отслужил положенные полгода и отправился на заработки на хутор старшины Андрея Ревы «в годовое услужение». Прослужив у Ревы в работниках два года, Гончаренко затем нанялся за казака Петра Череду на Каракубанский кордон за 15 руб. в год, кроме харчей, одежды и оружия. Однако хозяин дал ему только три рубля. Вместо года Гончаренко простоял на кордоне полтора, обносился и впал в крайнюю нужду. Все его попытки требовать «неоднократно по договору от хозяина долваемой заплаты»¹ или присылки на свое место другого наемника были безуспешны. Тогда Гончаренко бежал в чем стоял и с чем стоял на хутор своего первого хозяина Ревы. Разумеется, хуторянин был абсолютно безразличен к «правонарушению», совершенному Гончаренке, тем более, что последний попал на хутор в разгар сенокоса. Проработав на хуторе весь хозяйственный сезон, закончившийся мслотьбой хлеба, Гончаренко перешел в другой хутор к казаку Алексею Кравченко. Когда через месяц куренной атаман нарядил Кравченко на кордон, тот вместо себя отправил наймита Гончаренко. Таким образом замкнулся: Гончаренко снова очутился на кордоне, но на сей раз не на Каракубанском, а на Кирпильском, и не от Череды, а от Кравченко. Менялись пейзажи и физиономии хозяев Гончаренко, но его социальное положение оставалось неизменным.

Бегство с кордона и вообще с военного поста было довольно частым явлением. При существовавшей непомерной эксплуатации наемники самовольным переходом от одного хозяина к другому пы-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 21, д. 69, лл. 448—449.

тались облегчить свое положение. Но хозяева прилагали все усилия, чтобы найти и вернуть беглецов. Казак Каневского куреня Федор Верещенко рассказал на допросе в 1798 г. историю своих скитаний с еще более сложными перипетиями, чем Гончаренко. Сын казенного поселенина из с. Берки, Миргородского уезда, Киевской губернии, сирота, он четыре года был наймитом у местного жителя, а в 1792 г. пошел на Дон, на заработки. До весны 1794 г. Верещенко работал на рыболовном промысле донского казака Семена Черного, позже пришел на Черноморию, записался в Каневский курень и тотчас же нанялся на Павловский кордон за казака Василия Верещака. Подлинного своего имени этот бродячий работник не назвал, а принял фамилию, как видим, одного из хозяев. Отслужив год за Верещаку, Верещенко нанялся на полтора года за казака Ивана Подмогильного на почтовую станцию Сенную. От Подмогильного перешел к старшине Деркачу, а через полгода уже стоял на Воронежском кордоне за казака Федора Куриленко. Бежав с кордона в апреле 1798 г., Верещенко прибыл в Екатеринодар и явился к каневскому куренному атаману Тихолозу, чтобы взять у него свидетельство для приискания заработка. Запасшись документом, он нанялся к казакам Прокофию Кравцу и Николаю Кулику на работу, а вслед за этим перешел к жившему в Екатеринодаре казаку Василию Савченко, который тотчас же послал его вместо себя в караульную команду. Через некоторое время Верещенко бежал к своему предыдущему хозяину Николаю Кулику в с. Подгородное, где договорился за 17 руб. в год стоять на Екатеринодарском главном кордоне. Но здесь он был опознан Василием Савченко, который, вероятно, искал сбежавшего наймита. Савченко схватил его и представил начальству. Верещенко был предан суду не как лицо, односторонне нарушившее гражданскую сделку, а как военный служащий, самовольно оставивший пост¹.

Весьма характерно, что хозяева посылали на службу своих работников, вовсе не заботясь о том, приписаны ли они к определенному куреню, т. е. числятся ли формально казаками, или обретаются в порах Черноморского войска, лишённые официального положения. Равнодушно было к этой формальности и начальство, принимавшее таких наемников.

В Черномории в этот период царили «патриархальные» нравы. Василий Теняненко, он же беглый рекрут Мясников, как оказалось на допросе в 1798 г., прибыв в Черноморию, нанялся к казаку Корсунского куреня Тимофею Чмелю, имевшему хутор на р. Кирпилях. Чмель немедленно отправил его вместо себя на кордон по договору за 15 руб. в год. Теняненко не вполне вразумительно объяснил, чем он вызвал подозрение своего строевого начальника поручика Харченко. Но дело кончилось тем, что он был арестован. Началось обычное следствие. Чмель, выгораживая своего работника, пытался сообщить ему официальное положение казака. При этом он сослал-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 17, д. 60.

ся на любопытную бытовую деталь. Нанимая Теняненко, заведомо беглого, Чмель привел его к куренному атаману, который расспросил беглеца, убедился в отсутствии документов и велел записать его в курень¹. Был ли Теняненко оформлен черноморским казаком или не был, но ясно, что это — деталь, которой большого значения не придавали. Следующий случай полностью убеждает нас в этом. Иван Донец, родом из с. Столбцы, Пронского уезда, Рязанской губернии, «шатаясь по разным местам», забрел в 1796 г. в Черноморию². В куренном селении Незамаевском он был нанят казаком Воликом на полтора года служить конно на Славянском кордоне. Отбыв срок за Волика, Донец нанялся снова на тот же кордон за казака Алексея Самарского-Зятя, но через некоторое время бежал. Пойманный и отданный под суд, Донец выслушал вердикт, проливающий свет на отношение казачьих властей к наемникам, не записанным в казаки. Войсковое правительство применило к нему не § 94 XII главы Военского артикула, предусматривающий смертную казнь за побег из воинской части, а § 95, заменяющий смертную казнь наказанием шпицрутенами, если виновный является рекрутом, прослужившим в полку менее года. При этом и последняя норма была ослаблена таким истолкованием: «Но как он, Донец, шатаясь с 1797 года по войсковой земле ни в какой курень не записан и на верность службы присяги не чинил, а был на кордоне по найму за казака Самарского-Зятя, то по сим обстоятельствам и следующее ему за побег по силе воинского 95 артикула уменьшить, и, вменив сидение под стражей два месяца в наказание за учиненный побег, равно и за то, что он при побеге своим уворовал у казака Сердеченко свидетельство, от атамана данное, в страх другим наказать на месте преступления плетью двадцатью пятью ударами»³.

Таким образом, черноморская старшина выработала свой собственный комментарий к имперскому воинскому артикулу. Казнь и шпицрутены заменялись относительно «легким» и «простым» наказанием плетью. Приговоренных наказывали на кордоне в присутствии таких же наемников, как и они сами. Это и понятно. Применение буквы закона к беглецам было невозможно, так как намного удорожило бы наемную силу и, значит, прежде всего затронуло бы интересы нанимателей. Между тем, нанимателем выступал не только нечиповный черноморец. Как в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг., так и позже на Кубани выставляли наемников продолжала и старшина. В документах 90-х годов XVIII в. о кордонной службе встречаем следующее. Казак Васюринского куреня Калита служил на кордоне за поручика Глинского; казак Емельян Черепашенко, того же куреня, стоял на кордоне за старшину Емельяна Армянина. Оба бежали из-за недостатка хозяевами провианта и одежды⁴. В этом же деле в списке кордонных казаков значится

¹ КГКИА, ф. 250, св. 17, д. 60.

² Там же, св. 23, д. 71, лл. 177—178.

³ Там же, л. 178.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 49, д. 372, л. 35.

казак Титаревского куреня Иван Ногаец, который «служит за старшину Наума Шрама»¹. К сожалению, трудно уяснить характер обязанностей этих наемников. Вероятно, старшина имела привилегию иногда вместо личной службы посылать на известный срок несколько рядовых казаков. В таких случаях она и выставляла на кордон наемников. Как бы то ни было, правящие и влиятельные круги черноморского казачества были кровно заинтересованы в сохранении института наемников, освобождавшего их от тяжестей военной службы.

На тех же принципах отправлялась военная повинность и в гребной казачьей флотилии. Черноморские моряки, прославившие российское оружие в боях с турками, сражались на знаменитых запорожских чайках. Эти легкие и грозные для врагов ладьи заполняла серома. Казак Крыловского куреня Гавриил Гумененко на допросе в 1795 г. показывал, что в 1793 г. он «поставил от себя на флотилию казака», которому обязывался доставлять провиант, а сам остался дома, в селении².

В своем месте указывалось, что запорожский серомаха был преимущественно пехотинцем. То же нужно сказать и относительно черноморской серомы. При образовании Черноморского войска в основу комплектования частей по роду оружия был положен имущественный ценз. Кошевой Чепега в ордере от 19 апреля 1791 г. на имя полковника Леонтия Гулика о наряде казаков на службу предписывал: «Однако же смотреть, ежели кто могущественный, то велеть ему, искупивши лошади, вступать ко мне в конницу, а немощественные в вышеописанную пехоту»³.

Иначе, разумеется, и не могло быть. Бедный черноморец, в особенности серомаха, с трудом мог приобрести снаряжение даже для службы в пехоте. Из таблиц о кордонной службе 90-х годов мы видели, что конница составляла приблизительно треть пехоты и флотилии. На кордонах же пехоты и конницы было равное количество. Если исходить из того, что самая маломощная часть казачества служила в пехоте, а также в известной мере и в коннице (в лице наемников, служивших на хозяйских лошадях), то можно сделать вывод о том, что строевой, боевой состав черноморского казачества в своей массе являлся экономически зависимым. Следовательно, тяжесть воинской повинности ложилась на бедноту, в особенности на серому.

Черноморская пехота оказала крупные услуги регулярным частям и морскому флоту во время штурма с. Березани в 1788 г. Ее стремительность, поразительное бесстрашие и беззаветная отвага удивляли современников. Черноморская гребная флотилия, участвовавшая в знаменитом суворовском штурме Измаила, вписала славные страницы в боевую летопись русского войска.

Выдающуюся роль черноморской пехоты вынуждены косвенно

¹ КГКИА, ф. 249, св. 49, д. 372, лл. 25—27.

² КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 32.

³ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 419.

признать и дворянско-буржуазные историки казачества. Весьма далекие от применения принципа классового анализа истории казачества, они подчеркивали огромную боевую роль черноморской пехоты. Незнакомый автор первой половины XIX в. по этому поводу замечает: «Бывшие в войске бездомки (серомы), более привыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самой Кубанью, в топких, гнилых болотах, заросших кустами, непроходимыми камышами, упражнялись там почти безвыходно звериною охотою...» «Они, бесстрашные воины, — продолжает автор, — названы *пластунами*... (курсив наш. — В. Г.). Ружье и подсок (род копья, несколько короче обыкновенного. — В. Г.) составлял единственное их вооружение, искусство в стрельбе — всю славу»¹. Такое положение на кордонной линии пехота сохраняла вплоть до пореформенного периода, т. е. до присоединения Северного Кавказа к России. Автор статьи «Пешие казаки»² (вероятно, И. Попка) справедливо замечает, что тяжесть службы на лубанской кордонной линии, занятой Черноморским войском, ложилась на пехоту и в позднейший период. Говоря о кордонной страже своего времени, он не забывает отметить: «Сюда поступают обыкновенно беднейшие люди»³. Ф. Щербина, повторяя своих предшественников, вносит одну важную деталь. В то время, когда так называемое линейное казачье войско специализировалось, в соответствии со своим географическим положением, на отправлении службы по преимуществу в конном строю и выработало тип превосходного наездника, в Черноморском войске громадную роль играла пехота⁴.

Черноморский пластун, сменивший в свое время запорожский жупан на черкеску и сбривший по повелению начальства запорожскую чуприну, преемственно воспринял, сохранял и в новых условиях культивировал выдающиеся боевые качества запорожского серомахи. Наемный работник на казачьем хуторе, забродчик на рыболовном заводе и наемник в строю, он действительно был творцом и носителем боевой славы казачества. В нем, самом угнетенном и эксплуатируемом представителе трудового казачества, таилась неиссякаемая сила мужества и боевой отваги. За его спиной, за этой живой изгородью кубанского кордона текла мирная хозяйственная жизнь края. Ширилось скотоводство, развивалось земледелие, рыболовство, основанные на эксплуатации все той же черноморской серомы — «сіромашні». Не владельцам богатых хуторов и станичным аграриям, проникнутым страстью стяжания и капиталистического накопления, принадлежит боевая слава черноморского казачества. Не в меркантильных подсчетах конских, коровьих и овечьих хвостов, стогов и копен, не в классовом эксплуататорском своекорыстии черноморских богатеев находим мы источник заслуженной громкой

¹ Куб. сб., т. XIII, стр. 8.

² Военный сборник, 1860, № 1.

³ Там же.

⁴ Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. II, стр. 824—825.

боевой славы черноморских казаков, а в бескорыстной любви к родине беднейшего казачества.

Именно к этому слою казачества относятся слова великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского о том, что черноморцы были достойными преемниками своих славных предков-запорожцев, «дивную храбрость и высокое благородство которых признавали даже враги их». Черноморцы, как писал Чернышевский, «своими подвигами показывают, каких отцов они дети»¹.

Наем на кордон продолжался и в последующие годы. 6 ноября 1810 г. изюмский помещик Роман Шидловский писал атаману Бурсаку о том, что беглые крестьяне на Кубани, «нанимаясь у войсковых казаков, служат за их службу и находятся бессменно на кордоне»². По поводу этого же явления новороссийский генерал-губернатор де-Ришелье в предписании Бурсаку от 27 августа 1810 г. с чувством раздражения писал: «Открыто даже, что беглец был на пограничной службе»³.

Это же явление в 20—30-х годах XIX в. мы встречаем у соседей черноморцев — линейных казаков. И. Дебу, долго служивший на Кавказе, пишет об этом, как о само собой разумеющемся. «При пополнении положенного полкового комплекта, — объясняет Дебу, — не воспрещается также нанимать вместо себя другого казака»⁴. Генерал-лейтенант Вельяминов в приказе от 29 сентября 1835 г. по войскам Кавказской линии писал: «Из дошедших до меня дел замечаю, что бродяги, отданные казакам в работники, употребляются вместо их на службу»⁵. Ставя на вид командирам линейных казачьих полков это обстоятельство, приказ требовал строго наблюдать за тем, чтобы бродяги зачислялись в казаки только после трехлетнего «беспорочного» пребывания в работниках. Но и в этом случае, как видим, принципиально запрещалась не поставка наемников вообще, а лишь поставка тех из них, которые пришли в войско сравнительно недавно и не могли быть должным образом проверены.

Принцип замены личной службы и эксплуатация бедноты в синском строю продолжали открыто существовать во втором и третьем десятилетиях XIX в. Позднее под влиянием ряда обстоятельств этот принцип приобрел другие формы.

После приезда на Кавказ Ермолова началась, как известно, активизация военных операций, что побуждало командование вооруженными силами на Кавказе привлекать к отбыванию воинской повинности все большие контингенты казаков. Вместе с тем глубокая социальная дифференциация казачества неизбежно приводила к тому, что использование значительной части казаков на военной

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 700.

² КГКИА, ф. 249, св. 91, д. 607, л. 200.

³ Там же, л. 261.

⁴ И. Дебу, О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, СПб., 1829, стр. 80.

⁵ Краснодарский краевой историко-краеведческий музей.

службе стало невозможным. К тому же увеличилась потребность в коннице, а с первых лет царствования Александра I, после введения новой, дорогой и сложной формы одежды, возросли и расходы на обмундирование и снаряжение. Появилась потребность вне-сти извне элементы организации в дело поставки бедноты для строевой службы. Генерал Ланжерон 11 апреля 1819 г. писал черноморскому атаману Матвееву о необходимости сформировать конный полк из казаков, «кои не имеют домов и семейств»¹. Этот полк предназначался, по распоряжению инспекторского департамента главного штаба, для отправки на польскую границу. Так как в Черноморском войске, по словам Ланжерона, много казаков «безсемейных, не имеющих оседлости и переходящих с места на место для заработков»², то император разрешил сформировать полк с тем условием, чтобы казаки были снабжены от войска всем необходимым, в том числе и хорошими лошадьми. Таких бездомных казаков, по официальным данным, насчитывалось в начале 1819 г. 2 037 чел.³

Из 552 казаков сформированного конного полка только небольшая часть располагала некоторой собственностью, имела, в частности, лошадей. За чей же счет и на каких основаниях снабжались черноморские бедняки относительно дорогим снаряжением и лошадьми? Ответ на этот вопрос дает записка, хранящаяся в деле «О снабжении назначенных в поход казаков войска Черноморского мундирными вещами, оружием и лошадьми товарищами их, остающимися в пределах войска»⁴. Согласно рапорту генерал-лейтенанта Сысоева начальнику Кавказской области генералу Эммануэлю от 12 декабря 1827 г., так называемые «товарищи», снабдившие других казаков мундирными вещами, оружием и лошадьми, должны были пользоваться двухгодичной льготой. Такой «товарищ», способный издержать на экипировку бедняка крупную сумму, в среднем около 280 руб., освобождался от «очереди», получая соответственное свидетельство. Не трудно догадаться, какая социальная фигура выступала под термином «товарищ»: это — черноморский богатей, укрывающийся от службы за спиной бедняка.

Черноморские власти часто затруднялись выставить необходимый контингент казаков при условии предоставления «товарищам» двухгодичной льготы и всячески сокращали ее, выдавая льготные свидетельства обычно на полгода. Если учесть высокую степень произвола и злоупотреблений, обычную для черноморской администрации, то, естественно, дело не обходилось без вымогательства и взяточничества. Обиженные «товарищи» возбудили перед высшими властями на Кавказе дело, из которого явствует, что злоупотребления правом предоставлять льготы приняли грубые формы.

¹ КГКИА, ф. 251, св. 140, д. 370, л. 2.

² Там же, л. 2.

³ Там же.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 199, д. 1236, лл. 11—13.

Институт замены личной службы, таким образом, еще существовал в 30-х годах XIX в. Разница по сравнению с прежде существовавшей системой поставки наемников состояла в том, что отправление воинской повинности для богачей было заменено формой натурального налога. Теперь бедняк нес службу не на основе частно-правовой сделки с богачем, как было раньше, а в форме государственной повинности.

Одновременно существовал так называемый институт вспомогателей. Из ответа войсковой канцелярии от 7 апреля 1830 г. Комитету по улучшению состояния Черноморского казачьего войска видно, что существовала практика откупа от службы. Состоятельный казак вносил в пользу куренного общества известную сумму и получал льготу на год или два, в зависимости от размера вносимой суммы¹. Правда, в ответе сказано, что льгота давалась от внутренней службы по войску, а не от фронтовой. Но это не совсем так. Откупались и от фронтовой службы, и отнюдь не в единичных случаях².

Потреба в увеличении контингента казаков побуждала Ермолова еще в 20-х годах ходатайствовать об облегчении участи правонарушителей из среды казаков с целью оставления их в рядах войска. По представлению Ермолова, 5 октября 1825 г. был издан императорский указ, согласно которому казаки, приговариваемые, на основании указа от 14 мая 1802 г., за кражу свыше ста рублей к ссылке в Сибирь на поселение, должны были по выполнении над ними телесного наказания оставаться в строю³. К 30-м годам XIX в., в связи с развернувшимися на Кавказе военными действиями, положение резко изменилось. На службу стали привлекаться все без исключения слои казачества. Замена личной службы поставкой наемника или налогом (откупом) стала явлением устаревшим и нетерпимым. Генерал Малиновский в приказе от 1 июня 1833 г. уже категорически запрещал это. «Откупаться от службы за деньги или другими пожертвованиями, — разъяснял он, — есть дело противозаконное и с здравым порядком вещей несогласное»⁴. Начальникам частей воспрещалось впредь входить с ходатайством об освобождении от личной военной службы за денежные взносы под страхом строжайшей ответственности. Таким образом, практика поставки наемников и другие виды замены личной службы существовали у черноморцев целое столетие.

Как же отбывал службу черноморский бедняк после того, как произошла отмена откупа и поставки наемников? Приобрести средства, необходимые для несения службы, было совершенно невозможно. Размеры издержек на обмундирование и вооружение во много

¹ КГКИА, ф. 251, св. 247, д. 607, л. 11—34.

² Краснодарский историко-краеведческий музей. Приказ генерала Малиновского от 1 июня 1833 г. по Черноморской кордонной линии.

³ ПСЗ, т. X, 1830, док. 30523.

⁴ Краснодарский историко-краеведческий музей.

раз превышали годовой заработок такого казака. В 1830 г. форменный мундир с шароварами стоил 35 руб. 50 коп., кивер с прибором — 12 руб., кушак белый — 1 руб., сапоги со шнорами — 5 руб., галстук — 80 коп., одна пара нижнего белья — 3 руб. 40 коп., перчатки — 2 руб. 50 коп., шинель — 15 руб., шапка фуражная — 2 руб. 75 коп., чемодан — 2 руб., португя — 2 руб., подсумок — 2 руб. 50 коп., ружье длинноствольное — 18 руб., сабля — 6 руб., пистолет со шнурками и другими приспособлениями — 8 руб., пика — 2 руб. 50 коп., а всего для пешего казака сумма издержек равнялась 110 руб. 95 коп. (без сабли и португей). Для конного прибавлялись расходы на лошадь — 125 руб. (лучшие лошади в этот период ценились от 180 до 250 руб.), на седло со всем прибором — 43 руб. 40 коп., саблю — 6 руб. и португеею — 2 руб. Все издержки конного казака составляли 289 руб. 35 коп.¹ Зарабтная же плата черноморского казака-батрака не превышала в среднем 25—40 руб. в год, а поденная в период сезонных летних работ равнялась одному рублю. Так как служба считалась основной повинностью казака, то средства, связанные с нею, могли черпаться только из личных доходов.

Отменяя порядок освобождения от службы путем взноса определенной суммы денег в фонд куренного общества, командование одновременно боролось и с другим видом откупа казаков, уже отбывающих действительную службу. Казачья сотня того времени или команда, обслуживавшая батарею, составляли элементарную потребительскую организацию — артель. Назначение казачьей артели в общем было то же, что и солдатской. Она получала от казны деньги, обеспечивала питание и т. д. К 30-м годам XIX в. уже выработался твердый обычай, выражавший некоторые элементы самоуправления артели, которая присвоила себе право давать отдельным казакам домашний отпуск на определенный срок. При этом казак, выразивший желание получить отпуск, вносил в артель известную сумму денег или пожертвование натурой, что поступало на улучшение содержания членов артели. Нечего и говорить, что привилегией получения отпуска могли воспользоваться лишь состоятельные казаки. Командиры частей, утверждавшие такие отпуска, получали широкую возможность извлечь из подобного обычая существенную выгоду и для себя. Генерал Малиновский в приказе от 8 марта 1833 г.² констатировал фаворитизм и злоупотребления начальников в этом вопросе. Запрещая злоупотребления, он в то же время отменил и существовавший обычай предоставления отпусков по определению артелей за деньги и пожертвования натурой. Устанавливался новый порядок получения отпуска. Эти новые правила проливают свет на положение строевой казачьей бедноты. Члены артели³ делились на два разряда: на казаков, имевших дома и хозяйство, и на казаков, «которые домов и хозяйственности ника-

¹ КГКИА, ф. 251, св. 247, д. 607.

² Краснодарский историко-краеведческий музей.

³ Там же, приказ № 14.

кой не имеют»¹. Первые имели право на получение отпуска сроком на 10 дней, не считая пути, безотносительно к хозяйственному сезону. При этом одновременно отпускалось не более 10 человек из состава сотни. Вторые могли получать отпуск только во время сенокоса и уборки хлеба, «дабы они могли заработать на мундир и вообще на улучшение одежды и оружия»². При этом к отбывшему в отпуск бедняку, считавшемуся неблагонадежным, прикреплялся так называемый благонадежный казак. Обязанность последнего состояла в надзоре за поведением первого с тем, чтобы полученная заработная плата была израсходована по прямому назначению. В приказе от 1 июня 1833 г. указанные правила были уточнены. Заработанные во время отпуска деньги подлежали разделу на две части. Определение размера этих частей предоставлялось казачьей артели, которая могла постановить отчислить одну треть или половину на улучшение содержания всей артели. Оставшаяся часть составляла личную собственность казака, которую он должен был истратить на улучшение одежды и оружия. Казаки, отправлявшиеся в отпуск в собственное хозяйство, обязаны были вносить в артельный фонд денежную сумму, равную той, которая взыскивалась с бедняков³.

В пешем и конном строю, у артиллерийского орудия продолжали стоять, как видим, разные социальные категории казачества. Эксплуататоры и эксплуатируемые, связанные суровой дисциплиной, пользовались неодинаковыми правами на получение отпуска. Неимущие казаки, отправлявшиеся в отпуск во время летних работ, лишены были возможности распоряжаться заработанными деньгами, которые при благоприятных обстоятельствах могли быть обращены на обзаведение собственным хозяйством. Средством к отбыванию воинской повинности для такого бедняка служила заработная плата, получаемая им в качестве наемника в хозяйстве богача. Легко можно представить, как практически был организован отпуск для неимущего казака. Его состоятельный сослуживец мог заблаговременно договориться с ним об условиях найма и, выступая в роли своеобразного попечителя, контролировал расходование той части заработка, которая шла на восстановление оружия и обмундирования. Неполноправность казачьей бедноты выступает, таким образом, с полной очевидностью.

Неимущий казак возвращался в заколдованном кругу. Состарившись или получив увечье, он мог рассчитывать только на общественную «благотворительность», т. е. превращался в нищего. Он попадал в положение более тяжелое, чем отставной солдат. Черноморский казак не имел права на пенсию.

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, приказ № 14.

² Там же.

³ Там же, приказ № 26.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕГЛЫЕ И КРЕПОСТНЫЕ В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

1. БЕГЛЫЕ

В своем месте было указано на такое явление в истории Запорожской Сечи, как бегство крестьян на ее территорию не только с Левобережной и Правобережной Украины¹, но также из великороссийских губерний. После разрушения Сечи бегство на Запорожье резко сократилось. Образование Черноморского войска дало новый толчок бегству крепостных от помещиков. Оно было истолковано частью крестьянства как восстановление Запорожской Сечи. В архивных документах 90-х годов XVIII в. мы встречаемся с характерной терминологией, отражающей эту мысль. Черноморское войско устами некоторых современников именуется Черноморской Сечью. В докладе войсковой экспедиции от 18 февраля 1798 г. содержится сообщение Таврического нижнего земского суда о допросе беглеца И. Федченко, уроженца с. Прохоровки, Черниговской губернии, который заявил, что ушел с казаком Яковом Грумником «в Черноморскую Сечь»².

Образование Черноморского войска открыло для значительной части беглецов возможность легализовать свое положение формальным вступлением в черноморцы. Со времени переселения войска из-за Буга на Кубань бегство усилилось, принимая в отдельные периоды значительные размеры, беспокоившие помещиков южных губерний и активизировавшие полицейскую энергию высших и низших властей.

Как и на Запорожье, на Кубани сосредоточивались беглецы из разных мест. Задержанные в 1798 г. властями Бейсугского окружного правления три беглеца — два брата Толоконские и Василий

¹ См. также И. О. Гуржий, Втечі селян — одна з поширених форм антикріпосницької боротьби на Україні в першій половині XIX ст., Наукові записки Інституту історії АН УРСР, т. V, К., 1953.

² КГКИА, ф. 250, св. 16, д. 59.

Воробьев — на допросе объявили себя казаками; при этом украинцы Толоконские называли¹ казаками Брюховецкого куреня, а Воробьев, русский, выдал себя за донского казака. Осип Толоконский, 40 лет, по его словам, родился на Правобережной Украине, в с. Толоконке, принадлежавшем «польскому митрополиту», жил там до 36 лет, женился, имел детей; отлучившись в 1793 г. по билету в Киев, он в августе 1794 г. бежал в Екатеринодар¹. Воробьев назвал себя однодворцем Орловской губернии, ушедшим в 15 лет на Днѣ, где проживал в работниках в станице Надобской. Последнее и давало ему мнимое основание вначале называть себя донским казаком². Беглый Мещаненко, допрошенный в 1799 г., объявил себя уроженцем г. Канева, Киевской губернии, записанным по ревизии 1795 г. подданным помещика Минервина. В 1796 г. он бежал на Кубань³. Подобного рода факты можно приводить сотнями.

Крепостные бежали не только в одиночку. Часты были случаи бегства целыми семьями, группами в несколько десятков человек и даже целыми селениями. Новороссийский губернатор Селецкий в декабре 1799 г. сообщал атаману Котляревскому: «Возникшее было по ложным слухам о вольном переходе в Новороссийской губернии в некоторых уездах между помещичьими крестьянами возмущение дошло даже до того, что целые селения поднявшись пошли было и вооруженною рукою не допускали посланных команд возвращать их на прежнее жительство»⁴. Селецкий добавлял, что он хотя и принял соответствующие меры против этого, но обеспокоен распространяющимися в народе слухами о том, «якобы есть в Черноморском войске позволение принимать в оное бродяг»⁵. Беглецы бежали на Кубань через территорию Донского войска, где местное начальство перехватывало их и отправляло назад. Об этом, в частности, уведомлял черноморского атамана Бурсака донской атаман Орлов 19 июля 1800 г.⁶

По временам бегство крестьян на территорию Черноморского войска приобретало черты организованного переселения. При этом известное участие в организации бегства крепостных принимали сами черноморские казаки. Как отмечает донской войсковой атаман генерал Орлов, задержанные на Дону беглецы на допросе показывали, что их сопровождали черноморские казаки⁷. Мысль о подговаривании черноморцами крестьян к побегу настойчиво звучит в многочисленных архивных документах, в утверждениях потерпевших помещиков, администрации и в заявлениях самих беглецов на допросах. В подговаривании к бегству были, впрочем, повинны не одни черноморцы. Такие же методы применяли и донские ка-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 36.

² Там же.

³ Там же, св. 22, д. 70.

⁴ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз войска, т. IV, док. 423.

⁵ Там же.

⁶ КГКИА, ф. 249, св. 63, д. 429, л. 40.

⁷ Там же, л. 46.

зачьи помещики, смявывая на Дон крестьян соседних губерний. Об этом красноречиво заявлял, например, помещик Бахмутского уезда надворный советник Штерич в своем прошении от 8 августа 1800 г. новороссийскому губернатору. «Сколько разорительны для помещиков Новороссийской губернии побег крестьян их в войско донское, прием и укрывательство их тамо,— писал он,— ваше превосходительство и Новороссийское губернское правление известны уже из разных донесений и жалоб, от помещиков вступавших». «Но не меньше того,— продолжал Штерич,— чувствительны же пристанодержательство оных и даже самый подговор со стороны черноморских казаков, где не только принимают они беглых здешней губернии помещичьих крестьян, но подговаривают даже оставаться тамо отпущенных с паспортами для заработков и доставляют им способы возвращаться к настоящим владельцам своим выкрадывать семейства свои и подговаривать на земли черноморские и других отсель крестьян»¹.

На Кубань бежали также солдаты и рекруты. В связи с этим военный министр Барклай де-Толли направил 10 августа 1810 г. атаману Бурсаку строгое предписание. Министр уведомлял, что в мае из селения Батайского, под Ростовом, бежала группа рекрутов из квартировавшей там партии. Некоторые из перехваченных на допросе показали, что к побегу их подговаривал черноморский казак Данченко, приезжавший с хорунжим Долгополым в крепость св. Димитрия. Убеждая рекрутов бежать на Кубань, Данченко говорил, что он сам тоже бывший солдат, дезертировавший из-под Измаила. Ставя Бурсаку на вид это обстоятельство, Барклай де-Толли подчеркивал, что допрашивавший рекрутов майор рекрутского депо Соловьев «из опытов знает, что нет им (бежавшим рекрутам. — В. Г.) надежнейшего укрывательства, как там (на Кубани. — В. Г.), ибо из всех окружных мест бежавшие рекруты по поимке доставляются в депо, но из пределов казаков ни одного беглого рекрута еще не было доставлено»².

Попытки черноморских казаков организовывать переселение крестьян на Кубань побудили петербургское начальство установить специальные ограничения въезда казаков в пределы соседних губерний. П. А. Зубов в письме А. Головатому от 23 августа 1794 г. предписывал, чтобы о всех казаках, направляющихся в Таврическую губернию, подавались предварительно подробные сведения местному губернатору и лишь после этого выдавались специальные пропуска. Приезжавшие без таких пропусков должны были подвергаться наказанию по всей строгости законов³. Меры эти, однако, не имели никакого практического значения, о чем свидетельствует указ императора Александра I от февраля 1803 г. николаевскому военному губернатору Беклешову. Указ гласил: «Многие доходили жалобы, что на Тамане приемлются и скрываются беглые, со всех мест сте-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 63, д. 429, л. 270.

² Там же, св. 91, д. 607, л. 203.

³ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 866.

кающиеся, и что посылаются оттол не редко казаки подговаривать людей к ним переселяться»¹.

Несомненно, что ежегодный приток беглых на Кубань исчислялся не десятками душ, а сотнями и тысячами. Об этом можно судить по таким данным. В. Каховский в письме А. Головатому от 10 марта 1793 г. утверждал, что только из одного Екатеринославского уезда по подговору черноморских старшин Леги и Вербца бежало 65 мужчин и 55 женщин². Из отношения новороссийского гражданского губернатора Бурсаку от ноября 1800 г. явствует, что от помещика адмирала Н. С. Мордвинова из Херсонского и Акмечетского уездов после ревизии 1795 г. бежало: из слободы Николаевки 21 семья и 239 бурлаков, из слободы Троицкой 9 семей и 19 бурлаков, из Акмечетского уезда 145 бурлаков³. Всего от Мордвинова бежало 30 семей и 403 бурлака.

Помещики Новороссии вынуждены были перейти к мерам организованного давления на черноморскую администрацию через новороссийского военного губернатора де-Ришелье и отправлять на Кубань для розыска беглых своих посланцев. Де-Ришелье с чувством крайнего раздражения писал 14 сентября 1810 г. атаману Бурсаку: «Взглянув на дела свои и на дела войсковой канцелярии, найдете, конечно, между ими столько предписаний моих, сколько почт дошло в Екатеринодар из Одессы. Они основаны на неумслимых жалобах от разных помещиков, разоренных побегом людей своих и вопиющих об отыскании их из укрывательства Черноморского войска. Екатеринославское дворянство, видя в побеге умножающиеся до степени той, что переходят всякую меру терпения, решилось послать депутата своего, сопровождаемого моим вам предписанием»⁴.

Признавая все ранее данные Бурсаком объяснения по вопросу розыска беглых неудовлетворительными и формальными, де-Ришелье заявлял: «Мне нельзя более терпеть. Предосудительный прием беглых уже превосходит всякую меру... Сказать вынужден, что если предписания мои бессильны были закоренелой навик неустройства пресечь, то я должен буду занять иные меры, кои непременно произведу в действо. Ежели за сим замечу равное бездействие по отыску беглецов, то я командирую в войско нарочную регулярную команду из гусар при штаб-офицере, которому прикажу о всяком и везде разыскать и, возвращая беглых, кому принадлежит, подвергну виновных всей строгости. Мера сия есть мера крайняя, но необходимая, которая останется неизгладимым для войска и начальства оною пятном»⁵. Письмо это, кстати сказать, было доставлено Бурсаку депутатом екатеринославского дворянства титулярным советником Перичем⁶.

¹ ПСЗ, т. XXVII, 1830, док. 20643.

² И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 561.

³ КГКИА, ф. 249, св. 68, л. 429, лл. 640—647.

⁴ Там же, св. 91, д. 607, л. 246.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 114.

Бегство, однако, несмотря на полицейскую энергию помещиков и высшего начальства, продолжалось. Для розыска своих подданных помещики постоянно посылали на Кубань настоящие экспедиции. Летом 1837 г., например, с группой сыщиков прибыл на Кубань дворянский заседатель Павловского земского суда Воронежской губернии Катасонов. В Полтавском курене он задержал 66 беглых крестьян, из которых 44 принадлежало помещикам Павловского уезда, Воронежской губернии, князьям Щербиновым, 10 — помещице Мамоновой и т. д.¹ Обыскав весь Полтавский курень, заседатель направился в Джерелиевский, где схватил несколько семей беглых крестьян, а в камышах и плавнях — 20 беглых, предъявивших фальшивые билеты². Катасонов подчеркивал, что многие беглецы имеют фальшивые паспорта и что он отыскал и «писателя фальшивых билетов».

Как и на Запорожье в свое время, на Кубань крестьяне бежали также с чумацкими обозами. Чумаки играли нередко роль своеобразных посредников между крепостными крестьянами и черноморскими казаками. Помещик слободы Писаревки, Богучарского уезда (фамилия неразборчиво), в письме Бурсаку от 15 июля 1810 г. сообщал, что беглые из разных мест, в частности из Саратовской губернии, с завожских соляных озер проходят с малороссийскими чумаками «в Черноморию и там находят себе пристанище... у передержателей»³. Прося Бурсака о содействии в розыске, помещик приходит к выводу, что без помощи черноморских властей не только уверенные помещиков, но и сами хозяева не в состоянии отыскать беглецов.

Кроме крестьян, на Кубань бежали мещане из ближайших городов. В докладе войскового правительства от 11 апреля 1796 г. упоминается отношение мариупольского капитан-исправника секунд-майора Беляева о высылке из Ейского окружного правления мещан, которые пришли на Кубань по билетам и без билетов и остались там⁴. В бумагах атамана Бурсака сохранилась обширная переписка по вопросу о мерах борьбы с беглыми. Отвечая 17 января 1810 г. на письмо министра внутренних дел князя Куракина, Бурсак заявлял, что принял все возможные меры к недопущению беглых на Кубань и к искоренению «пристанодержательств». Так, в 1809 г. он отправил по назначению 291 беглеца. Оправдываясь, Бурсак выдвинул перед Куракиным в качестве основной причины бегства на Кубань слабость караулов на границах Войска Донского и в смежных с ним местностях. Именно поэтому, по его словам, беглецы «находят удобность прокрадываться сюда»⁵. Разумеется, это была формальная отписка. На Дону, как известно, шла настоящая охота на беглых. И казачья администрация, и донские помещики прикла-

КГКИА, ф. 421, св. 3, д. 38, л. 77.

Там же, л. 78.

КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 21, л. 198.

Там же, св. 8, д. 30.

⁵ КГКИА, ф. 249, св. 91, д. 607, лл. 32—33.

дывали все усилия, чтобы задержать беглых у себя и не допустить их на Кубань.

Мотивы переселения на Кубань сами беглецы на допросах формулировали очень однообразно. Типичными в этом отношении являются показания Осипа Сидоренко, крепостного помещика Бантыша из слободы Софиевской, Бахмутского уезда, Новороссийской губернии. На допросе 17 июня 1800 г. Сидоренко заявил, что бежал «назад тому другая неделя по подговору неизвестного до того черноморского казака Алексея Дзюбана, который заверял, что в их местах жить можно гораздо выгоднее ему со всем семейством»¹. Дзюбан, как видно из документов этого дела, сманил таким образом свыше 20 человек.

Факт бегства крепостных на Кубань стилично был известен буржуазным историкам Черноморского войска. Ф. А. Щербина посвятил этому вопросу специальную статью² и ряд страниц в других своих работах. Однако определить социально-экономический смысл этого явления в истории Черноморского войска он, как и другие буржуазные историки, не мог. Рассматривая рядовое черноморское казачество как однообразную и одноликую в социальном отношении массу, проглядев важнейшее явление социально-экономической жизни Прикубанья — наличие развитой эксплуатации на основе найма, он предпочитал ограничиваться простой констатацией самого факта бегства крепостных на Кубань и поверхностными определениями. В статье «Колонизация Кубанской области»³ Щербина пишет, что Черноморья с самого начала нуждалась в рабочих руках, так как население было постоянно отвлечено от хозяйства военной службой, поэтому «всякий пришелец был здесь желанным гостем»⁴. В другом месте читаем: «Черноморья искони сулила разного рода беглецам и переселенцам не только одну юридическую вольность и свободу», но и «вольные, доступные для труженика, земли»⁵. При всех отступлениях от этого воззрения у Щербины доминирует идеалическое представление о черноморском казачестве, воплотившем якобы в своем социальном строе «народные основы» жизни.

Архивные данные позволяют нарисовать отчетливую картину тех социальных связей, в которые вступали на Кубани беглецы. Подавляющее их большинство записывалось в казаки. Высшая казачья администрация не могла приостановить этого даже в тех отдельных случаях, когда она желала повиноваться имперским законам и распоряжениям центральных властей. Далее мы увидим, впрочем, что она имела достаточно оснований противиться этим законам. Ермолов был совершенно прав, когда в своем представ-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 63, д. 429, л. 330.

² Ф. Щербина, Беглые и крепостные в Черномории, Киевская старина, 1883, июнь.

³ Киевская старина, 1883, декабрь.

⁴ Там же.

⁵ Киевская старина, 1883, июнь, стр. 248.

лении комитету министров писал: «Со времени поселения Черноморского войска на Кубани куренные атаманы, по обыкновению прежних запорожцев, записывали своевольно и без всякого разбора в состав войска пришельцев, от чего таковых людей без сомнения находится в войске значительное число»¹.

Действительно, вступление в казаки было делом практически несложным, во всяком случае в 90-х годах XVIII в. Вот характерный эпизод, рассказанный на допросе крепостным Павлом Голубенко, бежавшим от донского помещика войскового толмача Катламина в 1799 г. Задумав бежать из слободы (на р. Мокром Еланчике) с тремя другими крестьянами, Голубенко заложил в сани пару собственных лошадей и, взяв жену и детей, прибыл в марте этого же года по льду Азовского моря на Ейскую косу, где и остановился в доме казака Дядьковского куреня Герасима Поповича. Через несколько дней крепостной Голубенко уже был черноморским казаком Ситником. Это произошло, по его словам, так: «Когда прибыл на ту косу куреня Дядьковского атаман Иван Ус и остановился квартированием в доме реченного Поповича, то он (Голубенко.— В. Г.), купивши квартиру ренского вина, переменя прозвание Ситником, не объявляя себя, что он... Катламина подданный, а сказал, яко он малороссийский казак и зашел сюда Воронежской губернии с слободы казенной Петровской, просил его, дабы он прописал его в свой курень и дал для свободного на войсковой земли прожития свидетельство»², что и было сделано. Большинство беглецов не имело средств на угощение куренного атамана, однако, как правило, также скоро превращалось в казаков. Секрет такого быстрого перевоплощения объяснялся тем, что легальное использование рабочей силы возможно было, по условиям времени, лишь при формальной приписке к войску.

Масса беглых в своем огромном большинстве составляла резерв наемных рабочих, труд которых применялся в сельском хозяйстве, ремесле, на рыболовных и других промыслах, а также на военной службе. Упомянувшийся мной в другой связи беглый Мецнаненко на допросе показывал, что придя в 1796 г. в Черноморию «и тут приписавшись в Кисляковский курень, находился через два года того ж куреня в поручика И. Сагача на Ейской [косу] в услужении, а по отходе от него обращался 798 года до ноября м-ца в поденной у разных сего войска казаков в работе, а того месяца по наряду куренного атамана собственно за себя отправляет пограничную на Копыльском кордоне службу»³. При допросе Мецнаненко указал на своего товарища, беглого Илью Гончаренко, который служил найму на кордоне. Гончаренко, придя на Кубань, явился к члену Григорьевского окружного правления прапорщику Нещерецкому, который «объявил ему свободное на войсковой земле пребывание»⁴.

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

³ Там же.

⁴ Там же.

Переименованный в Лохвицу, Гончаренко тотчас же нанялся служить на кордон за казака Незамаевского куреня Осипа Миргородченко. Допрошенный вслед за тем Миргородченко объяснил, что «по случаю наряда его куренным атаманом на кордонное служение действительно нанял он прописанного Лохвицу за себе служить один год..., что же он (Лохвица.— В. Г.) беглый, того не ведал, потому он по казачьему обряду был подобит и называл себя сего войска куреня Екатерининского козаком»¹. Известный уже нам беглый Осип Толоконский объяснял, что по прибытии в Екатеринодар он был «записан бывшим тогда куреня Брюховецкого атаманом Никитою Собакарем в Брюховецкий курень, в коем, проживши мало, договорил его поручик Федор Канаркистра в годовое услужение»². Через пять месяцев, не выслужив срока, Толоконский отправился в Уманское куренное селение, откуда через пять недель «пошедши работал [в] Ейской округе по разным селениям 795 года до ноября месяца»³. По дороге в Ейск Толоконский встретил своего брата Ивана и направился с ним в Екатеринодар, чтобы приписать его в курень и отправить на службу «или самому итить (на кордон.— В. Г.)». По дороге к ним пристал орловский однодворец Воробьев с теми же намерениями. Не дойдя до Екатеринодара, путники решили возвратиться в Ейское окружное правление «с тем, чтобы во оном приписать брата и Воробьева в курень и отправить с них одного в поход»⁴.

Не менее любопытна судьба семейства Голубенко, ставшего при известных уже обстоятельствах казаком Ситником. Павел Голубенко имел трех сыновей. Старший из них семнадцатилетний Иван, как только отец приписался в казаки, нанялся на службу за двух казаков Дядьковского куреня — Иосифа и Григория Неизвестных. Несколько позднее Иван Голубенко очутился «в сапожнической работе в казака Андрея Кирпы, жительствоющего на рынке сего города (Екатеринодара.— В. Г.)»⁵. Иными словами, Голубенко сменил ратище и мушкет на шило и дратву, сохраняя то же социальное положение наемника. Еще позже Иван Голубенко, он же Ситниченко, явился в село Подгородное к казаку Демьяну Быку и просил нанять его в годовое услужение. Бык нанял Ситниченко. Вскоре, впрочем, ввиду начавшегося розыска семьи Голубенко, возбужденного помещиком Катламинным, Ситниченко должен был скрыться. Характерно, что Бык, не желая лишаться работника, предупредил его о розыске и помог бежать⁶. Если старший сын Павла Голубенко был типичным представителем черноморской серомы, то отец его с трудом удерживался на грани, отделяющей серомаху от бедного казака-хозяина. Лишенный возможности нести

¹ КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

² Там же, св. 8, д. 30.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, св. 22, д. 70.

⁶ Там же.

службу лично, Голубенко, получив вскорости после найма Ивана наряд от куренного атамана, вынужден был нанять казака в складчину с казаком Носком. От себя при этом Павел снабдил наемника лошадью. Наем за себя казака столь бедным человеком лишний раз подчеркивает высокую степень распространения купли-продажи рабочей силы в Черноморском войске. Отправив казака на службу, Павел Голубенко около Петрова поста пошел с женой и двумя малолетними детьми на заработки в Каневское куренное селение. На уборке урожая он заработал у местных казаков несколько копен хлеба¹.

Войсковая администрация, сама принадлежавшая к числу тех, кто эксплуатировал наемную силу, имела все основания содействовать притоку беглецов на Кубань. Это превосходно выразил войсковой атаман Т. Котляревский, который просил у Павла I разрешения зачислить в Черноморское войско всех «бродяг», бежавших на Кубань с Украины и с Волги до ревизии 1795 г. Мотивируя просьбу, Котляревский ссылался на малочисленность войска и тяжесть службы, ввиду чего труд бродяг оказал бы, по его словам, помощь не только в хозяйстве, но также на рыболовных заводах и на кордонной службе². Павел согласился и рескриптом от 6 марта 1799 г. велел причислить в казаки «являющихся к вам бродяг»³. Это повеление открывало, таким образом, широкий простор для приписки беглых. Практически, разумеется, никто не доискивался, состоит ли пришелец в ревизских списках 1795 г. или не состоит.

Приписка в казаки беглых продолжалась в течение всего дореформенного периода, хотя, начиная с 20—30-х годов, она была значительно затруднена. Куренные, а позже станичные власти приписывали беглых с целью наиболее рациональной их эксплуатации. Изобретательность в этом отношении была безграничной. Нередко беглых записывали на место умерших казаков. В 1833 г., например, с казаков Григория Калмычко и Якова Ялового были взысканы в пользу приказа общественного призрения деньги, взятые ими с беглых за приписку на место умерших⁴. Крестьяне бежали на территорию Черноморского войска вплоть до 60-х годов XIX в., когда отмена крепостного права придала переселению на Кубань легальные формы.

Законодательство дореформенного периода по вопросу о бегстве на Кавказ отличается двойственностью. С одной стороны, правительство, защищавшее интересы крепостников, стремилось сдерживать бегство крестьян. Но, с другой, под влиянием военной необходимости оно должно было пополнять и расширять контингенты кавказских казачьих войск беглым элементом. Эта двойст-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 369.

³ Там же, док. 377.

⁴ Куб. сб., т. VII, стр. 77.

венность, выражавшая противоречия самой феодально-крепостнической системы империи, отразилась, в частности, и в утвержденном 15 февраля 1817 г. «Положении», выработанном комитетом министров. Положение оставляло в Черноморском войске тех из беглых, которые вошли в казачьи списки 1816 г., обзавелись семейством, хозяйством и несли казачью службу; те же, которые не имели семей и хозяйства или, имея таковые, не отправляли казачьей службы, исключались из войска и обращались в прежнее звание. Исключению подлежали и все беглые, находившиеся в войске после 1816 г. Помещики, потерявшие на основании этого Положения своих крестьян, удовлетворялись рекрутскими квитанциями¹.

Позднейшие узаконения, не затрагивавшие Черноморское войско непосредственно, тем не менее имели к нему ближайшее отношение. 12 февраля 1829 г. было издано императорское повеление об определении бродяг, зашедших в Кавказскую область, в работники к казакам, поселенным на кавказской линии². Это постановление усилило наплыв беглых на Кавказ. По донесению генерала Вельяминова командиру Кавказского корпуса, в 1832 г. число всех «бродяг» в Кавказском линейном войске превышало 10 тыс. человек³. Ввиду этого Сенат указом от 13 марта 1833 г. повелел прекратить прием «бродяг» в Кавказское линейное войско, а прибывших сдавать в рекруты или отсылать в военно-рабочие и арестантские роты⁴. Изгоняя беглых из пределов линейного войска, правительство стремилось одновременно направить их на восточное побережье Черного моря. 22 марта и 5 апреля 1833 г. комитет министров разрешил поселяться на восточном побережье Черного моря и за Кубанью (в Анапе) казенным крестьянам, зашедшим сюда ранее, не делая розыска о паспортах. Вполне понятно, что волна беглецов направилась в противоположную сторону, на Кубань⁵. В июне 1836 г. и в апреле 1837 г. военный министр представил доклад о невозвращении владельцам крестьян с Кавказа⁶. В 1838 г. последовало императорское повеление о зачислении в казаки 2434 человек обоего пола из самовольно поселившихся на земле Кавказского линейного войска крестьян, мещан и других, как имеющих оседлость в станицах, так и не имеющих таковой, «по их желанию»⁷.

Черноморья служила все это время для беглого населения своеобразным рынком купли-продажи рабочей силы. Это, в частности, явствует из отношения графа Строганова графу Головину от 11 марта 1839 г. Строганов писал, что трудно различить, кого из

¹ ПСЗ, т. II, 1827, док. 908.

² И. Бентковский, Материалы для истории колонизации Северного Кавказа, Памятная книжка Кубанской области, Екатеринодар, 1881, стр. 28.

³ Шамрай, Историческая справка, Куб. сб., т. VII, стр. 87—88.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Там же.

⁶ Акты Кавказской археографической комиссии, т. IX, Тифлис, 1884, док. 357.

⁷ Куб. сб., т. VII, Екатеринодар, 1901, стр. 88.

крестьян можно считать поселенными на Кавказе, а кого нельзя, так как многие из них увольняются на заработки в Черноморию¹. На заработки в Черноморию шли и крестьяне, поселившиеся за Кубанью, на восточном побережье Черного моря, и беглые из разных мест. Бороться с этим не было возможности. Беглецы скрывались в хуторах, зимовниках и в обширных кубанских плавнях — «в заброде». 29 апреля 1844 г. из управления Черноморского войска последовало предписание сыскному начальнику Екатеринодарского округа есаулу Беднягину о розыске более 200 анапских и новороссийских поселян, отпущенных в Черноморию на заработки по билетам, но просрочивших билеты и проживающих без паспортов целыми годами. Беднягин обязан был послать конную команду во главе с есаулом Хмельницким и сотником Вакуленко для обыска хуторов, селений, рыболовных «заводов» и т. д. с целью поимки всех беспаспортных и подозрительных лиц².

Следует иметь в виду, что Черномория отнюдь не была прибежищем только беглых. Как указывалось ранее, сюда шел и легальный элемент с Украины и Великороссии. В делах черноморского архива хранится немало данных о малороссийских казаках, казенных крестьянах, владельческих крестьянах, отправлявшихся на заработки в Черноморию³.

Мысль об отходе крепостных крестьян с Украины в Черноморию на заработки отчетливо звучит и в поэзии Т. Г. Шевченко.

Пішов я, брате, зароблять.
І де вже ноги не носили...
Поки ті гроші заробив,
Я годів зо два проходив
по Чорноморії...

На Тамань, к черноморцам, собирався идти круглой сирота и горемыка Мыкола, известный персонаж из произведения И. Котляревского «Наталка Полтавка». Оттуда же, с «линии», пришел Петро — другое действующее лицо этого произведения, бурлак, типичный бродячий работник.

Нередки случаи, когда помещики отдавали своих крестьян в наем черноморской старшине, «бездушному» дворянству. В 1849 г., например, помещик Славяносербского уезда, Екатеринославской губернии, И. А. Андреев отдал три принадлежащих ему крестьянских семьи «в годовое услужение» трем черноморским старшинам: подполковникам Шпилевому, Кравченко и Чумакову. По истечении срока старшины должны были возвратить крестьян владельцу. Но случилось так, что крестьяне продолжали жить у нанимателей с просроченными билетами. Помещик, боясь потерять свою соб-

¹ Акты Кавказской археографической комиссии, т. IX, док. 357.

² КГКИА, ф. 177, св. 2, д. 28, л. 69.

³ КГКИА, ф. 252, св. 207, д. 1380, л. 1382.

ственность, стал в 1852 г. принимать меры к возвращению крепостных¹.

Для основной массы беглых Кубань была не Ханааном, обещающим, как говорит Ф. Щербина, «вольные, доступные для труженика земли»², а рынком продажи рабочей силы. При этом небеспеченность экономического положения черноморской серомы и тяжесть эксплуатации была так велика, что серома стремилась иногда уйти из войска, чтобы променять положение казака на положение крепостного или получить заработок на стороне, вне казачьей территории. Известно, например, что при переселении войска из-за Буга на Кубань часть серомы предпочла уйти в Задунайскую Сечь или остаться на месте, превратившись в крепостных.

Казачье начальство разыскивало таких беглецов, стараясь вернуть их в войско. Из рапорта дюку де-Ришелье от 6 января 1810 г. узнаем, что Василий Белый, казак полка войскового старшины Бурноса 2-го, «отлучась самовольно из войска, укрывается и проживает в Екатеринославской губернии, Ростовского уезда, в называемом малороссийском Койсугском селении у дворянина Михаила Чернявского»³. Войсковое начальство просило запретить «как в оной слободе, так и в соседних ко оной принимать впредь таковых казаков, кои также принимаются»⁴.

Вот эпизоды из жизни бродячего черноморского наемного работника. Беглый из Черниговской губернии И. Федченко, вступивший в свое время в «Черноморскую Сечь», после двухлетней работы у казака Грумника «оттоль бежал и находился по разным Елисаветградского уезда селениям в заработках, затем пошел Херсонского уезда в слободу помещика полковника Бервикса, в коего и нанялся во двор работником ценою в год за тридцать рублей, где и служил девять месяцев»⁵. Оттуда Федченко перешел в Ольвиопольский уезд к помещику Кoble, где «нанялся в... двор в работники»⁶. Посланный перегонять табун, Федченко бежал на рыболовные топи и т. д. Часть казаков находила себе заработок по соседству, на керченских промыслах, служила на судах и т. д. Казак Г. Барановский жаловался, что во время осеннего лова рыбы в 1795 г. на керченско-еникальских промыслах мещанина Едонина он так был избит греком Маврозаки, что лишился возможности отправлять казачью службу⁷. Яков Щербина, сын бывшего реестрового казака из Полтавы, ставший в 1788 г. черноморцем «по имению в Полтаве никакого отцовского имения»⁸, в 1795 г. «нахо-

¹ КГКИА, ф. 177, св. 2, д. 1380, л. 156—162.

² Ф. Щербина, Беглые и крепостные, Киевская старина, 1883, июнь, стр. 248.

³ КГКИА, ф. 249, св. 91, д. 607, л. 18.

⁴ Там же.

⁵ КГКИА, ф. 250, св. 16, д. 59.

⁶ Там же.

⁷ Там же, св. 8, д. 30.

⁸ Там же, св. 9, д. 32.

дился в работниках»¹ на мореходном судне донского казака Никиты Антонова.

В непосредственной связи с вопросом о положении беглых на Кубани находится и другой важный вопрос — о положении здесь крепостных.

2. КРЕПОСТНЫЕ

Вопрос о крепостнических отношениях на Кубани в работах историков Черноморского войска получил неодинаковую оценку. Щербина² и Шамрай³ старались доказать, что крепостнические отношения на Кубани юридически не существовали. Они объясняли это силой «демократических традиций» Запорожской Сечи, «психологией» черноморского казачества, унаследовавшего от запорожцев свободолюбие и отвращение к рабству. Лишенные, однако, возможности обойти документально подтвержденные факты, Щербина и Шамрай объявляли наличие крепостнических отношений в войске исключением и считали, что крепостничество в Черномории не существовало, во всяком случае, уже с 1858 г. Другие авторы, например Крыжановский⁴, опираясь на факты, доказывали, что с начала образования войска и до самой реформы 1861 г. крепостнические отношения существовали как узаконенный институт.

В статье, посвященной пятидесятилетию отмены крепостного права, Ф. Щербина писал: «Кубанские казаки не знали крепостного права, как узаконенного института своей жизни. Но когда-то в заветную чашу казачьей вольности была влита капля крепостного яда. Влили ее не сами казаки, а их старшины, главари»⁵. Стремясь сгладить очевидное противоречие, Щербина добавляет: «Нельзя сказать, чтобы и казачья старшина особенно благоволила крепостничеству... войсковая администрация пользовалась малейшим поводом к тому, чтобы освободить и записать в казаки бывших в Черномории крепостных»⁶.

Ниже, касаясь проекта, выработанного войсковой канцелярией в 1843 г., о предоставлении казачьему дворянству права владеть крепостными в размере 10 тыс. душ и указа Николая I от 18 сентября 1850 г. о драбантах, он замечает: «Следовательно, на Кубани были лишь попытки насадить крепостничество, но и эти попытки не носили тех форм и характера, какими отличалось оно в России... Кубанские казаки могут спокойно сказать: мы непричастны

¹ КГКИА, ф. 250, св. 8, д. 32.

² Ф. Щербина, Из истории освобождения крестьян, газ. «Кубанский край», № 40, 1911.

³ Шамрай, Историческая справка о крепостном праве на Кубани, Куб. сб., т. VII.

⁴ Крыжановский, Крепостное право в землях Черноморского, ныне Кубанского казачества, Известия общества любителей истории Кубанской области (Известия ОЛИКО), 1912.

⁵ Ф. Щербина, Из истории крепостного права, газ. «Кубанский край», № 40, 1911.

⁶ Там же.

были к язве порабощения людей»¹. Противник Щербины в этом вопросе Крыжановский соглашается со своим оппонентом в одном: он признает особый, якобы гуманный характер крепостнических отношений на Кубани. «С несомненностью можно сказать, — утверждает Крыжановский, — что положение и дворовых и крепостных работников в Черномории было несравненно лучше, нежели в центре России... обращение с крепостными дворян отличалось сравнительно простотою и гуманностью».

Крепостничество на Кубани, действительно, явление малозначительное в смысле влияния на экономику края и на внутренний быт массы казачества. Этот факт, однако, буржуазные историки черноморского казачества и казачьи общественные деятели пытались использовать в своих политических целях. Они муссировали мысль о вольности казачества, о свободолюбии старшины, о казачестве, как о носителе «истинно-народных» идеалов и тем самым затушевывали мысль о социальной дифференциации казачества, эксплуатации большинства меньшинством, острой классовой борьбе, о колонизаторской роли казачества в правительственных видах в старое время и его роли как вспомогательной полицейской силы в новое дореволюционное время.

Следует заметить, что гуманность и преданность идее свободолюбия, свойственные будто бы черноморским эксплуататорам, существовали лишь в сознании указанных историков, инспирированном классовыми, политическими целями. Прекрасной иллюстрацией того, как далеко в этом направлении продвинулись эти историки, может служить следующее утверждение Крыжановского: «И вообще между малороссийским дворянством и крестьянством, а тем более свободным казачеством, отношения были и простые и близкие»².

Черномория, надо сказать, в действительности культивировала отвратительные по своей жестокости типы помещиков-крепостников. П. Короленко, рассказывая биографию Антона Головатого, передает предание о жестокой казни, придуманной последним для крепостной девушки, обвиненной в отравлении его дочери. Он приказал нарядить осужденную в подвенечное платье, связать и зашить ее в мешок. После того как вызванный священник прочел отходную, гайдуки бросили несчастную в реку³.

Попытаемся поближе присмотреться к физиономии черноморского крепостника более позднего времени. Возьмем дело есаула Дубоноса (небезызвестное Щербине), составленное екатеринодарской полицией по жалобе крепостных людей на жестокость своего пана. 30 июня 1847 г. крепостной Матяш на допросе рассказывал: «Помещик мой, г. есаул Дубонос, более уже второй год как со мной начал обращаться весьма жестоко без всякой моей пред ним винно-

¹ Ф. Щербина, Из истории освобождения крестьян, газ. «Кубанский край», № 40, 1911.

² Крыжановский, Известия ОЛИКО, вып. IV, 1912, стр. 132.

³ Куб. сб., т. XI, Екатеринодар, 1904—1905, стр. 91.

сти; почти ежедневно причинял мне своеручно побои руками, кнутом, палкою и чем только приходилось, в чем могут посвидетельствовать отставной солдат Филипп Лебедев, работник торгующего в г. Екатеринодаре Карпа Капнина Федор по прозванию Неизвестный и работник есаула Барилы мещанин Матвей Цеховой»¹.

Крепостная Матрена Кутевая показала: «Дубонос не один раз безвинно наказывал меня своеручно и бил вчасу руками, в пьяном виде имел со мною насильственное прелюбодеяние и неоднократно покушался растлить родную мою дочь Устинью, имеющую ныне от роду 14 лет, которую я от него раз скрывала в сундуке, в чем может посвидетельствовать находившийся у него, г. Дубоноса, работник казак Корней Бурлака, который находится ныне в хуторе подполковника Михаила Гавриша в годовом услужении, а о побоях может удостоверить также бывший у Дубоноса поваром по паспорту человек, по прозванию Неизвестный, кой находится в работниках же у торгующего в г. Екатеринодаре мещанина Богомолова и работники есаула Барилы Николай и Матвей по прозванию Неизвестные»². Дети Кутевой Елисей, Алексей и Устинья показали: Елисей: «От помещика своего Дубоноса я вчасую претерпевал безвинно побои своеручно плетью, а в одно время велел мне привести ему в горницу для учинения с нею прелюбодеяния родную сестру свою Устинью, и когда не послушал его, то он бил меня за то своеручно голою полоскою сабли, что могут посвидетельствовать крепостные его, Дубоноса...»³; Алексей: «Навсегда при горнице был обижаем у него (Дубоноса. — В. Г.) боем, иногда за маловажные вины, а большей частью без оных в день раз по пяти чем попадя. Свидетелей посторонних я не имею, потому что это бывало всегда в горнице наедине...»⁴; Устинья: «Дубонос никогда меня жестоко не наказывал, кроме он раз за нехорошо вычищенные мною столовые ножи ударил рукою по щеке. Но растлить меня неоднократно покушался в пьяном виде и одно время, поймавши меня, мучил в горнице долгое время, но как он тогда был в довольной напlosti, то желаемого исполнить не мог»⁵. Крепостной Максим Коваль рассказал: «Помещик мой, есаул Дубонос, бил меня вчасую бесчеловечно... напрасно без малейшей винности плетями, терниной и чем попадя по голом теле, от каковых побоев я три месяца находился при дворе его в излечении...»⁶. Коваль ссылался на лечившего его фельдшера. Дело это кончилось тем, что от Дубоноса была взята подписка в том, что впредь он будет наказывать своих крепостных лишь с ведома полиции.

Вот и другое дело, начатое по жалобе крепостных есаула Барыш-Тищенко на жестокое обращение со своими людьми его же-

¹ КГКИА, ф. 336, св. 128, д. 676, л. 76.

² Там же, лл. 76—79.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 79.

ны. Одна из жалобщиц, Елизавета Канаева, доведенная побоями своей помещицы до отчаяния, пыталась повеситься. Муж Канаевой подал в 1849 г. жалобу екатеринодарскому прокурору. Рассказы допрошенных по этому делу лиц отчетливо очертили физиономию черноморской Салтычихи — Барыш-Тищенко. Один из допрошенных показывал: «И более от нее, г-жи Барыш-Тищенко, сестра моя Афимья каждодневно переносит таковые побои и изнурение такое, что раны на теле ее никогда не заживают, волосы от вырывания из корня во многих местах не растут... неоднократно большие пучки волос приносила ко мне, вырванных с корнем и даже кожей; во время же поездки Барыш-Тищенко в хутор она взяла с собой сестру мою Афимью и дорогою била руками, давила за горло, грызла зубами и колола столовою вилкою в бок и по всему телу, от чего произошли глубокие раны с истечением множества крови,... по прибытии в хутор била трехугольным аршином, который поломала в мелкие куски»¹. Братья Афимьи Тихон и Яков привезли пострадавшую едва живую в Екатеринодар к прокурору. Последний, осмотрев раны, направил ее к атаману генерал-майору Рашпилю. Атаман, велев снять допрос, отправил Афимью к госпоже до решения дела. Через неделю помещица вновь приступила к истязанию, несмотря на заступничество жены Рашпиля. Муж Барыш-Тищенко, вернувшись домой, собственноручно избил розгами Афимью и брата ее Тихона. Когда крепостные, выведенные из терпения побоями господ, вновь обратились в полицию, там ответили, что их дела в полиции нет. Больная жена Тихона, Елизавета, была так избита помещицей, что лишилась разума. Отправленная в богадельню, она на следующий день умерла. Две крепостных Барыш-Тищенко — Матрена и Татьяна бежали от помещицы, третья, Вера, была избита госпожой до бесчувствия. После этого помещик еще собственноручно высек уже бесчувственную Веру и, вызвав из гарнизонной роты казака Солоницкого, приказал ему отвести ее в баню. Прося атамана Рашпиля о заступничестве, крепостные заключали: «И по сие время претерпеваем горькую нашу участь»².

Крепостных в Черномории покупали и продавали, как скот. Об этом свидетельствует письмо графа М. С. Воронцова графу Панину. Воронцов сетует на то, что торговля мужчинами, женщинами и детьми достигла таких размеров, что положение душевладельцев принимает вид владения неграми в южных штатах Америки³. Крепостные, по словам Воронцова, покупаются у помещиков южных губерний. Черноморские дворяне превращали иногда в крепостных пленных. Такого происхождения крепостные были, например, у Антона Головатого. Отправляя из Слободзеи в Аleshки к полковому хорунжю Демьяну Поночовному для обучения грамоте трех мальчиков, Головатый в свидетельстве, выданном 7 сен-

¹ КГКИА, ф. 331, св. 16, д. 52, лл. 2—4.

² Там же, л. 4.

³ Акты Кавказской археографической комиссии, т. X, Тифлис, 1878, док. 20.

тября 1792 г., писал, что мальчики, крещеные турки, — «мой собственный дворовые»¹. Подполковник Павел Бурсак, сын запорожца, 1 ноября 1828 г. купил у есаула Звягинцева крестьянскую семью: Гордея Костюченко с женой Анной и четырьмя детьми за 1 тыс. руб. ассигнациями. Крестьяне эти, как видно из выданного Звягинцевым обязательства, были в свое время куплены им у помещика Слободско-Украинской губернии, Сумского уезда, Никандра Каневцова². Еще раньше, в 1808 г., его отец Ф. Бурсак купил за 1950 руб. ассигнациями 50 крепостных обоюбого пола³. Крестьяне, составляя официальную собственность черноморских дворян, передавались, вместе с другим имуществом, по наследству. Отставной войсковой полковник С. Порывай по духовному завещанию от 20 июня 1820 г. передавал своей жене Марии Андреевне «все благоприобретенное... имение... как-то хутора с дворовыми моими крестьянами...»⁴.

Крепостными в Черномории владели не только старшины, но и казаки из дворян и духовенство. В прошении от 2 июня 1813 г. о зачислении в казаки вольноотпущенный крестьянин Василий Ярошенко писал, что он был крепостным помещика Хорольского уезда, Полтавской губернии, Григория Величко, после смерти которого достался сыну его Степану, черноморскому казаку Брюховецкого куреня. В 1812 г. Степан Величко отпустил Ярошенко с женой на волю⁵. Этот факт Ярошенко подтвердил отпусковым листом⁶. Черноморские священники приобретали крестьян, в обход законов, на имя жен, если те происходили из дворян. Иногда дворовые из крепостных продавались духовенством или передавались по наследству. Умерший в 1831 г. протоиерей Медведовского куреня Красницкий оставил после себя значительное наследство, в числе которого было восемь свидетельств и расписок о купле-продаже крепостных⁷.

Определить точно количество крепостных крестьян в Черномории невозможно. Это объясняется тем, что помещики уклонялись от регистрации своих крестьян. В феврале 1797 г. был издан указ о запрещении продавать крестьян без земли⁸. Черноморское же дворянство, фактически владевшее, пользовавшееся и распоряжавшееся земельными участками, формально, однако, не обладало правом частной собственности на войсковые земли.

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 731.

² Краснодарский историко-краеведческий музей.

³ Ф. Щербина, Из истории освобождения крестьян, газ. «Кубанский край», № 40, 1911.

⁴ Краснодарский историко-краеведческий музей.

⁵ КГКИА, ф. 251, св. 96, д. 236, л. 89.

⁶ Там же, л. 90.

⁷ Известия ОЛИКО, вып. V, 1912, стр. 126, 134.

⁸ В. И. Пичета, Крестьянский вопрос и отношение к нему правительства и общества в 1 четверти XIX в., Крепостное право в России и реформа 19 февраля 1861 г., стр. 133.

В 40-х годах XIX в. правительственные власти издали ряд постановлений, специально касавшихся крепостнических отношений на Кубани. В 1841 г. последовало мнение государственного совета о запрещении приобретать дворовых людей тем чиновникам (офицерам войска), которые не имеют заселенных имений. 26 января 1843 г. Сенат издал указ о возвращении прежним владельцам крепостных, купленных без земли дворянами, не имеющими во владении населенных имений¹. Однако по ходатайству черноморских дворян о том, что они, занятые службою, не могут поддерживать свое хозяйство без прислуги, в 1847 г. было разрешено дворовых людей, приобретенных до манифеста 16 июня 1833 г. о вольной народной переписи, оставить на прежнем основании; приобретенных же после этого срока решено оставить на 25 лет (до 16 июня 1858 г.) в положении драбантов, а по истечении срока мужчин причислить в казаки, а женщинам дать свободу².

В 1833 г. возникло дело, возбужденное крепостными, которые жаловались на своих господ, владевших ими не на законных основаниях. В связи с этим екатеринодарской полицией было поручено произвести расследование, которое установило, что часть чиновников владеет крепостными по закладным, распискам, а не по купчим крепостям. В списке, составленном полицией, числился сорок один чиновник, незаконно владеющий ста семьюдесятью крепостными. Большинство при этом владело одним — тремя крепостными, два человека — восемью, один — тринадцатью, есаул Перекрестов — шестнадцатью, а коллежский ассессор Тимофеев — тридцатью восемью крепостными³. Количество крепостных в Черномории, исчисляемое разными авторами на основе различных документов, не может соответствовать действительности. Притом приводимые цифры разноречивы. Шамрай на основе архивных данных количество крепостных в разные годы определяет так: в 1810 г. — 70 человек, в 1812 г. — 292, в 1813 г. — 353, в 1817 г. — 443, в 1819 г. — 452, в 1829 г. — 305, в 1836 г. — 1488, в 1843 г. — 632, в 1852 г. — 1374 человека обоего пола⁴. В другом месте, по данным 1863 г., количество крепостных в бывшем Черноморском войске Шамрай, сылаясь на 10-ю народную перепись, определял в 1046 человек, которые принадлежали 123 лицам⁵. В деле от 1854 г. о взыскании с владельцев крепостных людей денег вместо поставки рекрутов находим следующие данные: по г. Екатеринодару значится 43 владельца, а лиц, подлежащих рекрутской повинности, — 182, по Екатеринодарскому округу соответственно 55—210, по Таманскому 50—187, по Ейскому 33—109 и по г. Ейску 4—7, итого владельцев 185, крестьян 695. Умножив последнее число на два, получим 1390 человек обоего пола при 185 владельцах⁶. По официальным

¹ Куб. сб., т. VII, стр. 81.

² Там же, стр. 82.

³ КГКИА, ф. 249, св. 217, д. 1407.

⁴ Куб. сб., т. VII, стр. 82.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ КГКИА, ф. 334, св. 13, д. 67.

статистическим данным за 1840 г. дворовых людей в Черномории значится 1542 человека обоего пола¹.

Сопоставим количество крепостных в Черномории с общим количеством населения. Инженер-поручик Петров в ведомости, приложенной к рапорту в военную экспедицию от 8 февраля 1830 г., определяет общее количество населения по четырем округам Черноморского войска (за исключением г. Екатеринодара, данные о числе крепостных по которому даны суммарно) в 98 976 человек. В надписи на ведомости о населении Черноморского войска читаем: «У чиновников сего войска дворовых крестьян состоит записанных по последней ревизии 467 душ»². Умножив эту цифру на два, получим 934 человека обоего пола.

Таким образом, крепостные в Черноморском войске составляли в 1830 г. менее 1% в общей массе населения.

По табелю о населении Черноморского войска на 1 сентября 1847 г. числится по трем округам 138 981 человек, из них дворовых крестьян 919. Таким образом, в 1847 г. крепостные в общей массе населения составляли 0,6%³. Наконец, из статистических сведений за 1857 г.⁴ явствует, что в Черномории в этом году насчитывалось 170 695 человек, из них крестьян 801 человек (дворовых 349 мужского пола и 400 женского, помещичьих 22 мужского пола и 30 женского). В данном случае крепостные крестьяне в общей массе населения составляли всего около 0,5%.

Крепостные черноморских помещиков формально считались дворовыми. Официальный статистик инженер-поручик Петров замечает: «Хотя же у чиновников сего войска дворовых крестьян и состоит... 467 душ, но оные хлеба себе на землях войску принадлежащих особо не засеивают, а довольствуются таковыми при своих владельцах от их избытков»⁵. Документы строго официального назначения черноморских крепостных квалифицируют дворовыми. В указе от 1 января 1844 г. о порядке надзора за обращением черноморских чиновников с их крепостными людьми читаем: «Надзор за поведением... и обращением с крепостными их людьми, которых в Черномории, кроме дворовых, не состоит...»⁶. В Положении о Черноморском казачьем войске, утвержденном 1 июля 1842 г., основное население войска делится только на три разряда: на казаков, инородцев и дворовых людей, принадлежащих войсковым чиновникам⁷.

В действительности же в Черномории были не только дворовые, но и надельные крестьяне, правда, в очень небольшом количестве. По этому поводу генерал Киселев доносил в 1820 г.: «Неко-

¹ КГКИА, ф. 251, св. 515, д. 1309, л. 35.

² Там же, св. 259, д. 627, лл. 247—284.

³ КГКИА, ф. 252, св. 108, д. 758, лл. 30—31.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 321, д. 2298.

⁵ КГКИА, ф. 251, св. 259, д. 627, л. 284.

⁶ ПСЗ, т. XIX, 1845, док. 17473.

⁷ ПСЗ, т. XVII, 1843, гл. II, п. 7.

торые из чиновников войска Черноморского учредили из земель оного частное владение и поселили на оных крестьян»¹. В связи с этим предложено было поселенных крестьян перевести в имения черноморских дворян в других губерниях или зачислить в казаки. Но войсковая администрация, сама владевшая крепостными, отнюдь не склонна была исполнять эти распоряжения. Генерал-майор Кусаков в отношении на имя ставропольского губернатора от 6 февраля 1861 г. писал о том, что крепостные в Черномории используются «смотря по состоянию владельцев»². Если владелец занимается хлебопашеством, то крестьяне его исполняют работы домашние и полевые, в противном случае обязанности их ограничиваются домашними работами³.

Труд крепостных применялся в имениях черноморских дворян, в хуторском хозяйстве. Крепостные, как это видно из духовного завещания от 18 июня 1823 г., были на хуторе Старом у отставного полковника Степана Порывая⁴. Из свидетельства, выданного Каневским станичным правлением от 2 февраля 1848 г., видно, что у подполковника П. Ф. Бурсака при хуторе на р. Челбассах была целая слобода крепостных в тринадцать дворов, основанная еще в 1810 г.⁵. Наличие крепостных в дворянских хуторах подтверждается и другими документами.

В черноморском помещичьем хозяйстве крепостной труд сосуществовал с трудом наемным. В архиве Бурсака и других помещиков постоянно встречаются ссылки на наемных людей и крепостных. Тем не менее элементы крепостнических отношений, можно смело сказать, были лишь слегка вкраплены в помещичье хозяйство и безусловно отступали на задний, едва заметный план перед отношениями вольного найма рабочей силы.

В заключение необходимо рассмотреть вопрос о драбантах в Черноморском войске. Черноморские офицеры, добиваясь права пользоваться даровым трудом в своих хозяйствах, подняли в 20-х годах XIX в. вопрос об использовании ими денщиков из числа казаков вне действительной службы. В связи с этим командир Отдельного кавказского корпуса Паскевич представил в 1828 г. рапорт начальнику главного штаба Дибичу. Паскевич объяснял, что лишение черноморских офицеров права пользоваться трудом денщиков вне действительной службы приводит к хозяйственному разорению офицеров, в особенности бедных, и просил разрешения пользоваться прислугой «в домашней их (офицеров. — В. Г.) жизни». Паскевич рекомендовал при этом разрешить офицерам «пользоваться прислугой по чинам из казаков и преимущественно из

¹ Киевская старина. 1883, июль, стр. 241—242.

² Известия ОЛИКО. вып. V, стр. 130—131.

³ Там же, стр. 131.

⁴ Краснодарский историко-краеведческий музей.

⁵ Там же.

тех, кои не имеют ни домов, ни семейств»¹. Николай I, как видно из отношения инспекторского департамента главного штаба от 8 сентября 1828 г., отклонил эту просьбу².

В 1850 г. было, впрочем, найдено компромиссное решение этого вопроса. 18 сентября 1850 г. был издан указ, по которому все дворовые люди и крестьяне без земли, принадлежащие дворянам Черноморского войска, оставались в услужении нынешних владельцев в качестве драбантов в течение двадцати пяти лет, считая этот срок с 16 июня 1833 г. По истечении указанного срока драбанты мужского пола обращались в казачье звание, а женщины получали свободу. Генералам и штаб-офицерам предоставлялось право иметь постоянных драбантов на основе временных правил, составленных главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом. Правила эти вводились в виде опыта на три года с последующим изменением в зависимости от местных условий³.

Черноморский атаман приказом по войску от февраля 1851 г. развил этот закон в обстоятельную инструкцию. Последняя счень любопытна. Так, лицам, имеющим право на получение драбантов, предоставлялось «избрать таковых по взаимному согласию из переселенцев и из служилых казаков»⁴. Из казаков драбантами не могли быть служащие в образцовой команде, служащие и служившие в гвардии, в артиллерии, в войсковой мастеровой сотне, состоящие в торговом обществе, а также «порочного поведения» и имевшие судимость. Вступление в драбанты обуславливалось взаимным «соглашением» казака с офицером. Согласившийся быть драбантом казак объявлял об этом станичному правлению, которое, изготовив соответствующую справку и записку, вручало их казаку для последующей передачи офицеру. Офицер со своей стороны доносил окружному дежурству о приискании себе драбанта и удостоверял согласие казака указанными документами. Дежурство сносилось со станичным правлением для соответственной отметки в станичных списках. С этого последнего момента казак освобождался от всех обязанностей, связанных с его званием. Характерно, что казак, как гласил примерный текст записки, обязывается быть драбантом «лично при нем (таком-то. — В. Г.), а если не лично, а на каких-либо других условиях, то писать как скажет, т. е. будет ли нанимать за себя другого или на наем будет платить чиновнику деньгами, начиная в последнем случае поскольку именно в год»⁵.

В драбанты стремились поступить казаки двух противоположных социальных категорий: богачи и бедняки. Для первых обязанности драбанта были простой фикцией, поскольку от исполнения их они официально откупались деньгами, освобождаясь в то же время от стеснений и затрат, налагаемых казачьей службой. Казачья же беднота, лишенная возможности нести разорительную службу, вы-

¹ КГКИА, ф. 251, св. 242, д. 598.

² Там же.

³ ПСЗ, т. XXV, 1851, док. 24480.

⁴ КГКИА, ф. 334, св. 8, д. 27, лл. 1—5.

⁵ Там же, л. 6.

нуждена была, вступая в драбанты, идти в кабалу к черноморскому офицерству.

В указе от 22 апреля 1851 г. офицерам образцовой команды Черноморского войска разрешалось, в случае смерти драбантов, иметь денщиков из состава казаков внутренней службы¹. Указом от 25 марта 1857 г. генералы Черноморского войска получали право иметь денщиков из нижних чинов регулярных войск. Вместе с этим они лишались права получать драбантов из казаков.

Таким образом, в отношении бывших крепостных закон о драбантах лицемерно прикрывал подневольную эксплуатацию новой правовой формулой, ограничив, правда, зависимость определенным сроком. Точно так же в отношении казаков дворянин использовал свою сословную, а в качестве черноморского помещика классовую привилегию на подневольный труд. Известная часть имущего казачества, поступавшая в драбанты, платила выкуп за освобождение от казачьих обязанностей как сословной повинности. Феодальный по основному смыслу закон, допуская выкуп, тем самым освобождал от сословной, т. е. феодальной повинности. Таким образом, развивавшиеся в Черномории отношения купли-продажи рабочей силы, т. е. отношения буржуазные, настойчиво пробивались сквозь скорлупу феодального права.

Крепостнические отношения в Черноморском войске не могли развиваться из-за трех обстоятельств. Во-первых, для заселения огромного края феодальная империя нуждалась в свободном, вернее, в относительно свободном населении. Во-вторых, военные цели на Кавказе требовали расширения кадров казачества, т. е. населения, свободного от личной зависимости. К тому же казачество было самым дешевым для казны видом войска. Эти два обстоятельства, надо сказать, обусловили ограничение крепостнических отношений на Черномории в законодательном порядке. В-третьих, эксплуатация рабочей силы путем найма неуклонно завоевывала господство в экономике края. Тут, как и во всей стране, действовала железная логика экономической эволюции, те объективные законы, которые подрывали и разрушали феодально-крепостническую систему.

---

¹ ПСЗ, т. XXVI, 1852, док. 25573.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В ЧЕРНОМОРИИ

1. ВОПРОС ОБ ОТВОДЕ ЗЕМЕЛЬ ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ

Из проектов, предусматривавших восстановление Запорожско-го войска на новых началах, с неизбежностью вытекал вопрос о предоставлении ему соответствующей территории. Правительственные круги мыслили разрешение этого вопроса лишь в виде отвода новых земель вне границ бывшего Запорожья. Это и не могло быть иначе. Выделение Черноморскому войску территории бывших запорожских владений было невозможно по политическим соображениям. Признав в 70-х годах незаконными претензии Запорожской Сечи ка земельные фонды, правительство не могло допустить противоречивого поступка в этом вопросе. Кроме того, огромная часть территории бывшего Запорожья стала уже частной собственностью таких сановников, как князья Потемкин, Вяземский, Прозоровский и др.

Несколько лет правительственные круги затруднялись вынести твердое решение по вопросу о том, куда же поселить новообразованное войско. Правда, в 1784 г. Потемкин проектировал, отвести формируемому тысячному отряду бывших запорожцев местность на левом берегу Днепра. На сей счет он 6 апреля 1784 г¹ испрашивал повеление у императрицы¹. В эти границы должна была войти и некая минимальная часть бывшего Запорожья, та которая была крайне слабо заселена и находилась далеко от центральных районов Украины.

После официального утверждения Черноморского войска возшн новый проект. Указом от 14 января 1788 г. Екатерина II поручила Потемкину решить вопрос о войсковой территории по собстве:-:

¹ И. Дмитренко, Сбор, матер, по ист. Куб. каз. войска, т. I, док.-

ному усмотрению, учитывая просьбы и желания казаков, которые якобы хотели поселиться в «Керченском Куту или на Тамане»

Идея переселения на Кубань пользовалась, несомненно, значительной популярностью в казачьей среде. Устье Кубани и восточное побережье Азовского моря были хорошо известны запорожцам. Еще во времена Сечи казаки ловили рыбу в Ейском лимане и в ближайших к нему местах, в границах позднейшей Черномории. На этой почве не раз имели место столкновения с местными обитателями. Историк Кубанского войска Е. Д. Фелицын утверждает даже, что запорожцы жили оседло на Кубани задолго до падения Сечи². Повидимому, в данном случае речь идет об очень немногочисленном казачьем населении, занимавшемся рыбной ловлей. Этим и объясняется, в частности, то обстоятельство, что непосредственно после разрушения Сечи часть беглецов направилась в сторону Кубани. Из секретного ордера Потемкина В. А. Чертков от 29 апреля 1776 г. узнаем, что Чертков 4 марта доносил «о намерении к побегу на Кубань бывших запорожцев»³. На Кубань могли бежать и бежали неимущие элементы — Серома, которая искала там заработка на рыболовецких промыслах, находившихся до 1783 г., т. е. до ликвидации Крымского ханства, на территории, в части своей формально не входившей в состав России.

После учреждения войска возник другой проект. Новое войско предложено было поселить на возвращенной исконной русской территории между Бугом и Днестром. Из сообщения Потемкина Чепеге от 1 марта 1790 г. видно, что вопрос о формальном закреплении за войском указанной территории был поднят в начале года⁴. Решению этого вопроса в законодательном порядке предшествовала активная деятельность черноморских казачьих кругов. Руководители войска — Чепега и Головатый развернули кипучую деятельность, стремясь придать просьбе о предоставлении территории характер петиции, выражавшей волю всего войска.

Планы имущего казачества были весьма обширны. Бывшие запорожские зимовничане и рыбопромышленники претендовали не только на область между Бугом и Днестром, но и на значительные территории, примыкающие к этой области с востока. Проект петиции обсуждался как в конных, так и в пехотных частях войска. До нас дошли глухие отголоски борьбы различных групп казачества в связи с этим. Из письма Чепеги Головатому от 18 августа 1789 г. явствует, что конница, представленная в основном имущим казачеством, стояла за присоединение к территории, лежавшей между Бугом и Днестром, обширных степных пространств между Терекопом и нижним течением Днепра и далее на восток до берега

¹ ПСЗ, т. XXII. 1830, док. 16605.

² Куб. Обл. Вед., 1890, № 37.

³ Летоо. Екат. уч. аох. ком., вып. I, стр. 113.

⁴ Бумаги Потемкина (1790—1793), стр. 12.

Азовского моря Пехота, состоявшая преимущественно из малоимущих и неимущих казаков, не сразу согласилась поддержать этот проект. В том же письме Чепега просил Головатого приложить усилия, чтобы пехоту «привести о земле в единоголасие». Из-за отсутствия документальных данных трудно уяснить себе мнение пеших казаков по этому вопросу. Весьма вероятно >предположение, что настроение неимущей и малоимущей части казачества не могло отличаться определенностью. Для серомы, например, составлявшей значительную часть войска, сам по себе вопрос о размерах территории и ее географическом положении не представлял интереса. Она интересовалась им постольку, поскольку это облегчало или ухудшало приискание заработка. Трудно предположить также, чтобы и средние круги казачества как запорожского, так и незапорожского происхождения могли формулировать свои притязания на территорию в строго конкретной форме.

Тем не менее, 19 августа 1792 г. пешие казаки вынесли решение, целиком отвечавшее интересам конных и долженствующее подчеркнуть в глазах высшего начальства «единство» мнений казачества по сему предмету. Документ этот весьма выразителен. Казацкие верхи просили дополнительно к области между Бугом и Днестром присоединить огромную местность: «всю Кубанскую сторону», северо-западное побережье Азовского моря от устья р. Берды до Перекопской линии, и далее граница должна была идти до Кинбурна².

Размеры территории, на которую претендовали бывшие запорожские верхи, как видим, весьма внушительны. По площади она превосходила Запорожье и, кроме того, имела ряд крупных преимуществ, связанных с географическим положением. Этот проект был своеобразной попыткой запорожских собственников получить от правительства компенсацию за потерянные ими на Запорожье владения.

Указанная просьба, естественно, встретила серьезные возражения в правительственных сферах и не была выполнена. Но она небезинтересна как показатель земельных притязаний запорожских богачей. В связи с этим нужно подчеркнуть, что борьба запорожских верхов за территорию отнюдь не закончилась 5 июня 1775 г. Она была только заглушена и вспыхнула вновь тотчас после учреждения Черноморского войска, внешне приняв характер просьбы: перед престолом.

1 марта 1790 г. Потемкин известил черноморский Кош о том, что он просил у императрицы земли для войска между Бугом и Днестром, а 19 апреля объявил, что войску дополнительно будут предоставлены Кинбурнская сторона, Еникальский округ и Тамань. Кроме того, со своей стороны Потемкин дарил войску лично при-

¹ И. Дмитренко, Сбор, матер, по ист. Куб. кзз. войска, т. III. док. 186.

² Там же.

надлежавшие ему рыбные ловли на Таманском полуострове. Правительство, впрочем, не склонно было санкционировать этот проект.

Во время войны Черноморское войско владело фактически лишь территорией между Бугом и Днестром. Добиваясь разрешения вопроса о территории в законодательном порядке, черноморская старшина обратилась после смерти Потемкина за содействием к генерал-майору В. С. Попову, бывшему правителю дел при Потемкине. Чепега в письме к Попову от 30 ноября 1791 г., т. е. после окончания военных действий, заявлял, что «войску черноморскому в рассуждении многолюдства между рек Буга и Днестра на земле поместиться невозможно». Заметим при этом, что все население области, в том числе и неказачье, насчитывало не более 30 тыс. человек. Чепега просил возбудить перед императрицей вопрос о присоединении к войсковой территории Кинбурнской стороны, Еникальского округа и Тамани².

В течение 1791 г. и первой половины 1792 г. вопрос об отводе Черноморскому войску территории разрешался под впечатлением разных проектов. Из писем правителя Екатеринославского наместничества В. К. Каховского В. С. Попову от 1792 г.³ видно, что к этому времени вопрос о переселении Черноморского войска на новое место уже был решен. Земли между Бугом и Днестром оказались объектом длительной борьбы как со стороны русских помещиков — Вяземского, Безбородко, де-Рибаса, де-Витта, Мордвинова и др., так и со стороны молдавских бояр — Стурдзы, князей Кантакузенов и т. д. И первые и вторые осаждали правительство просьбами о предоставлении им земель для колонизации. В связи с этим Каховскому было поручено составить план раздачи земель, административного устройства области и сооружения пограничных укреплений⁴.

Весной 1792 г., когда решался вопрос о формах колонизации района, где было расположено Черноморское войско, руководители последнего отправили в Петербург депутацию во главе с войсковым судьей А. Головатым. Какие именно конкретные соображения (*казались решающими в вопросе о переселении войска из-за Буга на Кубань, сказать трудно. Повидимому, правительство сообразовалось не только с желанием русских и молдавских помещиков. Решение переселить войско на Кубань диктовалось также близостью забужской области к Задунайской Сечи, куда часто переходила казачья серома. Кроме того, казачья колонизация пограничной области между Бугом и Днестром привлекала сюда массу беглого населения с Правобережной и Левобережной Украины. Тянувшаяся на землю Черноморского войска беднота, бежавшая от

¹ И. Дмитренко, Сбор, матер, по ист. Куб. «аз. войска, т. III, док. 578.

² Там же.

³ Зап. Одесск. об-ва истории и доевностей, т. XII. Одесса, 1875, стр. 383, 410, 413 и др.

⁴ Зап. Одесск. об-ва истории и древностей, т. IX, стр. 328—331.

крепостного ярма, легко перекочевывала за Днестр. Территория войска была своеобразным мостом для беглых, переходивших в Бессарабию и в Задунайскую Сечь.

Проект переселения на Кубань решительным образом менял обстановку. Во-первых, защита кубанского правобережья от набегов черкесских феодалов строго соответствовала интересам империи в охране неприкрытых границ, а также планам утверждения на Кавказе. Во-вторых, для заселения казаками отводился край, находившийся на военном положении и, следовательно, недоступный или малодоступный для помещичьей колонизации. Наконец, уничтожался «мост» для бегства крестьян и самих черноморцев за Дунай. Правительство учитывало одновременно то, что обширные пространства прикубанских степей должны удовлетворить притязания черноморских, т. е. бывших запорожских, богачей — старшин и казаков.

Отправляя депутацию Головатого в Петербург, черноморский Кош снабдил ее прошением на имя императрицы и инструкцией от 29 февраля 1792 г., в которой выдвигались огромные претензии в отношении территории. Головатый должен был добиваться пожалования войску далеко «е одного Таманского полуострова. Границы просимой местности должны были идти от Азовского моря по р. Кагальнику в направлении урочища Хомутицкого до р. Мануч и далее. Войсковая территория должна была занимать, по планам черноморских богачей, огромные пространства степей почти до самого Ставрополя, а от него на запад до Недреманного редута и Овечьего брода на Кубани и) до ее низовьев включительно. Кроме того, испрашивалась часть Таврического' полуострова, расположенная против Тамани, для устройства там пристани.

Уверенный в удовлетворении своих претензий, черноморский Кош, не ожидая законодательного решения, отправил на Кубань для осмотра и описания местности есаула Мокия Гулика.

Энергичный и ловкий Головатый, располагая обширными связями в! великосветских петербургских салонах, настойчиво добивался удовлетворения прошения и пожалования войску земли. Не без искусства дипломата, переступая пороги правительственных учреждений и великосветских гостиных, импонируя вельможам то игрой на бандуре, то экзотикой запорожского наряда и обычаев, Головатый удачно осуществил возложенное на него поручение.

Правда, выданная Екатериной II жалованная грамота от 30 июня 1792 г., в той части, которая касалась границ пожалованной территории, заключала некоторую неопределенность. Точно были очерчены лишь западные и северные пределы войсковой территории: войско получало о. Фанагорию с местностью, лежащей на правом берегу Кубани; от низовьев Кубани граница шла вверх по реке до устья р. Лабы (Лабинского редута), с одной стороны, и по берегу Азовского моря вплоть до устья р. Ей, с другой стороны.

Что же касается северо-восточной, восточной и юго-восточной стороны, то грамота предусматривала уточнение границы генерал-губернатором кавказским и губернаторами екатеринославским и таврическим¹.

Межевание войсковой территории продолжалось несколько лет. Видную роль в этом деле сыграл землемер В. Колчигин, командированный таврическим губернатором. Довольно интересна переписка Колчигина с Головатым и Чепегой. Задобренный Чепегой, Колчигин ставил межевые знаки в полном соответствии с претензиями влиятельных черноморских кругов.

Старшина и имущее казачество тотчас по переселении на Кубань стали основывать хутора и заимки с таким расчетом, чтобы при установлении официальной границы войсковой территории можно было сослаться на факт владения и, значит, расширить территорию войска елико возможно. Колчигин ловко тянул землемерную цепь. В письме Головатому от 19 июня 1795 г., он не без удовлетворения и в то же время вполне откровенно писал: «Слава богу, мы дошли до Кирпилей и все ваши хутора, даже до последнего, остались внутри границы вашей. Теперь направим уже пики на Челбасы с тем, чтобы козы были сыты и сено было цело»².

Не без борьбы была проведена граница возле Усть-Лабинской крепости и в Ставропольской области. Вклинившись в территорию Кавказского генерал-губернаторства, черноморский Кош с азартом отстаивал интересы черноморских собственников.

Таким образом, в борьбе за войсковую территорию классовые интересы богатого казачества проявились вполне отчетливо.

2. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ИЗ-ЗА БУГА НА КУБАНЬ

Переселение на Кубань черноморская администрация начала организовывать еще до получения жалованной грамоты. Первая партия пеших черноморцев в количестве 3847 человек под командой полковника Саввы Белого высадилась на Тамани 25 августа 1792 г. Осенью двинулись обозы семейного казачества. Переселение, которым руководил Головатый, затянулось до конца следующего года.

К переселению на Кубань различные группы казачества отнеслись по-разному. Часть казаков решительно отказалась выполнить приказ о переселении. Буржуазные историки Короленко и Щербина, идеализируя положение казачества, давали своеобразные, не соответствующие действительности истолкования этому факту. Щербина, например, отказ от переселения объяснял исключительно боязнью хозяйственного разорения. При таком воззрении можно было, в первую очередь, ожидать отказа от переселения со стороны семейных казаков, располагавших известным имуществом и боявшихся его потерять. С другой стороны, те же историки склонны

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение XXI.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 64.

были изображать переселение на Кубань как результат единодушного волеизъявления всего казачества. По этому поводу Щербина замечает: «Выработан и выполнен этот план был всецело многочисленною казачьею общиною и ее выборным правительством»¹.

В действительности, переселение на Кубань лишней раз вскрыло противоречия между разными социальными группами казачества. Прежде всего свой протест против переселения на Кубань выразила черноморская серома. Казачьих батраков и военных наемников отнюдь не прельщала перспектива наемной кабалы на далекой Кубани. Та часть серомы, которая работала на рыболовных промыслах различных предпринимателей, не принадлежавших к войску, также предпочитала остаться на старых местах — за Бугом, у днестровских лиманов, в Крыму. Часть искала удачи за Днестром, перебираясь в Задунайскую Сечь.

Для черноморской серомы горькой иронией звучала песня А. Головатого, с таким восторгом цитируемая П. Короленко. Песня выражала настроения черноморских богачей.

Ой годі нам журитися,
Пора перестати.

Оттепер ми, милі браття,
Забудем всі нужди.
В Тамані жить, вірно служити,
Грядицю держати,
Рибу ловить, горілку пити,
Ще й будем багаті...².

В июне 1794 г. де-Рибас сообщал старшине Федору Черненко о том, что граф П. А. Румянцев-Задунайский распорядился всех черноморцев, которые «на правом берегу Днестра работы ищут»³, зачислить в гребную флотилию. Федор Черненко, уполномоченный Коша по розыску и пересылке серомы на Кубань, в письме Головатому от 1 ноября 1794 г. свидетельствовал, что казаки из-за тяжелой нужды «начали уходить на правую сторону реки Днестра»⁴.

Войсковая администрация стремилась принудить бедноту подчиниться распоряжению о переселении на Кубань. В таком духе Чепега отдал приказ полковому хорунжему Журавлевскому еще 11 июля 1792 г. Приказ требовал немедленно собрать всех казаков, отпущенных на заработки в селения, хутора и к неводам, для отправки их на Кубань⁵. Из письма Габлица Головатому от 4 августа 1793 г. видно, что черноморская старшина обращалась к таврической губернской администрации с просьбой задерживать всех черноморцев с паспортами, «а равно и прочих, в виде черно-

¹ Ф. Щербина, Краткий исторический очерк Кубанского казачества, Воронеж, 1888, стр. 47.

² Короленко, Черноморцы, Приложение XXIII.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 439.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 1058.

⁵ Там же, док. 694.

морцев без письменных видов праздношатающихся», и пересылать в распоряжение казачьих властей¹.

Некоторая часть черноморской бедноты предпочитала переселению на Кубань даже долю крепостных. Эта кажущаяся странность объясняется тем, что «малодушные» новороссийские помещики, колонизовавшие степи, всеми правдами и неправдами «зазывали» к себе разных беглецов, обещая им всевозможные льготы. В среде черноморской бедноты встречались элементы, которые долго металась между крепостным ярмом и казацкой «волей». Они становились крепостными, чтобы затем вернуться в войско, а через некоторое время снова уйти к помещику. В этом отношении любопытна биография черноморца Матвея Мусейченко, изложенная им на допросе в 1799 г. Сын реестрового казака из Лохвицы, батрак-сирота, он в 1787 г. поступил в гребную казацкую флотилию; в 1792 г. в отряде С. Белого был высажен на Тамани; через год, получив паспорт, ушел в Крым, в слободу помещика поручика П. Апостолова, находившуюся возле Еникале. В 1795 г. Апостолов внес его в ревизскую сказку. Через два года Мусейченко ушел на Кубань и даже поставил вместо себя на службу казака Корсунского куреня Трофима Сосну. Восстановив тем свои казачьи права, он взял у начальства годовую паспорт и снова отправился к помещику². Полковой старшина Лисица 19 апреля 1793 г. рапортовал Головатому, что «некоторые (казаки. — В. Г.) скрываются [в] помещичьи слободы на жительство» и не желают идти на Кубань³.

Кроме абсолютно неимущего люда, на Кубань отказывалась следовать часть маломощного казачества, которую разными льготами соблазнили остаться на месте нахлынувшие за Буг помещики. Путем разного рода мошеннических комбинаций и сделок с черноморской старшиной помещики склоняли бедных казаков вступать в крепостную зависимость. Из рапорта (подпись неразборчиво) губернатору Каховскому от 13 февраля 1798 г. видим, что нередко помещики применяли по отношению к казакам даже прямое насилие: захватывали казачьи дома, хозяйственные постройки, сено и разное имущество. В других случаях помещики «закупали» у казаков строения и затем отказывались выплатить за них следующую сумму⁴. При таком положении казак не мог двинуться с места без риска потерять все имущество и шел на сделку с помещиком.

12 октября 1793 г. де-Рибас писал Головатому: «Полагаясь на Вашу ко мне дружбу..., прошу, ежели останутся на Очаковской степи такие запорожцы, которые в Тамань не пойдут, не можно ли приглашать их селиться на моей даче»⁵. С целью уладить этот вопрос де-Рибас посылал своего уполномоченного отставного офицера Шарафетова. Одно доверенное лицо де-Рибаса (фамилия не-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 812.

² КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

³ КГКИА, ф. 249, св. 25, д. 243, л. 49.

⁴ Там же, д. 213, л. 7.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, д. 438.

разборчиво) в письме Головатому от 5 апреля того же года учтиво напоминало адресату, что он весьма одолжит де-Рибаса, если согласится оставить ему часть черноморцев в качестве зависимых крестьян. Автор недвусмысленно намекал: «У нас слух носится, что другие дачи набиты черноморцами», и между строк проводил ту мысль, что если черноморская администрация оказывает услуги другим помещикам, то нет оснований отказать такому лицу, как де-Рибас¹. Головатый, повидимому, удовлетворил просьбу де-Рибаса, что подтверждается письмом того же лица от 21 апреля. При этом группу казаков получил от Головатого и сам автор письма. Выражая свой восторг по этому поводу, он откровенно писал: «Словом, вы меня сделали хозяином»². Это, впрочем, был навязчивый проситель, радевший не только о себе и своем покровителе де-Рибасе, но и о своих родственниках. Он просил оказать «внимание» его зятю, некоему Савве Квашовичу, передав ему группу бывших «польских мужиков», зачисленных в черноморцы. Конечно, такого рода «одолжения» не были бесплатными. Тот же проситель убеждал Головатого: «Верьте, вы будете у меня при всяких случаях вознаграждены»³. В период переселения войска из-за Буга на Кубань мы видим, таким образом, бесцеремонную торговлю старшин не принадлежавшими им казаками. Некий Андрей Савицкий в письме Головатому из Слободзеи 30 апреля 1793 г. просил оставить за ним в с. Глином казака Якова Образа под тем предлогом, чтобы «оной при самой бедности... на пути последнего имения не потерял»⁴. Проситель уверял, что Образ сам желает остаться у него.

Один из корреспондентов Головатого (фамилия неразборчиво) в письме от 8 апреля 1793 г. излагал свою просьбу в таком виде: «Кс мне явились мужики (из деревни Казачий лагерь в 25 верстах от Алешек. — В. Г.) и⁵ напрашиваются на дачу мою..., где ваш майор Мокий (Гулик) имел зимовник. Они точные польские (т. е. выходцы с Правобережной Украины. — В. Г.) и никак не хотят следовать в Тамань»⁶. Этот словоохотливый и разбитной проситель, уговаривая Головатого оставить в его распоряжении «мужиков», т. е. черноморцев, предупредительно подавал следующий совет: «Если же тут нужно соблюсти некоторый вид политики, не во образец прочим, то сие остается вашим благоразумием удержать и кажется велеть отдать под видом моих беглых..., означа сие в паланку в приказе»⁶. Лгал ли этот ловец душ человеческих или был близок к истине, но он так передавал настроение черноморцев, о которых шла речь: «Мужики охотно так рады себя назвать (беглыми. — В. Г.), лишь бы не таскаться им на Тамань»⁷. Конеч-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 26, д. 218, л. 223.

² Там же, л. 278.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 289.

⁵ Там же, л. 209.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

но, и в данном случае просимая услуга не была безвозмездной. Проситель предлагал закупить «по дружбе» оставшееся за Бугом имущество Головатого.

Особой энергией по части закрепощения черноморцев отличался помещик генерал-поручик де-Витт. О его комбинациях и прямом насилии в отношении черноморцев сохранилось целое дело. 8 июня 1792 г. де-Витт заключил настоящий контракт с черноморским хорунжим Заборой, очень ловким дельцом. Забора обязывался населить де-Витту целую слободу выходцами из-за границы и всякими вольными людьми. Каждого поселенца, имевшего пару волов или лошадей, де-Витт обещал освободить от повинностей на четыре года, а тому, кто не имел указанного имущества и получил бы его от помещика, предоставлялось право отработать стоимость этого имущества по «сходной» цене. Третий пункт контракта строго определял, что поселенцы должны «быть в вечном подданстве»¹. Себе Забора выговаривал как денежное вознаграждение, так и участок земли в пожизненное владение в населяемой слободе. Нетрудно догадаться, что под легальными терминами «выходцев» и «вольных людей» подразумевались черноморские казаки. Чепега в ордере в Кинбурнскую паланку от 27 августа 1792 г. разъяснил это с полной убедительностью. Забора попросту продал де-Витту слободу своего имени — Заборину, населенную черноморскими казаками. Де-Витт, вступив во владение участком земли, на которой стояла слобода, наложил руку на казачье имущество. Возникла тяжба, которая, кстати сказать, и послужила поводом ко вмешательству в это дело кошевого атамана.

Кроме неимущего казачества и части маломощного, отказывались от переселения на Кубань и некоторые группы зажиточных и богатых семей. Бывший запорожец Федор Черняк, попавший после разрушения Сечи в слободу помещика Каменского, Екатеринославского наместничества, так излагал свое дело в 1794 г. Поступив в черноморцы и получив паспорт, он забрал от помещика семью и решил избрать для себя «выгоднейший род жизни... и остался в числе казенных поселян, при р. Зуе поселенных»². В данном случае, ввиду отсутствия экономической характеристики Черняка, трудно определить его социальное положение. Переселяться на Кубань отказался также казак Корсунского куреня И. Мармусевич (он же Пикинер). Полковой старшина И. Малый в рапорте Головатому от 2 августа 1798 г. точно определил социальное положение Мармусевича: «Он же Пикинер чуть ли не делает откупов в рыбной ловле»³. Сын Пикинера, жалуясь на своего отца за невидел имущества, обогатил характеристику своего родителя указанием на то, что отец его барышничал скотом и лошадьми и сам

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 682.

² КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 43, л. 105.

³ КГКИА, ф. 249, св. 25, д. 243, л. 48.

был крупным скотоводом и коневодом¹. Впрочем, случаи отказа от переселения со стороны зажиточных элементов и богачей можно считать единичными и нехарактерными.

Данные табл. 11 дают возможность сделать общий вывод относительно тех категорий казачества, которые предпочитали остаться за Бугом. Таблица составлена на основании ведомости от 28 октября 1792 г. о казаках, определивших свое отношение к вопросу о переселении².

Таблица 11

Место жительства	Желающих переселиться				Не желающих переселяться											
	старшин		казаков		старшин		казаков		поселенцев							
									малорос-сиян		польских выходцев		армян		волохов	
	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола	мужского пола	женского пола
38 посе- лений за Бугом	212	134	1765	1246	15	7	213	173	47	45	109	81	8	5	1375	1148

Таким образом, старшины, не желавшие переселяться, составляли около 7% в общей массе старшин, зарегистрированных ведомостью. Нежелавшие переселяться казаки составили 10% общей массы казачества. Поселенцы, автоматически внесенные в казачьи списки при переселении, были представлены, главным образом, молдаванами, жившими за Бугом еще до войны. Они не желали переселяться. С социально-экономической стороны это была масса маломощного и среднего крестьянства, тяготившегося военной службой и предпочитавшего пользоваться временными льготами, предоставляемыми помещиками за тяжкую цену превращения в крепостных крестьян. Серома не вошла в ведомость, ибо не имела дворов и семей и не была учтена при ее составлении.

Как видим, в вопросе о переселении на новую территорию казачество было далеко не единодушным.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Вопрос о социальной дифференциации Черноморского войска представляет при изучении значительные трудности. Это объясняется отчасти утратой местных куренных архивов. Меры к сохранению последних были предприняты войсковой администрацией очень поздно, уже в пореформенный период. В распоряжении исследователя поэтому находятся или жалкие фрагменты станичных архивов или ведомости, характеризующие по преимуществу казаков, пере-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 25, д. 243, л. 47.

² Куб. сб., т. VIII, стр. 138—191.

селившихся на Кубань из-за Буга и с Украины. Относительная полнота данных о социальном составе казачества хронологически обнимает лишь 90-е годы XVIII в. и начало XIX в. Этот период, надо сказать, и представляет наибольший интерес, так как рисует картину социальных отношений, характерных не только для начальной истории Черноморского войска, но и для заключительного периода Запорожья.

Приведем результат анализа ведомости по 11 селениям, составленной в июле 1790 г., т. е. во время войны, когда казачья территория была очень слабо заселена и запорожское население в значительной степени смешалось с молдаванским и с беглыми¹ (табл. 12).

Таблица 12

Название селения	Количество хозяйств	Количество хозяйств, имеющих работников	Количество работников	Количество хозяйств, применяющих наемный труд, в %
Терновка	99	—	—	—
Сугакля	74	2	2	3
Карагач	73	—	—	—
Слободзя	67	—	—	—
Чеборча	104	3	3	3
Глинная	94	15	16	16
Коротнов	72	3	3	4
Кучурган	36	7	8	20
Яска	81	11	20	13
Калагдея	13	2	2	15
Адждер	3	—	—	—
Итого	716	43	54	6

Процент хозяйств, применяющих наемный труд, как видно из таблицы, очень низок — всего 6%. Думаю, что в действительности он был выше, так как в официальные списки не вносилось беглое население — одиночки, эксплуатировавшиеся как в селениях, так и в хуторском хозяйстве. Кроме того, в таблицу введены только работники, занятые в сельском хозяйстве.

В ведомости Кинбурнской паланки, составленной в марте 1792 г., о количестве казачьего населения, расселившегося на левом берегу р. Конской, даны более содержательные сведения. Несомненно, что в эту ведомость вошли по преимуществу бывшие запорожцы, сосредоточившиеся на границе Запорожья (см. табл. 13).

В данном случае больше одной трети семей применяет наемный труд. При этом в среднем на одно старшинское хозяйство, в котором применяется наемный труд, приходится свыше пяти работников, а на одно казачье — 1,5 работника. Конечно, в этой таблице

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 55, лл. 13—82.

игнорируются наемники, отбывающие за хозяев службу в войске. Не лишним будет добавить, что старшины имели 9 военных наемников, а казаки 36. При этом 36 наемников приходилось на 107 казачьих семей, отправлявших службу.

Т а б л и ц а 13

Всего семей в Кинбурнской паланке	Из них семей старшин	Семей старшин, имеющих раб-ботников	Количество работников у старшин	Количество семей старшин, применяющих наемный труд, в %	Количество казачьих семей	Количество казачьих семей, применяющих наемный труд	Количество работников у казаков	Количество казачьих семей, применяющих наемный труд, в %	Общее количество семей, применяющих наемный труд, в %
150	7	4	22	57	143	49	74	34	35

В том же деле находим ведомость Кинбурнской паланки о казаках, поселившихся на р. Молочные Воды, датированную также мартом 1792 г. В ведомости числится 20 семей, из которых пять, т. е. 25%, применяють труд восьми наемных работников. При этом четыре имеют наемников и на военной службе¹.

Более развернутую картину социального состава казачества дает ведомость, составленная в 1792 г. за Бугом войсковым есаулом В. Нияким, о составе войскового населения и характере хозяйственных объектов. Она содержит сведения приблизительно об одной трети существовавших за Бугом слобод и хуторов² (см. табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Казачьи семьи в слободах				Семьи поселян в слободах			
Общее количество семей	Количество семей, применяющих наемный труд	Количество наемных работников	Количество семей, применяющих наемный труд, в %	Общее количество семей	Количество семей, применяющих наемный труд	Количество наемных работников	Количество семей, применяющих наемный труд, в %
174	24	52	14	63	3	5	4,5

Казачье население слобод, как видно из таблицы, представлено в основном массой среднего и бедного казачества. Богатое казачество, составлявшее 14% слободских дворов, применяло труд в среднем двух-трех наемных рабочих. Несколько иную картину представляют так называемые поселяне. В лице их мы видим тот социальный слой, который на Запорожье составляли посполитые, т. е. крестьяне, не пользовавшиеся казачьими правами. Это — распадающаяся группа. Часть поселян вступила в казаки позже, при переселении войска на Кубань, и слалась с казачьей массой. Поселяне — это часть войсковых «обывателей», располагавшая неболь-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 7, д. 55, лл. 23—25.

² Там же, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

шим собственным хозяйством. Богатые поселяне в ведомости представлены всего лишь тремя хозяйствами.

Следующая ведомость от 30 июня 1798 г. характеризует социальный состав уже переселившегося на Кубань казачества. В эту ведомость, бесспорно, вошли семьи бывших запорожцев, что явствует из названия мест, откуда шло переселение: Ореховатая Балка, Никополь, помещичья слобода Тимофеевка, Мариупольского уезда, крепость Александровская, Новомосковского уезда, и т. д. Результаты анализа этой ведомости приведены в табл. 15¹.

Таблица 15

Количество переселившихся семей	Из них семей, имеющих работников	Количество работников		Количество семей, применяющих наемный труд, в %
		взрослых	малолетних	
101	22	42	7	21

Ведомость, составленная месяцем позже, 30 июля 1798 г., дает сведения о 13 казачьих семьях, переселившихся из слободы Водяной и из урочища Кичкар, Таврической области. Из 13 семей, внесенных в эту ведомость, только три имеют по одному работнику. Семьи, применяющие наемный труд, составляют 23%².

В ведомости, приложенной к реестру Е. Чепеги от 10 ноября 1794 г., числится 60 семей старшин и казаков, прибывших на Кубань из разных мест за две недели, с 25 октября по 10 ноября. Из 60 упомянутых семей 13, т. е. 21%, применяли наемный труд. При этом в отдельных семьях было значительное количество работников. Так, пять старшинских семей имели 21 работника и одного эконома, из них три семьи имели по одному работнику, одна семья — трех и одна — шесть работников. Восемь казачьих семей имели 11 работников, из них одна семья — четырех работников³.

Тот же Чепега в рапорте Ейского окружного правления на имя войскового правительства от 23 сентября 1794 г. сообщал о прибытии на Кубань с билетами от Херсонского нижнего земского суда группы семей бывших запорожцев. В приложенном к рапорту списке значатся полковой есаул Корней Заславский с семьей и 6 работниками, поручик Гаркуша с одним работником, прапорщик Иван Зиновьев с семьей и двумя работниками и т. д.⁴. Заметим, что работники, внесенные во все ведомости с полными именами, — элемент легальный, повидимому, причисленный в казаки еще до переезда на Кубань или сохранивший свободу после разрушения Запорожья. Старшина поручик Максим Леда, например,

¹ КГКИА, ф. 249, св. 10(5?), д. 83, лл. 211—230.

² Там же, лл. 73—74.

³ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 12, лл. 282—299.

⁴ Там же, л. 271.

переселился вместе с женой, четырьмя детьми и 12 работниками¹. Как видим, на новые места переводилась целая хозяйственная организация.

В паспортах, выдававшихся бывшим запорожцам, отправлявшимся на Запорожье за семьями и имуществом, значатся при них так называемые «будущие». В январе 1792 г., например, был выдан паспорт казаку Кисляковского куреня Якову Полторацкому «з двумя будущими при нем на проезд в дом его состоящий Александрийского уезда в казенной слободе Чечелевку...». Таких паспортов или отметок о них мы находим множество. Ряд паспортов из этой серии раскрывает термин «будущие». В паспорте казака Конеловского куреня Матвея Григоренко и других сказано прямо: «З будущими при нем четырьмя работниками»².

Довольно отчетливая характеристика отдельных групп переселенцев дана в ведомости за 1798 г. о казаках, переселяющихся из Таврической области. Против части семей стоит пометка: «Не имеющие на чем подняться», т. е. не имеющие транспортных средств. Такая же пометка стоит и против так называемых холостых казаков. По ведомости числится всего 3030 воев, но из 854 семей их имели только 707 семей. Данные анализа ведомости приведены в виде следующей таблицы³.

Т а б л и ц а 16

Всего семей	Семей, имеющих работников	Семей, не имеющих работников			Холостых казаков	Работников		
		всего семей	не имеющих транспортных средств	имеющих транспортные средства		мужчин	женщин	из них, имеющих семьи
854	239	615	150	465	75	571	10	50

Таким образом, на одну семью, применяющую наемный труд, приходилось около 2,4 работника в среднем. Семьи, применяющие наемный труд, составляли 28%. Это — богатые и зажиточные казаки. Средние казачьи хозяйства составляли 54,5%, семейная беднота — 17,5% и, наконец, холостые казаки, т. е. серомахи, не числящиеся работниками (безработные), обозначены абсолютным числом. Надо полагать, это резерв наемников-профессионалов.

В табл. 17, составленной на основе ведомости о переселенцах, приложенной к рапорту полковника Тихановского на имя Головатого от 17 марта 1793 г., старшины и казаки выделяются в особые графы. Работники (шесть женщин и пять малосемейных) даны общим числом⁴.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 26, д. 221, л. 109.

² Там же, св. 19, д. 154, лл. 28, 74 и др.

³ Там же, св. 26, д. 221, лл. 72—145.

⁴ Там же, лл. 1—89.

Таблица 17

Старшин				Казачков				Всего семей, имеющих работников, в %
всего семей	из них имеющих работников	всего работников	семей, имеющих работников, в %	всего семей	из них имеющих работников	всего работников	семей, имеющих работников, в %	
98	52	120	53	604	121	197	20	около 25

Рассмотрим ведомость о переселенцах от 16 сентября 1798 г.¹ Она представляет огромный интерес, так как в ней дана социальная характеристика отдельных групп казачества, переселявшегося не только из-за Буга, но непосредственно из пределов Запорожья, т. е. тех бывших запорожцев, которые проживали как в казенных слободах, так и в помещичьих (на положении крепостных). Выражаю результат анализа табл. 18, 19 и 20.

Таблица 18

Откуда переселились	Количество семей	Количество семей, имеющих работников	Количество работников	Количество семей, применяющих наемный труд, в %
Из-за Буга	236	97	148	41
Из казенных слобод Екатеринославского, Новомиловского, Александровского уездов и других мест	353	98	200	28
Из-за Буга, из казенных и помещичьих слобод бывшего Запорожья	792	203	393	25,6

Для наглядной характеристики запорожцев, попавших в крепостные, выделяю из вышеупомянутой ведомости группу семей, проживавших в помещичьей слободе Гавриловой.

Таблица 19

Откуда переселились	Количество семей	Количество семей, имеющих работников	Количество работников	Количество семей, применяющих наемный труд, в %
Из помещичьей слободы Гавриловой, Екатеринославского уезда	5	3	11	60

Результаты анализа аналогичной ведомости от 31 августа того же года приведены в табл. 20.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 30, д. 243, лл. 179—281.

Откуда переселились	Количество семей	Количество семей, имеющих работников	Количество работников	Количество семей, применяющих наемный труд, в %
Из-за Буга, из бывших селений Черноморского войска	205	48	78	23
Из казенных слобод Екатеринославского наместничества и Таврической области	204	66	126	32
Из помещичьих слобод Николаевки и Дебальцево, Екатеринославского наместничества, Новомиловского уезда	34	8	15	23,5

Остальные ведомости, имеющиеся в нашем распоряжении, не изменяют, а лишь дополняют нарисованную картину.

На основе приведенных данных мы имеем право говорить о глубоком социальном расслоении казачества. При этом, разумеется, не может быть места упрощенному взгляду, столь любезному сердцу дворянских и буржуазных историков, будто бы старшина была единственным имущим слоем на Кубани. Мы видим, что старшина, составляющая в общем ничтожный процент, тонет в массе нечиновых богачей, применяющих наемный труд. Можно утверждать, что уже в 90-е годы XVIII в. от одной пятой до одной трети черноморского казачества, состоявшего в основной массе своей из бывших запорожцев, применяло наемный труд.

Переселившиеся на Кубань казаки расселялись в куренях (станицах) и в хуторах, образуя так называемые куренные общества, казачьи «громады». Документы позволяют представить себе вполне отчетливо социальный состав казачества и в отдельных селениях. Эти данные уточняют общий вывод. В январе 1801 г. атаманы куренных селений представили, по предписанию войсковой канцелярии, цифровые данные о населении с краткой характеристикой каждого казака. Особенно важно то, что в этих сведениях отчетливо выделен абсолютно неимущий элемент. В нашем распоряжении 16 куренных ведомостей с этими данными. Интересно, что холостые казаки фиксируются в ведомости как группа, находящаяся в постоянном движении. Так, против графы «холостые» по Конеловскому курену сделана следующая приписка: «На войсковой земле по разным местам у заработках»¹. По Минскому курену против холостых приписка: «Не имеющие своих оседлостей»², «находящиеся на войсковой земле в заработках»³. Та же мысль получает

¹ КГКИА, ф. 251, св. 5, д. 30, лл. 2—21.

² Там же, л. 6.

³ Там же, л. 7.

иногда в приписках, например в ведомостях Пластуновского, Платнировского и других куреней, неполное выражение: «На войсковой земле по разным местам»¹ и т. д. Эти приписки повторяются во всех 16 ведомостях. Для определения социального положения «холостых» незачем приводить мнения близких современников. Напомним только, что Ланжерон, как уже упомянуто об этом в другой связи, считал холостыми казаков «безсемейных, не имеющих оседлостей и переходящих с места на место для заработков»². Таким образом, «холостые» — это серома, т. е. казаки, лишенные всякого имущества.

Среди холостых изредка встречаются 16-летние, например Семен Крикун в Конеловском курене³, и даже 11-летние. Есть и старики, как Федор Ожеред, 80 лет, и т. д.⁴ Но в общем это люди молодого и среднего возраста, т. е. наиболее трудоспособные.

Анализ этих данных можно представить следующей таблицей⁵.

Таблица 21

Название куреней	Семей старшин и казаков	Холостых на заработках	Годных к службе	
			женатых	холостых
Конеловский	110	287	79	317
Минский	58	93	56	80
Щербиновский	238	361	—	—
Деревяновский	98	259	108	212
Пашковский	123	228	179	208
Васюринский	244	657	311	594
Пластуновский	84	119	105	108
Платнировский	87	214	103	197
Сергиевский	52	121	44	124
Дядьковский	131	414	400	163
Кореновский	92	140	92	229
Березанский	115	133	50	239
Каневский	298	604	268	513
Переяславский	64	415	—	—
Брюховецкий	145	177	188	162
Тимошевский	91	229	129	198
Всего	2031	4451	—	—

В графу «холостых» внесены и неженатые члены семей; «годных к службе» нужно понимать как годных по состоянию здоровья.

Таким образом, количество «холостых» казаков по отношению к числу семей таково: по Переяславскому куреню — 650%, по Конеловскому — 260%, по Сергиевскому — 200%, по Кореновскому — 152%, по Березанскому — 112% и т. д. В среднем по 16 куреням

¹ КГКИА, ф. 251, св. 5, д. 30, лл. 1—10.

² Там же, св. 140, д. 360, л. 2.

³ Там же, св. 5, д. 30, лл. 2—21.

⁴ Там же, д. 183, л. 211.

⁵ Там же, св. 50, д. 30.

«холостые», т. е. бездомные, казаки, составляют по отношению к числу семей 225%. Наиболее низкий процент «холостых» по Березанскому куреню объясняется, повидимому, тем, что это новый курень (одноименного не было в Запорожской Сечи). Так как бывшие запорожцы обычно приписывались к старым куреням, одноименным с запорожскими, то, надо полагать, в Березанском сосредоточивались элементы, лишенные запорожских традиций, казачий плебс незапорожского происхождения. Отсюда относительно высокий процент семейных казаков по отношению к «холостым».

Как ни высок по приведенным данным процент «холостых», в действительности он был, однако, еще выше, ибо к числу казаков, продававших свой труд, нужно отнести и часть семейных. «Холостые» — прочный резерв наемной силы. Это и есть кадры тех работников, о которых шла речь выше. Они были рассеяны по черноморским хуторам, рыболовным заводам, служили за хозяев на кордоне. Это и есть черноморская серома, кубанское поколение запорожской серомы, «вольное рыцарство», бившееся в цепях наемного рабства.

Приводимые данные не дают возможности установить процент семей (из числа «семейных» казаков), продававших свой труд. Но, бесспорно, этот процент очень высок. Рисуем преуменьшить, а не преувеличить, если будем считать его равным 20—35.

На первый план в черноморском курене, бесспорно, выдвигались работодатели, степные богатеи, которым противостояла масса наемных работников, формально имевших такие же казацкие права, как и их хозяева. В черноморском курене 1800 г., только четвертью века отделенном от Запорожской Сечи, ярко отражаются изменения, которые произошли в области социально-экономических отношений за этот период.

Ф. Щербина, ссылаясь на данные окружных правлений за 1800 г. (оригиналы которых нам неизвестны), дает следующую экономическую характеристику 18 куреней. По его словам, 505 хозяйств имели по две пары волов и более, а 278 хозяйств совсем не имели или имели по паре волов. 64,75% хозяйств оказались относительно устойчивыми в экономическом отношении, остальные — слабосильными. По Щербиновскому куреню сильных хозяйств считалось 132, слабых — 20; по Кушевскому соответственно — 42—10, Батуриновскому — 12—27, Иркиевскому — 12—24, Леушковскому — 14—81 и т. д.¹ Эти данные также свидетельствуют о высокой степени социального расслоения казачества.

В последующие десятилетия в курене продолжает существовать и возрастать масса бездомного люда, живущего продажей своей рабочей силы. Вот как характеризовал эту группу казачества генерал-майор Власов 3-й в рапорте генералу Ермолову от 7 февраля 1821 г. «В сословии казаков есть довольно число так называемых бурлак. Это суть люди, которые разновременно и из разных

¹ Ф. А. Щербина, История Кубанского казачьего войска, т. II, Екатеринодар, 1913, гл. XXVII.

мест зашли в Черноморию по билетам, а потом поступили в казачье звание. Они не имеют ни собственных домов, ниже какого обзаведения и ведут жизнь холостую. Пропитание себе достают, нанимаясь в работы, а особенно на рыбных заводах»¹. Власов считал, что таких бездомных казаков в Черномории было в то время 2536 человек. Конечно, это приблизительные и сильно преуменьшенные данные. Если принять по 40 куреням общее количество «холостых» за 1800 г. в 10 тыс. человек, что близко к действительности, то и в таком случае данные Власова нужно признать уменьшенными раза в четыре.

Высшее начальство, признавая невозможным использовать эту казачью гольтыббу с тем военным эффектом, какой требовался государственными соображениями, считало необходимым наделить ее землей и побудить обзавестись семьей и имуществом. Эти рецепты, однако, были совершенно нереальны, так как бедность и бездомность гольтыббы, разумеется, зависели не от недостатка земли, находившейся в распоряжении куренных обществ, а из-за отсутствия средств для ее обработки. Невозможность отправлять службу приводила к бегству из куреней, к стремлению скрыться в «заброде» (на рыболовном промысле), в степном хуторе.

Скрывающиеся от повинностей казаки называют себя вымышленными именами и стремятся выйти из-под юрисдикции войска. Это интересное явление: «вольное» казачество ищет воли вне войсковой регулы. На протяжении всей истории Черноморского войска войсковая администрация вела борьбу с «бесписьменно-видными» казаками. 24 июня 1798 г. черноморское войсковое правительство доносило Котляревскому, что, по сообщению есаула Гулика, куренные атаманы жалуются на крайнее затруднение при нарядах казаков на службу. Затруднение, собственно, состояло в том, что казаки из куреней разбредались в поисках заработка по разным селам и рыболовным косам. Разыскать их там, чтобы нарядить на службу, было нелегко. «Со времени прибытия войска, — гласило донесение, — не отправлявшие службы при допросе их утаивают свои имена, да и которых они куреней по истине не объявляют, а показываются под ложными именами разнокуренными»².

Все попытки на протяжении десятилетий бороться с укрывательством от службы были тщетны. «Бесписьменно-видность» среди казаков мы наблюдаем и в 40-х годах XIX в. Вот предписание управления Черноморского казачьего войска от 29 апреля 1844 г. сыскному начальнику Екатеринодарского округа есаулу Беднягину. «По собранным сведениям, — читаем в предписании, — оказывается до сих пор в бегах и в бесписьменно-видных отлучках из своих станиц сего войска казаков Таманского округа 321, Екатеринодарского округа 361, Ейского 143, итого 825 человек, количество огромное, поставляющее в сильное убеждение, что зло пристанодер-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 337.

жательства бесписьменновидных людей в Черномории глубоко укоренилось»¹. Укрывательство под ложными именами квалифицируется как «едва ли не повсеместное»². Скромные цифровые данные, фигурирующие в приведенном документе, надо объяснить тем, что в данном случае подсчитывались отнюдь не все беглые, а лишь те, которые уклонились от очередной службы.

Конечно, «вольные» казаки переходили в данном случае на положение беглых крестьян, смешивались с ними, образуя единую социальную группу.

Для казачьей серомы в курене (станции) создаются условия, ставящие ее в положение неравноправного слоя. Перед нами характерный приказ наказного атамана генерал-лейтенанта Заводовского от 23 января 1843 г. «Атаманам же и судьям, — приказывал Заводовский, — вменяю в обязанность неослабно действовать по тем правилам и если за сим паче чаяния где-либо в станицах, хуторах, в зимовниках или в кошах окажутся в проживательстве бесписьменновидные казаки, или другого звания бродяжничествующие лица, то атаманы и судьи, в ведомстве коих это скажется, подвергнуты будут строгому взысканию за бездействие по своей обязанности»³.

Бороться с укрывательством от службы наказный атаман приказывал следующим образом: «Для отклонения же от непопозволенного бродяжничества бездомных казаков, станичным обществам стараться о водворении их в станицах приисканием средств к заработкам в наймах по вольным ценам у казаков своих же станиц и в хуторах при оных»⁴. Этот приказ подлежал оглашению на полных станичных сборах; старшинам и казакам, жившим на хуторах, он объявлялся под расписку. Всем бездомным казакам, которые ослушались бы приказа и не явились в станицы, атаман угрожал судом и строгим наказанием. В этом приказе превосходно отражена неполноправность казачьей бедноты, ее прикрепление к куренному (станичному) обществу, стеснение свободы передвижения даже в пределах войсковой территории. Прикрепление бедноты к станицам и определение «в наймы по вольным ценам» постановлением станичных обществ обрекало ее на беспросветную кабалу. Пресловутая казачья вольность, о которой так настойчиво твердят в своих сочинениях дворянские и буржуазные историки казачества, оставалась для казачьей бедноты чистой фикцией.

Генерал-майор Власов в рапорте Ермолову от 7 февраля 1821 г. со всей определенностью указывал на бедность основной массы казачества. В рапорте к Ермолову от 30 декабря 1820 г. он проводил ту мысль, что с самого начала поселения на Кубани казачья беднота настолько обременена службой и внутренними по-

¹ КГКИА, ф. 177, св. 2, д. 28, л. 68.

² Там же.

³ Краснодарский историко-краеведческий музей.

⁴ Там же.

винностями, «что казаки не имели свободы не только разжиться, но иметь и столько, чтобы без нужды могли исправить себя хорошими лошадьми и прочим к службе потребным и оставить семейства с безнужным пропитанием»¹.

Рисуя с достаточной отчетливостью положение бездомных казаков, Власов привел несколько фактов, на основании которых можно составить общее представление и о массе семейной казачьей бедноты, располагавшей известным имуществом. Он отделяет бездомных казаков от семейной бедноты и средних слоев казачества, положение которых определяет так: «Хозяйственная часть казаков состоит в хлебопашестве и скотоводстве, но выгод они больше получают от последнего. Сими отраслями хозяйства занимаются из них все те, кои имеют свои дома и семейства, исключая только части неимущих, которые упражняются в одном только рыболовстве по Азовскому морю и в заливах оногo»². Не лишним будет еще раз отметить, что занятие рыболовством для неимущих, о которых говорит Власов, возможно было лишь в форме найма на рыболовецкие предприятия. В рапорте Ермолову от 17 февраля 1821 г. Власов изображает бедного казака, вернувшегося со службы. По его словам, такому казаку некуда выпустить свою лошадь, так как в куренных селениях нет общественных табунов. Ввиду этого казак, не рискуя выпускать лошадь без присмотра, вынужден или продать ее за бесценок, или пустить в частный табун, где она зачастую пропадает. Во всех этих случаях казак лишается возможности явиться на очередную службу с пригодной для несения ее лошадью и вынужден служить в пешем строю³.

Наблюдатели, знакомившиеся с жизнью черноморского казачества в 30-х годах XIX в., составили общее представление о казачестве как о массе, терпящей большую материальную нужду. Один из них в беглом очерке при описании внешности черноморского казака замечает, что одежда «у беднейших весьма скудна, неопрятна и худо защищает тело противу переносимых беспрепятственно на службе невзгод и стужи, а бедных немало»⁴. В официальном ответе комитету по улучшению состояния Черноморского войска от 7 февраля 1830 г. войсковая канцелярия подчеркивала «крайнюю бедность» казачества, лишившую его возможности не только приобрести исправных лошадей и хорошее оружие, но даже форменную одежду⁵. Паскевич, сменивший Ермолова на Кавказе, общее положение массы казачества характеризовал такими словами: «Вст что я видел собственными глазами: поля лежат необработаны, в домах остались одни жены и дети, казаки без лошадей, без порядочного оружия и почти без одежды и без хлеба, словом бедность

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Краткий исторический и медико-топографический очерк кубанского кордона, Журн. мин. внутр. дел, № 4, 1836.

⁵ КГКИА, ф. 251, св. 247, д. 607.

высочайшей степени. Я видел, что Черноморья день ото дня истончается, народонаселение вместо умножения уменьшается в пропорции ужасной»¹. Основной причиной бедственного положения массы черноморцев Паскевич считал непомерно большие повинности, которые они должны были отправлять. Несмотря на то, что до правил только одна треть казаков должна была нести очередную службу, фактически две трети, а чаще всего все казаки находились на службе. По мысли Паскевича, выходом из этого было искусственное увеличение населения путем переселения крестьян из внутренних губерний.

Казачья беднота в XIX в. пополнялась в значительной части за счет переселенцев, передвигавшихся на Кубань организованно, по принятому министерством внутренних дел плану. На протяжении 40 лет осуществлено было три массовых переселения с Украины: в 1808—1811, в 1820—1821 и в 1848—1849 гг. Описание переселения бывших реестровых казаков Черниговской и Полтавской губерний на Кубань для причисления к Черноморскому войску посвящена специальная работа И. Бентковского².

Мы коснемся лишь некоторых сторон этого вопроса. Министр внутренних дел Куракин так мотивировал необходимость переселения в Черноморию: казачество, нуждаясь в людях для несения пограничной службы, «принужденным себя находило прибегать к средствам, какие прежде были употребляемы, т. е. к склонению из разных мест полуденного края и из Малороссии людей всякого звания к побегу и переселению в их сословие»³. Ниже министр указывал, что хотя со времени запрещения поселянам переходить с места на место «побеги сии некоторым образом прекратились, но со всем тем войско черноморское посредством своих поверенных находило способы увлекать на земли людей тайно, что может быть и поныне еще продолжается»⁴.

Для характеристики социального состава переселенцев можно привести следующие данные. Ришелье, представляя свой проект переселения бывших реестровых казаков с Украины, заявлял, что переселению должны подвергнуться те, «кои по тесноте земель своих ежегодно в Новороссийский край переходят»⁵. В числе различных условий, которым должны были удовлетворять переселенцы, значится, между прочим, необходимость иметь в семье незамужних женщин, девиц и вдов, способных вступить в брак. (Этим последним требованием, кстати сказать, начальство тщетно пыталось увеличить процент женского населения в Черномории, чтобы тем самым уменьшить количество холостого, бездомного казачества). В 1808—1811 гг. с Украины на Кубань переселилось 41534 человека⁶.

¹ И. Бентковский, Указ. соч., стр. 111.

² Там же.

³ ПСЗ, т. XXVII, 1830, док. 22 902.

⁴ Там же.

⁵ Краснодарский историко-краеведческий музей.

⁶ И. Бентковский, Указ. соч., стр. 76.

К сожалению, И. Бентковский не дает экономической характеристики переселенцев. Некоторые данные о социальном положении переселенцев находим в архиве. В результате просмотра партионных списков переселенцев из с. Плоского, Остерского уезда, Черниговской губернии, заключаем: в списке семей и их имущества обычно во владении семьи значится одна повозка с двумя или четырьмя волами и только в редких случаях встречаются семьи с шестью волами. Часть переселенцев совсем не имела тягловой силы. Из списка переселенцев Броварской волости того же уезда видно, что большинство семей имело по паре волов и паре лошадей, несколько семей имело по две пары волов и паре лошадей, а несколько вовсе не имело ни скота, ни лошадей¹. В общем переселенцы представляли собой элемент малоимущий.

Возьмем для примера «Список сколько в селении Кушевском обоего пола душ самобеднейших», переселившихся из Черниговской губернии в 1810 г. В этом списке 561 человек. Переселенцы были так бедны, что начальство оказалось вынужденным во избежание голодной смерти отпустить им для прокормления 283 четверти хлеба².

Лишь небольшая часть новоприбывших обладала некоторой хозяйственной устойчивостью.

В начале 20-х годов XIX в. был осуществлен проект переселения с Украины еще 25 тыс. человек. Управляющий министерством внутренних дел, ссылаясь на опыт переселения 1808—1811 гг., указывал, в частности, что и в данном случае нужно «приглашение к переселению ограничивать теми местами, где жители наиболее в земле нуждаются»³.

Но и на Кубани переселенцы терпели большую нужду. И. Дебу, современник и наблюдатель, весьма сдержанно высказывается о материальном положении переселенцев. Несмотря на старания и помощь со стороны местного начальства, переселенцы, по его словам, «и поныне терпят во многом крайний недостаток»⁴.

Власти, разумеется, стремились избавить казну от всяких расходов по поддержанию переселенцев, предоставив последних своей судьбе. В феврале 1822 г. комитет, учрежденный в Черноморском войске для водворения переселенцев, упрекал переселенцев Пашковского куренного селения за то, что они «не стремясь приискать себе где-либо по зажиточным людям пропитания... просят помощи»⁵. Смотрителю селения предписывалось всех нуждающихся переселенцев от мала до велика под страхом наказания заставить добывать пропитание собственными усилиями и не докучать начальству⁶.

Очень определенную характеристику положения переселенцев

¹ КГКИА, ф. 251, св. 59, д. 154.

² КГКИА, ф. 250, д. 399. Дело на 10 листах в очень ветхом состоянии.

³ ПСЗ, т. XXXVII, 1830, док. 28 241.

⁴ И. Дебу, О кавказской линии, стр. 421.

⁵ КГКИА, ф. 318, св. 10, д. 169, лл. 33—34.

⁶ Там же.

дал в 1821 г. Ермолов. «В Черномории,— писал он,— нашел я переселяемые из Малороссии семейства в ужасающей бедности»¹. Ермолов нарисовал жуткую картину страданий этих переселенцев: продажу за бесценок имущества на родине, бесчисленные препятствия в дороге, беспощадный грабеж со стороны земской полиции и всяких чиновников, голод, смертность и пр. Часть переселенцев, лишившись в пути имущества, осталась зимовать по разным местам. Стремясь несколько смягчить нужду переселенцев, чтобы сохранить их как пополнение для войска, Ермолов организовал среди старожиллов подписку вещами и деньгами в их пользу.

В 1848—1849 гг. было проведено третье, последнее переселение в Черноморию. Отчет по войску за эти годы определяет общее количество переселенцев следующими данными. Из Харьковской губернии прибыло на поселение 751 душа м. п. и 620 душ ж. п., из Черниговской губернии соответственно 3632 и 3115, из Полтавской — 2077 и 1754, а всего 11949 человек, которые составляли около 2 тыс. семей. Прибывшие были поселены в станицах Таманского (5377 человек) и Ейского (6472 человека) округов. Основываясь на списках, приводимых Бентковским, нужно сказать, что и в этом случае переселенцы в основном являлись малоимущим элементом. Типичной может служить следующая запись в партионных списках: Федор Москаленко, 31 года, жена Фетинья, 29 лет, и четверо детей от одного года до семи. Их имущество состояло из двух лошадей, двух повозок, четырех свит и сапог, 27 фунтов сухарей, двух пудов пшена, 4 руб. собственных денег и 2 руб. 31 коп. кормовых².

Масса переселенцев, пополнившая черноморское казачество, увеличила, главным образом, кадры казачьей бедноты и расширила одновременно контингент лиц, продававших свою рабочую силу.

Кроме организованного переселения с Украины, Черноморское войско пополнялось выходцами из Великороссии — отставными солдатами, государственными крестьянами и прочими, приписывавшимися к войску чаще всего в одиночку, а иногда целыми группами. В 40-х годах XIX в. правительство разрешило проживать в Черномории и вступать в казаки отставным нижним чином регулярных войск³.

В 1845 г. было приписано в казаки несколько отставных солдат. Вот их стереотипные биографии. Отставной солдат Навагинского пехотного полка Михайлов, «из новокрещенных чуваш» с. Абышева, Чебоксарского уезда, Казанской губернии, в своем прошении от 15 мая 1845 г. писал, что, получив отставку, он, «не желая возвращаться на родину по неимению там собственного приюта, ни родственников, в 1843 г. женился на вдове казака войска Черноморского Пашковского селения»⁴ и т. д. То же повторили, почти слово в

¹ И. Бентковский, Указ. соч., стр. 92.

² Там же, стр. 123.

³ КГКИА, ф. 252, св. 20, д. 149, л. 5.

⁴ Там же, св. 69, д. 483, л. 3.

слово, товарищи Михайлова, отставные солдаты Навагинского полка, Васильев — из крестьян удельного ведомства, Великолуцкого уезда, Псковской губернии, Ларионов — бывший воспитанник Московского военно-сиротского дома, Г. Шевченко — из с. Берестовой, Ореховского уезда, Таврической губернии. Все они женились на казачках станицы Пашковской и не желали возвращаться в родные места. В 1847 г., например, в Черноморское войско зачислили еще 101 отставного солдата с семьями¹.

Часто в казаки приписывалась беднота, приходившая в Черноморию на заработки. В этом отношении небезинтересно прошение, полученное в войсковой канцелярии 15 апреля 1842 г., о зачислении в войско Якова Лиханенко, казенного крестьянина из с. Могилева, Новомосковского округа, Екатеринославской губернии, который писал: «Не имея ни домовности и совершенно никакого хозяйственного обзаведения на месте жительства моего... нахожусь на заработках в войске Черноморском более 6 лет». Далее Лиханенко сообщает, что он взял в прошлом году к себе жену с шестью малолетними детьми и проживает в станице Каневской.

Нередки были случаи причисления к войску разного рода людей, бежавших из черкесского плена. 10 января 1842 г. Черноморская войсковая канцелярия получила прошение о зачислении в казаки от Трофима Телегульского. Последний был крепостным помещика Бредихина из Одесского уезда, Херсонской губернии. Отпущенный в 1840 г. по билету «для заработков», Телегульский поступил в матросы на купеческое судно, отправившееся с грузом леса в одно из закубанских укреплений. В пути судно потерпело крушение, а Телегульский был выброшен волнами на берег и захвачен в плен черкесами. Бежав через некоторое время из плена на территорию Черноморского войска, он стал ходатайствовать о зачислении его в казаки. Из прошения видно, что по выходу из плена Телегульский жил более года в станице Елизаветинской, а «равно и прежде того на заработках по билету несколько лет». Желая убедить войсковое начальство в том, что он сможет отправлять казачью службу, Телегульский подчеркивал, что «приобик довольно к здешнему климату и обычаю людей, из коих имею таких, которые могут поддержать меня при новом поселении как в отношении хозяйства, так и при отправлении службы, поелику я не имею у себя ныне никакого состояния»². Телегульский был приписан в казаки на основании ст. 705, т. IX свода законов о гражданских состояниях, согласно которой захваченные в плен крепостные по освобождению получали вместе с женами и детьми свободу, а на основании ст. 797 того же тома свода им предоставлялось право приписаться в казаки³.

Понятно, что люди, подобные Телегульскому, продолжали и после вступления в казаки жить «в заработках», т. е. батрачить у

¹ КГКИА, ф. 252, св. 109, д. 762.

² Там же, св. I, д. 18, лл. 1—2.

³ Там же, л. 5.

богатых казаков. Разница в их положении, рассматриваемом с экономической точки зрения, состояла только в том, что теперь они частью заработка обеспечивали исправное несение военной службы, тогда как раньше часть заработка отдавалась в виде оброка, т. е. докапиталистической ренты, помещику.

К 60-м годам XIX в. процесс классовой дифференциации черноморского куреня (станции), неуклонно развиваясь, привел к результатам, которые можно представить на основе отдельных примеров. Вот интересная выдержка из книги общественных приговоров Новоминской станции за 1857 г. 1 января 1857 г. на основании предписания начальника Ейского округа от 20 ноября 1856 г. состоялось постановление доверенных станции о назначении призываемой молодежи в конницу и в пехоту. Известно, что определение в конницу или пехоту зависело всецело от социального положения призывников. Так было в XVIII в., такой порядок продолжал сохраняться вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Он получил юридическое оформление в «Положении» 1842 г. Параграф 23 положения гласил: «Все конные полки и пешие батальоны Черноморского казачьего войска комплектуются: конные полки преимущественно из казаков, имеющих хорошо устроенное домообзаведение, а пешие батальоны — казаками, состояния посредственного»¹.

Из 35 призывников Новоминской станции в конницу было определено 18 человек, в пехоту — 17. Приговор, подписанный доверенными, гласил, «что назначенные в конницу есть действительно состоятельнейшие имением, написанные же в пехоту состояния посредственного»². Если учесть ту обстановку борьбы, в которой происходило обычно распределение призывников в пехоту и конницу, и степень давления высших властей, стремившихся получить больший процент кавалеристов, то ясно, что в пехоту назначалась лишь казачья беднота. В данном случае по станции Новоминской она, как можно условно предположить, составляла около половины всех семей.

4. К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

Земельный фонд, отведенный на Кубани Черноморскому войску, общая численность которого в 90-х годах XVIII в. составляла приблизительно 25 тыс. человек, равнялся примерно 30 тыс. км².

В январе 1794 г. руководство войском выработало так называемый «Порядок общей пользы». Этот документ определял формы землеустройства и землепользования, административно-территориальное устройство, управление, правила несения службы и т. д. Он состоял из краткого введения и 25 параграфов, или статей.

Вся масса казачества была распределена между 40 куренными обществами (к 38 куреням, носившим запорожские названия, были

¹ Положение о Черноморском казачьем войске, СПб, 1842, § 23.

² КГКИА, ф. 117, св. 22, д. 289, л. 1.

прибавлены два — Березанский и Екатериновский). Земли между куренными обществами были распределены по жребию. Получившие землю куренные общества превратились, таким образом, в куренные селения. Юридически каждый казак был членом одного из 40 куренных обществ. Фактически, однако, дело обстояло далеко не так. Действительными членами сельского куренного общества могли быть только казаки, располагавшие известным имуществом, позволявшим основать хозяйство той или иной мощности. Только эти лица могли осуществить свое право пользования куренными угодьями. Масса бездомного казачества, не имевшего где «главу приклонити», т. е. серома, числившаяся в курене, была не в состоянии воспользоваться своим правом на землю.

Параграф 19 «Порядка общей пользы» гласил, что всем старшинам и казакам, «действительно лично служившим... за их труды и подвиги позволяется в городах и селениях, по желанию их, иметь собственные свои дворы, а в степи хутора и мельницы; при тех дворах, хуторах и мельницах заводить леса, сады, винограды, хлебопашество и скотоводство, а на приморских косах и других удобных местах рыболовные заводы»¹. Первое, что бросается в глаза при чтении здесь — это отсутствие даже приблизительного нормирования земельных угодий, поступающих в распоряжение старшин и домовитого казачества. Параграф 19 «Порядка», таким образом, молчаливо провозглашал право сильного: каждому предоставлялось освоить такие участки и угодья, размер и естественные свойства которых соответствовали его экономическим средствам.

Пользование этими неопределенными по размерам угодьями тем не менее получало вполне определенную правовую форму. Пункт 23 устанавливал: «Вышеписанным старшинам и казакам на вечно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградными и рыболовными заводами владение выдать открытые листы, с тем, чтоб до оного, кроме хозяина и законного их наследия, ко владению никто права не имел, да и землю не утеснял»².

Вся совокупность земельных участков составляла собственность юридического лица — войска, сословия, с соответственным ограничением права распоряжения ею. Кроме того, пункт 20 предоставлял старшине одну крупную привилегию: «В отменное воздаяние старшинам, яко вождям-наставникам и попечителям общих сего войска благ, при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей поселить дозволяется, и определить им земли по прилагаемой у сего штатной росписи»³. Относительно штатной росписи замечу, что она была установлена лишь через 48 лет положением 1842 г. Пункт 21 содержал оговорку: поселенных в хуторах людей старшины «да почитают не подданными своими, а вольноживущими под

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение XXVII.

² Там же.

³ Там же.

ими казаками»¹. Этим черноморской старшине предоставлялось право захватывать землю с таким расчетом, чтобы обеспечить полную возможность эксплуатации «вольноживущих под ими казаков». Старшина выступал в роли колониста, который мог распоряжаться войсковой землей в меру своих экономических возможностей.

«Порядок общей пользы» установил «вечное спокойное владение» земельными угодьями только для некоторых категорий казачества: для старшины и для казаков, участвовавших лично в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. Относительно второй категории нужно заметить, что она была далеко не однородной. Как указывалось ранее, поставка наемников вместо личной службы была официально признанным институтом, при этом наниматель пользовался преимуществами и поощрениями, числясь в войсковых списках. Таким образом, он признавался действительно служившим.

В правах на занятие земельных угодий и закрепление их в собственности «Порядок общей пользы» ограничивал тех казаков, которые вступали в войско после войны 1787—1791 гг. В действительности с этими ограничениями никогда не считались. Землю всегда захватывал тот, кто мог это сделать. Следовательно, практически правом неограниченной заимки не могла воспользоваться только казачья беднота.

Ни местные органы, ни центральная власть в 90-е годы XVIII в., а также в начале XIX в. не издавали правил, в которых можно было бы усмотреть намек на общинный принцип пользования землей куренными обществами. Вопрос о формах землевладения в Черноморском войске имеет важное значение, тем более, что он неправильно освещался буржуазными историками. И. Попка, например, заявлял, что условия, размеры и порядок пользования войсковой землей до позднейшего времени, т. е. до 50-х годов XIX в., не были определены законом, и сама земля не была приведена в точную известность межевым порядком. В этой области, по словам Попки, царил полный хаос: каждому казаку как чиновному, так и нечиновному предоставлено было пользоваться землей по мере надобности². Такие порядки в землепользовании, по его мнению, были перенесены непосредственно из Запорожья на Кубань первыми черноморцами³.

Ф. Щербина свои представления о формах землевладения в Черноморском войске построил под влиянием народнических воззрений. Рассуждая о том, как представлял черноморский казак свое право на землю, он пишет: «...Свои понятия об этом предмете основывал он (черноморец.— В. Г.) на праве коллективного владения и пользования». «Основное понятие о коллективной собственности, — продолжает Щербина, — поэтому въелось в плоть и кровь казака и проходит красной нитью через всю историю его земельных

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение XXVII.

² И.в. Попка, Черноморские казаки в их военном и гражданском быту, СПб, 1858, стр. 76—77.

³ Там же, стр. 76.

порядков»¹. Борясь против писаных законов, устанавливавших нормы частного владения, черноморский казак, по мнению Щербины, опирался на вековой обычай, сложившийся в Запорожской Сечи. Земельные порядки Запорожской Сечи будто бы выработали в сознании казачества идею коллективной собственности на землю, и она была перенесена им сначала за Буг, а потом в Черноморие². Понятие коллективной, общеказачьей собственности, настойчиво повторяет Щербина, «есть понятие обычное, строго народное»³. Это понятие, «взятое прямо из воззрений казачества... занесено было потом в законодательные акты, какими оказываются жалованные грамоты»⁴. Под последними подразумевается жалованная грамота Екатерины II Черноморскому войску от 30 июня 1792 г. и подтверждение этого акта, сделанное преемниками Екатерины⁵. Таким образом, по мнению Щербины, правительство Екатерины II утвердило «народные» формы собственности, соответствовавшие идеалам казачества, народа.

Сделав такой вывод, бывший народник Щербина достиг одновременно двух целей: излил свои верноподданнические чувства перед престолом и в то же время «утвердил» «народные» формы поземельного владения в Черномории. Из дальнейших рассуждений Щербины узнаем, что «народные» формы подверглись искажению и разрушению. Врагами народного идеала, опирающегося на законодательный акт Екатерины II, выступает при этом черноморская старшина, получившая ранги, влившаяся в дворянское сословие и сосредоточившая в своих руках управление войском по милости все той же Екатерины⁶. Следовательно, законодательство Екатерины II утвердило «народную» форму собственности на землю и в то же время породило заклятых врагов ее — чиновную черноморскую старшину. Раз попав в этот круг, Щербина уже не может выйти из него.

В первое время существования Черноморского войска казак, по мнению Щербины, руководствовался в своих земельных отношениях общей идеей войсковой, общеказачьей, коллективной собственности. Затем, по мере упрочения старшинского частного владения, поддержанного позднейшим законодательством, эта общая идея преобразовалась в идею частную. Последняя выделилась из общего понятия общевойсковой собственности в «более частное понятие о собственности юртовой или общинно-земельной»⁷. Раз возникнув, куренная (станичная) община продолжает затем существовать, несмотря на все козни законов старшины и отдельных от-

¹ Ф. А. Щербина, История земельной собственности у кубанских казаков, Куб. сб., т. I, 1883, стр. 89.

² Там же, стр. 92—94.

³ Там же, стр. 94.

⁴ Там же.

⁵ См. Короленко, Черноморцы, Приложение XXI.

⁶ Ф. А. Щербина, История земельной собственности у кубанских казаков, стр. 94—95.

⁷ Там же, стр. 89.

Щепенцев из среды рядовых казаков, и доживает до наших дней. Именно община, так сказать материализованный казачий народный идеал, отстаивает право на имущественное равенство казаков, сопротивляясь принципу частного владения.

Любопытно взглянуть на обстоятельства, при которых возникла, по представлению Щербины, казачья куренная (станичная) поземельная община. Вначале, когда земли было много, казак распахивал пять-шесть нив или загонов в разных местах безбрежной кубанской степи и называл этот участок «цариною». Это — простейший вид вольной заимки, свойственной вообще малороссам. Тут казак жил лето, перебираясь на зиму в курень (станицу), или оставался навсегда, если у него был хутор. Истощив один участок, он переходил на другой и т. д.¹ Точно так же казак вначале относился к сенокосным угодьям и к выпасам. Он косил столько, сколько мог, держал скот там, где ему было удобно. Позже, однако, начались ограничения. Казак должен был уже выставлять при уборке сена определенное количество косцов и т. д. Из этих рассуждений Щербины следует, что община — явление более позднего времени, возникшее из отрицания частного владения, укрепившегося на войсковой земле. В вольной заимке земель, по утверждению Щербины, и получила свое воплощение идея коллективной собственности на землю. В процессе вольной заимки казак руководился идеей гармонии частного интереса с общим. Другими словами, это означало «экономическую свободу при отрицании взаимных стеснений»². «Этот способ пользования землей, — продолжает Щербина, — способствовал на первых порах развитию мелкого, однообразного производства, приноровленного к хозяйствам отдельных лиц»³. Такой формой землепользования «давался полный простор приложению к делу труда и накоплению трудовым естественным путем капитала»⁴. Отсюда можно заключить, что Ф. А. Щербина не находил в этот период никакой потребности в существовании куренной (станичной) общины.

Как видим, Щербина намеренно уклоняется от попытки точно датировать время возникновения куренной поземельной общины у черноморских казаков. Из его высказываний ясно одно, что кризис в среде «мелкого, однообразного производства» наступил в результате развития частного поземельного владения, сосредоточившегося в руках старшины, по преимуществу в форме хуторского владения. Причиной этого развития была возможность для старшины, привилегированного сословия, пользоваться чужим трудом, или «вынужденно-обязательным трудом рядового казака»⁵. Община ведет исконную борьбу с частным владением: хуторским, заимоч-

¹ Ф. А. Щербина, Земельная община кубанских казаков, Куб. сб., т. II, Екатеринодар, 1891, стр. 88.

² Там же, стр. 36.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ным, старшинским, а потом и вообще с частной поземельной собственностью казаков-богачей¹.

Любопытно и другое положение Щербины. Вольная заимка, вполне соответствовавшая идее коллективной собственности на землю, была первым юридическим правилом, в силу которого возникла хуторская форма землевладения. Итак, оказывается, что коллективная собственность как раз и заключается в праве частного владения землей. Иными словами, под правом коллективной собственности подразумевается право экономически сильного на захват войсковой, или, как утверждает Щербина, народной земли.

Возвращаясь к И. Попке, замечу, что он, по сравнению со Щербиной, удержал более правильное представление о формах землевладения в Черномории. Попка с грустью и иронией отмечал, что стремление к индивидуальному землевладению, к частной собственности вообще свойственно черноморскому казаку. С течением времени, по словам Попки, рядовой казак, плебей, увлекся недостойным примером чиновной старшины и так же стал захватывать землю отдельными участками, садиться хутором и т. д. «Кому было тесно в курене,—пишет Попка,—кому было нужно отодвинуться от его полиции и повинностей, тот ставил угощение куренному обществу и под единственным влиянием угощения получал от этого общества письменное, запечатленное бесчисленными рукоприкладствами дозволение выселиться из слободы в поле, «сесть хутором»². «Народное мы,—иронизирует Попка по поводу куренного общества, которое якобы не ведало, что творило,—потешалось тем, что из нечиновной массы выдвигались вперед люди, способные сидеть хуторами не хуже себялюбивого панского эгоизма»³.

Борьбу черноморской казачьей общины с частновладельческими устремлениями ее отдельных членов Щербина изображал весьма идилически. Вначале, когда преобладала вольная заимка, куренное общество не чинило никаких препятствий отдельным лицам, закреплявшим землю в частное владение. Позже, когда земельные фонды стали истощаться, куренное общество становится постепенно на путь некоторых ограничений, руководствуясь идеей гармонии частного интереса с общественным. Казачья община, согласно Щербине, отличается удивительной гуманностью по отношению к своим членам, переходящим в разряд частных владельцев и грубо попирающим ее права⁴. Чем же диктовалась такая величайшая гуманность? Это можно заключить на основании наблюдений Щербины за деятельностью станичных казачьих сходов уже в пореформенный период, в 80-е годы. Описывая борьбу отдельных групп казачества на сходах, он так изображает дело: «Участники сходов живут по разным концам станицы, ведут там до некоторой степени изолированную жизнь, преследуя свои особые «кружковые» эко-

¹ Ф. А. Щербина, Земельная община кубанских казаков, Куб. сб., т. II, стр. 36.

² Ив. Попка, Черноморские казаки, стр. 80—81.

³ Там же.

⁴ Ф. А. Щербина, Земельная община кубанских казаков, стр. 86.

номические цели. Естественно,— продолжает автор,— что эти группировки по местожительству дают себя чувствовать и на сходе. Это не партии в общепринятом смысле, а именно группы такие же естественные, как и сама община; их коноводы — только люди большей частью с крепкой головой и умеющие связно и убедительно излагать свои и своих товарищей мысли и взгляды. Их значение в общинной жизни — значение разделения общественной деятельности»¹. То, что «коноводы» отнюдь не являются представителями отдельных социальных групп казачества, направляемых своими экономическими интересами, Щербина спешит заверить читателя следующим заявлением: «Каждый коновод старается угодить сходу и делает это потому, что ему, как и всякому смертному на общественной арене, присуща известная доля славолюбия и желания быть видным общественным деятелем»².

Борьбу казачьей бедноты с богачами в курене Щербина, таким образом, объясняет честолюбием и славолубием, а не различными экономическими интересами этих противоположных социальных групп. Из дальнейших рассуждений Щербины узнаем, что черноморская казачья община всегда отстаивала принцип уравнилельного землепользования, поддерживая экономическое равенство своих членов.

Легко обнаружить, интересы какого класса защищал Щербина. Рассуждая по поводу законодательства 60—80-х годов XIX в., закрепившего часть земли Кубанского войска в частную собственность, он скорбит о том, что эти земли перешли в руки владельцев из неказачьих, иногородних. Щербина дает простор своему гневу по адресу иногородних, осевших на казачьих землях и «обирающих тех самых казаков, предкам которых земля была отдана жалованными грамотами на праве полнейшей коллективной собственности»³. Таким образом, Щербина требует сохранения казачьего войскового земельного фонда для одних лишь казаков. Адепт кубанских казачьих аграриев, он пытается дать в своих произведениях «историческое» обоснование права казачества на исключительное распоряжение войсковыми фондами. Направляемый классовыми интересами казачьих верхов, цепко державшихся за свои сословные, т. е. феодалные, привилегии, Щербина пользуется фразеологией либерального народничества, чтобы построить лженаучную концепцию истории аграрных отношений в Черноморском войске. К этому можно и не добавлять, что Щербина отстаивал казачью станичную общину, располагавшую фондом, позволявшим пользоваться наделами, далеко превосходившими возможности трудового хозяйства и дававшими простор для аренды земли и широкого применения наемного труда.

Выдвигая свою идею «коллективной» собственности на землю, Щербина стремился создать представление о якобы существовав-

¹ Ф. А. Щербина, Земельная община кубанских казаков, стр. 65.

² Там же.

³ Там же, стр. 41.

шем «золотом веке» в Запорожье и в Черномории. При этом под золотым веком понималось право сильного на бесконтрольный захват, расхищение войсковых земель, т. е. на приобретение условий для беспощадной эксплуатации казачьей бедноты. Своими сладкими речами о гуманности казачьей общины Щербина пытался скрыть, затушевать острую классовую борьбу, кипевшую в черноморской (позднее в кубанской) станице, где шел непрерывный процесс социальной дифференциации. Действительная история черноморского казачества подменялась, фальсифицировалась реакционной романтикой, ложной идеей никогда не существовавшего в истории казачества «золотого века» и не менее ложной идеей бесклассовой казачьей общины. Вместе с тем Щербина, как уже было замечено, упорно проводил мысль о «законности» прав казачества на исключительное владение землей, выступая в качестве рыцаря — защитника феодальных привилегий казачества. Таким образом, незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции кубанские казачьи аграрии уже выковали свое идеологическое оружие, которое они должны были пустить в ход в будущих боях, и пустили, как известно, в период гражданской войны, пытаясь подчинить своему влиянию массы трудового казачества.

Следя за историей аграрных отношений на Кубани, нужно отметить, что размер земельных фондов, отводимых по жребью куренным обществам, не был точно определен. В «Экономических примечаниях» к статистическим сведениям, представленным таврическому губернатору в 1807 г., читаем: «Земли войска Черноморского, каждому селению определенные, формально не отмежованы»¹. В таком положении дело находилось до второй половины XIX в. Не был точно определен и размер всего войскового земельного фонда. В ведомости о количестве земли в Черноморском войске, содержащей сведения за 1850 г., сказано: «Принадлежащей войску пахотной (земли. — В. Г.) 183 177 дес., сенокосной 2 094 750²/₆ дес., под лесами 2406¹/₄ дес., неудобной 619 761 ¹³²/₄₆₃ дес., а всего 2 972 116 дес.» и далее: «Означенное в сей ведомости количество десятин войсковой земли показано примерно, ибо верного измерения оной до сего времени еще не было»². Площадь куренных юртов определялась на глаз.

Поощряя захват юртовых земель имущими элементами, черноморская войсковая администрация скрывала перед высшим начальством подлинные земельные порядки в Черномории. В официальных стчетах, посылавшихся из Екатеринодара в Петербург, рисовалась картина идиллических поземельных отношений, свобода и равенство в пользовании войсковыми землями. В цитированной выше ведомости за 1850 г. черноморская администрация лицемерно заяв-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 82, д. 539, л. 12.

² КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, л. 45. В черновой ведомости допущена ошибка; общий размер фонда составлял в округленных цифрах 2 900 114 дес.

ляла: «Принадлежащей (земли. — В. Г.) частным лицам не имеется. А довольствуются чиновники и казаки сего войска вольно и равно без всякой друг перед другом обиды, занимая войсковую землю под хлебопашество и скотоводство по силе и возможности столько, сколько в свободное от службы время может обработать оной и потребное для сего сенокоса и выгона скота»¹.

К размежеванию земель на Кубани приступили лишь в конце 50-х годов XIX в. Казачья администрация долго сопротивлялась размежеванию, так как это затрагивало, прежде всего, интересы черноморского офицерства, старшины. Она поощряла право экономически сильного на освоение войсковых угодий, поддерживала анархию в захвате земель. При таких земельных «порядках» куренное (станичное) общество, значительно расслоенное в социальном отношении, не могло быть и в действительности не было поземельной общиной в том смысле, который придает ей Щербина. Куренные общества были на поводу у местных богачей и своими общественными приговорами придавали легальные формы непрекращавшемуся захвату земель отдельными богатыми казаками. Конечно, маломощное казачество сопротивлялось захватам, но безуспешно. В Черномории отсутствовали переделы земельных участков. Отсутствовала, следовательно, та форма, которая могла придать хотя бы внешние черты равенства в размерах землепользования.

Следствием неограниченной заимки было поглощение войскового земельного фонда отдельными лицами. Это создало крупные неудобства для части черноморской старшины уже к 40-м годам XIX в. Экономически более сильные группы старшины теснили более слабых. Началась борьба черноморских магнатов со своей мелкотравчатой братией. Эта борьба осложнилась конкуренцией маломощного офицерства с нечиновными крезамы². В Черномории появился слой офицерства, относительная экономическая слабость которого побуждала правительственные круги и войсковую администрацию внимательно относиться к нему. Уже И. Полка, офицер, впоследствии генерал-лейтенант, занимавший крупный военно-административный пост, скорбел по поводу бедности значительной части черноморского офицерства, лишённого возможности поддерживать положение, «приличное» своему званию. Это вполне естественное явление, если учесть, что жизнь кавказского казачьего офицера в значительной части протекала в воинском строю. По необходимости, следовательно, забрасывалось хозяйство, лишаясь личного руководства со стороны владельца. Нормально вести хозяйство могли лишь крепкие в экономическом отношении офицерские семьи. Во-вторых, принцип вольной заимки ускорил рост классовой дифференциации в среде рядового казачества. Расслоение казачества на богатых и зажиточных, с одной стороны, и на массу бедных и беднейших — с другой, зашло к 40-м годам XIX в. так далеко, что

¹ КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, л. 45.

² См. раздел 5 настоящей главы.

создало угрозу для способности большинства казачества нормально отправлять воинские обязанности. Между тем именно к началу 40-х годов необходимость расширить численность войска усиливается. Это понуждало правительство к увеличению и укреплению военноспособных кадров казачества.

Положением 1842 г. об управлении Черноморским войском была сделана попытка законодательным путем урегулировать земле-владение на Кубани. Оберегая сословные интересы черноморского дворянства, положение установило принцип пожизненного землевладения в строгом соответствии с чином. Генералы приобретали право на получение 1500 дес., штаб-офицеры — 400 дес., обер-офицеры — 200 дес., и, наконец, казаки — 30 дес. земли¹.

Казалось, появилось, хотя и с опозданием, авторитетное юридическое основание для малоимущих казаков требовать увеличения надела до 30 дес., однако долгое время после издания положения земельные порядки в Черномории оставались без изменения. Не приведены были в ясность и размеры земельной площади отдельных куреней (станций), хотя положение и создало межевую комиссию, на которую была возложена обязанность проведения землеустроительных работ. Размежевание затронуло бы интересы богатых слоев казачества, поэтому войсковая администрация предпочла обратиться к испытанному методу — волоките. С другой стороны, размежевание вообще не могло быть осуществлено при сохранении норм, указанных положением, так как оказалось, что не хватает 1715 тыс. дес. земли. Отсюда возникла мысль об уменьшении земельных норм для казаков до 17 дес. Лишь в 1858 г. наказный атаман генерал Кусаков решил провести размежевание в соответствии с последними нормами, но его проект не был осуществлен.

Расхищение войскового земельного фонда старшиной и богатым казачеством имело и другие серьезные последствия для Черномории. Оно привело к чересполосице, тяжело отразившейся на положении сельского хозяйства. Сохранился интересный документ, характеризующий земельные порядки в Черномории в 50-х годах XIX в. Это рапорт есаула Каменского, сыскального начальника Таманского округа, посланный 29 января 1856 г. наказному атаману генерал-майору Филипсону. Жители всех станиц округа, по словам Каменского, пашут землю под хлеб, косят сено и пасут скот как кому угодно и где угодно. На территории станичных юртов, куда ни взгляни, пестреют хлебные нивы, наполовину заглушенные терновником и бурьяном, причем на далеком расстоянии одна от другой. Тут же стоят копны «бурьянистого» сена, а между всем этим «скудным вознаграждением трудов человеческих» бродят животные. Такое беспорядочное, самовольное пользование землей, продолжал Каменский, приносит крупный вред хозяйству. Во-первых, земля Таманского округа, перепаханная в течение полувека несколько раз, в значительной степени утратила свою производитель-

---

¹ Положение о Черноморском казачьем войске, СПб, 1842.

ную силу, следствием чего являются постоянные недороды. Жители округа «почти всегда живут без своего хлеба и часто без сена». Во-вторых, истощенные уже участки земли разбросаны в беспорядке между нивами, что исключает возможность использовать их в качестве пастбищ. Кроме того, они быстро зарастают терновником и бурьяном до такой степени, что скоро теряют всякое хозяйственное значение. В результате этого третья часть всей земельной площади Таманского округа, если не более, по подсчетам Каменского, оставалась всегда праздною. Из такого положения был единственный выход: разделить станичный юрт на три части, предназначив одну для хлеба, другую для сена, а третью под выгон для скота. Такая система, убеждал Каменский, избавила бы край «от беззаконного, нигде (кроме Черномории) невиданного и неслыханного порядка обрабатывания земли». Отстаивая трехпольную систему и усматривая в ней панацею от всех зол, Каменский горячо рекомендовал применить принудительные меры к введению трехпольной системы, ибо хлебопашцы «тогда только будут поступать, как должно, когда правительство их заставит»¹.

Филипсон не только согласился с доводами Каменского, но пожелал их усилить, опираясь на собственные наблюдения. 22 февраля он обратился к черноморскому войсковому правлению со своеобразным посланием: «Я убеждаюсь,—писал наказный атаман,— что беспорядочным пользованием юртовыми землями станичные обыватели порождают вражду и ненависть между собой и причиняют друг другу вред и значительные убытки потравой в хлебе и сене»². Филипсон предлагал установить пользование землей в Черномории в соответствии с правилами, изложенными в VI главе 1-го приложения к наказу гражданскому управлению войска Донского. Станичные общества должны были на весенних сборах того же года вынести приговоры о введении нового порядка землепользования и приступить к разделу юрта на три части с тем, чтобы с осени жители приступили к запашке полей и к пользованию выгонами уже на основе новых правил, а с весны будущего, 1857 г. новые правила распространялись и на сенокосы.

В связи с предложением Филипсона 1-й стол исполнительной экспедиции представил 22 марта присутствию войскового правления докладную записку с изложением VI главы 1-го приложения к наказу гражданскому управлению войска Донского. Каждая станица обязывалась разделить свой юрт на три части, при этом первая часть назначалась под пашню, вторая—под сенокосы и третья—под выгон. Последняя, в свою очередь, делилась на две части, из коих одна отводилась под выпас для рабочего скота и езжалых лошадей, а другая — для гулевого скота и конских табунов. Часть юрта, назначенная под пашню, делилась по усмотрению и приговору станичных обществ на столько участков, сколько признано будет удобным в зависимости от качества земли и ее расположения.

¹ КГКИА, ф. 252, св. 296, д. 1995, лл. 2—4.

² Там же, л. 1.

Станичные общества разрешали хуторянам иметь пашню с тем условием, чтобы хуторская запашка не стесняла станичного выгона. Хуторяне, получившие землю под пашню, тем самым теряли право на пользование паем из общественного участка. Степные и луговые сенокосы подлежали ежегодному разделу на пай, равные между собой не только по площади, но и по качеству трав. Исполнительная экспедиция к указанному новым для Черномории правилам сделала весьма выразительное добавление: хутора должны были остаться впредь до общего размежевания войсковых угодий на прежнем основании¹. Ответственность за проведение в жизнь этих правил землепользования возлагалась на окружных сыскных начальников.

Указанные распоряжения преследовали введение принудительных севооборотов в станицах, но они ничего не могли сделать для уничтожения того разрыва, который существовал между фактическим размером земельных владений и нормой, установленной положением 1842 г. Выход из создавшегося положения власти видели в расселении казачества на левобережной, закубанской стороне, недавно присоединенной к России. Еще в начале 60-х годов стали создаваться проекты в этом духе. Известно, что официальная агитация, которую вело казачье начальство за переселение части черноморцев на левый берег Кубани, в западные предгорья, встречала сильное сопротивление со стороны казачества. Отдельные попытки начальства провести расселение с помощью принудительных мер грозили вспышкой массового недовольства.

Закон 1862 г. предоставлял станичному обществу, создававшемуся на закубанской стороне из казачьих семейств разных правобережных станиц, земельный фонд — юрт на следующих условиях. Казачье семейство, водворяемое в новой станице, получало от 20 до 30 дес. земли на каждую душу м. п., а офицерская семья в целом 200 дес. Эти наделы, поскольку они входили в состав юрта, считались в общинном владении. Одновременно устанавливалась раздача земель в вечную потомственную собственность. С целью поощрения переселения предусматривались надбавки к земельному наделу. Рядовой казак-охотник, т. е. переселившийся добровольно, получал дополнительно в потомственное владение от 5 до 10 дес. на семью, а офицер от 25 до 50 дес. на семью.

Подчеркивая преимущества казачества, как сословия, закон 1862 г. одновременно пробивал брешь в сословном землевладении. Это выразилось в дозволении купцам, фабрикантам и другим предпринимателям в целях развития промышленности приобретать в станицах, с разрешения войскового правления, участки усадебной земли под торговые и промышленные заведения при условии взноса в кассу станичного общества и в войсковую посаженную плату. Закон 1868 г. несколько развивал эти положения. Он устанавливал, что войсковые земли, оставшиеся после наделения станиц и удовлетворения общественных надобностей, назначаются для продажи в частную собственность и для отдачи в оброчное содержание преиму-

¹ КГКИА, ф. 252, св. 296, д. 1995, лл. 7—10.

щественно лицам казачьего сословия, а в случае недостатка их и всем другим сословиям; при этом вырученные суммы обращались в войсковой капитал Кубанского войска.

Этот закон, продолжая подчеркивать преимущества казачьего сословия, еще более укреплял буржуазные формы землевладения, пробивая новую брешь в феодальном землепользовании. Дальнейшее законодательство 1869 и 1870 гг. расширило право невоисковых сословий на приобретение недвижимой собственности в казачьих областях. Быстрое развитие капиталистических отношений в пореформенный период побуждало правительство от случая к случаю вносить ограничения в сферу сословных привилегий казачества.

Как характеризовали современники действительные формы землевладения в Черномории в 60-х годах XIX в.? Автор статьи «Значение размежевания земель у кубанских казаков»¹ жалуется, что размежевание земель бывшей Черномории, начавшееся двадцать лет назад, идет невероятно медленно; межевая комиссия фактически бездействует, между тем последствия такого положения вещей очень вредны, так как в войске очень много пустующих земель, которые не могут быть использованы. Разыскивая корень зла, автор говорит, что все дело, во-первых, в больших размерах казачьего надела (30 дес. по положению 1842 г.) и, во-вторых, в неопределенности прав на землю. Казак, который не может собственными средствами обработать свой надел, не может также и сдать его в аренду. Автор — горячий сторонник скорейшего размежевания, так как последнее, по его словам, откроет широкий простор для малоимущих казаков сдавать свой надел в аренду. Этим же правом воспользуются и станичные общества в отношении фондов, оставшихся свободными после выделения земель в индивидуальное пользование. Аренда, по справедливому замечанию этого автора, предполагает вложение в землю капиталов, а это последнее приведет к необходимости сдавать землю на длительный срок. Кто же сопротивляется размежеванию и хочет сохранить существующий порядок вещей? Молва приписывает это, впрочем, подчас несправедливо, хозяевам, которые, обладая средствами, заняли земли под хутора «иногда с дозволения местных властей, а иногда и без дозволения»². «Давность, — продолжает автор, — до того осиятила подсобное пользование, что многие хозяева стали смотреть на занятые издавна земли, как на собственность: не допускали на них ближних, отдавали по произволу в аренду и прочее»³.

До 1860 г., т. е. до момента, когда прекращается номинальное существование Черноморского войска, казачья община является организацией весьма условной. Как видно из приведенных данных, в области землепользования и землевладения в Черномории суще-

¹ Куб. Обл. Вед., 1867 г., № 33.

² Там же.

³ Там же.

ствовало право экономически сильного. Характерной чертой земельных порядков нужно считать захват, расхищение земельного фонда имущими слоями казачества в ущерб интересам малоимущих и неимущих казаков. Под черноморской казачьей общиной, вопреки идиллическим представлениям буржуазных историков, нужно понимать не определенную устойчивую организацию, регулировавшую на уравнительных, хотя бы номинально, началах землепользование, а фиктивное по существу право куренных обществ на юртовые земли. В действительности куренные (станичные) общества не могли оказать серьезного давления на отдельных хозяев при освоении последними юртовых земель, так как в Черномории не существовало переделов земли. Идеализируя земельные порядки в Черномории, буржуазные историки затушевывали жестокую классовую борьбу в среде казачества, отражавшую непрекращавшийся процесс социальной дифференциации черноморской станицы.

Об общине на Кубани можно говорить лишь применительно к концу 60-х и 70-х годов XIX в., когда в основном было закончено размежевание, в результате которого образовался станичный юрт, представлявший совокупность казачьих наделов, размеры которых нормировались войсковой администрацией. Родилась, таким образом, казачья община, при которой права казака на землю ограничивались нормой в пределах станичного юрта. При этом законодательство 60-х годов и позднейшего времени допустило параллельное существование частной поземельной собственности. Такая «община» вызывает горькие сетования даже у Щербины. Он признает, что эволюция форм землевадения в Черномории привела к порядку, не соответствующему понятиям казака о праве на землю. Лишенный возможности понять причины этой эволюции, Щербина объявляет создавшееся положение исторической несправедливостью, — «нововведением извне» навязанным¹.

Введенные в бывшем Черноморском войске общинные порядки в том ограниченном смысле слова, о котором сказано ранее, были вызваны к жизни соображениями государственного порядка. Хотя к середине 60-х годов война за присоединение восточной и, в основном, западной части Кавказа закончилась, правительство продолжало проводить политику колонизации Кавказа прежде всего казачьими элементами. Удовлетворяя казачество высокими земельными наделами, правительство крепостников стремилось поддержать его сословную замкнутость, ища в нем опору для своего владычества на этой окраине империи.

Одновременно, продолжая сохранять феодальный принцип отбывания военной службы за пользование землей, необходимо было упрочить экономическую базу казачества. Тот процесс социальной дифференциации, который уже отчетливо определился в XVIII в., к 60-м годам XIX в. привел к острым классовым противоречиям, к увеличению массы казачьей бедноты, лишенной возможности нести военную службу. Необходимо было задержать

¹ Куб. сб., т. I, стр. 115—116.

этот процесс путем введения земельных норм и возложения на старинное общество обязанностей круговой поруки в деле поддержания способности малоимущих членов отправлять военную повинность.

Щербина, муссируя мысль о живучести общинных порядков у черноморских (кубанских) казаков, видел в этих порядках основу, препятствовавшую развитию капитализма. В. И. Ленин с предельной ясностью вскрыл предрассудки народников во взглядах на историю аграрных отношений. «Вообще ошибочно думать,— говорит В. И. Ленин,— что для самого возникновения земледельческого капитализма требуется известная особая форма землевладения»¹. «Та форма,— говорит К. Маркс,— в которой находит поземельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная поземельная собственность, и клановая собственность и мелкая крестьянская собственность с поземельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»². Резюмируя выводы Маркса, В. И. Ленин заключает: «Таким образом никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям». «Отсюда можно видеть,— продолжает В. И. Ленин,— как неправильно была самая постановка вопроса у наших народников, которые создали целую литературу на тему: «община или капитализм?»³. Иронизируя над авторами, отстаивающими «палладиум» «народного производства», В. И. Ленин замечает: «Вот почему мы относимся очень равнодушно к вопросу собственно о форме крестьянского землевладения. Какова бы эта форма землевладения ни была, от этого отношение крестьянской буржуазии к сельскому пролетариату в сущности своей несколько не изменится. Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука» и т. д.⁴.

Разоблачая прием искусственного «уравнивания» крестьянства, применяемый Щербиной, В. И. Ленин говорит: «Будущий историк русской экономической литературы с удивлением отметит тот факт, что предрассудки народничества привели к забвению самых элементарных требований экономической статистики, обязывающих строго разделять хозяев и наемных рабочих, какой бы формой землевла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 278

² Цит. по В. И. Ленину, Соч., т. 3, стр. 278—279.

³ Там же, стр. 279.

⁴ Там же, стр. 279—280.

дения они ни были объединены, как бы ни были многочисленны и разнообразны переходные типы между ними»¹.

Такое же строгое разделение, как мы видели, следует провести между черноморскими казаками-хозяевами и казаками-работниками, объединенными в одну куренную общину.

5. ЧЕРНОМОРСКИЙ ХУТОР

На новых местах — за Бугом и позже на Кубани — возникли в основном те же формы поселений и те отрасли хозяйства, которые существовали в свое время на Запорожье.

Имущая часть бывших запорожцев, поселившихся за Бугом, тянулась на хутора. Войсковой полковник Яков Мокрый в письме Головатому от 20 августа 1790 г. объяснял: «Показалось мне удобное место в урочище Цариголе для рыбной ловле, где уж и невод мой состоит, также и для заведения скота построить хутор... покорнейше прошу дать ваше повеление...»². В ответном письме Мокрому от 28 августа Головатый дал просимое разрешение³.

Неизвестно, основывались ли хутора всегда с разрешения или ведома войскового начальства, или только в некоторых случаях, но ясно одно: хутора появились сразу же после переселения казаков за Буг. Вот краткие данные о них за 1792 г. В устье р. Барабой был основан хутор казаком Михайлом Канункой. В официальную ведомость, составленную капитаном Нияким, внесены следующие его обитатели: хозяин Михайло Канунка и его служители — Василий Ламаный, Петр Литвин, Михаил Обдуло, Григорий Крикун⁴. В урочище Сасычке находился хутор казаков Стурчака и Загуби-Батько. В нем, кроме хозяев, жили их работники: Павел Бородченко, Трофим Глухий и его брат Макар, причем Трофим четырнадцатилетний, а Макар двенадцатилетний подростки⁵. В хуторе казака С. Белого, кроме его жены и двух малолетних детей, находился служитель Белого — девятнадцатилетний Сухый⁶. Иногда на территории хутора устанавливался невод; в таком случае население хутора различалось официальными документами по роду занятий. Так, в Тилигульском лимане, в урочище Стадном, числился хутор казака И. Мулявы. Кроме хозяина, здесь записан его сын Степан, служитель Григорий Малый и девять лямчиков, из которых один — черноморец, а восемь — «польские люди»⁷.

Общее представление о количестве хуторов в массе казачьих дворов за Бугом, а также о применении наемного труда хуторянами

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 140.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 278.

³ Там же, док. 279.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

дает ведомость В. Няякого от 1792 г. Данные этой ведомости выражены в следующей таблице¹.

Т а б л и ц а 22

Всего семей- дворов в селениях	Х у т о р а			Работников на хуторах		
	общее количество	применяю- щие наемный труд	применяю- щие наемный труд, в %	общее количество	черномор- ских казаков	«ПОЛЬСКИХ ЛЮДЕЙ»
174	51	29	около 60	84	78	6

В ведомости В. Няякого зарегистрировано около $\frac{1}{3}$ всего населения хуторов и селений.

Хутора составляли, как видим, около 22,6% в общей массе казачьих хозяйств (174+51=225).

Хутор, как правило, представлял собой мощное в экономическом отношении хозяйство богатого казака или старшины. Работники в ведомости Няякого показаны только в 29 хуторах из 51. Зато эти 60% хуторов имели от 2 до 3 наемных рабочих. Любопытно, что подавляющее количество батраков на хуторах представлено черноморскими казаками, в то время как нелегальный элемент — «польские» и «великороссийской породы» беглые — сосредоточивались, по преимуществу, на рыболовных промыслах².

Термин «зимовник», столь обычный для Запорожья, за Бутом стал в официальной речи вытесняться термином «хутор». Однако старое название продолжает удерживаться как в живой речи черноморцев, так и в документах еще в течение нескольких десятилетий. Хуторская форма поселения наиболее полно соответствовала интересам крупного казачьего хозяйства. Вот почему мы наблюдаем массовое устремление богатого и устойчивого в хозяйственном отношении казачества на хутора. «Порядок общей пользы», легализовавший захват отдельными хозяевами войсковых угодий, придал этой экономической тенденции некоторым образом правомерные формы, что было необходимо ввиду ажиотажа, который овладел зажиточным и богатым элементом. К захвату войсковых угодий приступили прежде всего сами авторы, точнее редакторы «Порядка общей пользы» — войсковое правительство. Они спешили обзавестись документами на постройку хуторов, плотинных мельниц, на основание рыболовных «заводов» и прочее. Кошевой атаман З. Чепега 1 марта 1794 г. в прошении на имя войскового правительства, т. е. на собственное имя и имя двух своих коллег — Головатого и Котляревского, писал: «Я, желая с числа войсковой

¹ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

² См. раздел Рыболовство.

земли по большой Талызиной дороге на речке Бейсужку соорудить собственным своим коштом плотинную мельницу, войскового правительству покорно прошу на вечно спокойное мне и наследникам моим ею владение дать открытый указ»¹. Разумеется, на эту просьбу немедленно последовало милостивое согласие: 18 марта Котляревский и Головатый направили Чепеге от имени войскового правительству учтливое донесение и соответственный указ². 31 мая того же года З. Чепега подал другое прошение: «Я,— писал кошевой,— имея намерение для хлебопашества и скотоводства на речке Кирпилях при устье Кочетев занять футор (хутор.— В. Г.) ...прошу... помянутое место с достатком в околичность степу кому следует приказать отвесь и на вечное оным владение выдать указ»³.

На следующий же день правительство постановило отвести Чепеге под хутор участок, размер которого определялся весьма оригинально: по обоим берегам р. Кирпилей, начиная от хутора, вверх и вниз по двенадцать верст, «а в степь сколько потребно»⁴. 13 июня черноморский «батько», чью якобы неприязнительность и неприхотливые запорожские вкусы любят подчеркивать черноморские казачьи историки, писал: «Я, желая из состоящих в округе Фанаторийском при Тамане запустелых войсковых садов часть взять под свое охранение... прошу приказать отвесь...»⁵. Войсковое правительство с полной готовностью и поспешностью удовлетворило и эту просьбу, определив размер просимого участка в таких «точных» выражениях: «по степу до дороги, лежащей с Тамани к Черному морю, большой сад с багами виноградными, сколько одного мерою причтется»⁶.

Войсковой судья Головатый в прошении от 10 июня того же года заявил о своем желании построить канал для соединения р. Бьшого Карасуна, впадающей в Кубань, с Малым Карасуном, протекающим у самого Екатеринодара, «ради окружения оного (горсда.— В. Г.) водою, и при устьях сих речок поделатъ две плотинные мельницы»⁷. Войсковое правительство, руководствуясь мыслью, что «желание (Головатого.— В. Г.) будет служить не только ему в пользу, но и всему войску великою выгодою», удовлетворило просьбу. 14 июня Головатый возымел «намерение занять хутор и при оном выстроить водяную мельницу на речке Кирпилях»⁸. В тот же день войсковой писарь записал решение правительства: «Приказалы в удовлетворение сего прошения» отвести участок на р. Кирпилях ниже устья Малого Кирпиля по обоим сто-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 15, л. 16.

² Там же, л. 20.

³ Там же, л. 29.

⁴ Там же, л. 30.

⁵ Там же, л. 48.

⁶ Там же, л. 49.

⁷ Там же, л. 42.

⁸ Там же, л. 50.

ронам реки вверх и вниз по двенадцать верст¹. Через день состоялось постановление об отводе Головатому участка земли с садом у Тамани «сколко мерою во оном месте приучется»².

15 февраля 1794 г. войсковой писарь Т. Котляревский просил разрешения выстроить на р. Бейсуге плотинную мельницу. С пришедшей ему обстоятельностью Котляревский пояснял, что он уже заключил договор на постройку мельницы, вследствие чего постановление об отводе места просил опубликовать, чтобы рабочие поспешили в марте приступить к делу³. 1 июня Котляревский просил разрешение на участок леса над Кубанью, у Воронежского кордона. Правительство приказало войсковому вальдмейстеру отвести Котляревскому просимое и выдать указ на вечное владение⁴. 15 июня Котляревский получил у Тамани сады рядом с участком Головатого⁵. В том же месяце Котляревский просил отвести ему на Бейсуге у строящейся мельницы хутор для скотоводства и хлебопашества, на что также немедленно последовало разрешение⁶.

Одновременно удовлетворялись бесчисленные просьбы старшины меньшего ранга. 30 июня 1795 г. получил разрешение на постройку хутора на р. Понуре прапорщик Ю. Орлов и ряд других лиц⁷. Бунчуковый товарищ капитан И. Великий просил 30 июня 1794 г. отвести ему под хутор и мельницу на Бейсуге участок в пятнадцать верст⁸. Своеобразно выразил свою просьбу прапорщик Д. Письменный 3 апреля 1794 г.: «Нашел я по правую сторону реки Бейсуга, недалеко жилища казака Жиряка, под обрывом, на войсковой земле небольшой шматок терну и дичок»⁹. Просимый «шматок» поступил во владение Письменного.

Не лишалось «милостивого дозволения» на постройку хуторов, мельниц и прочего также войсковое духовенство. 17 июня 1795 г. участок под хутор на р. Ясенях получил священник Ейской Преображенской церкви Ф. Стояновский¹⁰. Войсковой протоиерей Р. Порохня получил участок в шесть верст по обеим сторонам р. Кочетей. Священник В. Дьячковский получил вблизи Екатеринодара на р. Понуре участок на четыре версты¹¹. Подобные документы можно приводить сотнями. Черноморская старшина занимала под хутора степные пространства, проявляя, как видим, аппетит Гаргантюа.

Конечно, разрешение, подтверждаемое соответствующим указом войскового правительства, было формальностью важной в юридиче-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 15, л. 50.

² Там же, л. 72.

³ Там же, л. 1.

⁴ Там же, лл. 36—37.

⁵ Там же, св. 5, д. 18-а, лл. 43, 61.

⁶ Там же, св. 4, д. 15, лл. 75—76.

⁷ Там же, св. 10, д. 34.

⁸ Там же, л. 80.

⁹ Там же, св. 4, д. 15, лл. 25—26.

¹⁰ Там же.

¹¹ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 120.

ском отношении, так как участки закреплялись в «вечное и наследственное владение». Заявки часто подавались на участки, которые в той или иной степени уже были освоены или облюбованы рачительными хозяевами. Полковник армии премьер-майор Высочин в прошении от 14 июня 1794 г. заявлял, что он уже занял в 1793 г. землю под хутор и плотинную мельницу на р. Кирцилах и теперь просит закрепить участок в вечное владение. Правительство 17 июня отказало Высочину в его просьбе на том основании, что просимый участок был ранее отведен войсковому судье Головатому. Высочину предложено было выбрать себе землю в другом месте¹.

Раздача земель сразу же привела к столкновениям как просителей между собой, так и просителей с куренными обществами. Отдельные лица, занимая земли, проводили свои межи часто под самыми куренными селениями, стесняя местных жителей. Тогда войсковая администрация условием закрепления участка за отдельным лицом поставила согласие куренного общества. Нечего и говорить, что такое согласие или вынуждалось разными способами, или же в угоду богатым и влиятельным людям попросту игнорировалось. Из журнала войскового правительства от 12 сентября 1806 г. видно, например, что казаки Батуринского и Березанского селений выразили протест в связи с прошением сотника Ковтуна о разрешении занять участок под сад на левом берегу р. Великого Бейсуга. Войсковое начальство отвергло жалобу казаков на то, что участок Ковтуна стеснит их поля и сенокосы. Отказ сформулирован так: во-первых, участок, просимый Ковтуном, ранее был под хутором сотенного есаула Хмары, и никто по поводу этого не высказывал недовольства, во-вторых, разведение фруктовых деревьев — дело весьма полезное вообще и, в частности, для протестующих казаков, так как оно и их побудит заниматься садоводством². Последний мотив содержит значительную дозу иронии по адресу куренных обществ.

Одновременно и рядом с хуторами старшины основывались хутора казаками. Перейдя с украинской степи на прикубанскую, запорожец восстанавливал на новом месте хозяйство в старых, привычных ему формах. В 1796 г. казак Ирклевского куреня Еремей Крыса на допросе показывал, что он родился в с. Игнатовке, Варвинской сотни, Прилуцкого полка, в семье реестрового казака Семена Карпуся. После смерти отца, в двадцатилетнем возрасте, был взят на Запорожье своим родным братом Федором и, «приписавшись в курень Ирклевский... выстроил при речке Калце хутор...»³. Через десять лет после разрушения Сечи Крыса, продав хутор, пошел в Азов, а в 1794 г. прибыл на Кубань, записался в Ирклевский курень и «жил футором при Челбасах у Сладких лиманов»⁴.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 4, д. 15, лл. 65—66.

² КГКИА, ф. 251, св. 45, д. 119.

³ Там же, св. 9, д. 38.

⁴ Там же, д. 33.

Основывая хутора, казаки стремились часто облечь свои претензии на земельные участки в такие же юридические формы, как и старшина. В войсковое правительство поступали от них прошения об отводе земель под хутора и плотинные мельницы. В черноморском архиве, однако, сравнительно мало как казачьих прошений, так и соответственных разрешений. Это объясняется тем, что войсковая администрация официально препятствовала распространению казачьих хуторов. Эта мера была вызвана соображениями военного и полицейского характера. Черноморское казачье войско обязано было нести сторожевую службу на правом берегу Кубани. В связи с постоянной угрозой набегов со стороны закубанских горцев администрация стремилась избежать распыления казаков, сосредоточивая их в большие компактные группы — куренные селения.

Во всех документах, относящихся к вопросу запрещения или стеснения казачьих хуторов, на протяжении всего изучаемого периода настойчиво звучат два мотива: уклонение хуторян от повинностей, связанных с несением внутренней службы по войску, и укрытельство беглых — «пристанодержательство». Экономические процессы, протекавшие в курене, брали верх над административным давлением, и казачьи хутора непрерывно множились.

Привести абсолютные цифры о количестве казачьих хуторов в первые десятилетия существования войска невозможно. Тем не менее, факт устремления богатого казачества на хутора не подлежит сомнению. Уже 30 сентября 1794 г. указ войскового правительства на имя есаула Кордовского констатировал отступление от «Порядка общей пользы» в том, что казаки и старшины отказываются от поселения на местах, назначенных куренным селениям, и «заводят свои хутора по разным речкам и урочищам»¹. Неудобство создавшегося положения указ объяснял тем, что хуторяне «навлекают куренным атаманам в выставеньи на службу казаков и в отыскании праздношатающихся... с неправильными билетами и без оных великое затруднение»². Указ категорически предписывал окружным правлениям понудить хуторян выселиться в течение двух недель в куренные селения. Разрешалось оставить до весны только скот в тех местах, где было заготовлено сено. В качестве понудительной меры предписывалось давать хуторянам внеочередные наряды, употреблять в войсковые тягости до тех пор, «дондеже переселяться»³.

В следующем году, 25 августа, войсковое правительство констатировало в своем определении, что выселение с хуторов не было проведено и ввиду этого приняло более крутые меры: окружным правлениям предписывалось разрушить хуторские строения и всех хуторян перевести в селения. Даже в том случае, если отдельные

¹ КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 18-а, л. 47.

² Там же.

³ Там же.

лица имели указы на право устройства хутора, они обязаны были выстроить дома в селениях или в городе и поместить там часть своей семьи с тем, чтобы быть готовым по тревоге исполнять свои обязанности. За неисполнение этого распоряжения окружные правления ставились под угрозу наказания¹.

Но и столь категорические на первый взгляд меры оказались тщетными. Хуторянин был очень тяжел на подъем. Его невозможно было расшевелить велеречивыми указами. Мало действовали на него и те средства принуждения, к которым призывались окружные власти. 29 февраля 1808 г. член войсковой канцелярии Животовский, вернувшись из Ейского и Бейсугского округов, куда был командирован для объезда, нарисовал в своем рапорте такую картину: «Некоторые (казаки. — В. Г.) за всеми понуждениями начальства с начала прибытия войска на сию землю и до сих пор с хуторов во оные (селения. — В. Г.) не переселены, чрез что жительствующие ныне в селениях казаки всегда употребляют в разные случающиеся по службе и по гражданству наряды, кои претерпевают от проходящих воинских команд от постоев немалое притеснение...»².

Далее Животовский подчеркивал, что тяготы сельских казаков тем ощутительнее, что «во оных (селениях. — В. Г.) находятся почти (только) жительство бедные..., а богатые, имея великие достатки, могли бы противу оных гораздо соответствовать... удаляются и последние на хутора»³. Животовский старается доказать, каких огромных трудов стоит сельским атаманам и десятским понудить богатых хуторян к отбыванию повинностей. Не говоря уже о сложности объезда хуторов, разбросанных на огромном расстоянии, сами хуторяне сельскую администрацию «еще с хуторов прогоняют»⁴. Ссылаясь на жалобы сельских казаков и собственные наблюдения, Животовский сделал вывод: в связи с выселением на хутора «селения более опустошаются, нежели застраиваются»⁵.

Ознакомившись с рапортом Животовского, войсковая канцелярия приняла компромиссное решение, восстанавливающее, по существу определение правительства от 1795 г.

Через три года, 30 мая 1811 г., черноморская канцелярия вновь констатировала наличие множества хуторов, владельцы которых отнюдь не обнаруживали склонности к возвращению в селения, и подчеркнула тот «новый» факт, что «многие казаки, оставляя дома в селениях, переселяются по своему произволу на хутора единственно к избавлению от общественных повинностей»⁶. Наконец, обращалось внимание на то известное обстоятельство, что

¹ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 80.

² КГКИА, ф. 251, св. 57, д. 149, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 5.

беглые укрываются по преимуществу у казаков, которые имеют хутора. Было постановлено к концу года переселить всех хуторян в куренные селения. Осуществление этого возлагалось на членов земских начальств, смотрителей и атаманов куренных селений. Хуторьянам разрешалось только собрать хлеб, косить же траву они должны были на участках, отведенных куренным обществом. При всей категоричности тона постановления, оно, тем не менее, допускало одну существенную уступку в пользу богачей. После переселения бывшим хуторьянам разрешено было занимать земли под пастбища при соблюдении двух условий: чтобы пастбища отстояли от селения не более чем на десять верст и чтобы пребывание хозяина там носило временный характер¹.

31 января следующего года войсковая канцелярия заговорила уже в примирительном тоне. На места были командированы ассесоры Белый и Золотаревский, которые должны были совместно с земскими начальствами составить списки хуторян и «внушать им, чтобы они непременно в следующую весну переселились»². Таким образом, категорическое «понуждение» сменилось обычным «внушением», а срок переселения был продлен еще на полгода.

Хуторяне стали забрасывать войсковую канцелярию жалобами и просьбами. Дело в том, что при занятии хутора каждый выбирал себе место поудобнее и стремился поселиться подальше от однокуренников. Некоторым хуторьянам, вынужденным к переселению, удобнее было войти в состав других куренных обществ, находившихся поблизости. 23 марта 1812 г. войсковая канцелярия уважила их просьбу: хуторянину разрешено было поселиться, во избежание излишних хозяйственных издержек, в том куренном селении, где ему выгоднее³. Таким образом, прикрепление к определенному куренному обществу относилось только к казачьей бедноте.

Несмотря на все меры, принимаемые войсковой администрацией в отношении уничтожения хуторов, последние продолжали оставаться. В Бейсугском и Ейском округах в начале февраля 1812 г. имелось 972 хутора⁴. По спискам, составленным в 1813 г., оставлено было по уважительным причинам 160 хуторов, владельцы которых принадлежали к 15 куреням (Переяславский — 11, Каневский — 18, Иркилевский — 13, Березанский — 11, Батуриновский — 3, Корсунский — 4, Тимошевский — 10, Деревянковский — 9, Джерелевский — 1, Щербиновский — 14, Минский — 16, Шкуриновский — 7, Кушевский — 5, Уманский — 13, Конеловский — 25)⁵. В следующем, 1814 г., только в одном Ейском округе, как видно из списков от августа 1814 г., был оставлен 201 хутор⁶. В Бейсугском

¹ КГКИА, ф. 251, св. 57, д. 149, л. 5.

² Там же, л. 8.

³ Там же, л. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 285—286.

⁶ Там же, л. 363.

же, если судить по рапорту земского начальства от 9 апреля 1815 г., оставлено было 64 хутора, а переселено 128¹. Таким образом, нужно признать, что, при всех колебаниях войсковой администрации, к 1815 г. количество хуторов было значительно сокращено.

Начиная с 1813 г., в официальных документах все настойчивее подчеркивается, что вред хуторов заключается в «пристанодержательстве» беглых и в распространении, ввиду этого, «воровства и разбоя». Войсковой атаман Бурсак, направляя 1 октября 1813 г. отношение войсковой канцелярии, повторил распоряжение дюка де-Ришелье об уничтожении хуторов и разъяснил, что исключение может быть сделано только для тех из хуторян, о благонадежности которых и их непричастности к «пристанодержательству» беглых дадут подписку куренные общества².

Интересно то обстоятельство, что одновременно с упразднением части хуторов даются разрешения на основание новых. Процесс экономической дифференциации в курене неуклонно выталкивал часть казаков на хутора. Вот интересная мотивировка выхода на хутор, изложенная в билете, выданном Шкуринским обществом казаку Феодосию Череватому. Череватый, переселившись на Кубань около двадцати лет назад, жил в Шкуринском селении и пользовался выпасом в десяти верстах от селения при балке Водяной. Там же Череватый построил дом и развел сад. Общество мотивировало необходимость выхода Череватого на хутор тем, что он для своего скота «в селении средства никак не находит»³. При этом общество удостоверяло благонадежность Череватого в том, что «пристанодержательства» на его хуторе не будет.

Нужно заметить, что хутор открывал прежде всего широкие возможности для ведения скотоводства, игравшего большую роль в экономике края на протяжении всего дореформенного периода. Казак Батуринского куреня Семен Белах так мотивировал свою просьбу, поданную войсковой канцелярии 20 марта 1818 г.: «Жительствова в селе Батуринском собственным своим домом, возымел движимое имение, заключающееся в рогатом скоте и овцах, и будучи в оном стесняем в рассуждении того моего скота, жительством ныне вознамерился единственно для свободного скотоводства выстроить хутор при р. Великого Бейсуга на низ с левой стороны»⁴. Казак Кореневского куреня Бердин в прошении от 8 июня 1818 г. писал: «Имея у себя в довольном количестве благоприобретенное мною имение, состоящее в рогатом скоте и овцах, с коим поместиться в селении не могу, для чего в прошлом 1817 г. с позволения куреня Кореневского общества выстроил для скотоводства и хлебопашества при р. Малеванной в 5 верстах от села Кореневского хутора»⁵. К такого рода прошению обычно прилагался билет от куренного общества.

¹ КГКИА, ф. 251, св. 57, д. 149, л. 387.

² Там же, л. 278.

³ Там же, л. 363.

⁴ Там же, св. 136, д. 342, л. 114.

⁵ Там же, л. 247.

5 мая 1814 г. ассессор Голуб в рапорте войсковой канцелярии приходит к выводу, что богатым казакам, имеющим от 50 до 100 голов рогатого скота, нужно разрешить иметь хутора при том условии, что таких хуторов будет не более десяти на одной речке. Тем же, кто имеет от 100 до 200 голов и более, можно разрешить хутора, если таких владельцев будет не более пяти на одной речке¹. 14 мая канцелярия, обсудив эти предложения, пришла к выводу, что «непомерное число хуторов остается неуничтоженным»². Вместе с тем, что особенно любопытно, канцелярия констатировала одно неразрешимое противоречие: переселение хуторян, имеющих «достаточное скотоводство», в селения стеснит куренные общества, а оставление хуторов на старых местах делает невозможным надзор за укрывательством беглых. И снова было принято компромиссное решение: позволить иметь хутор вблизи селения, на расстоянии от последнего не более десяти верст. При этом на хуторе допускалось только скотоводческое хозяйство (земледелие переносилось в куренные «царины») и хозяин в основном должен был жить в селении. Постановление это, заметим, касалось только лиц, бывших вне подозрения относительно «пристанодержательства».

Спротивление хуторян переселению имело положительные для них результаты. Войсковая администрация в вопросе о хуторах остановилась на двух принципах. В документах 30-х годов XIX в. эти принципы сформулированы в следующих словах: законными признаются хутора, «хозяева коих есть в поведении благонадежны» и, кроме того, «имеют значительное скотоводство и знатное хуторское обзаведение»³. В это время была предпринята чистка хуторов в соответствии с указанными принципами. Окружные власти представили в распоряжение черноморской воинской экспедиции списки хуторов с краткими, но весьма выразительными комментариями. Полнота этих данных дает возможность не только получить точное представление о хуторском хозяйстве, но и определить общее количество хуторов на Черномории в 30-х годах. На основании дела (начато 13 марта 1833 г. и законченного в ноябре того же года) о хуторах четырех округов, включая г. Екатеринодар⁴, составлена табл. 23.

Как видно из данных таблицы, хутора, подлежащие сносу, составляли около 38% их общего количества. Любопытно, что в числе подлежащих сносу казачьи хутора составляли 98%. Таким образом, чистка почти не затронула старшинских хуторов. Таблица опровергает представление, распространенное в литературе буржуазными историками о том, что казачьи хутора — явление нехарактерное. Было принято изображать дело таким образом, что захват земли под хутора и стеснение куренных обществ в земельном отношении проводились только старшиной. Казаки выходили на ху-

¹ КГКИА, ф. 251, св. 136, д. 342, л. 322.

² Там же.

³ Там же, св. 278, д. 684.

⁴ Там же.

тора (см. слова Пашки о землеуладении) лишь увлекаясь дурным примером старшины. Казачьи хутора, как видим, составляли 76% общего числа хуторов, признанных законными. В числе этой же категории только в Таманском округе процент казачьих хуторов равнялся 23. В Екатеринодарском округе они составляли 77%, в Ейском — 82% и т. д. В общей же массе казачьи хутора составляли 84%.

Т а б л и ц а 23

Название округа	Всего хуторов	Хутора, признанные законными				Хутора, признанные незаконными			
		общее количество	из них старшинских	казачьих	казачьих, в %	общее количество	из них старшинских	казачьих	казачьих, в %
Таманский	251	69	53	16	23	182	5	177	97
Ейский	469	262	45	217	82	207	1	206	100
Бейсугский	588	380	116	264	70	208	3	205	99
Екатеринодарский	911	640	145	495	77	271	4	267	98
г. Екатеринодар	185	146	1	145	100	39	4	35	90
Всего	2404	1497	360	1137	76	907	17	890	98

В число старшинских включено несколько хуторов, принадлежащих священникам, а в число казачьих — несколько причетнических.

Лишенные права на существование хутора квалифицировались следующей формулой: «Хозяева коих (хуторов. — В. Г.) в поведении неблагонадежны и по малозначительности при оных обзаведения (курсив мой. — В. Г.), служащим в притеснении куреням и лицам, по дозволению начальства жительствовавшим хуторами право имеющим»¹. Кроме того, попавшие под запрещение хуторяне обвинялись в пристанодержательстве. Как видим, формула запрещения при всем ее стилистическом своеобразии построена не без сарказма. Согласно логике черноморских властей оказывалось, что слабый утеснял сильного, а не наоборот. Для восстановления поправной справедливости следовало, по мнению властей, более слабых хуторян оттеснить в куренные селения. Но как только слабый и малокровный хуторянин укреплялся, он начинал завоевывать себе «право на существование». Так называемые неблагонадежные и несостоятельные хуторяне осаждали своими жалобами войсковое начальство и последнее не оставалось глухим. Наказный атаман генерал Заводовский в своем предписании войсковой канцелярии от 21 февраля 1839 г. писал: многие «жалуются, что они после того как были назначены к переселению обзавели себя прочно, нажили много скота и овец, так что ежели переселиться им в курень, то могут притеснить общих жителей, в удостоверение чего представляли от куренных обществ свидетельства с заверениями, что они поведения честного»². Атаман приказывал земским начальствам

¹ КГКИА, ф. 251, св. 278, д. 684.

² Там же, св. 487, д. 1229, л. 43.

и екатеринодарской полиции составить списки всех разбогатевших хуторов и, если куренные общества выдадут им свидетельства о благонадежности и исполнении повинностей, оставить в покое.

Обвинение хуторян в укрывательстве беглых проходит красной нитью через всю историю дореформенного периода. При этом порок «пристанодержательства» приписывался, что примечательнее всего, наименее состоятельным. Оставляя в стороне вопрос о том, что именно наиболее богатые хуторяне имели большую возможность укрывать беглых и отстаивать свое «честное» имя, нужно признать, что при всех стеснениях в этом деле даже среднего достатка хуторяне проявляли немалую склонность к укрывательству беглых. Последнее объяснялось буржуазными историками «духом волюности» казачества. В доказательство этого они приводили обычно факты нападения казаков на партии беглых крестьян, выловленных в Черномории и конвоируемых на родину господскими приказчиками¹. Чем же объяснить это явление?

Современники пробовали факту «пристанодержательства» со стороны указанной группы хуторян давать, не без лукавства, другое объяснение. 28 июля 1814 г. в черноморскую канцелярию от группы старшин (подполковника Бурсака, хорунжего Высочина и полковника Барабаша) поступило следующее прошение: казаки разных куреней Таманского округа выстроили хутора при Черном Ерике, как раз у старшинских рыболовных заводов, и, в обход постановления об уничтожении хуторов, назвали свои хутора рыболовными заводами. Хуторяне обвинялись в том, что они старались спаивать и «приласкивать» забродчиков старшинских заводов, кроме того, «разного рода беглые люди, скрываясь от поисков, в ночное время приходят к ним и снискивают в них себе пропитание и прибежища»². По словам жалобщиков, весь вред заключался не столько в хуторянах, сколько в том, что «особливо их жены весьма развратного поведения»³. Конечно, объяснить это явление нельзя ни пороками, ни добродетелями богатых или зажиточных черноморских хуторянок. Ясно, что укрывательство беглых даже менее состоятельными хуторянами практиковалось под влиянием очень простого соображения: труд беглого был дешевле труда легального работника — черноморского серомахи и вообще бедняка.

Как же выглядят хутора, попадавшие в немилость «по малозначительности при оных обзаведения»? Сотник Кучмай 15 мая 1835 г. подал прошение в Екатеринодарское сыскное начальство. Он писал: шесть казаков Новомышастовского и Ивановского куреней, самсвольно поселясь хуторами в балке при Косатой Могиле, «делают мне и прочим хозяевам, живущим также хуторами возле моего, такового поселенного с давнего времени, ежегодно притеснение своим скотом, хлебопахотой царине потравлею хлеба и в сено-

¹ Известия ОЛИКО, вып. V, 1912, стр. 140

² КГКИА, ф. 251, св. 57, д. 149, л. 333.

³ Там же.

косных местах»¹. По жалобе атаманами указанных куреней было произведено расследование. Атаманы согласились с мотивами Кучмая и представили хозяйственные данные о шести виновниках. Последние имели хутора, самые старые из которых насчитывали 10 лет. Хозяйственные постройки у всех охарактеризованы одинаково: дом, будка — «ветхие». Движимое имущество их состояло из скота и лошадей. При этом первый имел 19 голов крупного рогатого скота и 40 овец, второй соответственно 40 и 208, третий — 40 и 110, четвертый — 40 и 15, пятый — 48 голов крупного рогатого скота, одну лошадь и 105 овец, шестой — 67 голов крупного рогатого скота и 3 лошади².

В списке хуторов, подлежащих уничтожению, по Таманскому округу числилось 182. В среднем такой хутор имел от 15 до 40 голов крупного рогатого скота. Только несколько человек имели от 5 до 20 лошадей, к тому же один имел 200 овец. Исключение в этом списке составляют два хутора, принадлежавшие татарам, и один старшинский. Татарские хутора насчитывали несколько десятков лошадей, столько же рогатого скота и до 700 овец. Хутор сотника имел 180 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота и 300 овец³. В списке хуторов этого же разряда Ейского округа средний «малозначительный» хутор имел 30—40 голов крупного рогатого скота и 30—60 овец. Только одиночки имели до 20—30 лошадей, до 80—100 голов крупного рогатого скота и до 200—700 овец. Против двух хуторов стоит пометка «Не имеют имущества никакого»⁴. Таким же был «малозначительный» хутор в Бейсугском и Екатеринодарском округах⁵. Следовательно, средний «малозначительный» хутор представлял собою хозяйство в 30—40 голов крупного рогатого скота и приблизительно вдвое больше овец. Кроме того, «малозначительные» хутора были недавнего происхождения и только в очень редких случаях имели сады. Такое хозяйство, принимая во внимание его экстенсивный характер, могло обслуживаться силами семьи владельца. Это — зажиточное хозяйство, незаметно перераставшее в хозяйство богатое.

Хутора «знатного обзаведения», как правило, были более раннего происхождения и вдвое-втрое крупнее «малозначительных». Так, из 69 хуторов Таманского округа было основано: в конце XVIII в. — 10, в первом десятилетии XIX в. — 27, во втором — 15, в третьем — 10 и в начале четвертого — 7⁶. Признаком хозяйственного преуспеяния этих хуторов являлось развивающееся садоводство. Привожу небольшую таблицу⁷ (см. табл. 24).

Давней культурой хуторского садоводства особенно выделялся Таманский округ. Здесь сад в среднем насчитывал от нескольких

¹ КГКИА, ф. 251, св. 278, д. 884.

² Там же.

³ Там же, д. 684 (о хуторах за 1833 г.).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

десятков плодовых деревьев до нескольких сотен. В других округах, можно думать, размер садов был несколько меньше, хотя сады имели многие хуторяне.

Т а б л и ц а 24

Название округа	Количество хуторов	Из них имеют сады	Количество хуторов, имеющих сады, в %
Таманский	69	18	26
Ейский	262	110	42
Бейсугский	380	184	48
Екатеринодарский	640	200	31
Всего	1351	512	37

Несмотря на стеснения, количество хуторов продолжало увеличиваться на всем протяжении дореформенного периода. По официальным данным (записка канцелярии наказного атамана о состоянии войска с 1825 по 1850 гг.) на 1 января 1825 г. числилось 2262 хутора, а на 1 января 1850 г. — 2548 хуторов. Таким образом, за указанные 25 лет количество хуторов выросло на 12%.

Количественное увеличение хуторов при существовавших стеснениях не может дать точного представления об интенсивности процесса социально-экономической дифференциации, протекавшего в куренных селениях (станицах). Расслоение среднего казачества на мощных хозяев, тянувшихся на хутора, и на бедных происходило, бесспорно, быстрее, чем это можно судить по росту хуторов. О том, как далеко зашла социальная дифференциация в среде черноморского казачества к концу 30-х годов XIX в., можно составить приближенное представление, сравнив количество дворов в Черномории с количеством существовавших хуторов. Обратимся для этого к ведомостям о народонаселении и хозяйстве Черномории, представленным окружными начальствами по предписанию наказного атамана Заводовского в 1839 г. Сводные данные выражены в табл. 25¹.

Если примем во внимание, что процент хуторов значительно понижается количеством дворов г. Екатеринодара, часть которых не имела отношения к сельскому хозяйству, то можно заключить, что хутора составляли не менее $\frac{1}{10}$ в общей массе дворов-хозяйств Черномории.

То же место по отношению к общему числу дворов хутора занимали и десятилетием позже. В таблице о населении Черноморского войска по состоянию на 1 сентября 1847 г. казачьего населения числятся в трех округах 136 657 человек. Это население размещалось в 59 станицах и 2477 хуторах, а именно: в Таманском округе было 20 станиц и 953 хутора, в Екатеринодарском соответствен-

¹КГКИА, ф. 251, св. 481, д. 1212, л. 90.

но — 20 и 1005, в Ейском — 19 и 519¹. Если принять численность семьи казачьего двора в среднем в 7 человек, то количество дворов не превысит 22 тыс., а процент хуторов, следовательно, будет не ниже 10.

Т а б л и ц а 25

Название округа	Количество дворов	Количество хуторов	Количество хуторов, в %
Екатеринодарский	8729	916	10,49
Бейсугский	4330	457	10,43
Ейский	4689	359	7,65
Таманский	1117	148	13,25
г. Екатеринодар	1284	74	5,8
Всего	20 199	1954	9,7

Количество хуторов, несмотря на ряд специальных ограничений, продолжало неуклонно увеличиваться. В ведомости о количестве станиц и хуторов в Черномории за 1853 г. в трех округах указано 62 станицы и 2415 хуторов. Из них в Таманском округе 20 станиц и 101 хутор, в Екатеринодарском соответственно — 20 и 915 и в Ейском — 22 и 449². Через четыре года здесь числилось уже 63 станицы и 3254 хутора³. Отсутствие данных о количестве дворов в области не позволяет точно определить процент хуторов. Однако нет сомнения в том, что прирост хуторов происходил быстрее, чем прирост дворов-семей в целом.

Обратимся к конкретным данным, наглядно представляющим хуторское хозяйство на Кубани. Вот дело от 1810 г. о наследстве казака Березанского куреня Максима Рыжко, оставленного по завещанию брату умершего Савве Рыжко, поселянину с. Чаплинки, Новомосковского уезда, Екатеринославского наместничества. Перед нами два бывших запорожца. Один остался на родине, на Запорожье, другой в свое время стал черноморским казаком и сидел хутором (зимовником) в прикубанской степи. Из построек на хуторе М. Рыжко в завещании значится: хата с пятью окнами, загон с хлевом и еще хата в с. Березанском. Хозяйство хутора носило ярко выраженный скотоводческий и коневодческий характер. На хуторе у Рыжко было восемь рабочих волов, 16 коров с телятами, 14 коров яловых и третьяков, четыре быка, 19 бузывков (бычков) и телок и один бугай (производитель). В другом документе дополнительно значится 14 голов взрослого скота и 12 голов молодняка, а всего скота 124 головы. Кроме того, на хуторе был табун в 130 лошадей.

Занятие скотоводством и коневодством Рыжко совмещал с земледелием. Он посеял пять мешков яровой пшеницы и столько же озимой, пять мешков озимой ржи, один мешок проса, две мерки

¹ КГКИА, ф. 252, св. 108, д. 758, лл. 30—31, 34—35.

² Там же, св. 222, д. 1480, л. 110.

³ КГКИА, ф. 249, св. 321, д. 2298, л. 510.

гороха, пять мешков гречихи и шесть мешков ячменя. Если мы исключим горох и просо и возьмем основные культуры со средним урожаем сам-четыре (мешок принимаем за 5 пудов), то валовой сбор зерновых в среднем составит около 500 пуд. Следовательно, земледелие в основном имело потребительский характер. Из вспомогательных хозяйственных отраслей упомянута пасека в 26 пней.

Хозяйство велось исключительно при помощи наемной рабочей силы, так как у покойного Рыжко остались только две малолетние дочери. Рачительный хозяин вел некоторое подобие хозяйственного журнала, из которого извлекаем интересные сведения. Работников хутора можно разделить на три разряда: сезонных, временных и годовых (постоянных). Из временных рабочих дважды упомянут коновал. К постоянным нужно отнести «товарчия» с помощником (мальчиком) и табунщика. Кроме того, упомянут годовой работник Иван Дубина и без пояснений работники: казак Щербиновского куреня Яков Тихий, Игнат Ерченко и казак Илья Неизвестный. Сезонные и временные работники служили на хозяйских харчах, а постоянные получали и одежду. Как расходы на содержание рабочих, так и заработная плата выступают в денежной форме. На содержание рабочих (из записей не видно, за какое время) было израсходовано ведро водки ценою 6 руб., четверть ржаной муки — 12 руб., 25 арш. сукна (55 коп. арш.) — 13 руб. 75 коп., 23 арш. холста (17 коп. арш.) — 3 руб. 91 коп., пара сапог — 2 руб. 70 коп., 2 пары рукавиц — 2 руб. 54 коп. Заработной платы выдано: косарям за 400 копен сена 123 руб., табунщику один раз — 15 руб., а второй раз — 30 руб., товарчию с помощником — 2 руб., работнику Игнату Ерченко — 3 руб. 60 коп., Илье Неизвестному — 7 руб. 50 коп., Якову Тихому — 30 руб. и годовому работнику Ивану Дубине — 25 руб. Постоянными рабочими, кроме товарчии и табунщика, повидимому, нужно считать двух — Тихого и Дубину. Можно думать также, что годовая заработная плата их, кроме харчей и одежды, составляла 25—30 руб.

Скотоводство и коневодство, бесспорно, имели чисто товарный характер, что вытекает из величины оставшегося после Рыжко денежного капитала. По завещанию брату Савве передавалось 1300 руб. наличных денег, хранившихся в Березанской Вознесенской церкви; у двоюродного брата Рыжко Кулбашного оставалось 300 руб., выданных покойным на заготовку сена и на другие расходы. Кроме того, при составлении описи имущества земским начальством в лице есаула Малого было обнаружено серебра без курса на 14 руб. 75 коп. и два голландских червонца. Из заключительной ведомости видно, что после смерти владельца осталось невзысканных долгов: за умершим есаулом И. Животовским 2 тыс. руб., за коллежским асессором Николаенко 970 руб., за прапорщиком Стоцким 500 руб., за мещанином Неклюдовым 500 руб., за казаком Щербиновского куреня Родионом Жаданом — 500 руб., за казаком Платнировского куреня Петром Бельм — 1 тыс. руб. Последняя тысяча, по взысканию, предназначалась на-

божным Рыжко на сооружение иконостаса в Березанской Вознесенской церкви¹. Итого наличными деньгами и долговыми расписками числилось 7070 руб., исключая серебро без курса и два голландских червонца. Хутор с постройками и всем имуществом был оценен в 5464 руб. Таким образом, все состояние М. Рыжко выражалось внушительной суммой, почти в 12 тыс. руб.

Обратившись к делу воинской экспедиции от 1833 г.² и взглянув на даты основания хуторов по Таманскому округу, убедимся, что подобного рода хутора в первом, втором, третьем и четвертом десятилетиях XIX в. — обычное явление. Хутор Рыжко нужно отнести к разряду средних. Многие казаки располагали более значительными средствами. Мы не описываем их только потому, что сведения имеют менее всесторонний характер по сравнению с Рыжко.

Обратимся к хуторам старшины того же времени. Вот дело об имени умершего Евтихия Чепеги, племянника бывшего кошевого атамана. Опись имущества³ составлена по распоряжению войсковой канцелярии в марте 1807 г. Хутор Чепеги стоял на р. Кирпилях. В нем был господский дом с несколькими комнатами, чуланом и пр. Небезинтересны внутреннее оборудование и меблировка дома, оттеняющие вкусы и быт черноморской старшины. Под убогой камышовой крышей стояли печи из зеленых изразцов, один большой и два маленьких стола, канапе, кресло, два мягких стула, три жестких, ларец с чайной посудой и другими мелочами домашнего обихода. На стенах висели два портрета, восемь застекленных картин, 13 икон. Кроме господского, было «два дома для рабочих людей». Один из них, повидимому, имел назначение людской кухни, так как в нем находились: медный четырехведерный котел, водоносный ушат, ведра и т. д. Замечу, что под «рабочими людьми» разумеются наемные рабочие: крепостные всегда определялись термином «крестьяне». В сараях для экипажей и хозяйственного инвентаря находим: польскую повозку, два воловьих воза, черкесскую арбу, шесть волосьих и двое конских саней, 10 неисправных колес, 30 исправных, девять ярем, «кибитка черкесская, кочевная, обшитая پوستями». Земледельческие орудия представлены двумя новыми плугами «с железными» и двумя «без желез», четырьмя боронами, из которых две с железными зубьями, вилами, серпами, долотами, топорами и т. д. Кроме дома, людской и сараев, на хуторе была конюшня с загонем, амбар, погреб и ледник. Хутор имел мелкое домашнее хозяйство: 55 старых и молодых «чехонских» свиней, 10 индейских и 40 простых кур, 35 гусей, 23 утки, пасеку в девять ульев с пчелами и 220 порожних. Вблизи хутора на плотине, перегородившей р. Кирпили, стояли две мельницы, одна из них «о шести колах». При мельнице был дом для мельника и кузница со всеми инструментами, три каюка (челна) и т. д. Основная хо-

¹ КГКИА, ф. 336, св. 4, д. 7.

² КГКИА, ф. 251, св. 278, д. 684.

³ КГКИА, ф. 336, св. 2, д. 4.

зяйственная отрасль хутора Чепеги — коневодство и скотоводство. Женой покойного, Екатериной, было продано 15 жеребцов, 180 кобыл старых и трехлетних, 48 лошаков (более года) и 45 стригунов (годовалых). Кроме того, на хуторе в табуне оставалось еще 50 лошадей. Рогатого скота в хозяйстве было 262 головы. Как видно из дела, взрослая лошадь стоила в среднем 30 руб., а молодая 15 руб., одна голова взрослого скота 15 руб., а подросток 7,5 руб. Таким образом, табун и стадо Чепеги можно оценить приблизительно в 12 тыс. руб. Кроме указанного хутора, Чепега имел дом в Екатеринодаре и имение на Украине — с. Любарку, проданное поручику Л. Перепелице за 18 тыс. руб. Это, впрочем, в данном случае не может нас интересовать.

К сожалению, хутор Чепеги не дает сведений о рабочей силе хозяйства. Несравненно больший интерес в этом отношении представляет хутор умершего в 1811 г. полкового есаула Дудника. Общий вид хутора, количество и качество построек и, главное, характер хозяйства Дудника совпадают полностью с хозяйством Чепеги. Однако общий размер хозяйства значительно больше. Имущество покойного было разделено на две части: большая перешла во владение сыновей Григория и Данилы, а меньшая — дочери. По описи от апреля 1813 г. постройки, полученные братьями, оценивались следующей суммой: дом — 300 руб., амбар — 400 руб., половинная часть плотинной мельницы «о трех колах» — 4 тыс. руб. Стадо крупного рогатого скота (не считая 45 телят) было оценено в 1520 руб., табун лошадей в 117 голов — 3912 руб. 50 коп., стадо овец в 519 голов — 1806 руб., пасека из 19 ульев — 95 руб., а все полученное имущество (с постройками) — в 12 033 руб. 50 коп. Сестра их, Проскура, получила 37 голов крупного рогатого скота на сумму 780 руб., 58 лошадей на 1675 руб., 258 овец на 903 руб. и 9 ульев на 45 руб., а всего на сумму 3403 руб.

Все имущество Дудника, заключавшееся в скоте, лошадях, постройках и прочем, оценивалось, таким образом, в 15 436 руб. 50 коп. Дудник был крупный ростовщик. Его хутор на р. Кирпилях представлял собой своеобразную банкирскую контору. В кассе покойного оказалось наличных денег разными ассигнациями 5630 руб. и 24 заемных письма на весьма солидную сумму 26 812 руб. Размеры займов колебались в пределах от 45 до 2200 руб. Должников Дудника можно разделить на три разряда: казаки, получавшие небольшие ссуды в 45—50 руб.; казаки и старшины, бравшие ссуды от нескольких сот рублей до нескольких тысяч (вдова казака Николая Чернышева по расписке взяла 1650 руб., братья Лященко — полковой есаул Григорий и квартирмейстер Василий по векселю получили 2200 руб.); и, наконец, торговцы, закупавшие у Дудника скот и лошадей. Так, мещанин Марков купил у Дудника гурт скота в 33 головы, выдав вексель на 1815 руб.

Животноводческая ферма Дудника, продукция которой целиком шла на рынок, была полностью основана на эксплуатации вольнонаемного труда. Управлял хутором («за хозяина») казак Ми-

рошниченко, исполнявший свои обязанности, согласно договору, за 100 руб. в год. Из журнала войсковой канцелярии от 6 ноября 1814 г. узнаем, что на хуторе в 1814 г. было четыре «служащих во дворе» казака-работника, которым причиталось к уплате: Степану Панченко 95 руб., Ивану Шевченко 33 руб. 50 коп., Терентию Малому 57 руб. 50 коп. и Василию Чабану 20 руб.¹.

Любопытным явлением в хуторском хозяйстве черноморской старшины, как я уже отмечал, было сочетание вольнонаемного труда с крепостным, причем, и это главное, крепостной труд по сравнению с вольнонаемным играл подчиненную, едва заметную роль. К тому же, крепостных имела только небольшая часть старшины. Для рассмотрения этого явления большой интерес представляют данные о хуторском хозяйстве умершего есаула Ульянченко и сотника Савицкого². Хозяйственные записи о хуторе Ульянченко представлены в виде краткого дневника за 1818—1821 гг. При хуторе было небольшое подсобное хозяйство: огороды и вишневый сад, а также плотинная мельница и пашни. Земледелие и в данном случае имело в основном потребительский характер. В 1818 г. по записям числилось собранного зерна: 638 мер ржи, 259 мер пшеницы, 90 мер пшена и 87 мер гречихи³. Основное же богатство составляли скот и лошади: табун насчитывал 186 голов, стадо — 138.

Рабочую силу хозяйства представляли крепостные (их числилось шесть человек) и вольнонаемные рабочие. Каковы были обязанности крепостных, а также сколько среди них было трудоспособных, трудно сказать. Возможно, они составляли только личную прислугу, возможно, обрабатывали хозяйский огород, сад и поле. Но ясно одно: все срочные и сезонные работы, уход за табуном и стадом и даже уход за пасекой лежали на обязанности вольнонаемных рабочих-казаков. За 1818 г., например, помечены следующие расходы: косарям за накошенное сено 210 руб., за починку плотины и погреба 25 руб., товарчию за скот 20 руб., табунщику Стану Вашку 50 руб., Ивану Миженному «за дворовую работу» 10 руб., казаку Г. Калайде 10 руб. и, наконец, пасечнику за присмотр пчел 7 руб. Пометки за 1819 г. еще более выразительны. В этом году заработная плата была выдана: рабочим за устройство изгороди 30 руб., косарям 430 руб., за жатву камыша для мельничной крыши 9 руб., за пастьбу скота казаку Лапе 5 руб., казаку Г. Калайде за пастьбу лошадей 40 руб. Дальше идут следующие характерные записи: «Заплачено за поденную работу за 4 дня по 50 коп. — 2 рубля», «Договоренному за годовую пастьбу рогатого скота за 100 руб., которому дано 22 руб.»⁴. Рядом идут пометки о покупке водки для рабочих и расходы на изготовление для них одежды. Среди этих записей за все три года находим лишь три пометки о крестьянах: «Уплочено за крестьянина подушных 4 руб. 8 коп.»

¹ КГКИА, ф. 336, св. 5, д. 9, лл. 9—10, 51, 52, 133—136, 166 и др.

² Там же, св. 10, д. 18 и св. 12, д. 21.

³ Там же, св. 10, д. 18, л. 101.

⁴ Там же, л. 113.

«куплен крестьянке нагольный тулуп 20 руб.»¹ и «пестряди для крестьянки на 5 руб.»². Записи за 1820—1821 гг. расширяют список рабочих и уточняют сведения о поденной, месячной и годовой заработной плате. Так, при поденной оплате косарь получал 1 руб. в день, при сдельной за 100 копен сена 40 руб. Поденщик, занятый тяжелым трудом, получал 1 руб. в день, а за труд, не считавшийся тяжелым, — 50 коп. в день. Месячная заработная плата колебалась в пределах нескольких рублей, доходя до 8 руб.³ Годовая заработная плата табунщикам, товарчикам и другим рабочим также колебалась в пределах от 25 до 40 руб.

Хутор сотника Савицкого в основном отличался от хутора Ульянченко только тем, что в нем числилось 11 крестьян. Однако если мы взглянем на распределение рабочей силы, то убедимся, что и здесь все основные работы выполнялись вольнонаемными работниками. Характерно также, что на обоих хуторах наемные люди чинили крыши, строили изгороди, исполняли разные другие работы, шили одежду и обувь, выполняли кузнечные работы и т. д. Другой важной чертой является специализация хозяйства — производство основной продукции для рынка, денежный характер хозяйства. На рынке закупается все: холст, выделанная кожа, пестрядь, одежда, обувь, водка для рабочих и т. д., не говоря уже, разумеется, об орудиях труда. Следовательно, во всех случаях перед нами выступает товарное скотоводство и коневодство, основанное на применении вольнонаемного труда в старшинском хозяйстве по преимуществу, и на казачьем хуторе — всецело.

Таким образом, буржуазные отношения не только господствовали в богатом хозяйстве непривилегированного казачества, но составляли характерную особенность также хозяйства черноморской старшины. В последующие десятилетия буржуазные отношения в Черномории развивались и укреплялись.

В этой связи небезинтересны образцы хуторского хозяйства в 30—60-х годах XIX в. Привожу дело об опеке наследников есаула Андрея Порохни, начатое в 1834 г. Покойный Порохня имел в Екатеринодаре большую благоустроенную усадьбу, а в Екатеринодарском округе, на р. Кирпилях, хутор. На хуторе, кроме господского дома, обставленного применительно ко вкусам современного черноморского старшины, были сараи, конюшня, ледник, а также плотинная мельница. Владельцу хутора принадлежал и рыболовный завод, находившийся на Ачуевской косе, с «казармой рубленой для забродчиков». Представление о хозяйстве хутора дает приходо-расходная книга, составленная опекунами. В хозяйстве за 1833 г. заприходовано 124 головы рогатого скота разного возраста, 202 лошади (в том числе 55 маток), 200 мер ржи, 210 мер пшеницы, 35 мер гречихи, а также 460 руб. 20 коп. наличных денег. Опуская данные о приходе и падеже скота и лошадей, остановимся на характеристике основных приходных и расходных статей.

¹ КГКИА, ф. 336, св. 10, д. 18, лл. 112—113.

² Там же, л. 341.

³ Там же, л. 340.

В 1833 г. было получено за проданных семь коров 490 руб., за проданный хлеб (170 мер ржи и 153 меры пшеницы) 269 руб. 50 коп. Доход от мельницы не показан, так как помол, по заявлению опекунов, не производился из-за неурожая. В этом же году опекуны продали рыболовный завод, подтопленный и разрушенный весенним половодьем, за 300 руб. Всего дебет за 1833 г., вместе с остаточными суммами за 1832 г., составлял 1519 руб. 70 коп.

Все хозяйственные работы на хуторе Порохни производились вольнонаемными рабочими, получавшими плату за год, за сезон и сдельно. Так, табунщику Киприану Кучеренко было уплачено в счет годового оклада 20 руб., товарищу Михаилу Ену — 60 руб. и, кроме того, ему же выдана пара сапог в 4 руб., свита в 7 руб. и холста на рубахи и шаровары на 7 руб. 50 коп.; «бывшим по срокам дворовым работникам» уплачено 60 руб., косарям за уборку сена выдано 60 руб., линейным казакам, нанятым для постройки гребли и моста — 95 руб., коновалу — 10 руб., бондарю — 20 руб., портному — 25 руб. Вольнонаемными рабочими произведены были также все ремонтные работы на мельнице. За изготовление колес уплачено 105 руб., кузнецу за оковку их — 20 руб., за другие работы на мельнице — 14 руб.¹ Не лишним будет добавить, что для постоянных рабочих хутора была выстроена особая людская, примыкавшая к господским покоям.

Хутор Порохни, как видно из приведенных данных, кроме животноводства имел посевы зерновых, предназначенные не только для удовлетворения нужд самого хутора, но и для выхода зерна на рынок. Правда, количество продаваемого зерна незначительно, кроме того, оно сбывалось на местный, черноморский рынок.

Применение вольнонаемного труда было естественным явлением даже в небольших казачьих хуторах. Вот опекунское дело за 1845 г. о наследстве умершего казака Д. Зиненко. Малолетнему сыну Д. Зиненко достался хутор при балке Джумайловой. В хуторе было 34 головы рогатого скота, несколько десятков копен сена и незначительные постройки. По решению опекунов хутор был продан за 267 руб. 37¹/₄ коп. серебром. Из опекунского отчета видно, что за годовую пастбу хуторского скота уплачено казачьему сыну К. Левченко 10 руб. Кроме Левченко на хуторе был и другой работник, ухаживавший, в частности, за малолетним владельцем².

Эксплуатация вольнонаемного труда на Кубани к середине XIX в. приняла значительные размеры. Богатый материал для иллюстрации этого положения мы черпаем из данных о хуторском хозяйстве знаменитого кубанского креста П. Ф. Бурсака, представлявшего поколение запорожцев, родившихся и выросших уже после разрушения Сечи.

Подполковник Бурсак был едва ли не крупнейшим казачьим помещиком на Кубани. В 40—50 гг. прошлого века он имел несколько

¹ КГКИА, ф. 482, св. 185, д. 1001, лл. 1—3 и др.

² Там же, д. 1006, лл. 66—69.

ко тысяч десятин земли и вел огромное хозяйство, сосредоточенное в основном на хуторах, расположенных на реках Челбассах и Понуре. Начало этому огромному хозяйству положил еще в 90-х годах XVIII в. отец Павла Бурсака, бывший запорожский старшина Ф. Бурсак, занимавший должность войскового атамана.

Сам П. Бурсак в 1854 г. так описывал свое хозяйство: «На хуторах Челбасском и Понурском разведены сады, лески, устроены капитальные водяные мельницы, коих плотинами поднята вода и оплодотворена земля, улучшено и умножено пригнаное с Запорожской земли лучшее заводское скотоводство и овцеводство, сверх того разведены гишпанские овцы до трех тысяч голов и два конских завода более двух тысяч голов, из которых выходят лошади такой доброты, что, вынося труды, жар и нужды, они всегда сохраняют доброе тело и преимущественно ими ремонтируются все полки и артиллерийские батареи на Кавказе и за Кавказом расположенные»¹. Применение искусственного орошения, улучшение пород лошадей, скота и другое является показателем прогресса в сельском хозяйстве.

В Краснодарском историко-краеведческом музее сохранялась часть фамильного архива П. Бурсака. В данном случае мы пользуемся приходо-расходными книгами имения Бурсака и его перепиской. Хутора Бурсака в основном являлись также скотоводческими и коневодческими фермами. Из вспомогательных отраслей нужно назвать полевое хозяйство, сады, пасеку и плотинные мельницы, дававшие значительный доход. Плотинные мельницы, кстати сказать, были относительно большими предприятиями, обслуживавшими окружающее (станичное) население.

О размерах полевого земледелия Бурсака можно судить на основании данных приходо-расходной книги за 1856 г. по хутору Отрадному². Озимых и яровых в этом году было посеяно: 96 мер ржи, 240 мер пшеницы, 100 мер ячменя, 80 мер овса и 25 мер проса; всего посеяно зерновых 541 мера, а намолочено — 1291 мера. Повидимому, не весь хлеб был обмолочен. Если же считать в среднем урожай сам-четыре или сам-пять, то валовой сбор можно определить в 2—2,5 тыс. пудов. Несомненно, часть производившегося хлеба продавалась, хотя нигде в записях хлеб ни разу не упоминается в качестве отовариваемого продукта. В продажу поступал даже мед, производимый в относительно скромном количестве.

Характер хозяйства Бурсака вырисовывается с полной отчетливостью данными приходо-расходной книги за 1852 г. Приход по хуторам за этот год составлял 34 483 руб. 26 коп. В эту сумму не включен натуральный прирост хозяйства, т. е. приплод. Приход-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

² Хотя Отрадный находился вне Черноморья, на территории соседней, Ставропольской губернии, я, тем не менее, пользуюсь материалами, относящимися к хутору Отрадному, по двум соображениям: во-первых, хозяйство в Отрадном ничем принципиально не отличалось от хозяйства черноморских хуторов Бурсака и, во-вторых, данные по хутору Отрадному в приходо-расходных книгах Бурсака неотделимы от данных по черноморским хуторам.

ные статьи состоят из сумм, вырученных за проданную продукцию. При этом лошади и крупный рогатый скот продавались гуртами в несколько десятков голов, а овцы сотнями. На втором месте по размеру вырученных сумм стоит шерсть. Проданные конские кожи и другие предметы составляли ничтожную сумму. Перед нами, таким образом, образец крупного товарного скотоводства и коневодства.

Не менее интересны расходные статьи. Сам владелец определял расход за указанный год суммой в 30 288 руб. 35,5 коп. Однако нужно заметить, что эта сумма была израсходована не полностью. 4366 руб. были перенесены на следующий, 1853 г. Следовательно, действительный расход составил 25 922 руб. 35 коп. Разделим его на пять статей: 1) Расходы на нужды, связанные с ведением хуторского хозяйства, но не оговоренные точно в документах. Они выразились суммой 4960 руб. 2) Расходы, связанные с возведением на хуторах хозяйственных сооружений. Они составили 5590 руб. 15 коп. 3) Расходы на оплату труда наемных рабочих: например, за сооружение гатей — 426 руб. 67 коп., плотникам, столярам и бондарям — 703 руб., табунщикам и чабанам — 630 руб., косарям 4666 руб., другим рабочим 106 руб. и т. д., всего 6542 руб. 57 коп. 4) Расходы на личные нужды семьи составили 6984 руб. 41 коп. 5) Разные: на покупку дома в городе издержано 1050 руб. и внесено подушных за крепостных 795 руб., всего 1845 руб. Чистый доход в денежном выражении, не считая натурального прироста хозяйства, составил в 1852 г. 8561 руб. 13 коп. (приход 34 483 руб. 26 коп. — расход 25 922 руб. 13 коп. Расчет всюду ведется на ассигнации).

К концу 50-х годов XIX в. П. Бурсак накопил крупный денежный капитал и поместил его в центральные кредитные учреждения. Общее представление о размере его состояния можно получить на основе следующих данных. Составляя духовное завещание в 1857 г., П. Бурсак разделил свое имущество на три неравные части. Две первые, большие, предназначались сыновьям Петру и Павлу, а третья — дочери Надежде. Как видно из письма завещателя сыну Павлу от 6 мая 1858 г.¹, только одной дочери, уже ранее получившей хутор и приданое, выделялась часть имущества на сумму в 40 тыс. руб. серебром. Из сохранившейся описи ценных бумаг видно, что на 1 июня 1858 г. у П. Бурсака имелось на 201 404 руб. 67 коп. билетов Московской сохранной кассы и Петербургского заемного банка². В то время, в 30—50-х годах XIX в., когда помещичьи хозяйства центральных губерний России, основанные на крепостном труде, быстро разорялись, хуторское хозяйство в Черномории процветало.

Скотоводство в Черномории носило экстенсивный характер. До снежных заносов и метелей стада и табуны перегонялись с места на место, питаясь подножным кормом. В период выюг и заносов они

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

² Там же.

укрывались в примитивных загонах, прокармливались заготовленным с лета сеном. Расход на заготовку сена в Черномории считался самым обременительным для хозяйства (рабочий день косаря на хозяйских харчах в первой половине XIX в. оценивался в 1 руб.). Поэтому даже крупные хуторяне заготавливали сена всегда в обрез. Вследствие этого случайное продление зимнего сезона, сильные метели или морозы приводили к массовому падежу.

В письме своему сыну Павлу Павловичу, молодому гвардейскому офицеру, служившему в Петербурге, П. Бурсак жаловался на сильные неудачи в хозяйстве, в особенности на пропажу крупного рогатого скота, подчеркивая, что продавать, кроме овец, нечего. В другом письме от 24 сентября 1857 г. он вспоминал, как зимой 1833 г. погиб табун лошадей в 1782 головы. Предполагая, что сын заподозрит бережливого отца в преувеличении, старик добавлял: «Этому никто не верил и не поверит, но я тебе говорю правду, ибо приготавливаясь предстать на суд божий, хочешь верь, хочешь не верь»¹.

Громадное хуторское хозяйство Бурсака обслуживалось трудом крепостных крестьян и вольнонаемных рабочих. Число крепостных, судя по черноморским масштабам, было значительным. В прошении на имя наказного атамана Я. Кухаренко П. Бурсак заявлял, что «при хуторах этих (Челбасском и Понурском.— В. Г.) водворены крепостные люди, купленные отцом моим в 1808 и 1811 гг., 52 души мужского пола»². Из сохранившейся ревизской сказки за 1850 г. видно, что у П. Бурсака было 222 крепостных, из них 117 душ м. п. и 105 душ ж. п. Крестьяне делились на две категории: на дворовых (их насчитывалось 167 человек), которые не имели хозяйства, и на таких, которые имели некоторое хозяйство (было 55 человек). К сожалению, выяснить подробно положение второй категории крепостных не удастся из-за крайней скудости документов.

Исходя из отрывочных данных и судя по аналогии (сравнивая положение крестьян у других старшин), можно сказать, что крепостные Бурсака занимались скотоводством. Из отношения сына П. Бурсака, сотника Петра Павловича, от 22 августа 1852 г. Каневскому станичному правлению видно, что крестьяне Бурсака, жившие на Челбасском хуторе, имели своих волов². В письме управляющему имением Федору приказывалось строго различать, какие скирды господские, а какие крестьянские и т. д.³.

Отношение Бурсака к своим крепостным типично для помещиков того времени. Беспощадная эксплуатация, грубость и деспотизм не имели предела. Вот обычная форма обращения его к управляющему Федору. Недовольный неполнотой полученных сведений о состоянии скота на хуторе, Бурсак писал: «Впредь я рыло поколочу и тебе, и писарю, ибо это все от беспечности»⁴. В 1851 г. он распо-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

² Там же.

³ Там же.

⁴ КГКИА, ф. 251, св. 278, д. 684.

рядился учинить экзекуцию чабанам хутора Отрадного: «В впечатлении дать им по 50 плетей»¹. В письме от 21 февраля к тому же Федору находим следующие обычные перлы помещичьей морали: «Гляди, чтобы овечий сарай был укрыт камышом лучше хат»² и дальше: «Когда посылаешь бугаев в Челбасы, то займы оттуда косяк коней, та гляди, проклята тварь, больше чем детей своих»³. Одновременно суеверный степняк-помещик приказывал своему управляющему, чтобы в Отрадном было не более 450 голов рогатого скота, «ибо 500 число несчастное для нее, как только доплодится 500 штук, то и погибает»⁴. Сыну Павлу П. Бурсак писал в Петербург 23 июля 1857 г. о двух крепостных — Косте и Прошке: «Ежели они будут служить тебе худо, то по примеру своего батюшки, побей им морды и пеших отправь в Черноморию на жнива»⁵. Жестокая эксплуатация крепостных встречала протест с их стороны. В письмах к управляющему в начале 50-х годов Бурсак не раз требовал применять побои и другие виды устрашения. Вместе с тем подавал и советы увещевать крепостных: «Внушать и восстановить повиновение к хозяину (управляющему.— В. Г.), сказать им, что мы и сами повинемся нашим начальникам»⁶.

Несмотря на чисто крепостнический облик владельца и на применение труда крепостных, хозяйство Бурсака имеет одно принципиальное отличие от помещичьих хозяйств внутренних губерний империи: вольнонаемный труд в нем по сравнению с трудом крепостных крестьян занимал первенствующее место. О масштабах применения вольного труда сам П. Бурсак в прошении Я. Кухаренко писал, что его хуторское скотоводство «ежегодно и постоянно доставляет случай бедным жителям как сего войска, так и иногородним от 120 до 130 человек вырабатывать в моем имении для себя и семейств своих довольное годовое сбережение и даже гораздо большее, чем из-под собственного плуга или сохи»⁷. Из приводимой приходо-расходной тетради за 1852 г. видно, что заработная плата хуторским рабочим разного назначения равнялась 6542 руб. 57 коп., что составляло 25% всех расходных сумм и более половины всех так называемых хозяйственных расходов. Без применения вольного труда в таких крупных размерах неммыслимо было бы процветание столь обширного хозяйства. При устройстве плотин и гадей, например, Бурсак нанимал целые группы казаков, в частности, для подвоза строительных материалов. В таком случае предприниматель вступал в официальные переговоры с куренными (станичными) властями и договаривался с ними как с посредниками об условиях работы. Из отношения властей Старовеличковского куреня от 10 мая 1830 г. видно, что Бурсак вел с ними переговоры об

¹ КГКИА, ф. 251, св. 278, д. 684.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Письмо от 1851 г.

⁷ Там же, Прошение от 24 мая 1854 г.

устройстве плотины. А из расписки, выданной 4 октября того же года за подписью старовеличковского куренного атамана Тихона Пивня и двух судей, ясно, что казаки завезли 150 возов дерна, получив по 10 коп. за воз¹.

Казаки соседних куреней (станец) и пришлые из центральных губерний работали на хуторах Бурсака из года в год. Сам владелец также был заинтересован в регулярной покупке вольной рабочей силы и вводил для постоянных рабочих некоторое подобие премий. Из дела о тяжбе Бурсака с другим богатым хуторянином, есаулом Гречаным, можно извлечь небезинтересные в этом отношении детали. Привлеченным по делу Бурсака — Гречаного в качестве свидетелей наемным людям Бурсака соперник дал отвод. Мотивом для отвода, как видно из письма Бурсака от 12 июня 1845 г., было утверждение противной стороны, что Бурсак подкупил своих рабочих, дав им по кобыле. Опровергая обвинение в подкупе, он заявлял: «Нужным считаю вам сообщить, что я дарю оными (кобылами. — В. Г.) только тех косарей, которые у меня постоянно по 18 лет зарабатывают»², те же рабочие, которые были записаны в свидетели, не выслужили, по словам Бурсака, такого продолжительного срока и подарков не получали.

П. Ф. Бурсак — яркая фигура черноморского помещика. Это один из тех типов, в характере которых тесно переплетались грубость и деспотизм крепостника с энергией и страстью стяжания буржуа-предпринимателя, практицизм и меркантильность во всех делах и помыслах с крайним суеверием и мыслью о спасении души. Так, уже лет за двадцать до предполагаемой смерти он сделал все необходимые приготовления, чтобы «достойно» отойти к праотцам. В письме своему знакомому, в январе 1858 г., жалуясь на старческие недуги, он добавлял: «Я сделал для себя гроб, вырыл могилу и обложил ее кирпичом, выписал из С.-Петербурга парчу для покрытия грешного тела... 20 лет уже как купил для обойки гроба непромокаемую материю», — и тут же с огорчением сообщал, что материю «частью съели мыши, а частью моль». Не без оснований беспокоясь о том, что наследники поспеют на погребальные расходы, он заранее заготовил 900 руб. на собственные похороны и внес эту сумму в качестве переходящей расходной статьи в свои приходно-расходные книги.

Основание хуторов и захват земель отдельными лицами привели к неизбежным столкновениям хуторян как с куренными (станичными) обществами, так и между собой. Борьба эта продолжалась не только в течение всего дореформенного времени, но перешла и в пореформенный период. Жалобы казаков на притеснения со стороны старшин-хуторян начинаются с самого начала заселения Прикубанья черноморцами. Казак Каневского куреня Коваленко в 1799 г. заявил: «В прошлом 796 году жительствовавал он обще с казаками куреня Каневского в урочище Калаусов, где по определе-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

² Там же.

нию начальства и куренная слобода состояла, возле коей было им хлебопашество дней на десять, но жительствующий подле сего урочища полковой старшина Яков Турба, без всякой его виновности, причинял ему разные обиды, а напоследок рогатым своим скотом одновременно спас хлеба...» и т. д.¹ Турба при этом «загребил» у Коваленко кобылу и вообще держал себя с вызывающей самоуверенностью, присущей богатому хуторянину.

В 20-х годах XIX в. возникло довольно громкое дело есаула Ивана Савицкого, на притеснения которого жаловались казаки Батуринского куренного общества. В апреле 1828 г. они подали наказному атаману генералу Бескровному прошение, смысл которого сводился к следующему: в 1826 г. есаул И. Савицкий купил у сотенного есаула Герасима Хмары хутор с плотинной мельницей, стоявшей на р. Великом Бейсуге, несколько выше Батуринского селения. Водворившись в хуторе, Савицкий захватил огромный участок куренной целины длиной в шесть верст и шириной в полторы версты. Оккупированный участок Савицкий отделил от казачьей «толоки» небольшим рвом, перекинув через него мостик в одну доску с тем, чтобы его новые владения были доступны для пасущегося на казачьей стороне без присмотра рогатого скота, лошадей, свиней, птиц и т. д. Животных, легко переходивших по мостику на его сторону, Савицкий немедленно хватал, клеймил и присоединял к своему стаду. Захватом куренной земли Савицкий не только стеснял станичные посевы и сенокосы, но даже огороды. Сверх того, распоясавшийся хуторянин избивал плетью казаков, прибил двух казачьих мальчиков-пастухов, работника Василия, служившего у казака Андрея Коменданта, и т. д. Не менее деспотично действовала и пани Савицкая, супруга есаула. Она приказала работникам схватить двух казаков — Гаврилу Сторчака и Павла Компанейца, когда те переходили через греблю, и жестоко высечь их розгами. В другом случае она послала работника Луку Неизвестного с заряженным ружьем, чтобы тот прогнал косивших камыш казаков. Узнав, что казаки всем обществом решили на него жаловаться, Савицкий явился в селение и с лицемерным смирением попросил изложить ему претензии. Когда же общество «с учтивостью» передало ему свою жалобу, он с яростью закричал: «Я буду бить с ружья, если кто отважится сие делать и ныне; жаль, что нечем мне вас рубить, — не имею на сей раз с собой сабли»², а затем накинулся на присутствовавших и стал избивать их кулаками.

Дело Савицкого — ординарнейшее явление в черноморском быту. Не встречая содействия со стороны властей, казаки, естественно, переходили к самозащите: они скашивали траву на участках, захваченных хуторянином, выпускали скот и лошадей на его посе-вы и т. д. Борьба велась методически, изо дня в день, держа стороны в величайшем напряжении, подчиняясь волчьему закону классового общества: одолевал тот, кто был экономически сильнее.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

² КГКИА, ф. 336, св. 27, д. 82, лл. 1—8.

К середине столетия нередким стало явление, когда вытесненный из своих «царин» курень (станция) вынужден был арендовать землю у хуторян. Об этом писал И. Попка, этот же факт отражен, в частности, в архиве П. Ф. Бурсака. В его прихода-расходной книге за июнь 1857 г. находим записи о получении с казаков арендной платы за скошенное на участках хутора Отрадного сено и т. д.¹ П. Ф. Бурсак со свойственной хуторянину властью и настойчивостью требовал от войсковой администрации применения крутых репрессий по отношению к казакам, нарушавшим границы его земельных владений. В 1859 г. Петр Павлович Бурсак возбудил дело против казаков Стародеревянской и Каневской станиц за скошенное сено на его участках². Позже, в 1863 и в 1866 гг., его отец вступил в тяжбу с казаками Старовеличковской и Кореновской станиц из-за плотинной мельницы.

Войсковая администрация, принимая сторону сильного, обрушивалась на так называемое «своеволие» казаков. В 1860 г. казаки Дядьковской станицы скосили сено на хуторских участках, принадлежащих подполковнице Поповичевой. Войсковое правление, по жалобе подполковницы, приказало казакам вернуть скошенное сено, а Поповичевой уплатить им за косьбу по средним ценам. Из дальнейшего выяснилось, что казаки оказали сопротивление сыскному начальнику, уговаривавшему их не начинать покоса до окончания размежевания. Войсковое правление, расследовав это дело, обвинило в бездействии станичную администрацию, отредило от должности станичного судью Сергея Петрия и т. д.³

Прекрасную характеристику взаимоотношений старшин-хуторян и станичного казачества дал граф Евдокимов в начале 60-х годов XIX в. Он представил замечания на докладную записку, поданную черноморским дворянством командующему кавказской армией генерал-майору Святополк-Мирскому. Нужно заметить, что эта записка появилась в связи с планом высшего начальства о принудительном переселении части казачьего войска за Кубань. Казачье офицерство, отказываясь от переселения, выступало от имени всего казачества. Своими замечаниями Евдокимов стремился разоблачить своекорыстные офицерства и его мнимую солидарность с остальным казачеством. Ввиду яркости картины, набросанной Евдокимовым, привожу его замечания полностью. «Надобно сказать, что эти горячие партизаны прав казачества, как они воображают, — иронизирует Евдокимов, — суть исключительно владельцы хуторов, стад и водяных мельниц. Они по большей части имеют по два, по три хутора, перешедшие к ним по наследству и благоприобретенные, число которых готовы умножать за счет низшего класса народа. На хуторах своих они имеют от 1000 до 2000 голов рогатого скота, не менее лошадей и тысяч до десяти и более овец.

Почти все участвовавшие в депутации чиновники имеют водя-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

² КГКИА, ф. 334, св. 24, д. 151, лл. 1—17.

³ КГКИА, ф. 331, св. 17, д. 70.

ные мельницы, некоторые и по две. Предки их, а некоторые из них и сами, заняли под хутора и мельницы лучшие местности в крае с баснословными пространствами земли и воды и, не останавливаясь на этом, готовы умножить свои хутора и земельные владения, по мере умножения скотоводства, размножающегося при помощи самых благоприятствующих условий на хуторах и уменьшающегося от противоположных причин в станицах. Они владеют, каждый порознь, таким пространством земли, и при том самой лучшей в крае, каким пользуются целые станицы.

Мало этого, они считают себя в праве перегонять свои стада с места на место по лицу всей Черномории, где только есть лучший, не потравленный корм. Они не стесняются травить казачьи поля и на зиму сгоняют к Азовскому побережью все крупное скотоводство, могущее прокормиться подножным кормом на богатых и огромных пространствах земли, издавна присвоенных сильным по праву силы. Поля эти не знают косы и всегда, при каких то ни было неурожаях трав, составляют неизменно верный резерв для прокормления чиновничьего скотоводства. Что теряют от этого права силы простые казаки и даже бедные дворяне, не имеющие хуторов, считаю лишним объяснять. Достаточно сказать, что казак, возвратившийся со службы, не находит места, где бы мог вспахать свою бедную ниву, и затрудняется прокормить служивого коня своего. Только из милости, снисходя на слезную просьбу казака, пан позволит вспахать ниву на своей земле или накосить несколько копен сена, и то не всякий; чаще же казак-общинник зарабатывает себе у пана, как наемщик, кусок земли на один раз, хотя на владение ею имеет равное право. Сколько жалоб, споров и драк происходит из года в год на одних и тех же местах! Все они оканчиваются так, что бедняк как не имел ничего, так и остается ни с чем.

Нет земли, а паны торгуют своею! Я не буду искать сравнений в истории, но скажу, что паны черноморские не уступают в этом отношении никаким землевладельцам времен прошедших. Обыкновенно хуторской пан с открытием весны уже на коне и с оружием в руках налетает, гонит и бьет все, что только приблизится к владениям его. Подстрелить, изувечить или загнать в болото несколько голов скота, лошадей или баранов — дело самое сбывновенное. Самые снисходительные, понявшие, конечно, по-своему букву закона о потравах, загоняют в базы захваченный чужой скот и держат его взаперти, пока он околет от голода и жажды, а пани хуторянки, не владеющие оружием и слабые по природе, поступают иначе: они приказывают, а иногда и собственноручно совершают операции вроде отрезывания сосков у коров или распарывания брюха, в пример другим скотам и их хозяевам. В таком духе, — заключает Евдокимов, — воспитывается молодое поколение на хуторах и, едва став на ноги, продолжает дело своих отцов, никогда не сомневаясь в правоте своей. Отсюда отсутствие всякого чувства законности в Черномории. Вот причины, почему между дворянством и казаками никогда не было связи: напротив, последние страшно тяготятся свое-

полнем дворян, ненавидят их и ропщут, но не смеют заявить, потому что находятся в руках дворян дома и на службе»¹.

В лице хуторян выступал эксплуататорский элемент, борющийся с массой трудового казачества. Насилиям и надругательствам с их стороны не было предела. Одновременно шла борьба среди самих хуторян. Более сильный всеми правдами и неправдами вытеснял менее сильного соседа. Богатый старшина обладал некоторыми преимуществами перед богатым казаком. Он пользовался своими связями с войсковой администрацией, иногда сам выступал в роли администратора и судьи, апеллировал к своему чину и званию и добивался победы. Нередко казак-хуторянин вынужден был уступить старшине и передвинуть хутор на другое место или продать его. 30 октября 1842 г. казаки Николай и Демьян Полохоны продали свой хутор на р. Челбассах своему соседу, известному уже нам подполковнику П. Ф. Бурсаку. Дом с хуторскими службами и огородами был оценен в 200 руб. серебром². Разумеется, казаки уступали новому владельцу и право на эксплуатацию оккупированного ранее ими участка.

Не так просто обстояло дело, когда старшина вступал в конфликт со своим же братом. В 1842 г. П. Ф. Бурсак затеял банальную и утомительную тяжбу с есаулом Гречаным. По смыслу прошения Бурсака, поданного властям 1 марта 1842 г., дело выглядело таким образом. Рядом с хутором Бурсака на р. Челбассах стоял хутор казака Дробота. Есаул Гречаный выстроил свой хутор рядом с владениями Дробота и затем методически нажимал на последнего до тех пор, пока тот не поменялся с ним участком. Сделавшись ближайшим соседом Бурсака, Гречаный стал вторгаться во владения, которые Бурсак считал своей наследственной собственностью. Бурсак с негодованием отвергал претензии есаула, презрительно подчеркивая то обстоятельство, что Гречаный еще недавно жил в бедности, а он является сыном известного богача. Амбиция Бурсака, впрочем, не производила ни малейшего впечатления на настойчивого и энергичного Гречаного. Выскочка-есаул действовал с меньшей дерзостью, чем тот, кто ссылался на свою «почтенную» генеалогию. Ссорившихся выезжала мирить комиссия из 33 человек, назначенная войсковой канцелярией из офицеров и казаков. Но тяжба продолжалась, раздражая самолюбие сторон и усиливая взаимное упорство³.

Было бы крупной ошибкой под впечатлением картины, нарисованной Евдокимовым, заключить, что казачьему дворянству противостояла в какой-то степени однородная в имущественном отношении масса станичного населения — рядовое казачество. В других частях работы было показано, какую сложную социальную структуру имел курень (станция) и как непрерывно процесс имущественной дифференциации выделял все новые и новые кадры казачьих

¹ Акты кавказской археографической комиссии, т. XII, Тифлис, 1900, док. 775.

² Краснодарский историко-краеведческий музей, Бумаги П. Ф. Бурсака.

³ Там же.

богачей, эксплуатировавших труд казачьей бедноты, беглых крепостных, солдат и т. д.

В данном случае необходимо указать лишь на то, что не следует переоценивать сословную приниженность казачьих богачей по сравнению с дворянством. В крае, где эксплуатация чужого труда покоилась в основном на принципе вольного найма, феодальные привилегии не могли играть той роли, какую они играли в центральных частях империи. И мы видим, как состоятельный казак, «чумазый лорд», подминал, так сказать, под себя казачьего дворянина, если располагал для этого экономическими средствами. В таких случаях моральный и экономический вес простого казака, лишённого ранговых отличий, точно соответствовал количеству голов и хвостов его рогатого и безрогатого стада, размеру вспаханных пив и сумме презренного металла, безотносительно к тому, хранился ли он за голенищем, в кубышке или отдавался в рост.

Вот скромные тому примеры. Сотник Курганский в прошении от 20 июня 1818 г. на имя войсковой канцелярии жаловался на казаков Деревянковского куреня Занесиголову, Сасенко, Твердовского, Мисюру и Лихабиду, которые выстроили себе хутора у балки Варакутиной. Летом их скот травил сенокосы, а зимой скирды сотника. Курганский пытался вытеснить казаков, утверждая, что они не имеют на владение хуторами соответствующих документов и, значит, должны быть причислены к неблагонадежным¹. Казаки тотчас же представили от куренного общества свидетельства о благонадежности и потребовали от войсковой канцелярии узаконить их права на основе существующих правил². 14 марта 1818 г. девять казаков того же куреня, выстроившие хутора около 1803 г., вступили в тяжбу с Бейсугским сыскным начальством, пытавшимся переселить их в курень. Войсковая канцелярия запросила мнение о благонадежности казаков начальника Бейсугского округа есаула Радича, который дал ответ в пользу казаков, и хуторяне выиграли дело³.

Но несравненно более выразителен следующий случай. 20 апреля 1854 г. отставной подполковник Прохорозич жаловался войсковому правлению на казака внутренней службы Каленика Шийку. Подполковник сидел хутором на р. Кирпилах вблизи станицы Медведовской. Все шло мирно, и офицер, как он выражался, «считал для себя достаточным то, чем в размере средств пользуется»⁴. Идиллия хуторского уединения была нарушена, едва появился из станицы Каленик Шийка со стадом в 400 голов рогатого скота и табуном в 100 с лишним лошадей. Шийка построил хутор на левой стороне реки, а сенокосы занял на правой. Ранней осенью казак гонял свои стада и табуны на участки офицера и безжалостно истреблял сено в копнах, а зимой не менее усердно уничтожал стога.

¹ КГКИА, ф. 251, св. 135, д. 342, л. 206.

² Там же, л. 222.

³ Там же, л. 70.

⁴ КГКИА, ф. 334, св. 13, д. 64, лл. 1—3.

Прохорович писал, что не раз жаловался на Шийку станичному правлению, «но удовлетворения по упрямству Шийки, к чему он по зажиточности своей имеет склонность, или же бездействию станичного правления, не получал»¹. «Упрямый» Шийка вступил в борьбу с целой группой хуторян-офицеров. Весной 1854 г. он перегнал свой скот на посевы Прохоровича и соседей: есаульши Пединковой, войскового старшины Страшнова и др. Из дальнейших слов Прохоровича явствует, что Шийка занимался в крупных размерах и земледелием. Он «как человек богатый.— по словам Прохоровича — имея все средства и достаточное число рабочих волов, успеваает прежде всех их начать и окончить посев хлебов»². Ссылаясь на заслуги и звание свое и своих соседей, подполковник заявлял, что Шийка — «не более и не менее, как простой казак, укрывающийся, можно сказать, от военной службы, судя по летам и здоровью его»³, и просил выселить его из хутора, так как в противном случае всем указанным старшинам грозило полное разорение. Последствия жалобы Прохоровича весьма знаменательны. В конце дела имеется отношение войскового правления Кубанского казачьего войска от 24 марта 1865 г. на имя Екатеринодарского сыскального начальства. Из него видно, что жалоба Прохоровича пролежала без движения более десяти лет. За это время успел умереть сам жалобщик. А посему, на основании ст. 213, т. X, ч. II законов, изданных в 1857 г., дело это определено исключить из числа производящихся⁴. Казак-хуторянин, как видим, одолел старшину-хуторянина.

Черноморский хутор, преемник запорожского зимовника, приобрел отчетливые черты буржуазного хозяйства, так как, во-первых, основная продукция его шла на рынок и, во-вторых, основной трудовой силой в нем был наемный работник. Вместе с тем хуторское хозяйство носило на себе печать господствовавших в стране феодално-крепостнических отношений. Это выражалось прежде всего в том, что владельцем хутора мог быть только черноморский казак, т. е. лицо, принадлежащее к строго замкнутому сословию, обязанному нести постоянную военную службу и прикрепленному к определенной местности. Основная рабочая сила хутора, состоявшая главным образом из казаков и беглых крестьян, в свою очередь, принадлежала к замкнутому сословию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, казачий хутор был опутан феодалными, средневековыми ограничениями, задерживавшими его развитие и мешавшими ему приобрести обычные, чистые черты капиталистического хозяйства. Наконец, рассматриваемый с производственно-технической точки зрения, казачий хутор, по преимуществу животноводческий, нуждался в сравнительно малом количестве рабочих рук, так как сохранял экстенсивные методы ведения хозяйства.

¹ КГКИА, ф. 334, св. 13, д. 64, лл. 1—3.

² Там же, л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 30.

Иными словами, буржуазные отношения в Черномории развивались в сословной, феодальной оболочке. Несоответствие между сословной, феодальной формой и буржуазным характером развивающихся социально-экономических отношений лишний раз свидетельствовало о кризисе феодально-крепостнической системы империи в дореформенный период.

Ускоренное буржуазное развитие России в пореформенный период сообщило черноморскому хутору более отчетливые черты капиталистического предприятия. Под влиянием новых экономических потребностей изменяется и производственный облик хутора. Из животноводческой фермы он превращается в хозяйство зерновых и несколько позднее технических культур. Вместе с тем искусственная консервация остатков феодализма в империи приводила к тому, что до самой Великой Октябрьской социалистической революции хозяйство кубанского казака, в том числе и хуторское, носило на себе печать своеобразия, коренящегося в сословных, т. е. феодальных, средневековых привилегиях казачества. Эту особенность с полной отчетливостью раскрыл В. И. Ленин: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых форм жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»¹.

6. СКОТОВОДСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Процесс социальной дифференциации казачества на Кубани протекал, как и на Запорожье, на базе экстенсивного сельского хозяйства. При этом первое место среди отраслей хозяйства здесь в течение всего дореформенного периода занимало скотоводство.

«Статистические сведения о черноморском войске» за 1840 г. утверждают: «Главнейшую отрасль богатства и доходов вообще жителей Черномории составляют скотоводство, овцеводство и рыбная ловля»². Это же подчеркивают и другие документы. В годовом отчете по войску за 1847 г. читаем: «Скотоводство — главный и с местными условиями сообразный предмет народного хозяйства»³. Наряду со скотоводством видное место занимало коневодство. Экономические примечания к ведомости, составленной войсковой канцелярией в марте 1807 г. для таврического губернатора, определяют общее количество лошадей в Черномории в 23 тыс. голов. Отдавая дань породистости, составители примечания подчеркивают, что «из оного скота род удается лучшей лошадиной»⁴. К сожалению, процесс развития скотоводства и коневодства в Черномории трудно точно представить, так как имеющиеся сведения об

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 15.

² КГКИА, ф. 251, св. 515, д. 1309, л. 35.

³ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1764, л. 375.

⁴ Там же, св. 82, д. 59, лл. 12—13.

этом весьма отрывочны. К тому же, все источники как опубликованные¹, так и не видевшие еще света очень неточны и часто имеют условное значение. Для примера можно сравнить данные, приводимые Штукенбергом за 1842 г., с данными за 1840—1841 гг., почерпнутыми из иного источника.

Количество скота и лошадей в Черномории в 1842 г. Штукенберг выражает следующими цифрами: лошадей — 41 тыс., рогатого скота — 93 910, овец — 264 тыс.². А ведомость о состоянии скотоводства в Черноморском войске за 1840 и 1841 гг., хранящаяся в черноморском архиве, дает возможность составить следующую таблицу³.

Т а б л и ц а 26

Название округа	Лошадей		Волов		Коров и гулевого скота		Овец	
	1840 г.	1841 г.	1840 г.	1841 г.	1840 г.	1841 г.	1840 г.	1841 г.
Екатеринодарский	21 500	32 160	6950	15 000	30 750	32 500	100 500	119 125
Бейсугский	14 086	13 578	4622	4426	12 612	13 683	31 513	32 145
Ейский	10 342	10 920	5113	4829	22 318	23 102	123 257	125 458
Таманский	3000	3250	1580	1615	5200	5500	21 140	23 500
г. Екатеринодар	985	1005	240	295	1562	1757	1706	2106
Всего	49 913	60 913	18 505	26 165	72 442	76 542	278 116	302 334

Руководствуясь запиской, составленной канцелярией наказного атамана о хозяйстве войска за 25 лет (с 1825 по 1850 гг.), можно прийти к выводу, что коневодство к концу 40-х годов значительно сократилось. В 1825 г. числилось 69 250 лошадей, 155 560 голов рогатого скота, 340 500 овец и коз, а в 1849 г. лошадей было 48 810, рогатого скота — 187 777, овец и коз 454 176⁴.

Современник 50-х годов XIX в., давая краткое описание состояния скотоводства, утверждает, что частью оно преследовало чисто потребительские цели, частью же носило, наряду с коневодством, торговый характер. Считая, что в начале 50-х годов было 51 276 лошадей, 213 550 голов крупного рогатого скота, 340 700 овец и разделив общую сумму на 26 771 казачий двор, получим в среднем на один двор около двух лошадей, восьми голов крупного рогатого скота и 13 овец⁵.

Так как скотоводство и коневодство сосредоточивалось в руках

¹ См., напр., Статистические труды Штукенберга, т. III, СПб, 1857, стр. 37—38; И. Бентковский, Материалы для истории колонизации Северного Кавказа; Памятная книжка Кубанской области за 1881 г.; Куб. сб., т. V, статья Якименко; Куб. сб., т. VI, Записка канцелярии наказного атамана за 1825—1850 гг. и др.

² Статистические труды Штукенберга, т. III, стр. 37—38.

³ КГКИА, ф. 251, св. 546, д. 1425, л. 37.

⁴ КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, л. 61.; сравни «Куб. сб.», т. VI, стр. 54—55.

⁵ Куб. сб., т. V, стр. 25; сравни КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, л. 61.

казацкой верхушки, то значительная часть казачества не имела лошадей, а некоторая часть располагала лишь одной лошастью, необходимой при отбывании воинской службы. Кстати сказать, строевую лошадь казак обыкновенно приобретал у богача — владельца табуна. Мысль о необеспеченности массы казачества лошадьми вполне ясно высказана в отчете Черноморского войска за 1847 г. Там недвусмысленно говорится: «Коневодство в войске Черноморском состоит из степных табунов частных людей, в других видах не существует»¹.

В хозяйственной жизни края разведение крупного рогатого скота, помимо потребительских и торговых целей, имело еще и то значение, что рогатый скот служил тягловой силой. Можно сказать, что экономическая мощь казачьего хозяйства определялась количеством крупного рогатого скота, быков или волов в первую очередь. Из-за отсутствия данных невозможно определить обеспеченность среднего трудового казачьего хозяйства тягловой силой. Можно лишь допустить, что семейный казак, который вел хозяйство силами своей семьи, владел одной или двумя парами быков, не более².

Скотоводство и коневодство в течение всего дореформенного периода велось прадедовскими методами. С ранней весны и до поздней осени животные находились на подножном корме, а зимой довольствовались, часто в недостаточном количестве, заготовленным сеном. Следствием такого примитивного ухода за скотом был, как уже указывалось ранее, постоянный, почти никогда не прекращающийся падеж. Констатируя это явление, автор отчета Черноморского войска за 1847 г. объясняет его многочисленностью стад; недостаточным присмотром, ибо как летом, так и зимой скот всегда находится под открытым небом без защиты от ветров, выюг и метелей; недостатком в зимнее время корма не только хорошего, но и дурного; тем, что скот часто пьет из гнилых луж, болот и степных речек, высыхающих летом, а если поят колодезной водой, то отнюдь недостаточно из-за малого числа рабочих для подъема и наливания воды; неумением населения ухаживать за больными животными. В отчете отмечается, что в Черномории очень мало ветеринаров, поэтому они не могут оказать действительной помощи. Чаще всего, если не постоянно, крупный скот падает от чумы, которая никогда не выводится в стадах и табунах, а иногда еще и завозится в Черноморию чумаками. Овцы падают более всего от оспы, так как прививка ее редко практикуется хозяевами³.

В Черномории преобладал скот «собственно черноморской породы», переведенный на Кубань из Запорожья⁴. Сотник Якименко, автор 50-х годов XIX в., считает одним из условий, препятствующих прогрессу скотоводства и коневодства, трудности, связанные

¹ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, лл. 334—335.

² Куб. сб., т. V, стр. 21.

³ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 315.

⁴ Там же, л. 333.

с заготовкой в достаточном количестве сена. По его словам, сенокосение «производится личным трудом хозяев и вольнонаемными рабочими»¹. Однако вольнонаемные рабочие удовлетворяли «потребности только помещиков, имеющих средства на уплату за работы довольно возвышенных цен». «Хозяева же казаки — продолжают автор, — за исключением весьма немногих, редко могут приобрести рабочих»². Средняя заработная плата косца составляла один рубль серебром в день на хозяйских харчах.

Приходившие в Черноморию на летние заработки крестьяне внутренних губерний не покрывали спроса на рабочие руки. Недостаток в рабочих руках ощущался всегда. Как сотник Якименко, так и его коллега капитан Яроцкий, писавший десятилетием позже, в начале 60-х годов, в один голос жалуются на дороговизну вольнонаемного труда, недоступность его для массы казачества и ставят это последнее в прямую связь, повторяю, с проблемой развития скотоводства и коневодства.

Подчеркивая роль хуторов в сельском хозяйстве и, в первую очередь, в животноводстве, Якименко заявляет: «С уничтожением хуторов в черноморском войске можно утвердительно сказать, что неизбежно должна рушиться вся хозяйственная деятельность туземцев»³. Конечно, с таким заявлением нельзя согласиться. Нужно вспомнить, что автор этих строк писал в начале 50-х годов XIX в., когда уже практически приступили к проведению в жизнь Положения 1842 г. — к размежеванию, больно затрагивавшему интересы хуторян. Тем не менее, своим заявлением современник лишний раз подтвердил факт сосредоточения животноводства на хуторах.

Хуторское по преимуществу, а куренное (станичное) животноводство отчасти были тесно связаны рыночными узами со смежными и центральными областями страны. Невозможно поэтому согласиться с Ф. Щербиной, подчеркивающим натуральный характер хозяйства черноморского населения⁴.

Центральные промышленные районы страны предъявляли все более повышенный спрос на продукты сельского хозяйства и скотоводства. Лошади и скот, а равно и другие продукты животноводства сбывались за пределы Черномории уже с XVIII в. Что же касается начала XIX в., то об этом говорят даже столь скупые обычно официальные источники. В уже упоминавшихся «Экономических примечаниях» от марта 1807 г. связь Черномории с внешним миром передана такими словами: «Избытки свои (жители войска. — В. Г.) продают в соседственных войску городах Ставрополе, Черкасске, Ростове, Таганроге, Мариуполе, Керчи и Еникале и по внутренности Тьмутараканского войска»⁵. Штукенберг заявляет,

¹ Куб. сб., т. V, стр. 21.

² Там же.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Ф. А. Щербина, История Кубанского казачьего войска, т. II, стр. 828—829.

⁵ КГКИА, ф. 249, св. 82, д. 539, лл. 12—13.

что в конце 30-х и в начале 40-х годов продукты животноводства — шерсть и кожи, а также лошади и скот сбывались за пределы Черноморья. Он даже приводит данные годового вывоза: лошадей на сумму 138 тыс. руб., рогатого скота на 228 тыс. руб., шерсти на 139 тыс. руб. и кож на 20 840 руб.¹ Из «Статистических сведений о черноморском войске за 1840 г.» мы узнаем, что продукты животноводства ежегодно отпускаются «за пределы сего войска». Из таких продуктов упоминаются овечья шерсть, кожи и сало². Автор официальной записки канцелярии наказного атамана за 1850 г. утверждает, что предметы животноводства сбываются обычно весной на черноморских ярмарках³.

Эти замечания, а также анализ хуторского хозяйства позволяют говорить о торговом характере черноморского скотоводства и коневодства, сосредоточенного в руках богатого и зажиточного казачества.

Место земледелия в экономике Черноморья официальный отчет войска за 1847 г. характеризует такими словами: «Земледелие составляет главный и после скотоводства общий предмет народного хозяйства»⁴. Земледелие в Черноморье в течение всего дореформенного периода носило потребительский характер. «Экономические примечания» 1807 г. дают краткое описание качества почвы, способа ее обработки и перечень культур. «Пашенная земля в первых трех округах — Екатеринодарском, Бейсугском и Ейском, — гласит этот документ, — рода черного, качества хорошего, удобрения не требует, а в последней, Таманской, от Бугаза до Темрюка — рода каменистого и песковатого, но удобрений не требует, а от Темрюка до бывшего турецкого города Копыла положения низменного, болотистого и к хлебопашеству неудобная»⁵. «Пашут землю плугами, орют и боронят осенью и весной, хлеб высевают следующий: жито озимое и яровое, пшеницу озимую и яровую, ячмень, пресо, овес, горох, гречиху, семя конопляное и льняное, фасоль, мак и чечевицу. Урожай хлеба во обыкновенные годы бывает один раз посредственный»⁶.

Упоминается также огородничество, разведение садов, пчеловодство. Однако эти отрасли имели второстепенное, даже третьестепенное значение и являлись не более как подсобными. Отчет за 1847 г. положение садоводства определяет следующим образом: «Садоводство не составляет серьезной отрасли хозяйства; все жители более-менее занимаются разведением плодовых деревьев; виноградные лозы разводятся в малом количестве для собственного обихода»⁷. Что касается разведения пчел, то на 1 января 1847 г. в

¹ Статистические труды Штукенберга, т. III, стр. 37—38.

² КГКИА, ф. 251, св. 515, д. 1309, л. 35.

³ Куб. сб., т. V, стр. 25.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 333.

⁵ Там же, св. 82, д. 539, лл. 12—13.

⁶ Там же, л. 12.

⁷ Там же, св. 276, д. 1833, л. 336.

Черноморин было зарегистрировано 800 человек, занимающихся пчеловодством. У них было 34 304 улья, которые дали 16 864 пуда меда, 904 пуда 25 фунтов воска¹. В сведениях, относящихся к 40-м годам, упоминаются посевы кукурузы и картофеля. Отчет 1847 г., например, заявляет, что «посев картофеля составляет постоянную потребность для жителей войска черноморского». В 1847 г. картофеля собрали 14 143 четверти². Урожай зерновых по данным статистики за 1829 г., по данным Штукенберга, относящимся к концу 30-х — началу 40-х годов XIX в., а также по данным Якименко, относящимся к началу 50-х годов, и др. определялся в сам-три, сам-четыре³. Это совпадает с выводами официальной ведомости 1850 г. о состоянии хлебопашества в крае⁴.

Размер засеваемой площади средним и бедным казаком в 50-х годах XIX в. Якименко определяет такими словами: «Хозяева-казаки занимают земледелием весьма необширными, так что весь круг действий их в этом отношении нередко ограничивается от 4 до 6 десятин, которые они приготавливают, засевают и собирают собственными трудами»⁵.

К середине XIX в. наблюдается известный прогресс техники обработки земли. Переложная система сменяется трехпольной. Однако перелог, при относительном обилии земель, удерживается и в пореформенный период. Среднее и бедное казачество, владевшее одной или двумя парами быков, широко применяло «супрягу». Нередко случалось, по словам Якименко, что засеяв таким образом ниву, казак шел на службу, предоставив своей жене собирать урожай. В ином случае казак, засеяв «супрягой» свой участок, поручал сбор урожая другому хозяину за определенную часть урожая⁶.

Количество высеваемого хлеба и его валовой сбор очень невелики и несоразмерны с численностью Черноморского войска. Официальная ведомость о состоянии хлебопашества в крае в 1849 и 1850 гг., составленная войсковыми властями, приводит следующие цифры⁷, в четвертях (см. табл. 27).

Если принять количество населения Черномории в 1850 г. равным 150 тыс. человек, то в среднем на одну душу в этом году было произведено несколько менее одной четверти ржи и пшеницы и около четверти овса, проса, ячменя и гречихи вместе, а всего зерновых несколько более одной четверти на душу. Якименко приводит более высокие цифры, заявляя, что в 50-х годах XIX в. зерновых в среднем производилось 2,25 четверти на человека⁸. Только отвле-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 336.

² Там же, л. 308.

³ КГКИА, ф. 251, св. 254, д. 627; Статистические труды Штукенберга, т. III, стр. 37; Куб. сб., т. V, стр. 21—22; КГКИА, ф. 251, св. 546, д. 1425, л. 7; сравни КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 308.

⁴ КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, лл. 46—52.

⁵ Куб. сб., т. V, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ КГКИА, ф. 252, св. 178, д. 1161, лл. 46—52.

⁸ Куб. сб., т. V, стр. 21.

чение мужчин на службу, где они получали казенный провиант, давало возможность среднему казачеству, и то не всегда, сводить концы с концами. Голод и недоедание были частыми гостями массы черноморского казачества.

Таблица 27

Название округов	Ржи и пшеницы				Овса и проса		Ячменя и гречихи	
	1849 г.		1850 г.		1849 г.		1850 г.	
	засе-яно	собра-но	засе-яно	собра-но	засе-яно	собра-но	засе-яно	собра-но
Таманский	5974	74 415	12 537	40 148	4863	30 602	6197	22 513
Ейский	6464	28 500	7824	37 463	2280	25 764	5722	21 364
Екатеринодарский	14 702	57 965	15 394	53 805	11 433	33 744	14 840	28 829
Всего	27 140	160 880	35 755	131 416	18 576	90 110	26 759	72 706

Чиншники, т. е. офицеры, по словам Якименко, занимались земледелием в расширенном по сравнению с казаками размере. Конечно, занятие земледелием в расширенном размере было свойственно отнюдь не одному офицерству, но и богатому казачеству.

Характеризуя черноморское земледелие, Якименко ставит его состояние в непосредственную связь с рынком рабочей силы. Дело в том, что не только лица, занимавшиеся земледелием, выходящим за рамки потребительского, но и казаки, даже «недостаточные», применяли труд вольнонаемных рабочих. Казак вынужден был прибегать к найму рабочих часто с большими лишениями для себя, в противном случае, призванный на службу в летнее время, он рисковал оставить урожай на произвол судьбы. Плата наемному рабочему (рубль серебром в день при хозяйских харчах) была доступна только устойчивому середняку. Дорог был и постоянный, а также сезонный сельскохозяйственный рабочий. Якименко определяет среднюю заработную плату годового рабочего в 60 руб., а сезонного, работавшего лишь в течение лета, в 35 руб.¹

Исчерпывающую картину состояния мелкого казачьего земледелия в самом начале 60-х годов XIX в. нарисовал капитан Яродский². Казак пашет, говорит он, прадедовским плугом, запрягая в него четыре и даже шесть пар быков. Но так как обычно хозяин располагает лишь одной парой, то принужден «спрыгаться» с другими. При такой системе каждому хозяину выпадает только один-два дня в неделю на обработку своей нивы. Едва казак закончил пахоту, как наступает время экспедиции, совпадающей со временем уборки сена. Дома остаются только льготники, старики и женщины. Совершенно неизбежным становится наем косцов, приходящих из внутренних губерний. Но косцов далеко не достаточно, так как они обычно перехватываются донскими казаками и богатыми крестья-

¹ Куб. сб., т. V, стр. 21.

² Краснодарский историко-краеведческий музей, См. Проект капитана Яродского о механизации сельского хозяйства.

сковых сфер, ибо в делах Краснодарского историко-краеведческого музея имеется «Инструкция начальнику Лабинского отделения конторы земледелия и торговли», составленная в мае 1862 г. В этой инструкции предписывается немедленно нанять помещение для отделения сроком на год и приступить к его организации. Но дальнейшая судьба этого проекта неизвестна.

Конечно, капитан Яроцкий не может претендовать на пальму первенства за идею внедрения машин в сельское хозяйство. Как известно, в 50—60-х годах XIX в. появилось немало проектов механизации сельского хозяйства России. Однако проекты прогрессивных помещиков центральной и южной России предусматривали механизацию помещичьих латифундий, долженствующих превратиться в крупные капиталистические фермы. Между тем, проект казачьего офицера предполагал механизацию мелкого казачьего земледелия в массовом масштабе. При этом капитал в виде машинной техники должен был противостоять массе мелких казачьих хозяйств, обслуживая их на основе частного контракта. При таком направлении сельское хозяйство должно было быстро превращаться в чисто товарное, утрачивая следы патриархальности. Этот процесс, естественно, намного ускорил бы классовую дифференциацию казачьей станицы, разрушая мелкое земледелие и животноводство и заменяя его целиком фермой, расширяющей применение наемного труда.

В условиях развивающихся буржуазных отношений проект Яроцкого являлся попыткой поднять чисто капиталистическими методами производительность труда в сельском хозяйстве при одновременном сокращении расходов на наем рабочей силы. Владельцам «фабричных учреждений» проект Яроцкого сулил высокие прибыли: он открывал больший простор для эксплуатации и закабаления трудового казачьего хозяйства капиталом.

7. РЫБОЛОВСТВО

С начала образования Черноморского войска рыболовство представляло одну из важнейших хозяйственных отраслей. По мере развития скотоводства и земледелия значение его уменьшалось. Особенно ощутительна была роль рыболовства при расселении войска между Бугом и Днестром. В этот период хозяйство на новом месте еще не успело упрочиться, огромная часть среднего и богатого казачества продолжала вести хозяйство на старых местах, вне территории войска.

Важное значение продолжало сохранять рыболовство и после переселения войска на Кубань, где были не менее богатые рыбные угодья. Через полстолетия после переселения, 5 марта 1845 г., черноморские войсковые власти, давая ответ на запрос новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Федотова, следующим образом характеризовали рыболовство¹.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 258, л. 1712, лл. 16—17, 21. Черновик рапорта войскового правления наказному атаману генералу Рашилию от 5 марта 1845 г. за № 1901.

Рыбная ловля производилась в пределах Черномории по берегам Азовского и Черного морей, а также в устье р. Протоки, впадающей в Азовское море, где были устроены два войсковых завода — Ачуевский и Слободско-Малый, на приморских косах: Долгой, Камышеватой, Ейской, Ясенской, Ахтарской, Ачуевской, в гирлах: Ейском, Челбасском, Бейсугском, Чебургольском и Красногольском, в урочищах Черный Ерик, Курчанском, в лиманах и других местах.

Лов рыбы происходил в течение трех периодов в году, причем первый, весенний, начинался ранней весной и продолжался до 1 мая, второй, меженный, с мая по 1 сентября и третий, просольный, с сентября до 14 октября. Наиболее богатым по улову был весенний период, так как в это время белая рыба, скопляющаяся в огромном количестве у морских берегов, заходила в гирла и лиманы для метания икры.

Техника рыболовства была весьма несложной и консервативной. Она точно и подробно описана черноморскими властями в 40-х и 50-х годах XIX в. Наиболее распространенными орудиями лова были вентеры, коты, неводы, волоки и крючья.

На р. Протоке, например, лов производился двумя способами: вентерями и котами. Первая вентерная ставка располагалась в двух верстах от гирла в два ряда по четыре вентера в один ряд с расстоянием между рядами в десять метров. В пяти верстах от первой, выше по реке, таким же образом устанавливалась другая вентерная ставка. В промежутке между первой и второй ставками устанавливалось семь кот, а выше второй еще три коты.

Вентерь напоминал собой огромную бочку, суживающуюся ко дну и заканчивающуюся одним узлом. Он изготовлялся из веревок и натягивался на четыре деревянных котеля в виде овальных обручей¹. Вентери устанавливались на середине реки по четыре в ряд на расстоянии четырех метров один от другого. Поддерживались они столбами и сваями, к которым прикреплялись веревками.

Кота напоминала огромный шкаф, двери которого, состоящие из двух половинок, открывались внутрь. Стены и двери такого шкафа делались из верхковых деревянных брусков и представляли собой решетки, поддерживаемые четырьмя столбами. Кота, подобно вентеру, прикреплялась к берегу и дну реки веревками, привязанными к столбам². Неводы и волокуши представляли собой длинные, многометровые сети.

Выловленную рыбу сортировали и затем обрабатывали. Так, сельдь, или шемайку, и сельдь опускали еще живую в специальные солила (соляной раствор), где она находилась от шести до девяти дней. Так же поступали с судаком, чебаком, карпом, таранью, но с тем отличием, что перед погружением в солила эта рыба потро-

¹ КГКИА, ф. 252, св. 379, д. 2563, стр. 31—38. См. более подробное описание устройства и употребления рыболовных снастей на Ачуевском рыболовном заводе.

² Там же, д. 2568, стр. 31—32.

шилась. После соления рыба «спела» некоторое время на открытом воздухе, а шемайку и тарань, кроме того, иногда окуривали дымом в специальных коптильнях¹. Довольно широко было поставлено дело приготовления икры.

Состояние рыболовства до переселения войска на Кубань характеризуется следующими данными, которые заимствованы из упоминавшейся уже ведомости о населении и занятиях казаков и поселян, представленной войсковым есаулом капитаном В. Нияким при рапорте от 28 февраля 1792 г. В ведомости Ниякого значатся 55 неводов с 579 лямчиками и 19 сетей, принадлежащих казакам². Если учесть, что наемный труд применяли лишь 29 хуторов, а в селениях только 24 семьи, то отсюда вытекают два вывода: во-первых, рыболовство занимало важное место в экономике войска, во-вторых, оно представлено было крупными промыслами, основанными на эксплуатации наемного труда (в среднем на один промысел приходилось 10—11 работников-лямчиков).

Ф. Щербина, следуя за А. Скальковским, различает две формы организации работы на рыболовных промыслах на Запорожье: так называемые тафы и ватаги. Соглашаясь со Скальковским в определении тафы, Щербина придерживался совсем другого мнения о ватагах: «Что же касается ... ватаг, организовавшихся из самих запорожцев, — писал он, — то они, по всей вероятности, носили несколько коммунистический характер. Рыболовные снаряды вероятно были общими, дележ добычи равномерным, права членов равносильными»³. Эта организация, по его мнению, была перенесена и в Черноморское войско. Взгляды Щербины вытекают из его общих идеалистических представлений о казачестве.

Формы организации рыболовецкого хозяйства в Черноморском войске хорошо отражены в документах черноморского архива. Привожу суммарные данные из ведомости В. Ниякого⁴.

Т а б л и ц а 28

Общее количество неводов	Лямчики			Количество казаков, имеющих сети
	общее количество	черноморские казаки	великороссы	
55	579	367	212	19

Отдельные рыболовные хозяйства конкретно представляются так. При неводе в урочище Кучургане, принадлежавшем казаку Неприторенному, числится девять лямчиков. Пятеро из них — казаки, причем три записаны полными именами с указанием возраста. При неводе в Тилигульском лимане, в урочище Пшоняной, принадлежавшем казаку Дмитру Федоренко, числится 11 лямчиков.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 258, д. 1712, лл. 14—15.

² См. раздел Черноморский хутор.

³ Ф. Щ е р б и н а, Очерки южно-русской артели, стр. 181—182.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

из них восемь черноморских казаков и три «польских» человека. При неводе в Белгородском лимане, близ с. Николаевки, принадлежащем полковнику Давиду Белому, работало 11 лямчиков и т. д.¹ Часть лямчиков значится людьми «великороссийской породы», т. е. пришельцами из великорусских губерний. При неводе полкового есаула поручика Бурноса из 13 лямчиков 12 — «великороссийской породы» и один — черноморский казак². Число обслуживающих невод рабочих колеблется в пределах шести—пятнадцати человек. Непосредственным руководителем рыболовецкого предприятия выступал или сам хозяин, или, как видно из других документов, его приказчик — «неводничий».

Вот казачье рыболовецкое предприятие, которое можно считать типичным для Черноморья дореформенного периода. Его описание мы находим в официальной ведомости: «Невод Ивана Маковецкого состоит на Белом озере». Работают у него «лямчиков казаков — куреня Джерелиевского Моисей Короленко, Данило Новиченко, Батуриного Микита Мовчан, Ивановского Иван Вовчок, Леонтий Шульга, Рогивского Степан Шпенда, Титаревского Хома Хмара», а также «польские люди»³. В данном случае Иван Маковецкий является владельцем невода и руководителем работ.

Так организовано было не только казачье рыболовецкое хозяйство. Это — обычный тип предприятия того времени на бугских и днестровских лиманах. В ведомости В. Някого мы находим запись о неводе херсонского купца Ивана Жеребцова в Березани. При этом неводе числится 13 лямчиков, из которых один черноморский казак, девять человек «великороссийской породы» и два — «польских»⁴. Там же сделана запись о неводе молдаванского монастыря Добруши с двенадцатью лямчиками-молдаванами. При неводе полковника Донского войска премьер-майора Гаврилы Быкова в Березани числится 15 лямчиков — донских казаков и т. д.⁵

Некоторые черноморцы имели несколько неводов. Казак Остап Побижко, например, имел два невода в разных местах. То же можно сказать о старшинах Алексее Высочине, Федоре Бурносе и др.

То, что отношения между лямчиками и владельцами неводов устанавливались на основе купли-продажи рабочей силы, современникам казалось совершенно очевидным. Полковник Мокрый в рапорте войсковому судье Головатому от января 1790 г. писал об урегулировании рыболовства в Очаковском лимане в интересах войскового фиска. Из рапорта видно, что половину улова владельцы неводов должны были отчислять в войсковой доход, а другая половина поступала «хозяевам с работниками»⁶.

Организация лова неводом требовала относительно значительных затрат капитала. Поэтому черноморские богачи-рыболовы ча-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, св. 10, д. 81, л. 1.

⁶ Там же.

сто прибегали к складчине, учреждая предприятие на основе паевых взносов. В 90-х годах XVIII в. и позже мы встречаем немало таких «односумов». Из прошения старшины подпоручика Гордея Бубликовского узнаем, что он был «в товаристве с полковым есаулом Ефимом Дудником с третьей части в рыболовном заводе в Чебургольском лимане состоящем»¹. Из другого прошения, поданного атаманом Дядьковского куреня Данилом Мусиенко в 1796 г., видно, что односумы — казаки Дядьковского куреня Евтихий Богдан, Алексей Труба и Алексей Вершина — владели рыболовным заводом на р. Черном Ерике².

Рыболовный завод, как обычно называли тогда рыболовецкое хозяйство, со всеми приспособлениями представлял значительную ценность. Среднюю стоимость его в 90-х годах XVIII в. можно определить при помощи косвенных данных. В 1796 г. по случаю чумы уничтожено «рыболовных заводов со всеми при них припасами и посудой 10 на сумму 19 531 руб. 50 коп.» — докладывал кошевой Чепега генерал-поручику Хорвату 22 октября 1796 г.³. В данном случае стоимость рыболовного завода определяется приблизительно в две тысячи рублей. Казак Уманского куреня Зеленский, как видно из его прошения от 1799 г., купил у донского казака И. Чернышева рыболовный завод при Ясенском гирле за 1300 руб.⁴. Старшина прапорщик Моисей Рева в прошении от 1799 г. писал, что в 1792 г. в Еникальском проливе «устроил он собственным своим коштом рыбные заводы: два спетные и один кармачный», стоящие ему в 1550 руб.⁵. Старшины Т. Полотиленко и К. Донецкий купили рыболовный завод за 1200 руб.⁶. Стоимость основного оборудования завода-невода без приспособлений и вспомогательных материалов определяется суммой в 200—280 руб. В 1798 г., например, Антон Головатый продавал невод С. Гузе за 230 руб.⁷.

Представление об оборудовании рыболовного завода дает жалоба старшины В. Ниякого на кошевого Чепегу. Жалоба была подана 10 августа 1793 г. А. В. Суворову, командовавшему в то время войсками в Тавриде и недавно присоединенных областях. Чепега, как выражался Ниякий, «у неводничего моего, к ловле и продаже рыбы договоренного»⁸, забрал следующие приспособления и материалы завода на р. Тилигуле: один невод в 200 руб. и другой в 280 руб., две лодки — одну в 70, а другую в 50 руб., «харчей для рабочих людей» на 10 руб., триста пудов соли (из

¹ КГКИА, ф. 250, св. 12, л. 43.

² Там же, св. 9, л. 33.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 151.

⁴ КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

⁵ Там же, св. 24, д. 72.

⁶ Там же, св. 10, д. 34.

⁷ КГКИА, ф. 249, св. 26, л. 218.

⁸ Там же, св. 25, д. 215, лл. 45—46.

расчета 30 коп. за пуд) на 90 руб., 350 руб. наличными деньгами и т. д. Общую сумму убытков Ниякий определял в 1050 руб.

Черноморский рыболовный промысел 40-х—50-х годов XIX в. ничем существенным не отличался от промысла XVIII в. Вот интересное описание такого предприятия на темрюкских приморских косах, сделанное смотрителем этих кос войсковым старшиной Педенко в 1846 г.¹ На приморских косах, по словам Педенко, было тридцать рыболовных заводов, а в каждом из них не менее десяти и не более двадцати двух работников, или забродчиков. Стоимость оборудования промысла определена в округленных цифрах: лодка или дуб, вмещавшие от девяти до 13 рабочих, оценивались от двухсот до семисот рублей серебром, приспособления для засолки рыбы, волокуша (длинной до 1600 м), бичева и прочее стоили 1 тыс. руб. серебром. Кроме того, каждый промысел имел запас соли от 1500 до 5 тыс. пудов. Заводу же принадлежали вентери, для обслуживания которых полагался досчаник, или каюк. На каждом каюке было от двух до трех человек забродчиков. Если еще учесть «казарму для забродчиков»² — непременно принадлежность такого предприятия, то в середине XIX в. рыболовный «завод» с вентерными ставками оценивался от 1500 до 2 тыс. руб.

Выловленная и обработанная на заводе рыба продавалась скупщикам — оптовым торговцам. В роли скупщиков выступали черноморские и донские старшины и казаки, таврические греки и др. Скупщики прочно держали владельцев рыболовных предприятий в своих руках, выдавая им ссуды и задатки под улов. Отношения между поставщиками рыбы и скупщиками приобретали правильные юридические формы путем заключения соответственных контрактов. В 1799 г. скупщик И. Девятка, казак Кисляковского куреня, жаловался на владельцев рыболовных заводов старшину прапорщика Федора Косаря, казаков Фому Новобранца и Петра Колотняча. Косарь по простой расписке, а Новобранец и Колотняч по формальному договору обязались поставить Девятке во время весеннего лова в общем шесть с половиной тысяч штук сулы (судака) по 10 руб. за тысячу. Договор не был выполнен, и Девятка просил взыскать с виновных задаток³.

Часть рыбы и рыбных продуктов потреблялась в пределах Черномории, а другая часть, и притом большая, вывозилась за ее пределы. «Самый большой сбыт рыбы и ее продуктов, — читаем в рапорте войскового правления генералу Рашилию от 5 марта 1845 г., — производится заводчиками в летнее время на суда, приходящие из Ростова, Мариуполя, Керчи, Одессы и других приморских городов, в летнее же и зимнее время в некоторой части продают как на месте жителям Черномории, так и в Кавказскую область и во внутренние российские губернии приезжающим к ним

¹ КГКИА, ф. 249, св. 258, д. 1712, лл. 38—39. Отношение Педенко Таманскому окружному сыскному начальству от 10 февраля 1846 г. за № 15.

² КГКИА, ф. 482, св. 185, д. 1001.

³ КГКИА, ф. 250, св. 22, д. 70.

покупщикам»¹. С другой стороны, сами «заводчики» вывозили рыбу в указанные портовые города, где сбывали ее скупщикам².

Организация рыболовной промышленности в Черноморском войске, сложившаяся в XVIII в., приобретает в XIX в. полнокровные капиталистические формы. Мы располагаем данными о рыболовных промыслах 20-х годов XIX в., которые позволяют составить представление о частной крупной рыболовной промышленности того времени. В 1823 г. войсковой атаман направил для обревизования заводов двух старшин — полковника Ляха и есаула Золотаревского. Последние должны были составить список рыбных промыслов с указанием имен владельцев, количества рабочих и т. д. Лях ревизовал заводы от устья Еи до поселка Бриньковского и на Ясенской косе, а Золотаревский — от Бриньковского до Бугаза. 9 мая 1823 г. ревизоры представили ведомость, к сожалению, неоконченную. По этим слишком неполным данным рыболовные заводы распределялись следующим образом³.

Т а б л и ц а 29

Местонахождение завода	Общее количество заводов	Из них принадлежали		Общее количество рабочих
		старшинам	казакам	
Ейская коса	2	2	—	50
Долгая "	6	5	1	100
Камышевая "	19	4	6	252
Ясенская "	8	3	5	200
Ахтарская "	3	2	1	55
Бейсугский лиман	16	3	13	166
Всего	45	19	25	824

Более подробные сведения дают ведомости от 1825 г., но также незаконченные⁴.

Т а б л и ц а 30

Местонахождение завода	Неводы			Вентерные ставки				Общее количество рабочих
	общее количество	из них принадлежали старшинам	из них принадлежали казакам	общее количество	из них принадлежали старшинам	из них принадлежали казакам	Общее количество	
Долгая коса	7	6	1	—	—	—	175	
Ейская "	5	4	1	—	—	—	122	
Темрюцкие косы	36	21	15	66	25	41	590	
Всего	48	31	17	66	25	41	887	

¹ КГКИА, ф. 249, св. 258, д. 1712, л. 22.

² Там же.

³ КГКИА, ф. 251, св. 177, д. 445.

⁴ КГКИА, ф. 252, св. 198, д. 48.

Эти краткие таблицы позволяют прийти к некоторым общим положениям. Крупные (неводные) предприятия отнюдь не являлись монополией черноморской старшины. На основании первой таблицы можно заключить, что старшина владела приблизительно одной третью рыболовных заводов, в то время как нечиновные богачи сосредоточили в своих руках остальные две трети. Вторая таблица рисует обратную картину, кроме того, приводит к выводу, что и мелкие промыслы, представленные вентерями, которые обслуживались двумя-тремя рабочими, также захватывались старшиной.

Если наличие невода является признаком буржуазной организации рыболовного предприятия, то для мелкого рыболовства характерны другие средства производства. Черноморская войсковая администрация в 1796 г. так характеризовала средства производства рыболовного дела, доступные для казачьей бедноты: «Неимущественным отданы по общему согласию для рыболовли вентерями, баграми, сандалями... гирла... в собственную их пользу по жеребью и сроком на четыре года»¹. К числу таких приспособлений принадлежали также сетки. Трудовое казачество производило лов обычно сетками и вентерями. В этом случае рабочей силой была семья казака, к которой всегда присоединялись соседи. В ведомости В. Някого от 1792 г. нами подсчитано 19 казачьих сеток без указания на применение найма рабочих². Вот характерные примеры. В урочище Лащевом сетками ловили рыбу казаки Кузьма Радиченко, Василий Алексеенко, его брат Семен и некий Степан. В Белгородском озере в урочище Отараке сеткою ловили рыбу казаки Григорий Губа и Лукьян Губа и т. д.³

Нужно учесть, однако, что и для организации рыбного лова сеткою требовались известные средства, не доступные для казачьей бедноты. Среднее трудовое казачество и даже зажиточное в поисках необходимых средств для приобретения сетки и лодки часто попадало в долговую зависимость к ростовщикам, выплачивая затем долг натурой — выловленной рыбой. Грешить при таких условиях о вольном трудовом казачьем рыболовстве не приходится. Подтверждение этой мысли находим и в официальных документах. Из указа войскового правительства от 18 ноября 1794 г. узнаем, что часть казаков после переселения на Кубань с начала 1793 г. ловила рыбу взятыми «в долг сетными кермачными лодками»⁴. При этом «сколько они не производят оными рыбную ловлю, весь [улов] отдают тем своим кредиторам и донные с долгов не освобождаются, а только разнообразными заемами в греков денег либо вещей наносить великое во взыскание оных по данным векселям денег затруднение»⁵. Кредиторы, в роли которых в данном случае выступали керченские и еникальские греки, забирали улов в уплату

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 121.

² КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 172, лл. 7—53.

³ Там же.

⁴ КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 18-а.

⁵ Там же, л. 9.

лившихся на Тамани казакам, которые не были в походе ранее или не отправляли службы в данный момент¹. Если учесть то обстоятельство, что огромная часть зажиточных и богатых бывших запорожцев вступила в Черноморское войско в докубанский период, то эти ограничения распространялись в основном на малоимущий элемент и бедноту, легально и нелегально прибывших на Кубань.

В связи с разработкой нового положения о Черноморском войске генерал Головин в рапорте военному министру А. И. Чернышеву от 30 марта 1838 г. указывал, что пользу от рыбных мест получают только некоторые лица в войске. Это он объяснял двумя обстоятельствами: во-первых, рыболовные угодья удалены от селений и многие жители уже вследствие этого не могут ими пользоваться, во-вторых, многие казаки отвлечены службой и вообще не могут ловить рыбу, так как большая часть их бедна². По мнению Головина, более выгодным и справедливым было бы установление системы откупов рыболовных угодий.

Положение 1842 г. о Черноморском войске соединило обе части рыболовных угодий в одну категорию, предоставив право эксплуатации их всем войсковым жителям. Войсковая администрация, однако, возбудила ходатайство об установлении откупной системы. В конце 1844 г. ее требование было удовлетворено: с 1845 г. войсковое рыболовство стало отдаваться, по постановлению Сената, на откуп. Откупная система на все угодья удержалась до 1 января 1855 г. Указом Сената 22 июля 1854 г. все рыболовные воды Черноморского войска у побережья Черного и Азовского морей, а также лиманы и гирла предоставлялись «в свободное пользование всех жителей войска»³. Исключение составлял Ачужевский рыболовный промысел, который разрешено было еще некоторое время сдавать на откуп. Свобода рыболовства, однако, была слишком условной. Указ от 22 июля резко подчеркнул основные привилегии казачьего офицества в целом и привилегии отдельных групп казачества. По новым правилам, генералу предоставлялось право иметь пять неводных заводов, штаб-офицеру — четыре, обер-офицеру — три и казаку — два.

Черноморская старшина цепко держалась за свои привилегии в рыболовном хозяйстве. Она добивалась полного устранения так называемых иногородних рыбопромышленников и бедноты. Дворяне бывшего Черноморского войска, имевшие рыболовные заводы на пятом участке рыбопромысла, в докладной записке от 13 июля 1861 г. выдвинули требование запрета для иногородних заниматься рыбной ловлей. Они, между прочим, указывали, что атаман Кусаков, по ходатайству многих рыбопромышленников, запретил иногородним заниматься рыболовством и, более того, приказал полиции уничтожать их рыболовные заведения. Это распоряжение Кусакова, заяв-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 782.

² Акты Кавказской археографической комиссии, т. IX, док. 355.

³ ПСЗ, т. XXIX, док. 28 441, изд. 1855.

ляли авторы записки, «привело к восторженной благодарности за такое милостивое внимание к нашим правам»¹. Поддерживая и подчеркивая свои привилегии, старшина формально выступала как представитель всего «единого» казачьего сословия, соглашалась отдать крохи «низшей братии» — казачьей бедноте. «У нас есть, — продолжали авторы записки, — очень довольно рыбоспетчиков и из казачьего звания, которые, подбирая излишнюю в неводах рыбу, снискивают тем себе пропитание, и мы, как единой крови, готовы этих немногих промышленников поддерживать при своих заведениях»².

Обратимся к положению рабочих черноморской рыболовной промышленности. Забродчики, или дямчики, на рыболовных заводах составляли так называемые ватаги, т. е. группы от 10 до 20 и более человек. Ватага редко обладала даже минимальной устойчивостью, хотя члены ее сообща договаривались с владельцем предприятия об условиях работы. Многочисленные документы говорят о большой текучести состава забродчиков. Текучесть объяснялась, в первую очередь, разнородным составом ватаги, куда входили в значительной части заведомо беглые крепостные. Рыболовецкие предприятия, разбросанные по косам Азовского и Черного морей и по непроходимым плавням, превратились в пристанище бесприютного и нелегального люда. Неустойчивость, текучесть состава ватаг способствовала, естественно, тому, что они не могли оказывать организованного и постоянного давления на хозяев при защите своих экономических интересов. Рабочих давила могучая экономическая сила их хозяина и собственное бесправие.

Большой интерес представляет вопрос об условиях найма забродчиков. Из документов, хранящихся в архиве Черноморского казачьего войска, явствует, что забродчики, поступившие на рыболовный завод, не имели права уходить оттуда до окончания всего рыболовного сезона³. Черноморские власти охраняли это правило путем самого грубого насилия над рабочими.

Крайне неясным в литературе остается вопрос о формах оплаты труда забродчиков. Документы черноморского архива до второй половины 40-х годов XIX в. неизменно отмечают одно и то же явление: ватага забродчиков, по старому обычаю, получала половину всего улова; вторая половина принадлежала хозяину завода. В строго официальном документе — в годовом отчете войскового правления за 1845 г. — условия найма рабочих и формы оплаты определены следующим образом: «Так как все войсковые рыболовные места с прошедшего года поступили в откупное содержание, то существовавший прежде порядок, что рабочие не договаривались за условленную плату, но делили с хозяином завода добычу и неудачу, по большей части заменен условленной за платою в день или на известный срок. Так производилась плата от 30 до 50 коп. сер. в

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² Там же.

³ КГКИА, ф. 252, св. 132, д. 961, л. 1.

день»¹. В годовом отчете за 1847 г. подчеркивается, что в том случае, когда на промысле следуют старому обычаю, «весь залов рыбы делится на две половины, из которых одна поступает хозяину, а другая на ватагу забродчиков»². Не следует думать, что и до 1845 г. рабочие получали плату только натурой. Выше, при рассмотрении форм оплаты труда на рыболовных промыслах в Запорожье, сказано, что уже в то время так называемый пай рабочего, т. е. половина улова, разделенный на количество рабочих, переводился на деньги. Иными словами, «пай» с течением времени стал лишь принципом расплаты, производившейся деньгами. Так обстояло дело не только на Запорожье.

Смотритель Темрюкских приморских кос войсковой старшина Педенко — человек, прекрасно знакомый с порядками в рыболовной промышленности, 10 апреля 1846 г. подал сведения таманскому окружному сыскному начальнику для последующего представления их графу М. Воронцову. В числе прочих данных, характеризующих местное рыболовство, Педенко указывает на размер пая, вносимого хозяевами рыбных заводов в войсковую казну, и тут же дает интересные сведения о формах оплаты рабочих. «За производство сей ловли рыбы до отдачи в откупное состояние, т. е. до 1845 г., — пишет Педенко, — взимался сбор денег: та часть, которая по расчету доставалась на одного во всяком заводе забродчика и поступала в войсковой доход и (вероятно, «а». — В. Г.) заработанные деньги по отчетам (т. е. после того, когда произведены были все подсчеты. — В. Г.) отдавались каждому забродчику не менее 15 руб. и не более 25 руб. на асс.»³. Совершенно ясно, что о натуральной оплате (т. е. о выдаче забродчикам половины улова), как о единой форме заработной платы, не может быть и речи. Это не исключает, однако, того, что наниматель в целях закабаления рабочего и позже, т. е. в 50-х—60-х годах XIX в., выдавал забродчикам часть платы натурой. В эту натуральную часть входила пища, кров, иногда одежда и обувь. Естественно, что при окончательном расчете стоимость выданного вычиталась.

Система расплаты с рабочими путем выдачи «пая» преобладала до 40-х годов XIX в., но вовсе не была единственной. В цитированном уже годовом отчете за 1847 г., где говорится о господстве паевой системы, недвусмысленно отмечено: «Впрочем, на других (на некоторых. — В. Г.) заводах нанимались рабочие и за условленную плату»⁴.

Чем объяснить, что система «паевой» оплаты труда была вытеснена системой поденной и срочной заработной платы? Повидимому, это произошло по двум причинам. Первая и главная причина заключалась в том, что к 40-м годам XIX в., в особенности в то время, когда развернули свою предпринимательскую деятель-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 266, д. 1764, л. 378.

² Там же, св. 276, д. 1883, л. 336.

³ Там же, св. 258, д. 1712, л. 49.

⁴ Там же, св. 276, д. 1833, л. 336.

ность такие черноморские богачи, как, например, братья Посполитики, о которых речь будет ниже, в рыболовную промышленность Кубани стали вкладываться более крупные денежные капиталы. Дело стало перестраиваться на более широкую ногу. Это не означало, конечно, какого-то технического переворота в самом производственном процессе вылова и обработки рыбы. Техника рыболовной промышленности развивалась очень медленно. Тем не менее, в связи с расширением внутреннего рынка страны, стала меняться и организация рыболовного дела в целом. Рыба и рыбные продукты, как указано выше, в 40-х годах XIX в. уже сбывались не только в пределах Черноморья и в соседних областях Северного Кавказа, но вывозились в Ростов, Мариуполь, Керчь, Одессу, а также во внутренние губернии страны. Это неизбежно должно было привести к расширению рыболовных предприятий и к увеличению их количества в крае. Расширение производства привело к изменению формы эксплуатации рабочих. Предпринимателю представлялось уже невыгодным отдавать рабочим половину улова даже в том случае, если он был ничтожно мал. При более высокой организации ловли рыбы неудача одного сезона с лихвой перекрывалась добычей другого сезона и т. д. Переход к поденной и срочной оплате труда означал фактическое уменьшение заработной платы, т. е. увеличение эксплуатации труда рабочих. Нельзя игнорировать вместе с тем и другого обстоятельства, повлиявшего на изменение формы платы забродчиков. В 40—50-е годы XIX в. усиливается наплыв на Кубань как беглых крепостных крестьян, так и другого люда с паспортами и без паспортов, шедшего на заработки. Предложение рабочей силы на рынке превышало спрос на нее, в частности в рыболовной промышленности. Отсюда вполне понятна замена «паевой» системы оплаты труда поденной и срочной.

Чтобы определить, хотя бы приблизительно, место рыболовной промышленности Черноморья в экономике края к середине XIX в., нужно знать ее размеры, объем продукции, сбыта и пр. Получить такие сведения отнюдь не легко. Годовые отчеты войскового правления, где содержатся суммарные данные, очень кратки и неполны. Это и понятно, так как частные предприниматели не обязаны были давать кому бы то ни было отчет о своих делах. На приказ новороссийского и бессарабского генерал-губернатора Федотова представить подробные сведения о рыболовной промышленности в Черноморье войсковое правление дало 5 марта 1845 г. весьма выразительный ответ: «Оные (рыбные заводы. — В. Г.) принадлежат частным войсковым жителям, занимающимся этим промыслом, которые об них никакой отчетности доставлять никому не обязаны и никому не доставляют»¹.

В годовом отчете войска за 1847 г. значатся следующие данные о рыболовной промышленности. В войске было 200 рыбоспетных заводов. Зимой находилось в действии 11 вентерей, 23 не-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 258, д. 1712, л. 2.

вода, 450 тыс. крючьев, весной — 95 сетей, 119 неводов, 132 вен-терей, летом — 13 неводов, 8 вентерей, осенью — 32 невода, 8 вен-терей, 15 сетей, 15 тыс. крючьев. Общий улов рыбы определен лишь приблизительно. Он составлял на Ачужевских промыслах до 5600 пуд. красной рыбы и до 437 500 шт. белой; по берегам и косам Черного и Азовского морей, а также в лиманах и гирлах 7650 пуд. красной рыбы и до 9 млн. шт. белой. Из выловленной красной рыбы добыто — до 1500 пуд. икры, 53 пуд. клея, 18 пуд. 20 фун. вязиги, из белой рыбы — до 6 тыс. пуд. икры (галаганов), 1960 всдер жиру. На рыбоспелных заводах приготовлено рыбы «в корень соленой» до 12 тыс. пуд., белой — до 9 млн. шт.

Из заготовленной рыбы в 1847 г. было продано в пределах Черноморной около 3 тыс. пуд. красной и до 3 млн. шт. белой, вне войсковой территории: до 9 тыс. пуд. красной и 6 млн. шт. белой. Цены на обработанную рыбу на месте производства в 1847 г. указаны следующие: красная рыба продавалась от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп. за пуд, белая — от 2 до 3 руб. 80 коп. за тысячу (серебром). Кроме того, в 1847 г. было продано на 700 руб. икры, на 140 руб. клея, на 800 руб. вязиги и на 600 руб. галаганов.

Эти данные не позволяют точно определить объем продукции черноморской рыболовной промышленности ни в весовых единицах, ни в денежном выражении. Однако они позволяют сделать ряд общих выводов. Во-первых, из всей выловленной в 1847 г. красной (13 250 пуд.) и белой (9 437 500 шт.) рыбы свыше 90% поступало на рыбоспелные заводы. Во-вторых, из обработанной на заводах красной рыбы 25% потреблялось в Черномории, а 75% сбывалось за ее пределами, главным образом в центральные области страны; белой рыбы потреблялось на месте 33,3%, а вывозилось 66,7%. Таким образом, свыше 70% всей обрабатываемой рыбы вывозилось из края. В-третьих, в денежном выражении рыба и рыбные продукты, обработанные на рыбоспелных заводах, по весьма приблизительным подсчетам, составляли 110 тыс. руб. серебром¹. Разделив эту сумму на 200 рыбоспелных заводов, определим условно годовой доход одного завода в 550 руб. серебром. В-четвертых, приняв количество рабочих на заводах в 1847 г. в 2500 человек² и разделив это число на количество заводов, получим в среднем на каждый завод 12,5 человека забродчиков. Определив в среднем заработную плату забродчика за сезон в 20 руб. ассигнациями, т. е. около 7 руб. серебром, имеем право считать, что заработная плата рабочих завода не превышала 90 руб. серебром, т. е. составляла около 16% всего дохода завода. Это позволяет, в свою очередь,

¹ 12 тыс. пудов красной и белой рыбы «соленой в корень», продававшейся по 1 руб. 50 коп. серебром за пуд, давало дохода 18 тыс. руб.; 9 млн. шт. белой рыбы, продававшейся (примем это условно) по 10 руб. за тысячу, давало 90 тыс. руб. дохода. Прибавив к этим суммам разных рыбных продуктов (икра, клей, вязига, галаганы) на 2240 руб., получим всего дохода более 110 тыс. руб. серебром.

² КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 335.

сделать вывод о высокой степени эксплуатации рабочих. Нельзя забывать, что расходы на восстановление оборудования при тогдашней технике рыболовства были ничтожны.

Таким образом, в руках черноморских рыбопромышленников оставалась огромная часть прибылей, что приводило к накоплению значительных денежных сумм, к усилению капиталистических элементов на Кубани в дореформенный период.

Конечно, сделанные тут на основе очень неполных статистических данных подсчеты рисуют лишь весьма приблизительную картину состояния рыболовной промышленности и ее места в экономике края. Заимствованные из официальных документов того времени сведения сильно преуменьшены. Войсковое черноморское начальство имело серьезные основания в отчетах, представляемых правительству, скрывать не только действительные доходы войсковой казны, но и черноморского офицерства, часть которого выступала в роли рыбопромышленников. Об этом свидетельствуют разящие противоречия в документах разных лет. В 1845 г., как видно из неоднократно цитированного рапорта войскового правления генералу Рашилию, рабочих в рыболовной промышленности насчитывалось 5445 человек, в отчете за 1847 г. — лишь 2500 человек. А между тем нет никаких оснований предполагать, что в течение двух лет — с 1845 по 1847 г. — произошло сокращение рыболовной промышленности в Черномории.

Рабочий черноморских рыболовных промыслов — яркая и характерная фигура. Забродчики — самый обездоленный слой казачества, пополнявшийся как нелегальным, по преимуществу беглым крепостным людом, так и «письменновидной» беднотой. Бродячий рабочий, бездомный и бессемейный бедняк, переходил от одного занятия к другому, т. е. от одного нанимателя к другому нанимателю. Морской рыбак и казак гребной флотилии, он выработал превосходные качества борца — бесстрашие и выносливость. Черноморский забродчик XVIII и начала XIX в., выступавший в живописной свитке, с казацкой чуприной на голове и хранивший боевые традиции запорожской серомы, был одним из предшественников украинского и южнорусского пролетария.

Ф. Щербина отрицал существование в Черномории наемных работников. Исключение он делал только для забродчиков — рабочих рыболовных промыслов¹. По мнению Щербины, забродчики являлись на Кубани единственным слоем наемных рабочих². Такое представление не соответствует исторической действительности. Забродчики в Черномории — только определенная группа рабочих, отличавшаяся от других лишь профессиональными признаками. К тому же в своей массе забродчики не были исключительно рабочими рыболовных промыслов. Это не могло быть уже потому, что рыбный лов и обработка рыбы носили временный, сезонный харак-

¹ Ф. А. Щербина, История Куб. каз. войска, т. II, гл. XXVIII.

² Там же.

тер. Казачья же беднота и беглые нуждались в постоянном заработке.

Отметим еще одну особенность в положении рабочих рыболовных промыслов. Экономическая зависимость неимущего казака Черноморского войска усиливалась сословными ограничениями. Войсковая администрация рассматривала его как «войскового жителя», стесняя тем самым свободу распоряжаться рабочей силой. В этом отношении очень характерно постановление черноморского войскового правительства от 18 января 1794 г. Казаки Брюховецкого куреня Давид Беспалый, Андрей Носарь, Осип Щербина, Андрей Гримак, Тихон Сторчоус и Василий Мартыщенко просили начальство о выдаче паспортов для выхода в Таврическую область на заработки. Войсковое правительство отказало казакам, мотивируя следующим: «При нынешнем в войске новом поселении и за открытием рыбных ловов всем желающим зарабатывать есть наилучший способ»¹. Одновременно было постановлено сделать распоряжение об отказе в выдаче паспортов всем казакам, желающим найти заработок вне войсковой территории. На право же поисков работы на месте низшая администрация должна была выдавать соответственные билеты. Таким образом, за рабочие руки борьба, и правительство строго и недвусмысленно охраняло интересы черноморских работодателей — старшин и богатых казаков, стараясь обеспечить им дешевую рабочую силу в лице бедного казачества.

Продажа рабочей силы в Черномории, так же как и в других частях России, не регулировалась законодательством. Безотрадное положение рабочих кубанских рыболовных промыслов вынуждена была отметить даже местная пресса². Отношения между нанимающимися и работодателями она характеризовала следующим образом: «На первых порах найма хозяин выдает им задатки, хотя сравнительно и небольшие, а так как время найма почти всегда осеннее и люди являются оборванные», то задатки идут на приобретение одежды и обуви. То же, что происходит потом, вызывает у автора газетной заметки негодование: одевшись «за счет хозяина», рабочие начинают пьянствовать, делаются грубыми, выражают недовольство условиями работы и причиняют хозяину, таким образом, массу неприятностей. Причину столь некорректного поведения рабочих «благоразумный» и «глубокомысленный» корреспондент усматривал в их неблагоприятных моральных качествах и... во множестве питейных домов. Средством к улучшению положения он считал вмешательство попечительной полиции. Эта статья вызвала полемику. Другой корреспондент, возражая первому, резонно указывал, что «крайне недобросовестное отношение откупа с рабочими людьми лишило труд смысла, закрепило в безвыходное положение с помощью камышей и влияния откупщика»³.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 5, д. 21, л. 92.

² Куб. Обл. Вед., 1868, № 3, Рабочие рыболовных мест в Черномории.

³ Куб. Обл. Вед., 1868, № 7, По поводу статьи «Рабочие рыболовных мест в Черномории».

8. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Основой экономической жизни Черномории было сельское хозяйство, в первую очередь скотоводство. Промышленность занимала едва заметное место. Она не могла удовлетворить потребности местного рынка. Административный центр войска г. Екатеринодар, сосредоточивавший в себе основную массу ремесленников, также не был достаточно развит в промышленном отношении. Вот небезинтересные сведения о составе екатеринодарского населения, приведенные в рапорте городничего старшины Данилы Волкореза Головатому от 11 ноября 1794 г. По подсчетам Волкореза, в Екатеринодаре жило: старшин — 53 чел., сапожников («делающих шевство») — 27, портных («делающих кравство») — 19, ткачей — пять, плотников — 11, кузнецов — семь, гончаров — два, торгующих печеным хлебом — 36, золотарь — один, иконописцев — два, музыкантов — два, резников — шесть, «промышляющих разно» — 22 и «производящих хлебопашество» — 71 человек¹. В группе «промышляющих разно» находим ремесленников, производящих и продающих брагу, столяров, скорняков, бондарей и пр. Группа «торгующих хлебом» состояла из пекарей-ремесленников. Это видно, в частности, из того, что часть таких торгующих не имела даже домов, а жила в простых землянках.

Правда, и сам Екатеринодар являлся крохотным городом. В конце 1794 г. там насчитывалось 580 человек, в 1795—1796 гг. — 1688 человек и 365 домов. В 1802 г. в городе жило 6360 человек и было 600 дворов. На 1 марта 1825 г. в Екатеринодаре насчитывалось 4348 человек, что равнялось 3,4% всего населения Черномории. Население города росло неравномерно. За 25 лет, например, — с 1824 по 1849 гг. — оно увеличилось только в 1,7 раза. В 1850 г. в Екатеринодаре жило 7598 человек. Таким образом, за полстолетия — с 1802 по 1850 г. — прирост населения города составлял всего лишь 1238 человек². Это объяснялось военной опасностью и трудностями жизни, естественными для города, расположенного на самой кордонной линии. Официальный отчет за 1847 г. так характеризовал столицу Черномории: «Екатеринодар, единственный город черноморских казаков, только по преимуществу народонаселения отличается от станиц. Но устройством чрезвычайно беден»³. К 1847 г. в Екатеринодаре было построено частных домов «по плану и фасаду» 62. На 1 января 1848 г. зарегистрирован 1491 дом с населением в 7522 человека. В 1806 г. в Екатеринодаре было открыто училище, а в 1812 г. гимназия.

Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия, ремесло в Черномории развивалось, хотя и очень медленно. Через 60 лет после переселения войска на Кубань картину промышленного раз-

¹ Статьи научные, т. III, изд. Е. Д. Фелицыным, Екатеринодар, 1896, стр. 14.

² Г. Чучмай, Из очерков по истории Краснодара. Кубань, Литер.-худ. альманах, № 8, Краснодар, 1949, стр. 233.

³ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1883, л. 333.

вития можно восстановить следующей таблицей, составленной на основе статистических данных о числе предприятий в Черноморском войске в 1857 г.¹.

Таблица 31

Заводы	В округах	В городах		Всего
		Ейске	Екатеринодаре	
Салотопенный	—	3	2	5
Кожевенный	5	12	15	32
Маслобойный	46	61	6	113
Кирпичный	3	41	1	45
Гончарный	2	1	2	5
Пивоваренный	—	—	1	1
Всего	56	118	27	201

Эти предприятия, как видим, были заняты в основном переработкой продуктов сельского хозяйства. К тому же все они являлись очень небольшими по размеру. На Екатеринодарском пивоваренном заводе, например, по отчету 1847 г. вырабатывалось всего 800 ведер пива в год, а на 7 кирпичных заводах (двух екатеринодарских, бреховецком, кушевском и трех старошербиновских) выжигалось около 4 млн. шт. кирпича².

Предприятия сосредоточивались преимущественно в городах. В Ейске и Екатеринодаре было около $\frac{3}{4}$ всех предприятий области, причем Ейск сосредоточил более половины всех предприятий, а Екатеринодар — около $\frac{1}{8}$. Вблизи ст. Платнировской находилась войсковая суконная фабрика, продукция которой предназначалась для нужд войска.

О состоянии ремесла и ремесленном населении Черномории в том же 1857 г. дает известное представление табл. 32, составленная на основе официального отчета³.

Подавляющее большинство ремесленников в дореформенный период состояло из казаков. Упомянутый официальный отчет прямо говорит: «Ремесленных управ в войске нет, как нет и ремесленного сословия. Ремесленники — казаки, занимающиеся ремеслом в свободное время». Ремесленники были сосредоточены в основном в Ейске и Екатеринодаре, где их насчитывалось 303 человека, т. е. 30% общего количества ремесленного населения области, причем в Ейске ремесленников было 170 человек, а в Екатеринодаре — 133.

Нет сомнения в том, что официальная статистика значительно преуменьшила фактическое количество ремесленников Черномории. Однако совершенно очевидно, что местная черноморская промышленность обслуживала прежде всего бытовые нужды населения.

¹ КГКИА, ф. 249, св. 321, д. 2298, лл. 147, 533—534.

² Там же, св. 276, д. 1833, л. 338.

³ Там же, св. 321, д. 2298, лл. 147, 533—536.

Таблица 32

Профессии	Округа	Количество		Города	Количество		Всего ре- месленников
		мастеров	рабочих		мастеров	рабочих	
Хлебники	Ейский	8		Екатеринодар	5	—	13
Мясники	Екатеринодарский		9	Екатеринодар	15	13	37
	Ейский	6		Ейск	18	15	39
Портные	Екатеринодарский	48	56	Екатеринодар	27	15	146
	Таманский	83	1				84
	Ейский	17	4	Ейск	12	24	57
Сапожники	Екатеринодарский	62	79	Екатеринодар	22	5	168
	Таманский	72	3				75
	Ейский	40	11	Ейск	7	14	72
Печники	Екатеринодарский	8	2	Екатеринодар	3	—	13
	Таманский	38	3				41
	Ейский	10		Ейск	6	24	40
Гончары	Екатеринодарский	22		Екатеринодар	3	—	25
	Таманский	55					55
	Ейский	6		Ейск	1	4	11
Столяры	Екатеринодарский	16	2	Екатеринодар	10	3	31
	Таманский	18					18
	Ейский	3	1	Ейск	7	16	27
Медники	Екатеринодарский	2		Екатеринодар	4	2	8
	Таманский	1		Ейск	1		2
Шорники	Таманский	8					8
	Ейский	8					8
Извозчики				Екатеринодар	3		3
				Ейск	5	13	18
Коновалы	Екатеринодарский	2		Екатеринодар	3		5
	Таманский	11					11
	Ейский	2		Ейск	3		5
Всего		547	171		155	148	1020

Все связанное с отправлением военной службы — мундирное сукно, седла, оружие и сотни других вещей, а также изделия фабрично-заводской промышленности, предназначенные для массового употребления в казачьем быту, кустарные изделия из металла и дерева — все это поступало в Черноморию извне, из внутренних, промышленных губерний России.

Известное значение в хозяйстве края имела добыча соли, производившаяся в Бугазском (южном), Ачуевском, Ахтарском и Ясенском озерах. Добычей занималось преимущественно бедное казачье население, пополнявшее подобными заработками свой более чем скудный бюджет. В 40-х годах XIX в. за каждый добытый, сложенный в ярус, укрытый и обнесенный вокруг канавами пуд соли ломщик-рабочий получал от откупщиков плату в размере 3,5—4 коп. серебром¹. Размеры добычи соли резко колебались. Так, в 1845 г. было добыто 759 338 пуд. 28 фун. соли², а двумя годами позже всего лишь 13 688 пуд. 9 фун., т. е. приблизительно в 55 раз меньше. Добытая соль, за исключением той части, которая потреблялась непосредственно населением и рыболовными промыслами Черномории, составляла важный предмет меновой торговли с горами.

Дворянские и буржуазные историки утвердили своеобразный взгляд на торговлю в Черномории. Ф. Щербина, подчеркивавший натуральный характер хозяйства казака, отводил торговле незаметную роль. П. Короленко и И. Попка, отстаивая «рыцарские» добродетели черноморца, считали торговлю занятием унижительным для казака. Описывая прошлое казачества, П. Короленко говорит: «Торговлей черноморцы сами не занимались, считая это несоответствующим казачьему званию»³. И. Попка заявляет: «Козак... никогда не любил и не уважал торгового дела («Як хоч узивай, аби не крамарем, за те полаю»)»⁴. Торговля в Черномории, по его словам, находилась исключительно в руках иногородних — великороссов, армян и прочих.

Документы, однако, рисуют обычную картину торговли, которую вели черноморцы, еще не сбившие запорожской чуприны и не снявшие красных жупанов. Новоиспеченное черноморское дворянство при этом торговало с не меньшим азартом, чем рядовой казак. Губернатор Габлиц в ордере полковнику Белому от 8 июня 1793 г. писал, что в числе прочих, торгующих без ярлыка, оказались поручики старшины Константин Белый и Савва Компанецц, продавшие несколько сот ведер горячего вина⁵. В 1798 г. производилось расследование по делу казаков Василия и Ивана Гонтаревых в связи с просрочкой паспорта, выданного «для торгового

¹ КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 328.

² Там же, св. 266, д. 1764, л. 365.

³ П. Короленко, Двухсотлетие кубанского казачества, Сб. «Статьи научные», т. III, стр. 28.

⁴ Ив. Попка, Черноморские казаки, стр. 115.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 804 и 810.

промыслу до города Сурожа»¹. Казак Васюринского куреня Никита Паламарев, бывший до 1789 г. «во услужении в купца» пови-димому приказчиком, став черноморцем, шинковал в Екатеринода-ре. На допросе в 1799 г. он заявил, что в 1796 г. поселился в городе, нанял за себя на кордон казака и, «выстроивши на здешнем рынке шинковую службу, находился у торговле горячим вином и разными товарами»². Начальник черноморской флотилии старши-на Данильченко занес в Черноморию чуму, так как «тайным обра-зом» провозил из-за Кубани разного рода вещи и торговал ими среди казаков³. Из показаний казака Незамаевского куреня Конона Бедашенко, данных на следствии в 1796 г., казак Роговского куреня Андрей Бурденко владел соляным промыслом совместно с капитаном Танским и торговал солью⁴. Старшины — капитан М. Кифа, поручик О. Кантакуза и др., торговавшие горячим вином, вступили в борьбу со своими конкурентами — иногородними вино-торговцами. В прошении войсковому правительству от июля 1798 г. старшины жаловались на то, что иногородние ведут чарочную и ведерную продажу вина, чем «делают нам и всем сего войска промышленникам в г. Екатеринодаре и на войсковой земле... под-рыв»⁵. Смысл протеста заключался в том, что иногородние прода-вали вино «гораздо дешевле» и черноморские старшины не полу-чали «довлеемого за труды барыша, могущего поддержать нас, яко непременных военнослужителей к исправлению пограничной службы»⁶. Просители, отстаивая свое право на спаивание земля-ков поведерно и почарочно, требовали разрешить иногородним про-дажу вина только оптом не менее двух бочек в одни руки.

Не меньший азарт в борьбе с конкурентами проявили и ека-теринодарские мясоторговцы. В январе 1799 г. хорунжий Федор Корсун и группа казаков подали войсковому правительству проше-ние, в котором заявляли, что они «продают в подробности говяжье и баранье мясо и за таковую торговлю несут городовую тягость», между тем как «сего же города жители, и из других мест, привозят на площадь базарную и по жилым домам продажу оного произво-дят в крайнюю им нужду»⁷. Свою претензию мясники облекли в весьма деликатную форму, совершенно неожиданно оказавшись страстными «приверженцами» санитарной профилактики. Они про-сили запретить торговлю мясом другим лицам, «дабы те не нанесли вреда людям по причине оказывающейся на скоте болезни»⁸.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 16, д. 59.

² Там же, св. 23, д. 71.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 151.

⁴ КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 43.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 338.

⁶ Там же.

⁷ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72.

⁸ Материалы для изучения Кубани, собранные Е. Д. Фелицыным, Статьи научные, т. III.

В ведомости екатеринодарского городничего поручика Волкера от 11 ноября 1794 г. значатся, в числе прочего казачьего населения, торговцы. Так, 36 человек помечены торгующими печеным хлебом, из 22 «промышленников» часть торговала брагой и т. д.¹.

Нужно сказать, что вся торгово-промышленная деятельность черноморского казачьего центра в это время всецело сосредоточивалась в руках старшины и рядового казачества. Иногородние торговцы — великороссы, армяне, греки — появляются и закрепляют свое место в торговой жизни края позже, в XIX в. К сожалению, состояние документов таково, что невозможно последовательно наблюдать за развитием торговли в Черномории на протяжении всего дореформенного периода. Бесспорно, однако, что торговые связи Черномории с другими частями страны укреплялись и расширялись.

Выше со ссылкой на «экономические примечания» 1807 г. уже указывалось на факт такой связи со Ставрополем, Черкасском и т. д. Кроме скота, лошадей, продуктов скотоводства и коневодства, а также меда и воска, Черномория поставляла другим областям рыбу, икру и прочее. Торговля товарами как местного производства, так и привозными сосредоточивалась на местных базарах и ярмарках.

Относительно больше сведений о торговой жизни Черномории мы получаем лишь начиная с 30—40-х годов XIX в. Но и «Статистические сведения о черноморском войске за 1840 г.», перечисляя предметы торговли, на вопрос о размерах торгового оборота и охвата им территории дают уклончивый ответ. «Но в какие места и сколько того вывозится, как закупка делается, в частности иногородними промышленниками и в разных количествах, определить не можно; сверх того производится значительный торг по ярмаркам, в разных местах Черномории учрежденным, скотом, лошадьми и овцами»². В статистических данных за 1829 г., представленных для известного статистика профессора Арсеньева по приказанию начальника Кавказской области генерала Эммануэля от 9 апреля 1829 г., находим следующий, правда, весьма ограниченный, экономический материал³. Весь оборот внутренней торговли по г. Тамани и Таманскому округу определен в 82 600 руб., привоз товаров из-за пределов Черномории — в 40 тыс. руб., а вывоз — в 30 тыс. руб. 16 человек занималось «внешней» торговлей, 20 — «внутренней». Две пристани, Таманская и Темрюцкая, принимали в год до 20 судов с грузом от 3 до 7 тыс. пуд. каждое. При этом ярмарки по округу не значатся⁴. В Ейском округе числилось 14 ярмарок; «внутренней» торговлей занималось шесть мещан. В год здесь продавалось в среднем фруктов и овощей на сумму 7 тыс. руб., меда и вос-

¹ Материалы для изучения Кубани, собранные Е. Д. Фелицыным, Статьи научные, т. III.

² КГКИА, ф. 251, св. 515, д. 1309, л. 35.

³ Там же, св. 254, д. 627.

⁴ Там же, л. 114.

ка — на 8300 руб. (2030 пуд.), рыбы — на 50 820 руб. (50 820 пуд.)¹. По Бейсугскому округу вывоз выражен такими словами: «Сбыт рогатого скота, лошадей и овец производится в российские губернии окрест Черномории находящиеся, и в другие, из них часть в ремонт для полков и артиллерии в Грузии и Кавказской линии расположенных»². Торговый оборот по округу определен в 22 тыс. руб. Оборотный капитал «внешней» торговли не указан³, хотя в графе о количестве привозимого со стороны хлеба сказано, что он «покупается в Екатеринославской губернии и Кавказской линии по забратым сведениям на сумму 171 226 руб.»⁴. Статистические сведения исчисляю количество продаваемого в округе воска и меда в 1869 пуд. стоимостью в 16 821 руб. В округе значилось два винных подвала ведерной продажи, 15 питейных домов, девять ярмарок, 13 торговцев, из них 12 мещан и один купец. Небезинтересна характеристика ярмарок: «Существующие в Бейсугском округе ярмарки не составляют собою ничего существенно, продажа на них большей частью бывает рогатого скота из ближайших к Черномории губерний (нужно понимать: покупателям из ближайших губерний. — В. Г.), продолжается каждая не более 7 дней»⁵. Ассортимент привозных товаров кратко характеризуется так: «Кроме красных, железных и мелочных товаров российского производства, никаких других не бывает»⁶. По Екатеринодарскому округу оборот «внутренней» торговли исчислялся в 10 600 руб., привоз в 10 тыс. руб. В округе значилось две ярмарки, 15 торговцев, один купец, 11 мещан и три помещичьих крестьянина⁷. По г. Екатеринодару сумма оборотного капитала, без подразделений, определена в 55 505 руб. В городе было три ярмарки, 47 торговцев, из которых 30 — мещане⁸. Сведения о вырученной сумме за проданный скот, лошадей и т. д. по всем округам и г. Екатеринодару даны в форме, соответствующей младенческому состоянию статистики в крае. Поэтому обработать их в сколько-нибудь удовлетворительном виде невозможно.

Екатеринодарский бытописатель 40-х годов XIX в. В. Ф. Золотаренко, изображая черноморскую столицу, отмечает большое количество лавок, торгующих «панскими товарами» (малоупотребительными в быту трудового населения). В городе, по его словам, насчитывалось до сотни таких лавок⁹. Среди торговцев ведущая роль принадлежала иногородним. В руках казаков сосредоточивалась мелочная торговля железными товарами, мылом и т. д. Оптовая торговля крупным рогатым скотом, овцами, а также вином

¹ КГКИА, ф. 251, св. 254, д. 627, лл. 126—128.

² Там же, св. 515, д. 1309, л. 138.

³ Там же, л. 143.

⁴ Там же, л. 142.

⁵ Там же, л. 143.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 162.

⁸ Там же, л. 177.

⁹ Известия ОЛИКО, вып. IV, стр. 59—60.

и «панскими» товарами находилась в руках армян и других иногородних¹.

Большинство дворянских и буржуазных авторов, подчеркивая незначительное участие казаков в торговле и выдвигая на первый план иногородних, умалчивает, по странной «забывчивости», имя крупнейшего черноморского рыбопромышленника и торговца старшины Алексея Посполитак, приобретшего своими спекуляциями громкую известность. 16 июня 1849 г. он, в частности, подписал с войсковым правлением контракт сроком на восемь лет на откуп всех меновых дворов и пунктов на кубанском кордоне, простиравшемся почти на 300 км.

По официальным данным, в 1846 г. в Черномории было 316 торговцев, в 1847 г. — 302. Проданные ими товары представлены в предлагаемой ниже таблице².

Т а б л и ц а 33

Товары	1846 г.		1847 г.	
	Количество торговцев	Продано на сумму (в тыс. руб. серебром).	Количество торговцев	Продано на сумму (в тыс. руб. серебром)
Панские	26	148,0	28	162,0
Суконные	11	60,0	12	70,0
Кожевенные	20	87,0	16	55,0
Железные	12	50,0	12	50,0
Фаянсовые	8	3,8	7	3,0
Вина	23	67,0	23	67,0
Рыба	89	155,12	80	142,4
Скот	34	133,0	32	118,0
Деготь	6	3,4	7	3,7
Разные	87	350,0	85	300,0
Всего	316	1057,32	302	971,1

По размеру оборота, как видим, на первом месте стояли так называемые «разные» товары, куда входили, надо полагать, оружие, амуниция, предметы широкого потребления, составлявшие продукцию фабрично-заводской промышленности центральных губерний России. Второе место занимали «панские товары» — дорогие ткани, меха, хрусталь и прочее, третье — рыба, четвертое — скот — основная товарная продукция Черномории. Относительно малая сумма, вырученная за скот, объясняется тем, что главная масса его сбывалась на ярмарках и данные об этом не вошли в приведенные документы. Следующие по порядку места принадлежали кожевенным, суконным товарам, винам, железу и т. д. Статистические данные о торговле в 1849 г. почти без изменения повторяют данную картину³.

¹ Известия ОЛИКО, вып. IV, стр. 60.

² КГКИА, ф. 249, св. 276, д. 1833, л. 337.

³ См. Куб. сб., т. VI, Екатеринодар, 1900, стр. 60.

В 30—40-х годах прошлого века в Черномории было около тридцати ярмарок ежегодно¹. Из них наиболее значительными со-временники считали девять: три екатеринодарских ярмарки (Благо-вещенская с 20 по 28 марта, Троицкая с 26 мая по 8 июня и Покровская с 27 сентября по 5 октября), Брюховецкую 9 марта, Каневскую 1 марта, Березанскую в день вознесения, Кушевскую в августе, в день маккавеев, Староминскую 1 марта и Старощерби-новскую через неделю после пасхи².

Конкретное представление о трех екатеринодарских ярмарках 30-х годов прошлого столетия дает ведомость, представленная 29 ноября 1837 г. екатеринодарским городничим черноморскому атаману. Ввиду относительной полноты приводимых в ведомости данных, приводим ее без сокращений, в рублях³ (см. табл. 34).

На первом месте в графе проданных товаров, как видим, стоят шерстяные изделия, на втором — бумажные, на третьем — кожа и кожевенные изделия и т. д. Иными словами, первыми по спросу на ярмарках были товары фабрично-заводского производства. Если из всей суммы проданных товаров исключить крестьянские — хлеб, рыбу, вина и деревянные изделия, т. е. товары, из которых подав-ляющее большинство производилось на Кавказе и в Черномории, то оказывается, что товары из промышленных губерний страны со-ставляли 80% всех проданных, т. е. абсолютно преобладали на ярмарках. Черномория наряду с другими аграрными окраинами была рынком сбыта изделий промышленности внутренних русских губерний.

Кроме товаров «российских», в данной ведомости указаны «азиатские» товары, в рублях (см. табл. 35).

Как видим, азиатские товары составляли в общей сумме про-данных товаров всего около 10%.

Наконец, ведомость дает сведения о торговле на ярмарках скотом и лошадьми, в тыс. руб.⁴ (см. табл. 36).

Таким образом, если вся сумма привезенных в 1837 г. на ярмарки товаров равнялась 2 052 748 руб., то скота и лошадей было пригнано на 2 012 тыс. руб. Иными словами, округляя циф-ры, можно сказать, что сумма всех привезенных товаров в денеж-ном выражении равнялась цене пригнанного скота и лошадей. А продано было скота и лошадей на 569 527 руб. больше, чем всех остальных товаров.

Из приведенных данных ясно, что Черномория была не только рынком сбыта отечественных промышленных изделий, но и серьез-ным поставщиком скота — главного продукта местного хозяйства.

¹ КГКИА, ф. 252, св. 70, д. 494, лл. 2—3.

² КГКИА, ф. 318, св. 10, д. 169, л. 42.

³ КГКИА, ф. 250, оп. 2, св. 429, д. 1070, лл. 2—33.

⁴ Там же.

В оригинале приведенной ведомости, исключая сведения о лошадях и скоте, имеется ряд дефектных записей. На их место нами внесены услов-ные данные, с учетом общего характера, нарисованной ведомостью кар-тины. — В. Г.

Название товаров	Ярмарки						привезено
	Благовещенская		Троицкая		Покровская		
	привезено	продано	привезено	продано	привезено	продано	
Российские товары							
Шерстяные изделия:							
сукна разных цветов и сортов	91 825	31 825	85 825	34 415	138 900	37 000	316 550
Материи:							
кашемир, байка, фланель, фриз	3692,5	1452,5	3452	1232	5225	2115	12 369,5
Кашемировые платки, шали и драдедам	14 766	4545	26 520	11 120	38 750	18 750	80 036
Воинские припасы:							
мундиры, шаровары, шинели, киверы, фуражки, помпоны, портупей и др.	6190	2240	3305	1205	5350	4021	14 845
Крестьянские изделия:							
простое сукно, чекмени, шерсть, кушаки, перчатки, чулки, бурки и др.	19 670	8420	17 182	6182	28 480	8480	65 332
Бумажные изделия:							
нанка, коленкор, миткаль, холст, ситцы, платки и др.	56 220	23 110	72 190	21 190	115 610	40 000	244 020
Льняные изделия:							
парусина, выбойка, холст, набойка, бичева, бредни, нитки несученые и др.	29 636	9636	28 915	8915	38 870	21 617	97 421

Шелковые и полушелковые изделия:

парча, разноцветная ткань, головные платки, дамские шарфы, кушаки, шелк в нитках и др.

25 710   13 410   20 700   11 000   28 210   10 000   74 620

Мягкая рухлядь и изделия из оных:

меха волчьи, лисьи, сибирковые, заячьи, смушки разные; смушки чиненые: собольи, куньи, бараньи; шубы шитые и др.

10 993   3993   12 750   2750   33 195   12 155   56 938

Кожа и изделия из оной:

юфть сапожная, яловичная и шкаповая, подошва, бычьи кожи, сапоги, башмаки, козлы, сафьяны, бараны, опойки, хомуты, шлеи, конская упряжь

88 332   37 157   89 185   15 250   125 810   12 810   303 327

Металлы и изделия из оных:

серебряные чаши, кресты, эполеты, ложки, церковная и домашняя утварь, перстни и др.

13 718,5   3656   16 796   7066   24 489   11 240   55 003,5

Стальные изделия:

напильники, рубанки, резцы, долота, буравчики, сабли, бритвы, косы, (1150 шт.), пилы, ножи

15 188,5   5188,5   13 198,75   3186,75   20 282,5   8808   48 669,75

Название товаров	Ярмарки						Вс привезено
	Благовещенская		Троицкая		Покровская		
	привезено	продано	привезено	продано	привезено	продано	
Медные изделия: желтой, красной меди	5782,5	2542,5	7970	3600	11 555	4000	25 307,5
Железные изделия: топоры, лопаты, серпы, ножи- цы, ножи, железо в кусках, ско- вороды, цепи, удила, капканы, гвозди, ружья, сабли, пистоле- ты, подковы	27 403,1	9000	23 384,5	8000	37 971	13 000	88 758,6
Чугунные изделия: сковороды, казаны и др.	6425	2100	7950	2500	8150	2150	22 525
Фарфоровая разная посуда	11 776,75	3325	12 941,25	5000	11 042,5	3042	35 760,45
Хрустальная посуда: графины, рюмки, стаканы, со- лянки; лампы, стеклянная по- суда, зеркала и др.	6627,8	2312,8	5678,5	2988,5	6068	2024	18 374,3
Хлеба разного: мука крупчатка, пшеничная, ржаная, гречневая, пшено (в пудах продано 9730)	2080	1800	3246	3000	10 200	7000	15 526

Бакалейные продукты: орехи разных сортов, конфеты, пряники, финики, масла — прованское, деревянное, конопля- ное, ореховое, коровье, крупа	4432,5	1432,5	6193	2000	5176,5	3000	15 802
Рыба разная	601,5	444,5	14 020	10 000	1834	1000	16 455,5
Разные напитки: вина: кафалинское, крымское, сантуринское, алонское, кизляр- ское, судацкое, шампанское, ме- док, донское, ром, ликеры и др.	12 865	9000	12 512	10 000	11 269	7000	36 677,5
Сахар, сало, свечи, табак, бу- мага, книги церковного устава и исторические (продано всего 180 книг: церковных—40, исто- рических—140), сургуч, ико- ны и др.	28 407,5	8407,5	41 743 5	12 543,5	35 678	8545	105 829
Деревянные изделия: брички, коляски, повозки кон- ские, возы воловые, стулья, столы, доски, окошки в рамах, сита, ведра, бочки, кадушки, оси, дуги, клещи хомутные, ко- леса, лопаты, ульи	21 612,5	10 000	53 253,5	22 290	38 705	20 000	113 571
Всего	502 362,65	194 997,3	576 911	205 443,7	780 790,5	257 754	1 853 718,6

Лучшие сукна были с фабрик Финляндской, Таганской и Хибинской.

Таблица 35

Название товаров	Ярмарки						Всего	
	Благовещенская		Троицкая		Покровская		привезено	продано
	привезено	продано	привезено	продано	привезено	продано		
Турецкие товары: мыло, трубки каменные, алебастровые	4795	1445	5690	2000	5090	1500	15575	4935
Персидские товары: одеяла атласные и полушелковые, платки шелковые и полушелковые, шали, ковры	17475	7475	27375	13125	21475	10000	663.5	30600
Китайские товары: чай, китайки разной цветной 1-го и 2-го сортов	23785	113.0	42420	12420	50925	20000	117120	43720
Всего	46055	20210	75485	27545	77490	31500	199030	79255

Таблица 36

Название товаров	Ярмарки						Всего	
	Благовещенская		Троицкая		Покровская		привезено	продано
	привезено	продано	привезено	продано	привезено	продано		
Лошадей 850 штук на трех ярмарках	42	30	30	20	20	12	102	52
Волов старых 5 тысяч пар на трех ярмарках. Продано 3 тысячи пар	300	225	195	70	195	60	720	325
Быков неученых 7,5 тысяч пар, из них продано 5,5 тысяч пар	250	150	300	250	200	150	700	600
Коров разных 7,5 тысяч штук, продано 6 тысяч штук	140	140	210	210	60	60	490	330
Всего	732	545	735	550	475	282	2012	1307

Изделия русской фабричной промышленности распространялись в Черномории не только через постоянно торгующие лавки или ярмарки. И. Попка упоминает о наличии в Черномории массы мелких торгашей — коробейников, офеней, приходивших из далеких великорусских губерний. Юркий и речистый офеня глубоко проникал в хозяйственную жизнь черноморца. Являясь постоянными посетителями ярмарок, куреней, хуторов, кошей, офени всюду выменивали шерсть, кожи, сало, шкуры и прочее на косы, ситцы, ножички, зеркальца, шильца, трубки, церковные товары и т. д. «Они, — справедливо замечает Попка, — лучшие проводники между плохими фабриками и невзыскательными потребителями»¹.

Изучение экономической жизни Черномории в дореформенный период позволяет подчеркнуть еще одну черту хозяйства черноморского казака.

Крестьянин удовлетворял свои неприхотливые потребности главным образом предметами, производимыми в собственном хозяйстве. О казаке же этого сказать нельзя: тульское ружье, пику, все предметы снаряжения до мундирного сукна, шнурка и позумента включительно он покупал на рынке. Все — от седельной луки до пуговицы — было продуктом фабричного производства или же делом рук местного черноморского ремесленника. Стоимость снаряжения казака, как указывалось, уже в 30-х годах XIX в. определялась суммой свыше 100 руб., что составляло более десяти оброчных крестьянских ставок. При этом больше половины казаков обязаны были иметь строевых лошадей узаконенных статей. Стоимость средней лошади в это время также определялась суммой свыше 100 руб. Как предметы снаряжения, так и лошадь в течение срока службы несколько раз обновлялись. При этом нужно учесть, что в момент военного напряжения из казачьей семьи одновременно шли на службу несколько человек. Следовательно, огромная часть бюджета для большинства, в ущерб и без того скромным потребностям семьи, состояла из расходных статей, прочно связывавших казачье хозяйство с рынком. Рост классовой дифференциации казачества только укреплял эти связи.

Черномория, представлявшая далекую окраину страны, была неотъемлемой частью всероссийского рынка, а также мостом, экономически соединяющим Россию с частью Кавказа, с закубанскими горами. Торговля с горами началась тотчас после переселения запорожцев на Кубань. Это относится особенно к тем адыгейским племенам, которые поддерживали мир с Россией или были в числе русских вассалов. Потребность регулирования меновой торговли казаков с адыгейцами (черкесами) привела к организации в 1799 г. трех меновых дворов. К 40-м годам XIX в. их было уже семь. Бутков, отмечая факт меновых связей с горами, подчеркивает острую нужду адыгейцев в соли, которая в избытке добывалась в Черномории. При этом в соли нуждалось не только население, но

¹ Ив. Попка, Черноморские казаки, стр. 116—117.

и скот. За соль черкесы отдавали изделия из дерева, столь необходимые для степной Черномории, лес, шерсть, кожи, бурки, плетенки и пр. Кроме того, из России через Черноморию черкесы получали холст. По словам Дебу, черноморцы, «за соль, а иногда за холст или другие подобные им вещи выменивали на меновых дворах от закубанцев мерлушки, бурки, кожи разных зверей, всякий хлеб в зерне, мед, воск, лес, овец, военные орудия и частью скот, лошадей и пленных людей»¹. К списку предметов, ввозимых из-за Кубани, Попка прибавляет лубок, черную нефть, алебастр, сало, масло и пр. Из Черномории за Кубань, по его словам, шли разные бумажные и шелковые ткани невысокого достоинства, шелк и канитель для галунов, холсты, сафьян, войлок, посуда, сундуки, мыло и пр.²

Екатеринодарский корреспондент «Московского вестника» описывает многолюдные и пестрые екатеринодарские базары, где бжедухи продают свои незатейливые произведения, закупая у русских красные товары в лавках и т. д. Он подчеркивает неодолимую тягу горца к русским товарам, для приобретения которых он преодолевает все препятствия. В зимнюю стужу и во время разлива рек горец, испытывая невероятные лишения, доставляет на ярмарки свой товар. На быках до Кубани, а часто на себе, затем с риском для жизни на плоту он тащит лес, дрова, бревна, вилы, корыта, жерди и прочее. Одновременно автор подчеркивает большое желание, с которым горцы вступали в торговлю с русскими. Констатируя органическую потребность горца в упрочении экономических связей с русскими, он приходит к выводу, что постройка путей сообщения приведет к быстрому экономическому освоению Закубанья; торговля будет лучше, чем война, служить делу превращения горца в мирного жителя³.

Известное представление о размерах торговли с горцами дает отчет по войску за 1848 г. В этом году через меновые дворы за Кубань было отпущено 7020 пуд. соли и на 824 руб. других товаров. Через те же меновые дворы из-за Кубани привезено товаров на 6045 руб. Кроме того, горцы привезли на екатеринодарские ярмарки своих изделий на 26 820 руб. серебром, а закупили там русских товаров на 19 740 руб. серебром. Горские товары составляли более 5% по отношению к общей сумме привоза, а вывоз за Кубань превысил 11% всех проданных в Черномории товаров. Эти данные, значительно преуменьшенные, разумеется, официальной статистикой, свидетельствуют о том, что еще задолго до присоединения Закубанья, в период, когда продолжалась еще борьба царского правительства против горцев, торговля с ними являлась заметным фактором экономической жизни края. Хозяйственное тяготение горцев к России оказывалось сильнее пропаганды врагов Рос-

¹ И. Дебу, О Кавказской линии, стр. 419—420.

² Ив. Попка, Черноморские казаки, стр. 123—124.

³ Московский вестник, 1860, № 27, стр. 18.

сии, интриг западноевропейских правительств, а также султанской Турции и кавказских феодалов, которые создавали искусственные барьеры и кордоны с целью изоляции горских племен от России¹.

Сам факт основания меновых дворов свидетельствует о том, что русское правительство понимало важность укрепления экономических связей с горцами, хотя проводимые в этом направлении меры и не отличались последовательностью. Для характеристики этого положения представляет интерес переписка, возникшая в 1843 г. между управляющим министерством финансов и главноуправляющим Закавказским краем по вопросу о продаже горцам металла. Свои мнения по этому делу подали бывший главнокомандующий действующей армии на Кавказе И. Паскевич, бывший командир Отдельного кавказского корпуса Розен и др.

Управляющий министерством финансов в своем отношении к главноуправляющему Закавказским краем от 20 октября 1843 г. изложил проект правил, которые должны были регулировать провоз металла горцам. Проект сводился к следующим положениям: провоз железа и стали в Закавказский край дозволялся только через два пункта — Екатериноград и Кизляр; пропуск для горцев железа и стали, привозимых из России, как в виде изделий, так и кусками разрешался только в г. Екатеринодаре, в укреплениях Усть-Лабинском и Прочноокопском, в станицах Невинномысской и Екатериноградской, а также в гг. Моздоке и Кизляре; эти товары горцы могли приобретать не для торговли, а лишь для собственной надобности, причем при предъявлении установленного свидетельства, выданного приставом того племени, к которому принадлежит покупатель; в свидетельстве, кроме имени покупателя, указывалось количество приобретаемого металла, назначение последнего и т. д.; пристав, выдавший свидетельство, обязан был донести об этом начальнику той части линии, в ведении которого находится данное племя; в русские укрепления и станицы, расположенные за Кубанью, Малкою и Терекком, железо и сталь должны были вывозиться при соблюдении аналогичных правил; те же правила относились и к гарнизонам закубанских укреплений и т. д.².

Интересно, что эта осторожность, исключавшая возможность прямого провоза металла «немирным» горцам, не встретила сочувствия ни у Паскевича, ни у Розена. Подавая свое мнение по этому вопросу, Паскевич высказал ту мысль, что запрещение продажи металла «немирным» горцам с целью затруднить производство ими оружия «не достигает цели потому, что они могут удовлетворять таковой потребности и без получения от нас сих металлов»³.

Вторя Паскевичу, Розен выразил эту же мысль в более развернутом виде. Горцы, по его мнению, нуждаются в стали и железе более для сельскохозяйственных и вообще хозяйственных орудий, нежели

¹ КГКИА, ф. 318, св. 10, д. 169, лл. 42—43.

² КГКИА, ф. 252, св. 72, д. 517, лл. 1—3.

³ Там же, л. 3.

для выделки оружия, которое они приобретают в готовом виде, и потому нет оснований опасаться, что свободная покупка металла будет использована ими для производства оружия¹. Резюмируя упомянутое мнение, управляющий министерством финансов пришел к следующим выводам: 1. Свобода продажи железа и стали мирным горцам «может послужить не только к выгоде нашей торговли, но и к значительному умножению наших с ними сношений»; 2. «Воспрепятствовать же передаче товаров немирным горцам оказывается невозможно». При этом допускалось, что запрещение продажи металлов горцам может быть введено лишь в случае особых обстоятельств².

Современники 40—50-х годов XIX в. экономическую неразвитость и медлительность развития Черноморья ставили в связь с четырьмя условиями. Они отмечали, во-первых, острый недостаток вольнонаемного труда, который отнюдь не мог быть восполнен ограниченными контингентами приходящих на заработки крестьян из внутренних губерний, во-вторых, тяжесть пожизненной воинской повинности казачества, отвлекавшей от хозяйственной деятельности и требовавшей больших материальных затрат, в-третьих, сословную замкнутость казачества, исключавшую или ограничивавшую для иногородних возможность заниматься промышленностью и торговлей на войсковой территории. Уступки, сделанные правительством в этом отношении, были ничтожны. Открытие в 1848 г. Ейска для иногородних не могло внести большого оживления. И, наконец, в-четвертых, отсутствие усовершенствованных путей сообщения. Три пристани — Темрюцкая, Таманская и Ейская, при отсутствии судоходства на Кубани и примитивности грунтовых дорог, не обеспечивали живой и прочной экономической связи Черноморья с центральными губерниями России. Конечно, все эти условия тормозили экономическое развитие края, но не они являются главными при объяснении его относительной хозяйственной отсталости. Последняя обуславливалась прежде всего существованием крепостнического строя в стране.

В 50-х годах XIX в. был поднят вопрос об открытии пароходного сообщения на Кубани. Из рапорта черноморского наказного атамана командующему войсками правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанту Козловскому от 10 ноября 1857 г. видно, что главнокомандующий на Кавказе А. И. Барятинский вел переговоры о заказе парохода и железной баржи³. Для защиты от черкесских пуля на пароход предполагалось поставить железный борт и два руля управления. Сообщение должно было начаться по линии Усть-Лаба — Темрюк — Ростов.

Мысль о коммерческих выгодах, связанных с эксплуатацией парохода, привлекла пристальное внимание известного черноморского предпринимателя и спекулянта войскового старшины А. Пос-

¹ КГКИА, ф. 252, св. 72, д. 517, л. 3.

² Там же, лл. 3—4.

³ Там же, св. 387, д. 2284, 2285.

политики. Он предложил проект¹ устройства парохода на свой счет с предоставлением ему права эксплуатации пароходного сообщения. Мотивируя необходимость открытия пароходства, он ссылался на то, что весной и осенью Черноморья вследствие частых дождей делается непроезжей, а это не только причиняет крупные убытки частным предпринимателям и ставит в бедственное положение местное население, но, главное, препятствует исполнению планов, связанных с действиями против неприятелей.

Проект Посполитакки принят не был. Власти построили пароход на войсковые средства и в разобранном виде 20 июля 1858 г. доставили его в Темрюк². Спущенный с большими хлопотами на воду, пароход эксплуатировался войсковыми властями очень неумело. В 1860 г. по приказу главнокомандующего кавказской армией пароход вместе с баржей и другим имуществом был продан действительному статскому советнику Новосельскому³. Между тем Новосельский оказался несостоятельным плательщиком, и в 1865 г. были назначены публичные торги. В 1866 г. злополучный пароход был продан некоему М. Петерсу за 6606 руб. серебром⁴.

Не обеспечивал прочной связи с центральной Россией и извозный промысел — чумачество. Черноморская чумацкая «валка» имела те же социальные черты, что и запорожская, она тоже отражала классовую дифференциацию казачества. Исторический образ черноморца-чумака очень далек от романтических представлений, созданных буржуазными историками казачества. Чумаковали не только простые казаки, но и старшина. Богатый чумака был собственником нескольких пар волов с «мажарами», которые сопровождались работниками. Работники такого богача тоже назывались чумаками. Между этими двумя категориями, представлявшими два антагонистических слоя, лежал еще слой среднего и бедного трудового чумачества, обладателей одной-двух пар волов и рассматривавших это занятие как подспорье к своему скудному хозяйственному доходу. Вот несколько черт для характеристики таких чумаков. Казак Перяславского куреня С. Орленко на допросе 3 мая 1796 г. объявил себя крепостным помещика Алексея Закревского из слободы Лемешевки, Прилуцкого уезда. Уйдя в свое время от помещика, Орленко был работником на Золотой Косе, в Черкасске, а позже «в чумацком промысле» на территории Кавказского наместничества. Вступив в 1795 г. в черноморцы, Орленко получил билет и, «наложив на два воза рыбы, отправился с прочими здешними казаками для продажи оной в места кавказской губернии»⁵. Орленко можно противопоставить богача Афанасия Юрченко, допрошенного в 1796 г. Бывший запорожец Юрченко до 1788 г., до вступления в черноморцы, чумаковал по разным местам. Став черноморцем, он продол-

¹ КГКИА, ф. 252, св. 387, д. 2285, лл. 73—74.

² Там же, д. 2283, л. 95; св. 440, д. 2283, л. 95.

³ Там же, св. 320, д. 2160, лл. 22—27.

⁴ Там же, св. 320, д. 2160, л. 241.

⁵ КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 33.

жал возить товары, владея десятью парами волов. На Кубани Юрченко имел хутор¹.

14 апреля казак Яким Зима получил паспорт за № 1211 «с пятью работниками на проезд Екатеринославского, Киевского, Черниговского, Харьковского наместничеств и Таврической области в разные места по чумацкому промыслу»².

Доля черноморского чумака-бедняка, жестоко эксплуатируемого хозяевами чумацких обозов, была исключительно тяжелой. Она получила отражение в следующей казацкой песне:

«Чорна хмара наступає,
Чумак ярма наринає,
Жінку дома спокидає:
Оставайся, жінко, дома,
Рубай дрова до порога...»

Оставшаяся дома жена

«Ялиною хату мете
Та горщечком воду носе
. . . . .
А в сусіда соли просе.
Бо з чумаком добре жити —
Нічим борщу посолити»³.

Социально-экономическое развитие Черноморья в дореформенный период шло, как видим, в определенном направлении — в сторону распространения и углубления буржуазных отношений. Развитие буржуазных отношений означало ускорение дифференциации казачества.

На Черноморьи, как и в других, областях, колонизованных казаками, феодально-крепостнические отношения, несмотря на все давление феодальной империи и на наличие в среде казачества элементов, стремившихся насадить отношения феодальной зависимости, не могли достигнуть такой степени развития, как в центре страны. Запорожье и Черноморья принадлежали к тем именно окраинам России, где, как писал В. И. Ленин, «крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее»⁴.

Слабость феодальных отношений на Кубани в конце XVIII — первой половине XIX в. была одним из важнейших условий, способствовавших более быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве этого края в пореформенный период.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 9, д. 33.

² КГКИА, ф. 249, св. 19, д. 154.

³ Известия ОЛИКО, вып. VI, стр. 167—168.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 552.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕРНОМОРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

1. ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ И ПОВИННОСТЯХ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

До переселения черноморцев на Кубань, т. е. с 1787 по 1792 г., административно-территориальное устройство войска еще не нашло точного правового выражения в центральном законодательстве. Призывая запорожцев под знамена Черноморского войска, правительство соглашалось признать лишь некоторые внешние формы сходства в управлении и устройстве Черноморского войска с Запорожской Сечью. Восстановлены были, как я указывал, номенклатура военно-административных званий и должностей (кошевой атаман, войсковой судья, есаул, писарь, куренные атаманы, паланковая старшина и т. д.), разделение войска на курени — военно-административные единицы, возвращены военные запорожские реликвии.

Черноморскому Кошу предоставлено было право на территории между Бугом и Днестром создать органы местной администрации — паланки, определить правила отбывания военной службы и характер войсковых повинностей не только в отношении казачества, но и так называемых поселян, а также фактическое право на эксплуатацию естественных богатств войсковой территории: размещение поселений, отвод хуторов, рыболовных угодий, организацию войскового хозяйства. Наконец, правительство сохранило право войска на избрание низшей администрации и право иметь свой суд, который, впрочем, получил весьма ограниченную компетенцию.

В военно-оперативном отношении войско подчинялось командам регулярных частей русской армии. После издания жалованных грамот от 30 июня и 1 июля 1792 г. и переселения войска на Кубань наступил период конкретного юридического оформления земельных порядков, уточнения правил военной службы, повинностей и административного управления.

Существенным отличием Черноморского войска от Запорожско-

го было отсутствие войсковой рады и выборности войсковой, т. е. кошевой, старшины. Уже в Запорожской Сечи, как отмечено, эти институты выражали интересы верхушки казачества. На Запорожье, однако, «права» серомы еще находили некоторое формальное признание хотя бы в ее участии в войсковых радах и в самом факте существования сечевого гарнизона, содержавшегося за войсковой счет. В Черноморском же войске все казаки, в том числе и беднейшие, должны были отбывать службу за собственный счет. Таким образом, ограничение в правах основной массы черноморского казачества имело своим следствием усиление социального и экономического угнетения бедного казачества.

Отношение правительственных кругов к принципу выборности старшины определялось, помимо прочих соображений, самой организацией Черноморского войска. Правительство, как было сказано, поручило комплектовать войско доверенным людям из числа бывшей запорожской старшины. Такими оказались Сидор Белый, Захарий Чепега и Антон Головатый. При этом Белый был назначен кошевым атаманом формируемого войска. Биографические данные о первом кошевом атамане черноморцев не выделяют его из среды других старшин. Товарищ Головатого по карьере, Белый в Запорожской Сечи был полковым, а затем войсковым старшиной. В 1774—1775 гг. он находился в числе депутации, отправленной Кошем в Петербург. Бесспорно, это был один из тех запорожских деятелей, мыслями и настроениями которых был навеян проект Головатого о «реформе» Сечи. Белый — типичный запорожский богач-зимовничанин. После разрушения Сечи Белый получил от властей 15 тыс. дес. земли, присоединив их к своему зимовнику на Ингульце, у устья балки Гардоватой. В 1783 г. он был уже секунд-майором и предводителем дворянства Херсонского уезда. К 1788 г. у Белого, судя по духовному завещанию, было два больших имения. При этом бывший зимовник у Гардоватой превратился в крепостническую латифундию, где жило несколько десятков семей крестьян, записанных по ревизии. Кроме лошадей, крупного рогатого скота и овец, Белый владел мельницей «о пяти колах» и значительным денежным капиталом: 15 тыс. руб. золотой и серебряной монеты был ему должен поручик Келеберда, 10 432 руб. 20 коп. — другие лица.

После смерти Белого в 1788 г. Потемкин назначил кошевым атаманом бывшего запорожского старшину Чепегу, богача, также осыпанного «милостями» после разрушения Сечи. Это назначение было облечено в следующую форму: «По храбрости и усердию к порядку и по желанию войска верных казаков определяется атаманом кошевым Харитон (он же Захарий.— В. Г.) Чепега. Объявляя о сем всему войску, предписываю надлежащим образом его почитать и повиноваться»¹. После смерти в 1797 г. Чепеги, достигшего чина генерал-майора, Павел I, приказав черноморской старшине представить четырех кандидатов на должность кошевого атамана,

¹ Куб. сб., т. VIII, Екатеринодар, 1901—1902, стр. 340.

утвердил кошевым одного из них, самого влиятельного члена так называемого войскового правительства — войскового судью Антона Головатого. После смерти в этом же году Головатого Павел упразднил звание «кошевой атаман», заменив его новым — «войсковой атаман». На эту должность он назначил войскового писаря полковника Тимофея Котляревского. С этого времени исчезает из официального обихода даже само выражение «по желанию войска».

Дворянские и буржуазные историки старательно поддерживали миф о сохранении в Черноморском войске выборного начала. А. Скальковский, например, заявлял: «Внутренний у черноморских казаков распорядок, основанный на правилах прежнего Запорожского, есть и поныне тот же самый, какой был прежде»¹. Скальковский писал эти строки, напомним, в конце 30-х годов прошлого века. По словам П. Короленко, Сидор Белый был избран атаманом казаками так же, как «и прочие чины войсковой администрации... избраны казаками по прежнему запорожскому обряду»². Э. Чепега, продолжает утверждать Короленко, также был избран кошевым, а не назначен.

Ф. Щербина более скорбит по поводу утраты черноморцами старых демократических учреждений, чем объясняет их утрату. Он то заявляет, что от сечевой иерархии в Черноморском войске остались лишь одни осколки, то, впадая в противоречие с самим собой, утверждает, что «Порядок общей пользы», выработанный старшиной в 1794 г., был по существу снимком с организации самоуправления в Запорожской Сечи³. Хотя, по его словам, в грамотах Екатерины II не были указаны формы самоуправления, но «на деле же войско придерживалось уже в этом отношении порядков Запорожской Сечи»⁴.

В более отчетливом виде свои взгляды по этому вопросу Щербина формулировал позже. Говоря о том, что при учреждении войска черноморская старшина даже не заикнулась о восстановлении войсковой рады, Щербина называет это исторической ошибкой, совершенной отчасти из-за чиновничьего своекорыстия, отчасти по недостатку ума, отчасти же из-за трусости и безволия⁵. Идеалист и реакционер, представляющий Запорожскую Сечь социально однородной общиной равноправных членов, Щербина перенес это воззрение и на Черноморское войско. Не желая объяснить психологию правящих кругов старшины особенностями ее социального положения, он пытается объявить нежелание старшины восстановить войсковую раду карьеризмом Головатого, а после его смерти бездарностью Котляревского. Выходит, таким образом, что если бы Головатый был менее честолюбив, а Котляревский более умен, то

¹ А. А. Скальковский, История Новой Сечи, ч. III, стр. 215—216.

² Короленко, Черноморцы, стр. 14.

³ Ф. Щербина, История самоуправления у кубанских казаков, Киевская старина. 1884, февраль, стр. 225—226.

⁴ Там же, стр. 227.

⁵ Ф. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. I, стр. 546.

войсковая рада неизбежно была бы восстановлена, и тогда черноморское казачество было бы вторым изданием Запорожской Сечи, т. е. являло бы собой идеальный образец демократического общества, отвечающего всем требованиям идеи «народоправства» и «социального равенства».

Выборность кошевой старшины не была допущена правительством с самого начала учреждения войска. Сам Чепега, например, в ордере Головатому от 5 июля 1788 г. извещал, что Потемкин «определил меня в войско верных казаков Войсковым атаманом»¹ и в доказательство этого прилагал копию соответствующего документа. Ряд моментов указывает на то, что старшине была все же предоставлена известная возможность оказывать влияние при заещении должности кошевого атамана. В этом смысле и нужно понимать слова Потемкина по поводу «избрания» Чепеги. Отступления от твердого принципа централизации управления, допущенные правительством, объясняются обстоятельствами, при которых протекало формирование войска. Необходимость в кратчайшее время поставить под ружье все военнеспособные элементы бывшего Запорожья диктовала допущение мелких, непринципиальных уступок.

Выдвижение на должность войсковой (кошевой) старшины и куренных атаманов в период формирования войска носило форму простого назначения со стороны командования регулярными частями, в ведении которого находились черноморцы. Генерал М. И. Кутузов в ордере С. Белому от 7 февраля 1788 г. писал: «По неимению в команде верных казаков, находящихся под предводительством секунд-майора Чепеги, Есаула, Хорунжего и Атаманов, определил я в те звания бывших прежде в войске Запорожском: в Есаулы — Алексея Письменного, в Хорунжие — Алексея Высочина, Лукьяна Тиховского и в Атаманы: Гаврила Чуприну..., а потому и вам о сем даю знать с тем, дабы благоволили показанные чины от себя им объявить»².

После окончания организационного периода был допущен принцип назначения на должности предварительно согласованных со старшиной кандидатур. Это и называлось «избранием». Потемкин в ордере «кошевому Чепега, войсковой старшине и всему обществу» от 2 июня 1790 г. относительно войсковых старшин Котляревского и Сутыки писал: «Первый в войсковые писаря, а второй в войсковые есаулы избран»³. Одновременно препровождались документы на право занятия указанных должностей. Утвержденные в должностях по согласованию со старшиной лица не подлежали переизбранию. Потемкин так и фиксировал в упомянутом ордере это положение, заявляя, что «не могут они уже переменены быть»⁴. Старшине оставалось только право подать жалобу на злоупотребления

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 64.

² Акты 1787—1791 гг., извлеченные из Кубанского войскового архива, сообщены Е. Д. Фелицыным, Одесса, 1897, стр. 6.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 72.

⁴ Там же.

или служебную непригодность назначенных в таком порядке должностных лиц.

Следующий документ объясняет состав «общества» старшин, участвовавших в выборах. Постановление от 7 января 1792 г. об избрании войсковым есаулом Василия Ниякого гласило: «Из общего войсковых полковников и атаманов приговору избран в таковые полковой старшина армии капитан Василий Ниякий»¹. Этот протокол был подписан кошевым Чепегой, войсковым судьей Головатым и скреплен печатью.

После переселения войска на Кубань порядок занятия должностей и управления принял более строгие и устойчивые формы. Правда, официальный документ — жалованная грамота от 30 июня 1792 г. определяла порядок управления войском в очень общих выражениях. По военной части войско подчинялось таврическому губернатору, которому должно было представлять двухнедельный рапорт «о благосостоянии войска и обо всех важных происшествиях»². Порядок внутреннего, «земского» управления должен был сообразоваться с «Учреждениями об управлении губерниями». Вместе с тем компетенцию войскового правительства составляли суд и наказание по маловажным преступлениям. Важных преступников следовало отправлять к таврическому губернатору для привлечения к ответственности по существующим законам. Несмотря на скупость вышеприведенного документа, можно сделать следующие выводы. Во-первых, требование привести управление войском в соответствие с учреждениями о губерниях не давало ни малейшей надежды на восстановление даже такого самоуправления, которым пользовалась Запорожская Сечь. Во-вторых, отсутствие указания на порядок замещения должностей и характер местной администрации допускалось правительством вполне сознательно. Признавая необходимым оставить некоторые формы самоуправления, существовавшие на Запорожье, правительство не могло, однако, санкционировать их в официальном законодательном акте. Это стало бы в противоречие с манифестом от 3 августа об упразднении Запорожской Сечи. Следовательно, негласно правительство допускало известные элементы самоуправления, сохранив при этом за собой свободу в любой момент привести их в соответствие с «Учреждениями об управлении губерниями».

Элементы самоуправления были обобщены и упорядочены в «Порядке общей пользы». Этот продукт законодательных погуг местной черноморской старшины на несколько лет определил устройство органов местного управления. Высшая власть в пределах войска вручалась войсковому правительству в составе кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря, которые, кстати сказать, и подписали указанный документ³. Основными звеньями

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 590.

² Короленко, Черноморцы, Приложение XXI.

³ Там же, Приложение XXVII.

управления войском являлись окружные правления, члены которых, во главе с окружным полковником, назначались и смещались войсковым правительством. Тот же документ предусматривал, что только куренные атаманы будут избираться казаками соответственного куреня сроком на один год. «Порядок общей пользы» был дополнен инструкцией для окружных правлений¹, составленной на основе «Устава благочиния и взыскания». Таким образом, в «Порядке общей пользы» было соблюдено и требование жалованной грамоты в области порядка управления, и было дано место элементам самоуправления в пункте о куренных атаманах. Самоуправление, таким образом, затрагивало лишь ограниченную часть низшей военной и административной сферы.

«Порядок общей пользы» был подвергнут неофициальной апробации. П. А. Зубов в письме Чепеге от 2 марта 1792 г. находил «Порядок» удовлетворительным и лишь советовал обзавестись комплексом государственных законов и получать юридическую консультацию у таврического губернатора.

Действовавшие в Черноморском войске порядки, однако, не укладывались в нормы «Порядка общей пользы» и инструкции окружным правлениям. Продолжал сохраняться принцип избрания старшины, существовавший до переселения на Кубань. Это явствует, в частности, из сообщения кошевого Чепеги, находившегося в польском походе, войсковому правительству от января 1795 г. Речь шла о выборах войскового есаула. От своего имени и от старшин, находившихся в походе, кошевой изъявил согласие на выбор есаула на два-три года остававшимся в Черномории «обществом». Под «обществом» подразумевались старшины штаб и обер-офицерских чинов, созываемые на совещания решением войскового правительства².

Просуществовавший некоторое время порядок избрания старшины на должности не может считаться признаком самоуправления войска на том простом основании, что право замещения должностей по выборам было признано лишь за старшиной, т. е. за лицами, произведенными к этому времени в офицерские чины и, значит, принадлежащими к личному или потомственному дворянству. А замещение должностей дворянством в органах местного управления соответствовало не только духу, но и букве «Учреждений об управлении губерниями».

Стремление запорожской старшины отгородиться от массы казачества и превратить должности в свою монополию, что проявилось отчетливо уже в период Новой Сечи, нашло свое разрешение в Черноморском войске. Право участия в выборах, утраченное казачеством, превратилось в право одной старшины, причем в форме словной феодальной привилегии.

Так выглядела черноморская «автономия», ставшая объектом

¹ Короленко, Черноморцы, Приложение XXVII.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 4.

восторга и сожаления со стороны обремененных сословными пред-
рассудками реакционных историков казачества.

Павел I вскоре после вступления на престол упразднил войсковое черноморское правительство, образовав вместо него войсковую канцелярию с правами губернского правления. Членами канцелярий назначались войсковой атаман, два офицера от войска, прокурор и генерал от правительства. На последнего возлагались обязанности первоприсутствующего. Дальнейшие узаконения имели целью унификацию управления казачьими войсками для всемерного приспособления их к интересам империи.

Управление Черноморским войском сосредоточилось, как видим, в руках определенной социальной группы казачества — старшины и офицерства, вошедших в состав дворянства. Элементы самоуправления сохранились лишь в куренях. Институт куренных атаманов, однако, просуществовал недолго. В начале царствования Александра I курени как военно-административные единицы были упразднены. В военном отношении войско стало делиться на полки. С упразднением куренных атаманов их функции были переданы сельским атаманам, также носившим название куренных. Характер местного (сельского) самоуправления не заключал никаких, с принципиальной стороны, оригинальных черт. Казачий курень (селение) в основном управлялся так же, как и станицы других войск или, если иметь в виду самые общие принципы, как казачество запорожских слобод, украинское казачество Левобережья и казенные крестьяне. Поэтому мы остановимся лишь несколько на положении куренного атамана, чтобы установить связь этого представителя сельской (куренной) администрации и в то же время агента высшей войсковой администрации, с определенным социальным слоем казачества.

Куренной атаман, по инструкции войскового атамана Котляревского от 18 декабря 1798 г., должен быть «примерно бывшим в войске Запорожском, вежливым, расторопным, разумеющим страх божий, страх государев и грозящие его законы, также воинскую службу и хозяйственное распоряжение»¹. Кандидат в куренные атаманы должен «быть из старшин и знаменитых казаков, семейственных и достаточных»². Это мотивировалось тем соображением, что «достаточные» не склонны к взяткам при нарядах казаков на службу. Таким образом, казачья беднота отстранялась от этой должности. Понятно, что это вызывало недовольство казачьей массой, и борьба вспыхивала неизбежно при каждом переизбрании куренного атамана. Документы сохранили слабый отголосок этой борьбы. Словами современника, старшины прапорщика С. Вороного, она изображена в таких чертах: на собрании казаков и старшины Переяславского куреня (селения) в январе 1799 г. «казак Савва Дрок, будучи наполнен неблагомыслием, на том выборе под-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 360.

² Там же.

писаться не соглашался, от чего и других казаков отвратил»¹. Когда Вороной попытался уговаривать Дрока, тот «разгорячась ругал его при многолюдном собрании всякими непристойными и чести вредительными словами»². На выборах куренного атамана в Нижнестеблиевском селении развернулась аналогичная картина. Казак Лукьян Нарежняк стал уговаривать своего сына Николая отстать от «неблагодарных» казаков, протестовавших по поводу выдвинутой кандидатуры. Повидимому, «увещания» старого Нарежняка отнюдь не носили деликатных форм, так как сын публично избил его³.

Куренные атаманы выдвигались богатым слоем казачества. Бывший запорожец-зимовничанин, крупный овцевод и скотовод Зуб, поступив в черноморцы, в 1791 г. был избран атаманом Джерелиевского куреня, кстати сказать, того, к которому он был приписан в свое время на Запорожье⁴. Нельзя усомниться в том, что должности сельских (куренных) атаманов всегда замещались экономически господствующей группой казачества. Порядок избрания куренного атамана, сложившийся в первые годы пребывания казачества на Кубани, в основном сохранялся в течение всего периода существования Черноморского войска. Классовая борьба в среде казачества кипела в середине XIX в. с еще большей силой, чем в конце XVIII в. 16 сентября 1848 г. наказной атаман генерал-майор Рашпиль разослал станичным правлениям циркулярное предписание о перевыборах станичной администрации в связи с оканчивающимся трехлетием. Требуя соблюдения правил при выборах, Рашпиль приводил такой «отрицательный» пример: в одной из станиц (где именно, умалчивается.—В. Г.) во время предшествующих выборов кандидатов на должность станичного атамана общество разделилось на две партии: чиновники желали одних, а казаки других кандидатов. Победили казаки, вследствие чего было избрано, по словам наказного атамана, «лицо неодобрительного поведения»⁵. Это явилось причиной кассации выборов и назначения новых. Менялись, как видим, эпитеты, употребляемые начальством по отношению к казачьему плебсу: старомодное «неблагодарные» было заменено новейшим «неодобрительного поведения», но существо дела оставалось.

В общественно-экономическом быту казачества куренные (сельские) атаманы играли крупную роль. Значение этих местных казачьих старост в жизни населения было неизмеримо большим по сравнению со значением старост, или голов «громзд» казаков Левобережной Украины, или обществ казенных крестьян. Это определялось общим положением казачества как воинского сословия и как пограничного населения.

¹ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72, л. 37.

² Там же, л. 87.

³ Там же, л. 37.

⁴ Там же, св. 18, д. 61, л. 1.

⁵ КГКИА, ф. 177, св. 4, д. 49, л. 1.

В руках куренного атамана был такой мощный рычаг влияния, как регулирование порядка отбывания службы и отправления всех вообще повинностей, что открывало возможности для злоупотреблений. Вот прошение Васюринского сельского общества. Содержание его таково. В 1797 г. общество избрало куренным атаманом старшину Ивана Тарановского, который «при бытности от прописанного времени по сие вел великие непорядки»¹. Тарановский не только растратил куренное имущество, но «сверх того по какому он умыслу берет с казаков взятки и от службы защищает, то же и в войсковых тягостях, чрез что они сносят в селении живущие немалое отягощение»². Общество просило войсковую канцелярию отрезать Тарановского от должности куренного атамана. К прошению был приложен список лиц, пострадавших от незаконных поборов Тарановского. Нет надобности приводить длинного и однообразного списка пострадавших и перечня вещей, перешедших к Тарановскому. Тут и синяя свита с поясом, взятая у казака Лукьяна Велегуры, и семь рублей, взятых у Остапа Гладкого, и 17 руб., и даже 50 руб., взятых у казака Михаила Петренко за освобождение от службы, и т. д. Но необходимо отметить, что подобные случаи не единичны и что такое положение существовало и в последующие десятилетия.

Злоупотребления представителей низших органов власти поддерживались высшей администрацией и приобретали характер бедствия, угрожавшего подорвать военную дееспособность казачества. Генерал Ермолов, обревизовав Черноморское войско, нашел в делах войсковой канцелярии «беспорядок, превосходящий всякое воображение...»³. В письме князю Волконскому от 18 ноября 1821 г. Ермолов нарисовал очень мрачную картину состояния войска: повинности между казаками распределяются неуравнительно, наряды казаков на кордонную службу проводятся помимо очереди, казаки, имевшие сильную руку в куренном управлении, находят дома, занимаясь хозяйством. «Злоупотребление, — писал Ермолов, — укрыло от службы несоразмерное количество людей»⁴.

Картина, контуры которой определяют результаты ревизии Ермолова, часто повторялась, меняясь лишь в деталях. Атаман генерал Заводовский в приказе от 9 ноября 1832 г. писал о злоупотреблениях, вскрытых следствием по делу Пашковской куренной администрации, — бывших куренных атаманов Голуба и Радченко, и судей Архипенко и Лебеда. Суть дела излагалась так. В 1831 г. атаман Голуб приказал малолетнему казаку Лашко приготовиться к выходу на службу. Лашко, по нездоровью, просил Голуба определить его вместо строя в гражданскую службу и поднес в качестве «подарка» четыре рубля, обещая позже внести в общество 100 руб. Позже в доме писаря Слепухи в присутствии казака Ле

¹ КГКИА, ф. 250, св. 16, д. 59.

² Там же.

³ Акты Кавказской археографической комиссии, т. VI, ч. II, док. 1020.

⁴ Там же, док. 1022.

бедя Лашко дал Голубу 60 руб. Но атаман потребовал увеличить сумму, и Лашко дал ему еще 48 руб. Помимо этого, Лашко некоторое время безвозмездно работал на хуторе Голуба¹. Далее следует длинный список злоупотреблений Пашковской куренной администрации.

Куренному атаману, как главе сельской администрации, принадлежало право составления казачьих списков. В главе о беглых приведены примеры того, как производилась приписка в казаки, таинство посвящения нелегального люда в черноморские «рыцари». Принимаемый в казаки беглец подбравался под чуприну и шел на хутор атамана батраком или оказывал ему другие хозяйственные услуги. В ордере Коша полковнику Гарадже от 4 мая 1790 г. было приказано разобрать казаков таким образом, «дабы оные готовы были к службе подачей могущественные на добрых лошадях в конницу, а убогие в пехоту с воинским прибором»². Не забудем, что классификация казаков по признаку «могущественные» и «убогие» также принадлежала куренному атаману. Понятно, какой широкий произвол эта функция закрепляла за атаманом и сколько злоупотреблений возникало на этой почве.

Все это полностью опровергает романтические представления Ф. Щербины. Сетуя на злоупотребления высших властей и считая куренного атамана защитником интересов казачества всего селения, Щербина писал: «Только в курене казак был полноправным. Куренная община действовала на началах обычного права, в основе же обычаев было выборное начало»³. Выборное начало, по мнению Щербины, ограждало казака от всех зол. Что это было, однако, совсем не так, мы имели возможность убедиться на основании вышеприведенных фактов.

Перейдем к краткой характеристике повинностей, отправлявшихся черноморскими казаками, и порядку их распределения. Род и виды этих повинностей в основном не менялись с начала существования войска. Кроме военной службы, о которой речь шла в своем месте, казаки отправляли так называемую внутреннюю службу. До переселения на Кубань, как можно видеть из рапорта И. Гараджи З. Чепеге от 24 сентября 1790 г., казачье население производило заготовку сена для войска и обеспечивало его транспортировку, доставляло в назначенные места дерево, канаты, предоставляло подводы для перевозки провианта, подвозило лес на постройку войсковой церкви, войсковых зданий и т. д.⁴

Крайне разорительной для массы трудового казачества была повинность воинского постоя. Если в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. тяжесть повинностей определялась их неустойчивостью и чрезвычайным характером, то после переселения на Кубань повинности подверглись стабилизации, что, однако, вовсе не

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² КГКИА, ф. 249, св. 10, д. 78, л. 289.

³ Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. II, стр. 83.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 10, д. 78, л. 14.

облегчило их. Казаки несли дорожную повинность, обслуживали войсковые заводы (конный и овчарный), суконную фабрику, мастерские, почтовую гоньбу и т. д.¹

Тяжесть повинностей ощущалась прежде всего низшими слоями казачества. В полосе, примыкающей непосредственно к берегу Кубани, все население должно было находиться в постоянной боевой готовности на случай нападения горцев. Оружие держал не только собственник, но и батрак, обязанный защищать имущество и жизнь хозяина. Требуя 23 августа 1793 г. от полковника З. Малого сообщить, «сколько у каждого хозяина будет сынов и работников», Чепега приказывал, чтобы «на всякого имели ружье и пики непременно»².

Одной из форм протеста против тяжелых повинностей было бегство. Уже в конце 90-х годов XVIII в. документы фиксируют случаи бегства из куренных селений с целью избавиться от непосильных повинностей. 6 марта 1799 г. в обращении к войсковому правительству Котляревский писал, что многие казаки «во избежание общенародных тягостей, оставляя куренные свои селения, переходят со всем своим семейством и имуществом для всегдашнего жительства в урочище, называемое Гривенну»³. Следует заметить, что Гривенная населялась бежавшими из-за Кубани горцами, которые, принимая русское подданство, освобождались от повинностей. Котляревский пытался воспрепятствовать стремлению казаков селиться в этой местности. Из его ордера от 1 декабря 1799 г. видно, что казаков слободы Гривенной удалось принудить дать обещание, под страхом выселения, отбывать повинности и, кроме того, собрать на постройку церкви «знатную сумму»⁴. Впрочем, казаки не выполнили своего обещания и, более того, при сооружении маленькой часовни «оказали разные грубости и ослушания, говоря тако: колы кому треба церкви, то нехай и строится, а мы больше жили без оной, тай доси живы»⁵. Через несколько дней казаки слободы Гривенной снова вынуждены были дать Котляревскому подписку о сборе необходимой суммы на постройку церкви и о выполнении всех повинностей⁶.

Принцип замены личной повинности посредством поставки наемников широко применялся и при отбывании внутренней службы. Такое положение сохранялось в течение всего дореформенного периода. Вот интересный документ — предписание смотрителю Незамаевского селения от 13 июня 1825 г., подписанное ассессором Вербицким. Речь здесь идет о предоставлении казакам, вернувшимся с

¹ КГКИА, ф. 251, св. 247, д. 607, лл. 11—34. И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 349.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 920.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 378.

⁴ Там же, док. 414.

⁵ Там же.

⁶ Там же, док. 416.

кордона, льготы от куренных повинностей. Тот, кто прослужил на кордоне год, освобождался от повинностей на два месяца, прослуживший полгода — на один месяц. Необходимости предоставлять льготу предписание давало следующее обоснование: «Такое уважение обществам не будет обременительно, а их (казаков, вернувшихся с кордона.— В. Г.) будет поддерживать в домашних их состояниях, кои гораздо меньше будут чувствовать расстройство или даже и разорение, ибо достаточные хозяева сами редко служат, а заменяют свою очередь другими средствами, а беднее их и еще одинокие (в тексте «одинакие». — В. Г.) всегда сами собою все повинности отправляют»¹.

Объяснение Вербицкого очень характерно. Богатое казачество, имевшее возможность посылать вместо себя на службу наемников или попросту откупаться, чрезвычайно ревниво относилось ко всяким льготам которые хотя бы в минимальной степени облегчали положение бедноты. Обычно бедняк, вернувшись из строя, тотчас же получал паряд на внутреннюю службу. Поэтому начальство, чтобы поддерживать способность среднего и бедного казачества к отбыванию службы, вынуждено было вмешиваться во внутреннюю жизнь курени.

Вот другой документ, рисующий положение казачьей бедноты в тот же приблизительно период времени. Это воспоминания черноморского старожилы А. С. Фоменко. Рисуя быт своего предка Алексея, Фоменко пишет: «В военные ряды он не употреблялся, зато нелегко было ему отбывать внутреннюю повинность через год по куреню или при войсковых учреждениях на всем своем иждивении. Особенно два года нужно было находиться при войсковой мельнице, бывшей в Екатеринодаре на р. Карасуне, где валялись сукна, выделываемые на казачьей фабрике близ Платиновского куреня. На фабрике этой работали сироты и вдовы, без всякого согласия туда посылаемые, которым выдавались от войска только продовольствие и одежда»².

В приказе смотрителя суконной фабрики от 14 августа 1826 г., направлении Незамаевской куренной полиции, читаем о том, что «назначенный из Незамаевского куреня в войсковую суконную фабрику на годичную службу для содержания караула при магазинах казак Андрей Гулай нанял Аврама Пономаренко»³. Приказ составлен в связи с болезнью Пономаренко и необходимостью замены его другим лицом.

Повинности по внутренней службе переводились на деньги и подлежали выкупу. Правда, документ, свидетельствующий об этом, относится к 1830 г., обнимая, таким образом, далеко не весь период существования Черноморского войска, но он очень выразителен. 7 февраля 1830 г. войсковая канцелярия составила подробный

¹ КГКИА, ф. 122, св. 1, д. 5, л. 81.

² А. С. Фоменко, Фоменко, его потомки и бытовая их жизнь, Екатеринодар, 1903, стр. 9.

³ КГКИА, ф. 122, св. 1, д. 7, л. 78.

ответ на запрос комитета, учрежденного для улучшения состояния Черноморского войска. В разделе «По хозяйственной части», после перечисления существующих натуральных повинностей, дана характеристика денежных повинностей. «Денежные же повинности, — гласил не вполне грамотно составленный ответ, — взыскание с казаков в каждом курене бывает во место годичной внутренней службе по 50, 75 и 100 рублей, каковых вспомогателей бывает от 20 до 40 человек и деньги собираемые употребляются на содержание почтовых лошадей, исправление пожарных инструментов, на канцелярские по куреню расходы... а казакам тем, кои вместо службы взносят деньги, дается свобода на один и два года смотря по числу взноса денег»¹.

В этом же деле содержатся рапорты от 43 куренных правлений на имя войсковой канцелярии со списками «вспомогателей» по куреням и с указанием внесенной ими суммы в куренную кассу за истекший 1829 г. В списках Дядьковского куреня, например, значится: «Семен Сашан дал пару волов в Екатеринодарскую крепость с возом стоящую на сумму 130 рублей, Тимофей Шелько и Борис Шашай справили тройку на воинскую почту лошадей, стоящую 200 рублей, Тимофей Хилько внес деньгами в общий доход 60 рублей, Иван Козел внес деньгами 100 рублей, которые и употреблены на постройку церкви и на разные по управлению надобности»². По некоторым куреням суммы «вспоможений» были довольно внушительны. По Марьинскому куреню было внесено 971 руб., по Полтавскому — 2184, по Березанскому — 1105, по Роговскому — 1127, по Каневскому — 1430, по Новомышастовскому — 914, по Тимошевскому — 815 руб. и т. д.³.

Приведенные факты можно дополнить еще одной деталью. От повинностей освобождались лица, отправляющие некоторые куренные почетные должности, как, например, церковного старосты и караульщики церковных зданий. Так как такие должности были очень соблазнительны, занятие их потребовало правительственной регламентации. По указу от 9 марта 1846 г. станичные общества могли избирать на эти должности только лиц, выслуживших после 25 лет отставку от строевой службы или имеющих анненский крест⁴. Богатое казачество не только посылало за себя наемников в строй, но пользовалось полной возможностью отбывать внутреннюю службу или поставкой тех же наемников, или путем денежного или натурального «вспоможения».

Весь внутренний строй Черноморского войска предоставлял богатому эксплуататорскому меньшинству казачества полную возможность уклониться от всех личных повинностей. Таким образом казачья «воля» приобреталась беднотой за весьма высокую цену.

¹ КГКИА, ф. 251, св. 247, д. 607, л. 33.

² КГКИА, ф. 132, св. 1, д. 7, л. 99.

³ Там же, лл. 73—190.

⁴ ПСЗ, т. XXI, док. 19809, изд. 1847.

2. Нравы черноморской старшины

Получая чины, а вместе с ними личное и потомственное дворянство, черноморская старшина превращалась постепенно в строго замкнутое сословие. Одним из главных условий вступления в состав старшины был имущественный ценз, ибо, как мы видели, лишь богатство позволяло ставить за свой счет наемников и тем самым достигать официальных отличий. Только позже круг старшины стал малодоступным для богатых казаков. Это произошло, впрочем, лишь в первой половине XIX в.

Бывшее запорожское и следующее за ним поколение черноморской старшины, получая чины и дворянство, быстро прониклись сословными предрассудками, культивируя грубые и жестокие, типично крепостнические нравы военной и гражданской администрации того времени. Бывшим запорожским богачам перестала импонировать, разумеется, и внешность запорожского казака. Войсковой атаман Тимофей Котляревский, бывший запорожец, сохранивший немалую дозу запорожского бытового консерватизма, с огорчением констатировал в ордере Екатеринодарскому окружному правлению от 23 апреля 1799 г., что многие старшины и казаки вопреки «древнему обряду повязывают шею галстухами, носят рубашки с большими воротниками и манжетами, сабли через шею на перевязи и в руках тросточки, да и на головах волоса отросши, подделали большие мужичьи чубы»¹. Котляревский запретил эти новшества, стараясь тем самым поддерживать запорожские традиции. Это, конечно, не достигало цели. Впрочем, такой консервации внешности запорожского казака был положен предел уже при Александре I, когда в Черноморском войске была введена форма одежды, сходная с формой армейских полков того времени. Живописные запорожские шаровары, красная или синяя свитка и чуприна удерживались некоторое время лишь в среде рядового казачества, заменяясь постепенно формой одежды и оружием, заимствованными, в частности, у ближайших соседей — закубанских горцев.

В психологии бывших запорожских старшин продолжали культивироваться сервизм и искательство, свойства, столь хорошо известные всему остальному дворянству. Запорожец старшина Федор Черненко в письме бывшему черноморскому кошевому Чепеге 28 сентября 1796 г. писал: «Всепокорнейше прошу моих родных двух сыновей Федора и Макара не оставить своей отеческой щедростью наградить чинами полковых хорунжих»².

В воинском строю и при отправлении внутренней службы бывший запорожский старшина, теперь офицер и чиновник, действовал не уступая ни в чем грубой и самоуправной администрации того времени. Бесчинства черноморской администрации обращали порой на себя внимание даже высшего начальства. Кошевой Чепега в

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 384.

² Там же, док. 145.

ордере полковнику Письменному от 9 декабря 1793 г. писал: «Известился я, что определенный вами на Долгой Косе за начальника старшина армии подпоручик Иван Радич приезжающим туда разного рода промышленникам и чумакам прошедшее лето и осень делал великие обиды яко то оборванием на главах волосов, боем, работою и взысканием с чумаков за что-то по рублю, по два и по три денег»¹. Чепега указывал Письменному на то, что слух об этих бесчинствах проник на территорию Донского войска и торговцы опасаются приезжать в Черноморию, из-за чего войско терпит нужду в хлебе и других товарах. Чепега предписал отрешить всех назначенных Письменным офицеров от должности и «понаставить одних только атаманов с простых и честных казаков», а также усилить личный контроль за деятельностью низшей администрации.

В докладном регистре Гражданской экспедиции от 15 октября 1798 г. содержится сообщение генерал-майора, шефа Суздальского мушкетерского полка, о том, что многие казаки беспокоят его письменными и словесными жалобами на обиды, чинимые разными казачьими начальниками. Характеризуя общее недовольство казаков действиями администрации, генерал-майор регулярных войск весьма определенно намекал на то, что «по древнему их распутному обычаю могут произойти от них (казаков.— В. Г.) дурные следствия... к нарушению общего спокойствия»². Напомним, что эти опасения высказывались под впечатлением незадолго перед тем подавленного «персидского бунта» (см. ниже).

Административные «подвиги» отдельных старшин приводили к массовому недовольству целых куренных обществ. В этом смысле очень характерно дело полкового есаула Ивана Гаркуши, начатое по жалобе казаков Калниболотского куреня в Гражданской экспедиции в 1799 г. Казаки так квалифицировали служебные «достоинства» Гаркуши, исполнявшего обязанности есаула Григорьевского окружного правления. Гаркуша «делает им крайнейшие и совсем незаконные притеснения, и ежели случится в селении какое воровство в скоте или в протчем, [и] по отыскании в том виновников принесена будет на злодеев ему жалоба, то [он] просителям никогда следуемого удовольствия не чинит и, сверх того, находясь по-частву в нетрезвом образе, выходя по начальству своему из совершенных границ, причиняет весьма непристойные качества...»³. Ниже эти «качества» есаула описаны так. В ночь на 17 марта 1799 г. Гаркуша вместе с полковым хорунжим Плохим пришел в дом сельского атамана казака Шаровары и избил последнего «без всякой малейшей вины... без пощады». Избитого Шаровару затем хотели бросить в реку под лед, но, передумав, внесли в избу сельского правления, заткнув предварительно ему рот рукавом свитки. В избе Шаровару избивали в течение всей ночи. Когда местный

¹ КГКИА, ф. 249, св. 25, д. 215, л. 55.

² КГКИА, ф. 250, св. 17, д. 60.

³ Там же, св. 22, д. 70.

священник пришел к правлению, чтобы причастить умирающего Шаровару, Гаркуша не впустил его в избу. На другой день казаки всем обществом освободили Шаровару. Полковой лекарь Пивницкий, осматривавший Шаровару, констатировал: «Голова на левой стороне виска пробита, где немалая рана»¹.

Небезинтересно в этом отношении и прошение казаков Щербиновского куреня, поданное Чепеге и изложенное в докладном регистре судебной-уголовной экспедиции от 3 января 1796 г. Казаки жаловались на начальника Григорьевского окружного правления полковника Кулика, который «делая у Кисляковском селении жителям несносные обиды и работою угнетение, так как бы владелцу своими поданными, занимая женщин вонну прять, лен терти, рубахи шити, индыки пасть»². Проезжая через селения, Кулик брал у жителей лошадей, на которых развлекался охотою на зайцев до тех пор, пока лошадь не падала. Кроме того, при отводе селению земли во время размежевания Кулик брал взятки³.

Старшины, пользуясь своим привилегированным положением, зачастую грубо нарушали права казачьей собственности. В 1796 г. казак Осип Смык возбудил иск против старшин поручиков Суймы и Самойленко, которые еще в 1791 г., когда Смык жил на балке Черненькой, Перекопского уезда, Таврической области, «забрали у него родом грабежа» две пары быков, пару волов, две коровы, два воловьих воза и другое имущество на сумму 218 руб.⁴.

Насилия сопровождалось безобразным самоуправством. Характерной фигурой, отнюдь не уступавшей Гаркуше и Кулику, был полковник Ейского окружного правления майор Иван Юзбаш, находившийся в близких отношениях с войсковым судьей А. Головатым и снискавший себе, вследствие этого, полную безнаказанность. Назначенный на должность 18 июля 1797 г., он уже в январе 1798 г. вынудил общество ейских казаков, во главе с атаманом Андреем Щуром, подать прошение войсковому атаману с ходатайством о смещении. Юзбаш, по словам казаков, неизменно находился «в веселом образе» и причинял жителям «тяжелые обиды и ругательства»⁵. В частности, он наказал киями атамана Андрея Щура, избил шестнадцатилетнего казака Тхоренко так, что «означенный Тхоренко и поныне не может прийти в первое бытие своего здравия»⁶. В другом случае этот рыцарь «веселого образа», «сидя под хатою на призде, усмотрел на дворе поющего петуха, велел часовому оного убить, который в скором времени не мог его поймать и за то Юзбаш не сменял с часов, яко неисправного в повеленном деле, положи, велел другим казакам бить киями до удовольствия своего, от которого побойо он, Черкасенко (часовой. — В. Г.),

¹ КГКИА, ф. 250, св. 17, д. 70.

² Там же, св. 9, д. 33.

³ Там же.

⁴ Там же, св. 12, д. 43.

⁵ Там же, св. 17, д. 60.

⁶ Там же, св. 12, д. 60.

одну неделю проболел»¹. Казаку Павлу Братусю, отправлявшему наряд при правлении, Юзбаш «велел всегда за собою урыльник в хате подчищать, кой от нестерпимого внутренностного смраду и к избавлению себя от оногo бежал»². Производивший расследование этого дела полковник Чепега в своем рапорте подтвердил жалобу жителей, добавив, что Юзбаш «при снятии посеянного хлеба делал притеснение перевозкою сена» и т. д.³

Следует заметить, что Юзбаш уже до назначения на должность ейского полковника упрочил за собой репутацию буяна и самодура, что, впрочем, не было пороком в глазах начальства. В декабре 1794 г. Юзбаш, будучи в то время полковником Фанагрийского окружного правления, избил полкового хорунжего Трофима Малого, находившегося в Тамани при установке артиллерии на гребной флотилии. Малый жаловался: «Иван Юзбаш, призвав к себе, ругал всяческими непристойными чести его вредительными словами пред многолюдным собранием и, наконец, приказал канонирам бить его киями»⁴. Несмотря на заступничество старшин Даниленко, Вареника и Муравья, Юзбаш дал Малому 250 ударов киями «и тем, причинил ему тяжелую обиду, увечье и синебагровые пятна»⁵.

От казачьих администраторов ничем не отличались и строевые начальники. Пренебрегая службой, они обычно возлагали все обязанности на нижних чинов. Пушкари Алексей Горб и Корней Жадан жаловались Чепеге 26 ноября 1796 г., «что некоторые из старшин не наблюдают своих должностей, а больше упражняются в промыслах, получают полное (жалованье.— В. Г.), а мы безотлучно исправляя должность без малейшего упущения при оной находимся, но от тех старшин и посмеяние имеем»⁶.

Уклоняясь от исполнения служебных обязанностей, старшины предпочитали заниматься более прибыльными делами. Войсковой есаул Гулик в рапорте атаману Котляревскому от 21 июня 1798 г. так характеризовал их служебное «усердие»: «Многие посвящают себя уединенности, а другие гонятся за барышами по торговому промыслу, чему примером поставляется и господин Похитонов, которого отрядили было в комиссию военного суда за аудитора, но он, притворяя себе болезнь, отказался... теперь же тысячу ведер поставляет горелки»⁷.

В своих злоупотреблениях черноморская старшина обнаруживала большую изобретательность. В числе «открытий» ее меркантильного гения была торговля сословными привилегиями. Об этом

¹ КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 60.

² Там же, св. 17, д. 60.

³ Там же, св. 12, д. 60.

⁴ Там же, св. 5, д. 19, л. 108.

⁵ Там же.

⁶ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 773.

⁷ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 326.

узнаем из дела «О самовольных присягательствах жителей г. Ейска на войсковую степную собственность», начатого в 1852 г.¹ Основное содержание этого дела раскрывает рапорт ейского окружного сыскаго начальника войскового старшины Бабченко наказному атаману генерал-майору Рашпилю от 28 июня 1852 г. По словам Бабченко, представители войскового сословия «пускаются на непростительные спекуляции»². Не желая быть голословным, Бабченко дал подробное описание злоупотреблений. Алчные черноморские старшины в погоне за наживой придумали способ извлекать доход из своего права на неограниченное пользование войсковой земельной собственностью. Вступив в соглашение с богатыми домохозяевами г. Ейска, они выдавали им охранные записки на определенный участок степи для сенокосения. Колоритной фигурой среди таких старшин, спекулировавших войсковой территорией, был хорунжий Прокофий Кривцов, который тайно заключил несколько договоров с ейскими горожанами на кошение сена в войсковой степи. При этом «арендаторам» предоставлялось право выставлять любое количество косцов и косить без ограничения срока. Требовалось лишь обязательное соблюдение одного условия: за каждый накошенный стог уплачивать Кривцову от трех и более рублей серебром, а натурой — третий или четвертый стог, которые он потом продавал. Так, было известно, что Кривцов берет подряды у заведующего почтовыми станциями Шейкина на поставку сена. Спекулируя войсковой степью, он взялся накошить для Серединобалковской станции 20 стогов сена по 50 руб. за стог.

Кривцов применял также метод отработок в собственном хозяйстве в качестве платы за траву, которую жители Ейска косили в войсковой степи. Все земледельческие работы на его хуторе, вплоть до уборки урожая, производились руками ейских горожан. Более того, на хуторе Кривцова паслись, под видом его собственных, стада овец, крупного рогатого скота и лошадей, принадлежащие городским жителям³.

Мало уступал Кривцову в спекуляциях войсковой старшина Галушка, действовавший обычно при помощи своего подрядчика мещанина Адаменко, который, кроме обычной спекуляции сеном, имел в Ейске кирпичный и черепичные заводы, построенные на имя Галушки. Так как наиболее дешевым видом топлива здесь было сено, то Адаменко и вошел в соответствующее его целям соглашение с Галушкой⁴.

От старшины не отступали в отдельных случаях и нижние чины. Яркой в этом отношении фигурой является урядник Прилепский. Он занимался спекуляциями через подставное лицо — богатого ейского мещанина Шубина.

Нужно заметить, что такое прибыльное дело, как спекуляция

¹ КГКИА, ф. 252, св. 214, д. 1440.

² Там же, л. 1.

³ Там же, л. 4.

⁴ Там же, л. 5.

сеном из войсковых угодий не могло укрыться от рысьих глаз известного черноморского спекулянта Посполитаки, организовавшего массовое сенокосение в Сладкобаевской падине¹. К своему рапорту войсковой старшина Бабченко приложил ряд документов, неопровержимо уличающих упомянутых старшин в спекуляции сеном из войсковых угодий².

Бабченко отметил в рапорте еще один любопытный момент. Черноморская старшина спекулировала не только сенокосными угодьями, но и землями, пригодными под пашни. Пионером и в этой области оказывался все тот же Кривцов³.

Как видим, черноморская старшина, торгуя своими феодальными привилегиями, взимала, по существу, с ейских мещан за эксплуатацию войсковых угодий докапиталистическую ренту. Такие спекуляции были возможны, как известно, вследствие привилегированного положения старшины. От подобной «аренды» наживались обе стороны, так как в качестве «арендаторов» выступала ейская буржуазия — торговцы и предприниматели.

В заключение необходимо заметить, что спекуляция войсковыми угодьями происходила как раз в тот период, когда из-за относительной земельной тесноты в станичных юртах урезывалась норма казачьего надела.

Черноморская старшина, успешно продвигаясь по лестнице дворянских привилегий, быстро совершенствовалась в «добродетелях» господствовавшей в империи класса. Екатеринодарский бытописатель 40-х годов XIX в. В. Золотаренко с грустью и иронией описывает местные нравы. Черноморские «чиновники», воспитывавшиеся в атмосфере грубости и невежества, с чувством величайшей спеси и презрения относились к «низшему» классу. Даже в церкви, замечает современник, перед лицом бога, они не хотели стоять рядом с простым народом, а помещались за особо устроенной перегородкой⁴.

---

¹ КГКИА, ф. 252, св. 214, д. 1440, л. 7.

² Там же, л. 10.

³ Там же, лл. 66—73, 168—174, 169.

⁴ Известия ОЛИКО, вып. IV, стр. 59—61.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СРЕДЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

1. ВОЛНЕНИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787—1791 гг.

Разложение феодально-крепостнической системы сопровождалось усилением классовой борьбы. Крестьянство России продолжало бороться за свержение крепостнического строя.

Усилились социальные противоречия и в среде казачества. Трудовое казачество, изнемогавшее под тяжестью военной службы, отбываемой в пользу феодального государства, терпевшее бесчисленные насилия и надругательства со стороны властей и старшины, беспощадно эксплуатируемое богатым казачеством, все чаще поднималось на борьбу против своих угнетателей.

Самой обездоленной частью черноморского казачества была серома. И без того тяжелое положение серомы еще больше ухудшалось во время войн, когда единственным средством ее существования оказывалось жалованье из казны в размере 12 руб. в год и провиант, а также заработная плата, получаемая от хозяев. Последнее, разумеется, относится лишь к той категории казачества, которая отправляла службу по найму, за других. Между тем, ни жалованье, ни провиант, ни фуражные деньги не выплачивались аккуратно. Это зависело не только от затруднений, обычных в то время для финансового хозяйства империи, но и от многочисленных злоупотреблений казачьей старшины, присваивавшей казацкое жалованье. Положение казачьей бедноты, получавшей жалкие гроши, осложнялось по временам тяжелыми казенными работами по постройке и оборудованию морской флотилии, по сооружению полевых укреплений, крепостей, по выгрузке и погрузке судов и т. д. Задержка жалованья, утайка его не прекращались, начиная с первых лет существования войска. Уже 13 июня 1788 г. Кош сообщал полковнику Савве Белому и старшине, что жалованье скоро будет

отпущено, «а до того пушай возьмут терпение»¹. В ответ на это Белый рапортовал 2 июля о бедственном положении казаков его команды. По словам Белого, большая часть казаков не имеет «самонужнейшей обуви и одеяния, чрез что другие имеющиеся несут невозможную тягость»². Доведенные до последней степени изнеможения, казаки часто бежали из войска. 16 июня, например, Кош в ордере капитану Курлянскому предписывал производить розыск казаков в окрестностях Херсона, так как «из сего Коша неоднократно чинят верные казаки побег»³.

Летом и осенью 1789 г. недовольство казачьей бедноты приняло форму массовых волнений. Поводом к волнениям послужило следующее. 22 мая войсковой судья А. Головатый, командовавший черноморской пехотой и флотилией, состоявшими в огромном большинстве из «голоты», получил от адмирала Воинова следующее распоряжение: отобрать команду казаков и на шести судах прислать ее в Очаков для снятия с затонувшего в море байдака материалов, предназначавшихся для Очаковской крепости. Распоряжение было выполнено, и казачья команда выгрузила военное имущество. Однако высшее начальство ограничилось присылкой грузчикам вина, обещанная же плата за работу выдана не была. Вслед за тем кошевой Чепега направил, по приказанию Потемкина, 500 казаков для сплава строительных материалов из Херсона в устье Ингула. Этой команде, выделенной из состава флотских и пехотных частей А. Головатого, было одновременно поручено поднять затонувшие турецкие суда и грузить артиллерию на корабль «Мученик Леонтий». Прибыв к месту назначения, команда отказалась выполнять работу. Ее начальник полковой старшина (фамилия неразборчиво) рапортовал Головатому, что 2 июля он с командой явился к офицеру, заведывавшему работами, и получил приказание нагружать байдаки лесом и сплавать в устье Ингула, однако команда отказалась выполнять это распоряжение. Казаки заявили: «Мы де в такой работе никогда не были и не хотим быть». Старшина добавлял, что казаки «збунтовавшись, зачали расходиться и уже малая часть останеся и те также совсем намеревают отходить»⁴. Из 500 человек с трудом удалось удержать около 300.

П. П. Короленко, описывая эти события, отмечает, во-первых, страшную нужду казаков, которые не только голодали, не получая жалованья и провианта, но и страдали без обуви и одежды; во-вторых, на работы назначались не конные казаки, находившиеся в лучшем положении, а пешие. Пытаясь осмыслить происшедшее, П. П. Короленко заявляет, будто причина недовольства казаков заключалась в том, что свободолюбивым запорожцам претил тяжелый труд грузчиков: они еще не забыли вольного Запорожья и

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 50.

² Там же, док. 45.

³ Там же, док. 52.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 6, д. 38, л. 2.

тяготились тем, что их превратили из воинов в работников¹. Такой вывод, разумеется, не может претендовать на серьезность.

В августе недовольство казаков стало выражаться уже в более активных формах. Ближайшим поводом к этому была попытка кошевого начальства провести некоторые изменения в военно-административной структуре войска. Было предложено ввести в полках деление на сотни, избрав сотников из числа «надежных и добрых казаков». К сожалению, бедность документальных данных не позволяет сколько-нибудь полно осветить этот вопрос. Известно лишь, что эта реформа вызвала волнения в двух пехотных пятисотенных полках, находившихся под командой старшин Белого и Порохни. 14 августа старшины донесли Головатому, что, получив 12 августа ордер Коша о выборе сотников, они созвали на сходку куренных атаманов, где и объявили распоряжение. Два атамана Брюховецкого и Роговского куреней заявили протест. Они, по словам Белого и Порохни, «объявили, что мы де к тому выбору не приступим и если оные выбранные будут, служить более в сем войске не будем, и сие делают всем возмущение»². Головатый велел наказывать строптивых атаманов киями.

Из письма Чепеги Головатому от 3 сентября узнаем, что казаки пехотной команды присылали к нему своих депутатов с жалобой на то, что за целый год они не получали жалованья, вследствие чего не имеют возможности купить обуви и одежды. При этом, добавляя Чепега, казаки заявляли, «что ежели в скорости жалованье в раздачу производимо не будет, то принужденными себя находят, оставя службу, бежать, куда заспособнее»³. По словам Короленко, недовольство распоряжением о выборе сотников и задержкой жалованья охватило всю пехоту. Казаки собрались на раду и постановили сменить кошевого Чепегу, выбрав другого атамана⁴. Не решаясь, однако, сделать это ввиду военного времени, они обратились к Потемкину с просьбой сместить Чепегу. Просьба казаков, следует отметить, была облечена в корректную форму, о чем можно судить по письму Потемкина Чепеге от 29 июля 1789 г. «От всего Коша верного войска Черноморского,— писал Потемкин,— пришло ко мне известие, в котором они, отдавая всю справедливость вашей службе и достоинствам, изъясняют, что старость лет и раны ваши не оставляют вам сил, потребных к отправлению тягостного звания кошевого атамана. Они просят избрания нового»⁵. Потемкин ставил вопрос о смене Чепеги в зависимость от воли последнего. Чепега предпочел сохранить должность кошевого за собой.

В октябре месяце в тех же полках Белого и Порохни, а также

¹ Куб. сб., т. VIII, стр. 58.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 185.

³ Там же, док. 192.

⁴ Куб. сб., т. VIII, стр. 60.

⁵ Бумаги Потемкина (1788—1789), стр. 215.

в полку Малого начались волнения, вызвавшие сильное беспокойство старшины. Де-Рибас приказал трем указанным полкам переправиться на правый берег Днестра и, остановившись у Могилы, ждать дальнейших распоряжений. Полки были переправлены. Но когда 7 октября полковники приказали двинуть артиллерию вперед, казаки отказались повиноваться. В рапорте Чепеги от 9 октября Малый и Порохия так изобразили происшедшее. Казаки не только отказались двинуть артиллерию, но и захватили весь обоз. Полковники, взяв два знамени, отошли в сторону. Казаки отняли знамена и заявили, что без жалованья и провианта служить не будут. К пехотинцам присоединились канониры, заявившие, что, при неудовлетворении требований, и они бросят орудия¹. Из рапортов всех трех полковников Головатому от 8 октября выясняются дополнительные данные. Казаки выставили караулы, чтобы никого не выпустить из лагеря, и отправили к кошевому Чепеге депутацию в составе приблизительно 50 чел. Казак Джерелиевского куреня Роман Мазур со своими товарищами, «взбунтуясь», избил хорунжего Савву Юшку². Как видно из черновой рапорта полковника Давида Белого Головатому, полученного 8 октября, возмущившиеся полки пытались уйти от старшин в неизвестном направлении. По словам Белого, трое из состава депутации, отправленной к Чепеге, казак Титаревского куреня Семен Великий и двое других, явились к нему и заявили, что Чепега велел всей команде следовать далее, к Могиле. При этом добавили, что депутация отправлена также к Потемкину с жалобой на Чепегу. Белый, не имея письменного распоряжения от Чепеги, отказался двинуться вместе с командой. Тогда казаки, «взяв самоправно вверенные мне войсковые знамена и артиллерию, пошли неизвестно куда... итак,— добавлял Белый,— я ныне остаюсь почти арестованным»³. Дальнейшие подробности неизвестны, но ясно, что протест кончился на этом в ближайшие дни. Тот же Белый 26 октября рапортовал Головатому, что два казака — Дмитро Шелест и Ярема Бугаенко — «намеривали опять возобновить бунт», но, по его распоряжению, были наказаны «телесно». Одновременно Белый просил отстранить от должности есаула Прокопа Чайку, который «за такими бунтовщиками имеет поблажку да сверх того и совет свой к тому же оным подает»⁴.

Напуганное начальство выдало часть жалованья, однако не звонкою монетою, а ассигнациями. Выдан был и провиант, но в виде гнилой пшеницы и турецких сухарей, негодных к употреблению. 5 и 6 ноября Давид Белый продолжал сообщать о недовольстве казаков. Начальство действовало решительно: отдельные казаки, призывавшие своих товарищей к выступлению или даже высказывавшие тень недовольства, немедленно брались под караул. Протест из попыток к активному выступлению снова превращался

¹ КГКИА, ф. 249, св. 6, д. 38, л. 14.

² Там же, л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 18.

в бегство из полков. Белый заключал свое донесение сообщением, что многие казаки его полка «побег чинят»¹.

Положение не изменилось и в последующие годы. В среде черноморской пехоты, которая продолжала выполнять тяжелые работы без жалования и провианта, волнения не прекращались. Потемкин в ордере Чепеге от 12 марта 1790 г. писал, что «войска Черноморского казаки многие, вышед из послушания начальства, никакой работы не производят, и час от часу умножая своевольство угрожают умертвить майора Гайоса, а притом первых мастеровых намереваются бить и разграбить их имущества за то, если они работать будут»². Потемкин приказал отправить старшину для расследования этой своеобразной забастовки казаков. 16 мая 1791 г. де-Рибас приказывал Чепеге произвести расследование по поводу «беспорядков» в команде Давида Белого, грозя сместить кошевого атамана за неспособность справиться с сопротивлением казаков³.

Начальник пеших черноморской команды, заготовлявшей строительные материалы в молдавских лесах, полковой хорунжий Илья Бабенко в рапорте Головатому от 30 января так изображал положение команды: казаки «как поступили с октября в работу, ободрались и обтопталась совсем, голые и босые остались, ибо четвертый месяц не получают заработных денег»⁴. 27 и 28 января, продолжал Бабенко, команда отказалась выйти на работу.

2. ВОЛНЕНИЯ 1797—1799 гг.

Высшей точки классовая борьба серомы достигла летом 1797 г. Выступление казаков, получившее название «Персидского бунта», представляет немаловажный интерес, так как проливает свет на положение основной массы казачества в самом конце XVIII в. и на те средства и методы, которые оно применяло в своей борьбе.

Обстоятельства, предшествовавшие выступлению казаков летом 1797 г., таковы. В начале 1796 г. Черноморское войсковое правительство получило распоряжение выслать в армию, направляющуюся в персидский поход, два казачьих полка. К концу февраля приготовления к выступлению в поход были закончены, и 1 марта из Екатеринодара выступили два пехотных пятисотенных полка. Они направлялись через Усть-Лабинскую крепость в Астрахань. Командование полками было поручено, по предложению П. А. Зубова, войсковому судье А. Головатому, отличившемуся в морских и сухопутных боях во время прошлой русско-турецкой войны. 10 апреля полки прибыли в Астрахань⁵ и остановились лагерем на левом

¹ КГКИА, ф. 249, св. 6, д. 38, л. 21.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. III, док. 59.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. II, док. 397.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 20, д. 171, л. 4.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 189, 190 и др.

берегу Волги. Черноморцев заставляли выполнять без всякой платы частные работы по приказанию главнокомандующего графа В. Зубова и других начальников. В результате лишений среди казаков начались болезни.

В мае казаков перевезли в Баку, и с этого времени черноморская пехота сражалась против персидского войска. Военные действия, как известно, шли вяло, хотя по временам отдельные стычки отличались большим ожесточением. В боях черноморцы проявили исключительное мужество, находчивость, ловкость и выносливость. В периоды между боевыми действиями казаки выполняли трудные работы: поднимали из воды затонувшие суда, заготавливали в лесах строительные материалы, складывали в кучи соль, занимались погрузкой и разгрузкой судов и т. д. За работы они не только не получали обещанного вознаграждения, но еще всячески обкрадывались своей старшиной при выдаче продовольствия, жалованья и пр.

Непосильный труд и издевательства со стороны начальства побуждали казаков обратиться к старому средству — бегству из войска. 24 августа полковник Великий рапортовал Головатому с о. Сары, что, по донесению старшины С. Чернолеса, командированного с отрядом на Тальшинский берег для рубки леса, ночью 20 августа бежало несколько казаков. В целях предупреждения он сообщил об этом своему коллеге, начальнику другой команды С. Порохне, от которого узнал, что и у него бежало несколько казаков. На другой день ночью из команды Чернолеса снова бежало несколько казаков¹. А ночью 19 и 20 августа, по донесению Порохни, 39 казаков бежали со всем воинским снаряжением. При этом один из задержанных, Орленко, на допросе показал, что казаки бежали под влиянием слухов о том, «якобы в Грузии собирается казачье войско с каким-то кошевым Растрепою»². Через месяц, 27 сентября, Головатый рапортом Чепеге в Екатеринодар сообщил некоторые подробности этих происшествий. По его словам, слух о Растрепе был распушен чумаками, перевозившими армейский провиант. Они рассказывали, что под начальством Растрепы находится до восьмисот казаков³. Тут же Головатый сообщил, что бегство 39 чел. из команды Порохни должно быть объяснено агитацией казака Сергиевского куреня Онисия Козыря, который заимствовал слух о Растрепе от донского казака, курьера, приехавшего из армии к тальшинскому хану. Беглецы, не зная дороги в Грузию, разделились на две группы и скитались в Тальшинских горах, питаясь дикими грибами и яблоками. Позже они стали нападать на имения местных феодалов, о чем Головатому сообщил дружественный России тальшинский хан Мустафа. Головатый отрядил погоню и поймал 10 беглецов. В заключение Головатый прилагал список непой-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 219.

² Там же, док. 218.

³ Там же, док. 225.

манных и просил принять меры к их аресту. На этом кончаются сведения о «кошевом» Растрепе. Надо думать, что бегство в Грузию не ограничилось несколькими десятками казаков. Не менее вероятно, что в Закавказье бежали с Кубани и позже, хотя черноморский архив и не сохранил об этом никаких данных. Высказанное предположение поддерживается любопытным известием. Лебединец, автор заметки «Следы поселения запорожцев в Сванетии», утверждает, что, кроме общих упоминаний в литературе о бегстве запорожцев в Вольную Сванетию, существуют конкретные данные. Князь Сванетии Кукансин Дадешкалиани устно сообщил о своих наблюдениях над жителями трех обществ Вольной Сванетии, которые говорили, что являются потомками выходцев с Кубани. Внешнее сходство их с украинцами и типами запорожцев на картинах поразило Дадешкалиани. Из обычаев их он помнит, впрочем, лишь привычку подбривать вокруг голову и распускать по бритому чуб.

В мае 1797 г., по окончании войны, черноморцы были двинуты на Кубань. Из 1001 человека, отправленного на войну, домой вернулось 504. Остальные погибли в боях, умерли от болезней или пропали без вести. Возвращение казаков сопровождалось не меньшими лишениями, чем отправление в поход. 22 июля черноморцы под начальством полковника Чернышева, заменившего Головатого (умер 28 января), вступили в Екатеринодар.

В начале 1797 г. умер кошевой атаман Захарий Чепега. На его место старшина выдвинула в кошевые находившегося в походе А. Головатого, о смерти которого еще не знали в Екатеринодаре. Обязанности кошевого атамана исполнял войсковой писарь Т. Котляревский, должности же двух остальных членов войскового правительств исполняли войсковой есаул Мокий Гулик, зять умершего Головатого, и войсковой полковник К. Кордовский. В момент возвращения полков из похода Котляревский и Гулик находились в Тамани, инспектируя войсковую флотилию. Оставшийся в Екатеринодаре К. Кордовский организовал, по принятому обычаю, церемонию встречи возвращающихся из похода полков. Официальные документы, составленные Кордовским непосредственно под впечатлением событий 22 июля и последующих дней, показания Котляревского, почерпнутые из вторых рук, отзывы других старшин и официальные объяснения войскового правительства, дававшиеся в разное время, рисуют следующую картину.

Полковник Кордовский во главе группы старшин и куренных атаманов приветствовали вернувшиеся полки при входе в крепость, у башни. Вблизи войскового собора, стоявшего посреди крепостной площади, казаков встретило войсковое духовенство во главе с войсковым протоиереем Порохней. Духовенство и старшина вошли в собор, где были отслужены литургия и благодарственный молебен. По окончании богослужения полковник Чернышев, выйдя из собора, поблагодарил казаков за службу, сдал в церковь два полковых штандарта и другие военные регалии, а затем, подойдя с Кордовским и другими старшинами к казакам, приказал им рас-

ходитья по куреням. Но казаки отказались выполнить распоряжение Чернышева. «Вдруг, — рапортовал Кордовский Котляревскому на другой день, — обоих полков казаки, окружа меня и полковника Чернышева с старшинами, закричали свирепым образом: Не идемы в курени пока не удовлетворите нас за все обиды, претерпенные нами в персидском походе»¹.

Старшины решили «смягчить» казаков. Они стали их уговаривать прекратить протест ради торжественного дня и разойтись по куреням. Начальство стремилось прежде всего разъединить казаков, развести их по куреням, т. е. разделить пятьсот казаков на сорок частей и удалить их с площади. Кордовский и другие предложили казакам подать ходатайство о своих требованиях в обычном порядке войсковому правительству, но не теперь, а на другой день. Однако казаки отказались исполнить это². Воткнув копыя в землю и поставив мушкеты в линию, они выставили караулы. В таком положении казаки находились остаток дня и всю ночь.

На другой день, 23 июля, около 10 часов утра группа казаков в пятнадцать человек явилась в войсковое правительство и подала прошение об обидах от имени всех участников похода. Старшины решили еще раз попытаться развести казаков по куреням. Кордовский, выйдя со старшиной на площадь, снова стал уговаривать казаков, предлагая выделить для ходатайства перед правительством об обидах любое количество представителей. В ответ на это казаки настойчиво и единодушно заявили: «Мы не бунтуемся и в курени не пойдем, а будем дожидаться приезда войкового писаря (Котляревского. — В. Г.), пусть тот нам доставит удовольствие»³.

Через два дня в Екатеринодар вернулся Т. Котляревский. По его собственным словам, он также старался «согласить (казаков. — В. Г.) разойтись по куреням, ради удобнейшего их усмирения». Он предложил отдохнуть в куренях три дня, а потом отправиться «по домам для заработков»⁴. Относительно поданной просьбы Котляревский стремился уверить, что она будет со всей справедливостью рассмотрена войсковым правительством. Все эти увещания делались, по словам Котляревского, «самым ласкательнейшим образом». Метод действий Котляревского имел успех. Ближайшая цель, к которой стремилось начальство, была достигнута: казаки, которые простояли на площади три дня, разошлись по куреням.

Во время переговоров с казаками Котляревский обещал им выдать на три дня провиант. Но обещание выполнено не было. В обращении к войсковому правительству 5 августа и в позднейших заявлениях Котляревский объяснял невыдачу провианта войковыми интересами. В действительности же, удалив казаков с площади, Котляревский решил принудить их голодом оставить Екатеринодар.

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 426

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, док. 429, 453.

Волнение однако не улеглось. Разойдясь по куреням, казаки разделились на две части. Около двухсот человек отправилось, по словам Котляревского и других официальных источников, «по войсковой земле для приглашения к какому-то розыску всех казаков собраться в Екатеринодар»¹. Остальные триста человек остались в городе. Расположившись в куренях, они стали самовольно распоряжаться продовольствием из войсковых запасов. Казаки ходили по Екатеринодару, приглашая городских казаков, не участвовавших в походе, примкнуть к ним. Они вели агитацию против старшин и куренных атаманов, избранных в их отсутствие куренными обществами в июне месяце на годичный срок, и выражали намерение заменить их своими кандидатами. Волновавшиеся казаки принимали меры военной предосторожности: на ночь у куреней и крепостных ворот они выставляли свои караулы.

При создавшейся обстановке войсковое начальство решило действовать на казаков через низшую администрацию, т. е. куренных атаманов с тем, чтобы удалить их из города. 5 августа войсковое правительство послало куренным атаманам специальный указ, в котором предписывалось под страхом строжайшей ответственности удалить казаков из города, а при попытках сопротивления арестовать зачинщиков и представить в правительство. Одновременно куренные атаманы совместно с сельской куренной администрацией обязаны были разыскать и арестовать тех казаков, которые разошлись по войсковой территории для агитации. Опасаясь, что агитация может иметь успех, правительство демагогически объявило куренным обществам, что в своих претензиях они могут ходатайствовать в обычном порядке, подавая соответствующие просьбы. Вместе с тем разбор прошения от 23 июля, поданного волновавшимися казаками, все откладывался. Правительство ограничилось обещанием решить его «по справедливости» и решение опубликовать соответствующим указом².

Не надеясь справиться с движением собственными силами, войсковое правительство стало апеллировать к верхним слоям казачества, предполагая, естественно, найти в них опору против «бунтовщиков». Эту тактику с полной откровенностью раскрыл Котляревский в письме от 5 августа войсковому есаулу М. Гулику, которому предписывалось во время объезда войсковой территории не только арестовывать агитаторов, но и внушать куренным сельским обществам, что они не должны слушать агитаторов, принимать их и примыкать к движению. Уговаривая куренные общества, Гулик подчеркивал, что «возмутители есть все без изъятия холостые и из забродчиков»³. Котляревский развивал эту же мысль, но другими словами. Он заявлял, что семейному, хозяйственному ка-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 429, 453.

² Там же, док. 429, 430.

³ Там же, док. 431.

зачеству не по дороге с казачьей серомой и что, поддаваясь агитации серомы, семейное казачество скомпрометирует себя в глазах правительства («останется вся вина на старых заслуженных и жительство находящихся старшин и казаков») ¹.

Совершенно ясно, таким образом, что самыми активными участниками волнений были казаки-серомахи, терпевшие тяжкий гнет как в мирное, так и в военное время.

Предпринимаемая меры предосторожности с целью изъятия наиболее активных участников волнений и изоляции их от остальной массы казачества, правительство в то же время старалось дискредитировать как форму, так и содержание прошения от 23 июля. Дело в том, что это прошение было адресовано не войсковому черноморскому правительству, а «Черноморскому войсковому обществу». Признавая такую форму обращения незаконной, Котляревский потребовал изменить ее соответствующим образом. Не соглашаясь также с содержанием прошения, находя его неосновательным, он потребовал написать его «порядочно» и командировал к казакам, оставшимся в городе, капитана Мигрина, который в качестве секретаря должен был дать такую редакцию претензиям, которая могла быть признана «порядочной». Казаки согласились изменить форму обращения и переадресовали прошение на имя войкового правительства. Убеждения же Мигрина изменить содержание прошения были ими отвергнуты.

Исправив форму обращения, казаки отрядили группу своих товарищей, которые вручили правительству вторую редакцию прошения.

С этого момента все официальные документы начинают уделять огромное внимание особенно двум казакам — Дикуну и Шмалько. Они признаются самыми влиятельными предводителями казаков. При подаче прошения Дикун и Шмалько вступили в объяснение с Котляревским и «причинили несносные грубости» ². Котляревский отдал распоряжение арестовать их. Дикуну и Шмалько отвели на войсковую гауптвахту. Весть об этом немедленно долетела, разумеется, до казаков. Сначала около ста, а потом и все триста казаков бросились на тюрьму. Они освободили арестованных своих предводителей и «торжественно», насмехаясь над старшиной, отправились в курени.

Войсковое правительство продолжало разбор прошения от 23 июля и, признавая его, как и раньше, несостоятельным, потребовало представить дополнительные обвинительные материалы. Оно выдвинуло от себя десять пунктов, предлагая волновавшимся дать объяснения. 2 августа казаки подали рапорт, подробно отвечая на пункты. По ходу следствия правительство стало вызывать отдельных казаков и старшин для показаний, понуждая допрашиваемых приносить присягу. Все это отнюдь не содействовало успокоению

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 431.

² Там же, док. 453.

недовольных. Предводительствуемые Дикунем и Шмально группы казаков появлялись на крепостной площади у церкви, у здания войскового правительства. У церкви группа казаков кричала: «Что де паны за панями делают поноровку, закрывая виноватых, судят несправедливо, почему казаков приводить к присяге не должно»¹. Казаки воспрепятствовали приводить допрашиваемых к присяге и настойчиво требовали немедленно удовлетворить претензии, изложенные в прошении.

Не имело успеха и распоряжение правительства от 5 августа, предписывавшее куренным атаманам насильственно удалить казаков из города «для заработков». Изгнанные из одних куреней, казаки переходили в другие. Наметились определенные пункты, откуда исходило влияние, организующее движение. Такими пунктами стал Васюринский курень, к которому принадлежал Дикун, и Незамаевский, где находился Шмально. Тут велась агитация, обсуждались планы действий. Однако представить конкретно деятельность этих очагов протеста не представляется возможным. Официальные авторы, ограничиваясь скудными замечаниями, заявляют лишь, что Дикун и Шмально пользовались большим влиянием: казаки относились к ним, «яко к своим начальникам»². Нет также возможности заключить описанные события в строгую хронологическую сетку. Известно лишь, что они происходили между 22 июля и 5 августа включительно. Энергия протеста, накапливаясь постепенно, разрядилась 6 августа. В этот день произошло то, что впоследствии получило официальное название «Персидского бунта».

События 6 августа представляются в таком виде. В этот день в Екатеринодаре была ярмарка, на которую съехалось несколько сот казаков из куренных селений. Войсковое правительство, не без оснований предполагавшее, что волнующиеся казаки используют обстановку для вовлечения приехавших казаков в движение, решил перейти к энергичным мерам. Котляревский приказал войсковому пушкарю прапорщику Голеновскому с командой канониров в 10 человек взять под стражу Дикуну и Шмально и доставить их в правительство якобы для объяснений³. Несомненно, Котляревский решил вторично арестовать казацких предводителей с тем, чтобы обезглавить движение. Но тут произошло то, что и должно было произойти по логике событий. При появлении команды вооруженные казаки «с большим ругательным криком» и с оружием в руках выбежали из куреней. Арест Дикуну и Шмально стал невозможным. Затем вооруженные казаки отправились на ярмарку, обращаясь к приехавшим на торг с призывом присоединиться к

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 453.

² Там же.

³ Там же.

ним. Приехавшие на ярмарку, а также городские казаки, не участвовавшие в походе, объединились с «персиянами» (участниками персидского похода). Котляревский с группой старшин отправился на ярмарочную площадь уговаривать казаков разойтись и одновременно двинул против них команду под начальством капитана Белого, которая была заранее сформирована Котляревским из казаков, снятых с кубанского кордона. Правительство предполагало при ее помощи произвести «усмирение»¹. Котляревский вел дело к кровавой развязке. Но планы усмирителя рухнули. Казаки Белого присоединились к восставшим, проявив «свирепость» по отношению к старшинам и Котляревскому². Часть казаков бросилась на старшин и стала избивать их.

Очевидец, прапорщик Семен Щербина, в мае 1798 г. в своем объяснении войсковому правительству так освещал события 6 августа. Котляревский сначала отправился не на ярмарочную площадь, а к куреням. Казаки же с громким криком бежали к Васюринскому и Незамаевскому куреням, призывая на помощь своих товарищей. Они бежали с пиками и ружьями, заряжая их на ходу, и, «собравшись до немалого количества, выходили за крепость», т. е. на ярмарочную площадь³. Котляревский со старшинами последовали за ними, продолжая уговаривать казаков прекратить противозаконные действия. Характеризуя участников ярмарки, рассказчик утверждает, что они приехали «по приглашению бунтовщиков с ближайших мест, якобы на ярмарку»⁴. Казаки избили четырех старшин. Шмалько гонялся с пикою за полковником Иваном Чернышевым, намереваясь заколоть его, но споткнулся, упал, сломал пику и ударил обломком Чернышева в спину. Старшине Тимофею Еремееву казаки разорвали на спине верхнее платье. Евтихия Чепегу и поручика Шелеста ранили пикою в голову. В указе войскового правительства от 27 января 1798 г. этот список потерпевших и подробности избиения значительно расширены. Так, казаки не только пробили голову поручику Шелесту, но и рассекли руку до кости, вывихнули руку прапорщику Голеновскому, подпоручика Белого не только избили, но «сделали кровавый знак по брюху (кой умре)». Прапорщик Авксентьев, за которым гонялись с пиками, едва избежал смерти, скрывшись в церкви. Полковых есаулов Белого и Стояновского казаки, поймав, угрожали избить и заставили отдать свои сабли⁵.

Остальные старшины вместе с Котляревским бежали с площади. Семен Щербина, сам Котляревский и другие заявляли, что казаки намеревались убить войскового атамана. На другой день, 7 августа, в рапорте генерал-майору фон Спету Котляревский ут-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 453

² Там же.

³ Там же, док. 454.

⁴ Там же.

⁵ Там же, док. 448.

верждал, что, избивая старшин, казаки «и меня, иская удобного случая, намеревались в смерть убить»¹. В документах, составленных во время судебного процесса, выяснилась еще одна деталь. Котляревский пытался разогнать казаков артиллерией. Он отдал приказание выкатить пушку². Впоследствии этот момент фигурировал в доводах обеих сторон. Казаки утверждали, что Котляревский велел зарядить пушку и готовился стрелять в них и будто бы эти действия атамана принудили их выйти за город. Со своей стороны Котляревский утверждал, что пушка не была заряжена и его распоряжение преследовало лишь цель устроить казаков и тем заставить разойтись.

Разогнав старшину, казаки вышли за город, к кладбищу, и расположились там лагерем. Власть войскового правительства и всей официальной администрации в Екатеринодаре была парализована. По словам Котляревского, он, «спасая свою жизнь, удалился в Усть-Лабинскую крепость, яко ближайшее прибежище», под защиту местного коменданта подполковника Белецкого³. Он поступил так же, как и его старший запорожский предшественник — кошевой Петр Калнишевский в 1768 г., спасшийся, как сказано выше, от восставшей серомы в Новосеченском ретраншементе. Котляревский обратился к Белецкому с просьбой двинуть в Екатеринодар на усмирение казаков часть гарнизона крепости. Комендант отказался удовлетворить эту просьбу, так как в его распоряжении была лишь часть Суздальского мушкетерского полка, охранявшего Кубанский кордон от Казанского редута до Изрядного источника, а снять их с границы без разрешения высшего начальства он не решался. Тогда Котляревский обратился с такой же просьбой к генерал-майору фон Спету, командиру Вятского мушкетерского полка, следовавшего мимо Усть-Лабинской через Черноморию. Фон Спет отдал приказ двинуть к Екатеринодару часть своего полка, две роты Суздальского полка и две сотни донских казаков.

Лагерь казаков под Екатеринодаром просуществовал до 9 августа. Численный состав его определяли по-разному. В рапорте фон Спету от 7 августа Котляревский исчислял количество вооруженных, вышедших за город, приблизительно в 500 человек⁴. В рапорте полковнику Пузыревскому от 8 августа он говорит уже о тысяче человек⁵. То же число упомянуто и в указе правительства от 27 января 1798 г.⁶ Другие, например Кордовский, определяют количество вооруженных словами: «Более пятисот человек», «до немалого количества» и т. д.⁷ Войсковой есаул Мокий Гулик, оставшийся в Екатеринодаре и выезжавший в лагерь для переговоров, является наиболее авторитетным свидетелем в этом деле.

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 432.

² Там же, док. 460.

³ Там же, док. 432.

⁴ Там же.

⁵ Там же, док. 436.

⁶ Там же, док. 448.

⁷ Там же, док. 434.

В письме Котляревскому от 8 августа он насчитывал в лагере около 400 чел.¹ Таким образом, лагерь в основном состоял из участников персидского похода («персиян»). Казаки старались увеличить лагерь за счет городских и приехавших на ярмарку казаков. 7 августа Кордовский и Кузьма Белый сообщали Котляревскому, что через пять часов по выходе за город из лагеря на базар придет группа вооруженных казаков «с какою-то сочиненною бумагою». Эта группа брала от горожан и сидельцев (торговцев) «какие-то подписки»².

Лагерь, появившийся за городом, пользовался сочувствием и поддержкой городских казаков. Из объяснения правительства от апреля 1799 г. видно, что горожане доставляли в лагерь продовольствие³. Эта помощь была особенно ценной, так как войсковые продовольственные запасы остались в куренях. Среди казаков не было однако единства. Уже на второй день после своего возникновения лагерь стал уменьшаться. Во втором письме от 7 августа Кордовский сообщал Котляревскому, что «ярмарковые казаки, вчера с ними бунтовавшие, умножили было число более пятисот человек, но ныне, кажется, и трехсот сполна вряд ли будет»⁴. Мокий Гулик в письме 8 августа, сообщая о личных впечатлениях, замечает, что к лагерю не присоединились ни городские жители, ни казаки окрестных селений, исключая несколько десятков «бредяг»⁵. Таким образом, попытки повстанцев расширить свои силы с помощью горожан и сельских казаков успеха не имели. Лагерь восстанавливая проявлял слабую деятельность. Мокий Гулик определял состояние казаков такими словами: «Они решились стоять в своем теперешнем собрании и вооружении и дожидаться, пока что будет»⁶. По его словам, казаки не проявляли беспокойства и в связи с приближением к Екатеринодару регулярных войск. «Они признаются, — писал Гулик, — что регулярных войск охотно ожидать будут, что им предложат претензии»⁷. Казаки придерживались легальной почвы, настаивая на справедливом удовлетворении их жалобы. Тайные подписки, которые они, по словам Кордовского, брали у сидельцев, Гулик объяснил очень просто. Во время посещения им лагеря казаки заявляли, что причиной выхода их за город было намерение старшин стрелять в них из пушек. Подтверждение этого факта и было оформлено подпиской, взятой у екатеринодарских сидельцев.

Между тем Котляревский деятельно хлопотал о том, чтобы поскорее сломить сопротивление казаков. Не дожидаясь пока от-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 435.

² Там же, док. 434.

³ Там же, док. 466.

⁴ Там же, док. 433.

⁵ Там же, док. 435.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ряд, посланный фон Слетом, приступит к усмирению, он 8 августа обратился с рапортом к полковнику Пузыревскому, инспектору кавалерийских полков кавказских войск, прибывшему из Петербурга для ревизии. Стараясь возможно скорее и незаметнее подавить волнения, Котляревский просил Пузыревского усмирить казаков «своим благоразумием и кротостью без причинения им кровопролития и других обид»¹. На мирный исход Котляревский надеялся ввиду особого положения Пузыревского, который только что приехал из столицы по повелению императора и, таким образом, обладал авторитетом непосредственного представителя верховной власти. На другой день, 9 августа, Пузыревский приехал в Екатеринодар и отправился в лагерь. Он вступил в переговоры с казаками, убеждая их разойтись по куреням. Миссия эта имела успех. Казаки вошли в город и разошлись по своим куреням. После этого оставалось лишь заставить казаков отказаться от активно организованного протеста, удалить их из Екатеринодара, чтобы потом изъять и репрессировать наиболее активных участников волнений. При создавшейся обстановке нужно было прежде всего восстановить авторитет войскового атамана, заставить казаков признать его власть.

На следующий день, 10 августа, Пузыревский распорядился созвать казаков в соборную церковь. Когда их собралось «до немалого количества», он торжественно объявил, что государь император пожаловал Котляревского войсковым атаманом. Нужно сказать, что назначение Котляревского состоялось раньше, но официальный приказ об этом еще не прибыл в Екатеринодар. Услышав объявление, казаки стали громко и единогласно кричать: «не хотим Котляревского атаманом»². Уговаривая казаков примириться с назначением, совершенным лично государем, Пузыревский осведомился о причинах такого отношения к Котляревскому. На это казаки, говоря о своих обидах от прежних атаманов, заявили: «И сей де такой будет, как и прежние, а притом за сей мятеж будет на нас злобствовать»³. Пузыревский решил нейтрализовать и этот мотив. Он объявил, что тотчас же приведет Котляревского к присяге, «дабы он не злобствовал и вам был благотворительным». Котляревский, к тому времени вернувшийся в Екатеринодар, был приглашен в церковь. Составили особый текст присяги. К обычной формуле, которую произносил вступающий в должность атаман, были прибавлены слова о том, что Котляревский не будет мстить казакам за обиды. Когда Котляревский принес присягу, Пузыревский потребовал, чтобы и казаки принесли присягу по изготовленному присяжному листу. Текст этого листа не сохранился. Ряд общих и беглых замечаний, имеющих в разных документах,

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 436.

² Там же, док. 438, 453.

³ Там же, док. 453.

позволяет заключить, что в текст этой присяги было включено обязательство повиноваться Котляревскому и старшинам. Казаки отказались присягать. Они кричали: «Государю присягаем, а начальству повиноваться не будем»¹. В шуме и увещаниях прошло часа три. Пузыревскому удалось убедить казаков приступить к присяге, однако не по указанной формуле, а по обычной, узаконенной. Приступив к присяге и дойдя до слов «и поставленным надомно начальникам во всем повиноваться», казаки закричали: «Не хотим начальству повиноваться». В толпе раздавались крики: «Когда государь Котляревского атаманом жаловал, то мы нынешних панов и присяжных атаманов переменим другими»².

11 августа к Котляревскому явились куренные атаманы со следующим сообщением: во-первых, количество недовольных казаков начинало снова увеличиваться, во-вторых, все куренные атаманы отрешены от должностей и на их место избраны «бездомовные серомахи»³. Кроме того, казаки избрали и высшую старшину: на должность войскового есаула вместо Мокія Гулика—главного предводителя казаков Федора Дикуня, на место войскового пушкаря прапорщика Голеновского — второго видного предводителя Осипа Шмалько и на должность смотрителя екатеринодарского менового двора вместо прапорщика Шепелева — казака Никиту Собакаря. Куренные атаманы передали также, что казаки собираются сменить всю войсковую старшину, в том числе и находящуюся на кордонах. О самом Котляревском казаки заявили: «Пушай де уже Котляревский пануе, покудова мы его кое как незбудем, ибо он у нас не будет долго пановати»⁴.

В результате совещания Котляревского с Пузыревским был выработан план, рассчитанный на простодушие казаков и на силу авторитета Пузыревского, являвшегося в глазах казаков представителем государя. План был прост и основывался на чистейшем обмане. Пузыревский отправился к казакам и предложил избрать депутацию из «самых первейших и отважнейших людей» для поездки в Петербург к царю с представлением о нуждах. Котляревский в рапорте новороссийскому губернатору Бердяеву от 15 августа так передавал подробности осуществления этого плана. Когда казаки согласились с планом Пузыревского, последний составил от их имени донесение царю. Затем войсковой писарь капитан Мигрин прочел его собравшимся казакам. Котляревский динично разъясняет смысл этой комедии: Мигрин «прочел и хитростно по моему наставлению растолковал, приверил их благополучием»⁵. Выслушав текст, казаки выразили полное удовлетворение: «от за сие спасибо», — говорили они, и тотчас же избрали депутацию. В чис-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 453.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, док. 438

ло ее вошли Дикун, Шмалько, Собакарь, Половой и др. Пузыревский и Котляревский всячески торопили депутацию с выездом, чтобы не произошло осложнений, и уже на другой день, 12 августа, депутаты отправились в Петербург. Перед отъездом депутации Пузыревский потребовал от Дикуна, чтобы тот приказал казакам разойтись из Екатеринодара, признать всех официальных должностных лиц, а не вновь избранных, и спокойно дожидаться возвращения депутации. Дикун, как передавал Котляревский, с сознанием своего огромного влияния трижды приказал собравшимся разойтись, вернуть должности отрешенным старшинам и т. д. Казаки безоговорочно повиновались своему предводителю, и прежние порядки были восстановлены.

Депутация казаков отправилась в Петербург с жалобой, а вместе с ней поехали адъютант Пузыревского с особым донесением о «преступлениях» казаков и сам войсковой атаман Котляревский, чтобы лично поддерживать обвинение против казаков. Немедленно по приезду в Петербург депутация была арестована. Началось томительное следствие, а затем суд. Почти одновременно была создана военно-судная комиссия в Екатеринодаре, приступившая к массовым арестам, дознанию и суду. Следственный и судебный процесс как в Петербурге, так и в Черномории длился около трех лет. Так окончился 12 августа 1797 г. первый этап движения, начавшегося 22 июля. Подведем итоги сказанному.

Выступление двух пехотных полков 22 июля привело 6 августа к восстанию, продолжавшемуся шесть дней. Казаки парализовали власть черноморского войскового правительства. Насколько серьезно было положение в Екатеринодаре, покинутом Котляревским, можно заключить из письма Кордовского и Кузьмы Белого от 7 августа. Последние писали: «Старшинам же не только по городу, но и в домах опасно жить»¹. Серьезность положения усугублялась тревожными слухами о намерении вооруженного казачьего лагеря вступить в бой с идущим на усмирение отрядом фон Слета. В реальном основании для таких слухов можно сомневаться. Казаки, как сказано, не делали никаких приготовлений к обороне от регулярных войск. Парализовав власть старшины, они до 11 августа выжидали, тщетно стремясь увеличить свои силы и надеясь заставить старшин удовлетворить их требования, изложенные в петиции от 23 июля. Лишь 11 августа они решились отстранить куренных и войсковых старшин, выдвинув на руководящие посты своих представителей — «бездомовных серомах». Этим актом восставшие уничтожали официальные порядки, установившиеся в войске, противопоставляя свою волю—воле казачьего офицерства. Однако стихийность движения и неясность планов обессиливали сопротивление восставших. Существование колебаний в казачьем лагере относительно способов сопротивления несомненно, хотя конкретных

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 434.

документальных доказательств и нельзя привести. Избрав свою старшину, т. е. приняв решение углубить борьбу, казаки через несколько часов, под влиянием Пузыревского, возвратились к строго легальным способам борьбы и упразднили только что избранных ими должностных лиц. Повидимому, настроения той группы казаков, которая склонялась к дальнейшей активной борьбе, и дали повод для слухов о готовности лагеря к сопротивлению регулярным войскам. В донесении военному суду от 14 апреля 1798 г. войсковое правительство, подтверждая эти слухи, ссылалось на атамана Васюринского куреня Тарановского, в свою очередь передававшего слова казака того же куреня Ревуцкого. Этой ссылкой правительство пыталось охарактеризовать настроения в лагере повстанцев. Ревуцкий такими словами передавал толки казаков: «Когда бы только начали было брать наших казаков солдаты под караул, то всех бы мы их до ноги (до последнего. — В. Г.) вырезали»¹.

Таковы внешние черты выступления казаков от 22 июля — 12 августа 1797 г. Внутренняя сторона — характер требований, выдвинутых казаками, социальная принадлежность основной массы борющихся — может быть вскрыта путем анализа других документов. В прошении от 23 июля на имя Черноморского общества казаки ясно выразили свои претензии, описав все злоупотребления старшин во время войны.

Выступив в поход 1 марта 1796 г., казаки должны были идти до Астрахани в пешем строю, от Астрахани предположено было следовать морем, а затем им обещали выдать «со всем убором» лошадей. До крепости Александровской казачье имущество было перевезено воловьими подводами, купленными на войсковой счет. С этого пункта подводы были отправлены назад, а транспортные расходы переложены на самих казаков. Начальство наняло чумаков и вышло из жалованья каждого казака по 50 коп., всего 500 руб. Кроме того, казаки вынуждены были покупать за свой счет сено и деготь в течение двух месяцев, на что было истрачено 450 руб. Таким образом, расходы на транспорт обошлись казакам в 950 руб. По прибытии в Астрахань полки были расположены на левом берегу Волги, у Болдинского монастыря, и до выхода в море по приказанию Зубова и Ахматова выполняли партикулярные работы без всякого вознаграждения. Затем полки были разделены на две части: 300 человек отправились на казенных фрегатах в Баку, а 700 человек — на Китный Бутор. Ни тем и ни другим, вопреки обещанию, лошади не были выданы. Вместо отправления воинских обязанностей казаков заставили заниматься тяжелыми работами. Первая партия складывала в бунты провиант и должна была за свой труд, как это обещали отдельные офицеры регулярных войск и старшины, получить по 5 коп. с каждой четверти

¹ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 99, сравни И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 453, стр. 455. Вместо «до ноги» у Дмитриенко ошибочно напечатано «до ночи».

груза. Однако обещанная плата не была выдана. Вторая партия занималась выгрузкой и погрузкой купеческих судов до октября месяца, а потом была переправлена для подобных работ на Сару и Сальяны. Майор Панчулидзе, находившийся при Сальянском магазине, обещал оплатить эти работы полностью. В действительности же 100 человек получили лишь по 2 коп. с четверти, т. е. всего по 4 руб. 30 коп. на человека, а 125 человек — всего по 1 руб. 50 коп. Кроме того, казаки не получали положенной им винной порции. Отряд казаков, переправленный на Камышеванский полуостров для сооружения батарей и рубки дров, получил только 40 руб., т. е. по 40 коп. на человека, остальные 110 руб. были удержаны начальством. Из двух бочек вина, предназначавшихся казакам, было выдано лишь по три порции на человека, весь же остаток был присвоен А. Головатым.

Старшины, угнетая казаков, присваивали и продавали положенный им провиант. Так, старшины продали персам в Баку 64 четверти продовольственных запасов на сумму 660 руб. серебром. Старшины присваивали винные порции и провиант и при возвращении домой. Принимая провиант, старшины взвешивали его, а раздача на руки производилась без взвешивания, с таким расчетом, чтобы удерживать часть в свою пользу. В связи с этим казаки голодали и вынуждены были истратить из собственных средств для пропитания по 1 руб. 20 коп. на человека. Старшины утаивали от казаков и жалованье. Так, из майской трети 1796 г., т. е. из 4 руб., было удержано по 1 руб. 20 коп. с каждого.

Приведя в жалобе этот перечень злоупотреблений, казаки подкрепили его тем доводом, что старшины сами выдали свои злоупотребления. 25 июня, при возвращении в Екатеринодар, часть старшин перессорилась между собой: один упрекал другого в утайке порционных. Обвиняемый публично избил обвинителя, кроме того, обвинитель был по распоряжению полковника арестован. Но через три дня в лагере у Павловской крепости полковник созвал всех старшин и они стали просить у арестованного прощения. При этом старшина, избивший арестованного, падал к ногам последнего и униженно молил не подавать жалобы. Обиженный простил, а казаки выразили надежду, что этот старшина (имя его обойдено молчанием) не откажется дать соответственные показания в качестве свидетеля¹.

В рапорте от 2 августа 1797 г. на имя войскового правительства казаки приводили целый перечень доказательств, поддерживающих их обвинительное прошение. Ссылаясь на разговор отдельных старшин во время похода, казаки установили причастность к злоупотреблениям многих старшин, не исключая и Головатого². Документ заканчивался просьбой «повелеть наградить законным удовольствием» жалобщиков³.

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 425

² Там же, док. 428.

³ Там же, док. 425.

Таким образом, протест заключался в защите права на получение полностью узаконенного денежного и провиантского жалования и в требовании выдать вознаграждение за выполненные казенные работы. Эти требования участники похода неизменно подерживали в течение трехлетнего мучительного следственного и судебного процесса.

Характер изложенных требований и ряд других данных позволяют выяснить социальную принадлежность участников персидского похода — главной движущей силы волнений. К сожалению, черноморский архив беден документами, непосредственно определяющими социальное положение участников восстания. Поэтому последний вопрос приходится решать на основании отрывочных и часто косвенных данных.

Прежде всего необходимо отметить участие в персидском походе бывших запорожских казаков, хотя этот факт и опровергался официальными авторами. Котляревский в письме М. Гулику от 5 августа 1797 г. выразительно подчеркивал, что «возмутители есть все без изъятия холостые из забродчиков и неслуживших в прошедшую турецкую войну»¹. Это утверждение не соответствует действительности. В журнал войскового правительства от 2 февраля 1798 г. внесен материал допроса казака Конона Бедашенко, уроженца Екатеринославского наместничества. После смерти отца Бедашенко в 13 лет «пошел в бывшее войско Запорожское для продолжения службы, в коем и находился до 25 лет»². Женившись потом на дочери запорожского казака Ивана Малого, он «проживал на принадлежащей тому войску земле даже до разрушения Сечи, а по таковом, когда начало собираться войско черноморское, вступя в оное, был во всех случающихся походах и сражениях». Переселясь затем на Кубань и проживая с семейством в Незамаевском курене до 1796 г., Бедашенко «во оном (1796 г.) при выходе двух сего войска пеших полков в Персидский поход пошел и он для продолжения службы...»³ и т. д. В данном случае перед нами бывший семейный запорожец.

К сожалению, невозможно составить себе сколько-нибудь определенного представления о количестве бывших запорожцев в общей массе черноморцев — участников персидского похода. Бедашенко, по всей вероятности, принадлежал к черноморской бедноте, выражавшей горячее сочувствие участникам волнений. Его имя записано рядом с именем другого запорожца Герасима Беспятого. Оба они, вместе с другими казаками, пытались взять на поруки некоторых участников волнений, арестованных властями. Беспялый, 58-летний казак, являлся типичным представителем черноморской серомы. Уроженец м. Голтвы, он, подобно Бедашенко, в 19 лет «пошел в бывшее войско запорожское, где чрез пять

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 431.

² КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 528.

³ Там же.

лет женился на бывшей во услужении того войска в казака по имени Неизвестного, по прозванию Довбыша, девки Зиновии, с коей на принадлежащей тому войску земле прожил даже до разрушения Сечи»¹. Позже Беспятый с семьей и имуществом перешел в слободу Алексеевку, на территорию Донского войска, к помещику генералу Иловайскому, «где оставя свое семейство, пошел в 1789 г. на землю Черноморского войска, на каковой по разным рыбным заводам проживал до 1793 г.»². Затем Беспятый перевел свое семейство в Черноморию. Это — представитель той части бывшего запорожского казачества, потом черноморского, которая несла личную службу, добывая средства к существованию не только трудом в крохотном собственном хозяйстве, но и занимаясь на заработки, в частности на рыболовные промыслы. Бывшим запорожцем называл себя участник персидского похода казак Прокофий Самарский. Как видно из допроса, внесенного в докладной реестр Гражданской экспедиции от 8 марта 1798 г., Самарский был сыном реестрового казака Полтавского полка. В 17 лет он поступил в запорожцы и служил в Деревянковском курене до разрушения Сечи, после чего перешел в Полтавский уезд в село графа Кочубея, где женился на крепостной. Уйдя затем от пана вместе с женой, Самарский долго скитался по территориям бывшего Запорожья и войска Донского. В 1795 г. без жены он прибыл в Екатеринодар, вступил в Кушевский курень и «обращался по своему пильщицкому искусству в заработках по разным сего войска старшинам и казакам»³. Самарский — типичный запорожский серомаха-ремесленник. На Запорожье он добывал средства к жизни, повидимому, то службой в сечевом гарнизоне, то работой по найму. Аналогичное положение он занял и в Черномории.

Один из активнейших и энергичнейших участников волнений в Екатеринодаре, избранный в состав депутации, разжалованный во время персидского похода из старшин в казаки, Никита Собакарь также был запорожцем. В прошении генерал-инспектору Пузыревскому он кратко изложил свою биографию. Собакарь, по его словам, «в службу его императорского величия вступил... из прежнего запорожского звания в 1787 году, и всю турецкую войну продолжал беспорочно»⁴ и т. д. В этом прошении Собакарь объяснил и причину разжалования. Он пострадал «за упреки командирам за утайку порционных» при возвращении из персидского похода. Некоторые из участников персидского похода более молодого возраста, являясь сыновьями запорожцев, вступили в черноморцы в период образования войска и принимали участие в русско-турецкой войне. Казак Прокофий Орлянский, 30 лет, родившийся на Запорожье в семье казака, до 1797 г. «проживал в урочище Вели-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 530.

² Там же.

³ КГКИА, ф. 250, св. 12, д. 43.

⁴ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, лл. 2042—2043.

ком Луге в ловле рыбы», а потом поступил в черноморцы и участвовал в войне¹.

Большинство участников похода состояло из молодых казаков, притом холостых, т. е. не имевших домов, собственности и добывавших средства к жизни наемным трудом. В этом нас убеждает ряд данных. А. Головатый в письме Чепеге от 31 декабря 1796 г. сообщал о том, что в числе отправленных в поход есть казаки, пытавшиеся бежать из Черномории в Задунайскую Сечь. По его словам, в Анапу, под покровительство паши, бежала группа казаков, принимавших участие в постройке черноморской флотилии. Казаки, впрочем, спасаясь от распространявшейся на турецкой стороне чумы, возвратились и работали на рыболовных заводах. Трое из них были потом отправлены в поход². Казаки И. Водолага и М. Мусейченко, биографию которых мы уже приводили в другой связи, до отправления в поход являлись типичными работниками, нанимавшимися для заработка к разным хозяевам. Оба они в 1798 и 1799 гг. были привлечены к суду за участие в волнениях³. Напомним, что с самого начала волнений, с 22 июля, войсковое начальство тщетно стремилось удалить из Екатеринодара участников похода. Официальные документы многократно подчеркивают, что старшина стремилась изгнать казаков из города «для заработка». В ответ на требование Котляревского войсковое правительство 5 августа 1797 г. приказало казаков «куда кто пожелает по войсковой земле для заработка выслать». Остальных же велено было отправить на заработки или «приглашать» на внеочередную службу на кордон⁴. Ясно, что такое распоряжение могло относиться только к людям, лишенным собственности и определенного местожительства и существовавшим на личный заработок. Четыре представителя черноморцев — участников персидского похода, вошедшие в депутацию, на следствии в Петербурге, подтверждая этот факт, заявляли, что Котляревский приказал старшине «выгнать ... нас из куреней на заработки»⁵. Сменив куренных атаманов 11 августа в лагере под Екатеринодаром, казаки, как сказано выше, заместили атаманские должности «бездомовными серомахами». Наконец, принадлежность указанных черноморцев к бездомному казачеству засвидетельствовала и военно-судная комиссия при Суздальском мушкетерском полку. 24 июня 1798 г. эта комиссия сообщила Котляревскому, что всего арестовано 148 человек, участвовавших в «бунте» 6 августа 1797 г., остальные 76 человек, подлежащие аресту, скрылись, «отлучились... на заработки в разные места, а другие ... удалились неизвестно куда»⁶.

Таким образом, самым активным участником волнений и на

¹ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 433.

² КГКИА, ф. 250, св. 11, д. 38, л. 123.

³ Там же, св. 18, д. 61 и св. 22, д. 70.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 430.

⁵ Там же, док. 447.

⁶ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 106.

этот раз явилась черноморская серома, основным источником существования которой была заработная плата и отчасти, во время пребывания в строю, жалование.

Черноморская серома проявила наибольшую устойчивость и выдержку в борьбе и была силой, пытавшейся придать некоторую элементарную организацию недовольству других слоев казачества. Документы ясно различают выступление против старшины участников персидского похода и движение сочувствующих им масс «домовного» казачества. Как было указано, участники волнений с самого начала стремились вовлечь в движение екатеринодарских городских казаков и жителей куренных селений, которые не только выражали сочувствие восставшим, принимали участие в избении старшин 6 августа, доставляли продовольствие в лагерь под Екатеринодаром, но и присоединялись к ним в первые дни восстания. Позже, по приезде в Екатеринодар полковника Пузыревского, эта часть казачества обратилась к нему с жалобой. Казаки Заколенко и Волга в своем прошении на царское имя так описали этот факт. По приезде Пузыревского «гражданские жители собрались и, пошедши с хлебом и солью к инспектору, где поклон отдавши, просили его, Пузыревского, о своих обидах наставления»¹. Пузыревский велел подать просьбу об обидах, которая была включена в общую просьбу, отправленную с депутацией в Петербург. Из среды этой группы казачества было выделено десять человек представителей, вошедших в состав четырнадцати, отправленных в Петербург. Содержание прошения, составленного 11 августа, нам неизвестно. Но характерно, что официальные документы отчетливо отграничивают участников персидского похода от остального казачества, сочувствовавшего движению. Так, во время следствия в Петербурге власти признали, что четыре члена депутации — Дикун, Шмалько, Собакарь и Половой — представляли интересы участников персидского похода, т. е. серомах, а остальные десять — Калина, Панасенко, Швыдкий и другие — интересы «состоящих на своем жилище и небывших в Персии в походе»² казаков.

Включив в состав депутации активнейших участников волнений, добившись восстановления присяжных куренных атаманов и удалив «персиян» из города, начальство предположило, что тем самым волнения были подавлены. Однако ближайшее будущее разочаровало их в этом. В Екатеринодаре стала заседать военная комиссия при Суздальском мушкетерском полку. В состав ее вошли офицеры регулярных войск и черноморские старшины. Комиссия приступила к массовым арестам участников волнений, заключая арестованных в импровизированные тюрьмы — ямы. Войсковое правительство приступило к восстановлению «потрясенных основ» порядка и привело в движение весь механизм войсковой и

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 474.

² Там же, док. 447.

сельской администрации. Заключенные, лишенные одежды, не укрытые от зноя, холода и дождя, скученные в ямах, страдаая от недостатка пищи и воды, переносили тяжелые муки. Арестованных подвергали избиению и принуждали давать ложные показания.

Спасаясь от преследований властей, казаки уходили в приморские плавни и камыши, сливаясь с массой забродчиков на малодоступных рыболовных заводах, или в степные хутора. Некоторые пробовали бежать за пределы Черноморья и даже в Задунайскую Сечь. В Черноморье создалось положение, которое напоминает нам обстановку на Яике после восстания казачества в 1772 г.

Мы оставляем в стороне судебный процесс в Екатеринодаре и в Петербурге. Он интересен в данном случае лишь некоторыми деталями, позволяющими выяснить ход волнений в последующие три года. Скажем только, что как в Екатеринодаре и Усть-Лабинской, куда позже был перенесен суд, так и в Петербурге старшины, возглавляемые Котляревским, применяли все средства, находившиеся в их распоряжении, чтобы прикрыть свои злоупотребления. Они широко использовали обычный прием дискредитации своего противника, ссылаясь на нарушения участниками персидского похода в ходе волнений воинского долга, квалифицировали волнения как «бунт», направленный против законных властей.

С осени 1797 г. глухое брожение постепенно охватывает всю Черноморью. Если «бездомовые серомахи», участники персидского похода, выступили против старшины, объединившись на почве защиты права на жалованье и заработную плату за казенные работы, то остальная масса «домовного» черноморского казачества, в основном беднота и среднее казачество, выдвигала свои требования. Для совместных выступлений серомы и остальной массы трудового казачества существовали вполне реальные основы — общие интересы, выраженные как в прошении на имя императора, поданном казаками Волгой и Заколотенко, так и в объяснениях, данных суду в Петербурге десяти представителями «домовного» казачества.

Казаки Волга и Заколотенко в июне 1799 г., т. е. через два года после известных событий в Екатеринодаре, в период деятельности судов в Черноморье и Петербурге, предприняли попытку разоблачить злоупотребления старшин и выразить свои обиды от имени большинства черноморцев самому царю. Скрывая свое намерение от бдительной администрации, стремившейся предупредить подачу жалоб высшему начальству через голову войскового правительства, они обманным путем выбрались за пределы Черноморья. Взяв паспорт от начальства якобы для проезда в Георгиевск по чумацким делам, Волга отправился в Ставрополь и пытался сдать прошение в почтовую контору. Содержание прошения, состоявшего из 29 пунктов, весьма интересно¹. Оно выражает общие требования громадного большинства казаков, в том числе и «до-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 474.

мовного» казачества. Прошение Волги в той части, которая объясняет причины недовольства казаков, можно свести к трем основным положениям. Во-первых, в пункте 14 прошения повторена в общем жалоба участников персидского похода, изложенная более подробно в прошении от 23 июля 1797 г. Первые тринадцать пунктов можно расчленить на две части. В первой высказано недовольство всего лично служащего казачества злоупотреблениями со стороны старшин. Во второй содержится характеристика экономического и правового положения «домовного» казачества. Прошение Волги так рисует положение, создавшееся в Черноморском войске: «От господ кмандилов сего войска, — писали просители, — много обиженными находимся, потому что казакам жалованья и фуражных денег ни одному не дано». Старшины не выдавали жалованья и провианта, например, казакам, служившим во флотилии; пехоте жалованье не выдано за два, а отдельным казакам и за три года.

После переселения на Кубань казакам, служившим на кордоне на собственных лошадях, вместо положенных в год двенадцати рублей выдавалось не более четырех. Для довольствования флотилии было выделено сто двадцать волов, но казаки получили только двадцать, остальные были поделены между собой старшинами. По окончании русско-турецкой войны в запасе оставалось семь тысяч четвертей войскового провианта. От Днепра в Одессу он был перевезен казаками на собственных подводах. Старшины же не только не уплатили за перевозку, но продали и сам провиант, а деньги присвоили. То же было и в лагере у Березани, где старшины присвоили 1800 четвертей провианта, и при переселении войска из-за Буга на Кубань, когда казаки вынуждены были покупать предназначенную им муку у старшин по 10 руб. за четверть. Не получили казаки обещанной заработной платы в размере 25 коп. в день на человека и за починку лодок и постройку баркасов в Таманской гавани. Во время польского похода старшина не только удерживала часть фуражных денег, но она никому не выдавала наградных денег, определенных царским указом.

Если эти злоупотребления старшин болезненно затрагивали всех служивших казаков, то были еще и другие злоупотребления, задевавшие, по преимуществу, интересы казаков «домовных». Войсковое правительство установило соляной сбор. От собранной в войсковых озерах соли пятая часть должна была поступать в войсковую казну. Кроме того, старшины запретили казакам менять соль черкесам, хотя сами беспрепятственно пользовались этим правом. Такое же право старшины присвоили себе в отношении войсковых лесов. Они рубили лес на дома, мельницы и прочие строения свободно, а казаки, нуждавшиеся в лесе, вынуждены были каждый раз давать вальдмейстеру взятки. Старшины овладели всеми лучшими войсковыми угодьями: местами для выпаса скота, степными речками, рыболовными тонями, лишив этим казаков возможности сесть хуторами в выгодных местах. Высказана была

жалоба и по поводу существовавшего в войске в течение двух с лишним лет винного откупа и присваивания старшинами откупных денег. Депутаты «домовного» казачества в Петербурге в своих показаниях повторили все эти жалобы почти слово в слово¹.

Таким образом, злоупотребления старшин объединяли все казачество на почве, вытекавшей из служебных отношений, но кроме этого, «домовные» казаки имели еще и свои специфические интересы, вытекавшие из положения их как собственников. Конечно, группа «домовных» представляла собой сложную шкалу переходов от мельчайшего собственника, бедняка, прибежавшего к продаже своей рабочей силы, до зажиточного и, наконец, богатого казака, недовольного стесненными в области ведения хуторского хозяйства. Эти социальные различия должны были сказаться как в период волнения 22 июля — 12 августа 1797 г., так и в последующие годы.

Распространившееся по всей Черномории недовольство начинает приобретать некоторые элементарные формы организации. При этом намечается центр, проявляющий инициативу и стремящийся объединить всех недовольных. В положение такой объединяющей силы становятся серомахи, как находившиеся под арестом в Екатеринодаре, так и избежавшие ареста или выпущенные на поруки. Они предпринимают попытку распространять своеобразные воззвания, прокламации, обращенные к сельскому казачеству. Характерным образцом такой прокламации является письмо серомах Ейскому сельскому атаману Щуру от 3 апреля 1798 г. «Покорно вас просим куренем сиромахи все, чтобы вы собрали хозяинов у громаду, и, прочитав сие письмо, чтобы всякий чул, за свои обиды подавать просьбу»². Авторы прокламации просили сообщить содержание ее казакам других селений, а также серомахам, находившимся в заброде. Основная мысль прокламации заключается в призыве подавать всем обществом просьбы в военно-судную комиссию о злоупотреблениях старшин как в прошлом, так и в настоящее время. Убеждая не бояться преследований со стороны начальства, авторы стараются внушить, что такие просьбы вполне легальны. Авторы письма рекомендуют снабжать просьбы личными подписями. Письмо Щуру подписало четыре казака, причем четвертый, Андрей Матхотка, назван куренным наказным атаманом. Письмо заканчивается сообщением о том, что авторы его раньше содержались под арестом, т. е. в тюрьме, а теперь живут в курене (в Екатеринодаре) и хотя пользуются свободой ходить друг к другу, но все же охраняются стражей.

Серомахи установили контакт с екатеринодарскими городскими казаками и пытались воздействовать на массу сельского казачества. Необходимо заметить, что участие городского казачества в волнениях 22 июля — 12 августа 1797 г. и последующих объясняется

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 447.

² Там же, док. 452.

тем, что основное население Екатеринодара того времени представляло собой (как это было показано выше, см. гл. IV) массу мелких ремесленников, торговцев и земледельцев. Эта масса в значительной степени была разбавлена наемниками разных профессий.

Вот еще интересная прокламация-письмо от 22 июля 1798 г., распространявшаяся в окрестностях Екатеринодара¹. Авторы его отрекомендовались весьма определенно: «Покорные слуги жители гражданские и серомахи». Прокламация обращалась к сельским казакам с призывом дружно стоять против старшин и объединиться с горожанами и серомахами. Как и в предыдущем письме, речь здесь идет о подаче просьбы с изложением обид. Три момента этого письма вызывают наибольший интерес. Во-первых, сельские казаки призывались с составленной просьбой в ближайшее время («сей недели») в город, «а ежели вы не будете то вам беда будет, когда не успешите и дружно стоять не побудете, то все пропащи будете». Во-вторых, составленные просьбы рекомендовалось сдавать серомахам, находящимся в екатеринодарских куренях под стражей. В-третьих, авторы заявляли, что они — горожане и серомахи — держатся дружно и «подписку дали усе городом арестантам, чтоб уси дружно стояли». Иными словами, прокламация декларировала не только союз городских казаков с серомахами на почве общего недовольства, но и открыто заявляла о том, что объединяющим центром протеста являются арестанты, т. е. наиболее активные участники волнений 22 июля — 12 августа 1797 г.

Интересно также аналогичное воззвание без даты, выраженное в форме приказа и обращенное к казакам Сергиевского селения и других обществ. Воззвание это также исходило от казаков, находившихся в куренях под стражей. «Они (находившиеся ранее в тюрьме. — В. Г.) выпущены в курени за приказом и они не спужались, но и вам приказуют»². Смысл возвания тот же, что и предыдущих: сельские казаки призывались к стойкости и единодушию при подаче жалоб.

Прокламации распространялись и позже, в 1799 г. В докладном регистре уголовной экспедиции от 1 февраля 1799 г. излагается дело казака Ирклевского куреня И. Питени, арестованного «с доставленным им в селение Ирклевское от содержавшихся при Комиссии военного суда казаков письмом». Тут же упоминается и о письме, отобранном у казака Кореновского селения Степана Залезняка. Последнее также исходило от арестованных казаков. Указанные письма, по заключению экспедиции, «относятся к единственному раздражению войсковых жителей»³. В тот же день экспедиция заслушала сообщение председателя суда генерал-майора Глазова 2-го, который требовал арестовать и представить в суд пятерых казаков Тимошевского куреня, четырех Величковского

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 455.

² КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 77.

³ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72, л. 34.

и трех екатеринодарских, «участвовавших в развозе по селениям пасквильных писем и в принятии оных»¹. Старшина Кузьма Белый, объезжавший в январе 1799 г. куренные селения по поручению войскового правительства, объяснял 21 марта, что, по полученным сведениям от атамана Полтавского селения И. Канивца, казак Алексей Селетка с группой других приезжал в декабре 1798 г. на лошадях в селение. Селетка распространял «пасквильные письма», полученные им от казаков, содержавшихся под стражей в Екатеринодаре². Примеры подобного рода довольно многочисленны³, что свидетельствует о значительной энергии, проявленной серомахами в организации протеста против старшин.

Призывы, обращенные к сельскому казачеству, получили отклик, вызвавший серьезный испуг у казачьих властей. В селениях не только распространялись прокламации, выходявшие из Екатеринодара, но велась и устная пропаганда. В январе 1799 г. в селении Васюринском была арестована и препровождена в город группа казаков во главе с Прокофием Орлянским. Войсковое правительство обвиняло их в распространении «противузаконных слов» и постановило предать суду, «дабы чрез то не воспоследовало подобногo происшедшему 797 года августа в шестой день бунту»⁴. Священник Васюринской Успенской церкви Федор Романовский в рапорте войсковому протоиерею Роману Порохне от 7 июня 1798 г. сообщал о том, что «происходит большое между сих жителей в повиновении неустройство»⁵. Романовский писал, что казаки не желают признавать власти атамана Котляревского и находятся под впечатлением приказов, присылаемых от арестованных за участие в событиях 6 августа. Все попытки Романовского внушить казакам повиновение оказывались тщетными. «Возмутителями спокойствия» в Васюринском называются Прокофий Орлянский и др.

Сельский атаман поручик Порохня, в рапорте от февраля 1798 г. Екатеринодарскому окружному правлению сообщал о происшествии в Сергиевском селении. Казак Иван Гуртовой, получив прокламацию от екатеринодарских казаков, оповестил все общество. Последнее собралось «в круг» и стало составлять просьбу, собирая у присутствующих подписи. Порохня решил расстроить намерение общества. Но казаки в ответ на это лишили его и писаря, старшину Голубничего, должностей, а на их место избрали других. Тогда Порохня обратился за содействием к воинской команде, состоявшей под начальством полкового хорунжего Якова Одновола, находившейся на р. Кочетях. Одновол прибыл в Сергиевское и арестовал Гуртового. На защиту Гуртового выступило все обще-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72, л. 31.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 464.

³ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72, л. 31.

⁴ Там же, св. 24, д. 72, л. 18.

⁵ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 103.

ство. Казаки оттеснили караул и освободили арестованного. При этом бывший писарь Голубничий был арестован обществом и забит в колодки, а затем отправлен в Екатеринодар, в военно-судную комиссию, вместе с просьбой от имени общества¹. Эта просьба небезинтересна. Она адресована председателю суда генерал-майору Михайлову, шефу Вятского мушкетерского полка. Казаки жаловались на Порохню и Одновола, которые обвиняли общество в намерении поднять бунт. Отвергая это обвинение, общество просило защиты от притеснений старшин и разрешения подать жалобу².

То, что происходило в Васюринском и Сергиевском, наблюдалось и во многих других селениях. В феврале того же года группа казаков призывала Тимошевское общество подать коллективную просьбу. При этом казаки упрекали сельского атамана в том, что он является ставленником панов и не защищает интересов общества. Из Тимошевского были отправлены представители в селения Роговское и Величковское для агитации за подачу жалобы. Властям, однако, удалось арестовать зачинщиков³.

В делах архива хранится копия прошения казаков на имя председателя суда о передаче арестованных на поруки. Интересно, что этому прошению составители придали характер акта, исходящего от всего черноморского казачества. Казаки писали: «...Мы все войском подписуемся, что мы согласны на тот ответ»⁴. Это прошение от имени всего «общества» черноморских казаков подписал известный уже нам участник персидского похода, бывший запорожец Конон Бедашенко.

Таким образом, усилия группы арестованных серомах сводились к тому, чтобы придать недовольству черноморских казаков некоторую форму организации, развить и поддержать «легальное» движение за подачу петиции о своих нуждах.

Подавляя движение протеста низших слоев казачества, войсковая администрация в лице Котляревского стремилась применять различные меры. Котляревский, производя аресты активных участников волнений, не только высылал на места вооруженные команды, устраивал облавы и повальные обыски. Он стремился опереться на так называемое «благомыслящее общество», которое войсковое правительство пытается побудить к активной борьбе против «неблагомыслящих». При этом важной мерой Котляревский считал чистку сельской администрации. Вернувшись из Петербурга, он отдал распоряжение о замене куренных атаманов новыми «из честного и самонадежнейшего общества»⁵. Приводя факты неповиновения своим атаманам со стороны общества селений Васю-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 43, д. 370, л. 76.

² Там же, л. 72.

³ Там же, л. 67.

⁴ Там же, л. 81.

⁵ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 457.

ринского, Корсунского, Пластуновского, Динского, Полтавского, Величковского, Тимошевского, Роговского, Ивановского и Стеблиевского, Котляревский угрожал усмирить недовольных при помощи регулярных войск.

Со своей стороны «благомыслящее общество» оказывало содействие и поддержку властям. В январе 1799 г. в селении Березанском был арестован казак И. Бедненко. Бывший сельский атаман Иван Панченко и вновь избранный на эту должность полковой хорунжий Иван Миленский, препровождая арестованного в Екатеринодар, доносили, что Бедненко схвачен за распространение прокламации, «развращающей благомыслие»¹. Арест Бедненко был возможен лишь в том случае, когда перевес сил был на стороне властей и «благомыслящих».

Совсем иное произошло в селении Джерелиевском. Там казаки разделились на две части: на «благомыслящее» общество и «неблагомыслящее». Это сказалось с полной ясностью 13 марта 1799 г. Когда куренной атаман Яков Каракай получил распоряжение Котляревского об аресте «бунтовщика» казака Камышанского и приступил к его исполнению, общество запротестовало. За Камышанского стояло большинство, и арестовать его не удалось. Сам по себе этот факт аналогичен многим другим, приведенным выше. В данном случае характерно лишь то, что «благомыслящее общество» селения Джерелиевского 15 марта 1799 г.² непосредственно обратилось к Котляревскому с прошением. Отделяя себя от «бунтовщиков, забывших страх божий и государевы грозящие законы», «благомыслящее общество» просило Котляревского «покровительством... не оставлять». Не трудно догадаться, какие социальные элементы составляли «благомыслящее общество». Это — богатые и отчасти зажиточные элементы, жестоко эксплуатировавшие черноморскую серому и бедноту и мало подверженные злоупотреблениям со стороны старшинской администрации. Они составляли правящий слой в куренях. Эти элементы не имели ничего общего со своими «наймитами», серомой, и очень мало общих интересов со средним казачеством и беднотой.

Движение за подачу петиции с особенной силой распространилось в двух селениях — Полтавском и Джерелиевском. В последнем во главе «неблагомыслящих» стоял известный уже нам казак Андрей Камышанский. Как видно из ряда документов от февраля и марта 1799 г., он не только не был выдан властям, но был избран сельским атаманом³. Когда в начале марта 1799 г. в Джерелиевское явился канонир Семен Головка с указом военно-судной комиссии об аресте казака Черноглаза, вновь избранный сельский атаман Камышанский отнесся к этому с нескрываемой иронией.

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 460.

² Там же, док. 463.

³ КГКИА, ф. 250, св. 21, д. 69, л. 49 и ф. 279, св. 48, д. 370, л. 340.

При выходе казаков после богослужения из церкви Камышанский обратился к ним со словами: «Що, чи вислухали Євангелию, идить же ище слухать пришедших от государя листов»¹. Общество не только не выдало Черноглаза, но еще заявило: «Ежели его брать, то пушай беруть усех нас». Из донесения поручика Порывая от 15 апреля 1799 г. узнаем, что когда он явился в Джерелиевское с поручением арестовать Камышанского, казаки, отказавшись выдать Камышанского, кричали: «Мы де не бунтуемся, а только за свои обиды стоять будем, ибо мы в том друг другу присягу učinили»².

В начале мая 1799 г. Котляревский стал получать очень тревожные сведения о настроении казаков в Полтавском и Джерелиевском селениях. Генерал-майор Глазов 2-й сообщил ему 4 мая о показаниях сотника Романовского, обвиняемого в связях с восставшими казаками. Романовский заявил, что в тюрьме он подслушал разговор двух неизвестных казаков и из него узнал о том, что в низовьях Кубани собралось около тысячи человек серомах, намеревающихся идти в Екатеринодар для подачи начальству какой-то петиции³.

Слухи эти имели реальное основание. Уже через несколько дней по получении этого сообщения Котляревский сообщил Глазову более точные сведения, изложенные в рапорте старшины Ольгинского кордона полкового хорунжего Неговея. Отправившись на разведку в село Полтавское, Неговей заметил приготовления казаков к выступлению в Екатеринодар. Около 50 человек, насушив сухарей и сложив их на подводы, вышли в поле и остановились в версте от селения лагерем, поджидая казаков из Джерелиевского. На вопрос Неговея полтавцы ответили, что идут не «бунтовать», ибо не взяли с собой оружия. Состоявший при Неговее казак Береза сообщил, что полтавцы вместо оружия взяли с собой келесы и дубовые бичи. От посторонних лиц Неговей слышал, что казаки намереваются собраться в Екатеринодаре к 15 мая. Полтавский атаман И. Канивец сообщил Неговею, что к выступившим в Екатеринодар присоединяются прибывающие с низовьев Кубани забродчики рыбных промыслов⁴. Собравшаяся толпа казаков проследовала мимо селения Ивановского и потом приблизилась к Мышастовскому, подойдя, таким образом, верст на тридцать к Екатеринодару. Численность казаков, по определению Котляревского, не превышала двухсот человек.

Другие источники несколько иначе изображают события в Полтавском. Старшина Копыльского кордона Кистень спешно рапортовал Котляревскому 12 мая о донесении полтавского священника Григория Стрехи, который явился на кордон и так характе-

¹ КГКИА, ф. 250, св. 21, д. 370, л. 340.

² И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 465

³ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 197.

⁴ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, док. 468, 469.

ризовал выступление полтавцев. Из селения в поле вышли все взрослые казаки, взяв с собой достаточно харчей и необходимые вещи. В селении на хозяйстве остались лишь жены и малые дети. Стреха определил численность лагеря в 500 казаков.

События в Полтавском и Джерелиевском усиленно подготавливались агитацией серомах и горожан. Об этом свидетельствует так называемое «Прошение городских жителей полтавцам и джерелиевцам», датированное маем 1799 г.¹ Из этой прокламации видно, что, во-первых, к организации шествия в Екатеринодар призывались казаки всех селений и, во-вторых, движению старались придать легальные формы: горожане рекомендовали известить председателя суда генерал-майора Глазова о том, что сбор казаков в городе преследует единственную цель — подачу коллективной жалобы об обидах.

Полтавские казаки вместе с присоединившимися джерелиевцами подошли к Екатеринодару, но затем, так как среди казаков не было единодушия, приостановились и возвратились домой. Капитан Чистохвал, посетивший 17 мая Полтавское, рапортовал Котляревскому, что казаки, не дойдя до р. Понуры, возвратились, однако Андрей Камышанский и казак Дардовый снова подговаривают к выступлению в Екатеринодар. Под влиянием этой агитации казаки вновь направились в город, на этот раз малыми группами, не более пяти человек, захватив с собой аттестаты о службе².

В этом слабо организованном движении полтавцев и джерелиевцев серомахи приняли незначительное участие. Хотя агитация велась на приморских косах, на рыболовных промыслах среди забродчиков, положительных результатов она не дала. Капитан Белый сообщил 11 мая Котляревскому, что полковой есаул Никоновский и другие старшины, торгующие вином в Курчанском лимане на промыслах, слышали от забродчиков об их намерении идти вверх по Кубани³. Другой старшина Трофим (?) сообщил 17 мая, что специально отправленные для сбора сведений о движении серомах старшины Стромцов и Сиротниченко прошли на двух баркасах от Новогригорьевского кордона до Каракубанского, посетили острова в устье Кубани, но никаких сборищ серомах не заметили⁴. 21 мая капитан Белый докладывал Котляревскому, что два полтавских казака — Омельян и Фома и один щербиновский — Иван распространяли на заводах и читали забродчикам какие-то письма, призывавшие идти в Екатеринодар через 12 дней⁵.

В период, когда полтавцы и джерелиевцы готовились к выступлению в Екатеринодар, появились слухи о намерении казаков со-

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 470.

² Там же, док. 471.

³ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 206.

⁴ Там же, л. 235.

⁵ Там же, л. 240.

вершить вооруженное нападение на войсковые власти. Письмоводитель I части кордонной стражи Гордей Медведев извещал 6 мая Котляревского о показаниях старшин Константиновского кордона Багрея и Тирсы. Когда последние обратились к кабатчику селения Динского с просьбой дать им рыбы, тот ответил: «Разве де вы не видели противу вас едущих с рыбою двух серомах пароконной повозкою в г. Екатеринодар для продажи пороха»¹. Само по себе это единичное известие не может считаться серьезным. Но внимания заслуживает рапорт того же Медведева от 16 мая.

Этот документ нигде не опубликован и оставался неизвестным или намеренно обходился буржуазными историками. Рапорт, в частности, свидетельствует, что администрация бдительно следила за событиями в Полтавском и Джерелиевском селениях. Старшина Кочетинского кордона полковой хорунжий Иван Холявка, вернувшийся со своими коллегами из очередной разведки, докладывал о показаниях казака Клима Вивчаренко, исполнявшего в его команде должность атамана. Вивчаренко доносил, что казаки Кочетинского кордона «в собрании своем ночью говорят: ежели Дикуна не будет с Санкт-Петербурга у войско да и не будет оной войску войсковым атаманом, а будете оному таковым начальником ваше превосходительство (т. е. Котляревский. — В. Г.), то узнавши действительно сие в том же разе всех в войске пожалован[ных] старшин вырежемо»².

Показания Вивчаренко подтвердили полковые хорунжие Никита Похила, Иван Скляревский и Иван Погребещенко. С этим донесением в известной мере перекликается сообщение графа Коховского Котляревскому от 25 июля 1799 г. из Акмечети. Основываясь на донесении Глазова, Коховский писал, что 167 находящихся в тюрьме казаков сбили с ног колодки и просят, чтобы люди, подающие им милостыню «объявили на кордонах казакам, дабы они не держали стражи, но оставя оную шли бы на выручку их»³. Колодники, добавляет Коховский, кричали, «что они только желают быть в остроге месяц». Последнее можно понять в том смысле, что через месяц они надеялись получить свободу. Поведение арестованных внушало Коховскому беспокойство и в связи с тем, что приближалось время екатеринодарской ярмарки — 6 августа, на которой собирались казаки со всей Черномории. Не надеясь на батальон, находившийся в распоряжении генерал-майора Глазова, Коховский требовал присылки в Екатеринодар дополнительных воинских команд и принятия строжайших охранных мер со стороны Котляревского.

Вряд ли уместно предположение, что заключенные в остроге серомах, испытывавшие невероятные мучения и убедившиеся в при-

¹ КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, лл. 200—201.

² Там же, л. 229.

³ И. Дмитриенко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 473.

Власти не обеспечивали питанием заключенных. Последних выводили на рынок, где они собирали милостыню.

страсти суда, оставались сторонниками давления на начальство путем организации массовых петиций. Правильнее заключить, что движение за подачу петиций с весны 1799 г. обнаружило тенденцию перерасти в вооруженное восстание против черноморских властей. При этом идея вооруженной борьбы и замены старых властей новыми, выборными, исходила от серомы. Кордонные казаки были представлены в основном серомой и беднотой, отбывавшими или свою очередь, или, чаще всего, отправлявшими службу по найму. Являясь частью самого угнетенного слоя черноморцев, кордонное казачество готово было разделаться со старшиной по-плебейски.

Суд над казаками, начавшийся в Екатеринодаре, продолжался затем в Усть-Лабинской крепости. К августу 1799 г. арестованных было 200 человек, а к концу процесса 222¹. Заключенные проявили высокую моральную стойкость, несмотря на нечеловеческие условия содержания, вызвавшие среди них огромную смертность. Арестованные казаки обвиняли суд в нечестности и, таким образом, из обвиняемых превращались в обвинителей. В делах, содержащих обвинительный материал, находим записку на клочке бумаги. Анонимный осведомитель писал: «Калниболоцкого куреня казак Олейник говорил того ж куреня казаку Кармазину, что якобы дано его превосходительством Тимофеем Терентьевичем (Котляревским.— В. Г.) Глазову семь тысяч рублей денег и триста кобыл, чтобы за ним поддерживал»².

Считая суд несправедливым, казаки отказывались подписывать по окончании следствия обвинительный материал, о чем писал Котляревскому из Астрахани 31 марта 1798 г. Иракий Морков, предлагая принудить к подписанию «законным порядком»³. То же произошло в Усть-Лабинской осенью 1799 г., когда обвиняемым стали читать экстракт обвинительного акта. Военно-судная комиссия сообщала войсковому правительству, что подсудимые «делают во всем упрямство и наносят суду немалые грубости и безвинные порицания»⁴.

Подсудимые прибегали и к такой форме протеста, как отказ одеть арестантское платье. 19 января 1799 г. войсковое правительство заслушало рапорт городничего Радича, который сообщал, что арестованные отказались принять холст на рубахи, сермяжное сукно и прочее, заявляя, что это «вовсе им не надобно»⁵. Между тем накануне этого, 5 января, генерал-майор Глазов писал войсковому правительству, что заключенные впали в «совершенную бедность и даже не имеют чем снабдить себя нужным одеянием и обувью, без чего яко человечеству обойтись невозможно». Глазов требовал

¹ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 483.

² КГКИА, ф. 249, св. 48, д. 370, л. 204.

³ И. Дмитренко, Сбор. матер. по ист. Куб. каз. войска, т. IV, док. 456.

⁴ Там же, док. 487.

⁵ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72.

дать одежду и обувь по крайней мере тем, «которые не имеют никаких средств оным себя одеть»¹.

Разделив подсудимых по степени «виновности», суд приговорил 163 чел. к повешению, а двух прогнать сквозь строй: одного 8 раз через тысячу человек, а другого — 10 раз. Из 14 депутатов, отправленных в Петербург, четверо — Дикун, Шмалько, Собакарь и Половой, т. е. участники персидского похода, — были приговорены к повешению, а остальные к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке на вечную каторжную работу на галеры. Исполнение этого постановления, вынесенного в Петербурге 31 декабря 1797 г., было задержано по распоряжению императора до окончания суда в Черномории. 28 августа 1800 г. Павел I вынес окончательное решение по делу депутатов. Дикун, Шмалько, Половой и Собакарь наказывались кнутом, клеймились и ссылались в Сибирь на крепостные работы, остальным предоставлялась свобода. «Смягчен» был и приговор, вынесенный судом в Усть-Лабинской. Смертная казнь была заменена наказанием кнутом, розгами, вырезанием ноздрей, клеймлением, ссылкой на каторжные работы и т. д.

Кровавая расправа царского правительства с участниками волнений в Черноморском войске не сломила воли трудового казачества к борьбе.

«Персидский бунт», надо сказать, имеет свою историографию. Бутков, основываясь на некоторых отзывах современников, дал очень элементарное объяснение причин движения. Казаки, по его словам, претерпев лишения в походе, при возвращении на родину «ожидали, по некоторым старинным обыкновениям своим, церемониальной встречи. Как она им не учинена, они, вышед из повиновения...» и т. д.²

И. Попка волнения черноморцев связывал со «своеволием» Запорожья. Избегая касаться этого щекотливого, с точки зрения официального историка, вопроса, он писал: «...И с какими вспышками угасало запорожское своеволие — лучше умолчать»³.

П. П. Короленко, далекий от признания социального расслоения черноморского казачества, формально связывал попытку казаков 11 августа 1797 г. избрать своих старшин со стремлением восстановить порядки Запорожской Сечи⁴. Исходя из положения, что социальное равенство и социальная справедливость обуславливаются правом участия в выборе старшин, Короленко приходит к ложному выводу, будто причиной «Персидского бунта» являлась «несостоятельность» войскового черноморского самоуправления.

Большое внимание уделял «Персидскому бунту» Ф. А. Щербина. Он сделал попытку не только описать это движение, но и определить его место в истории Черноморского войска. Воззрение,

¹ КГКИА, ф. 250, св. 24, д. 72.

² П. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. II, СПб, 1869, стр. 424.

³ Ив. Попка, Черноморские казаки, стр. 185—186.

⁴ Куб. сб., т. II, стр. 20.

выдвинутое Щербиной, вытекает из его общей порочной концепции¹. Считая Запорожскую Сечь образцом социального и политического равенства, Щербина с сокрушением констатирует исчезновение этого равенства в Черномории. Однако ему, как и предшествующим историкам, чужда мысль о социальном расслоении черноморского казачества, о существовании классового антагонизма в его среде. Щербина считает «несправедливостью» истории появление в Черноморском войске обособленного слоя старшин, которые, по его мнению, и являлись источником общественного зла. Поэтому движение 1797 г. и последующих лет он неправильно рассматривает как борьбу всего рядового казачества, социально однородного, со старшиной, незаконно узурпировавшей общеказачьи права. «Жаловался один класс на другой; — говорит Щербина, — и представители этого другого класса — рядовые казаки предъявили претензии на старшин к старшине же»². Представляя дело таким образом, автор заключает: «Это был последний акт из истории славного Запорожья, лебединая песня его сынов-черноморцев о казачьей воле и демократических порядках»³. Умирали старые стихийные демократические течения казачества, умирала войсковая рада.

В этих представлениях, как мы видим, нет ничего оригинального по сравнению с воззрением Короленко. И Щербине, и Короленко одинаково чуждо было понимание социального строя как Запорожья, так и Черноморского войска, а, значит, и подлинных причин борьбы в среде казачества. И тот и другой скорбели о старине и видели исцеление от всех социальных зол в восстановлении войсковой рады, выборного начала. Напомним, что концепция Щербины создавалась в период между революцией 1905—1907 гг. и началом первой мировой войны, когда автор, принадлежа к партии народных социалистов, состоял членом казачьей фракции II Государственной думы. Эта концепция, таким образом, была подчинена политическим интересам эксплуататорских слоев кубанского казачества.

Скорбя об ушедших в далекое прошлое временах, идеализируя Запорожскую Сечь и историю Черноморского войска, призывая на словах к восстановлению старины, автор на деле призывал кубанское казачество сплотиться вокруг казачьей аристократии, эксплуататорской верхушки. Заканчивая свою характеристику «Персидского бунта» как неудачную попытку восстановить запорожскую войсковую раду, Щербина писал: «И потребовалось целое столетие для того, чтобы современное уже казачество могло собраться на войсковую раду при иных условиях и обстановке»⁴. Таким образом фальсифицированная история Запорожской Сечи и Черноморского войска призвана была одурманить сознание трудовых масс

¹ Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. I—II.

² Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. I, стр. 628.

³ Там же, стр. 654.

⁴ Там же.

казачества и заставить их бороться за интересы «всего сословия», т. е. в действительности за интересы казачьих верхов — эксплуататоров. Кроме того, Щербина настойчиво подчеркивал, что казаки в своих протестах придерживались не только легальной почвы, но и действовали с исключительной корректностью в отношении старшин. То положение, которое создалось к 11 августа 1797 г. и которое можно считать угрожающим в отношении старшины, вызвано было, по его словам, поведением Котляревского, который вместе со старшиной намного преувеличивал действительные размеры волнений, объявив их потом бунтом¹. Книга Щербины, составлявшаяся, как было указано ранее, под наблюдением военного министерства, искусственно приглаживала историю казачества, изгоня всякий намек на классовую борьбу в его среде.

Движение среди черноморцев в 1797—1799 гг. прошло несколько этапов. Начавшись 22 июля со словесного заявления об обидах и неподчинения начальству, оно 23 июля привело к подаче петиции. Борьба серомы со старшиной достигла к 6 августа высокого напряжения и привела к образованию вооруженного лагеря за городом. Высшим пунктом этого периода нужно считать события 11 августа, когда казаки, парализовав деятельность властей, не только самовольно избирают куренных атаманов из «бездомных серомах», но и войсковых старшин в лице Дикуну, Шмалько и Собакаря. Этот период заканчивается временным соглашением участников волнений с администрацией. Рассчитывая на справедливость «добротного царя», казаки отправляют депутацию в Петербург, терпеливо ожидая удовлетворения своих требований.

Второй период начинается с осени 1797 г. и продолжается до лета 1799 г. После того как началось судебное разбирательство в Екатеринодаре, вызвавшее массовые аресты (одновременно была арестована депутация в Петербурге), мы видим развитие широкого движения за подачу петиций. В мае—июне 1799 г. это движение приобретает тенденцию перерасти в вооруженное восстание с целью расправы со старшиной и выдвижения на посты высшей войсковой администрации кандидатов из среды серомы. К осени 1799 г. движение угасает, подавленное совместными усилиями войсковых властей и представителей царского правительства.

Соответственно этим этапам в борьбу включаются различные социальные слои казачества. Главной действующей силой в первый период являлись участники персидского похода, в основном черноморская серома и малоимущие казаки. В большинстве это — молодое казачество, рекрутировавшееся из беглых крестьян и из сыновей черноморской и запорожской бедноты. В рядах участников похода мы находим и бывшую запорожскую казачью бедноту. Программа требований участников персидского похода неизменно сохраняется на протяжении двух периодов движения. Она заключается в отстаивании основного источника существования бедног

¹ Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. I, стр. 628.

казачества — казачьего жалования и заработной платы за внеслужебный труд. Натолкнувшись на сопротивление старшины, участники похода переходят от подачи петиции к более действенным мерам, пытаясь самовольно сместить официальную администрацию и заменить ее своими кандидатами. Поддержка повстанцев городским и сельским казачеством, приехавшим на ярмарку 6 августа 1797 г., ограничивается общим сочувствием и помощью провиантом. Городское казачество, т. е. мелкие собственники, и сельское казачество, временно присутствовавшее в городе, взывает о своих нуждах и выделяет 10 своих представителей в состав делегации в Петербург.

На втором этапе движения серома продолжает оставаться самой активной его силой. Группа участников выступления, заключенная в тюрьму, пытается расширить протест путем вовлечения в движение основной массы казачества, сельского и городского, бедного и среднего. Образовав в тюрьме и в екатеринодарских куренях надежное ядро, серома пытается объединить трудовое казачество на почве расширенной программы. Анализируя прошение Волги и Заколотенко, ответы представителей «домовного» казачества в Петербурге и содержание прокламаций, нужно заключить, что требования серомы составляли лишь одну часть этой программы. В ряде случаев (Полтавское и Джерелиевское селения) сельские общества организуют шествия в Екатеринодар для подачи петиций и отстраняют «благomyслящую» старшину, ставя на ее место свою. В этот период резко обозначается расслоение в селении, курене. «Благomyслящие», т. е. богачи, отстаивают свое влияние в селениях, борются с «неблагomyслящими» и обращаются за помощью к войсковой администрации, которая, в свою очередь, опирается на имущую верхушку в куренях.

В движении 1797—1799 гг., таким образом, можно отчетливо различить два разных слоя рядового казачества — серому и мелких хозяев. Серома, составляя наиболее решительную, активную и сравнительно лучше организованную часть, обнаруживает стремление к более решительным методам борьбы. Между тем основная масса «домовного» казачества ограничивается легальной формой давления на администрацию, подачей петиций.

Таким образом, волнения в Черномории в 1797—1799 гг., добавившие яркую страницу к истории классово́й борьбы трудящихся масс России в конце XVIII в., должны рассматриваться как выражение усиливающегося классового расслоения и антагонизма в среде казачества. Черноморская серома конца XVIII в. — это последнее поколение запорожской серомы в одной своей части, а в другой — ее ближайший потомок и преемник. Ее существование в среде запорожского и черноморского казачества является признаком социальных отношений, покоящихся на расширявшемся применении наемного труда.

Черноморская серома представляла собой массу наемников, батраков, работавших в богатых старшинских и казачьих хуторах,

на рыболовных промыслах, отбывавших службу в войске за своих хозяев и пр. Над ними всюду тяготела власть имущих. Если в сельском хозяйстве и на рыболовных промыслах сероме противостоял наниматель, старшина и богатый казак, то в воинском строю над ней безраздельно господствовал казачий офицер, пользовавшийся многочисленными привилегиями и безнаказанно обкрадывавший и угнетавший ее.

В тяжелом положении находились и малоимущие слои казачества, составлявшие огромное большинство войска. Ограничиваемое в правах на пользование войсковыми угодьями, изнуряемое многочисленными повинностями, терпящее всевозможные притеснения дома и на службе — со стороны офицерства, трудовое казачество выражало протест против тех феодальных порядков, которые служили основанием всей гражданской и военной организации того времени. Поэтому протест черноморских серомах против установившихся порядков находил сочувствие и поддержку в массах трудового казачества. Несмотря, однако, на особенности социального положения серомы, ее борьба, как и борьба малоимущих слоев казачества, шла в общем русле борьбы, которую вело крестьянство в эпоху, когда еще не сложился класс промышленных, городских рабочих.

Классики марксизма-ленинизма, определяя особенности борьбы крестьянства в эпоху господства феодальных отношений, отметили стихийность выступления крестьян. Такой же стихийностью, неосознанностью своего положения в обществе и целей борьбы характеризуется и движение черноморской серомы. Кроме того, серома, подобно всему крестьянству, удерживала наивную веру в «добраго царя». Крестьянские восстания, как известно, могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят ими.

3. О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В СРЕДЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX в.

Беспощадная эксплуатация и бесправие трудовых слоев казачества вызывали с их стороны острый классовый протест, проявлявшийся в самых разнообразных формах: в нападении серомы на хутора старшин, богатого казачества и пр. При этом интересно, что участники нападений назывались гайдамаками. По сообщению местного бытописателя, черноморские гайдамаки соединялись обычно в небольшие группы числом от 10 до 15 человек. Как правило, они были хорошо вооружены, имели кинжалы, шашки, пистолеты и ездили на верховых лошадях¹. Циркуляр наказного атамана от 3 сентября 1848 г. извещал, что с середины июля на тер-

¹ Куб. Обл. Вед., 1897, № 21.

ритории Ейского и Екатеринодарского округов начались «грабежи», причем жертвами их сделались хутора. Отряды гайдамаков, как писал наказный атаман, состояли из казаков черноморских и кавказских или тех и других вместе¹.

Для борьбы с гайдамаками войсковое начальство отряжало специальные команды во главе с благонадежными и энергичными офицерами. Команды рыскали, подобно гончим, по степи, тщательно осматривали балки, хутора, а в особенности рыболовные промыслы. Среди таких полицейских следопытов в 1848 г. выделялся войсковой старшина 3-го конного полка Бешук-Могуков, получивший от наказного атамана специальные полномочия для борьбы с гайдамацкими отрядами².

Из какой социальной среды выходили черноморские гайдамаки и против кого были направлены их удары? На эти вопросы можно дать следующий ответ. Во-первых, все документальные свидетельства сводятся к тому, что, несмотря на преследования, гайдамацкое движение упорно продолжалось. Естественно, что это было бы невозможно без сочувствия и поддержки со стороны широких масс казачества. Во-вторых, в официальных известиях о нападениях на хутора содержатся сведения о владельцах хуторов. Это черноморские богачи, эксплуатировавшие труд наемных работников³.

Следовательно, черноморский гайдамак — представитель самой обездоленной части казачества — серомы. Гайдамачество являлось формой социального протеста черноморской серомы, беспощадно угнетаемой богатым казачеством и старшиной.

К 1848 г. нападения гайдамаков достигли таких размеров, что правительство решило принять специальное постановление. 8 декабря 1848 г. был объявлен именной указ командующему Отдельным кавказским корпусом «О мерах к пресечению воровства в Черноморском казачьем войске». Указ интересен тем, что отчетливо определяет социальное положение гайдамаков. Если пойманные гайдамаки не могли возместить захваченного ими имущества, они приговаривались к принудительным работам на Ачужевском рыболовном заводе «для заработков, с тем, что заработная плата должна быть установлена взаимным соглашением войскового правительства с содержателями завода, а заработанные деньги обращать в вознаграждение тех лиц, у которых они похитили что-либо»⁴. В тех случаях, когда они оказывались неспособными к труду на рыболовном заводе, их надлежало «отдавать в работу или услугу желающим станичным жителям» с соблюдением вышеуказанных правил. При побеге из рыболовного завода или от хозяина виновный подлежал суду как за побег из арестантских рот⁵.

¹ Куб. Обл. Вед., 1897, № 21.

² Там же.

³ Там же, № 19, 20, 21.

⁴ ПСЗ, т. XXIII, 1843, док. 22801.

⁵ Там же.

Еще более интересно циркулярное распоряжение наказного атамана генерала Кусакова 1-го от 18 сентября 1859 г. Констатируя массовые случаи нападений на хутора, Кусаков учредил специальные органы для борьбы с этим явлением — окружные разъездные команды. Вместе с тем Кусаков потребовал от станичных обществ, чтобы те передавали в руки войскового начальства подозрительных лиц. Социальное положение подозрительных циркуляр определяет очень просто: ими оказывались казаки, находившиеся во временном или постоянном услужении у частных лиц в чужих станицах¹.

Реакционные историки казачества, проникнутые сословными предрассудками, лицемерно отвернулись от черноморского гайдамачества, не желая видеть в нем проявление острой классовой ненависти бедных к богатым, угнетенных к угнетателям. И. Попка, современник этого явления, считал гайдамачество следствием неумирающего запорожского «своевольства», откровенно отказавшись определить его социальный смысл.

Ф. Щербина попытался дать гайдамачеству более глубокое, по его мнению, объяснение. «Это был, — пишет он, — своего рода международный институт преступлений против собственности и собственников, институт, оставленный в наследство предшествующими стадиями исторической жизни, когда основной тон этой жизни задавали скотоводы-кочевники и когда угон стад — барантчество, и пленение людей — невольничество считалось военной доблестью»².

Совершенно очевидно, что такой «экскурс» в историю древних веков потребовался Ф. Щербине лишь для того, чтобы затуманить борьбу казачьих низов против своих угнетателей и тем самым подкрепить ложную идею «единства» казачества и господства так называемых «народных основ» жизни в его среде.

При изучении гайдамацкого движения на Черномории в XIX в. нельзя забывать, что значительную часть гайдамаков составляли так называемые бродяги, т. е. беглые крепостные из центральных областей страны. Известной части беглых удавалось легализовать свое положение путем приписки к войску, но громадная часть оставалась вне войсковых реестров. Это происходило от все возраставшей строгости преследования беглых. Однако как ни беззащитен и затравлен был беглый крепостной на Кубани, он пытался сопротивляться и требовать свободы. Для характеристики форм его протеста представляют известный интерес события, происходившие осенью 1848 г. на Ейской косе. Они тесно связаны с основанием в 1848 г. города Ейска.

Весть о новом городе распространилась далеко за пределы Черномории и привлекла в него много беглых крестьян и других беспаспортных элементов. Беглецы, по словам Ейского окружно-

¹ Краснодарский историко-краеведческий музей.

² Ф. А. Щербина, Ист. Куб. каз. войска, т. II, стр. 817.

го дежурства от 2 сентября 1848 г., «насиленно требуют от тамошнего начальства непременно их приписки в число жителей города»¹. Свои требования беглые подкрепляли угрозами по адресу властей. В том же предписании Ейского окружного дежурства Новодеревянковскому станичному правлению говорится о том, что беглецы «по необузданности своей доходят к угрозам, к б'йству (буйству. — В. Г.) и к самому даже смертоубийству»².

Войсковое начальство, обеспокоенное создавшимся в Ейске положением, велело местным властям арестовать всех беглых и «разослать в надлежащие места»³. С этой целью Ейское окружное дежурство и направило известное нам предписание Новодеревянковскому станичному правлению. Предписание повелевало в ближайших к Ейску станицах собрать конные казачьи команды «в усиленном числе» и выслать в Ейск к вечеру 4 сентября. Предписывалось также организовать ловлю «бродяг» вблизи Ейска на морском побережье. Прибывшим командам удалось арестовать часть беглых. Это еще больше усилило возмущение. Поэтому было решено увеличить численность карателей. В предписании от 6 сентября Ейское окружное дежурство так изображало положение в Ейске: «По приходе команд в г. Ейск, и по исполнении арестования бродяг, здесь отысканных, эти последние дошли до возмущения так, что требуется необходимость усилить команды, ибо число взбунтовавшихся бродяг весьма значительное, а потому надобно противопоставить меры более надежные; но невозможно от недостаточного числа команд»⁴. Войсковое начальство настолько спешило ликвидировать волнения, что предписало мобилизовать в ближайших к Ейску станицах не только конных запасных казаков, но и пеших, имеющих лошадей, и присылать их по мере сбора на Ейскую косу⁵.

На основании очень скурых официальных данных о событиях на Ейской косе можно заключить, что волнения беглых были очень скоро подавлены. Однако переловить их всех не удалось. Значительная часть беглых скрылась, рассеявшись по рыболовным промыслам кубанского низовья.

Приток беглых привел к усилению борьбы на рыболовных промыслах. Из предписания Ейского окружного начальства Новодеревянковскому станичному правлению от 1 декабря 1848 г. видно, что волнения на Ейской косе и на рыболовных промыслах встревожили главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцова. Они побудили его командировать адъютанта штабс-капитана Лисиневича для ликвидации «беспорядков, достигающих до степени явных грабежей, которым подвергаются рыбо-

¹ Куб. Обл. Вед., 1897, № 22.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

промышленники Черноморского войска, от прибрежных жителей Екатеринославской губернии»¹.

Наибольшего напряжения борьба достигла на рыболовных промыслах, принадлежавших двум местным богачам — братьям Александру и Алексею Посполитаки. Керченские греки по происхождению, они приписались к Черноморскому войску и с 30-х годов XIX в. развернули свою предпринимательскую деятельность. В течение непродолжительного времени путем бессовестнейших спекуляций Посполитаки нажили огромное состояние и приобрела безграничное влияние на войсковую администрацию. Взятки, подкупы в разных видах, смелые и ловкие аферы, в которые они втягивали войсковых чиновников, сделали их всемогущими. Получив офицерские чины, Посполитаки были тем самым официально приняты в среду казачьего дворянства. Сфера коммерческих махинаций этих доморожденных капиталистов почти не имела предела. Посполитаки держали на откупе, как было указано ранее, меновые двory по торговле с горцами, во время сильного неурожая 1834 г. спекулировали на хлебом, чем поставили немущие и малоимущие слои екатеринодарского населения в тяжелое положение, держали маркитантские лавки в казачьих отрядах, отправлявшихся в экспедиции за Кубань, брали на откуп почтовые станции в Черномории, спекулировали войсковыми угодьями, продавая подставным лицам сено и т. д. и т. п. Но подлинным царством Посполитаки были рыболовные промыслы, в особенности Ачужевский рыболовный завод, который они почти бесценно брали на откуп. «Люди эти, — как писал жандармский офицер Гринфельд 16 августа 1836 г. в рапорте командующему Отдельным кавказским корпусом Г. В. Розену, — несправедливыми действиями, необыкновенною жадностью к прибыли, с обидою и притеснениями ближних, нахальством и самонадеянностью навлекли на себя всеобщий ропот и негодование»².

По словам того же жандармского офицера, Посполитаки нанимали не менее 200 человек работников, причем большая часть их находилась на рыболовных промыслах. Остальные были заняты другими хозяйственными работами. Для рабочих Посполитаки был учрежден особый режим, ставивший наемных людей в положение бесправных невольников. Принимая на работу бедных казаков и разный пришлый люд, Посполитаки прежде всего отбирали у нанимающихся отпускные билеты и оставляли их у себя под разными предложениями до тех пор, пока им это было выгодно. «Искусство» эксплуатации основывалось на том, чтобы поставить рабочего в положение полной экономической зависимости и внушить ему страх перед всевластием хозяина. На место работы посылалась в огромном количестве водка, сильно разбавленная водой. Раза два в не-

¹ Куб. Обл. Вед., 1897, № 24.

² Рапорт Гринфельда см. в статье К. Сивкова «Эпизод из истории колониального ограбления Кавказа», Борьба классов, 1936, № 8, стр. 33.

делю приказчики Посполитики «потчевали» от имени хозяев голодных, промокших и озябших забродчиков водкой. Когда же приходило время расчета, за водку назначалась непомерно высокая цена, вдвое и вчетверо выше обычной. Таким образом у рабочего отнималась добрая половина его заработка. Остальную часть заработка отнимали несколько иначе. Посполитики открыли «для рабочих» в Темрюке свои лавки с разными товарами, в том числе с обувью и одеждой. Продажа этих товаров производилась весьма своеобразно: они принудительно распределялись среди забродчиков. При этом всех осмелившихся отказаться брать товары немедленно выгоняли с работы. Так как при увольнении до окончания сезона рыбной ловли рабочий автоматически лишался уже заработанных денег, охотников отказываться от товаров было немного. Нечего и говорить, что плата за товары, в том числе и за съестные припасы, взималась втридорога. Малейшее недовольство со стороны рабочих влекло за собой наказание плетьюми.

В результате такой системы оплаты труда Посполитики не приходилось при расчете выдавать рабочим на руки даже части заработка. Напротив, в долгу у них оставались обычно рабочие, причем долг этот доходил иногда до 100 руб. Такой долг приходилось отрабатывать или в период следующего рыболовного сезона, или на других работах. В период сенокоса, например, Посполитики гнали должников на покос, назначая непомерно низкую цену и стремясь разными способами втянуть рабочих в еще большие долги. Так как отпускной билет, или паспорт, не возвращался работнику до времени погашения долга, последний попадал в настоящую кабалу¹. Жалобы на произвол этих вампиров были бесполезны. Войсковая бюрократия, подкупленная Посполитики, мирволила им во всем, да, наконец, и сам жалобщик рисковал очутиться под плетьюми рыбопромышленников.

Таково было положение у Посполитики «вольных» рабочих, нанимавшихся по билету и на определенный срок. Легко представить себе положение нелегального рабочего, не имевшего билета, или паспорта, безотносительно к тому, был ли то скрывающийся от повинностей неимущий казак или зашедший в Черноморию беглый крепостной крестьянин. А между тем рыболовные заводы, как было указано ранее, являлись главным прибежищем беглых, и Посполитики широко применяли их труд на своих промыслах².

Для характеристики положения беспаспортного рабочего на Кубани можно привести документ из переписки Бердянского окружного управления государственных имуществ с Черноморским войсковым правлением в 1850 г. Вдова государственного крестьянина Назютина жаловалась, что сын ее Тимофей из-за недорода в 1845 г. «отлучился вместе с прочими... крестьянами в Черноморские рыбные заводы для заработков, где и поныне с просроченным

¹ Рапорт Гринфельда, см. статью К. Сивкова «Эпизод из истории колониального ограбления Кавказа», Борьба классов, 1936, № 8, стр. 34.

² Куб. Обл. Вед., 1897, № 19.

паспортом находится»¹. За пять лет своего отсутствия Тимофей Назютин переслал матери на уплату налогов 13 руб. серебром. Потерявши кормильца, мать просила разыскать его. В деле сохранилось письмо Тимофея Назютина к матери. «Вы знаете, — писал он, — что я бы мог зарабатывать лишние деньги, а то без пашпорта какой заработок: где что дают, то и бери, а больше требовать нельзя, без пашпорта жить так, как без глаз»². Скрываясь от разыскивавших его властей, Тимофей умолял мать найти способ добыть и выслать ему паспорт.

Обкрадываемые, обманываемые, бившиеся в тенетах долгов и бесправия, рабочие рыболовных промыслов Пospолитакки не раз поднимали свой голос возмущения и протеста. Вот один из документов, отразивший волнения рабочих в 1849 г. на Ачуевском рыболовном заводе, содержанием которого был войсковой старшина Аเลสандрo Пospолитакки. 25 мая 1849 г. А. Пospолитакки подал наказному атаману генерал-майору Рашпилю докладную записку. Рашпиль в тот же день наложил следующую резолюцию: «В Войсковом правлении сейчас сделать должное рассмотрение и распоряжение»³. Содержание докладной записки Пospолитакки таково: «Сейчас я получил донесение через нарочного, — писал Пospолитакки, — что забродчики Ачуевского рыболовного завода, бунтуясь между собою, среди лова оставляют занятия свои и уклоняются от дальнейшей ловли. 25 человек сбежало уже от завода и быть может из остающихся последуют примеру сих, быть может и то, что кто-либо тайно противодействует моим распоряжениям. Известно с давних времен, — продолжал Пospолитакки, — что забродчики, поступающие для лова рыбы в Ачуевский завод, обязываются оставаться при месте до окончания оногo, который оканчивается 1 октября. Подобные неожиданные обстоятельства, а быть может и умышленные действия недоброжелательных людей угрожают меня (мне. — В. Г.) невероятными убытками и решительному разорению»⁴. Пospолитакки просил войсковое начальство «отвратить буйственные предположения забродчиков», «заставить забродчиков продолжать лов»⁵. Тут же он указывал и на средства, к которым следовало прибегнуть. Средства оказывались очень «простыми». Пospолитакки просил откомандировать с соответствующими полномочиями особого чиновника на Ачуевский завод или облечь его самого специальными полномочиями, приказав одновременно Новонижестеблевскому станичному правлению выделить в его распоряжение особую команду казаков «для умирения бунтующих»⁶.

«Бунт» забродчиков, как видно из приведенной докладной за-

¹ КГКИА, ф. 252, св. 207, д. 1382, л. 74.

² Там же, л. 98.

³ Там же, св. 132, д. 961, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

писки Посполитаки, состоял только в том, что они отказывались продолжать работу и уходили с промыслов до окончания рыболовного сезона. Конечно, рыбопромышленник умолчал о причинах такого «буйственного» поведения забродчиков. Причины эти, несомненно, заключались в чудовищной эксплуатации забродчиков и в издевательском отношении к ним со стороны предпринимателя. Намеки Посполитаки на «недобронамеренных людей», будто бы подстрекающих забродчиков, являются простой уловкой со стороны черноморского хищника. Посполитаки имел в виду очернить своих конкурентов, стремившихся вытеснить его из Ачуевского завода.

Рекомендации Посполитаки, высказанные в докладной записке, были немедленно приняты войсковыми властями. 2-й стол исполнительной экспедиции войскового правления в тот же день, т. е. 25 мая, направил оригинал докладной записки Посполитаки Таманскому окружному сыскному начальству с указом «для обследования предмета в ней (записке. — В. Г.) значащегося и усмирения забродчиков, намеревающихся учинить с завода побег», немедленно командировать на Ачуевский рыболовный завод заседателя Таманского окружного сыскного начальства¹. Заседателю поручалось в присутствии самого Посполитаки убедиться в подлинности данных, изложенных в докладной записке. Одновременно Посполитаки было выдано предписание на имя Новонижестеблевского станичного правления, которое обязывалось назначить в распоряжение Посполитаки «особую команду для взятия виновных под караул и представления, куда следует»².

Таким образом предприниматель, эксплуатировавший работников, и их каратель являлся одним и тем же лицом, одетым в мундир черноморского казачьего офицера. Войсковое правление услужливо и поспешно предоставило Посполитаки официальные средства для расправы со своими работниками.

Дело о волнениях забродчиков на Ачуевском заводе в 1849 г. испорчено, и дальнейший ход событий неизвестен. Впрочем, о последствиях догадаться нетрудно. Продолжать протест перед лицом казачьей команды забродчики не могли. Но глухой ропот среди них не прекращался и по временам прорывался наружу, заставляя Посполитаки вновь и вновь обращаться к содействию властей. Из копии отношения командующего войсками на Кавказской линии на имя наказного атамана Черноморского войска от 16 мая 1852 г. видно, что Посполитаки опять жаловался на «беспорядки», возникшие на его промысле. На сей раз виновными перед Посполитаки оказались крестьяне Екатеринославской губернии, работавшие у него в качестве забродчиков³.

Беспощадно эксплуатируя своих работников, Посполитаки одновременно притеснял казачье население ближайших к его заводу

¹ КГКИА, ф. 252, св. 132, д. 961, л. 3.

² Там же, л. 4.

³ Там же, св. 207, д. 1380, л. 168.

станци, захватывал рыболовные угодья казаков. На этой почве часто происходили столкновения, переходившие в кровавые схватки, между администрацией Посполитаки и казаками. Так, 10 февраля 1852 г. казаки поселка Бриньковского, выведенные из терпения притеснениями Посполитаки, во главе с приказным казаком В. Гордиенко направились на рыболовные промыслы откупщика и жестоко избили его приказчиков¹.

Классовое угнетение в Черномории выступало в оголенных формах. Эксплуататор, будь то офицер или нечиновный казак, владелец богатого хутора или рыболовного промысла, немедленно превращался из хозяина-наемателя в вооруженного с ног до головы карателя, готового в любую минуту обрушиться на всякое проявление классового протеста со стороны своих рабочих. В казачьей области, где все было поставлено на военную ногу, классовая борьба рабочего люда, разбросанного небольшими группами по степным хуторам и рыболовным промыслам, была особенно трудной. Но она никогда не прекращалась. Темные, бесправные и забытые работники боролись как умели и как могли.

Так обстояло дело в ранний период развития капитализма на Кубани. Прошло еще несколько десятилетий и станичный пролетарий, поддерживаемый массами трудового казачества, нашел свое место в великой армии российского пролетариата, выступившего под боевым знаменем Коммунистической партии на штурм самодержавия, помещиков и капиталистов.

---

¹ КГКИА, ф. 252, св. 208, д. 1389, лл. 5, 283.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авксентьев, черноморский старшина — 345.
 Адаменко, мещанин — 332.
 Алакай ага, перекопский купец — 62.
 Александр I — 170, 176, 321, 328.
 Александров-Дольник К., историк — 24.
 Алексеев Ларион, статский советник — 126, 131.
 Алексей, работник — 104.
 Алексеенко Василий, черноморский казак — 285.
 Алексеенко Семен, черноморский казак — 285.
 Андреев Демьян, запорожский казак — 95.
 Андреев И. А., помещик — 184.
 Андреевский А., историк — 73.
 Анна Ивановна, императрица — 51.
 Антонов Никита, донской казак — 186.
 Антонович В., историк — 8, 15, 19.
 Апостол Петр Данилович, крупный украинский помещик — 42.
 Апостолик, помещик — 50.
 Апостолов П., помещик — 203.
 Аристов офицер — 39.
 Армяниц Емельян, черноморский старшина — 166.
 Арсеньев, статистик — 300.
 Артюхов Андрей, черноморский казак — 138.
 Архипенко, черноморский казак — 323.
 Арциборзинский Евсей, запорожский, впоследствии черноморский казак — 52, 116.
 Аxfимья, крепостная крестьянка — 189.
 Аxfматов — 351.
 Бабенко Илья, черноморский старшина — 338.
 Бабченко черноморский старшина — 332, 333.
 Багалей Д. И., историк — 76, 126, 127, 128, 130.
 Багрей, черноморский старшина — 366.
 Бадайва Петр, бывший запорожский казак — 115.
 Байдаченко, помещик — 119.
 Бакар Андрей, запорожский казак — 70.
 Балабан Андрей, запорожский казак — 47, 70.
 Балараба Михайло, запорожский казак — 65.
 Балеко Петр, запорожский казак — 33.
 Банди, офицер — 39.
 Бантыш, помещик Бахмутского уезда — 179.
 Барабаш, черноморский старшина, есаул — 248.
 Баран Иван, бывший запорожский казак — 121.
 Барановский Г., черноморский казак — 185.
 Баранчиков Алексей, купец — 82.
 Баранчиков Григорий, купец — 82.
 Барвенский Матвей, бывший запорожский казак — 116.
 Бардах Ю., польский историк — 17.
 Барила, черноморский старшина, есаул — 188.
 Барклай де-Толли, генерал — 176.
 Барыш-Тищенко, черноморский старшина, есаул — 188, 189.
 Барыш-Тищенкова, помещица — 189.
 Бариатинский, помещик — 145.
 Бариатинский А. И., генерал — 312.
 Бедашенко Конон, запорожский, впоследствии черноморский казак — 253, 299, 353, 362.
 Бедненко И., черноморский казак — 363.

- Беднов В. А., историк — 124, 125, 126, 131.
- Бедный Давид, помещик — 281.
- Беднягин, черноморский старшина, есаул — 184, 215.
- Безбородко А. А., князь — 127, 199.
- Безверхий Никита, запорожский казак — 90.
- Безродный Федор, легендарный герой украинской народной думы — 46.
- Беклешов, военный губернатор — 176.
- Белак Семен, черноморский казак — 245.
- Белецкий, запорожский казак, впоследствии черноморский старшина — 113, 114, 116, 346.
- Белецкий И., запорожский кошевой атаман — 87.
- Белецкий Савва, запорожский казак — 41.
- Беличенко, запорожский казак — 71.
- Белозерцов Аврам, драгун — 40.
- Белопах Иван, черноморский казак — 162.
- Белоус Иван, бывший запорожский казак — 119.
- Белуга Антон, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Белый, черноморский старшина, ассесор — 244.
- Белый, черноморский старшина, капитан — 164, 345, 365.
- Белый, черноморский старшина, есаул — 345.
- Белый Алексей, черноморский казак — 161, 162.
- Белый Василь, черноморский казак — 185.
- Белый Давид, черноморский старшина — 337, 338.
- Белый Константин, черноморский старшина — 298, 345.
- Белый Кузьма, черноморский старшина — 347, 350, 361.
- Белый Михаил, бывший запорожский казак — 116.
- Белый Никита, запорожский казак — 65.
- Белый Петр, черноморский казак — 252.
- Белый С., черноморский казак — 237.
- Белый Савва, черноморский старшина — 201, 203, 298, 334, 335, 336.
- Белый Сидор Игнагьевич, запорожский старшина, впоследствии кошевой атаман Черноморского войска — 29, 69, 98, 134, 135, 136, 143, 316, 317, 318.
- Бельский Маргин, польский хронист XVI в. — 19, 20, 21.
- Беляевский Игнат, черноморский казак — 49.
- Беляев, секунд-майор — 178.
- Бентковский И., историк — 183, 218, 219, 220, 270.
- Бервикс, помещик — 185.
- Бердин, черноморский казак Кореновского куреня — 245.
- Бердяев, новороссийский губернатор — 349.
- Береза, черноморский казак — 364.
- Бескровный, генерал, наказный атаман Черноморского войска — 263.
- Беспалый Давид, черноморский казак — 294.
- Беспятыи Герасим, запорожский, впоследствии черноморский казак — 353, 354.
- Бешук-Могуков, черноморский старшина — 373.
- Блоха Грицко, запорожский казак — 47.
- Бовтюх Василь, запорожский казак — 79.
- Богдан Евтихий, черноморский казак — 282.
- Богомолов, помещик — 188.
- Бойко Иван, запорожский казак — 94.
- Бойко Михаил, бывший запорожский казак — 116.
- Болдырь Иван, запорожский казак — 40.
- Болотников Иван, предводитель крестьянского восстания в России 1606 — 1607 гг. — 24, 26, 109.
- Бомбит Денис, бывший запорожский казак — 117.
- Бондаренко Кирилл, черноморский казак — 163.
- Бондаренко Мартин, запорожский казак — 70.
- Бондарь Логвин, бывший запорожский казак — 118.
- Бондарь Яков, бывший запорожский казак — 118.
- Боплан Г., француз, ияженср — 19, 20, 23.
- Бородченко Павел, работник — 237.
- Бочка Иван, черноморский казак — 162.
- Бочков, солдат — 39.
- Браницкий, польский граф — 152.
- Браславец Федор, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
- Братусь Павел, черноморский казак — 331.
- Бредихин, помещик — 221.
- Бристенъ Трофим, бывший запорожский казак — 117.

- Броневский, историк — 91.
 Бубликовский Гордей, черноморский старшина — 281.
 Бугаенко Ярема, черноморский казак — 337.
 Будий Павло, черноморский казак — 145.
 Булавиц Кондратий, донской казак, предводитель восстания 1707—1708 гг. — 93, 94, 109.
 Будименко П., запорожский казак — 65.
 Бурденко Андрей, черноморский казак — 299.
 Бурлака Корней, черноморский казак — 188.
 Бурнос Федор, черноморский старшина, есаул — 281.
 Бурнос 2-й, черноморский старшина — 185.
 Бурсак Надежда, дочь Бурсака П. Ф. — 259.
 Бурсак Павел, сын Бурсака П. Ф. — 259, 260, 261.
 Бурсак Петр, черноморский старшина, сын Бурсака П. Ф. — 259, 260, 264.
 Бурсак П. Ф., черноморский старшина, подполковник — 190, 193, 248, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 266.
 Бурсак Ф., войсковой атаман Черноморского войска — 169, 175, 176, 177, 178, 190, 193, 245.
 Бутенко Леонтий, черноморский казак — 161.
 Бутков П., историк — 128, 309, 368.
 Бутович Г., помещик — 35.
 Бык Демьян, черноморский казак — 181.
 Бык Федор, запорожский казак — 71.
 Быков Гаврила, полковник Донского войска — 281.
 Быховский С., запорожский старшина — 65.
 Вакуленко, черноморский старшина, сотник — 184.
 Вареник, черноморский старшина — 331.
 Василий, запорожский казак — 263.
 Василий, запорожский казак — 105.
 Василий, квартирмейстер — 254.
 Васильев, черноморский казак — 221.
 Васильев Ерема, бывший запорожский казак — 119.
 Вашко Степан, работник — 255.
 Велегура, запорожский казак, впоследствии черноморский старшина — 129, 149.
 Велегура Лукьян, черноморский казак — 323.
 Великий И., черноморский старшина — 240.
 Великий Иван, запорожский казак — 79.
 Великий Иван, черноморский казак — 154.
 Великий Семен, черноморский казак — 337.
 Великий Федор, запорожский, впоследствии черноморский старшина — 95, 97, 339.
 Величко Григорий, помещик — 190.
 Величко Степан, черноморский казак — 190.
 Вельяминов, генерал — 169, 183.
 Вера, крепостная крестьянка — 189.
 Вербец, черноморский старшина — 177.
 Вербина Алексей, запорожский старшина — 102.
 Вербицкий, ассессор — 325, 326.
 Вербицкий Андрей, запорожский старшина — 102.
 Вергун, бывший запорожский казак — 79.
 Верещака Василий, черноморский казак — 50, 51, 165.
 Верещенко Федор, черноморский казак — 163, 165.
 Вершина Алексей, черноморский казак — 282.
 Вивчаренко Клим, черноморский казак — 366.
 Винниченко Демьян, крестьянин — 34.
 Виноград Гордей, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
 Витт, генерал — 199, 205.
 Вишневецкий Дмитрий, князь — 19, 20, 21.
 Вишня Михаил, бывший запорожский казак — 116.
 Владимир, иеромонах, глава запорожского духовенства — 34.
 Власов 3-й, генерал — 214, 215, 216, 217.
 Вовчок Иван, черноморский казак — 281.
 Водолага И., запорожский старшина — 73.
 Водолага И., черноморский казак — 355.
 Воейков Федор, киевский губернатор — 97.
 Войнов, адмирал — 335.
 Войтенко Гаврила, запорожский казак — 128.
 Волга, черноморский казак — 356, 357, 358, 371.
 Волик, черноморский казак — 166.

- Вологин, приказчик — 146.
 Волошин Иван, черноморский старшина — 141.
 Волошин Кирилл, запорожский казак — 60.
 Волошская, княгиня — 120.
 Волощенко Федор, левобережный казак — 36.
 Вольский, офицер — 137, 138.
 Воробьев, крестьянин — 181.
 Воробьев Василий, крепостной крестьянин — 175.
 Вороной С., черноморский старшина — 321, 322.
 Воронцов М. С., граф — 142, 189, 290, 375.
 Воскресенский Ефим, черноморский казак — 164.
 Второв Н., историк — 24.
 Вшивый Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
 Высочин, офицер — 241.
 Высочин Алексей, черноморский старшина — 248, 281, 318.
 Высочин М., запорожский казак — 62.
 Вяземская, княгиня — 119.
 Вяземский А. В., князь — 112, 117, 118, 119, 122, 146, 148, 196, 199.
 Габлиц К. Л., вице-губернатор — 202, 298.
 Гаврила — 61.
 Гаврилов, запорожский старшина — 65.
 Гаврилов Павло, запорожский казак — 29.
 Гавриш Михаил, черноморский старшина — 188.
 Гаденко, бывший запорожский казак — 121.
 Гадлевский Станислав, помещик — 133.
 Гайос, офицер — 338.
 Галушка, черноморский старшина — 332.
 Гамов Николай, черноморский казак — 140.
 Ганиченко И., черноморский казак — 152.
 Гараджа, запорожский, впоследствии черноморский старшина — 38, 56, 324.
 Гардовый Илья, запорожский старшина — 91.
 Гарих, офицер — 119.
 Гаркуша, запорожский казак — 71.
 Гаркуша, черноморский казак — 152.
 Гаркуша, черноморский старшина, поручик — 209.
 Гаркуша Иван, черноморский старшина, есаул — 329, 330.
 Гаркуша Михаил, черноморский казак Полтавского куреня — 154.
 Гелех, запорожский старшина — 71, 92.
 Гендриков И. С., помещик — 38.
 Гендубак, генерал — 119.
 Герасим Терешков сын, крестьянин — 34.
 Гладкий Остап, черноморский казак — 323.
 Глазов 2-й, генерал — 360, 364, 365, 366, 367.
 Глинский, черноморский старшина — 166.
 Глоба И. Я., запорожский войсковой писарь — 56, 63, 67.
 Глоба Лазарь, запорожский казак — 81, 82, 112.
 Глухой Кузьма, запорожский казак — 46.
 Глухый Макар, работник — 237.
 Глухий Трофим, работник — 237.
 Гмыря Роман, черноморский старшина — 139.
 Гнедой Мирон, запорожский казак — 39, 40.
 Гнения Федор, запорожский старшина — 55.
 Говтва Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 148.
 Гоголь Н. В., писатель — 8.
 Голеновский, черноморский старшина, прапорщик — 344, 345, 349.
 Головатый Александр, сын Головатого Антона — 133.
 Головатый Антон, запорожский старшина, впоследствии войсковой судья и кошевой атаман Черноморского войска — 29, 113, 134, 136, 137, 138, 139, 143, 145, 176, 177, 187, 189, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 210, 237, 238, 239, 240, 241, 281, 282, 287, 295, 316, 317, 318, 319, 330, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 352, 355.
 Головатый Никита, запорожский казак — 98.
 Головатый П. Ф., запорожский войсковой судья — 29, 56, 118.
 Головин, генерал — 183, 288.
 Головки, запорожский казак Иркиевского куреня — 69.
 Головки, запорожский старшина, полковник — 96, 97, 98.
 Головки Иван, запорожский казак — 33.
 Головки Наталия, жена запорожского казака — 33.
 Головки Павел, запорожский, впоследствии черноморский казак — 33.
 Головки Семен, канонир — 363.

- Голуб, черноморский казак, атаман Пашковского куреня — 323, 324.
- Голуб, черноморский старшина, ассесор — 246.
- Голуб Трофим, запорожский казак — 70, 81.
- Голубенко (Ситниченко) Иван, черноморский казак — 181, 182.
- Голубенко (Ситник) Павло, черноморский казак — 180, 181, 182.
- Голубничий, черноморский старшина, писарь — 361, 362.
- Гольий Иван, запорожский казак — 57.
- Гонта Иван, предводитель крестьянского восстания 1768 г. на Украине — 96.
- Гонтарев Василий, черноморский казак — 298.
- Гонтарев Иван, черноморский казак — 298.
- Гончар Яков, запорожский казак — 38.
- Гончаренко (Лохвица) Илья, черноморский казак — 180, 181.
- Гончаренко Фома, черноморский казак — 164, 165.
- Гонит Левко, бывший запорожский казак — 116.
- Горб Алексей, черноморский казак — 331.
- Гордиенко В., черноморский казак — 380.
- Гординский, черноморский казак — 48, 49.
- Горский А., польский шляхтич — 31.
- Горчаков, помещик — 38.
- Горюха Федор, запорожский казак — 58.
- Грабянка Григорий, украинский летописец — 22.
- Греков, офицер — 120.
- Гречаний, черноморский старшина, есаул — 262, 266.
- Григоренко Матвей, черноморский казак — 210.
- Григорий, черноморский старшина, есаул — 254.
- Гримак Андрей, черноморский казак — 294.
- Гринфельд, жандармский офицер — 376, 377.
- Грицай, крепостной крестьянин — 38.
- Грумник Яков, черноморский казак — 174, 185.
- Грушевский М., украинский буржуазный историк — 8, 19.
- Губа Андрей, запорожский казак — 60.
- Губа Григорий, черноморский казак — 285.
- Губа Левко, запорожский казак — 62.
- Губа Лукьян, черноморский казак — 285.
- Губа Матвей, бывший запорожский казак — 122.
- Губа Трофим, запорожский казак — 41, 88.
- Губа Яцко, запорожский казак — 60.
- Губенко Г., помещик — 118.
- Губенко Семен, запорожский, впоследствии черноморский казак — 122.
- Гудименко Андрей, запорожский казак — 89.
- Гуза С., — 282.
- Гук, запорожский старшина, полковник — 107.
- Гулай Андрей, черноморский казак — 326.
- Гулик Леонтий, черноморский старшина, полковник — 167.
- Гулик Мокшй, черноморский старшина, войскового есаула — 161, 200, 204, 215, 231, 340, 342, 346, 347, 349, 353.
- Гулой Иван, запорожский казак — 60.
- Гумененко Гаврила, черноморский казак — 167.
- Гуржий И. А., советский историк — 128, 174.
- Гуртовой Иван, черноморский казак — 361.
- Густобагров Григорий, солдат — 39, 40.
- Давидович Хасса, торговец — 286.
- Давидович Яков, торговец — 286.
- Дадешкалани Кукансин, князь Сванетии — 340.
- Даниленко, черноморский старшина — 331.
- Данилов Григорий, солдат — 97.
- Данильченко, черноморский старшина, командир флотилии — 299.
- Данченко, черноморский казак — 176.
- Дардовый, черноморский казак — 365.
- Дашкевич, литовский шляхтич — 19.
- Дебалин, генерал — 112.
- Дебу И., историк — 169, 219, 310.
- Девьер П., генерал — 40.
- Девятка И., черноморский казак — 283.
- Дегтярь Андрей, запорожский, впоследствии черноморский казак — 91.
- Дегтярь Василий, запорожский, впоследствии черноморский казак — 91.
- Дейнека Алексей, запорожский казак — 97.
- Демеш Федор, бывший запорожский казак — 119.
- Дензя Степан, запорожский казак — 46.
- Дервянченко Петр, запорожский казак — 33, 34.
- Деркач, черноморский старшина — 165.

- Дехтеренко Ерко, черноморский казак — 154.
- Джумане, перекопский купец — 62.
- Дзюбан Алексей, черноморский казак — 179.
- Дибич, генерал — 193.
- Дикий Павло, запорожский старшина — 116.
- Дикун Федор, черноморский казак — 343, 344, 349, 350, 356, 366, 368, 370.
- Дмитренко И., буржуазный историк — 129, 134, 135, 136, 141, 146, 148, 149, 153, 157, 167, 175, 176, 177, 182, 190, 196, 198, 199, 201, 202, 203, 205, 215, 237, 240, 243, 282, 285, 287, 288, 298, 299, 318, 319, 320, 321, 325, 328, 331, 335, 336, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367.
- Дмитрий, запорожский казак, работник — 62.
- Дмитро, запорожский старшина, самарский полковник — 99.
- Довгий Иван, запорожский казак — 88.
- Долгополь, хорунжий — 176.
- Донец Иван — 166.
- Донецкий К., черноморский старшина — 282.
- Дорош, запорожский казак Незамаевского куреня — 69.
- Дранный Семен, казачий атаман, участник восстания 1707—1708 гг. — 93, 94.
- Дробот, черноморский казак — 266.
- Дрок Савва, черноморский казак — 321, 322.
- Дружинина Е. И., советский историк — 109.
- Дубина Иван, черноморский казак, работник — 252.
- Дубонос, черноморский старшина, есаул — 187, 188.
- Дубчак Г., черноморский старшина — 287.
- Дувад, хотинский купец — 62.
- Дударенко, запорожский казак — 105, 106.
- Дударенко Ефим, бывший запорожский казак — 119.
- Дудник Григорий, сын черноморского есаула — 254.
- Дудник Данила, сын черноморского есаула — 254.
- Дудник Ефим, черноморский старшина, есаул — 254, 282.
- Дудник (Проскура), дочь черноморского есаула — 254.
- Дундук Яков, черноморский казак — 153.
- Духанин Анисим, рекрут — 39.
- Дячковский В., священник — 240.
- Евдокимов, граф — 264, 265, 266.
- Евтушенко Дмитрий, крепостной крестьянин — 50.
- Евтушенко Еремей, черноморский казак — 50.
- Едоник, мешавин — 185.
- Екатерина II — 14, 110, 128, 134, 135, 140, 196, 200, 225, 317.
- Елизавета, крепостная крестьянка — 189.
- Емельянов, казачий полковник — 106.
- Ен Михаил, работник — 257.
- Еремеев Тимофей, черноморский старшина — 345.
- Ермолов А. П., генерал — 169, 171, 179, 214, 216, 217, 220, 323.
- Ерченко Игнат, черноморский казак — 252.
- Ефименко А., историк — 69, 76.
- Ефросинья, вдова запорожского казака — 148.
- Жадан Корней, черноморский казак — 331.
- Жадан Родион, черноморский казак — 352.
- Жегулин, таврический губернатор — 139.
- Желунский, офицер — 120.
- Жеребцов Иван, купец — 281.
- Живолауп Андрей, черноморский казак — 154.
- Животовский И., черноморский старшина — 243, 252.
- Жижка М. В., советский историк — 108.
- Жиряк, черноморский казак — 240.
- Жолковский Станислав, польский гетман — 26.
- Журавлевский, черноморский старшина — 202.
- Журба (Злой) Василий, казачий полковник, участник восстания 1773—1775 гг. — 108.
- Забара Кондрат, запорожский казак — 60.
- Забняка Антон, запорожский, впоследствии черноморский казак — 117.
- Забора, черноморский старшина, хорунжий — 205.
- Заброда, донской казак — 105, 106.
- Завальный К., черноморский казак — 152.

- Заводовский, наказный атаман Черноморского войска, генерал — 216, 247, 250, 288, 323.
- Заводовский Алексей, черноморский старшина — 286.
- Заводовский (Мойсеев) Степан, запорожский казак — 50, 51.
- Загуби-Батько, черноморский казак — 237.
- Заец Алексей, запорожский казак — 78.
- Заколотенко, черноморский казак — 356, 357, 371.
- Закревский Алексей, помещик — 313.
- Залесский Данила, запорожский, впоследствии черноморский казак — 50.
- Залезник Степан, черноморский казак — 360.
- Зализняк (Железняк) Максим, запорожский казак Тимошевского куреня, предводитель крестьянского восстания 1768 г. на Украине — 94, 95, 96, 105, 109.
- Занесноголова, черноморский казак Дерянкинского куреня — 267.
- Запека Антон, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
- Запорко (Уласенков-зять) Грицько, крестьянин — 34.
- Запорожец, запорожский казак Лешковского куреня — 48.
- Запорожец Василий, казак Левобережной Украины — 48, 49.
- Зарудный Иосиф, помещик — 34, 35, 38.
- Заславский И. С., черноморский старшина — 139.
- Заславский Корней, черноморский старшина, есаул — 209.
- Застава Яков, запорожский, впоследствии черноморский казак — 148.
- Зворский, черноморский старшина, урядник — 287.
- Звягинцев, черноморский старшина, есаул — 190.
- Зеленко (Теплицкий) Алексей (он же Василий), запорожский казак — 78.
- Зеленский, черноморский казак Уманского куреня — 282.
- Зима Яков, черноморский казак — 114.
- Зищенко Д., черноморский казак — 257.
- Зиновьев Иван, черноморский старшина — 209.
- Значко, помещик — 121.
- Зозуля Каленик, запорожский казак — 71.
- Золотаревский, черноморский старшина, есаул — 244, 284.
- Золотаренко В. Ф., чиновник — 301, 333.
- Зуб, запорожский, впоследствии черноморский казак и атаман Джереливского куреня — 68, 322.
- Зуб Демьян, черноморский казак — 34.
- Зуб И., запорожский казак — 51.
- Зуб Самойло, запорожский казак — 68.
- Зубов П. А., граф — 130, 176, 320, 338, 339, 351.
- Иван, запорожский казак Ивановского куреня — 33.
- Иван, запорожский казак Кореновского куреня — 70.
- Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Иван, черноморский казак Щербиновского куреня — 365.
- Иванов Андрей, помещик — 41.
- Иванов Лаврентий, крестьянин — 105.
- Иванов Никита, крепостной крестьянин — 39.
- Иессей, игумен — 75.
- Иловайский, помещик — 354.
- Ильенко Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Исаков А. С., генерал — 100, 101, 102, 103.
- Калайда Г., черноморский казак — 255.
- Калайда И., черноморский казак — 361, 364.
- Калина, бывший запорожский казак — 113.
- Калина, черноморский казак — 356.
- Калита, черноморский казак Васюринского куреня — 166.
- Калмык Петр, запорожский казак — 41.
- Калмычко Григорий, черноморский казак — 182.
- Калнишевский Иосиф, запорожский старшина, подковник — 67, 68, 103.
- Калнишевский Петр Иванович, запорожский кошевой атаман — 29, 35, 56, 57, 61, 62, 63, 67, 68, 75, 87, 91, 100, 101, 102, 103, 104, 346.
- Каменский, черноморский старшина, есаул — 231, 232.
- Камышанский Андрей, черноморский казак — 363, 364, 365.
- Капаева Елизавета, крепостная крестьянка — 189.
- Канаркистра Федор, черноморский старшина — 181.
- Каневцов Никандр, помещик — 190.
- Канивец И., черноморский казак — 361, 364.

- Кантакуза О., черноморский старшина — 299.
- Кантакузены, молдавский боярский род — 199.
- Канунка Михаил, черноморский казак — 237.
- Каплун Игнат, запорожский старшина — 114, 115.
- Каплун Степан, запорожский казак — 57, 60.
- Кашнин Карп, екатеринодарский торговец — 188.
- Кашнист Василий, помещик — 50.
- Каракай Семен, запорожский казак — 60.
- Каракай Яков, черноморский казак — 363.
- Кармазин, черноморский казак — 367.
- Карнаух Леско, запорожский казак — 46.
- Карнаушенко, черноморский казак Дервянковского куреня — 140.
- Карнаушенко Потап, крепостной крестьянин — 140.
- Карпенко Данила, бывший запорожский казак — 116, 117.
- Карпуть Семен, левобережный казак — 241.
- Карыбин, генерал — 119.
- Катасонов, чиновник — 178.
- Катламин, помещик, донской старшина — 180, 181.
- Каховский В. К., генерал — 135, 177, 199, 203.
- Качалов Яков, запорожский старшина — 102, 113, 114.
- Квашович Савва, помещик — 204.
- Квитка Г. Ф., украинский писатель — 133.
- Квитка Ф., отец Г. Ф. Квитки, помещик — 138, 139.
- Келеберда, черноморский старшина, поручик — 316.
- Кириленко Андрей, бывший запорожский казак — 130.
- Киринос Андрей, запорожский казак — 60.
- Кирпа Андрей, черноморский казак — 181.
- Кирпа Иван, черноморский казак — 162.
- Киселев, генерал — 192.
- Кислый Федор, запорожский казак — 71, 72.
- Кистень, черноморский старшина — 364.
- Кифа М., черноморский старшина, капитан — 299.
- Климовский, помещик — 147.
- Клювак Федор, запорожский казак — 130.
- Кобля, помещик — 185.
- Коваленко, черноморский казак Каневского куреня — 262, 263.
- Коваль Максим, крепостной крестьянин — 188.
- Коваль Никита, запорожский казак — 90.
- Коваль Тимофей, запорожский казак — 40.
- Ковтун, черноморский старшина, сотник — 241.
- Кожушко, черноморский казак Ивановского куреня — 137.
- Козел Иван, черноморский казак — 327.
- Козинец Лукьян, запорожский старшина — 107.
- Козинченко Иосиф, черноморский казак — 129.
- Козловский, генерал — 312.
- Козуб Петр, бывший запорожский казак — 115.
- Козырь Осип, черноморский казак — 339.
- Коленда, польский шляхтич — 121.
- Колывушко Василь, крестьянин — 34.
- Коломиец С., черноморский старшина, есаул — 51.
- Коломийченко Л., запорожский казак, впоследствии черноморский старшина — 114, 115.
- Колотняч Петр, черноморский казак — 283.
- Колпак Афанасий, запорожский старшина — 29, 56, 57, 58, 87, 95.
- Колчигин В., землемер — 201.
- Комар Кирилл, запорожский казак — 88.
- Комендант Андрей, черноморский казак — 263.
- Комлик Самойло, запорожский казак — 49.
- Компанеец Савва, черноморский старшина — 298.
- Компаниец Павел, черноморский казак — 263.
- Кондратович Ф., историк — 76.
- Кононенко Конон, бывший запорожский казак — 122.
- Копейка И., черноморский старшина — 155.
- Кордовский Константин, черноморский старшина — 115, 242, 286, 340, 341, 347, 350.
- Корж Никита Леонтьевич, бывший запорожский казак — 81, 93, 109.
- Короленко Мойсей, черноморский казак — 281.
- Короленко П. П., историк — 12, 151, 187, 201, 202, 223, 224, 225, 298, 317, 319, 320, 335, 336, 368, 369.

- Короп Трофим, запорожский казак — 71, 88.
- Короткий Василь, бывший запорожский казак — 115.
- Корсун Федор, черноморский старшина — 299.
- Косарь Федор, черноморский старшина — 283.
- Коспийский Криштоф, предводитель крестьянско-казацкого восстания на Украине в 1591—1593 гг. — 23.
- Костылев, чиновник — 37.
- Костыра Демьян, запорожский, впоследствии черноморский казак — 117.
- Костюченко Анна, крепостная крестьянка — 190.
- Костюченко Гордей, крепостной крестьянин — 190.
- Костя, крепостной крестьянин — 261.
- Котляревский И. П., украинский писатель — 184.
- Котляревский Т. Т., войсковой писарь, впоследствии войсковой атаман Черноморского войска — 161, 163, 175, 182, 215, 238, 239, 240, 317, 318, 321, 325, 328, 331, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 353, 355, 357, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 370.
- Коховский, граф — 366.
- Кочубей, помещик — 35, 354.
- Конляченко Петро, запорожский, впоследствии черноморский казак — 148.
- Кравец Г., запорожский, впоследствии черноморский казак — 152.
- Кравец Михаил, запорожский казак — 62.
- Кравец Павел, бывший запорожский казак — 79.
- Кравец Прокофий, черноморский казак — 165.
- Кравченко, черноморский старшина — 184.
- Кравченко Алексей, черноморский казак — 164.
- Крапива Остап, запорожский казак — 46.
- Красницкий, священник — 190.
- Краснокутецкий, офицер — 37.
- Крепак Павло, запорожский казак — 60.
- Кречетов В., помещик — 142.
- Кривцов Прокофий, черноморский старшина — 332, 333.
- Крикун Григорий, работник — 237.
- Крок Матвей, запорожский казак — 116.
- Крыжановский, буржуазный историк — 186, 187.
- Крыса Еремей, черноморский казак — 241.
- Крыса Федор, запорожский казак — 241.
- Кудашев, помещик — 145.
- Кузьма, запорожский казак Леушковского куреня — 48.
- Куйчин Д., запорожский казак — 62.
- Кулбашный, черноморский казак — 252.
- Кулик, черноморский старшина, полковник — 330.
- Кулик Иван, запорожский старшина — 56, 98.
- Кулик Николай, черноморский казак — 165.
- Кулиш П., украинский буржуазный писатель и историк — 9.
- Кулябка Омелько, запорожский казак — 49.
- Кумаков, яицкий казак — 105.
- Кумпанец Левко, черноморский казак — 154.
- Кунаш Андрей, запорожский казак — 48.
- Куракин, князь, министр внутренних дел — 178, 218.
- Курганский, черноморский старшина, сотник — 267.
- Курilenko Федор, черноморский казак — 165.
- Курлянский И., черноморский старшина — 136, 335.
- Кусаков, генерал, наказный атаман Черноморского войска — 193, 231, 288, 289, 374.
- Кутевая Матрена, крепостная крестьянка — 188.
- Кутевая Устинья, крепостная крестьянка — 188.
- Кутевой Алексей, крепостной крестьянин — 188.
- Кутевой Елисей, крепостной крестьянин — 188.
- Кутузов М. И., генерал — 141, 318.
- Кухаренко Я. Г., черноморский старшина, наказный атаман Черноморского войска — 260, 261.
- Кухтин Степан, крестьянин — 105.
- Кудий К., запорожский старшина — 136.
- Кудый Афанасий, запорожский старшина — 50, 56.
- Кудый Осип, запорожский казак — 94, 95.
- Кучер Федор, запорожский казак — 71.
- Кучеренко Киприян, работник — 257.
- Кучмай, черноморский старшина, сотник — 248, 249.
- Куш Грицько, запорожский казак — 33.

- Лагода, запорожский казак — 79.
- Лалим Онисим, запорожский казак — 51, 90.
- Ламаный Василий, работник — 237.
- Ланжерон, генерал — 170, 213.
- Ларионов, черноморский казак — 221.
- Лата Онуфрий, запорожский казак — 57, 69.
- Лашко, черноморский казак Пашковского куреня — 323, 324.
- Лаштобеда Прохор, черноморский казак — 153.
- Лебедев Филипп, отставной солдат — 188.
- Лебединец, историк — 340.
- Лебедь, черноморский казак Пашковского куреня — 323, 324.
- Леванидов, помещик — 117.
- Левченко, помещик — 145.
- Левченко К., работник — 257.
- Лега, черноморский старшина — 177.
- Легкий Грицко, запорожский казак — 60.
- Легкий Павел, запорожский, впоследствии черноморский казак — 153.
- Легкоступ, запорожский старшина — 134.
- Леда Максим, черноморский старшина — 209.
- Лейка Демьян, бывший запорожский казак — 117.
- Ленин В. И. — 11, 12, 13, 72, 76, 236, 237, 269, 314.
- Лесняный Грицко, запорожский посполитый — 71.
- Линднер, прусский офицер — 62.
- Линев, офицер, прапорщик — 145.
- Лисаченко Василий, черноморский казак — 162.
- Лисевидский М. Ю., черноморский казак — 139.
- Лисиневич, офицер — 375.
- Лисица, черноморский старшина — 203.
- Лисица Грицко, запорожский казак — 46, 47, 49.
- Лисятенков — племянник Панас, крестьянин — 34.
- Литвин Петр, работник — 237.
- Литвин Тишко, запорожский казак — 62.
- Литвин Федор, запорожский казак — 71.
- Лихабидя, черноморский казак Дервянковского куреня — 267.
- Лиханенко Яков, черноморский казак — 221.
- Логвиненко Антон, черноморский казак — 162.
- Логвиненко Петр, бывший запорожский казак — 128.
- Ломака Грицко, запорожский казак — 78.
- Лошака Яков, запорожский казак — 64.
- Лукьянович Стефан — 61.
- Лысый Лаврентий, крепостной крестьянин — 41.
- Лысый Яков, бывший запорожский казак — 119.
- Любомирский, польский князь — 121, 152.
- Ляд Петро, запорожский, впоследствии черноморский казак — 117.
- Лях, черноморский старшина, полковник — 284.
- Лященко, черноморский казак — 254.
- Маврозак, грек — 185.
- Магмет Кара, купец — 64.
- Майборода, запорожский казак Полтавского куреня — 48.
- Майборода, черноморский старшина — 115.
- Майбороденко Емельян, черноморский казак — 161.
- Майгура Семен, запорожский казак — 57.
- Майорка Майоркович, купец — 63.
- Мазур Роман, черноморский казак — 337.
- Макар, запорожский казак — 98.
- Макаров М., купец — 82.
- Маковецкий Иван, черноморский казак — 281.
- Малашевич И., запорожский кошевой атаман — 29.
- Малиновский, генерал — 171, 172.
- Малой Иеремия, запорожский старшина — 113.
- Малый, черноморский старшина, есавул — 252.
- Малый Герасим, помещик — 118.
- Малый Григорий, работник — 237.
- Малый З., черноморский старшина — 325, 337.
- Малый И., черноморский старшина — 205.
- Малый Иван, запорожский казак — 353.
- Малый Павло, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Малый Роман, бывший запорожский казак — 121.
- Малый Терентий, черноморский казак — 255.
- Малый Трофим, черноморский старшина — 331.
- Марков, мещанин — 254.
- Маркович К., офицер — 100, 101, 102, 104.
- Маркс Карл — 12, 86, 236.

- Мармусевич (Пикинер), черноморский казак — 205.
- Мартин, армянский купец — 65.
- Мартыненко Василий, черноморский казак — 294.
- Масловский, крепостной крестьянин — 37.
- Матвеев, черноморский старшина, войсковой атаман — 170.
- Матрена, крепостная крестьянка — 189.
- Матян, крепостной крестьянин — 187.
- Махотка Андрей, черноморский казак — 359.
- Медведев Гордей, черноморский казак — 366.
- Мешаненко, крепостной крестьянин — 175, 180.
- Мещерский, князь — 127.
- Мигрин, черноморский старшина — 343, 349.
- Миженный Иван, работник — 255.
- Николасенко Иван, бывший запорожский казак — 115.
- Микульшин Лаврентий, офицер — 101, 102, 103, 104.
- Миленький Иван, черноморский старшина — 363.
- Миллер Г. Ф., дворянский историк — 6, 31.
- Милорадович Михаил, помещик — 35, 116.
- Мишервин, помещик — 175.
- Мичченко Панас, черноморский казак — 154.
- Миргород Алексей, черноморский казак — 141.
- Миргород Василий, черноморский казак — 141.
- Миргород Никита, черноморский казак — 163.
- Миргород Петр, черноморский казак — 141.
- Миргородченко Осип, черноморский казак — 181.
- Мирошник, бывший запорожский казак — 121.
- Мирошниченко, черноморский казак — 254, 255.
- Мисюра, черноморский казак Деревянского куреня — 267.
- Михаил, черноморский старшина, подпоручик — 137.
- Михайло, запорожский, впоследствии черноморский старшина — 90.
- Михайлов, генерал — 362.
- Михайлов, черноморский казак — 220, 221.
- Мищенко, черноморский казак — 144.
- Мовчан Андрей, черноморский казак — 153.
- Мовчан Микита, черноморский казак — 281.
- Мовчан Петр, запорожский казак — 89.
- Мокрый Яков, черноморский старшина — 237, 281, 287.
- Моргун Грицко, запорожский казак — 88, 89.
- Мордншов Н. С., помещик — 177, 199.
- Мордовцев Д., буржуазный писатель и историк — 106.
- Моренец, запорожский казак Уманского куреня — 81.
- Морков Иракий, офицер — 367.
- Москаленко Федор, черноморский казак — 220.
- Москаленко Фетинья, жена черноморского казака — 220.
- Моцный Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 117.
- Мошенский Логгин, запорожский старшина — 29, 73, 134.
- Мулява И., черноморский казак — 237.
- Мулява Степан, сын черноморского казака — 237.
- Муравей, черноморский старшина — 331.
- Муромцев, генерал — 124, 131.
- Мусейченко Матвей, черноморский казак — 203, 355.
- Мусиенко Данила, черноморский старшина — 282.
- Мустафа, хан талышинский — 339.
- Муха, предводитель крестьянского восстания на Украине в XV в. — 17.
- Мыщедкий С., военный инженер — 6, 47, 51, 54, 55, 81, 82, 109.
- Назютин Тимофей, крестьянин — 377, 378.
- Назютина, крестьянка — 377.
- Найда С., запорожский, впоследствии черноморский казак — 148.
- Наливайко Северин, предводитель крестьянско-казачьего восстания на Украине в 1594—1596 гг. — 23, 26.
- Наперский Костка, предводитель восстания польских крестьян в 1651 г. — 17.
- Нарежняк Лукьян, черноморский казак — 322.
- Нарежняк Николай, черноморский казак — 322.
- Нарывай, бывший запорожский казак — 79.
- Наталя, жена запорожского казака — 33.
- Невмивака Мирон, бывший запорожский казак — 115.

- Неговей, черноморский старшина, хорунжий — 364.
- Недоступа, бывший запорожский казак — 92.
- Неживый Семен, запорожский казак — 96.
- Неизвестная Зиновия, дочь запорожского казака — 354.
- Неизвестный (он же Довбыш), запорожский казак — 353.
- Неизвестный, крепостной крестьянин — 188.
- Неизвестный Григорий, черноморский казак — 181.
- Неизвестный Илья, черноморский казак — 252.
- Неизвестный Иосиф, черноморский казак — 181.
- Неизвестный Лука, работник — 263.
- Неизвестный Матвей, работник — 188.
- Неизвестный Николай, работник — 188.
- Неизвестный Федор, работник — 188.
- Неймюев, помещик — 145.
- Неклюдов, мещанин — 252.
- Нелюбов, помещик — 117, 122.
- Немытов Дмитрий, орловский купец — 61.
- Немытов Евдоким, орловский купец — 61.
- Нестеренко Павел, запорожский, впоследствии черноморский казак — 153.
- Нечуй-Ветер Петр, бывший запорожский казак, работник — 115.
- Николаенко, черноморский старшина, прапорщик — 180.
- Никифоров, офицер — 92.
- Николаенко, черноморский старшина, ассессор — 252.
- Николай I — 186, 194.
- Никон, запорожский казак — 107.
- Никоновский, черноморский старшина, есаул — 365.
- Ниякий В., черноморский старшина, есаул — 208, 237, 238, 280, 281, 282, 283, 285, 319.
- Новицкий, чигиринский купец — 61.
- Новицкий Я. П., историк — 32, 69, 122, 129.
- Новиченко Данило, черноморский казак — 281.
- Новобранец Федор, черноморский казак — 283.
- Новосельский, действительный статский советник — 313.
- Нога Максим, запорожский казак — 79.
- Ногаец Иван, черноморский казак — 167.
- Ногай, запорожский старшина — 99.
- Норец, помещик — 38.
- Норов, офицер — 112, 131.
- Нос Гридко, запорожский казак — 50.
- Нос Самойло, запорожский казак — 58.
- Носарь Андрей, черноморский казак — 294.
- Нессенко И., запорожский старшина — 33.
- Носок, черноморский казак — 182.
- Обдуленко Никита, запорожский казак — 71, 72.
- Обдуло Михаил, работник — 237.
- Образ Яков, черноморский казак — 204.
- Одновол Яков, черноморский старшина — 361, 362.
- Одношевный, бывший запорожский казак — 119, 120.
- Ожерд Федор, черноморский казак — 213.
- Олейник, черноморский казак — 367.
- Омельян, черноморский казак — 365.
- Орленко, черноморский казак — 339.
- Орленко С., черноморский казак — 313.
- Орлов, донской войсковой атаман, генерал — 175.
- Орлов Ю., черноморский старшина — 240.
- Орлянский Прокофий, запорожский, впоследствии черноморский казак — 354, 361.
- Основа Дмитро, черноморский казак — 154.
- Остап, запорожский казак Титаревского куреня — 78.
- Острианин Я., один из предводителей крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. на Украине — 24.
- Остудный Максим, запорожский казак — 78.
- Павел I — 182, 316, 317, 321, 368.
- Павлов Леонтий, запорожский казак — 85.
- Павлоградский Кузьма, черноморский казак — 162.
- Павлюк, один из предводителей крестьянско-казацкого восстания на Украине в 1637—1638 гг. — 24.
- Паламарев Никита, черноморский казак — 299.
- Паливода, черноморский старшина, поручик — 286.
- Паливода Николай, запорожский казак — 69.

- Панасенко И., запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Панин Н. И., граф — 31, 189.
- Панченко Иван, черноморский казак — 363.
- Панченко Степан, черноморский казак — 255.
- Панчинский П., чиновник — 114, 115.
- Панчулидзев, офицер — 352.
- Паскевич И. Ф., генерал — 193, 217, 218, 311.
- Пашко Павел, запорожский казак — 78.
- Педенко, черноморский старшина — 283, 290.
- Педенкова, жена черноморского старшины — 268.
- Передерий, запорожский казак — 47.
- Перекрестов, черноморский старшина, есаул — 191.
- Перелеска, помещик — 148.
- Перепеленко (Перепелицын) Клим, черноморский старшина — 137.
- Перепелица Л., поручик — 254.
- Перерва Михаил, запорожский казак — 70.
- Перехрист Давид, черноморский казак — 154.
- Перич, помещик — 177.
- Петерс М. — 313.
- Петренко Михаил, черноморский казак — 323.
- Петров, инженер, поручик — 192.
- Петрович Михаил, офицер — 97.
- Петровский Иван, крепостной крестьянин — 97.
- Петрий Сергей, черноморский старшина — 264.
- Пивень Тихон, черноморский казак, куренной атаман — 262.
- Пивницкий, полковой лекарь — 330.
- Пикатый Герасим, бывший запорожский казак — 122.
- Пилат Корней, запорожский казак — 60.
- Письменный, черноморский старшина, полковник — 329.
- Письменный Алексей, черноморский старшина, есаул — 318.
- Письменный Василь, бывший запорожский казак — 115.
- Письменный Демьян, черноморский старшина — 139, 240.
- Письменный Нестор, запорожский казак — 65.
- Письменский А. И., помещик — 119.
- Питень И., черноморский казак — 360.
- Питирим, раскольничий старец — 105, 106.
- Пичета В. И., советский историк — 190.
- Пишмич, помещик — 148.
- Пишмич В., запорожский старшина — 55, 102.
- Плохий, черноморский старшина, полковой хорунжий — 329.
- Плохий Корней, бывший запорожский казак — 115.
- Плохий Павло, запорожский казак — 90.
- Побижко Остап, черноморский казак — 281.
- Погорельый Гаврила, запорожский казак — 58.
- Погребищенко Иван, черноморский старшина — 366.
- Погулай, крепостной крестьянин — 38.
- Подмогильный Иван, черноморский казак — 165.
- Поздняков (Собачкин) Максим, крестьянин — 97.
- Покамист Иско, запорожский казак — 70.
- Полежченко, черноморский старшина — 144.
- Половой, черноморский казак — 350, 356, 368.
- Половой Дмитро, бывший запорожский казак — 162.
- Полотиленко Т., черноморский старшина — 282.
- Полохон Демьян, черноморский казак — 266.
- Полохон Никита, черноморский казак — 266.
- Полторацкий Яков, черноморский казак — 210.
- Пономаренко Андрей, черноморский казак — 326.
- Поночовный Демьян, черноморский старшина — 189.
- Попка Иван, историк — 11, 12, 168, 224, 227, 230, 247, 264, 298, 309, 310, 368, 374.
- Попов В. С., генерал — 137, 138, 199.
- Попов Федор, солдат — 39, 40.
- Попович Герасим, черноморский казак — 180.
- Попович Дмитро, запорожский казак — 105.
- Поповичева, жена черноморского старшины — 264.
- Порожний, запорожский казак — 37.
- Порохня, черноморский казак, атаман Сергиевского куреня — 361, 362.
- Порохня Андрей, запорожский старшина — 99, 256, 257.
- Порохня И., запорожский старшина — 29.
- Порохня Иван, купец — 62.
- Порохня Роман, священник — 240, 361.

- Порожня С., черноморский старшина, полковник — 137, 336, 337, 339.
 Порывай, черноморский старшина, поручик — 364.
 Порывай Мария, помещица — 190.
 Порывай Степан, черноморский старшина — 190, 193.
 Посполитаки Александр, черноморский старшина — 291, 302, 312, 313, 376, 377, 378, 379, 380.
 Посполитаки Алексей, черноморский старшина — 376, 377, 380.
 Потанин, приказчик — 120.
 Потемкин Г. А. — 111, 114, 120, 121, 122, 123, 124, 127, 128, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 149, 196, 197, 198, 199, 316, 318, 335, 336, 337, 338.
 Потоцкий Н., польский гетман — 18.
 Потоцкий Ст., польский коронный гетман — 25.
 Потоцкий Ст., польский магнат — 96.
 Похиля Никита, черноморский старшина — 366.
 Похитонов, черноморский старшина — 331.
 Придаток Андрей, запорожский казак — 57, 60.
 Прилепский, черноморский старшина, урядник — 332.
 Примак Иван, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
 Прозоровский, князь — 112, 114, 196.
 Протасьев П. — 26.
 Прохорович, черноморский старшина, подполковник — 267, 268.
 Проценко Иван, запорожский казак — 60.
 Прощка, крепостной крестьянин — 261.
 Пугачев Емельян, предводитель крестьянского восстания в России в 1773—1775 гг. — 6, 10, 26, 91, 104, 105, 106, 108, 109.
 Пугачев Тимофей, сын Е. Пугачева — 104.
 Пугачевский, офицер — 114.
 Пузыревский, офицер — 346, 348, 349, 350, 351, 356.
 Пущкин А. С. — 91.
 Равита-Гавронский Фр., польский буржуазный историк — 9.
 Радич, черноморский старшина, полковник — 161, 163, 267, 367.
 Радич Иван, черноморский казак — 154.
 Радич Иван, офицер, подпоручик — 329.
 Радиченко Кузьма, черноморский казак — 285.
 Радченко, черноморский казак, атаман Пашковского куреня — 323.
 Разин Степан, предводитель крестьянского восстания в России в 1670—1671 гг. — 26, 109.
 Разумовский А., граф — 51.
 Разумовский К. Г., гетман Украины — 31, 43, 44, 54, 63, 76, 80, 82.
 Раменский С., запорожский старшина — 113.
 Растрепя — 339, 340.
 Рахмановский Трофим, черноморский старшина — 115, 155.
 Рашиль, генерал, войсковой атаман Черноморского войска — 189, 278, 283, 286, 293, 322, 332, 378.
 Рева Андрей, черноморский старшина — 164.
 Рева Мойсей, черноморский старшина — 282.
 Ревуцкий, черноморский казак Васюринского куреня — 351.
 Репин И. Е. — 8.
 Репяшка Илья, запорожский казак — 78.
 Рецетовый Василий, отставной запорожский старшина — 51.
 Решмедило, запорожский казак — 88.
 Рибас, адмирал — 141, 199, 202, 203, 204, 337, 338.
 Ригельман А., историк, генерал — 6, 107.
 Ришелье, новороссийский генерал-губернатор — 169, 177, 185, 218, 245.
 Родион, запорожский казак Каневского куреня — 41.
 Рожков Н., историк — 9, 10.
 Розен Г. В., генерал — 311, 376.
 Розенфляндер, эконо́м — 119.
 Роман, запорожский казак, работник — 62.
 Романовский, черноморский старшина, сотник — 364.
 Романовский Василий, запорожский казак — 64, 81.
 Романовский Федор, священник — 361.
 Руггieri Ф., папский нунций в Польше — 17.
 Рудь, запорожский старшина — 112.
 Рудь Федор, запорожский казак — 58.
 Румянцев П. А. (Румянцев-Задунайский), малороссийский генерал-губернатор — 68, 100, 104, 202.
 Руновский, помещик — 36.
 Рыжко Максим, запорожский, впоследствии черноморский казак — 251, 252, 253.

- Рыжко Савва, бывший запорожский казак — 251, 252.
- Рябой Петр, запорожский старшина — 55.
- Рябый Илько, черноморский казак — 154.
- Савинский О., черноморский казак — 145.
- Савицкая, жена черноморского есаула — 263.
- Савицкий, черноморский старшина, сотник — 255, 256.
- Савицкий Андрей, помещик — 204.
- Савицкий Иван, черноморский старшина, есаул — 263.
- Савка, запорожский казак Минского куреня — 97.
- Савченко Василий, черноморский казак — 165.
- Сагач И., офицер — 180.
- Садило Иван, запорожский казак — 41, 88.
- Саенко, черноморский казак Деревянского куреня — 267.
- Самарский-Зять Алексей — 166.
- Самарский Прокофий, запорожский, впоследствии черноморский казак — 354.
- Самоброщенко Давид, черноморский казак — 154.
- Самовидец, украинский летописец — 26.
- Самодрига Савва, запорожский казак — 33.
- Самойленко, черноморский старшина, поручик — 330.
- Самойло, запорожский казак Пластунского куреня — 107.
- Самохвас, запорожский казак — 71.
- Саражин, запорожский казак — 96, 97.
- Сахиб Гирей, крымский хан — 18.
- Сашан Семен, черноморский казак — 327.
- Свят Никита, запорожский казак — 69, 88.
- Свистун, черноморский казак Ивановского куреня — 137.
- Святополк-Мирский, генерал — 264.
- Седлев, помещик — 122.
- Селетка Алексей, черноморский казак — 361.
- Селецкий, новороссийский губернатор — 175.
- Семен, армянский купец — 65.
- Семятко Каленик, бывший запорожский казак — 115.
- Сениленко Прохор, черноморский казак — 153.
- Сербин Иван, запорожский казак — 58, 60.
- Сердеченко, черноморский казак — 166.
- Середа, офицер, поручик — 144.
- Сивков К., советский историк — 376, 377.
- Сивкобыльский Александр, запорожский казак — 79.
- Сиволап, черноморский казак — 154.
- Сигизмунд Август, литовский великий князь — 19.
- Сидор, запорожский старшина — 90.
- Сидоренко Осип, крепостной крестьянин — 179.
- Симоновский П. И., дворянский историк — 5.
- Синегуб, запорожский казак — 37.
- Синельников, генерал, правитель Екатеринославского наместничества — 114, 120, 126, 127, 136, 146.
- Сиченко Н., запорожский казак — 64.
- Синиченко Грицко, запорожский казак — 90.
- Синопуло Андрей, купец — 140.
- Сиротниченко, черноморский старшина — 365.
- Скавронская, графиня — 122.
- Скакун Дмитрий, запорожский казак — 34.
- Скальковский А. А., дворянский историк — 6, 7, 46, 49, 50, 69, 76, 98, 100, 107, 108, 122, 129, 134, 146, 280, 317.
- Скидан, предводитель крестьянско-казачьего восстания на Украине в 1637—1638 гг. — 24.
- Скляревский Иван, черноморский старшина — 366.
- Скорай Трофим, запорожский казак — 41.
- Слепуха, черноморский казак Пашковского куреня, писарь — 323.
- Смешной Иван, запорожский старшина — 153.
- Смирнов И. И., советский историк — 26.
- Смык Осип, черноморский казак — 330.
- Снегирь Иван, черноморский казак — 154.
- Собакарь Никита, запорожский казак, впоследствии черноморский старшина — 181, 349, 350, 356.
- Собачкин (Поздняков) Максим, крестьянин — 97.
- Сова Корней, черноморский казак — 164.
- Соймин (Соймонов), генерал — 120, 127.
- Соколов Яков, крепостной крестьянин — 38.

- Соколовский, запорожский старшина — 58.
- Сокольников Дмитрий, солдат — 39, 40.
- Соловьев, офицер — 176.
- Соломон Мойсей, торговец — 64.
- Солоницкий, черноморский казак — 189.
- Сопельняк Федор, бывший запорожский казак — 115.
- Сосна Трофим, черноморский казак — 203.
- Соха Иван, бывший запорожский казак — 119.
- Спет, генерал — 345, 346, 348, 350.
- Спеченко Василь, запорожский казак — 60.
- Спешнев Яков, офицер — 38.
- Стебунов Игнат, драгун — 40.
- Степан, черноморский казак — 285.
- Степаненко Ефим, черноморский казак — 149.
- Стецюк Е. И., советский историк — 26.
- Стещенко Остап, запорожский казак — 40.
- Стодола, казацкий полковник, участник восстания 1773—1775 гг. — 106.
- Сторчак Гаврила, черноморский казак — 263.
- Сторчоус Тихон, черноморский казак — 294.
- Стоцкий, черноморский старшина, прапорщик — 252.
- Стояновский, черноморский старшина, есаул — 345.
- Стояновский Ф., священник — 240.
- Страшнов, черноморский старшина — 268.
- Стреха Григорий, священник — 364, 365.
- Стрешнев, помещик — 38.
- Стрижевский Александр, приказчик — 43.
- Строганов, граф — 183.
- Стромцов, черноморский старшина — 365.
- Строц Федор, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
- Ступак, запорожский казак Крыловского куреня — 71.
- Стурдза, молдавский боярин — 199.
- Стурчак, черноморский казак — 237.
- Суворов А. В., генерал — 135, 136, 282.
- Суйма, черноморский старшина, поручик — 330.
- Сукур Иван, запорожский казак — 95.
- Сула Прокоп, запорожский старшина — 48.
- Сулима Иван, казацкий гетман — 24.
- Суперека Василь, черноморский казак — 154.
- Сурмин Иван, солдат — 97.
- Супруненко Никита, помещик — 140.
- Супруненко Федор, крестьянин — 34.
- Сутька, черноморский старшина, войсковой есаул — 155, 318.
- Сухий, работник — 237.
- Сысоев, генерал — 170.
- Сюсюкало Семен, черноморский казак — 172.
- Танский, капитан — 299.
- Таран Василий, черноморский казак — 154.
- Таран Данила, запорожский казак — 70.
- Таран Иван, запорожский казак — 82.
- Таран Кондрат, запорожский казак — 69, 88.
- Таран Кондрат, запорожский, впоследствии черноморский казак — 147, 148.
- Таран Павел, запорожский казак Поповичевского куреня — 40, 49.
- Таран Павль, запорожский казак Каневского куреня — 48, 49.
- Таран Петро, запорожский казак — 89.
- Таран Савва, запорожский казак — 49.
- Таран Трофим, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Таранов, помещик — 149.
- Тарановский Иван, черноморский казак, атаман Васюринского куреня — 323.
- Тарас Федорович (Трясило), предводитель крестьянского восстания на Украине в 1630—1631 гг. — 24.
- Тарасов Иван, крестьянин — 105.
- Тараща Савва, бывший запорожский казак — 122.
- Тарловский Кирилл, священник — 55.
- Татаринцев Алексей — 129.
- Татьяна, крепостная крестьянка — 189.
- Твердовский, черноморский казак Деревянского куреня — 267.
- Текелый П. А., генерал, помещик — 92, 109, 111, 112, 116, 123, 133, 147.
- Телегульский Трофим, черноморский казак — 221.
- Теличка Никита, запорожский, впоследствии черноморский казак — 148.
- Темный Григорий, черноморский казак — 142.

- Тепляненко (Мясников) Василий, черноморский казак — 142, 165, 166.
- Теплицкий Алексей (Зеленко Василий) — запорожский казак — 78.
- Терентьев Василий, запорожский старшина — 74.
- Терещенко С., запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
- Тесля Михаил, запорожский казак — 71, 88.
- Тизенгаузен, полковник — 149.
- Тимофеев, черноморский старшина, коллежский ассessor — 191.
- Тимофеев (Тимофеевич) Николай, запорожский старшина, войсковой судья — 34, 41, 63.
- Тимофей, запорожский казак Тимошевского куреня — 65.
- Тимошенко Яков, бывший запорожский казак — 79.
- Тимошин Иван, посадский человек — 97.
- Тирса, черноморский старшина — 366.
- Тихановский, черноморский старшина, полковник — 210, 287.
- Тихий Яков, черноморский казак — 252.
- Тиховский, черноморский старшина, хорунжий — 318.
- Тихолоз, черноморский казак, атаман Каневского куреня — 165.
- Тихон, крепостной крестьянин — 189.
- Товстий Лукьян, бывший запорожский казак — 115.
- Толоконские, крепостные крестьяне — 174, 175.
- Толоконский Иван, крепостной крестьянин — 181.
- Толоконский Осип, крепостной крестьянин — 175, 181.
- Третьяк, запорожский старшина, атаман Пластуновского куреня — 32, 44, 91.
- Трофим, запорожский казак — 95.
- Трофим, черноморский старшина — 366.
- Труба Алексей, черноморский казак — 282.
- Труба Яков, черноморский старшина — 263.
- Тулеников, подпоручик — 38.
- Тушица Артем, запорожский казак — 79.
- Тусенский Фотий, игумен Самарского Пустынно-Николаевского монастыря — 73.
- Тушев Родион, солдат — 40.
- Тхоренко, черноморский казак — 330.
- Тягуна Иван, черноморский казак — 154.
- Тягуна Максим, запорожский казак — 78.
- Уласенков-Зять (Запорко) Грицко, крестьянин — 34.
- Ульянченко, черноморский старшина, есаул — 255, 256.
- Унковский В., русский дипломат — 26.
- Урсалов Степан, черноморский казак — 141.
- Уткин, офицер — 39.
- Ус Иван, черноморский старшина — 180.
- Ус Иско, запорожский старшина — 72.
- Фадеев, помещик — 117.
- Федор, черноморский казак — 260, 261.
- Федоренко Дмитро, бывший запорожский казак — 280.
- Федоренко Яким, черноморский казак — 154.
- Федоров Алексей, крепостной крестьянин — 38, 80.
- Федоров (Лантух) Григорий, запорожский кошевой атаман — 31, 34, 63, 73, 76, 82.
- Федоров Филипп, запорожский кошевой атаман — 101, 134.
- Федотов, новороссийский губерна-тор — 278, 291.
- Федцов, офицер — 39.
- Федченко И., крепостной крестьянин — 174, 185.
- Фелицын Е. Д., буржуазный историк — 157, 197, 295, 299, 300, 318.
- Феодосий, епископ — 31, 32, 74, 106, 108.
- Филиппов Василий, запорожский казак — 29.
- Филипсон, генерал — 231, 232.
- Фома, черноморский казак — 365.
- Фоменко Алексей, черноморский казак — 326.
- Фоменко А. С., черноморский старожил — 326.
- Фиялка Грицко, запорожский казак — 107.
- Халчевский П., офицер — 120.
- Харитон, бывший запорожский казак — 118.
- Харитонов, помещик — 147.
- Харченко, черноморский старшина, поручик — 165.
- Харченко Василий — 33.
- Харченко Семен, черноморский казак — 162.
- Хижа Григорий, запорожский казак — 90.

- Хилько Тимофей, черноморский казак — 327.
- Хмара Герасим, черноморский старшина — 241, 263.
- Хмара Хома, черноморский казак — 281.
- Хмельницкий, черноморский старшина, капитан — 139, 184.
- Хмельницкий Богдан — 25, 53.
- Холявка Иван, черноморский старшина — 366.
- Холязва В., офицер — 87.
- Хорват, генерал — 130, 282.
- Целенко Снуфрий, запорожский, впоследствии черноморский старшина — 113.
- Цеховой Матвей, мещанин — 188.
- Чабан Василий, черноморский казак — 255.
- Чабан Кондрат, бывший запорожский казак — 119.
- Чабаненко Касьян, запорожский казак — 78.
- Чабанец И., черноморский казак — 152, 153, 163.
- Чайка Прокоп, черноморский старшина — 337.
- Чапля, черноморский казак — 145.
- Чепега Евтихий, черноморский старшина — 209, 253, 254, 345.
- Чепега Екатерина, жена Евтихия — 254.
- Чепега Э. А., запорожский старшина, впоследствии кошевой атаман Черноморского казачьего войска — 113, 134, 135, 136, 137, 138, 143, 167, 197, 198, 199, 201, 205, 238, 239, 282, 287, 316, 317, 318, 319, 320, 324, 325, 328, 329, 330, 331, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 355.
- Чепинога Алексей, запорожский казак — 34.
- Череватый Феодосий, черноморский казак — 245.
- Черевко Иван, запорожский казак — 60.
- Черета Петро, черноморский казак — 164.
- Черепашенко Емельян — черноморский казак — 166.
- Черкасенко, черноморский казак — 330.
- Черненко Макар, сын черноморского старшины — 328.
- Черненко Федор, черноморский старшина — 202, 328.
- Черненко Федор, сын черноморского старшины — 328.
- Чернецкий Василий, капрал — 102.
- Чернецкий Кирилл, запорожский казак — 146.
- Чернобай Трофим, черноморский казак — 153.
- Черноглаз, черноморский казак Джерелевского куреня — 363, 364.
- Черный, запорожский казак — 37.
- Черный Алексей, запорожский старшина — 99.
- Черный Антон, бывший запорожский казак — 116.
- Черный Антон, бывший запорожский казак — 117.
- Черный Василь, черноморский казак — 154.
- Черный Г., запорожский старшина, полковник — 99.
- Черный И., запорожский, впоследствии черноморский казак — 147.
- Черный Иван, запорожский казак — 64.
- Черный Иван, запорожский старшина — 46.
- Черный Иосиф, черноморский казак — 129.
- Черный Никон, запорожский казак — 48, 49.
- Черный Семен, донской казак — 165.
- Черный Тарас, запорожский старшина, полковник — 98.
- Черный Юско, запорожский казак — 34.
- Чернышев А. И., военный министр — 288.
- Чернышев И., донской казак — 282.
- Чернышев И., черноморский старшина, полковник — 340, 341, 345.
- Чернышев Николай, черноморский казак — 254.
- Чернышевский Н. Г., русский революционер-демократ — 169.
- Чернявский Василий, черноморский старшина — 55.
- Чернявский Г., запорожский старшина — 106, 107.
- Чернявский Михаил, помещик — 185.
- Черняк Федор, бывший запорожский казак — 205.
- Чертков В. А., генерал — 103, 113, 121, 123, 197.
- Чика-Зарубин, атаман, активный участник крестьянского восстания 1773—1775 гг. — 104.
- Чистохвал, черноморский старшина, капитан — 365.
- Чистяков Илья, рекрут — 97.
- Чмель Тимофей, черноморский казак — 142, 165, 166.

- Чумак Кузьма, запорожский казак — 81.
- Чумаков, черноморский старшина — 184.
- Чумаченко Марко, запорожский, впоследствии черноморский казак — 153.
- Чуприна Гаврила, черноморский старшина — 318.
- Чупруненко Данила, запорожский, впоследствии черноморский казак — 146.
- Чухрай, запорожский казак Батуринского куреня — 89.
- Чучмай Г., советский историк — 295.
- Шакун Гаврила, запорожский, впоследствии черноморский казак — 115.
- Шам Иван, запорожский, впоследствии черноморский старшина — 115.
- Шамрай, историк — 183, 186, 191.
- Шамрай Дмитрий, запорожский казак — 89.
- Шандра Павло, запорожский казак — 60.
- Шарафатов Иван Алексеевич, черноморский старшина — 141.
- Шарафетов, помещик — 203.
- Шаровары, черноморский казак — 323, 330.
- Шахматов, помещик — 144.
- Шашай Борис, черноморский казак — 327.
- Швачка Никита, запорожский казак — 96.
- Швец, запорожский казак — 107.
- Швец (Шульга) Иван, запорожский казак — 70, 71.
- Швец Никита, запорожский казак — 89.
- Швец Степан — 50.
- Швец Трофим, бывший запорожский казак — 115.
- Швидкий Иван, запорожский старшина — 62.
- Швидкий Иван, бывший запорожский казак, работник — 115.
- Швидкий — 356.
- Шевченко Г., черноморский казак — 221.
- Шевченко Иван, черноморский казак — 255.
- Шевченко Т. Г., украинский поэт, революционер-демократ — 8, 32, 104, 184.
- Шевченко Хома, запорожский казак — 72.
- Шейкин, чиновник — 332.
- Шелест, черноморский старшина, поручик — 345.
- Шелест Дмитро, черноморский казак — 337.
- Шелько Тимофей, черноморский казак — 327.
- Шебляк Михаил, бывший запорожский казак — 118.
- Шенелев, черноморский старшина, прапорщик — 349.
- Шестопал Семен, черноморский казак — 154.
- Шигаев Максим, яцкий казак — 105.
- Шидловский Роман, помещик — 169.
- Шийка Каленик, черноморский казак — 267, 268.
- Шило, запорожский казак Батуринского куреня — 89.
- Широка Влас, запорожский казак — 81.
- Шыня Грицко, запорожский казак — 71.
- Шлепак Юрко, бывший запорожский казак — 116.
- Шмалько Осип, черноморский казак — 343, 344, 345, 349, 350.
- Шморгул Иван, запорожский казак — 57, 60.
- Шостак Степан, запорожский казак — 33.
- Шпенда Степан, черноморский казак — 281.
- Шпендицкий Федор, бывший запорожский казак — 119.
- Шпилевый, черноморский старшина — 184.
- Шрам Наум, черноморский старшина — 167.
- Штанко Данило, запорожский казак — 65.
- Штафунко Павло, запорожский казак — 60.
- Штерич, помещик, надворный советник — 176.
- Штим Алексей, запорожский казак — 78, 89.
- Штукенберг, ученый-статистик — 270, 273, 274.
- Шубин, мешанин — 332.
- Шуенко Корней, запорожский казак — 62.
- Шульга Влас, запорожский казак — 42, 43.
- Шульга Леонтий, черноморский казак — 281.
- Щепотник Никифор, бывший запорожский казак — 117, 118.
- Щербина Осип, черноморский казак — 294.
- Щербина Прокон, запорожский казак — 70.

- Щербина Семен, черноморский старшина — 345.
- Щербина Трофим, запорожский казак — 40.
- Щербина Ф. А., буржуазный историк — 12, 13, 14, 15, 76, 142, 143, 153, 168, 179, 185, 186, 187, 190, 201, 202, 214, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 235, 236, 272, 280, 293, 298, 317, 324, 368, 369, 370, 374.
- Щербина Федор, запорожский казак — 79.
- Щербина Яков, запорожский казак — 89.
- Щербина Яков, черноморский казак — 185.
- Щербиненко Федор, — запорожский казак — 79.
- Щербинин Е. А., генерал — 37, 64.
- Щур Андрей, черноморский казак — 330, 359.
- Щуровский Иван, черноморский старшина — 286.
- Эварницкий Д. И., буржуазный историк — 8, 19, 32, 45, 53, 61, 69, 76, 80, 88, 111, 113, 124.
- Эммануэль, генерал — 170, 300.
- Юзбаш Иван, черноморский старшина — 330, 331.
- Юрич Кристо, черноморский старшина — 141.
- Юрченко Афанасий, запорожский, впоследствии черноморский казак — 313.
- Юшка Савва, черноморский старшина — 337.
- Яблоня Иван, запорожский казак — 33.
- Яблоня Тимофей, мещанин — 33.
- Яблоня Тимофей, черноморский казак — 52.
- Языков, новороссийский губернатор — 112, 124, 126.
- Якименко, черноморский старшина, сотник — 271, 272, 274, 275.
- Яков, крепостной крестьянин — 189.
- Якубович Давид, торговец — 286.
- Яловой Яков, черноморский казак — 182.
- Янковский П. Г., помещик — 145.
- Яновский, черноморский старшина — 145.
- Яроцкий, кубанский казачий офицер, капитан — 272, 275, 276, 277, 278.
- Ярошенко Василий, крестьянин — 190.
- Яцек Яков, запорожский казак — 91.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абышево, село в Казанской губернии — 220.
- Аджидер, слобода — 160, 207.
- Азов, город — 93, 241.
- Азовская губерния — 123.
- Акмететский уезд, Екатеринославского наместничества — 177.
- Акмететь, город — 366.
- Александровский уезд, Новороссийской губернии — 210.
- Александровская крепость, Александровский посад в Новомосковском уезде, Екатеринославской губернии — 119, 209, 351.
- Александровский уезд, Новороссийской губернии — 120, 161, 162, 211.
- Алексеевка, слобода на Дону — 354.
- Алексопольский уезд, Екатеринославской губернии — 121, 144, 147, 148.
- Алешки, урочище в нижнем течении Днестра, вблизи Херсона — 189, 204.
- Америка — 189.
- Анапа, город — 183, 356.
- Англия — 22.
- Аргачин, урочище на Запорожье — 18.
- Астрахань, город — 338, 351, 367.
- Ахтарская коса (на Азовском море) — 279, 284.
- Ахтарское озеро (на Кубани) — 298.
- Ачужевская коса (на Азовском море) — 152, 256, 279, 287.
- Ачужевское озеро (на Кубани) — 298.
- Бабаявка, слобода на Запорожье — 36.
- Базавлуки, правый приток Днестра — 18, 23, 71, 116.
- Баку, город — 339, 351, 352.
- Балта, город — 121.
- Барабой, река между Бугом и Днестром — 237.
- Барвенковостепковский уезд (на Запорожье) — 38, 113.
- Басань, село в Киевской губернии — 129.
- Батайск, селение под Ростовом — 176.
- Батуринский курень, станица, селение на Кубани — 142, 156, 158, 162, 214, 241, 244, 245, 263, 281.
- Бахмут, местечко — 104.
- Бахмутский уезд, Новороссийской губернии — 176, 179.
- Бейсуг, река на Кубани — 240.
- Бейсугский лиман (на Кубани) — 284.
- Бейсугский округ (на Кубани) — 239, 244, 247, 249, 250, 251, 267, 270, 273, 301.
- Бейсугское гирло — 279.
- Бейсужек, река на Кубани — 239.
- Белгородский лиман (в низовьях Днестра) — 281.
- Белгородское озеро (в низовьях Днестра) — 285.
- Бельнякое, урочище на Запорожье — 89.
- Белое озеро (на Кубани) — 281.
- Белоруссия — 26.
- Бельское воеводство — 96.
- Беляевка, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160.
- Беокировка, река на Запорожье — 112.
- Берда, река — 198.
- Березанский курень, станица, селение на Кубани — 213, 214, 223, 241, 244, 251, 281, 327, 358, 365.
- Березань, остров у северного побережья Черного моря — 167.
- Берестово, село в Таврической губернии — 221.
- Берислав, селение — 116.

- Берки, село в Миргородском уезде — 165.
- Бессарабия — 200.
- Богатая, река на Запорожье — 56.
- Богуслав, местечко — 96.
- Богучарский уезд, Саратовской губернии — 178.
- Болдинский монастырь на Волге — 351.
- Большой Карасун, приток Кубани — 239.
- Борзенская сотня, Нежинского полка — 49.
- Браилов, город на Дунае — 107.
- Брацлавщина — 17, 97.
- Бриньковское селение (на Кубани) — 284, 380.
- Броварская волость, Черниговской губернии — 219.
- Брюховецкий курень, станица, селение на Кубани — 164, 175, 181, 213, 294, 336.
- Буг, река — 55, 95, 97, 115, 134, 141, 145, 147, 153, 162, 174, 185, 197, 198, 199, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 212, 225, 237, 238, 278, 315, 358.
- Бугаз, лиман — 273, 284.
- Бугазское озеро (на Кубани) — 298.
- Бугогардовская паланка (на Запорожье) — 63, 96.
- Бузовка, село в Екатеринославской губернии — 144.
- Буковина — 16.
- Валахия — 80.
- Валковское комиссарство, Харьковской губернии — 37.
- Вандея (тут в переносном смысле), область в северо-западной части Франции — 269.
- Варакутино, урочище на Кубани — 267.
- Варва, местечко в Прилуцком полку — 91.
- Варвинская сотня, Прилуцкого полка — 241.
- Васюринский курень, станица, селение на Кубани — 154, 156, 158, 166, 213, 299, 323, 351, 361, 362, 363.
- Ватикан — 17.
- Ведмедовское урочище, в Новомиргородском уезде — 122.
- Великий Бейсуг, река на Кубани — 241, 245, 263.
- Великий Кучугур, урочище на Запорожье — 46.
- Ведкий Лиман, устье р. Ю. Буга — 97.
- Великий Луг, Луг, район в Южной части Запорожья — 33, 40, 71, 119, 129, 355, 356.
- Великолуцкий уезд, Псковской губернии — 221.
- Великомарьинский кордон, укрепление на Кубани — 162.
- Великороссия (Россия) — 70, 142, 184, 220.
- Величковский курень, станица, селение на Кубани — 360, 362, 363.
- Водополье, слобода в Новомосковском уезде — 117.
- Водяная, урочище на Кубани — 245.
- Водяная, урочище в Таврической области — 209.
- Войсковая Скарбница, местность на Запорожье — 23.
- Волга, река — 9, 104, 105, 106, 108, 109, 148, 182, 339, 351.
- Вольнь (Западная, Восточная) — 16, 21, 23, 96.
- Вольная Сванетия — 340.
- Волчья, приток р. Самары — 94.
- Воронежская губерния — 178, 180.
- Воронежский кордон, укрепление на Кубани — 165, 240.
- Воронежское наместничество — 141.
- Воскресенск, город в Новороссийской губернии — 127.
- Вышестеблевский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159.
- Гаврилово, слобода в Екатеринославском уезде — 211.
- Гадяцкий полк — 33, 34, 35.
- Галиция — 16, 17, 21, 96.
- Гардоватое, урочище на Запорожье — 316.
- Георгиевск, слобода в Воронежской губернии — 357.
- Германия — 22.
- Гетманщина — 28, 45.
- Глинная, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 204, 207.
- Голая Каменка, местечко в Елизаветградской провинции — 104.
- Голенки, слобода в Екатеринославском уезде — 117.
- Голтва, местечко — 353.
- Гор, село — 105.
- Гордеева балка, урочище на Запорожье — 95.
- Гороховая Дубрава (на Запорожье) — 58.
- Грачево, слобода в Екатеринославском уезде — 121.
- Гривенское (оно же Гривенная), урочище и селение на Кубани — 164, 325.
- Грузия — 301, 339, 340.
- Грушевка, слобода в Екатеринославском уезде — 118, 147.

- Гупаловка, слобода в Алексопольском уезде — 148.
- Густый байрак, урочище на Запорожье — 97.
- Даниловка, слобода в Гадяцком полку — 33.
- Дебальцево, слобода в Екатеринославском наместничестве — 212.
- Дереберщина, слобода в Новомосковском уезде — 114.
- Деревяниковский курень, станица, селение на Кубани — 149, 156, 159, 164, 213, 244, 267.
- Джерелиевский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 244, 281, 337, 363, 364, 365, 366, 371.
- Джумайловая, урочище на Кубани — 257.
- Динской курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 363, 366.
- Днепр, река — 9, 18, 20, 21, 23, 24, 40, 53, 62, 82, 162, 196, 197, 358.
- Днепровский уезд, Гаврической области — 119.
- Днепропетровская область — 20.
- Днестр, река — 55, 129, 141, 145, 153, 197, 198, 199, 200, 202, 278, 315, 337.
- Долгая Коса (на Азовском море) — 279, 284, 329.
- Домонтово, местечко в Переяславском полку — 71.
- Дон (Донская область, Область войска Донского) — 52, 75, 93, 104, 105, 109, 165, 175, 176, 178.
- Дон, река — 9, 22, 109.
- Дубоссары, местечко в Тираспольском уезде — 144.
- Дунай, река — 106, 110, 143, 200.
- Дядьковский курень, станица, селение на Кубани — 180, 181, 213, 264, 282, 327.
- Европа — 7, 9, 17.
- Ейск, город — 191, 296, 312, 332, 374, 375.
- Ейская коса (на Азовском море) — 180, 279, 284, 374, 375.
- Ейский лиман — 197.
- Ейский округ (на Кубани) — 181, 191, 215, 220, 222, 243, 244, 247, 249, 250, 251, 270, 273, 275, 297, 300, 373.
- Ейское гирло — 279.
- Екатеринодар, (совр. Краснодар) — 49, 141, 151, 152, 153, 165, 175, 177, 181, 188, 189, 191, 192, 229, 239, 240, 247, 250, 251, 254, 256, 270, 295, 296, 299, 301, 311, 326, 338, 339, 340, 341, 342, 344, 346, 347, 348, 350, 352, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 370, 371.
- Екатеринославский (Екатеринославский) курень, станица, селение на Кубани — 181, 223.
- Екатериноградская станица (на Кубани) — 311.
- Екатеринодарский главный кордон, (Екатеринодарская крепость) на Кубани — 165, 327.
- Екатеринодарский округ — 184, 191, 215, 247, 249, 250, 251, 270, 273, 275, 297, 300, 375.
- Екатеринославская губерния — 127, 130, 135, 184, 185, 251, 301, 379.
- Екатеринославский уезд — 112, 113, 117, 118, 119, 120, 121, 147, 148, 177, 211.
- Екатеринославское наместничество — 114, 116, 117, 119, 120, 127, 134, 146, 149, 205, 212, 314, 353.
- Елацкая, река на Запорожье — 99.
- Елизаветградская провинция — 104.
- Елизаветградский уезд — 147, 148, 185.
- Елизаветинская, станица на Кубани — 221.
- Елизаветинский кордон, укрепление на Кубани — 162.
- Еникале, город и крепость в Крыму — 203, 272.
- Еникальский округ — 198, 199.
- Еникальский пролив — 282.
- Ея, река — 200, 284.
- Жаботин, местечко — 96.
- Желтые воды — 25, 26.
- Жиговица, город — 62.
- Задунайская Сечь (Сечь Задунайская) — 120, 134, 185, 199, 200, 202, 356, 357.
- Закарпатье — 16.
- Запорожье — 10, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 79, 80, 81, 82, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 115, 120, 121, 123, 124, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 142, 143, 148, 150, 153, 174, 178, 196, 198, 207, 208, 209, 210, 211, 224, 229, 237, 238, 241, 251, 258, 269, 271, 280, 290, 314, 316, 318, 319, 322, 335, 354, 368, 369.
- Збуревская сторона — 135.
- Зимовейская станица (на Дону) — 104, 109.

- Злодеевка, село в Миргородском полку — 34.
- Золотая коса (на Дону) — 313.
- Зушево, слобода в Тульской губернии — 142.
- Зуя, река в Екатеринославском наместничестве — 205.
- Ивановка, слобода в Харьковском уезде — 37.
- Ивановский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 162, 248, 281, 363, 364.
- Игнатовка, село в Прилуцком полку — 241.
- Измаил, город — 141, 167, 176.
- Изрядный источник (на Кубани) — 346.
- Изюм, город — 38.
- Изюмская провинция — 106.
- Ингул, река на Запорожье — 117, 119, 130, 335.
- Ингулец, река на Запорожье — 33, 316.
- Ингульская паланка (на Запорожье) — 29.
- Иргиз, левый приток Волги — 105.
- Иркася, местечко в Переяславском полку — 47.
- Иркалевский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 214, 241, 244, 360.
- Италия — 22.
- Кавказ, Кавказская область, Кавказское генерал-губернаторство — 12, 140, 168, 169, 170, 171, 172, 183, 195, 200, 201, 217, 235, 258, 277, 283, 291, 300, 301, 303, 309, 311, 312, 313, 340, 376, 377.
- Кавказская линия, система укреплений в Северной части Кавказа — 169, 301, 310, 379.
- Кагальник, река — 200.
- Казанская губерния — 220.
- Казанский редут, укрепление на Кубани — 346.
- Казачий лагерь, поселение под Херсоном, основанное в конце XVIII в. — 204.
- Калагеля, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
- Калантаевка, слобода на Запорожье — 36.
- Калаусы, урочище на Кубани — 262.
- Калец, приток Калмиуса — 241.
- Калитвенский уезд, Воронежского наместничества — 141.
- Калмиус, река на Запорожье — 41, 129.
- Калмиусская паланка (на Запорожье) — 29.
- Калиноболотский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 329, 367.
- Кама, река — 108.
- Каменка, правый приток Днепра — 30.
- Камышанский уезд, Саратовского наместничества — 121.
- Камышеванский полуостров (на Каспийском море) — 352.
- Камышевская (Камышевская) коса (на Азовском море) — 279, 284.
- Камышеватка, слобода в Екатеринославском уезде — 148.
- Камышин, город — 105.
- Камышная, местечко в Миргородском уезде — 140.
- Канев, город — 96, 175.
- Каневский курень, станица, селение на Кубани — 153, 156, 158, 165, 182, 213, 221, 244, 262, 264, 327.
- Каневское староство — 20.
- Карагач, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
- Каракубанский кордон, укрепление на Кубани — 164, 365.
- Карасун, приток Кубани — 326.
- Катериновский кордон, укрепление на Кубани — 163.
- Каховка (Тавань) — 18.
- Келеберда, местечко — 32.
- Керченский Кут, местность в восточной части Крыма — 197.
- Керчь, город — 272, 283, 291.
- Киев, город — 20, 33, 40, 49, 175.
- Киевская губерния — 129, 165, 175.
- Киевское наместничество — 146, 314.
- Киевщина — 17, 23, 24, 96.
- Кизляр, город — 311.
- Кинбурн, Кинбурнская сторона (в устье Днепра) — 198, 199.
- Кинбурнская паланка (учреждена во время поселения Черноморского войска между Бугом и Днестром) — 205, 207, 208.
- Кинчар, урочище в Крыму — 209.
- Кириловка, слобода на Запорожье — 67, 89.
- Кирпили, река на Кубани — 165, 200, 239, 241, 253, 254, 256.
- Кирпильский кордон, укрепление на Кубани — 164.
- Кисляковская балка, урочище на Запорожье — 95.
- Кисляковский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 180, 210, 330.
- Китный бугор (у северного побережья Каспийского моря) — 351.
- Кленники, урочище на Запорожье — 94.

- Климовская, слобода в Екатеринославском уезде — 147.
- Кобеляки, местечко — 32, 33.
- Кодак, селение на Запорожье, крепость — 24, 25, 107, 145, 147.
- Кодацкая паланка (на Запорожье) — 29, 70, 92.
- Кодацкий порог на Днепре — 24.
- Козловский уезд, Тамбовской губернии — 142.
- Койсуг, село в Екатеринославской губернии — 185.
- Конеловский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 210, 212, 213, 244.
- Конка, левый приток Днепра — 207.
- Константиновский кордон, укрепление на Кубани — 141, 336.
- Константиноградский уезд, Екатеринославского наместничества — 145.
- Копыла, крепость на Кубани — 273.
- Копыльский кордон, укрепление на Кубани — 180, 364.
- Кореновский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 213, 245, 264, 360.
- Короп, местечко в Нежинском полку — 71.
- Коротное, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
- Коротюки, слобода в Елизаветградском уезде — 148.
- Корсунь, город — 25, 26, 96.
- Корсунский курень, станица, селение на Кубани — 154, 156, 159, 165, 203, 205, 244, 363.
- Косатая Могила, урочище (на Кубани) — 248.
- Котовка, слобода на Запорожье — 36, 37.
- Кочети, река на Кубани — 239, 240, 261.
- Кочетинский кордон, укрепление на Кубани — 366.
- Красногорское гирло на Кубани — 279.
- Кременчуг, Кременчугская таможня на Запорожье — 3, 24, 32, 82, 129, 134.
- Кременчугский уезд — 129.
- Кривая Коса — 130.
- Криничеватая, слобода в Елизаветградском уезде — 147.
- Криничная, слобода в Изюмской провинции — 106.
- Крыловский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 167.
- Крым, Крымская область — 21, 22, 48, 52, 61, 62, 64, 65, 70, 76, 80, 81, 99, 131, 134, 202, 203.
- Крымское ханство — 197.
- Кубань, Кубанская область, Прикубанье — 11, 13, 14, 33, 49, 55, 81, 115, 139, 140, 142, 146, 150, 152, 153, 156, 157, 160, 162, 164, 166, 168, 169, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 191, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 212, 216, 218, 219, 222, 224, 229, 230, 231, 235, 237, 241, 242, 245, 251, 257, 262, 269, 271, 276, 277, 278, 280, 285, 286, 287, 288, 291, 293, 295, 299, 300, 309, 310, 314, 315, 319, 320, 322, 324, 325, 340, 353, 358, 374, 377, 380.
- Кубань, река — 197, 200, 209, 233, 239, 240, 264, 294, 310, 311, 312, 325, 364, 365, 376.
- Кубанский кордон, укрепление на Кубани — 160, 346.
- Курки, укрепление на Кубани — 153.
- Курчан, урочище на Кубани — 267.
- Курчанский лиман — 265.
- Кучурган, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207, 280.
- Кушевский курень, станица, селение на Кубани — 154, 156, 158, 214, 219, 244, 354.
- Лаба, левый приток Кубани — 157, 200.
- Лабинский редут (на Кубани) — 200.
- Лашев, урочище между Бугом и Днестром — 285.
- Лашевка, село в Кременчугском уезде — 129.
- Левобережная Украина, Левобережье — 24, 30, 32, 33, 37, 42, 51, 61, 62, 69, 70, 75, 76, 80, 81, 82, 88, 89, 95, 97, 115, 120, 121, 140, 148, 174, 199, 321, 322.
- Лемешевка, слобода в Прилуцком уезде — 313.
- Леушковский курень, станица, селение на Кубани — 214.
- Лисянка, местечко — 96.
- Литва — 16.
- Лозоватая, урочище в окрестностях крепости св. Елизаветы — 35.
- Лохвица, город на Полтавщине — 203.
- Лубенский полк — 34.
- Лубенский уезд — 121.
- Лубны, город — 24, 139.
- Лычково, слобода на Запорожье — 66.
- Львов, город — 17.
- Любарка, село на Украине — 254.
- Мазовецкая земля (Польша) — 26.
- Македония — 140.
- Малая Азия — 22.

- Малая Выска, слобода в Новомиргородском уезде, Екатеринославского наместничества — 145.
 Малая Россия, Малороссия — 5, 6, 9, 50, 51, 62, 63, 140, 149, 218, 220.
 Малеванная, река на Кубани — 245.
 Малка, приток Терека — 311.
 Малые Кирпили, река на Кубани — 239.
 Малый Карасун, приток Кубани — 239.
 Маныч, левый приток Дона — 200.
 Мариуполь, город — 129, 272, 283, 291.
 Марьинский кордон, укрепление на Кубани — 162.
 Марьинский курень, станица, селение на Кубани — 327.
 Матронинский монастырь, в окрестностях Чигирина — 94, 95.
 Маячки, слобода в Алексопольском уезде — 148.
 Медведева дача, урочище на Запорожье — 117.
 Медведовский курень, станица, селение на Кубани — 190, 267.
 Межгорский монастырь (под Киевом) — 72.
 Мечебловка, слобода на Запорожье — 3, 38.
 Мигий, слобода Новомосковского уезда — 147.
 Минский курень, станица, селение на Кубани — 212, 213, 244.
 Миргородский полк — 33, 34.
 Миргородский уезд — 140, 165, 209.
 Михайловка, слобода в Екатеринославском уезде — 113.
 Могила, урочище на Днестре — 337.
 Могилев, село в Екатеринославской губернии — 221.
 Могилев, слобода на Запорожье — 67, 89, 141.
 Моздок, город — 311.
 Мокрая, река на Запорожье — 50.
 Мокрый Еланчик, река — 180.
 Молдавия — 16, 80.
 Молочные воды, река на Запорожье — 208.
 Москва — 24, 135.
 Московка, левый приток Днепра — 40, 129.
 Мошны, местечко — 96.
 Мышастовский курень, станица, селение на Кубани — 153, 159, 364.
 Надобская, станица на Дону — 175.
 Наталино, урочище между Бугом и Днестром — 286.
 Невинномысская, станица на Кубани — 311.
 Недреманный редут, укрепление на Кубани — 200.
 Незамаевский курень, станица, селение на Кубани — 156, 158, 164, 166, 181, 299, 325, 326, 353.
 Ненасытец, урочище на Запорожье — 114.
 Нефороцанский монастырь (на Запорожье) — 75.
 Нижестеблевский курень, станица, селение — 156, 159, 322.
 Нижняя Терса, река — 112.
 Низ, местность, прилегающая к нижнему течению Днепра — 79.
 Николаев, город — 127, 131.
 Николаевка, село в окрестностях Белгорода-Днестровского — 281.
 Николаевка, село в Екатеринославской губернии — 177, 212.
 Николаевка, село в Саратовском наместничестве — 121.
 Никополь, город — 208.
 Никопольский район, Днепропетровской области — 20.
 Новобогородицкая крепость (на Запорожье) — 94.
 Новогригорьевский кордон, укрепление на Кубани — 365.
 Новодонецкий уезд, Екатеринославского наместничества — 146.
 Новокатериновский кордон, укрепление на Кубани — 162.
 Новоминская станица, курень, селение на Кубани — 222.
 Новомиргородский уезд, Екатеринославского наместничества — 117, 122, 145.
 Новомосковский уезд, Екатеринославской губернии — 114, 117, 147, 209, 211, 212, 221, 251.
 Новомышастовский курень, станица, селение на Кубани — 248, 327.
 Новонижестеблевский курень, станица, селение на Кубани — 287.
 Новороссия, Новороссийская губерния, Новороссийский край — 36, 122, 123, 126, 127, 128, 134, 135, 162, 175, 176, 177, 179, 218.
 Новоселица, слобода на Запорожье — 34, 37, 40, 87.
 Новосеченский ретраншемент, укрепление на Запорожье — 38, 39, 100, 101, 102, 346.
 Новосильский уезд, Тульской губернии — 142.
 Овечий брод, на Кубани — 200.
 Одесса, город — 131, 177, 199, 283, 291, 358.
 Одесский уезд, Херсонской губернии — 221.

- Одношвенное, урочище на Запорожье — 119.
- Ольвинопольский уезд, Екатеринославской губернии — 185.
- Ольгинский кордон, укрепление на Кубани — 364.
- Ольховец, село в Орловской губернии — 140.
- Орель, левый приток Днепра — 58.
- Орельская паланка (на Запорожье) — 29, 36, 66, 92.
- Ореховатая балка, урочище на Запорожье — 209.
- Ореховский уезд, Таврической губернии — 221.
- Орловская губерния — 140, 175.
- Орчик, слобода в Полтавском полку — 36.
- Остерский уезд, Киевской, позднее Черниговской губернии — 129, 219.
- Отарак, урочище между Бугом и Днестром — 285.
- Отрадное, хутор и урочище в Ставропольской губернии — 258, 261, 264.
- Очаков, город и крепость — 91, 121, 140, 141, 335.
- Очаковская область — 128, 134, 145, 203.
- Очаковский лиман — 281.
- Очеретоватая, река на Запорожье — 126.
- Павловский кордон, укрепление на Кубани — 165, 352.
- Павловский уезд, Воронежской губернии — 178.
- Пашковский курень, станица, селение на Кубани — 213, 219, 220, 221.
- Перволоченское, урочище на Запорожье — 82.
- Перволоченская сотня, Прилуцкого полка — 33.
- Перекоп — 65, 197.
- Перекопская линия — 198.
- Перекопский уезд, Таврической губернии — 330.
- Переяславский курень, станица, селение на Кубани — 152, 153, 156, 159, 213, 244, 313, 321.
- Переяславский полк — 71.
- Переяславский уезд, Киевского наместничества — 146.
- Персия — 157, 356.
- Петербург, Санкт-Петербург — 31, 67, 133, 135, 199, 200, 229, 260, 262, 316, 348, 350, 355, 357, 359, 362, 366, 368, 370, 371.
- Петриковка, слобода в Новомосковском уезде — 129.
- Петровка, слобода на Запорожье — 66, 67, 89, 129, 162.
- Петровская, казенная слобода в Воронежской губернии — 180.
- Петровская, крепость у северной границы Запорожья — 106.
- Пирятинский уезд — 162.
- Писаренка, слобода в Богучарском уезде — 178.
- Пластуновский курень, станица, селение на Кубани — 213, 363.
- Платнировский курень, станица, селение на Кубани — 213, 252, 296, 326.
- Плоское, село в Черниговской губернии — 219.
- Поволжье — 86, 93.
- Подгородное, предместье г. Екатеринодара — 165, 181.
- Подмогиальный кордон, укрепление на Кубани — 161.
- Подмосковье — 86.
- Поднестровье — 16.
- Поднестрянская паланка (образована при поселении Черноморского войска между Бугом и Днестром) — 155.
- Подолья — 16, 17, 21, 23, 96.
- Подпольная, правый приток Днепра — 102.
- Покровская, слобода на Запорожье — 106, 117.
- Покровское, село в Новороссийской губернии — 127.
- Половетщина, слобода на Запорожье, на месте Новой Сечи — 67, 89.
- Половица, урочище на Запорожье — 112.
- Полтава, город — 24, 185.
- Полтавская губерния — 128, 190, 218, 220.
- Полтавский полк — 33, 354.
- Полтавский курень, станица, селение на Кубани — 152, 154, 156, 159, 178, 327, 361, 363, 364, 365, 366, 371.
- Полтавский уезд — 354.
- Польша — 9, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 26, 50, 79, 80, 93, 94, 95, 96, 97, 127, 135, 141, 149, 152.
- Понура, река на Кубани — 240, 258, 365.
- Попурский хутор (на Кубани) — 260.
- Поповичевский курень, селение, станица на Кубани — 144, 156, 158.
- Поповка, село в Хорольском уезде, Киевского наместничества — 50.
- Прохорова, село в Черниговской губернии — 174.
- Прочиновопское, укрепление на Кубани — 311.

- Потемкинская (бывшая Зимовейская, ныне Пугачевская), станица на Дону — 109.
- Правобережная Украина, Правобережье, Правое Поднепровье — 16, 27, 32, 33, 35, 40, 49, 63, 70, 76, 79, 80, 94, 95, 96, 97, 98, 148, 174, 175, 199, 204.
- Приазовье — 149.
- Прилуки, местечко на Левобережной Украине — 71.
- Прилуцкий полк — 33, 71, 91, 241.
- Прилуцкий уезд — 313.
- Прогноинская паланка — 29, 98.
- Продановка, слобода на Запорожье — 67, 89.
- Пронский уезд, Рязанской губернии — 166.
- Протовча, река на Запорожье — 30.
- Протовчанская паланка (на Запорожье) — 29, 66, 67, 89, 92.
- Протока, рукав Кубани — 279, 287.
- Пругник, урочище на Запорожье — 119.
- Пруссия — 62.
- Псковская губерния — 221.
- Пшононое, урочище между Бугом и Днестром — 280.
- Пятигорск, местечко на Правобережной Украине — 33.
- Роговской курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 162, 281, 299, 327, 336, 362, 363.
- Романовка, село в Староковалевской сотне — 36, 37.
- Романовское, слобода в Екатеринославском уезде — 119.
- Ромны, город в Лубенском полку — 46, 51.
- Российское государство, Русское государство — 24, 27.
- Россия — 3, 5, 7, 12, 15, 16, 18, 24, 25, 26, 27, 51, 93, 94, 96, 104, 106, 128, 131, 136, 140, 149, 168, 186, 187, 190, 197, 233, 259, 269, 278, 294, 298, 302, 309, 310, 311, 312, 313, 334, 339, 371.
- Росоша, слобода в Воронежском наместничестве — 141.
- Росошки, село на Уманщине — 96.
- Ростов, город — 272, 283, 291, 312.
- Ростовский уезд, Екатеринославской губернии — 185.
- Русская улица, во Львове — 17.
- Рыбальчья, слобода в Екатеринославском наместничестве — 146.
- Рязанская губерния — 166.
- Сальяны, урочище на южном берегу Каспийского моря — 352.
- Самара, левый приток Днепра — 41, 113, 119.
- Самара, Старая Самара, слобода на Запорожье — 108, 113.
- Самарская паланка (на Запорожье) — 29, 65, 66, 74, 87, 92.
- Самарский монастырь, Самарский Пустынно-Николаевский монастырь на Запорожье — 72, 73, 75, 87.
- Самоткань, правый приток Днепра — 129.
- Сара, остров в южной части Каспийского моря — 339, 352.
- Саратовская губерния — 178.
- Саратовское наместничество — 121.
- Сасычка, урочище между Бугом и Днестром — 237.
- Сванетия — 340.
- Святого Дмитрия крепость (на месте современного Ростова-на-Дону) — 176.
- Святой Елизаветы крепость (на месте современного Кировограда) — 35, 62.
- Седневка, слобода в Екатеринославском наместничестве — 122.
- Сенная, селение на Кубани — 165.
- Сенча, местечко на Полтавщине — 140.
- Сергеев, город в Молдавии — 141.
- Сергиевский курень, станица, селение на Кубани — 153, 156, 158, 213, 339, 360, 361, 362.
- Серединобалковская, почтовая станция на Кубани в XIX в. — 332.
- Сечь Запорожская, Запорожская Сечь, Новая Сечь, Старая Сечь — 3, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 19, 20, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 33, 34, 42, 44, 45, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 76, 81, 82, 86, 87, 90, 92, 93, 94, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 145, 147, 151, 174, 186, 196, 197, 214, 225, 241, 257, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 353, 354, 368, 369.
- Сибирь — 97, 171, 368.
- Славянка, слобода на Запорожье — 106.
- Славяносербский уезд, Екатеринославской губернии — 184.
- Славянский кордон, укрепление на Кубани — 166.
- Славянский уезд, Екатеринославского наместничества — 149.
- Сладкобаевская падина (на Кубани) — 333.

- Сладкие Лиманы, в устье р. Челбасы — 241.
- Слободзея, слобода на левом берегу Днестра — 144, 153, 160, 189, 204.
- Слободская Украина, Слободско-Украинская губерния, Слобожанщина — 37, 89, 190.
- Смела, местечко на Правобережной Украине — 96.
- Сорочинцы, местечко в Миргородском полку — 69.
- Софиевка, слобода в Бахмутском уезде — 179.
- Среблянская сотня, Прилуцкого полка — 71.
- Средние Пологи, слобода в Переяславском уезде — 146.
- Ставрополь, город — 200, 272, 300, 357.
- Ставропольская губерния — 276, 277.
- Ставропольская область — 201.
- Стадное, урочище у Тилигульского лимана — 237.
- Станиславов, местечко на берегу Днепровского лимана — 79, 140.
- Старовеличковский курень, станица, селение на Кубани — 261, 264.
- Стародеревянковский курень, станица, селение на Кубани — 264.
- Стародуб, местечко на Левобережной Украине — 41.
- Староредутский Кордон, укрепление на Кубани — 164.
- Старо-Самарский ретраншемент, укрепление на Запорожье — 65.
- Старый, хутор на Кубани — 193.
- Старый Кодак, слобода на Запорожье — 71.
- Стеблевский курень, станица, селение на Кубани — 363.
- Столбцы, село в Рязанской губернии — 166.
- Сугаклея, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
- Сулицко-Лиманская, слобода на Запорожье — 145.
- Сумской уезд — 190.
- Сура, правый приток Днепра — 40, 49, 89.
- Сурож, город в Крыму — 299.
- Тавань (Жаховка) — 18, 20.
- Таврида (Крым) — 144.
- Таврическая губерния, область — 79, 119, 137, 138, 176, 209, 210, 212, 221, 294, 314, 330.
- Таганрог, город — 272.
- Тальзинская (Тальшинская) дорога на Кубани — 239.
- Тальшинские горы — 339.
- Таманская гавань — 358.
- Таманский округ — 191, 215, 220, 231, 232, 247, 248, 249, 250, 251, 253, 270, 273, 275, 297, 300.
- Тамань, город — 300, 312.
- Тамань, Таманский полуостров — 162, 176, 184, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 239, 240, 288, 331, 340.
- Тамбовская губерния — 142.
- Тарасовский пост, укрепление на Запорожье — 65.
- Темрюк, город — 300, 312, 313, 377.
- Темрюк, лиман — 273.
- Темрюцкая коса, на Азовском море — 284.
- Терек, область — 75, 311.
- Терновка, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
- Тилигул, Тилигульский лиман — 92, 237, 280, 282.
- Тимофеевка, слобода в Мариупольском уезде — 209.
- Тимошевский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 213, 244, 327, 360, 363.
- Титаревский курень, селение, станица на Кубани — 167, 281, 337.
- Тифлис, город — 189.
- Толокна, село на Правобережной Украине — 175.
- Томаковка, остров на Днепре (он же, Буцкий, Городище, Днепровский) — 18, 20, 21, 23.
- Троицкая, слобода в Екатеринославской губернии — 177.
- Троицкое, урочище на Запорожье — 32.
- Тула, город — 86.
- Тульская губерния — 142.
- Турбан, село в Полтавской губернии — 128.
- Турция — 19, 21, 22, 52, 131, 134, 311.
- Украина — 5, 7, 9, 11, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 70, 93, 96, 97, 104, 105, 122, 128, 129, 139, 143, 144, 164, 174, 182, 184, 196, 207, 218, 219, 220, 254.
- Украинская линия, система оборонительных укреплений в степной Украине — 106.
- Уманский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 181, 244, 282.
- Уманщина — 96.
- Умань, город — 63, 96.
- Усть-Лабинская, крепость на Кубани — 201, 311, 312, 338, 346, 367, 368.
- Фанагория (подразумевается Таманский полуостров) — 139, 239.
- Фанагория, остров — 200.

- Фракия — 22.
 Франция — 22.
- Харьков, город — 40, 106, 133.
 Харьковская губерния — 220.
 Харьковское наместничество — 314.
 Херсон, город — 131, 134, 140, 162, 335.
 Херсонская губерния — 221.
 Херсонский уезд, Екатеринославского наместничества — 37, 79, 116, 119, 139, 177, 185, 316.
 Холодный Яр, урочище в окрестностях Чигирина — 94.
 Хомутицкое урочище, на реке Кагарлык — 200.
 Хорол, город — 24, 129.
 Хорольский уезд, Полтавской губернии — 190.
 Хорошее, село в Лубенском полку — 95.
 Хортица, остров на Днестре — 19, 20.
 Хортицкий замок — 19, 20.
 Хотин, город — 51.
- Царигол, урочище на Кубани — 237.
 Царичанка, местечко в Алексопольском уезде, Екатеринославской губернии — 48, 61.
 Цеглинка, слобода на Запорожье — 67, 89.
- Чаплинка, село в Екатеринославском наместничестве — 251.
 Чебоксарский уезд, Казанской губернии — 220.
 Чеборча, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.
 Чебургольское гирло (на Кубани) — 279.
 Челбасский хутор (на Кубани) — 260, 261.
 Челбасское гирло — 279.
 Челбассы, река на Кубани — 193, 241, 258, 266.
 Черкасск, город на Дону — 149, 272, 300, 313.
 Черкасское старство — 20.
 Черкассы, город — 18, 96.
 Черненко, урочище в Крыму — 330.
 Чернечая, слобода на Запорожье — 73.
 Черниговская губерния — 174, 185, 218, 219, 220.
 Черниговское наместничество — 314.
 Черное море — 109, 136, 183, 184, 239, 279, 288, 289.
- Черноморья — 52, 118, 142, 146, 151, 165, 166, 178, 179, 180, 183, 184, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 197, 215, 216, 218, 220, 221, 225, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 246, 250, 251, 259, 260, 261, 265, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 279, 281, 283, 291, 293, 294, 295, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 309, 310, 312, 313, 314, 320, 329, 346, 350, 354, 356, 357, 359, 366, 368, 369, 371, 374, 376, 377, 380.
- Черноморская кордонная линия, система укреплений вдоль правого берега р. Кубани, построенная в конце XVIII в. — 11.
 Чертомлык, правый приток Днестра — 23, 145.
 Черный Ерик, река на Кубани — 248, 282.
 Черный Ерик, урочище на Кубани — 279.
 Черный Яр, поселение на Волге — 106.
 Чечелёвка, село в Новороссийской губернии — 162, 210.
 Чигирин, город — 94.
- Шахово, слобода Тамбовской губернии — 142.
 Швеция — 135.
 Шкуринский курень, станица, селение на Кубани — 140, 156, 159, 244, 245.
 Шульговка, слобода на Запорожье — 67, 89.
- Щербиновский курень, станица, селение на Кубани — 156, 159, 161, 213, 214, 244, 252, 330.
 Щуровка, урочище на Запорожье — 118.
- Яик, область — 75, 93, 104, 107, 109, 357.
 Яик (Урал), река — 109.
 Яновцы, местечко — 50.
 Ярошовка, село в Среблянской сотне, Прилуцкого полка — 71.
 Ясени, река на Кубани — 240.
 Ясенская коса (на Кубани) — 279, 284.
 Ясенское гирло (на Кубани) — 282.
 Ясенское озеро (на Кубани) — 298.
 Яска, слобода между Бугом и Днестром — 153, 160, 207.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5

Глава I

Социально-экономическое развитие Запорожья во второй половине XVIII в.

1. Запорожская Сечь до воссоединения Украины с Россией	16
Возникновение украинского казачества. Борьба феодалов с казачеством. Образование Запорожской Сечи. Запорожская Сечь — центр борьбы украинского казачества против феодально-крепостнического и национального гнета.	
2. Запорожское казачество в период Новой Сечи	28
Административное устройство Запорожья. Казачья старшина. Бегство на Запорожье. Отношение запорожских властей и отдельных групп казачества к беглым. Положение беглых на Запорожье. Вступление в казаки. Сечевой гарнизон и несечевое казачество. Численность запорожского населения в период Новой Сечи.	
3. Земледелие и скотоводство	55
Запорожский зимовник как хозяйственная организация. Количество зимовников. Старшинские и казачьи зимовники. Население запорожских слобод: казаки, посполитые и подсуседки. Связь зимовничанского и слободского хозяйства с рынком. Наемный труд в зимовничанском и слободском хозяйстве. Молодик как социальная категория. Крестьяне Самарского Пустынно-Николаевского монастыря на Запорожье.	
4. Запорожские промыслы. Ремесло и торговля	76
Рыболовство. Организация рыболовецкого промысла. Наемный труд в рыболовстве. Чумачество. Организация чумацкого промысла. Наемный труд в чумацком промысле. Ремесло и торговля. Наемный труд в ремесле и торговом деле.	
5. Социальное положение запорожской серомы в период Новой Сечи	86
Запорожская старшина. Богатое и среднее казачество. Казачья серома. Положение наймита на Запорожье. Оплата «с найму» и «без найму». Отбывание казаками-наймитами воинской службы вместо хозяев.	
6. Участие запорожских низов в антифеодальной борьбе украинского и русского крестьянства в	

XVIII в. Разрушение Сечи и упразднение Запорожского войска

Запорожская серома в восстании 1707—1708 гг. под руководством К. Булавина. Участие запорожцев в Коливищине. Запорожское казачество во время крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. Подавление восстания 1773—1775 гг. Разрушение Сечи и упразднение Запорожского казачьего войска.

93

Глава II

Образование Черноморского казачьего войска

1. Положение запорожского казачества после разрушения Сечи 111
Отношение правительственных властей к запорожской старшине и рядовому казачеству. Казачье хозяйство после разрушения Сечи. Применение наемного труда. Закрепощение русскими и украинскими помещиками бывших запорожцев. Положение запорожской серомы после разрушения Сечи. Принудительное переселение казаков из зимовников в слободы. Замечания об административном устройстве Запорожья после 1775 г.
2. Организация Войска верных казаков 132
Проект запорожского старшины А. Головатого о реорганизации Запорожского казачьего войска. Привлечение правительством на военную службу бывших запорожцев. Начало русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и решение правительства об образовании из бывших запорожцев Войска верных казаков. Переименование Войска верных казаков в Черноморское казачье войско.
3. Принципы комплектования нового казачьего войска 136
Вступление в войско бывших запорожцев. Посылка бывшими запорожскими старшинами и казаками наемников в войско. Приписка к войску дворян, левобережных казаков, купцов, однодворцев и др.
4. Социальный состав казачества 147
Вступление в войско запорожской старшины, богатого и среднего запорожского казачества. Противодействие помещиков вступлению бывших запорожцев в Черноморское казачье войско. Имущественное положение казаков, вступающих в Черноморское войско.
5. Порядок отбывания воинской службы в Черноморском казачьем войске в 80-х годах XVIII—30-х годах XIX вв. 150
Порядок отбывания службы неимущими и малоимущими черноморцами. Черноморский курень. Биографические данные о черноморцах — бывших запорожцах. Казаки-наемники в войске. Положение наемников на основе статистических данных за 80—90-е годы XVIII в. Кордонная служба на Кубани. Наем на кордоне. Положение наемников на кордоне. Наем во флотилии. Социальное положение казачьей пехоты — пластунов. Роль пластунов на кордоне. Откуп от военной службы во втором и третьем десятилетиях XIX в. Положение неимущего казачества в 30-х годах XIX в.

Глава III

Беглые и крепостные в Черноморском казачьем войске

1. Беглые 174
Бегство крестьянства в «Черноморскую Сечь». Переписка высших властей с черноморской администрацией по вопросу о беглых. Размеры бегства. Положение беглых в Черноморском войске. Приписка к куреню. Биографические данные о беглых. Из истории законодательства о беглых.

Постановка вопроса о крепостном праве в Черномории в буржуазной историографии. Крепостники. «Черноморская Салтычиха». Крепостное право в Черномории в законодательстве XIX в. Удельный вес крепостных в общей массе населения Черномории. Дрбанты в Черноморском войске и их положение.

Глава IV

Социальная характеристика казачьего хозяйства в Черномории

1. Вопрос об отводе земель Черноморскому казачьему войску 196

Первые проекты поселения. Притязания бывших запорожских верхов на земли. Депутация А. Головатого в Петербург. Предоставление Черноморскому войску территории на Кубани. Межевание войсковой территории.
2. Переселение Черноморского казачьего войска из-за Буга на Кубань 201

Отношение разных социальных групп казачества к переселению. Попытки местных помещиков закрепить казаков и их сделки с казачьей администрацией. Случай отказа от переселения со стороны богатых казаков. Статистические данные о переселенцах.
3. Социальная дифференциация черноморского казачества 206

Статистические данные за 90-е годы XVIII в. о применении наемного труда в старшинском и казачьем хозяйстве. Социальный состав черноморского куреня в начале XIX в. Статистические данные о курене. Положение черноморской серомы в начале XIX в. Положение трудового казачества в 20—30-х годах XIX в. Переселения с Украины на Кубань. Краткие замечания о социальной дифференциации казачества в 50-х годах XIX в.
4. К вопросу о землевладении и землепользовании 222

«Порядок общей пользы» о формах землевладения. И. Понка и Ф. Щербина о казачьей общине и землевладении. Социальная характеристика казачьей общины. Казачье землевладение в законодательстве 40—60-х годов XIX в. Современники о казачьей общине в пореформенный период.
5. Черноморский хутор 237

Общее представление о характере казачьего хозяйства за Бугом. Займка на Кубани в 90-х годах XVIII в. Захват войсковых земель старшиной и богатым казачеством. Основание хуторов. Борьба войсковой администрации с казачьими хуторами. «Чистка» хуторов в 30-х годах XIX в. Статистические данные о хуторах. Борьба между хуторянами из-за земельных угодий. Укрывательство беглых на хуторах. Хутора «малозначительные» и «знатного обзаведения». Абсолютное и относительное число хуторов в конце 30-х годов XIX в. Социально-экономическая характеристика хутора. Крупное дворянское хозяйство на Кубани.
6. Скотоводство и земледелие 269

Место скотоводства и коневодства в экономике края. Применение наемного труда. Земледелие. Применение наемного труда в земледелии. Проект капитана Яроцкого о механизации сельского хозяйства на Кубани в начале 60-х годов XIX в.
7. Рыболовство 278

Рыболовство за Бугом. Характеристика крупного рыболовецкого предприятия. Забродчики. Односумы. Стоимость рыболовецкого «завода» в 90-х годах XVIII в. Рыболовецкое предприятие в первой половине XIX в. Статистические данные о черноморском рыболовстве. Мелкое рыболовство. Правила о рыболовстве в Черномории. Положение рабочих на рыбных промыслах.

8. Промышленность и торговля 295
 Промышленность в Черномории. Статистические данные о промышленности и ремесле. Добыча соли. Буржуазные историки о торговле в Черномории. Торговцы-казаки и старшины. Статистические данные о торговле в 30—40-х годах XIX в. Черноморские ярмарки. О связи казачьего хозяйства с рынком. О торговле казаков с горцами. Состояние путей сообщения в Черномории.

Глава V

Черноморская администрация

1. Об административном устройстве и повинностях черноморского казачества 315
 Назначение правительственными властями первых кошевых атаманов. Буржуазные историки о войсковой раде, замещении должностей в войске и т. д. Порядок выдвижения кандидатов на старшинские должности в начальный период существования войска. Замещение должностей после переселения войска на Кубань. О компетенции «Войскового правительства». Местное управление на основе «Порядка общей пользы». Выборность старшины как сословная дворянская привилегия. Выборность куренных (сельских) атаманов, их социальная принадлежность. Роль куренных атаманов. Повинности и внутренняя служба казаков. Уклонение богатых казаков от выполнения повинностей. Наемники на внутренней службе. Откуп повинностей.
2. Нравы черноморской старшины 328
 Злоупотребления старшины. Спекуляция старшин войсковыми угодьями и т. д.

Глава VI

Классовая борьба в среде Черноморского казачества

1. Волнения казаков во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. 334
 Притеснения казаков старшинами. Попытка казаков устранить старшин от должностей. Волнения в полках Белого и Порохни.
2. Волнения 1797—1799 гг. 338
 Участие двух пехотных полков в персидском походе 1796—1797 гг. Тяжелое положение казаков в походе. Бегство из полков летом и осенью 1796 г. Окончание войны и возвращение черноморцев в Екатеринодар. Встреча их 22 июля и начало волнений. Попытка войскового правительства изгнать недовольных из города. Арест предводителей и освобождение их казаками. Допросы казаков. Восстание 6 августа 1797 г. Лагерь восставших под Екатеринодаром. Оставление лагеря и возвращение казаков в курени. События 11 августа: переизбрание куренных атаманов и войсковых старшин. Избрание депутации в Петербург и ее арест. Краткий итог событий 6—11 августа. Требования восставших. Социальный состав повстанцев. Сочувствие восставшим со стороны трудового «домовного» казачества. Положение «домовного» казачества в свете прошения казаков Волги и Заколотенко.
 Волнения казаков в 1798—1799 гг. Серома в Екатеринодаре — ядро движения. Состав городских казаков. Прокламации серомах и горожан. Попытки объединить трудовое казачество на почве подачи петиций. Распространение прокламаций-писем. Отзвуки волнений в куренных селениях. «Благомыслящие» и «неблагомыслящие» казаки. Волнения в селениях Полтавском и Джерелиевском в мае 1799 г.

Поведение арестованных казаков в тюрьме и на суде. Приговор суда. Краткие выводы.

3. О классовой борьбе в среде черноморского казачества в XIX в. 372

Нападения казачьей бедноты на хозяйства старшины и богатых казаков. Волнения беглых в г. Ейске в 1848 г. Положение рабочих на рыболовных промыслах Посполитки. Волнения забродчиков на промыслах Посполитки в 1849 г. Краткие выводы о классовой борьбе в Черномории в дореформенный период.

Именной указатель 381

Географический указатель 401

